ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ДРУЖИНИНА ИНГА АЛЕКСАНДРОВНА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII–XVIII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ

Исторические науки 07.00.06 – археология

Том 1

Научный руководитель
д.и.н., проф. Г.Е. Афанасьев

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

МОСКВА
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I

Введение		3
Глава I	Археологическое изучение курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, Северо-Западного Кавказа и районов Центрального Предкавказья XIII–XVIII вв.	18
Глава II	Изучение погребального обряда адыгов эпохи средневековья – нового времени	51
Глава III	Общая характеристика погребальных памятников второй половины XIII–XVIII вв.	145
Глава IV	Характеристика погребального инвентаря (XIII–XVIII вв.)	189
Глава V	Локальные варианты погребального обряда населения Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа второй половины XIII – XV вв.	256
	5.1. Северо-Восточное Причерноморье	256
	5.2. Западное Закубанье	293
	5.3. Восточное Закубанье	306
Глава VI	Локальные варианты погребального обряда адыгов второй половины XV–XVIII вв.	321
	6.1. Северо-Восточное Причерноморье	321
	6.2. Западное Закубанье	325
	6.3. Восточное Закубанье	334
	6.4. Верховья Кубани и Зеленчука	336
	6.5. Пятигорье	345
	6.6. Междуречье Малки и Уруха	366
	6.7. Междуречье Уруха и Фортанги	388
Заключение	Эволюция религиозных представлений адыгов по данным погребального обряда	401
Архивные источники		410
Список сокращений		419
Источники и литература		420

Том II

Приложение 1	Археологичекские источники: каталог погребальных памятников XIII–XVIII вв.	3
Приложение 2	Иллюстрации	41

ВВЕДЕНИЕ

Изучение средневекового периода истории народов адыгской этнической общности – адыгов, шапсугов, черкесов, кабардинцев, несмотря на обилие посвященных этой тематике монографических трудов и статей, пока не увенчалось созданием стройной концепции, основанной на объективном и всеохватном анализе находящихся в распоряжении исследователей источников. Одним из главных препятствий, возникающих на этом пути, является отсутствие письменной традиции у адыгов вплоть до XIX в., в связи с чем все исторические документы, на которые опираются научные исследования этно- и культурогенеза адыгов, принадлежат перу западноевропейских, восточных и русских авторов. Круг этих источников расширялся от века к веку, но даже для XVI столетия сведения об адыгах единичны, а в источниках более раннего времени они не упоминаются вовсе. Поэтому ключевая роль в изучении средневекового периода истории адыгских народов принадлежит археологии.

На сегодняшний день на Северо-Западном Кавказе исследовано около полутора десятка поселений XIII–XIV вв., при этом совершенно не разработана поселенческая археология того периода, когда этноним *адыги* четко фиксируются в письменных источниках – ни для Северо-Западного Кавказа ни для районов Центрального Предкавказья.

Иная ситуация наблюдается в области археологического изучения погребальных памятников XIII–XVIII вв., распространенных на значительной территории, освоенной адыгскими племенами в эпоху средневековья, век от века продвигавшихся с территории Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья на восток, вплоть до междуречья Сунжи и Фортанги. Накоплен внушительный массив материала: полностью или частично раскопано более 270 курганных могильников, насчитывающих более 2300 погребений, значительная доля которых может быть связана с погребальными памятниками адыгских племен и субэтносов.

Рассмотрению именно этого круга источников и посвящена данная работа.

§1. Общая характеристика работы.

Актуальность исследования. Изучение погребального обряда адыгов по материалам археологических памятников закономерно является одной из приоритетных тем северокавказской медиевистики. Можно назвать несколько десятков работ, посвященных отдельным вопросам этой обширной проблематики, среди которых наибольшее значение имеют обобщающие исследования В.П. Левашевой (1953. С. 164-213), О.В. Милорадович (1954. С. 343-356), Е.П. Алексеевой (1959), Л.И. Лаврова (1959. С. 193-236), А.Х. Нагоева (2000), М.Л. Стрельченко (2003. С. 30-38).

Актуальность темы обусловлена рядом причин. Прежде всего, целый ряд устоявшихся в историографии положений требует сегодня тщательной ревизии и критического переосмысления. Так, в исследованиях, посвященных погребальному обряду адыгов, проводилась систематизация материала подкурганных погребений без их предварительного хронологического и этнокультурного дифференцирования. При этом не учитывались изменения субэтнической картины региона, являвшиеся результатом частых перемещений различных групп адыгов, эволюция их религиозных представлений, наряду с адыгскими погребальными памятниками в обобщающие типологические схемы попадали курганные могильники соседних народов, что в неверном свете отражало место и роль различных этносов в историческом прошлом Северного Кавказа. Поэтому первоочередной задачей является тщательная проверка самой источниковой базы, прежде всего, этнокультурной атрибуции каждого могильника, включенного в список адыгских памятников, сформировавшийся в ходе 140-летнего изучения курганов Северного Кавказа эпохи средневековья и нового времени.

Сегодня неоспоримым фактом является и то, что бытование у адыгов подкурганного ингумационного обряда далеко выходит за обозначенные в

обобщающих исследованиях XX в. рамки XIV–XVI вв. По материалам биритуальных могильников Северо-Западного Кавказа истоки этого обряда фиксируется с конца XIII в. Исчезает традиция возведения курганной насыпи над умершим у восточного адыгского субэтноса – кабардинцев к концу XVII – началу XVIII в., а у западных адыгов в ряде районов она известна вплоть до этнографической современности.

Наконец, со времен выхода в свет в самом конце 50-х гг. прошлого века работы Е.П. Алексеевой, посвященной общей характеристике погребального обряда средневековых адыгов вплоть до широкого распространения ислама, новых исследований, в которых были бы рассмотрены курганные могильники, распространенные на всей территории расселения адыгских племен, не было. Между тем на порядок увеличилась база археологических источников, которая позволяет ставить и решать новые научные задачи и проблемы. В частности впервые на основе изучения погребальных памятников адыгов всей обширной территории их расселения в эпоху средневековья – нового времени рассматривается эволюция погребального обряда и их религиозных представлений.

Цель исследования заключается в характеристике погребального обряда адыгов эпохи средневековья и нового времени: истоков его формирования, эволюции и локальных вариантов.

Основными задачами работы является анализ и обобщение материалов грунтовых и курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв., этнокультурная атрибуция памятников, которые в историографии рассматриваются как адыгские, характеристика погребального инвентаря, разработка относительной хронологии могильников, выявление их локально-территориальных особенностей.

Объектом исследования является этно- и культурогенез адыгов. Предметом исследования выступают материалы археологического изучения грунтовых и курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв., отражающие формирование и особенности

исторического развития адыгских народов в эпоху средневековья и нового времени.

Источниками работы являются материалы 270 курганных и грунтовых могильников (более 2300 тыс. погребений), связываемых историографической традицией с погребальными памятниками средневековых адыгов[1]. Эти памятники картографированы (Рис. 1, Приложение 1). Самые общие сведения о них сведены в таблице 1 Приложения 1. Обработаны полевые отчеты о раскопках, находящиеся на хранении в архивах Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН, а также коллекции находок из фондов и экспозиций Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, Национального музея Республики Адыгея, Национального музея Грузии им. Джанашиа.

Использована информация, содержащаяся в средневековых византийских, арабских, персидских, древнерусских, итальянских, немецких, китайских, монгольских, турецких письменных источниках.

Хронологические рамки работы. Истоки погребального обряда адыгских субэтносов, который в общих чертах (одиночные ингумации под индивидуальной курганной насыпью, с западной ориентировкой погребенного, отсутствие предметов конской упряжи в составе погребального инвентаря) в не измененном виде доживает до XVIII в., обнаруживаются в памятниках XIII–XIV вв. Формирование обряда происходило в условиях глубоких военно-политических, демографических, этнокультурных потрясений, причиной которых стало начавшееся в 20–30-х гг. XIII в. монгольское завоевание Северного Кавказа. Нижний временной рубеж исследования связан с распространением среди населения Северного Кавказа ислама в XVII – XVIII вв. и почти повсеместным утверждением мусульманского погребального обряда.

[1] При этом, по мнению автора диссертации, далеко не все эти памятники относятся к адыгским некрополям.

Территориальные рамки исследования обусловлены границами распространения погребальных памятников XIII–XVIII вв., связываемых историографической традицией с адыгскими племенами. В хронологическом диапазоне XIII–XV вв. рассматриваются грунтовые и курганные могильники, расположенные в Северо-Восточном Причерноморье (применительно к современному административному делению – на прибрежной полосе и в предгорьях от района Сочи до окрестностей Анапы) и в Закубанье. В письменных источниках этого времени *полиэтничное население* Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа упоминается под названием черкесы. В 1502 г. европейцам становится известен этноним *адыги,* впервые зафиксированный в труде Джорджио Интериано. Примерно в это время, с распадом Большой Орды, начинается массовое продвижение племен Северо-Западного Кавказа, в том числе адыгских, на юго-восток, в районы Пятигорья, междуречья Малки и Терека, где происходит формирование восточного адыгского субэтноса – кабардинцев. Наибольшая территория расселения адыгов сформировалась к XVI–XVII в., когда, помимо районов Северо-Западного Кавказа, освоенных их предками в домонгольское время, территория, занимаемая адыгскими племенами, включала полосу предгорий и равнин Центрального Предкавказья вплоть до междуречья Сунжи и Фортанги.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности. Использованные в работе методы (сравнительно-типологический, комплексного анализа археологического материала и письменных источников) определяются поставленными задачами и состоянием корпуса археологических и нарративных источников.

Научная значимость диссертации заключается в анализе и обобщении в контексте изучения погребального обряда адыгов эпохи средневековья и нового времени значительного по объему материала, полученного в ходе 140-летнего археологического исследования курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа. На широком фоне

аналогий представлена характеристика погребального обряда и основных категорий погребального инвентаря. Разработана первая относительная хронология могильников XIII–XVIII вв., соотносимых историографической традицией с адыгскими памятниками, исследованных на обширной территории равнин и предгорий от Северо-Восточного Причерноморья до Верхнего и Среднего Притеречья. Выявлены инокультурные, иноэтничные компоненты обряда, прежде всего, заимствованные адыгами в ходе освоения территории Центрального Предкавказья. В ряде случаев поставлен вопрос о необходимости пересмотра этнокультурной атрибуции могильников и отнесения их к памятникам соседних с адыгами этнических и культурных общностей и народов.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые рассматриваемые археологические памятники дифференцированы не в соответствии с их современной административно-территориальной локализацией, а по хронологии и особенностям обряда. Подобный подход позволил представить общую картину эволюции погребальных традиций и верований адыгов на протяжении исторических эпох позднего средневековья и нового времени. Значительная часть материала впервые включена в обобщающую работу по изучению погребального обряда «адыгских племен».

Практическая значимость. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы для изучения общих вопросов средневековой истории адыгов; при разработке курсов лекций и написании обобщающих работ по истории и археологии Северного Кавказа, а также при создании экспозиции музеев Краснодарского и Ставропольского краев, республик Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Ингушетия.

§2. Исторические этнонимы, связываемые с предками средневековых адыгов. Первое достоверное упоминание этнонима ***адыги*** относится к *1502 г.* В энциклопедическом труде Джорджио Интериано «Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» этот этноним приводится в качестве самоназвания зихов, а также черкесов.

При интерпретации этого места источника, прежде всего, нужно учитывать то, что сами понятия *зихи* и *черкесы* не имеют однозначного толкования в различные исторические периоды и у различных авторов средневековья и Нового времени. Слово *зихи* употреблено Интериано в обобщенном понимании – для населения Северо-Восточного Причерноморья, прибрежной полосы Кубано-Приазовья и районов Закубанья. Так же, как примерно за пять веков до генуэзского автора все племена, проживавшие к западу от алан, называл *кашаками* ал-Масуди, хотя в те же самые годы византийский император Константин VII Багрянородный описал на Северо-Западном Кавказе сразу три страны – Зихию, Папагию и Касахию.

Главное: ни письменные, ни археологические источники не дают оснований переносить название ***адыга, адыги*** на какое-либо из племен Северо-Западного Кавказа, обитавших на этой территории с VI по XIV век включительно (Армарчук Е.А., 2003, с. 209; Чхаидзе В.Н., 2006б, с. 167; 2017. С.13), а тем более объединять под этим названием все средневековое население региона. По поводу происхождения известных по источникам в это время зихов, кашаков (жителей страны Каса или Касахия, касогов) и жителей страны Папагия в науке нет единого мнения, также не подтверждается и этнокультурное родство этих племен или народов. И уж тем более не выдерживает критики встречающийся в публикациях тезис *о синонимичности этих этнонимов для периода VIII–XII вв.* Тем не менее, очевидно, что эти племена могли участвовать в этногенезе адыгов позднего средневековья. Иными словами, *зихи, кашаки (касахи, касоги) и папаги* не являются *адыгскими* племенами, но могли быть в числе предков адыгов.

Зихи известны по письменным источникам с I в. до н.э. (Латышев В.В., 1890, с. 105) и упоминаются в текстах древних и средневековых авторов до конца XV столетия. На протяжении полутора тысячелетий содержание этнонима претерпело значительные изменения. Со времен Страбона и до X в. зихи были известны как племя или племена, населявшие Северо-Восточное Причерноморье. Видимо, именно в таком значении зихи упоминаются в

«Кембриджском анониме» под именем Зибус (Коковцов П.К., 1932, с. 123; Голб Н., Прицак О., 1997, с. 155). В середине X в. Константин Багрянородный зафиксировал заметное расширение территории проживания зихов, отметив их присутствие не только на побережье, но и внутри материка – в Закубанье (Константин Багрянородный, 1991, с. 272-273). Расселение зихов в X в. в низовьях Кубани, откуда их вытеснили половцы, косвенно подтверждает сообщение грузинского автора конца XI в. Джуаншера Джуаншериани, описавшего последствия появления половцев в прикубанских степях, когда «турки потеснили пачаников и джиков (печенегов и зихов – И. Д.). Пачаники ушли на запад, а джики осели у пределов Абхазии» (Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 66). В 30-х гг. XIII в. католические миссионеры называют Сихией Тамань с центром в Матрике (Адыги.., 1974. С. 31, 32), но речь идет, видимо, о Зихской епархии (Виноградов А.Ю., 2009. С. 190), а не о племенной территории зихов. Рубрук *отдельно* упоминает *Зихию* и *отдельно черкесов*, занимавших предгорья Большого Кавказа и соседствовавших с аланами (Адыги.., 1974). И, наконец, в труде генуэзца Джорджио Интериано, составленном в конце XV в., *зихи* и *черкесы* представлены как экзоэтнонимы *адыгов*: «Зихи – называемые так на языках: простонародном, греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига» (Джорджио Интериано, 1974. С. 46).

По археологическим материалам прослеживается некоторая обособленность зихов от племен зоны степей и предгорий Закубанья (Алексеева Е.П., 1959. С. 16–17; Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 29-36 и др.). Это обособленное развитие могло быть обусловлено не только определенной исторической конъюнктурой (раннесредневековая история зихов проходила под знаком религиозного, политического и культурного влияния Византии и особенно Абхазии, тогда как население Закубанья в большей степени было зависимо от Хазарии и испытывало заметное влияние Алании), но и особенностями этногенеза родственных племен побережья и

внутренних районов Западного Кавказа, которые традиционно априорно рассматриваются в историографии как общие прямые предки современных адыгов (Дружинина И.А., 2018б. С.73). Как показало изучение этимологии этнонима зихов, нет полной уверенности в том, что греч. Ζυγοί, Ζικχοί исконно обозначали именно адыгов, ясно лишь, что речь идет о носителях адыго-абхазских языков (Тохтасьев С.Р., 2017. С. 279). Четкое различие причерноморских и закубанских автохтонных племен, и прежде всего, на уровне самоидентификации, характерно для всех периодов их истории.

Поздние источники XVIII – начала XIX вв. относят причерноморские субэтносы шапсугов, натухайцев, абадзехов не к числу адыгских «племен», а к абхазо-абазинскому этническому массиву и, как правило, до первой четверти XIX в. эти «племена» обобщенно обозначались «абазы». Черноморские субэтносы, в свою очередь, воспринимали себя обособленно от остальных адыгов. Как отмечал Л.И. Лавров, «мы стоим перед странным явлением, значительная часть черкесских племен (а именно: шапсуги, натухаджи, абадзехи, гуае, жаны, бжедуги и махоши) долгое время среди самих же черкесов не признавались черкесскими, а именовались абазинами. К абазинам же причисляли и народ убыхов, говоривший на особом языке» (Лавров Л.И., 1946. С. 165).

Сравнительное этнографическое исследование черноморских и кубанских адыгов и абхазо-абазинских народов (абхазов, убыхов и садзов) привели исследователей к выводу о наличии общего культурного пространства в рамках Черноморского побережья Северного Кавказа. Субъекты этого пространства вполне осознавали свое единство, но не в рамках адыгской или абхазо-абазинской общности, а в рамках специфического объединения, известного по источникам как «Агучипс» (Сивер А.В., 2002. С. 43-62).

В своей работе, посвященной историческому прошлому абазин, Л.И. Лавров в результате анализа письменных, топографических, антропонимических данных, а также сведений народных легенд ряда

«племен» (шапсугов, жанеевцев, натухайцев, абадзехов, бжедугов, мохошей и др.) пришел к выводу: «Перед нами некогда значительный народ (абазины – И.Д.), который в течение примерно пяти последних веков непрерывно уменьшался в числе. Это уменьшение происходило не столько за счет истребительных войн с соседями (хотя таковые, конечно, были), сколько за счет ассимиляции с черкесами, добрая половина которых должна быть признана потомками абазин» (Лавров Л.И., 1946. С. 166).

Сведения о ***«стране» Папагия*** Северо-Западного Кавказа содержит только один источник – трактат Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»: «За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис [..] простирается страна Зихия. [..] Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания». Далее перечислены нефтяные источники Зихии и расположенные рядом поселения: «место Паги, находящееся в районе Папагии», место «Папаги, близ которого находится деревня Сапакси», «отстоят эти места от моря на один день пути без смены коня» (Константин Багрянородный 1991. С. 171, 175, 272-273).

Информация о Папагии в источнике соответствуют *различным* хронологическим и этнополитическим срезам истории Северо-Западного Кавказа. В главе 42, сведения которой не выходили за рамки IX в. и предназначались первоначально для исторического трактата «О народах», Папагия показана как самостоятельная область или «страна». Она поставлена в один ряд с Зихией, Касахией, Аланией и Авасгией. В гл. 53, содержащей актуальную для середины X в. информацию, Папагия предстает уже как часть Зихии (Дружинина И.А., 2018. С.77–78).

В соответствии с этим можно выделить и два периода истории Папагии. Первый – «Папагия–страна», характеризуется ее известной политической самостоятельностью. То, что Папагия в период расцвета

Хазарского каганата занимала наиболее привлекательный район Закубанья – равнину с нефтяными источниками вдоль главной водной артерии региона, указывает на ее ключевые позиции на левобережье и явную связь с хазарами. Допустимо, что Северо-Восточное Причерноморье к северу от Геленджика также относилось к Папагии, т.к. по Анонимному трактату Periplus Ponti Euxini (сер. VI – сер. IX вв.) этот район не был занят зихами (Латышев В.В., 1890. С. 278-279).

Второй период, который приходится на кризисные для каганата годы, связан с продвижением зихов в Закубанье и может быть обозначен как «Папагия – часть Зихии».

Археологический контекст сведений о Папагии характеризуется появлением на рубеже VII–VIII вв. в районе Анапы–Геленджика и степном Закубанье до устья р. Псекупс грунтовых кремационных погребений. Вопрос об этнокультурной атрибуции населения, привнесшего этот обряд, остается открытым. Высокая степень милитаризации носителей обряда кремаций (Кочкаров У.Ю., 2006, С. 120; 2010. С. 159–160), управляемого элитарной прослойкой воинов-всадников, указывает на принадлежность их вождей военно-административному аппарату каганата.

Динамика и территория распространения кремаций корреспондируют со сведениями о Папагии византийского источника. В начале X в. отмечается резкое сокращение ареала и числа могильников с трупосожжениями и их исчезновение из района Анапы–Геленджика (Пьянков А.В., 2001. С. 205). Именно в это время Папагия переживает кризис: к середине X в. эту область занимают зихи. Видимо, не «аланские походы» (Пьянков А.В., 2001. С. 205), а продвижение зихов стали причиной исхода с побережья носителей обряда кремаций, что согласуется с сообщением «Кембриджского анонима» о войне хазар с народом Зибус (Коковцов П.К., 1932. С. 123).

Кашаки (кешаки) описаны в книге «Мурудж аз-захаб» ал-Масуди (Минорский В.Ф., 1963. С. 206), посетившего во второй половине 30-х годов X в. берега Каспийского моря и Кавказ. При этом в труде ал-Масуди зихи не

упомянуты, а под именем *кашаки (кешаки)* объединены *все племена*, проживающие *к западу от алан* – как в Закубанье, так и в Северо-Восточном Причерноморье. С *кашаками* связывают жителей *страны Касахии,* упоминаемой в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Константин Багрянородный, 1991. С. 171, 175), созданного между 948 и 952 гг. При том, что ранее первой трети X в. упоминания *кашаков (касахов)* в источниках нет, *Касахия*, наряду с Зихией и Папагией, описана в главах трактата, готовившихся изначально для другого текста – исторического труда «О народах», в котором аккумулировались сведения актуальные для IX в. Следовательно, *Касахия*, как и Папагия была известна во времена расцвета Хазарского каганата. Именно к этому периоду относится сообщение в письме хазарского царя Иосифа к кордовскому вельможе Хасдаю ибн-Шапруту (пространная редакция) о жителях *«страны Каса»*, расположенной рядом с аланами (Коковцов П.К., 1932. С. 101) (хоть и написано это письмо накануне гибели каганата). Возможно, с *Касахией* связана упомянутая в «Мученичестве Або Тбилели» «страна язычников, которые не имели никакого представления о боге», находившаяся на северных склонах Кавказа и, очевидно, под хазарским протекторатом (Виноградов А.Ю., 2013. С. 166).

С *кашаками* соотносят также *касогов* русских летописей, первые упоминания о которых дошли до нас в известиях под 965 годом «Повести временных лет» (Полное собрание, 1997. С. 65; Полное собрание, 2001. С. 53). Затем касоги упоминаются в событиях 1022, 1023 и 1066 гг. (Полное собрание, 1997. С. 146-147, 166; Полное собрание, 2001. С 134, 155). Уникальная надпись конца XI – начала XII вв., начертанная *касогом*, обнаружена на стене Софии Киевской. Граффито гласит: «Дедилец-касог, тмутаракан[ец писал], идя от святых. Ибо я, господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!» (Зализняк А.А., 2004. С. 256-257). Надпись выполнена от первого лица, на совершенном древнерусском языке *касогом*-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец, оказавшимся на

Руси после перехода города под суверенитет Византии (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2005. С. 155-157).

Примечательно, что подобно арабским ученым, древнерусские авторы зихов не знают. А хазары, видимо, различали зихов (народ Зибус) и касахов (жителей страны Каса).

Относительно этнокультурной атрибуции кашаков существуют различные мнения. «Автохтонной адыгской» гипотезы происхождения кашаков (жителей страны Касахия и Каса, касогов) придерживались Л.И. Лавров, Е.П. Алексеева, Г.А. Меликишвили, Н.Г. Волкова и др. Приверженцы другой гипотезы (Е.А. Армарчук, И.О. Гавритухин, А.В. Гадло, А.В. Дмитриев, И.Л. Кызласов, А.В. Михеев, А.М. Новичихин, А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов и др.) рассматривают кашаков как кочевой или полукочевой народ тюркского или угорского происхождения. Их появление в Кубано-Черноморском регионе связывается со стремлением хазарских властей укрепить западные границы каганата (Тарабанов В.А., 1993. С. 39; 1994. С. 58; Гадло А.В., 1994. С. 25; Кочкаров У.Ю., 2008. С. 90) или с перекочевкой групп тюркского населения в пределы Хазарии в результате возникшей в сер. VIII в. в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири (Дмитриев А.В., 1978. С. 49).

Согласно третьей гипотезе, кашаки до середины X в. представляли собой племя или племена, населявшие предгорья Северо-Западного Кавказа, при этом находившиеся в зависимости от Хазарского каганата и выплачивавшие хазарам дань. Одним из этнокомпонентов кашаков являлись потомки меото-сарматских племен, вытесненных из степной полосы Закубанья в предгорья праболгарами в VI в., другим – представители племен, родственных зихам, третьим – часть праболгар, в свою очередь, потесненных из степной зоны Закубанья на рубеже VII–VIII вв. тюркским или угорским народом – «папагами», чье появление в регионе было санкционировано Хазарским каганатом. Однако после краха Хазарии и разгрома «папагов» часть их вливается в состав кашаков (касахов, касогов), под именем которых

с этого времени и до появления полиэтнонима черкесы скрывается полиэтничное оседлое население равнин и предгорий Закубанья (Дружинина И.А., 2018).

На то, что кашаки (жители страны Каса или Касахия, касоги) не были этнически связаны с хазарами косвенно указывает сообщение автора XII в. Ибн Асакира (Абуль-Касим Али ибн аль-Хасан ад-Димашки, 1105–1176), который при описании мечетей Дамаска упомянул кашаков и хазар, четко разделив при этом обе эти группы выходцев с Северного Кавказа: «Мечеть, известная как касожская мечеть у моста [около] скотного рынка. Мечеть в восточной [стороне от этого же] моста, известная как хазарская» (Кулешов Вяч. С., 2017).

Черкесы. Археологические и антропологические материалы ярко и однозначно указывают на поликультурный и полиэтничный состав населения Северо-Западного Кавказа, сложившийся к началу монгольских завоеваний.

Название «черкес» используется арабскими и персидскими авторами XIII–XV вв. применительно к *территории Северо-Западного Кавказа* («земли Черкесов» (ал-Омари), «страна Черкесов», «страна Черкес» (ибн Баттута, Йезди, ал-Калкашанди), «область черкесов», (Шами), «улус черкесский» (Йезди), «горы Черкесские» (Ибн Арабшах), а также к *полиэтничному населению* этого региона.

Из того, что зихи и, как следствие, адыги, по сведениям Джорджио Интериано, «татарами же и турками именуются черкесы» вовсе не следует, что черкесы – это только адыги. Источники более позднего времени черкесами обобщенно именуют всех горцев. Посетивший в 1836–1838 гг. Кавказ Карл Кох отмечал, что «представление о черкесах до сих пор еще остается неопределенным, несмотря на новые описания путешествий Дюбуа де Монпере, Белля, Лонгворта и др.; иногда под этим названием подразумевают живущих по берегу Черного моря кавказцев, иногда же считают черкесами всех жителей северного склона Кавказа. Французские газеты прошлых лет, несмотря на то, что Дюбуа де Монпере, будучи сам

французом, оставил довольно подробное описание Кавказа, указывают даже, что Кахетия (долина Алазани), восточная часть лежащей по ту сторону Кавказа области Грузии, населена Черкесами..» (цит. по: Гарданов В.К., 1967, с. 18).

ГЛАВА I
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И РАЙОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ XIII–XVIII ВВ.

Изучение погребальных памятников Закубанья и Северокавказского Причерноморья началось более 140 лет назад. Работами нескольких поколений исследователей выявлены и раскопаны многие сотни курганных могильников, в последнее время изучаются и грунтовые некрополи золотоордынского времени, накоплен внушительный массив археологического материала, позволяющий сегодня решать важнейшие проблемы истории народов и культур Северного Кавказа эпохи средневековья и нового времени, в том числе адыгов – одного из крупнейших этнических массивов.

История археологического изучения средневековых могильников адыгов отражает основные вехи и направления развития отечественной археологии. В ней выделяются три основных периода. Каждый из периодов характеризуется оригинальным комплексом задач, стоявших перед археологами, методикой их работ и «профессиональным портретом» самих исследователей.

1. Вторая половина XIX в. – 1910-е гг. Начало изучения курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья. В рамках этого периода выделяются 2 этапа:

1.1. вторая половина XIX в. – конец 1870-х гг. Пробуждение интереса к средневековым курганным древностям. Деятельность археологов – любителей.

1.2. Конец 1870-х гг. – 1910-е гг. Начало профессионального научного изучения средневековых курганных могильников. Работы специалистов из

Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества. Деятельность местных краеведческих обществ.

2. ***1920-е гг. – 1980-е гг. – Изучение курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа в рамках советской методологической школы.*** Во II периоде выделяются четыре этапа:

2.1. 1920-е гг. – «Золотой век» краеведения: полевые исследования средневековых курганных могильников, проводимые сотрудниками северокавказских краеведческих обществ. Деятельность археологов столичных археологических центров.

2.2. 1930-е гг. – Централизация процесса изучения археологических памятников Северного Кавказа. Деятельность археологических экспедиций головных археологических институтов СССР.

2.3. Вторая половина 1940-х гг. – 1950-е. Работа экспедиций ИА РАН и научных археологических центров на базе региональных научно-исследовательских институтов.

2.4. 1960-е – 1980-е гг. Крупномасштабные *новостроечные* археологические исследования. Целенаправленное научное изучение могильников черкесов и кабардинцев.

3. *1990-е – 2000-е гг. Археологическое изучение средневековых курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья на современном этапе.*

3.1. Свертывание научного изучения погребальных памятников черкесов и кабардинцев. Новостроечные археологические исследования курганных могильников.

3.2. 2000-е гг. – по настоящее время. Возобновление целенаправленного изучения погребальных памятников адыгов Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН (Абинский отряд СКАЭ ИА РАН, Абинская экспедиция ИА РАН). Масштабные новостроечные археологические раскопки курганных и грунтовых могильников эпохи

средневековья и нового времени на территории Закубанья и северокавказского Причерноморья.

§1. Первый период (вторая половина XIX в. – 1910-е гг.).

Первый этап I периода. Вторая половина XIX в. – конец 1870-х гг.

О раскопках древних памятников местным населением известно немного. Полковник Николай Каменев в газете «Кубанские войсковые ведомости» пишет: «..не безызвестно, что горцы предполагали в них (в курганах – И.Д.) несметные богатства, наконец в их руках были многие золотые вещи, случайно добытые из курганов и добытые с умыслом обогащения» (Каменев. Н., 1869; Каменецкий И.С., 1998. С. 128). О доходности подобного промысла свидетельствуют имена и общественное положение некоторых из частных коллекционеров, среди последних начальник Нальчикского округа Д. Вырубов, балкарский таубий Измаил Урусбиев, генерал В. Неверовский и др. (Иессен А.А., 1941. С. 9; Чеченов И.М., 1969. С.7). Наибольшая часть находок бесследно исчезла.

С другой стороны, почитание местным населением могил своих предков нередко препятствовало работе археологов. В 1879 г. В.Б. Антонович вынужден был прекратить исследование курганов в Назрани из-за того, что «окружающее народонаселение признали похоронный обряд своим, и вследствие этого можно было вызвать раздражение» (В.Б. Антонович, 1882. С. 218).

Начало систематического изучения памятников Северного Кавказа отечественными археологами связано с окончанием Кавказской войны (1817–1864). Сведения источников первого периода по своему характеру можно разделить на три категории: случайные известия, фиксация случайных находок, отчеты целенаправленных изысканий (Каменецкий И.С., 1993. С. 42).

У истоков Кубанского краеведения стоял полковник Николай Каменев. О его деятельности в области археологии известно по опубликованным в

«Кубанских войсковых ведомостях» статьям (Каменев Н., 1867; 1869). Именно Н. Каменеву принадлежит заслуга создания первой периодизации курганных древностей Кубани (Каменецкий И.С., 1993. С. 42).

В № 50 «Кубанских войсковых ведомостей» за 23 декабря 1867 г. опубликована статья Н. Каменева о доследовании подкурганного захоронения в деревянном гробу, обитом снаружи и внутри медными листами, содержавшего богатое погребение. Этот комплекс считали средневековым и соотносили с белореченскими курганами (ОАК за 1897. С. 3; Каменецкий И.С., 1993; 1998, с. 137; 2011, с. 71).

Помимо Н. Каменева, известен еще целый ряд краеведов-любителей 60–70-х гг. XIX в.: войсковой старшина Гуков, полковник Е.С. Старосельский, в. Белоус, некто «К.Ч.», штаб-лекарь Ланд (Каменецкий И.С., 1993. С. 43), однако, о результатах их исследовательской деятельности сведений практически нет.

Второй этап I периода. Конец 1870-х гг. – 1910-е гг. В 1859 г. в Петербурге была создана Императорская археологическая комиссия, в 1872 г. в Москве основан Российский исторический музей. К этим двум учреждениям тяготели два археологических общества: к Комиссии – Русское, к Музею – Московское. Эти научные центры возглавили и взяли под свой контроль археологические исследования на территории страны. Начался новый этап в развитии науки, связанный с появлением исследователей-профессионалов.

Важнейшим событием периода становления археологии Кавказа явился пятый археологический съезд, состоявшийся в г. Тифлисе в 1881 г. В ходе его подготовки на территории Прикубанья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана были проведены крупномасштабные археологические исследования памятников различных археологических культур. В том числе с конца 70-х гг. XIX столетия началось профессиональное изучение курганных могильников Северного Кавказа. Так, в 1879 г. на территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и равнинной зоны Ингушетии

произвел раскопки средневековых курганов В.Б. Антонович (Антонович В.Б. 1882. С. 216–255). В Северной Осетии, Ингушетии и на территории Кубанской области памятники позднесредневековых адыгов исследовал В.Л. Беренштам (Беренштам В.Л., 1879. С.297–321). Д.Я. Самоквасов проводил обширные археологические работы в Пятигорском округе Терской области (Самоквасов Д.Я., 1882; 1908).

Эти могильники В.Б. Антонович и Д.Я. Самоквасов выделяют в тип «старо-кабардинских» курганов *(Самоквасов Д.Я., 1882. С. 59)*.

В 1878 г. в районе ст. Абинской средневековые курганные могильники исследовал известный востоковед и археолог В.Г. Тизенгаузен (1825-1902) (ОАК за 1878 и 1879 гг. С. XLII; Пьянков А.В., 1996. С. 9).

По поручению Императорского Московского Археологического общества в 1892 г. В.М. Сысоев проводил обследование горной части Закубанья. Целью экспедиции В.М. Сысоева было изучение дольменов, однако, исследователь оставил важные сведения и о средневековых курганных могильниках в районе ст. Шапсугская, в устье р. Адегой и на склоне р. Буковой (Сысоев В.М., 1904).

Особого внимания заслуживает археологическая деятельность в Кубанской области профессора Санкт-Петербургского университета Николая Ивановича Веселовского (1848–1918 гг.). В 1896–1897 гг. и 1906–1907 гг. в окрестностях ст. Белореченской Кубанской области Н.И. Веселовским по поручению Археологической комиссии проводились масштабные археологические работы на позднесредневековых курганных могильниках. Эти работы были вызваны сообщениями о поступлении на рынки Майкопа большого количества серебряных и золотых вещей, добытых кладоискателями в белореченских курганах. В первый же год работы экспедиции Н.И. Веселовского было раскопано 53 кургана, всего же за 4 года работ близ ст. Белореченской и Ханской исследовано 84 кургана. Полученные находки были разделены между хранилищами Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге и Историческим музеем в Москве (ОАК за

1897 г., 1900. С. 17–20; Левашева В.П., 1953. С. 165–166). В 1897, 1900, 1905 гг. Н.И. Веселовским были раскопаны курганы «белореченского типа» близ г. Майкопа, станиц Абинская, Андрюковская, Ахметовская, Воздвиженская, Губская, Костромская, Кужорская, Тульская, Ханская, Царская (ОАК за 1897 г., 1900. С.21; ОАК за 1900 г., 1902. С.38; ОАК за 1905 г., 1908. С.69). По поручению Археологической комиссии в 1896 г. и 1898 г. сотрудники Екатеринодарской гимназии обследовали курганы в районе ст. Некрасовской и ст. Псебайской (Стрельченко М.Л., 1968. С. 11).

Яркий и представительный материал белореченских курганов вызвал к жизни многочисленные вопросы, интерес к которым и сегодня не утратил своей остроты. В научной литературе появилось понятие «круг белореченских древностей», некоторые исследователи пишут о «белореченской археологической культуре» (Стрельченко М.Л., 1960. С. 140; Стрельченко М.Л., 1968. С. 10; Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1988. С. 117; Носкова Л.М., 1991. С. 156–157; Ловпаче Н.Г., 2000.; Фоменко В.А., 2018 и др.), другие полагают, что для этого нет никаких оснований (Крамаровский М.Г., 2002; 2012; Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2018).

Большую роль в изучении средневековых курганных древностей сыграли археологические исследования, проведенные В.И. Сизовым. С его именем связано начало систематического изучения археологических памятников на Северо-Восточном побережье Черного моря. По поручению Московского Археологического Общества В.И. Сизов вместе с Н.В. Никитиным в 1886 г. провел археологические разведки по побережью от Сухуми до Анапы. В.И. Сизовым было раскопано несколько десятков курганов в районе Анапы, ст. Раевской, ст. Натухаевской, Новороссийска, Геленджика, у с. Береговой. По поручению В.И. Сизова учителем Даринским были проведены раскопки двух курганов могильника с. Кабардинское (Сизов В.И., 1889. С. 69-70). Результатом исследований В.И. Сизова стала первая научная классификация могильников прибрежной зоны. (Сизов В.И., 1889. С.

3-4; Алексеева Е.П., 1959. С. 62; Армарчук Е.А., 2003. С.; Григорьев А.Б., 2008. С. 355).

В 1905 г. при устройстве дачи В.М. Бескровной были разрушены погребения раннесредневекового и золотоордынского времени. Часть вещей из этих комплексов были опубликованы сотрудником Императорской Археологической комиссии А.А. Спицыным (Спицын А.А., 1907. С. 188-192).

В 1907 г. сотрудник антропологического отдела Русского музея (а позднее заведующий отделом и директор музея) А.А. Миллер проводил разведки на Черноморском побережье Кавказа от Сатамаши Сухумского округа до мыса Джубга. Он раскопал несколько средневековых курганов в районе Туапсе у Армянского хутора, а также курганного могильника, располагавшегося между имениями «Дузу» и «Дузу-кале». В 1909 г. А.А. Миллер исследовал курганный могильник в Геленджике (ОАК за 1909 и 1910 годы, 1913. С.160–162). Исследованные памятники А.А. Миллер отнес к кругу могильников черкесов.

В ходе ознакомительной экскурсии в Геленджике, у дома Мурзина, и в Новороссийске провел исследования средневековых погребений в каменных ящиках директор Кавказского музея естественной истории и Публичной библиотеки Тифлиса Н.А. Казнаков (Архин НМГ, Дело № 24-09, 1909 г.).

В 1911-1912 гг. В.В. Саханев проводил раскопки Борисовского комплекса в районе Геленджика, на территории имения И.Х. Бойко, располагавшемся на берегу Голубой бухты (бухта Рыбацкая) (Саханев В.В., 1914. С. 75-219; Армарчук Е.А., 2004; Григорьев А.Б., 2008. С. 355). Работы проводились в двух местах: на прибрежных участках, приобретенных преподавателем Ростовского (на-Дону) коммерческого училища Я.Р. Корпсом, который принял активное участие в исследованиях, а также на склоне горы, по обе стороны Борисовской улицы (Григорьев А.Б., 2008. С. 355-356). Один из трех разновременных могильников по результатам

исследований Е.А. Армарчук может быть датирован второй половиной XIV – началом XV в. (Армарчук Е.А., 2004. С. 118).

В 1877 г. по поручению Московского общества любителей естествознания Н.Г. Керцелли были раскопаны несколько десятков курганов у станицы Горячеводской близ Пятигорска и осетинского села Ардон (Керцелли Н.Г. 1877; 1878). Спустя два года профессор В.Б. Антонович исследовал позднесредневековые курганы близ станций Прохладная и Солдатская (Антонович Б.В., 1882). В 1879 г. В.Б. Антонович и В.Л. Беренштам исследовали средневековые курганные могильники в равнинной зоне Ингушетии (у селений Назрань и Кантышево) (Антонович Б.В. 1882. С. 217-219; Беренштам В.Л., 1882. С.297-300).

В 1881-1882 гг. профессором варшавского университета Д.Я. Самоквасовым исследовано около двухсот курганов позднего средневековья в Пятигорье. Материал, полученный в результате одних их самых крупномасштабных раскопок курганных могильников этого региона, не был описан должным образом. В целом ряде случаев Д.Я. Самоквасов в отношении серии «типичных» курганов ограничивался описанием лишь малой части погребений и замечанием о подобии инвентаря и погребальных признаков остальных раскопанных комплексов (Самоквасов Д.Я. 1882; 1908).

В 1897 г. по поручению Археологической комиссии классный художник И.А. Владимиров раскопал несколько курганов в различных районах Нальчикского округа. Исследователь оставил весьма обстоятельные отчеты о своей работе (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896; ОАК за 1897. С. 139–143). В рамках работ, организованных Московским археологическим обществом, в 1888 г. раскопала 5 позднесредневековых курганов П.С. Уварова близ селения Хату Анзорова (Старый Урух) (Уварова П.С., 1894. С. 80).

В это же время, помимо активной исследовательской деятельности сотрудников столичных центров, немалую роль в изучении средневековых

курганных могильников края сыграли археологические изыскания местных краеведов.

Заметную роль в развитии краеведения в Геленджике и его округе сыграли местные общественные организации: Общество содействия благоустройству курорта Геленджик, Общество дачевладельцев Тонкого мыса – курорта Солнцедар, Толстого мыса и просветительного общества. Часть находок из разрытых древних захоронений и поселений, располагавшихся в окрестностях Тонкого мыса и Голубой бухты (курорт Борисово), стали основой коллекции, побудившей открытие здесь музея 18 июля 1909 г. Экспозиция располагалась на даче М.М. Рейнке, который был его основателем и хранителем (Григорьев А.Б., 2008. С. 355).

В 1909-1910 гг. под руководством Н.И. Воробьева, председателя Общества любителей природы и естественных наук курорта Солнцедар, были проведены раскопки курганов на Тонком мысу, однако материалы работ опубликованы не были (Саханев В.С., 1914. С. 120; Григорьев А.Б., 2008. С. 355).

В 1912 г. была обследована обширная курганная группа, расположенная на южном склоне горы Дооб. Работы проводились по инициативе Комитета Общества дачевладельцев курорта Борисово (Григорьев А.Б., 2008. С. 356). Раскопаны два подкурганных погребения позднего средневековья (Саханев В.В., 1914. С. 118-119). Находки, обнаруженные в ходе этих исследований, были переданы в музей Общества (Григорьев А.Б., 2008. С. 356).

В 1886 г. Е.Д. Фелицын обследовал две курганные группы в окрестностях п. Нижнебаканского (Стрельченко М.Л., 1968. Архив ИИМК РАН. Ф-35. Оп. 2-д. №176. С. 11).

С 1884 г. на Северном Кавказе начинается плодотворная деятельность одного из родоначальников местного краеведения преподавателя Владикавказского реального училища В.И. Долбежева. Исследователь по собственной инициативе провел археологические разведки в Северной

Осетии. Эти работы были по достоинству оценены: в течение 20 лет (1884–1904 гг.) по поручению Археологической комиссии В.И. Долбежев проводил разыскания и исследования археологических памятников различных эпох (Крупнов Е.И., 1960. С.33). В 1891 и 1898 гг. В.И. Долбежевым были раскопаны курганы у селений Пседах и Кескем, а также у станицы Нестеровской (Долбежев В.И. 1892. С.122; 1898. С. 157-162; Крупнов Е.И., 1941. С. 160–161).

В 1902 г. краевед В.Р. Апухтин исследовал средневековые курганы возле Ессентуков и ст. Горячеводской, которые исследователь отнес к «мирному кочевому народу» (Апухтин В.Р., 1902. С. 32), позднее эти курганы были отнесены к числу кабардинских (Милорадович О.В., 1954. С. 343–345; Нагоев А.Х., 2000. С. 26, №8). Раскопки курганов и вещевые находки были опубликованы исследователем в виде почтовых открыток (Крупнов Е.И., 1960. С. 37; Фоменко В.А. 2002. С.12). В том же 1902 году у колонии Николаевской провел раскопки средневековых курганов А.Н. Грен. 1907-1908 гг. адыгский курганный могильник у подножия горы Машук на Константиновском плато осматривал Н.Е. Макаренко (Фоменко В.А. 2002. С.13). Этот же памятник исследовался в 1920–1921 гг. Б.В. Луниным (Лунин Б.В. 1927). В 1912 г. секретарь статистического комитета Терской области М.А. Караулов произвел раскопки курганов у немецкой колонии Эбенецер (ИАК, 1912., прибавление к вып. 46. С. 132–135). Небольшие раскопки памятников позднего средневековья у села Эльхотово, у ст. Змейской были произведены старшим адъютантом Управления Сунжеского отдела терской области, подъесаулом Ф.С. Панкратовым (ОАК, 1914. С. 229, ОАК, 1915, С. 232). Результаты своих работ Ф.С. Панкратов освещал на страницах издания «Терские ведомости» под псевдонимом Ф.С. Гребенец (Крупнов Е.И., 1960. С. 38).

Пожалуй, самым важным «достижением» первого периода в археологическом изучении средневековых курганов Северного Кавказа, часть которых была оставлена адыгскими племенами, следует назвать

пробуждение научного интереса к данной проблеме, начало научного исследования позднесредневековых курганных могильников адыгов. Накапливается фактический материал, делаются первые интерпретации, формулируются научные проблемы. Примерами методически грамотных археологических работ являются исследования Н.Г. Керцелли, В.И. Сизова, И.А. Владимирова, А.А. Миллера, В.В. Саханева и ряда других исследователей. С другой стороны, несовершенство методики проведения полевых археологических исследований, осуществление значительных по объему любительских, непрофессиональных раскопок, поверхностные отчеты о проделанных работах, в которых результаты исследования оставались недокументированными и неопубликованными, привели к утрате значительной части материала. Печальных примеров подобного рода "исследований" можно привести немало.

Второй период (1920-е – 1980-е гг.) Постигшие страну перемены не замедлили сказаться и на науке. Ощутимые метаморфозы постигли весь комплекс исторических дисциплин, что нашло выражение в утверждении новой методологии и жестких, определявшихся не развитием науки, а партийно-номенклатурным регулированием, приоритетов в изучении исторического прошлого народов СССР. Среди покинувших страну археологов, не принявших постреволюционную действительность, были и исследователи средневековых древностей Северного Кавказа – председатель Московского археологического общества П.С. Уварова, В.В. Саханев (Формозов А.А., 2004. С.36). Само Московское археологическое общество прекратило свое существование в 1923 г., в 1924 г. прекратилась работа Русского археологического общества. На базе последнего оставшегося археологического научного центра императорской России – Археологической комиссии – в 1919 г. была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), с 1926 г. – Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). В 1923 г. в Москве возникает новый археологический центр – археологическое отделение

РАНИОН – Российской ассоциации научных институтов общественных наук (Формозов А.А., 2004. С. 38–40).

После резкого перерыва, вызванного революцией и гражданской войной, возрождается экспедиционная деятельность. С 1924 г. по 1933 г. на территории Кабардино-Балкарской автономной области масштабные работы проводит Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК во главе с профессором А.А. Миллером. Результаты этих исследований освещены в третьем томе серии «Материалы и исследования по археологии СССР», вышедшем в 1941 г., в обширном очерке А.А. Иессена, посвященном изучению археологических памятников республики. Был составлен план систематического изучения Северного Кавказа с упором на исследования в первую очередь таких памятников, которые бы дали материал для социально-экономической характеристики прошлого края (Крупнов Е.И., 1960. С. 43). Приоритетным становилось изучение древних поселений.

В Ингушетии профессором Л.П. Семеновым вместе с архитектором И.П. Щеблыкиным в 1925–1932 гг. были проведены несколько археолого-этнографических экспедиций (Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С.14). В основу этих работ был положен тщательно разработанный план, составленный на ряд лет, обследованы все горные и частично равнинные районы западной части республики. В результате был собран обширный ценный материал, относящийся по преимуществу к эпохе развитого и позднего средневековья (Крупнов Е.И., 1941. С.158).

1920-е годы отмечены быстрым ростом сети музеев и краеведческих обществ. Число обществ, организаций и учреждений, проводивших археологическое обследование территории регионов необыкновенно велико, вот лишь некоторые из них: Северо-Кавказское Краевое Общество Археологии, Истории и Этнографии в Ростове-на-Дону, Археологическая Секция Северо-Кавказского Бюро Краеведения, Кубанский Научный Музей, Темрюкский Районный Музей, Новороссийский Музей Природы и Истории Черноморского побережья, Ставропольская Этнолого-Археологическая

Комиссия, Кавказское Горное Общество в г. Пятигорске, Ингушский Институт Краеведения в г. Владикавказе, Осетинский Научно-Исследовательский институт Краеведения в г. Владикавказе (Лунин Б.В., 1928. С. 58-59; Алексеева Е.П., 1988. С. 72). Издается периодическое издание «Краеведение на Северном Кавказе». Составляются ежегодные обзоры археологических работ, проводимых краеведами на территории Северного Кавказа (Лунин Б.В., 1928. С. 58).

В 1920 г. создан Совет обследования и изучения Терского края, преобразованный в 1921 г. в Пятигорское Отделение Северо-Кавказского Института Краеведения. Председателем Пятигорского (Прикумского) Отделения этнолого-археологической комиссии при Институте становится Д.М. Павлов (Коваленко А.Н., 1992. С.39). Им была составлена археологическая карта Терского края (Коваленко А.Н., 1992. С. 38). Под руководством Д.М. Павлова Комиссия приступила к составлению археологической карты и Карачая. Однако работа эта завершена не была, поскольку сама Комиссия в скором времени прекратила свое существование. До 1923 г. систематизация уже известных археологических памятников Карачая проводилась сотрудниками Кабинета кавказоведения Горского политехнического института. Результаты этой работы нашли отражение в очерке Д.М. Павлова «Искусство и старина Карачая», состоявшего из историографического исследования Карачая и перечня археологических памятников (Алексеева Е.П., 1988. С.72; Коваленко А.Н., 1992. С. 38).

Во второй половине 20-х годов XX в. археологические памятники верховьев Кубани стали объектом исследования Северокавказского Горского научно-исследовательского института краеведения (Ростов) (Алексеева Е.П., 1988. С. 73). В предвоенные годы значительные археологические изыскания проводились Карачаевским учительским (позднее – педагогическим) институтом, Карачаевским научно-исследовательским институтом и Карачаевским краеведческим музеем. Возглавлял работу преподаватель

учительского (педагогического) института К.М. Петрелевич (Алексеева Е.П., 1988. С. 75).

В городах Черкесске и Микоян-Шахаре (Карачаевске) были организованы музеи, в которых начали поступать археологические находки (Алексеева Е.П., 1988. С.73). В Кабардино-Балкарии проводил активные археологические изыскания заведующий открывшегося в 1921 г. Нальчикского краеведческого музея М.И. Ермоленко. Его усилиями за короткий срок фонды музея пополнил многочисленный разнообразный, хотя плохо документированный археологический материал. Коллекция, собранная М.И. Ермоленко, послужила поводом для организации в 1924, 1929–1930 и 1932–1934 гг. Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (при посильном участии Нальчикского краеведческого музея), под общим руководством А.А. Миллера (в 1934 г. – А.А. Иессена) (Чеченов И.М., 1969. С.8–9).

В 1920-1921 гг. Б.В. Лунин исследовал курганный могильник у подножия г. Машук на Константиновском плато, который археолог отнес к к числу кабардинских и датировал XVI–XVII вв. и даже первой половиной XVIII в. (Лунин Б.В., 1927. С. 3-17).

В 1929-1930 гг. на территории Геленджика работала Черноморская археологическая экспедиция, организованная Антропологическим институтом МГУ под руководством начальника экспедиции Б.С. Жукова, в планы исследовательских работ которой входили раскопки средневековых могильников «Геленджик I» и «Геленджик II», а также могильников в районе р. Жане (I и II), где были вскрыты 10 курганов и обследовано 30 дольменов (Археологические экспедиции.., 1962. С. 62; Григорьев А.Б., 2008. С. 356-357).

Таким образом, 20-е годы оказались яркими и насыщенными археологическими исследованиями. Особая роль в них принадлежит краеведам. Как известно, 1929 год – год "Великого перелома" – стал рубежом, который определил начало нового периода жизни страны. Многие начинания 1920-х годов были свернуты и превратились в объект поругания и

преследования, в том числе и краеведческое движение. По всей стране краеведческие организации были закрыты, а многие из ярких и талантливых представителей этого движения репрессированы. В их числе оказались Д.М. Павлов, Т.М. Минаева, А.А. Миллер (Коваленко А.Н., 1992. С. 39; Формозов А.А., 2004. С. 76).

1930-е годы ознаменовались установлением строгой централизации в проведении археологических работ в стране. В 1934 г. было принято постановление ВЦИК и СНК СССР, согласно которому все новостройки должны были предоставлять средства на предварительное археологическое обследование территории предполагаемого строительства (Формозов А.А., 2004. С. 69).

В 1932 г. территорию строительства Баксанской гидроэлектростанции обследовали сотрудники Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК А.А. Иессен, 1941. С. 11). В составленный экспедицией перечень памятников, нуждающихся в охране и археологических раскопках, входил грунтовый могильник № 1 у села Заюкова. Исследователи отнесли могильник к кругу кабардинских погребальных памятников XIV в. (Деген-Ковалевский Б.Е., 1935. С. 15-17). В 1933 г. А.А. Иессен исследовал курганы, расположенные у с. Гунделен (Иессен А.А., 1941. С. 14). Этот же могильник в послевоенные годы был обследован П.Г. Акритасом, который считал его кабардинским (Акритас П.Г., 1959. С.208).

Одна насыпь из курганной группы на берегу р. Фортанга у с. Ачхой-Мартан в 1936 г. была раскопана А.П. Кругловым и А.В. Мачинским на территории Чечено-Ингушской АССР (Круглов А.П., 1938. С. 30-31; Мачинский А.В., 1941. С. 323; Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 60).

Сотрудник Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК А.В. Мачинский в 1929 г. и Е.Ю. Кричевский в 1932 г. провели раскопки курганов в городском парке Нальчика и отнесли их к кругу кабардинских (Мачинский А.В., 1941. С. 317–324).

В 1937-1938 гг. в Ассинском ущелье ЧИАССР проводила археологические исследования экспедиция ГИМ под руководством Е.И. Крупнова (Крупнов Е.И., 1941. С.158). В окрестностях сел. Алхасте была обнаружена курганная группа, насчитывавшая 8 насыпей, из которых три было раскопано. Памятник был отнесен к кругу кабардинских курганных могильников (Крупнов Е.И., 1941. С. 188–190). В 1937 г. Е.И. Крупнов раскопал средневековые курганные могильники близ с. Красно-Октябрьское (Северная Осетия), которые также отнес к числу кабардинских (Крупнов Е.И., 1941. С. 188). В 1938 г. в окрестностях селения Карабулак на р. Сунжа Г.В. Подгаецким был исследован курганный могильник. Могильник был датирован XV–XVI вв. и отнесен к кабардинским погребальным памятникам (Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С.55).

Продолжались исследования средневековых курганных могильников и на северо-восточном побережье Черного моря.

В 1937 г. проводил археологические разведки и раскопки курганов на Тонком мысу у Геленджика М.А. Миллер (Миллер М.А., 1937. Архив ИИМК РАН. Ф.2, Оп. 1937, № 216). В ходе работ были исследованы 6 памятников, в том числе обширный могильник №1 между церковью и пионерлагерем. Исследователь отнес погребения черкесскому племени натухайцев и датировал широко – XII–XVII вв. (Миллер М.А., 1937. Архив ИИМК РАН. Ф.2, Оп. 1937, № 216. Л. 4-13).

В 1939 г. экспедицией под руководством А.А. Аханова были проведены раскопки средневекового могильника у Керченской щели, где было изучено 20 курганов с кремационными погребениями и ингумациями в каменных ящиках, а также 11 курганов возле Адербиевской щели (Аханов А.А., 1939. Ф. 39, Ед. хр. 81; Григорьев А.Б., 2008. С. 357).

В послевоенные годы на базе научно-исследовательских институтов в регионах Северного Кавказа формируются научно-исследовательские центры, на базе которых действуют археологичекие экспедиции.

В 1947 г. Кубанской археологической экспедицией было доследовано частично разрушенное погребение Пашковского могильника. По погребальному обряду и инвентарю погребение было датировано XII-XIV вв. и отнесено к кругу адыгских погребальных памятников (Смирнов К.Ф., 1947. Р-1 № 157), скорректировав датировку, к той же этнокультурной атрибуции склоняется Л.М. Носкова (2016а. С. 187–191).

В 1947 г. курганный могильник «Герменчик» был исследован Е.И. Крупновым и отнесен кабардинским некрополям (Крупнов Е.И., 1948. Р-1. № 163).

С 1951 г. археологические исследования на территории Карачаево-Черкесии проводит Черкесский (с 1957 г. – Карачаево-Черкесский) научно-исследовательский институт. С 1952 по 1969 гг. его археологические экспедиции возглавляла Е.П. Алексеева (Алексеева Е.П., 1988. С. 77). В 1952–1954 гг. Е.П. Алексеева исследовала курганные могильники в школьном дворе аула Жако и ауле Бесленей, памятники датирован XIV–XVI вв. и отнесены к числу адыгских некрополей (Алексеева Е.П., 1953. Р-1 № 787; Алексеева Е.П., 1954 г. Р-1 № 1057; Алексеева Е.П., 1957. Р-1 № 1594, № 1595; Алексеева Е.П., 1959. С.68–70; Алексеева Е.П., 1960. С. 79).

В 1950-1951 гг. экспедиция Ставропольского краевого музея и государственного педагогического института под руководством Минаевой Т.М. исследует грунтовый могильник XIII–XIV вв. у аула Ново-Кувинского на р. Большой Зеленчук (Минаева Т.М., 1954. Р-1 № 432; Минаева Т.М., 1954. С.291–299). Средневековые курганы обследовались Минаевой Т.М. в 1949 г. в устье речки Карабежгонки и в верховьях р. Байтал-Чапкан (Минаева Т.М., 1949. Р-1 № 292; Минаева Т.М., 1954. С.280–291).

В 1954 г. П.Г. Акритас исследовал четыре кургана на могильнике, раскопки которого начал И.А. Владимиров в 1897 г. (Акритас П.Г., 1955. С. 53-56). Ныне памятник известен как могильник №3 у села Чегем II (Чеченов И.М., 1969).

В 1954 г. и 1955 г. Адыгейским научно-исследовательским институтом и Адыгейским областным музеем при участии (в 1954 г.) Кабардинского научно-исследовательского института были организованы экспедиции, начавшие систематическое археологическое изучение Адыгеи. Под руководством Н.В. Анфимова экспедициями были исследованы и курганные адыгские могильники у аула Пшекуйхабль, аула Несшукай, в окрестностях хут. Ильича и могильник «Гнатенков кут» (Анфимов Н.В., 1954. Р-1. № 961; Анфимов Н.В., 1972. С.79).

В 1952 г. на северо-восточном побережье Черного моря работала Таманская археологическая экспедиция ИИМК, возглавлянмая Б.А. Рыбаковым (Монгайт А.Л., 1955. С. 321). Кубанским отрядом, которым руководил А.Л. Монгайт, были осмотрены памятники в окрестностях аула Куйбышевка (с. Агуй-Шапсуг, Туапсинский р-н). Обследованные курганные могильники раскапывались местными жителями, обнаруженные ими в насыпях могильника близ аула Колихо (в 12 км от Агоя по дороге в горы) находки (кувшины, сабли, бритвы, оселки) позволили А.Л. Монгайту датировать памятник XV-XVI вв. Две курганные группы (42 и 23 насыпей в каждой), отстоящие друг от друга на расстоянии 200 м выявлены в Соляной щели, на некоторых курганах возвышались менгиры. В могильнике, расположенном в ауле Куйбышевка и состоявшем из 26 насыпей, отрядом был раскопан 1 курган, а также – 6 курганов могильника, расположенного на южном склоне г. Дооб, частично исследованного ранее В.С. Саханевым (Монгайт А.Л., 1955. С. 329; Григорьев А.Б., 2008. С. 359).

В 1955 году Туапсинская экспедиция краеведческого музея под руководством Н.В. Анфимова исследовала адыгские курганные средневековые могильники в долине р. Агой (Анфимов Н.В., 1955. Р-1 № 1094). Раскопаны три кургана Куйбышевского могильника, исследование которого начал Л.А. Монгайт в 1952 г. (Анфимов Н.В., 1955. Р-1 № 1094).

В 1956 г. Н.В. Анфимовым были исследованы курганные адыгские могильники в районе с. Ново-Михайловское и Пляхо, датированные XIII–

XIV вв. (Анфимов Н.В., 1956. Р-1. № 1385), в 1957 г. – раскопки курганного могильника XV–XVI вв. близ а. Красно-Александровского (Анфимов Н.В., 1957. Р-1. № 1675).

В 1959-1960 гг. в окрестностях сел. Бамут Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР II (Предгорным) отрядом СКАЭ, возглавляемым Р.М. Мунчаевым, были раскопаны две курганные группы обширного позднесредневекового могильника, который был отнесен к кабардинским (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С.217–242). В 1963 и 1966 гг. под руководством Р.М. Мунчаева было раскопано еще два кургана, опубликованных М.Х. Багаевым (Багаев М.Х.,1972. С. 49–50).

Третий период (1960-е – 1980-е гг.).

На протяжении третьего периода масштабы археологических работ по изучению позднесредневековых курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья и северного Кавказа возросли, и главной тому причиной послужили широко развернувшиеся в 60–70-х гг. XX века новостроечные работы.

В 1962 г. экспедицией, организованной Туапсинским историко-краеведческим музеем, был обследован могильник Хазаровой щели (этот могильник у М.К. Тешева получил название Бжид 2) (Стрельченко М.Л., 2002. С. 161; Тешев М.К., 1985. С.149). Было вскрыто 11 насыпей, по мнению М.Л. Стрельченко, могильник оставлен адыгами и может быть отнесен к периоду XIII–XV вв. (Стрельченко М.Л., 2002. С. 164-165).

Планомерное изучение Туапсинского района началось с 1970-х годов. Результатом обследования территории стало составление археологической карты Туапсинского района (Тешев М.К., 1985. С.143).

В 1968 г. Причерноморским отрядом Сарматской экспедиции ИА АН СССР совместно с краеведческими музеями Сочи и Геленджика проводились исследования средневековых памятников в окрестностях Геленджика и Сочи. В долине р. Аигби был раскопан позднесредневековый курган (Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н.. Михайличенко Ф.Е., 1969. С.124–125). Два кургана,

датированные XIV-XVI вв. были раскопаны на р. Бешенка, четыре кургана – в долине р. Мацеста, у с. Абазинка (Воронов Ю.Н., 1979. С. 106-107, рис. 63, 116).

В 1970 г. А.И. Саловым в окрестностях ст. Натухаевской (адм. подчинен. г. Новороссийск) исследован курганный могильник, располагающийся на левом склоне долины р. Псебепс. Один исследованный комплекс был отнесен к кругу адыгских курганных могильников XIII-XV вв. (Новичихин А.М. 2002, с. 71-73).

В 1972 г. была составлена карта античных и раннесредневековых поселений и могильников Анапского района, с дополнениями она была издана спустя семь лет (Салов А.И., 1979). Среди памятников упоминаются разрушенный могильник X–XII вв. у хутора Бужор; разрушенный могильник с керамикой XIII–XIV вв. у с. Гай-Кадзор; разрушенные комплексы Натухайского могильника XII–XIV вв.; разрушенный могильник, откуда происходит «надгробие с крестом в виде розетки в круге», у пос. Уташ (Салов А.И., 1979. С. 98-99, 101).

В 1979 г. Анапская экспедиция ИА АН СССР проводила раскопки разрушаемого грунтового могильника, расположенного в 3 км южнее ст. Гостагаевская (Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1980. С. 92; Новичихин А.М., 1993. С. 138). Раскопано 65 погребений, представляющих собой близко стоящие каменные ящики из пиленых плит. В предварительном сообщении исследователи приходят к выводу, что некрополь принадлежал адыгам, а памятник имеет важное значение, поскольку «является единственным средневековым некрополем, достаточно полно исследованным в Анапском районе» (Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1980. С. 92). В 1988 г. один из неисследованных участков могильника был подвергнут плантажной вспашке, а затем через него была проложена водоотводная траншея, в результате чего было разрушено более 20 погребений. Зафиксированные в бортах траншеи остатки могил свидетельствовали о совершении погребений вытянуто на спине, головой на запад в грунтовых ямах и каменных ящиках. На основании

анализа собранного на пахоте и в выбросе траншеи материала А.М Новичихин удревнил нижнюю хронологическую границу предложенную по результатам раскопок 1979 г. дату – XIII в. до IX-XI вв. (Новичихин А.М., 1993. С. 142-143). Разрушаемый могильник примыкает к обширному поселению X-XI – XV вв., в настоящее время почти полностью занятое дачными участками (Новичихин А.М., С. 139-142).

Этот комплекс памятников дополняют выявленные в 150 м к востоку от исследованного в 1979 г. участка могильника около 10 разрушенных погребений, совершенных вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Следов каменных ящиков не отмечено. В выбросе из траншеи, кроме остатков человеческих захоронений, выявлены кости лошадей. Отсутствие инвентаря затрудняет датировку памятника. Отдельные разрушенные погребения в виде развалов каменных ящиков из тесаных плит и скоплений человеческих костей, с находками XIII в., прослежены и на других участках ближайшей округи (Новичихин А.М., 1993. С. 144).

В 1971 году Причерноморским отрядом Института археологии АН СССР совместно с Краснодарским краевым Советом Всесоюзного общества охраны памятников проведены охранные археологические работы в районе Большие Сочи. В долине р. Сочи на западном краю террасы Агуа были раскопаны два небольших кургана, датируемые XII–XIV вв. (Бжания В.В., 1972. С. 113–114).

В 1971 г. А.В. Дмитриевым были доследованы разрушенные погребения курганного могильника XIV в. в селе Владимировка в районе Новороссийска (Дмитриев А.В., 1971. Р-1. № 4645); в 1974 г. – три позднесредневековых адыгских могильника – «Юрчина Щель» и «Махновая Щель», «Южная Озерейка» расположенных на р. Дюрсо близ Новороссийска (Дмитриев А.В., 1974. Р-1 № 6290; Дмитриев А.В., 1974. Р-1. № 5630).

В 1978 г. возглавляемой А.В. Дмитриевым экспедицией Музея истории г. Новороссийска в ходе охранных археологических работ были раскопаны пять разрушенных погребений в каменных ящиках (Дмитриев А.В., 1979. С.

123). Этой же экспедицией были проведены исследования части средневекового курганного могильника на ул. Днестровской в Новороссийске (Дмитриев А.В., 1979. С. 123).

В 1984 г. в 1 км к востоку от станицы Раевская на территории Раевского учебного центра (на ровной площадке к северо-западу от казарм, на правом берегу ручья, впадающего в р. Маскага) был исследован курганный могильник, состоявший из 10-15 насыпей. Раскопан 1 курган, содержавший 4 погребения, в том числе одно – кремационное урновое XIII в. и три ингумационных (Дмитриев А.В.,1984 г. Р-1 № 10615. Л. 31-33).

В том же году экспедицией Геленджикского музея проводились спасательные работы на курганном могильнике, расположенном на восточной окраине юго-восточной промзоны г. Геленджика (район АБЗ) (Минеев М.Г., 1986. С. 138). Интерес представляет доследование позднесредневекового погребения в деревянной колоде по ул. Островского, Геленджик (Григорьев А.Б., 2008. С. 367).

В 1989 г. отрядом Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета проводились раскопки могильника Лобанова щель (мыс Малый Утриш). По погребальному обряду и инвентарю опубликованные материалы датированы серединой – второй половиной XIV в. и отнесены к кругу адыгских погребальных памятников (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 168–213).

В 1990 г. Кавказской археологической экспедицией Государственного музея искусства народов Востока (далее – КАЭ ГМИН) провелены охранные раскопки средневековых курганов в пос. Кабардинка (район г. Геленджик Краснодарского края) на месте строительства новых корпусов санатория «Жемчужина моря» (Носкова Л.М. 1992). На момент исследования могильник насчитывал около 200 насыпей, 51 курган раскопан. 27 насыпей из общего числа исследованных содержали ингумационные погребения. Вторую группу составили курганы с трупосожжением.

Интенсивное изучение средневековых курганных и грунтовых могильников проводилось в Прикубанье и в Закубанье. В 1973 г. в зоне строительства Краснодарского водохранилища начались охранные раскопки Ленинохабльского грунтового могильника. В течение двух полевых сезонов под руководством сотрудника Адыгейского областного музея П.А. Дитлера было исследовано более 200 погребений (восточная часть могильника), относящихся к эпохе раннего средневековья. В 1975 г. работы на памятнике продолжила экспедиция Краснодарского краеведческого музея под руководством А.М. Ждановского. Было исследовано 143 погребения, относящиеся к двум хронологическим группам: к II-III вв. и XIV–XV вв. (63 погребения) (Тарабанов В.А., 1984. С. 164–172). В 1981 г. Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ был раскопан Шенджийский курганный могильник (Лесков А.М. и др. 1982. Р-1. № 8848; Носкова Л.М., 1991. С. 156–173). На основании исследованного материала, по погребальному обряду Л.М. Носкова отнесла Шенджийский курганный могильник «к западным погребальным комплексам, оставленным адыгскими племенами» XIV – XV вв. (Носкова Л.М., 1991. С. 168).

В 1980 г. В.Н. Каминский исследовал могильник у ст. Старокорсунская, получивший название МТФ-3 (Каминский В.Н.,1984А). Помимо погребений салтовского времени, были выявлены также и 10 комплексов, которые были датированы В.Н. Каминским XIII–XV вв. Захоронения этой поздней группы были отнесены к числу адыгских (Голубев Л.Э., 1997. С. 115-120).

В 1982 г. археологической экспедиции Адыгейского НИИ под руководством Н.Г. Ловпаче был исследован Псекупский 1 могильник, предоставивший позднесредневековый материал (Ловпаче Н.Г., 1983. Р-1. № 10918).

В 1982 г. Псекупский отряд КАЭ ГМИНВ проводил спасательные работы на могильнике, расположенном на береговой линии Краснодарского водохранилища. На памятнике были исследованы «адыгские погребения XIV–XV вв.» (Носкова Л.М., 1983. Р-1. № 8969).

В 1984 г. Малоубинская археологическая экспедиция КГИАМЗ и Краевого Дворца пионеров проводила работы на Малоубинском курганном могильнике №1 Северского района Краснодарского края. Было раскопано 4 насыпи. Могильник отнесен к позднесредневековым адыгским погребальным памятникам (Пьянков А.В., 1984. Р-1 № 10558).

В 1987 г. в зоне строительства Краснодарской АЭС в Мостовском районе Краснодарского края проводились спасательные работы на археологических памятниках силами сразу нескольких экспедиций. Два воинских комплекса (погребения из кургана № 8 могильника Центрлаба 1 и кургана № 3 могильника Центрлаба 2) отнесены к памятникам адыгов XIV–XV вв. (Пьянков А.В., 1988. Р-1. № 12378; Пьянков А.В., 2004. С.293 – 305).

В 1988 в районе аула Тауйхабль и хут. Городского отрядом экспедиции Музея искусств народов Востока исследовались размытый грунтовый могильник Пшиш (Носкова Л.М., 1989. Р-1. № 12820; Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1988. С. 116–117). Погребения позднего средневековья исследователи отнесли к т.н. «белореченской культуре» (Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1988. С. 117). Было доследовано также разрушенное погребение в районе Чишхо, в 1,5 км от аула Тауйхабль, которое было отнесено к погребениям адыгов (Носкова Л.М., 1989. Р-1. № 12820. Л. 72).

В 1989 г. КАЭ ГМИНВ исследовался курганный могильник Пшекуйхабль 1, содержавший погребения XIV в. (Беглова Е.А. и др., 1989. Р-1. № 14085).

В 1963-1966 гг. значительные по масштабу исследования средневековых курганов в Пятигорье провел А.П. Рунич. Им было выявлено и картографировано 11 курганных групп, состоявших из 396 насыпей. Раскопаны были 58 курганов. Помимо того, в результате сбор подъемного материала на обоих берегах р. Подкумок исследователь пришел к выводу о существовании у железнодорожной станции Подкумок, около Кисловодских очистных сооружений, на территории бригады №1 совхоза «Южный» за

Кисловодском и на западной окраине Ессентуков кабардинских курганов, уже не сохранившихся к моменту проведения разведочных работ (Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992, с. 43).

В 1963 г. археологическая экспедиция Кабардино-Балкарского ГУ, руководимая Н.А. Шафиевым раскопала три кургана Заюковского курганного могильника, расположенного на правом берегу р. Баксан, напротив Заюково, рядом с пос. Хакуарда Шафиев Н.А., 1963А. Р-1. №2690. Л. 5–8.; Шафиев Н.А., 1963. С. 97-102). В 1965 исследователь продолжил раскопки могильника №3 у сел. Чегем II, начатые И.А. Владимировым (1897) и П.Г. Акритасом (1954). Н.А. Шафиев раскопал 13 курганов.

В 1969 г. Археологическая экспедиция КБНИИ исследовала средневековые курганы у сс. Нижний Черек и Псыгансу Урванского района Кабардино-Балкарии. Большой импульс изучению курганов придали развернувшиеся в начале 1970-х гг. новостроечные работы. В 1972-1977 гг. новостроечной археологической экспедицией Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики частично или полностью было исследовано семь курганных могильников (219 курганов), относящихся к XV-XVII вв. (могильники у с.Чегем II №1-4, у сс. Лечинкай, Кызбурун III, Шалушка) (Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975. Р-1 № 5421; Нагоев А.Х.,1987). В 1973 г. был исследован средневековый курганный могильник, находившийся в зоне строительства Чегемской оросительной системы (Нагоев А.Х., 1987).

В 1969 г. археологическая экспедиция под руководством И.М. Мизиева исследовала курганный могильник у сел. Псыгансу, осмотренный еще в 1947 г. Е.И. Крупновым (Крупнов Е.И., 1948. Р-1. № 163). В 1969 г. было раскопано два кургана. Эти курганы позднее были отнесены к кругу «типичных кабардинских погребальных памятников позднего средневековья» (Нагоев А.Х., 1985. Р-1 № 10543. С. 11).

В 1969-1970 гг. археологическая экспедиция КБНИИ проводила раскопки средневекового курганного могильника у сел. Нижний Черек. Было

раскопано 11 насыпей, в 1988 г. на этом могильнике был исследован еще один подвергавшийся разрушению курган (Нагоев А.Х., 1988 г. Р-1 № 13496; Мизиев И.М., Нагоев А.Х., 1970. С. 126–127).

В 1973 г. был исследован располагавшийся в зоне строительства Чегемской оросительной системы курганный могильник, датированный исследователями XV–XVII вв (Нагоев А.Х., Бетрозов Р.Ж., 1980. С.121–137).

В 1977 г. экспедиция Карачаево-Черкесского областного музея краеведения под руководством Г. Х.-У. Текеева проводила раскопки курганного могильника XIV–XVI вв. в урочище Байтал-Чапкан (Текеев Г. Х.-У., 1978. С.144-145). В 1977 г. Х.Х. Биджиев проводил раскопки курганного могильника XIV–XV вв. у х. Важный (Алексеева Е.П., 1988. С. 81). В 1982 г. Г.Х.-У. Текеев исследовал два средневековых кургана на правом берегу р. Кубань у с. Важный (Текеев Г. Х.-У., 1984. С. 135.).

В 1970-1971 гг. 1-й отряд археологической экспедиции ЧИ НИИ ИЯЛ под руководством В.Б. Виноградова исследовал ряд средневековых памятников в Назрановском районе Чечено-Ингушетии. В 2 км восточнее селения Али-Юрт была обнаружена курганная группа из 50 близко расположенных земляных или каменных насыпей небольших размеров. Было раскопано два кургана. Исследователи отнесли могильник к числу кабардинских (Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1972. С. 223, 226-228).

В 1977 г. Археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР проводились исследования средневекового курганного могильника у с. Чикола в СО АССР (Николаева Н.А., Сафронов В.А, 1977. Р-1. № 6847). В1987 г. В.Л. Ростуновым проводились раскопки кабардинского курганного могильника у с. Октябрьское СО АССР.

В 1984 г. было раскопано 8 курганов кабардинского могильника у сел. Кызбурун III, который был датирован XV–XVII вв. (Нагоев А.Х, 1984, Р-1 № 10543).

В 1988 г. археологическая экспедиция КБНИИ проводила археологические изыскания в районе г. Нальчик на территории

Вольноаульского лесничества, называемой Дубками. Было открыто два средневековых курганных могильника, на которых раскопаны 11 курганов (Нагоев А.Х., 1988 г. Р-1 № 13496).

В рамках составления «Археологической карты Чечено-Ингушской АССР» Р.А. Даутовой проводилась инвентаризация позднесредневековых курганных могильников на территории Чечено-Ингушетии. На основе архивных материалов, публикаций и полевых археологических исследований исследовательницей были выявлены две группы могильников: памятники XIII-XIV вв., оставленные кочевыми группами, входившими в состав Золотой Орды, и курганные могильники XV-XVII вв., сосредоточенные в основном в бассейне верховий р. Сунжи и связанные с расселением на данной территории кабардинцев (Даутова Р.А., 1989. С. 73-74).

Подводя итоги третьего периода, заметим, что это время было одним из самых результативных в изучении курганных могильников Северного Кавказа, значительная часть из которых оставлена адыгскими племенами средневековья и нового времени. Масштабные новостроечные работы увеличили во много раз источниковую базу, что способствовало появлению исследований, посвященных особенностям погребального обряда адыгов отдельных регионов. Однако, научные отчеты и публикации этого времени показали, что в подавляющем большинстве случаев авторы не допускают никакой иной интерпретации рассматриваемых средневековых курганных и грунтовых некрополей, помимо адыгской.

Четвертый период (1990-е – 2000-е гг.) изучение средневековых курганных могильников связан, прежде всего, с новостроечными исследованиями.

В 1990 г. Южно-Кубанской археологической экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника проводились охранные раскопки грунтового могильника Бжид I (Туапсинский район) (Пьянков А.В., Сторчевой А.А. 1992. С. 63-65). Всего было исследовано 140 погребений, относящихся к двум хронологическим

группам: к V–VII вв. и X–XIV вв. (20 трупоположений в каменных ящиках и грунтовых ямах, 6 урновых, совершенных по обряду кремации на стороне и 1 безурновое). Еще 13 погребений вследствие отсутствия погребального инвентаря или его невыразительности авторами датированы не были. (Пьянков А.В., Сторчевой А.А. 1992, с.63-65; Пьянков А.В. 1994, с. 49-50).

В 1990 г. Хатажукайским отрядом Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ проведены раскопки могильника Малые кургашки в Мостовском районе Краснодарского края (Эрлих В.Р., 1991А, №15173)

В 1991 г. Приморским отрядом Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ продолжил исследования средневековых памятников в Геленджикском районе Краснодарского края. Проводились охранно-спасательные работы курганного могильника XVI–XVII вв. на землях совхоза «Дивноморский» в урочище Церковная щель (Носкова Л.М., 1992А. Р-1. № 16039).

В 1992 г Федоренко Н.В. близ пос. Мысхако был доследован разрушенный курганный могильник, датированный исследовательницей XIII–XV вв. (Федоренко Н.В., 1992. Р-1. № 17286).

В 1998 г. на Ачуевском мысу И.В. Волковым проводились раскопки курганных могильников Черный Ерик – 1 и Черный Ерик – 2, датированные XV в. и отнесены к кругу погребальных памятников адыгов (Волков И.В., 2002. Р-1 № 22487; Волков И.В., 2002. С. 158-160).

В 1998–1999 гг. А.В. Дмитриевым были исследованы позднесредневековые курганные могильники Тешебс на развилке дорог в Дровяную и Черкесскую щели и Свистунова Щель, расположенные в зоне строительства газопровода Россия – Турция. Было раскопано четыре кургана могильника Тешебс (три кургана отнесены к XIII–XV вв., датировка первого кургана затруднительна) и семь курганов могильника Свистунова Щель (XIV-XVI вв.) (Дмитриев А.В., 1999). Помимо того, в 1998 г. исследователь проводил доследование средневекового курганного могильника Цемдолина (Дмитриев А.В., 1998. Р-1. № 21694).

В 1999 г. археологическая экспедиция Краснодарского государственного университета культуры и искусств под руководством Б.А. Раева проводила исследования курганов могильника Лыгохт 1 в Лазаревском районе города Сочи. Восемь раскопанных курганов были отнесены к кругу адыгских погребальных памятников и датированы XIV-XVI вв. (Раев Б.А., 2000. Р-1 № 23396).

В 2000-2001 гг. Д.Э. Василиненко были исследованы 32 средневековых кургана могильника Тешебс-1 (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. С. 19).

В 2000 году в Северском районе Краснодарского края проводились раскопки позднесредневекового адыгского могильника Шабановский 2 (Берлизов Н.Е., 2001).

В 2001 г. в Туапсинском районе Краснодарского края проводились раскопки курганного могильника Бжид 2, датированного исследователями XVI–XVII веками (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенёк Л.Н., Дмитрук В.В., 2003. С.71).

Осенью 2001 г. в зоне строительства жилого поселка близ ст. Крепостная (Северский район) силами трех археологических отрядов, возглавлявшихся Б.А. Раевым (Комитет по охране, эксплуатации и реставрации памятников истории и культуры (наследие) Краснодарского края), С.И. Лукьяшко (ООО «АРТ.Т»), и Е.И. Нарожным (Армавирский государственный педагогический институт), были проведены исследования обширного курганного могильника Крепостной 2. В общей сложности раскопано 111 насыпей, которые были отнесены к кругу позднесредневековых могильников адыгов (Раев Б.А., 2002. Р-1. № 25268; Дружинина И.А., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008. С. 304).

В 2006 г. Адыгейский отряд ИА РАН проводил исследования курганной группы из 4-х насыпей, расположенной в 5 км к северо-западу от пос. Краснооктябрьский Майкопского района республики Адыгея. Все курганы разрушены и ограблены. Остатки погребльного инвентаря

погребения из к. 1 позволяют отнести памятник к XV–XVI вв. (Дружинина И.А., 2007А).

В 2007 г. проведены раскопки могильнике Аушедз XIV в. в Северском районе Краснодарского края (Раев Б.А., 2009А. Р-1 № 43675).

В долине р. Мзымты Д.Э. Василиненко были раскопаны пять курганов в составе биритуального могильника Медовеевка-1 и три кургана в составе курганного могильника Носовцева Поляна (Василиненко Д.Э., 2007; он же, 2008). Курган 4 могильника Медовеевка-1 содержал богатое воинское ингумационное погребение и был датирован исследователем концом XIII – серединой XIV в. (Василиненко Д.Э., 2008. С. 267). В кургане 1 были исследованы кремационные погребения в пифосах, датированных Д.Э. Василненко XIII-XIV вв. Могильник Носовцева Поляна по материалам проведенных раскопок был датирован XIV-XV вв. (Василиненко Д.Э., 2007. С. 271).

В 2007 г. Баранюк А.В. раскопкал два средневековых кургана группы «Сосновая Архипо-Осиповская щель-1» в пос. Архипо-Осиповка г. Геленджика (Баранюк А.В., 2008А. Р-1 № 42475).

В 2009 г. Баранюком А.В. и Сазоновым А.А. проведены раскопки 3-х курганов могильника «Морская сказка», 27-ми курганов могильника могильника «Азаренский 1», одиночного кургана «Артюхов», курганной группы «Джубга 5» и грунтового могильника «Азаренский» в Туапсинском районе (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А).

В 2010 г. Адыгейской экспедицией Института археологии РАН была исследована курганная группа Псекупская 3 в 3,6 км к северу от аула Ново-Вочепший (Республика Адыгея). Раскопаны курганы 1 (курган Асрана) и 2. В первом выявлено богатое воинское погребение, датированное второй половиной XV – первой половиной XVI в. Останки погребенного в к. 2 почти не сохранились, инвентарь не выявлен (Дружинина И.А., 2011А).

В 2011 г. Успенский П.С. провел археологические раскопки на биритуальном могильнике Крученая щель III в Абинском районе. В том числе исследованы ингумационные погребения XIV в.

В 2011 г. сотрудниками ООО «Кубаньохранкультура» проведены охранно-спасательные раскопки двух насыпей курганного могильника Джубга-1, датированного XIII– XIV в. (Федосова Ю.Н., 2012А. № 30759).

В 2012 г. М.А. Бакушев исследовал курганную группу Холодный родник 3 в Туапсинском районе Краснодарского края. Раскопано 140 каменных насыпей, большинство из которых не содержали погребений. В четырех насыпях погребения обнаружены. Анализ материала позволил датировать могильник второй половиной XVIII в. (Бакушев М.А., 2013А)

В 2012 года археологической экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством О.В Сергеевой были проведены научные археологические исследования на памятниках археологии – курганных могильниках Холодный родник 5, Агой 1 в Туапсинском районе Краснодарского края. В ходе проведенных работ на могильнике Холодный родник 5 раскопано 80 насыпей, содержащих 27 погребений, на могильнике Агой 1 – 15 насыпей, без погребений (Сергеева О.В., 2013А).

Этой же экспедицией проведены исследования памятников археологии в Лазаревском районе Краснодарского края. Исследовано 13 курганов (Абиссиника 2, Черноморка 1 – курганы 1-3), датированных кон. XVIII – XIX вв. и 18 объектов, оказавшихся не памятниками археологии (Каменные сооружения на Мухортовой поляне, Тихоновка 2, Матросская щель 1, Черноморка 1 – объекты 4-7) (Сергеева О.В., 2013Аа).

В 2012 Трифонов В.А. провел раскопки курганного могильника Красная поляна 2. По особенностям структуры насыпей безынвентарые погребения были отнесены к эпохе средневековья (Трифонов В.А, 2012А. №30694).

В 2012 г. археологической экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» проведены раскопки курганных могильников Чаплук 2 и 3

в Туапсинском районе. На могильнике Чаплук 2 исследовано 25 кургнов, на могильнике Чаплук 3 – раскопано 10 курганов. В некоторых насыпях находились каменные гробницы-крепиды. Памятник датирован XVII–XVIII вв. (Шеф А.В., 2012А Р-1 № 41710; 2012А Р-1 №№ 41711-41712).

В 2012 г. Баранюком А.В. и Голубевым Л.Э. были доследованы погребения, по-видимому, грунтового могильника, разрушенные дважды: при строительстве дома в 60-х гг. XX в. и при проведении работ по углублении подвала этого дома уже в 2012 г. Хозяин дома передал фрагменты костей трех скелетов вместе с вещами сопроводительного инвентаря. Помимо того, археологи доследовали одно мужское воинское погребение. Погребальные комплексы датированы XII–XIII в. (Баранюк А.В., Голубев Л.Э., 2013. С. 115-119).

В 2012 г. в Туапсинском районе проведены археологические исследования 4 насыпей курганной группы Шапсуго 5 в 2,5 км к востоку от с. Дефановка, датирована XVIII–первой половиной XIX в. и соотнесена с субэтнической группой шапсугов (Давудов Ш.О., Схатум Р.Б., 2013).

В 2013 г. к 2 км к СЗ от с. Дефановка проведены археологические раскопки 3 насыпей курганной группы Дефань IV, датированы XIII–XIV вв. и отнесены к «кругу средневековых адыгских памятников» (Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2014. С.177–185).

В 2013 года экспедицией под руководством А.В. Дедюлькина проводились раскопки памятников археологии в Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края. Были исследованы 13 насыпей курганной группы Черноморка 2, датированной XVI–XVII вв. (Дедюлькин А.В., 2015А; Дедюлькин А.В., Курмановский В.С., 2018).

В 2014 г. сотрудники ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» провели охранно-спасательные раскопки части могильника Гостагаевская I. Исследователи отнесли могильник к XII–XIII в. Часть материалов введена в

научный оборот и атрибутирована как «касожская» – «шегакская» (Голубев Л.Э., 2017).

В 2015 г. сотрудники ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» провели раскопки биритуального курганного могильника «№258» на территории Новороссийска, в 2,9 км к западу от станицы Натухаевская. Раскопано 10 курганов, окруженных подпрямоугольными каменными обкладками, ориентированными по сторонам света, датированных исследователями концом XII–XIII вв. (Верещагин В.В., Верещагина Е.Л., 2017. С. 328.

В 2015 г. В.Л. Лысановым и А.А. Малышевым в долине р. Бедричка, левый приток Маскаги (Анапская долина), исследовался участок грунтового могильника площадью 44 м^2 с погребениями в каменных гробницах, датированными XIV в. (Дружинина И.А. и др., 2017).

На фоне интенсивных новостроечных работ, затронувших средневековые памятники Северо-Западного Кавказа, было возобновлено и целенапраденное научное изучение адыгских курганных могильников. В рамках работ Северо-Кавказской экспедиция ИА РАН Абинским отрядом под руководством И.А. Дружининой производились раскопки на пяти курганных могильниках: Грузинка VII (*Дружинина и др.,* 2005. С. 287; 2010. С. 264; 2013. С. 177–178), Грузинка Ха (*Дружинина и др.,* 2004. С. 261–262; *Гей,* 2005. С. 45–46. Рис. 4–5; *Дружинина и др.,* 2005. С. 286; 2007а. С. 309–310; 2010. С. 265; *Дружинина, Чхаидзе,* 2011б. С. 275–276), Грузинка Хб (*Дружинина и др.,* 2007а. С. 310–311; 2010. С. 265; 2013. С. 178–179), Грузинка Хв (*Дружинина и др.,* 2013. С. 179–180; 2015а. С. 351–353) и Лысенков I (*Дружинина, Чхаидзе,* 2011б. С. 276). Всего исследовано 23 кургана и одно грунтовое захоронение, содержащие 34 погребения. Получены материалы, относимые к XIV–XVIII вв. Прослежена эволюция обряда населения Абинской долины в эпоху средневековья и нового времени, выявлены локальные варианты обряда (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2011. С. 149–156).

ГЛАВА II
ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АДЫГОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НОВОГО ВРЕМЕНИ

Основным источником наших знаний о средневековой и новой истории адыгов являются археологические материалы, которые представлены преимущественно погребальными памятниками. Их изучение с самого начала было связано с решением ключевых проблем, таких как формирование культуры и этнической территории адыгов, сложение крупнейших субэтносов – современных адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов.

Большое значение представляет исследование адыгских курганов и для изучения истории других народов Северного Кавказа – абазин, ногайцев, карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей. Динамика распространения на протяжении пяти столетий адыгских курганов по равнинам и предгорьям Северо-Западного, а затем и Центрального Предкавказья, отражает не только изменения территории расселения адыгов, но и особенности формирования этнокультурной картины всего северокавказского региона. Выявление локальных особенностей погребального обряда позволяет проследить этнокультурные контакты и формы взаимодействия адыгов и их соседей. Вопрос о хронологии кабардинских курганов, неизменно переходящий в плоскость дискуссии о времени появления адыгов в Центральном Предкавказье и сложении кабардинского субэтноса, тесно связан с изучением средневековой истории карачаевцев и балкарцев, осетин и ингушей, кумыков и ногайцев, а также ряда других народов. Необходимость разрешения этих и многих других актуальных вопросов относит изучение погребального обряда адыгов эпохи средневековья – нового времени к числу наиболее важных и перспективных тем современного кавказоведения.

Со второй половины XIX в. отечественные археологи, работавшие на Северном Кавказе, отмечали большое количество курганных могильников, состоявших из десятков и сотен небольших насыпей. Перед

исследователями, в первую очередь, возникали два основных вопроса: какому народу или культуре принадлежат эти памятники и к какому периоду истории они относятся. Следует сказать, что эти вопросы не получили окончательного разрешения и по сей день, но обрели собственную историографическую традицию.

При известном множестве и разнообразии взглядов на проблему в историографии сложились два основных подхода к оценке происхождения данной группы памятников: согласно первому из них, курганные могильники формировались в поликультурной и полиэтничной среде, частью которой были адыгские «племена», согласно второму подходу – эти могильники оставлены моноэтничным населением – средневековыми адыгами.

В истории изучения погребального обряда предков адыгов XIII – XVII вв. можно выделить три периода:

I период: 80-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в.;

II период: 20-е гг.– 80-е гг. XX в., в рамках которого выделяются два подпериода 20-е гг. –50-е гг. XX в. и 60-е гг. – 80-е гг. XX в.;

III период: 90-е гг. XX в. – по настоящее время.

Так, начало профессионального археологического изучения курганных могильников XIII–XVIII вв., выявленных на равнинах и предгорьях Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья (*Антонович В.Б., 1879; Береншtам В.Л., 1879; Веселовский Н.И.(см.: ОАК за 1896-1897, 1900, 1903,1905-1906, 1914-1915); Керцелли Н.Г., 1877; Керцелли Н.Г., 1878; Миллер А.А., 1909; Самоквасов Д.Я., 1882; Самоквасов Д.Я., 1908; Саханев В.В., 1914; Сизов В.И., 1889*) *в первом периоде* связано с формированием представления об участии различных народов и племен в появлении этой группы памятников, о вариативности погребального обряда адыгских «племен», объясняемой инокультурным влиянием на сложение погребальных практик адыгов в различных районах их расселения.

Результаты археологических исследований в Северо-Восточном Причерноморье позволили А.А. Миллеру выделить «обычный тип

погребения» для «черкесских курганов» этого района *(Миллер А.А., 1909. С. 102)*. О «типе белореченских курганов» пишет Н.И. Веселовский *(ОАК за 1905. С. 69; ОАК за 1906. С. 77)*. В отдельную группу курганов «старокабардинского типа» выделяют могильники Центрального Предкавказья В.Б. Антонович и Д.Я. Самоквасов *(Самоквасов Д.Я., 1882. С. 59)*. С этими тремя «типами» или точнее группами памятников – курганами Северо-Восточного Причерноморья, белореченскими курганами Закубанья и кабардино-пятигорскими могильниками – впоследствии станут соотносить все исследованные адыгские погребения, а зачастую и просто – курганные средневековые. Они выступали основой в создании общих типологий курганных могильников адыгов.

В этом периоде появились и первые наработки в области хронологии курганных древностей.

Второй период связан с глубочайшими социально-политическими потрясениями в стране, установлением советской власти и, как следствие, внедрением в историческую науку новой методологии, базировавшейся на марксистской идее смены общественно-экономических формаций как основы исторического процесса. На развитие советской археологии 1920-х – первой половины 1930-х гг. определяющее влияние оказала яфетическая теория (теория стадиальности) Н.Я. Марра, утверждавшая, помимо прочего, примат автохтонного развития народов, происходившего непрерывно, от стадии к стадии, путем интеграции соседних групп, а также рассматривавшая языки и культуры, в том числе древние, как классовые в своей сущности понятия (Шнирельман В.А., 1993. С. 52-53). С середины 1930-х гг. перед советскими историками на первый план была выдвинута задача изучения истории конкретных народов СССР. При этом в послевоенные годы отечественное кавказоведение оказалось в рамках запрета на объективное изучение истории депортированных народов – чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев.

В таких условиях во второй половине 1940-х – 1950-х гг. были подготовлены капитальные истории адыгских народов: в 1946 г. вышли в свет «Краткий исторический очерк Кабарды» Г.А. Кокиева и обширное исследование «Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев)» (Кокиев Г.А., 2005а, б), работа А.П. Смирнова «К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным» (Смирнов А.П., 1948), «Древняя история и культура Кабарды» (Крупнов Е.И., 1957) и «Очерки истории Адыгеи» (1957). В этих работах обосновывалось непрерывное поступательное развитие адыгской общности в эпоху средневековья, не испытавшей какого-либо значительного культурного влияния извне, а также представление об этнической территории адыгов, век от века лишь расширявшейся.

В соответствии с этим в первой половине 50-х гг. XX в. были подготовлены обобщающие работы, посвященные отдельным территориальным группам могильников – белореченским курганам Закубанья *(Левашева В.П., 1953)*, курганам в верховьях Кубани (*Минаева Т.М.*, 1954 б), кабардинским курганам Центрального Предкавказья (равнинные районы Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии) *(Милорадович О.В., 1954)*. Все эти памятники рассматривались исследователями как курганные могильники, оставленные адыгскими «племенами»; выявляемые на их материалах особенности объяснялись многообразием языческих представлений и погребальных обрядов адыгов.

Конец 1950-х гг. представляет собой определенный рубеж в развитии отечественного кавказоведения. В 1957 г. были реабилитированы и вернулись на родные земли депортированные северокавказские народы, и, как следствие, были сняты запреты на изучение закрытых ранее тем, связанных с их историей. Однако в средневековой археологии Северного Кавказа не произошло какой-либо заметной ревизии и корректировки обозначенных прежде оценок и взглядов на этнокультурную принадлежность рассматриваемых нами археологических памятников региона. И в первом

обобщающем исследовании известных к середине XX в. средневековых курганных могильников, выявленных от Северо-Восточного побережья Черного моря до междуречья Сунжи и Фортанги, подготовленном Е.П. Алексеевой, эти могильники рассматривались только как адыгские *(Алексеева Е.П., 1959)*.

Дальнейшее изучение погребального обряда средневековых предков адыгов на втором этапе связано с существенным увеличением источниковой базы по курганным могильникам в результате масштабных археологических исследований, проводившихся на Северном Кавказе новостроечными экспедициями. Возникавшие в это время аналитические работы базировались на выводах В.П. Левашевой, О.В. Милорадович и Е.П. Алексеевой. Но с накоплением новых материалов *(Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963; Шафиев Н.А., 1965; Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1972; Нагоев А.Х., 1970; Текеев Г. Х.-У., 1977; Нагоев А.Х, Бетрозов Р.Ж., 1980; Тарабанов В.А. 1984 и др.)* обозначались и новые вопросы, рассмотрение которых потребовало уточнения научных схем *(М.К. Тешев, 1985; Нагоев А.Х., 1982; Нагоев А.Х., 1982а)*. Особое значение во втором подпериоде получает решение вопроса о хронологии кабардинских курганов *(Нагоев А.Х., 1982; Ртвеладзе Э.В., 1973)*.

Демократизация советского общества в 1980–1990-е годы способствовала росту национального самосознания. Но заложенные ранее в подходах к изучению и интерпретациях археологического материала основания для этнической напряженности вылились в настоящую битву «за историческое прошлое» на страницах научных работ, квази- и псевдонаучных публикаций, в сети Интернет. И хотя перед профессиональными исследователями открылся весь спектр течений и направлений исторической науки, в разы увеличился фонд источников, по сравнению с тем, которым располагали археологи в середине прошлого столетия, изучение центральной проблематики развивается во многом в

рамках, унаследованных от идейных установок и научных концепций середины прошлого столетия.

Тем не менее, в изучении погребального обряда адыгов XIII–XVII вв. проделана огромная работа. На протяжении третьего периода продолжаются активные полевые исследования погребальных памятников на Северо-Западном Кавказе и в Центральном Предкавказье. Обобщение накопленных археологических материалов, в том числе погребальных памятников других народов Северного Кавказа эпохи средневековья, позволяет сегодня на новом методическом и информационном уровне обратиться к изучению центральной проблематики. Разрабатываются вопросы типологии и датировки отдельных категорий погребального инвентаря (*Крамаровский М.Г.1993,2001,2012 и др.; Горелик М.В., 2006, Армарчук Е.А., 2006, 2011, 2015 и др.)*, хронологии и особенностей отдельных могильников *(Носкова Л.М., 1991, 1991а,1992; Тарабанов В.А., 1994; Новичихин А.М., 1996; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997; Голубев Л.Э., 1997; Волков И.В., 2002; Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2002; Стрельченко М.Л., 2002; Шишлов А.В. и др., 2003; Армарчук Е.А., 2004; Носкова Л.М., 2005; Василиненко Д.Э., 2007; Дружинина И.А., 2007; Василиненко Д.Э., 2008; Дружинина И.А., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008; Носкова Л.М., 2009; Горелик М.В., Дружинина И.А., 2012)* и целых групп памятников *(Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992; Нарожный Е.И., Скубина И.А., 1995; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001; Василиненко Д.Э., 2009; Дружинина И.А., 2009)*. На первый план выходит проблематика этнокультурного взаимодействия на территории Северного Кавказа в XIV – XVII вв. и вопросы о влиянии соседних народов на традиции и обычаи адыгов *(Дмитриев А.В., 1988; Армарчук Е.А., 2001, Стрельченко М.Л., 2003; Нарожный Е.И., 2005; Дружинина И.А., 2016)*. Появляются работы, посвященные результатам анализа материалов памятников отдельных регионов *(Нагоев А.Х., 2000; Фоменко В.А., 2002; Армарчук Е.А., 2003; Носкова Л.М., 2006; Дружинина И.А., 2010; Дружинина*

И.А., 2012). Остро ощущается необходимость в новом обобщающем исследовании аккумулированной к настоящему моменту информации по средневековым курганам Северного Кавказа XIII – XVIII вв. Такова общая схема изучения погребального обряда средневековых предков адыгов. Перейдем к более детальному историографическому обзору.

§1. Начало профессионального изучения погребального обряда средневековых адыгов: 80-е гг. XIX в. – 10-е гг. XX в.

I этап. Первое обобщающее исследование ***курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья*** предложил в своей обширной работе «Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии» *Владимир Ильич Сизов*. Исследователь выделил два типа курганов: насыпи с ингумационными и кремационными погребениями. На основании материалов ингумационных могильников В.И. Сизов выделил три хронологических группы погребальных памятников. К могильникам XIV–XV вв., датированным по монетам ханов Узбека (ок. 1283–1314) и Джанибека (1342–1357), В.И. Сизовым были отнесены курганы на хуторе Карпенки (Натухаевская ст.) и на земле казака Полонского (Раевская ст.), курганы у Геленджикской бухты, на хуторе Ткачева. В группу могильников более раннего времени – предположительно XIII–XIV вв. – исследователь включил также могильники, расположенные в сел. Береговой и в лесу, в 1 версте от Геленджикской бухты.

При этом, сравнивая результаты раскопок двух могильников – у Геленджикской бухты и в 1 версте от Геленджикской бухты, В.И. Сизов сделал интересные наблюдения. Исследователь выделил некоторые признаки, которые, как он полагал, «могут зависеть как от разновременности могильников, так и от этнического различия обитателей этих местностей»: расположение каменных гробниц (в центре подкурганного пространства – в западной поле кургана); материал, используемый для строительства гробниц (обработанные плиты из песчаника – необтесанный камень); расположение

керамических сосудов (в ногах погребенного – у головы) (Сизов В.И., 1889. С.68–69). Во всех случаях второй вариант, по мнению В.И. Сизова, указывал на большую древность погребения (Сизов В.И., 1889. С. 69).

К третьей группе – наиболее поздним курганным памятникам В.И. Сизов отнес могильник в 1 версте от камня Св. Георгия (окрестности ст. Раевская) с невысокими насыпями подовальной формы, окруженными каменной обкладкой в несколько рядов по основанию и с «высокими столпообразными камнями, неравной высоты», установленными «по концам овала» (Сизов В.И., 1889. С. 91–92). Исследователь подчеркнул родство погребений данного могильника «с почти современными черкесскими и вообще мусульманскими», отличие которых от более древних насыпей заключено в гораздо меньших размерах (Сизов В.И., 1889. С. 92).

Отдельно В.И. Сизов рассматривал могильник у ст. Раевской, на пересечении двух дорог – Новороссийской и Баканской. Он перечислил выявленные при раскопках памятника «чуждые другим могильникам» признаки: «особенным образом устроенный сруб или гроб из толстых бревен, заливка известью поверхности над гробом, ... занятие чужой насыпи (впускное погребение – И.Д.)», а также отметил особенности найденных в погребении вещей, в том числе двух чашек и кувшина, производство которых В.И. Сизов связывал с Ираном и Родосом и датировал XVII в. (Сизов В.И., 1889. С. 134–136). Исследователь отнес эти могильники к числу погребальных памятников ногайцев (Сизов В.И., 1889. С. 135). С пришлым кочевым народом связывал В.И. Сизов и раскопанные им у Раевского городища подкурганные погребения в колодах и с захоронением боевых лошадей.

Исследователь первым высказал предположение, что курганы, содержавшие несколько скелетов, захороненных в одной или более гробницах, играли «роль семейной или, быть может, родовой усыпальницы» (Сизов В.И., 1889. С. 83). Позднее, эту идею поддержал К. фон Мерс (Архив ИИМК РАН. 1909: Л. 10).

Большое значение В.И. Сизов уделял изучению ориентировки погребенных. Он пришел к выводу, что «обычное положение скелетов в этой местности было с севера на юг, и что это положение можно считать традиционным погребальным обрядом исследованного края», положение скелета с запада на восток исследователь, напротив, связывал с теми, кого «смело можно отнести к какому-то пришлому населению» (Сизов В.И., 1889. С. 153).

В.И. Сизов полагал, что многие зафиксированные им черты погребального обряда восходили к эпохе бронзового века. К этому выводу, в первую очередь, исследователь пришел, анализируя устройство каменных ящиков подкурганных погребений (Сизов В.И., 1889. С. 154–157). Отголоском древних обычаев Владимир Ильич считал и практику дозахоронения умерших в одну гробницу, когда, как полагал исследователь, «кости клались сюда (в каменный ящик – И.Д.) без мясных частей и в разное время» (Сизов В.И., 1889. С. 157). Истоки этой традиции В.И. Сизов находил в существовании у причерноморских племен античного времени обычая привешивать на деревья трупы умерших людей, а спустя несколько лет «высыпать кости в родственные могилы». Ссылаясь на сообщение атамана ст. Раевской и черкеса Кадрикова, а также авторов XVII в. Жана де Люка и XIX в. Дж. Белля, В.И. Сизов констатировал: «Такой обычай нельзя не считать уцелевшим древним погребальным обрядом, который не потонул в мусульманских верованиях, и в котором еще чувствуются следы почитания бога-громовника» (Сизов В.И., 1889. С. 157-158). Между тем исследователь отмечал и некое противоречие, заключавшееся в большом хронологическом разрыве между традициями времен античности и обычаями населения Северо-Восточного Причерноморья XIV–XV вв., а потому предположил, что этот обряд в золотоордынское время принесли в район от Цемесской долины до Анапы переселившиеся из Предкавказья в результате монгольского нашествия иранские племена, исповедовавшие религию маздаизма (Сизов В.И., 1889. С. 159–162). С ними исследователь связывал и ряд конкретных

памятников: могильники на хуторе Карпенки, на хуторе Ткачева, на земле Полонского, в Цемесской долине (Сизов В.И., 1889. С. 161). Эту гипотезу, пожалуй, за исключением М.Л. Стрельченко (2003. С. 31), исследователи оставили без внимания. Безусловно, связывать с зороастризмом обряд дозахоронения в подкурганные каменные ящики неправомерно, хотя бы потому, что многократно зафиксированное при раскопках подобных памятников, в том числе и самим В.И. Сизовым, не нарушенное анатомическое расположение костей одного из погребенных, как правило, захороненного последним, и смещенные кости погребенных ранее, свидетельствуют лишь о продолжительном времени использования такой гробницы для дозахоронений и значительных временных промежутках между захоронениями, в течение которых мягкие ткани погребенных успевали разрушиться и их кости могли быть легко смещены при новых погребениях.

Между тем, предположения В.И. Сизова о существовании у определенной части населения Северо-Восточного Причерноморья верований, связанных с традицией экспонации тела, может быть рассмотрена в контексте сообщений автора XIV–XV вв. Иоанна Шильтбергера, путешественников XVII в. Эвлия Челеби, А. Ламберти, Жана де Люка, авторов XIX в. европейца Дж. Белля и абхаза С.Т. Званба, а также данных этнографии, описывающих обычай подвешивать на высоком дереве гроб с телом пораженного молнией. Эти сведения разновременных источников восходят к существовавшему в Колхиде погребальному обряду, связанному с выставлением и «уничтожением» тел умерших, зафиксированному античными авторами III в. до н.э. Нимфодором и Аполлонием Родосским и более поздними авторами Николаем Дамасским (I в. до н. э.) и Клавдием Элианом (конец II – начало III в.) (Скаков А.Ю., 2011. С. 108–109). Этот обычай демонстрирует, по нашему мнению, самые тесные культурные связи адыго-абхазского населения Причерноморья.

В целом, в своем труде Владимир Ильич Сизов очертил круг вопросов, ставший впоследствии традиционным для исследователей средневековых курганов Северо-Восточного Причерноморья: выявление хронологических различий могильников, выделение типолого-хронологических групп памятников, изучение этнокультурного состава и верований населения этого региона в XIII–XVIII вв., истоков традиции кремации и ингумации, погребений в каменных ящиках и захоронений боевых коней. В то же время напрямую В.И. Сизов не отнес ни один из исследованных им памятников к числу адыгских могильников.

Первым это сделал *Александр Александрович Миллер, который выделил* «обычный тип погребения» для «черкесских курганов» Северо-Восточного Причерноморья выделил. К нему исследователь относил погребения «в составном каменном ящике, иногда прикрытом плитой». К типичным признакам исследователем была отнесена также кольцеобразная каменная кладка под насыпью. Одним из первых А.А. Миллер обратил внимание на то, что «обычай насыпать курганы держался у прибрежных черкесов очень долго, вплоть до распространения магометанства и даже позже» (Миллер А.А., 1909. С. 101–102). Между тем, в работах более поздних авторов рассмотрение адыгских курганных могильников нередко искусственно ограничивалась XIV–XVI вв., что зачастую приводило к ошибкам в определении датировки.

Тип ***белореченских курганов*** выделил *Николай Иванович Веселовский*. К нему, помимо собственно курганных групп по р. Белая, исследователь относил также могильники в окрестности ст. Губской (ОАК за 1897. С. 21), ст. Абинской (ОАК за 1903. С. 77), ст. Кужорской (ОАК за 1897; ОАК за 1905. С. 69), ст. Ярославской, Натухайской и Варениковской (ОАК за 1897). Подробную характеристику погребениям и находкам исследователь представил в 1898 г., в Отчете Императорской археологической комиссии за 1896 г. (С. 2–60). Все раскопанные курганы были отнесены исследователем к XIV–XV вв. Эта дата погребений была определена как «стилем найденных в

них вещей, так и золотоордынскими монетами, оказавшимися в одной из могил, и арабскими надписями на некоторых предметах» (ОАК за 1896. С.2).

Н.И. Веселовский выделял два главных типа погребений: первый – в подпрямоугольной яме, обычно без гроба, в большинстве случаев «лежали отдельные доски или в ногах и в изголовье могилы, или на скелете и под ним»; второй – в деревянном гробу, установленном в деревянном склепе, который либо впускали в материк, либо сооружали на горизонте. Только 4 мужские могилы были устроены на уровне древнего горизонта.

Боковые стенки деревянного склепа сооружали из толстых отесанных с внутренней стороны бревен, уложенных одно на другое и скреплявшихся пазами. Бревна поперечных стенок, судя по описанию, были неодинаковой длины, устанавливались вертикально и образовывали полукруг, «вследствие чего и крышка склепа имела вид срезанного на половину цилиндра». Иногда бревна крепились железными наугольниками или скобами, которые прибивались железными гвоздями со шляпками. Гробы также сколачивались при помощи железных (изредка деревянных) гвоздей и скоб. Как исключение, Н.И. Веселовский указывает на находку в одном кургане медного гроба. Гробы часто засыпали древесным углем на высоту до 1,4 м, «так что внутри земляной насыпи получался холм из сплошного и чистого угля». На дне могил нередко выявляли подсыпку из песка. В двух детских могилах их края были обложены камнями-голышами.

Погребенный уложен вытянуто на спине, руки протянуты вдоль тела, ориентировка западная, изредка южная. В некоторых случаях под голову, локти, пятки погребенного укладывали по серебряному, слегка вогнутому блюдцу. В некоторых курганах эти «блюдца» заменяли серебряные и золотые чаши и ковши. Погребальный инвентарь разделяется на мужской и женский в зависимости от «разности занятий, сообразно с полом покойника». Состав вещей чрезвычайно разнообразен и отличается богатством, в категориях украшений, посуды, поясной гарнитуры преобладают импортные вещи.

Н.И. Веселовский отметил также и такую особенность белореченских погребений, как нахождение в мужских и женских могилах пучков волос.

Среди общих для белореченских курганов черт Н.И. Веселовский называет захоронения в деревянных гробах, нахождение внутри некоторых гробов угля, близость погребального инвентаря (Веселовский Н.И., 1906. С. 77). Исследователь отмечает также сравнительную бедность погребального инвентаря «периферийных» могильников белореченского типа по сравнению с материалом, полученным им в результате раскопок в 1896–1897 гг. самих белореченских курганов.

Н.И. Веселовский не предложил этнокультурной атрибуции раскопанных им памятников. Исследователь отмечает, что «курганы такого типа распространены почти по всей Кубанской области; они находятся также в Терской и Тургайской *(Казахстан – И.Д.)* областях» (Веселовский Н.И., 1898. С. 2). При этом Н.И. Веселовский отмечал отсутствие в черепах погребенных в белореченских курганах «признаков монгольской расы» (Веселовский Н.И., 1898. С. 16). В.П. Левашева без ссылки на источник указывала, что исследователь связывал белореческие курганы с черкесами или ногайцами (Левашева В.П., 1953. С. 207).

Примечательно, что некоторые курганы, которые исследователь также относил к XIV–XV вв., Н.И. Веселовский отделял от белореченских. Так, в окрестностях ст. Ахметовской, им был раскопан курган до 3,2 м высотой, покрытый сверху слоем гальки толщиной до 0,7 м. В центре кургана оказалась вымощенная площадка из голышей овальной формы, длиной 3,2 м и шириной 1 м. На этой площадке лежал скелет головой на запад, вокруг него зафиксированы остатки дерева, по-видимому, от погребального сооружения. (Веселовский Н.И., 1908. С. 71).

Кабардинские курганы. Одним из первых приступил к исследованию средневековых курганов в Пятигорье Н.Г. Керцелли. В 1877 г. он производил исследования близ станицы Горячеводской, а также в округе станиц Змейская и Николаевская Владикавказского округа. Исследователь отнес эти

памятники к черкесским или кабардинским: «Предание народное об этих насыпях говорит, что они воздвигнуты Мамаем; другие утверждают, что здесь в старину были не мирные Черкесские и Кабардинские аулы; с чем я вполне согласен, судя по характеру вырытых вещей и форме черепов» (Керцелли Н.Г., 1877. С. 2). Исследователь приводит общую характеристику погребального обряда и инвентаря раскопанных им памятников: «Покойник обыкновенно клался на доске (на материк) и обкладывался со всех четырех сторон толстыми брусьями; засыпался песком, смешанным с землей и мелкими камнями; затем покрывался толстой доскою, на которую и накидывалась насыпь, состоящего из земли и мелкого камня (гравия). Костяки лежали головой на З., ногами на В., в большинстве случаев голова лежала на затылке, а в меньшинстве на левом виске, в трех случая голова была обсыпана мелким углем, руки и ноги вытянуты, с правой стороны при мужских скелетах находимы были шашки довольно длинныя и в руке наконечники железных стрел, числом до 17-ти; а с левой стороны кинжал или нож, остатки ткани, куски железа, кольца и кожи. При женских: в ногах ножницы для стрижки овец, костяные иглы и ножи, серьги и кольца». В станице Николаевской «способ погребения точно такой же, какой встречен и в Змейской станице, с той только разницей, что многие из разрытых курганов не были завалены камнями, но поросли бурьяном и мелким кустарником терновника» (Керцелли Н.Г., 1877. С. 2-3).

К «погребальному типу, выяснившемуся из раскопок проф. Н.И. Веселовского … на земле Белореченской станицы Кубанской области» отнес курганы Нальчикского округа классный художник *И.А. Владимиров*. Им были исследованы могильники, расположенные в 2-х и 7-ми верстах на Северо-Восток от Нальчика, в 3,5 верстах на Юго-Запад от него, близ села Куденетова II-го и близ аула Кашка-тау (Владимиров И.А., 1900. С. 43). Отличие курганов Нальчикского округа от белореченских И.А. Владимиров усматривал в более бедном инвентаре их погребений. Между тем, исследователь не отметил другие не менее значительные отличительные

признаки двух групп памятников. Так, курганы Нальчикского округа сооружены в большей части из земли и камня, тогда как белореченские насыпи – земляные. Исследованные И.А. Владимировым погребения совершались в дубовых колодах, при этом ни в одном из отчетов о раскопках средневековых курганов на реке Белой колоды не упоминаются. Не отмечены Н.И. Веселовским и такие погребальные конструкции, как гробы с крышкой, но без дна, выявленные И.А. Владимировым.

Сближают обе группы памятников тип могильников – курганные, а также небольшая глубина могильных ям, использование деревянных погребальных конструкций, ориентировка и поза погребенного, наличие угольной прослойки в погребении и выразительных категорий предметов в составе вещевого набора, например, серебряных поясных чаш, не типичных для общей массы кабардинских курганов. Следует также уточнить, что сам И.А. Владимиров раскопанные им курганы к кабардинским погребальным памятникам не причислил, впервые это было сделано А.В. Мачинским (1941. С. 319–324).

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) относил раскопанные им в Пятигорье курганные могильники «ко времени господства монголов над Русскою землею», при этом уточнял, что «могильники этого рода» по аналогии с белореченскими курганами и могильниками XIV–XV вв. Северо-Восточного Причерноморья могут быть датированы монетами ханов Узбека (ок. 1283–1314) и Джанибека (1342–1357) (Самоквасов Д.Я., 1908. С. 254).

В этом же ряду курганов исследователь рассматривал могильники у Николаевского озера (около 200 насыпей у самого озера, напротив колонии Каррас, и около 100 насыпей на расстоянии 1 версты, за виноградниками Николаевской колонии). Насыпи 105 раскопанных курганов были насыпаны из земли и обложены по основанию камнями. Погребения совершались в большинстве случаев на горизонте, в 16 случаях – в неглубоких могильных ямах. Погребальная площадка или дно могильной ямы часто обмазывалось глиной или посыпалось щебнем. Умерших хоронили в деревянных гробах

или колодах, устанавливаемых на деревянный брус или толстую доску. В некоторых, преимущественно женских могилах, гробы были обложены крупным булыжником. Гробы составные, из шести досок, скреплявшихся деревянными или железными гвоздями (костылями). Крышка гроба плоская либо несколько выпуклая. В шести мужских погребениях выявлены колоды, закрытые толстыми брусьями. В некоторых погребениях «поверх гробов встречены деревянные помосты или засклепки могил». Погребенные уложены на спине, руки вытянуты, кисти располагались под тазовыми костями, ориентировка западная, лицо обращено вверх. В редких случаях «положенный в гроб остов замазывали желтою глиною.., а иногда засыпали мелким камнем, землей и углем». В головах и ногах погребенного в ряде случаев были выявлены плоские камни, в двух женских могилах, вместо камней, стояли пятиугольные дощечки. Из 105 раскопанных Д.Я. Самоквасовым курганов в 52 был выявлен погребальный инвентарь. Инвентарь хорошо дифференцируется на мужской и женский (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 8-10).

К этой же группе памятников были отнесены могильники у г. Машук (в урочище «Каменная ломка»), в урочище «Михайлово курганье», в полверсте от колонии Николаевская (с правой стороны дороги на Пятигорск), у виноградников колонии Каррас и у станицы Кисловодской, в месте слияния Подкумка и Аликоновки, где Д.Я. Самоквасовым были раскопаны по 2-3 насыпи, а также могильник «Против Третьей Балки», где им было исследовано 6 курганов (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12-14).

Дмитрий Яковлевич пришел к выводу, что раскопанные им курганы принадлежали «одной исторической эпохе и одному племени» (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 9). Вслед за В.Б. Антоновичем, исследователь отнес их к типу «старо-кабардинских» курганов. При этом Д.Я. Самоквасов одним из первых поднимает вопрос об участии кочевого населения Золотой Орды в сложении кабардинского субэтноса. «Могилы этого типа, – пишет исследователь, – не древнее времени вторжения в Европу монголо-татарских народов, смешению

которых с туземными обитателями Северного Кавказа обязан своим происхождением тип кабардинских племен» (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 59).

В 1902 г. В.Р. Апухтин исследовал обширный могильник, располагавшийся на СВ от станицы Горячеводская по берегу р. Подкумка в колонии Константиновская, в котором раскопал 39 небольших средневековых курганов (высотой до 1,4 м), группировавшихся вокруг больших (до 3,5 м высотой) насыпей предыдущих эпох (Апухтин В.Р., 1902. С. 28-32). Захоронения в средневековых курганах совершались на материке, погребенные засыпаны песком с мелким камнем, скелеты огорожены с четырех сторон брусьями до 40 см ширины, сверху прикрыты толской доской. Шесть курганов оказались безынвентарными, из них один был возведен над детским погребением, остальные пять, по мнению В.Р. Апухтина, над погребениями пожилых людей. Все они, а особенно черепа были обсыпаны углем. В 20 курганах исследованы мужские погребения. У левого бедра каждого из них выявлен нож, в ногах или около ножа – кресало, в правой руке – наконечники железных стрел. В к. 29 справа от локтя погребенного лежала сабля. В 10 женских погребениях у черепов найдены бронзовые кольца или серьги; в ногах, а в одном кургане на груди погребенной, находились ножницы для стрижки овец. В.Р. Апухтин отнес раскопанные им погребения «мирному кочевому народу» (Апухтин В.Р., 1902. С. 32). В советской историографии эти памятники рассматривались как кабардинские курганы (Милорадович О.В., 1954. С. 343–345; Нагоев А.Х., 2000. С. 26, №8; Фоменко В.А. 2002. С.12).

В 19 км от ст. Ессентукской по дороге к ст. Боргустанской на обширном могильнике В.Р. Апухтин раскопал 2 кургана: «могилы оказались такого же устройства как и Горячеводские, только брусья были тоньше» (Апухтин В.Р., 1902. С. 33).

Подводя итог первого этапа в изучении погребального обряда средневековых адыгов к числу наиболее важных, в первую очередь, следует отнести четко оформившееся представление о поликультурном и

полиэтничном характере исследованных средневековых курганных памятников (Сизов В.И., Веселовский Н.И., Самоквасов Д.Я. и др.).

§2. Вклад советских кавказоведов в изучение погребального обряда средневековых адыгов: 20-е гг. – 80-е гг. XX в.

2.1. Разработка проблемы в 20-е – 50-е гг. XX в.

В 1927 г. вышла в свет работа Б.В. Лунина, где автор представил результаты анализа раскопанных им 12 подкурганных погребений могильника на Константиногорском плато и 2 курганов за кирпичным заводом у Лермонтовского железнодорожного разъезда. Эта публикация представляет большой интерес, поскольку автор выделил особый вариант погребального обряда, связываемого с кабардинцами, а также изложил свои наблюдения относительно датировки исследованных памятников, и впервые выделил признаки, позволяющие, по его мнению, хронологически дифференцировать кабардинские могильники.

Исследованные Б.В. Луниным погребения совершались в могильных ямах значительных размеров (до 3 м длиной и до 1 м шириной). Глубина ям варьировала в пределах 0,25–0,6 м. Умерших хоронили в деревянных погребальных конструкциях двух вариантов: тело укладывали на плоскую доску и накрывали сверху деревянной колодой, в большинстве случаев скреплявшейся с доской железными скобами; или помещали в колоду и сверху накрывали «тонкой доской, уже не плоской, но несколько выпуклой (сверху) и углубленной внутри (как бы меньшей колодой), каковая доска, в большинстве случаев, также скреплялась с нижней колодой» (Лунин Б.В., 1927. С. 13).

Особый интерес представляют заключения автора о хронологическом дифференцировании кабардинских курганных могильников. Исследователь пришел к выводу, что раскопанные им курганы на Константиногорском плато и у Лермонтовского железнодорожного разъезда относятся к более позднему времени, а именно – к XVI–XVII вв. и даже к первой половине

XVIII в., нежели памятники, исследованные Д.Я. Самоквасовым, В.Р. Апухтиным, А.Н. Греном. Основание для своих выводов Б.В. Лунин усматривал в хорошей сохранности деревянных гробовищ, позволяющей без особых затруднений определить их форму, при этом скобы, скрепляющие стенки конструкций «сидели в досках еще настолько крепко, что для извлечения их иногда приходилось делать некоторое усилие, несколько расшатывая их» (Лунин Б.В., 1927. С. 14). На позднюю дату сооружения курганов, по мнению исследователя, указывает и то, что невысокие курганные насыпи не успели оплыть и не потеряли своей первоначальной формы. Но главным аргументом для датировки этих памятников XVI–XVIII вв. Б.В. Лунин, безусловно, считал более бедный и малочисленный погребальный инвентарь, чем в курганах ряда могильников, раскопанных его предшественниками. Б.В. Лунин заметил, что погребальный инвентарь носит «близкий к новому времени характер (ножи, ножницы, иглы и пр.)» и отличается отсутствием таких характерных для более древних комплексов предметов, как луки, стрелы и колчаны. К тому же автор отметил весьма хорошую сохранность железных находок (Лунин Б.В., 1927. С. 14).

Мнение исследователя о датировке раскопанных им курганов временем позднее XV в. поддержал А.Н. Грен. В письме Б.В. Лунину (1926 г.) А.Н. Грен замечает: «Я пришел к такому же выводу, как и Вы и считаю мелкие могилы (Константиногорского плато – Б.В. Лунин) принадлежащими Адыгам или вообще народам уже после Монголо-Татарской эпохи» (Лунин Б.В., 1927. С. 15, примечание).

Результаты своих исследований Б.В. Лунин представил 24 октября 1926 г. на заседании научного отделения Северо-Кавказского Краевого Общества археологии, истории и этнографии. Его выводы вызвали возражения со стороны *Всеволода Ростиславовича Апухтина* (1874 – ?). Исследователь не видел оснований к хронологическому делению кабардинских курганов. Свою позицию В.Р. Апухтин аргументировал тем, что на одном могильнике он при раскопках встречал и погребения с богатым

инвентарем, какие изучал в свое время Д.Я. Самоквасов, и погребения, сходные с теми, что раскопал Б.В. Лунин, в которых «предметный инвентарь был не только однообразен и крайне не велик количественно, но иногда (женские погребения) отсутствовал совершенно» (Лунин Б.В., 1927. С. 16).

С аргументами В.Р. Апухтина позднее согласился А.В. Мачинский, между тем, он допускал более позднюю датировку исследованных Б.В. Луниным могильников (Мачинский А.В., 1941. С. 324, сноска).

Скептически отнеслась к предложенной Б.В. Луниным датировке раскопанных погребений XVI – первой половиной XVIII вв. О.В. Милорадович. Вслед за А.В. Мачинским она связывала отсутствие оружия в некоторых кабардинских погребениях с имущественным неравенством кабардинского общества, и оружие, особенно сабли, считала индикатором богатых погребений (Милорадович О.В., 1954. С. 354). Здесь следует заметить, что высказанные как Б.В. Луниным, так и его оппонентами – В.Р. Апухтиным, А.В. Мачинским и О.В. Милорадович предположения не во всех случаях объясняют наличие комплексов с невыразительным и малочисленным инвентарем или отсутствие вещей в ряде погребений. На наш взгляд, в качестве одной из главных причин этой особенности обряда могут рассматриваться изменения погребальных традиций адыгов, возникшие под воздействием мировых религий – христианства и ислама.

С мнением исследователя о более поздней датировке могильников на Константиногорском плато и у Лермонтовского разъезда согласилась Е.П. Алексеева (Алексеева Е.П., 1959. С. 27). Обращает внимание также то, что А.Х. Нагоев ни в одной из своих работ не прокомментировал выводы Б.В. Лунина касательно хронологического деления кабардинских курганов Пятигорья.

Сравнительный анализ подкурганных погребений в окрестности г. Нальчик провел А.В. Мачинский (Мачинский А.В., 1941. С. 317-324). Он рассматривал результаты самостоятельного изучения курганного могильника в городском парке в 1929 г., а также исследований, проведенных в 1897 г. в

Нальчикском округе И.А. Владимировым, и раскопок 1932 г. Е.Ю. Кричевским близ пос. Долинский (на р. Нальчик) на достаточно широком фоне привлекаемых аналогий – материалов из подкурганных погребений Пятигорья, исследованных Б.В. Луниным, у станицы Андрюковской, раскопанных Н.И. Веселовским, у станицы Змейская – Ф.С. Гребенцом, а также исследованного совместно с А.П. Кругловым кургана в окрестностях сел. Ачхой-Мартан. Все эти памятники А.В. Мачинский датировал XIV–XVI вв., а курганы в окрестностях г. Нальчик отнес к кабардинским. В качестве хронологического признака, маркирующего более поздние погребения (XVI–XVII вв.) исследователь рассматривал отсутствие древесного угля в погребениях, характерного для памятников XIV–XV вв. (Мачинский АВ., 1941. С. 323).

На основе находок монет и предметов с арабскими надписями к XIV-XV вв. отнес основную массу ***белореченских погребений*** А.П. Смирнов (1948, с. 88). В своем кратком обзоре материалов данной группы памятников исследователь допустил неточность, назвав Белореченские курганы единым могильником. Следует отметить, что подобное ошибочное представление укоренилось и создает путаницу и сегодня, прежде всего при предпринимаемых попытках установления единой датировки для всех белореченских погребений.

По обряду погребения А.П. Смирнов выделил две группы могил. К первой он отнес погребения без гробов в продолговатых ямах, не взирая на значительный разброс в размерах могил: длина 1,5-4 м, ширина 0,75-2,25 м, глубина 0,18-2 м. К этой же группе А.П. Смирнов отнес и погребения на горизонте. Вторую выделенную группу составили погребения в деревянных срубах. Интересно, что в сооружении срубов, в облицовке стен могильных ям досками, а также в расположении серебряных и золотых блюдец под головой умершего А.П. Смирнов усматривал «отзвуки скифского обряда»: «Эти старые традиции не оставляют никакого сомнения в том, что население золотоордынской эпохи на Кубани являлось потомками древнего мэотского

населения» (Смирнов А.П., 1948, с. 88-89). Погребение, перекрытое сводом из сырцового кирпича, исследователь связывал с влиянием золотоордынской культуры (Смирнов А.П., 1948, с. 89).

На основе изучения отчетов о раскопках Н.И. Веселовского, хранящихся в ИИМК РАН (д. 56 за 1896 г.; д. 52 за 1906 г.) и описей экспонатов с кратким перечнем находок по погребениям, а также сверки их с коллекциями Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа *Варвара Павловна Левашева (1901–1974)* представила развернутую характеристику погребального обряда и инвентаря группы белореченских курганных могильников (Левашева В.П., 1953. С. 163-213, приложение). Эта работа стала первым глубоким обобщающим исследованием значительной группы курганных могильников XIV–XV вв. Закубанья.

Резюмируя свои наблюдения, В.П. Левашева пришла к выводу, что конструкция насыпей и могил белореченских курганов свойственна вообще всем адыгским погребальным памятникам Закубанья XIV–XV вв. Исследовательница пишет: «Все кубанские курганы, за редкими исключениями, насыпались тоже над одной могилой; так же как в белореченской группе, в них встречаются деревянные склепы, засыпанные углем, а иногда (ст. Раевская) в насыпи над срубом наблюдалась засыпка извести, напоминающая известковые прослойки в одном из белореченских курганов. Наличие угля в насыпях и могилах – явление обычное не только для кубанских, но и вообще для северокавказских курганов, особенно пятигорских. В последних подкурганные погребения также совершались или в грунтовых ямах, или на материке, причем дно могильной ямы или место для погребения на материке специально подготавливалось: обмазывалось глиной или засыпалось щебнем, что напоминает кубанский обычай подсыпки желтого песка» (Левашева В.П., 1953. С. 169).

Представляется, что в приведенной обширной цитате из работы Варвары Павловны отмечены не столько характерные черты, общие для всех

адыгских могильников XIV–XV вв., сколько исключительные особенности отдельных погребений белореченских курганов, часть которых (наличие деревянных склепов) находит *единичные* аналогии в причерноморских памятниках района Новороссийска – Геленджика и пока *не известна* в других районах расселения адыгов в средневековье, другая часть (глиняная обмазка, подсыпка из песка) – в курганах Пятигорья, а также в подкурганных погребениях Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, но *не характерна* для большинства курганов Северо-Восточного Причерноморья. *Не типично* также для памятников, расположенных на побережье от Анапы до Сочи, наличие угольной прослойки в насыпи или подсыпки в погребении. Напротив, угольная прослойка, и довольно значительная, выявлена в курганах Пятигорья, Северной Осетии.

Что касается упоминаемых В.П. Левашевой аналогий белореченским склепам или срубам в курганах Пятигорья, то не совсем понятно, какие памятники исследовательница имела в виду. Так называемые «засклепки» выявил в 1882 г. Д.Я. Самоквасов при раскопках могильника Против Третьей балки. Однако какого-либо описания этих конструкций исследователь не оставил. Допустимо, что эти «засклепки» представляли собой деревянные перекрытия могильных ям, а не срубы, реконструируемые В.П. Левашевой по полевым дневникам Н.И. Веселовского. Возможно, похожими на белореченские срубы конструкциями были «рамы», обнаруженные в погребениях кк. 22 и 23 мог. Старый Урух, где они располагались поверх колод, помещенных в могильные ямы (Шафиев Н.А. 1964А).

Надо сказать, что вывод о единообразии всех кубанских курганных памятников XIV–XV вв., к которому пришла В.П. Левашева, вытекает из ее представления о белореченских курганах, как о могильниках, оставленных этнически однородной группой населения, а именно – абадзехами, одним из адыгских «племен» (Левашева В.П., 1953. С. 208-209). В связи с этим необходимо высказать два замечания.

Во-первых, для аргументации тезиса о наличии *общих* для погребального обряда адыгов XIV–XV вв. черт, помимо упомянутых В.П. Левашевой (возведения насыпи над одной могилой, совершения погребения как в яме, так и на уровне древнего горизонта), по нашему мнению, следовало упомянуть также небольшую (до 1 м) глубину могильных ям, положение погребенного вытянуто на спине, западную ориентировку, отсутствие предметов конской упряжи в составе погребального инвентаря. А для характеристики *локальных особенностей* обряда адыгов Закубанья назвать такие его детали, как использование составных деревянных гробов при совершении погребений и очень редкое применение камня при возведении насыпи и околомогильных погребальных конструкций.

Во-вторых, материалы белореченских курганов не позволяют нам связывать эту группу памятников с одним из адыгских «племен», тем более с абадзехами, о которых в письменных источниках нет упоминания ранее XVIII в. Анализ показывает большое разнообразие особенностей погребального обряда, свидетельствующих, на наш взгляд, о неоднородной картине верований, значительной социальной дифференциации и полиэтничном составе населения, оставившего белореченские курганы, значительную часть которого, по всей видимости, представляли предки адыгов.

В связи с этим закономерным результатом работы В.П. Левашевой могло бы стать выделение из всего числа белореченских курганов групп погребений, связываемых общими особенностями, за которыми можно было бы усматривать существование отдельных этнокультурных и конфессиональных групп населения. По меньшей мере, на наш взгляд, вычленяются погребения, которые можно связывать с кочевым населением Золотой Орды, в том числе и с представителями кочевой аристократии. Однако присутствие целого ряда признаков кочевнического обряда, а также характерных находок, исследовательница рассматривает лишь в свете влиянии золотоордынской культуры на быт адыгов. Со времени выхода в

свет труда В.П. Левашевой появилось немало работ, в которых авторы рассматривают различные категории белореченских древностей, гораздо меньше статей, посвященных исследованию некоторых особенностей обряда, единичны полные публикации отдельных курганных комплексов. Но и сегодня единственным обобщающим исследованием уникальных материалов Белореченских курганов, без полноценного введения в научный оборот которых не может быть объективного знания о средневековом периоде истории народов Северного Кавказа, остается классическая работа Варвары Павловны Левашевой.

В 1954 г. вышла в свет работа *Ольги Викторовны Милорадович* «Кабардинские курганы», в которой исследовательница впервые представила перечень могильников, расположенных на землях «Ставропольского края (район Пятигорья), Кабардинской, Северо-Осетинской республик и Грозненской области до реки Сунжи», которые, по ее мнению, относились к числу погребальных памятников средневековых кабардинцев, и впервые предложила их общую характеристику как самостоятельной группы памятников (Милорадович О.В., 1954. С. 343-347). По аналогии с Белореченскими могильниками О.В. Милорадович датирует кабардинские курганы XIV–XVI вв. (Милорадович О.В., 1954. С. 343, 350). С изучением данных памятников О.В. Милорадович связывала решение «вопросов этногенеза адыго-черкесо-кабардинских племен, их расселения в послемонгольский период, формирования на территории бывшей Алании» (С. 343).

Исследовательница выделила отличительные признаки кабардинских курганов: насыпи характеризуют форма полушария, средние и небольшие размеры, они почти всегда обложены камнями (большей частью на поверхности, иногда в виде кольца на подошве), окружены ровиком; могильники насчитывают от нескольких до 200–300 насыпей, расположенных беспорядочно, близко одна к другой; погребенные лежат в вытянутом положении, на спине, с протянутыми конечностями, головой на

запад, почти всегда в деревянных гробах самого разнообразного устройства или в подобии гроба (обкладка камнями, покрытие досками, корой и т. д.); как правило, гроб впущен в материк очень неглубоко, нередко стоит даже выше горизонта; характерна засыпка могилы древесным углем в большей или меньшей степени; погребальный инвентарь четко разграничен на мужской и женский.

Вслед за Д.Я. Самоквасовым, Б.В. Луниным и другими исследователями О.В. Милорадович соглашается с тем, что характерным для кабардинских курганов является отсутствие сосудов и предметов конской упряжи, а также монет. Она отмечает большое разнообразие конструкций гробов в погребениях одного памятника. В то же время на материалах отдельных могильников Ольга Викторовна прослеживает отличия в устройстве деревянных погребальных сооружений, связывая их либо со сложившимися внутри кабардинских обществ различными традициями погребения мужчин и женщин, либо представителей различного имущественного достатка (Милорадович О.В., 1954. С. 349).

О.В. Милорадович останавливается на сходстве кабардинских и белореченских курганов, выявленном ею в таких признаках, как западная ориентировка и положение погребенных вытянуто на спине, совершение захоронений в гробах, засыпка могил древесным углем, отсутствие предметов конской упряжи в составе погребального инвентаря. Отличия двух групп памятников исследовательница отмечала в отсутствии в кабардинских курганах привозных вещей, а также каких-либо сосудов, в то время, как в белореченских погребениях эта категория предметов инвентаря представлена в большом числе и разнообразии: выявлены сосуды из металла, дерева, стекла, глины. Исключением являются только 2 кургана на берегу р. Нальчик, где И.А. Владимиров в 1897 г. обнаружил в мужских погребениях две серебряные чаши. В целом, автор замечает, что «белореченские курганы, как по устройству гробниц, так и по инвентарю, много богаче кабардинских» (Милорадович О.В., 1954. С. 351).

Истоки обычая помещения в могилу умершего блюдец в районе головы, «иногда под голову и под оба локтя покойника, а иногда еще под обе пятки» исследовательница относит к эллинистическому времени. А возможные отголоски древнего обряда усматривает в размещении в головах и ногах скелетов плоских камней и пятиугольных дощечек, выявленных Д.Я. Самоквасовым в курганах Пятигорья (Милорадович О.В., 1954. С. 353).

О.В. Милорадович резюмировала, что «хронологических различий в кабардинских курганах пока отметить не удается. Имеются лишь небольшие локальные отличия» (Милорадович О.В., 1954. С. 354).

В целом, работа Ольги Викторовны Милорадович заложила тот прочный фундамент, на котором базировались все последующие исследования кабардинских курганов. Предложенный ею список могильников вплоть до самого последнего времени не подвергался ревизии, а новые обзорные исследования рассмотренных в ее работе курганных могильников Пятигорья и Северной Осетии вновь были проведены только в 2000-ых годах.

Курганные могильники в верховьях Кубани. В 1954 г. вышли в свет две обзорные работы Татьяны Максимовны Минаевой, посвященные археологическим памятникам на территории современной республики Карачаево-Черкесия, в том числе и т. н. кабардино-черкесским курганам (Минаева Т.М., 1954 а. С. 261–299; Минаева Т.М., 1954 б. С.287-304). Эти группы курганов, по мнению исследовательницы, резко выделяются своим видом из общей массы, обнаруженных в верховьях Кубани курганов: «Располагаются они обычно на первой надпойменной террасе в количестве многих десятков, а иногда и сотен насыпей. Курганы в таких могильниках размещаются тесно по отношению друг к другу, нередко соприкасаясь подошвами своих насыпей. По размерам курганы эти весьма разнообразны, начиная от насыпи в 3 метра высотою и кончая едва заметными на поверхности бугорками. Форма насыпей полусферическая, хорошо сохранившаяся. Подошвы некоторых курганов выложены булыжником.

Диаметр насыпей, даже и крупных, не бывает большим. Курганы эти производят впечатление как бы недавно насыпанных» (Минаева Т.М., 1954 б. С. 288).

К числу описываемых памятников Т.М. Минаева отнесла курганные могильники на Малом Зеленчуке близ аулов Зеюко, Эльбурган, Инжич-Чукун, на Большом Зеленчукеблиз аула Бесленей, хут. Ново-Исправненского, в устье речки Кара-Бежгон, недалеко от станицы Зеленчукской, в верховьях речки Байтал-Чапкан и в устье той же речки на левой стороне Кубани (Минаева Т.М., 1954 а. С. 270-271). Все эти курганы на основании аналогий в обряде и инвентаре с Белореченскими могильниками и кабардинскими курганами, исследовательница отнесла к числу погребальных памятников черкесов и датировала XIV–XVI вв.: «Вопрос об этнической принадлежности изучаемых нами могильников не представляет больших затруднений. Территория распространения могильников, характер погребального обряда, состав и формы погребального инвентаря не оставляют сомнения в том, что памятники эти принадлежат кабардино-черкесской народности» (Минаева Т.М., 1954 а. С. 289-291; Минаева Т.М., 1954 б. С. 300-302).

По материалам этой группы могильников Татьяна Максимовна представила характеристику погребального обряда средневековых черкесов, занимавших в XIV–XVI вв. предгорные районы в верховьях Кубани, для которого характерны: ингумационные погребения, ориентированные с запада на восток, под индивидуальной насыпью из земли, земли и булыжника, земляной с каменным панцирем; погребения совершались в деревянных гробах, врытых в материк так, что крышка гроба оказывалась на уровне древнего горизонта; по форме гробы однообразны, это узкий длинный ящик со скошенными внутрь стенками, прикрытый колодой, иногда поперечные доски у концов гроба выступали за стенки; обычно один конец гроба, там, где помещалась голова погребенного, был несколько шире восточного, но встречались и равные по всей длине, в одном случае гроб не имел дна; при

всех погребениях встречались или отдельно брошенные угли или же угли значительным слоем лежали под черепом.

Погребальный инвентарь имели как мужские, так и женские и детские погребения. Характерной чертой всех погребений исследовательница отмечала отсутствие остатков «загробной» пищи. Также Т.М. Минаева особо выделяет находки керамики в рассмотренных ею погребениях (Минаева Т.М., 1954 б. С. 296-299).

Два могильника – на левой стороне Малого Зеленчука, против южного конца аула Эльбурган, и на речке Джеганас были датированы исследовательницей более поздним временем – XVII в. или даже XVIII в. Основанием тому послужил «характер насыпей этих могильников», свидетельствующий в пользу более поздней датировки, «когда обычай возводить курган над могилой начал уже отмирать» (Минаева Т.М., 1954 б. С. 302). Помимо того, как полагала исследовательница, на более позднюю датировку указывает и сохранившаяся в народной памяти история этих памятников. Как отмечает Т.М. Минаева, один из жителей хутора Инжичишхо сообщил, что это кладбище осталось с тех пор, как один из кабардинских князей, поссорившись с другими князьями Кабарды, переселился на Малый Зеленчук и «долго жил со своим народом» на месте совеременного аула Эльбурган (Минаева Т.М., 1954 б. С. 302).

В обобщающей работе 1957 г. «Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв.» *Леонид Иванович Лавров* остановился на общей харакреристике погребального обряда средневековых адыгов (Лавров Л.И., 2009. С. 179–189). В частности, исследователь привел длинный список погребальных конструкций, выявленных в археологических памятниках, которые, по его мнению, относились к числу погребальных памятников адыгов: «колоды, медный гроб, деревянная полуколода, крытая доской или досками; доска, крытая полуколодой; полуколода, крытая полуколодой же; цельная колода, в которую всовывали покойника; досчатый гроб, крытый полуколодой; досчатый гроб без дна, крытый полуколодой; гроб без дна, крытый доской;

досчатый гроб, крытый досками; гроб на доске или бревне; гроб без крышки; деревянный ящик без дна и без крышки; гроб в деревянном склепе; деревянный склеп без гроба; деревянный склеп без гроба со стенками, выложенными камнем; могильная яма со сводом из сырцовых кирпичей; яма со срубной крышей; могила, обложенная по краям камнями без крыши; то же, закрытая сверху досками; яма, крытая досками; грунтовая яма; могила с плоскими камнями в головах и в ногах; каменный ящик, закрытый доской; каменный ящик, крытый каменными же плитами; наконец, погребение с телом, со всех сторон обложенным древесной корой». Этот список свидетельствует о хорошем знакомстве Л.И. Лаврова с археологической литературой, однако и о состоянии археологических знаний о погребальном обряде адыгов, когда совершенно разнородные, порой уникальные для местных памятников конструкции, при этом имевшие устойчивые аналогии в соседних культурах, могли быть отнесены традициям этого народа. К признакам погребального обряда адыгов исследователь также относил: подкурганные захоронения в могильных ямах или на древнем горизонте, подстилку под скелетом из песка, извести или мела. Случаи парных захоронений исследователь увязывал с традициями племен Северо-Восточного Причерноморья.

Влияние христианства на погребальный обряд адыгов Л.И. Лавров усматривал в таких признаках, как положение погребенных вытянуто на спине, западная ориентировка и захоронения в гробах. Исследователь не соглашался с мнением В.П. Левашевой в том, что «будто в могильниках «белореченского» типа никаких следов христианства не прослеживается» (Лавров Л.И., 2009. С. 184). При этом рассматривая вопрос о практике захоронения адыгов в колодах, и связывая эти погребения с христианским обрядом, Л.И. Лавров допускал заимствование этой погребальной конструкции в Древней Руси (Лавров Л.И., 2009. С. 188).

2.2. Разработка проблемы в 60-е – 80-е гг. XX в.

В *первом обобщающем исследовании* погребальных памятников адыгов, хронологические рамки которого были обозначены XIV–XVI вв., *Евгения Павловна Алексеева* на основе изучения погребального обряда и инвентаря средневековых курганных могильников выделила три группы памятников: Восточно-Причерноморскую, Закубанскую и Кабардино-Пятигорскую (Алексеева Е.П., 1959. С. 16-25).

К Восточно-Причерноморской группе исследовательница относила памятники, расположенные на побережье Черного моря от Сочи и Красной Поляны (на р. Мзымта) на юге, до Анапы и устья Кубани на севере и до р. Адагум на северо-востоке. Е.П. Алексеева дала следующую характеристику памятников этой группы: «Погребения совершались на материке, в каменных гробницах, под курганной насыпью, обложенной по основанию булыжником. Встречаются погребения на досках и в деревянных гробах. Иногда насыпь целиком обкладывалась камнями. В некоторых случаях под насыпью гробница покрывалась булыжником, положенным в несколько рядов. Погребения большей частью одиночные, иногда встречаются коллективные – в одной гробнице – до 3-4 костяков. Встречались по нескольку (до пяти) гробниц под одной насыпью. Костяки лежали на спине, ориентированные головой на север, реже – на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Встречались погребенные со скрещенными на груди руками, что указывает на христианский обряд погребения. В головах или ногах покойников стояли красноглиняные кувшины» (Алексеева Е.П., 1959. С. 16). К характерным предметами инвентаря мужских погребений были отнесены: оружие – сабли, наконечники стрел, колчаны, реже – наконечники копий; орудия труда – серпы, сошники, косы, лопаты, пилы и др.; женским погребениям – украшения (бусы, серьги – с подвеской «столбиком», с подвеской из дутых шариков, покрытых зернью с биконической полой бусиной и др.), принадлежности одежды, ножницы, кабаньи клыки, металлические круглые

зеркала, стеклянные сосуды с арабскими надписями (Алексеева Е.П., 1959. С. 16–17).

Вопрос об этнокультурной принадлежности погребенных из урновых кремаций «под курганными насыпями из щебня», также выявленных на территории рассматриваемой группы, исследовательница оставляла открытым. Тем не менее, ею были высказаны следующие предположения: «может быть, так хоронились представители черкесской знати, может быть, такой обряд характерен для какого-то определенного черкесского племени. А может быть, эти погребения принадлежат абазинам – ведь предки абхазцев и абазин авазги практиковали трупосожжение еще с VII в. до н. э.» (Алексеева Е.П.. 1959. С. 17).

В целом, памятники Восточно-Причерноморской группы исследовательница связывала «с предками черкесских племен, живших на Черноморском побережье вплоть до XVIII–XIX вв.» – натухайцами, убыхами, шапсугами (Алексеева Е.П., 1959. С. 17).

Закубанская группа памятников локализовалась Е.П. Алексеевой на территории, ограниченной р. Кубань с севера, Кавказским хребтом на юге, р. Адагум на западе и р. Уруп на востоке. На этой территории исследовательница выделяла «курганы так называемого белореченского типа (Андрюковская, Губская, Тульская, Белая, Хадыженская, Майкоп, Белореченская, Варениковская, Абинская и др.)», а также другие «подгруппы» (Алексеева Е.П., 1959. С. 17-18, 21).

Для памятников «белореченской группы» Е.П. Алексеева назвала следующие характерные признаки: возведение над погребениями курганов, насыпи «в некоторых случаях обложены камнями и окопаны рвом»; погребения совершаются в деревянных склепах или в грунтовых, четырехугольных ямах, иногда ступенчатых; в отдельных случаях выявлено перекрытие могил сырцовым кирпичом; наличие деревянного (как исключение металлического) гроба, западная ориентировка покойных, положение их вытянуто на спине; преобладание одиночных погребений;

большое количество угля в погребениях; богатство и разнообразие погребального инвентаря.

Яркой особенностью белореченских памятников исследовательница называет нахождение под головой, а иногда и под локтями погребенного серебряных блюдец и чаш и связывает эту особенность обряда с древним обычаем меотов размещать под головой покойного керамические сосуды. К его пережиткам Евгения Павловна относила и найденные в курганах, раскопанных И.А. Владимировым близ Нальчика, серебряные чаши, а также, вслед за О.В. Милорадович (Милорадович О.В., 1954. С. 353), выявленные в раскопанных Д.Я. Самоквасовым пятигорских погребениях «в головах и ногах скелетов плоские камни, у женщин – деревянные дощечки» (Алексеева Е.П., 1959. С. 18).

Полемизируя с Т.М. Минаевой, видевшей в «белореченцах» людей, занимающих более высокое социальное положение, по сравнению с населением, оставившим кабардинские курганы (Минаева Т.М., 1954 б. С. 300, 304), различие между белореченскими и кабардино-пятигорскими погребениями Е.П. Алексеева объясняла причинами этнического характера (Алексеева Е.П., 1959. С. 19).

Могильники Абинский, Шапсугский (Убинский), расположенные на территории, сопредельной с Восточным Причерноморьем и несколько восточнее, исследовательница также отнесла к белореченскому типу, при этом указывала на некоторые черты, свойственные причерноморским памятникам, в том числе такие, как отсутствие угля в погребении и покровов над погребенным, большое количество керамики, а также находки характерных украшений «причерноморского типа» (Алексеева Е.П., 1959. С. 18).

В отдельную подгруппу Е.П. Алексеева выделила курганы у аулов Пшикуйхабль и Начерзий I: «погребенные лежали в грунтовых ямах, головой на З. В могилах имелась керамика. Покрывал и металлической посуды (как в Белореченских курганах) не было» (Алексеева Е.П., 1959. С. 21).

Помимо того, исследовательница называет ряд памятников и их отличительные черты безотносительно каких-либо подгрупп: «У ст. Псебайской покойники помещались в могилах, обложенных деревом, впущенных в материк. Ориентировка западная. В ст. Ярославской костяк ориентирован на север, как в Восточно-причерноморской группе. В погребениях ст. Темиргоевской костяки лежали в деревянных гробах, головой на запад, без керамики, так же, как в погребениях Кабардино-Пятигорской группы» (Алексеева Е.П., 1959. С. 21). Это многообразие вариантов обряда Евгения Павловна отчасти объясняла «социальными и хронологическими различиями», главную же причину исследовательница усматривала в том, «что в Закубанье в XIV–XV вв., так же, как и в более позднее время, вплоть до XIX в. существовала не одна, а несколько этнических групп, несколько черкесских племен, каждое из которых имело свои, свойственные только этому племени обычаи (в том числе и погребальные)» (Алексеева Е.П., 1959. С. 21-22)

Третья, Кабардино-Пятигорская группа памятников, по Е.П. Алексеевой, занимала территорию расселения адыгов восточнее р. Уруп и включала, помимо могильников Пятигорья и Кабардино-Балкарии, «памятники смежных с запада и востока областей: с запада – верховий Кубани и Зеленчуков, а с востока – равнинной части Северной Осетии и расположенные к югу от Терека районы Чечено-Ингушской АССР» (Алексеева Е.П., 1959. С. 23).

По мнению Е.П. Алексеевой, памятники Кабардино-Пятигорской группы находят прямые аналогии в курганах Закубанья, однако их отличает полное отсутствие керамики и известная бедность погребального инвентаря (Алексеева Е.П., 1959. С. 16-26).

Характеризуя могильники третьей группы, Евгения Павловна подчеркивала «удивительное единообразие» погребального обряда адыгов, расселившихся на обширной территории от Урупа до рек Сунжи, Ассы и Фортанги (Алексеева Е.П., 1959. С. 23). При этом далее исследовательница

переходила к характеристике отдельных локальных подгрупп памятников, в том числе, акцентируя внимание на их различиях. Всего таких «подгрупп» Е.П. Алексеева выделила пять: могильники верховий Кубани (территория совр. Карачаево-Черкесии), памятники Пятигорья, могильники Кабардино-Балкарии, курганы Северной Осетии и памятники Чечено-Ингушской АССР (плоскостные районы Ингушетии) (Алексеева Е.П., 1959. С. 23-28). Общими для памятников всех пяти групп из названных Е.П. Алексеевой признаков можно выделить следующие: возведение полушаровидной насыпи, иногда обложенной на поверхности булыжником, преобладание одиночных погребений, захоронение в гробах, впущенных в неглубокие могильные ямы; вытянутое на спине положение погребенных, западная ориентировка; наличие угля в гробу, за редким исключением отсутствие керамики в курганах, а также особенности деревянных погребальных конструкций: в ряде случаев дно гроба отсутствовало (могильники верховий Кубани, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии); крышка гроба – полуколода (курганы верховий Кубани, Пятигорья), гробы иногда обложены булыжником (памятники в верховьях Кубани, Пятигорья, Северной Осетии), захоронения в колодах в могильниках Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии.

Отличительными особенностями памятников верховий Кубани, исходя из их характеристики, предложенной Е.П. Алексеевой, можно назвать преобладание насыпей, при возведении которых в большом количестве использовался камень, в т. ч. курганов с каменной обкладкой по основанию, насыпей, возведенных из земли и булыжника и только из булыжника; использование составных подтрапециевидных ящиков-гробов, перекрытых крышкой-полуколодой. Большую часть верхнекубанских памятников Евгения Павловна датировала XV–XVI вв.

Как Б.В. Лунин и О.В. Милорадович, в Пятигорье Е.П. Алексеева выделяет особый вариант обряда – мужчины захоронены в колодах, покрытых доской, а женщины – на досках, покрытых полуколодой; «иногда

покойный засыпан щебнем и глиной». В Пятигорье выделяются могильники с богатым и разнообразным инвентарем, их исследовательница датировала XIV–XV вв., более бедные погребения Е.П. Алексеева вслед за Б.В. Луниным относила к XVI в. и с известной осторожностью к XVII в.

В курганных могильниках Кабардино-Балкарии исследовательница также выделила ряд особенностей: «1. Отсутствие дна в некоторых гробах. 2. Обмазка гроба желтой глиной. 3. При некоторых костяках найдены рога козы. 4. В одном из могильников (у ст. Солдатской) при погребенных найдены орехи». В последнем Евгения Павловна усматривала «влияние осетинской культуры», т. к., по ее замечанию, нахождение орехов «обычно для осетинских погребений XIV–XV вв.». Действительно, погребения, в которых находилось значительное количество орехов (П.С. Уварова отмечает, что «покойница была от шеи до пояса усыпана орехами»), были выявлены в Дзивгисе и в Камунте (Уварова П.С., 1887. С. 84). Л.П. Семенов отмечал эту особенность погребального обряда в ингушских полуподземных склепах в Мохде, в погребении с колодой в надземном склепе и в грунтовых погребениях в каменных ящиках в Даргавсе, Северная Осетия, в катакомбе могильника Галиат и связывал ее с древним обычаем «посвящения коня», зафиксированную у ингушей и осетин (Семенов Л.П., 1963. С. 82-83).

Отметим также такой признак, на который обратила внимание Е.П. Алексеева, как разнообразие погребальных деревянных конструкций: «гробы-ящики, срубы, колоды с толстой крышкой».

Среди особенностей курганных могильников Северной Осетии Е.П. Алексеевой упоминается использование различных погребальных деревянных конструкций в мужских и женских погребениях – мужчин, как правило, хоронили в колодах, женщин – в составных гробах, скрепленных скобами.

Очень важно то, что Е.П. Алексеева при характеристике могильников третьей группы учитывала хронологическую дифференциацию материала. Это позволило ей говорить о различиях в составе погребального инвентаря и

связывать эти различия с разновременностью погребений. Кабардинские и Пятигорские курганы Евгения Павловна датировала XIV–XVI вв., памятники верховьев Кубани, Северной Осетии и равнинной зоны с богатым и разнообразным инвентарем она относила к более раннему периоду – XIV–XV вв., комплексы с невыразительными и малочисленными вещами – к XV–XVI вв. При этом исследовательница развивала предположение Б.В. Лунина, отмечая, что в связи с распространением у адыгов огнестрельного оружия в XVI–XVII вв. из набора сопроводительного инвентаря мужских погребений наконечники стрел исчезают или их количество резко уменьшается, и на основании этого мужские погребения, «в которых отсутствует лук и стрелы», отнесла к XVI в. (Алексеева Е.П., 1959. С.27).

Эволюцию погребального обряда Е.П. Алексеева не рассматривала.

Создание первой общей классификации погребального обряда адыгов, несомненно, стало важной вехой в изучении и систематизации материала адыгских погребальных памятников XIV–XVI вв. Комплексное рассмотрение материалов наглядно продемонстрировало неоднородность и большую вариативность обряда у адыгов на обширной территории их расселения в XIV–XVII вв. Е.П. Алексеевой были сделаны важные выводы о причинах этого разнообразия особенностей погребального обряда, среди которых в первую очередь, она называла сложный субэтнический состав адыгского общества, а во вторую, инокультурное влияние на обычаи адыгов соседних народов. Однако последнее замечание относится лишь к анализу особенностей памятников Закубанской группы. При обращении к материалам Восточно-Причерноморских памятников Евгения Павловна ограничилась лишь перечислением их самобытных черт, но не остановилась на причинах их породивших. При характеристике отдельных подгрупп Кабардино-Пятигорских могильников она не акцентировала внимание на частоте встречаемости и локальной приуроченности отдельных особенностей погребений каждой из подгрупп, тем самым, как будто бы подтверждая

высказанный ею тезис об «удивительном единообразии» обряда на этой территории.

Евгения Павловна, характеризуя территориальные группы памятников, останавливалась на погребальном инвентаре мужских и женских погребений. При этом сравнительного анализа наборов вещей каждой из трех групп как такового исследовательница не проводила. Она ограничилась замечаниями о наличии или отсутствии в погребениях керамики и отдельных категорий находок – погребальных покровов, бус и т. д., но не выделила локально-территориальные особенности вещевых комплексов. Этот вопрос был в дальнейшем рассмотрен в работах М.Л. Стрельченко (1968), Нагоева А.Х. (1981), Дружининой И.А. (2010; 2012).

С другой стороны, некоторые частные особенности, например, нахождение орехов в отдельных погребениях Кабардино-Пятигорской группы или погребальных покровов – в погребениях белореченского типа Закубанской группы, Е.П. Алексеева выводила на уровень межгрупповых отличительных признаков могильников, в то время как от внимания исследовательницы ускользали более важные особенности состава погребального инвентаря, отражающие специфику набора вооружения, различную специализацию хозяйства и степень вовлеченности отдельных регионов расселения адыгов в систему трансконтинентальной торговли, а также процессы этнокультурного взаимодействия, протекавшие на рассматриваемой территории.

Главным уязвимым местом типологии могильников, предложенной Е.П. Алексеевой, все же являлся сам принцип разделения могильников на территориальные группы без их предварительной хронологической дифференциации. Совокупное рассмотрение памятников XIV–XVII вв. не давало возможности учесть два принципиально важных момента: эволюцию погребального обряда, отразившую качественные изменения в религиозных воззрениях адыгов, связанные с распространением мировых религий, и динамичные изменения картины расселения адыгов, а, следовательно, и

картины распространения субэтнических особенностей обряда, причиной которых стали масштабные многовековые миграционные процессы, задействовавшие и отдельные семьи, и целые субэтносы.

В статье «Кабардинские и западночеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов» Е.П. Алексеева пришла к выводу, что в XIV–XVI вв. на территории современной Карачаево-Черкесии жили не только кабардинцы, но и западночеркесские этнические группы. Присутствие кабардинцев, по мнению исследовательницы, проявилось в следующих обрядовых признаках: полушаровидные насыпи, скелеты уложены в дубовые гробы и в грунтовые могилы, расположенные строго под центром насыпи, западная ориентировка, отсутствие керамики, наличие в ряде погребений изделий из рога животных. Два могильника – в верховьях р. Байтал-Чапкан и Бесленеевский, Е.П. Алексеева связывала с западными адыгами, оставившими курганы западной закубанской подгруппы. Основанием для этого послужили овальные в плане насыпи, расположение ряда погребений в стороне от центра кургана, наличие фрагментов керамических сосудов, юго-западная ориентировка погребенных (Алексеева Е.П., 1960. С. 36-37; Алексеева Е.П., 1979. С. 147-149).

В 1963 г. выходит в свет работа *Евгения Игнатьевича Крупнова и Рауфа Магомедовича Мунчаева*, посвященная Бамутским курганам. Помимо публикации материалов раскопок двух групп насыпей (в первой группе исследователями из 50 было раскопано 16 насыпей, во второй группе из более чем 30 насыпей раскопано 6), авторы подробно останавливаются на характеристике инвентаря из погребений, анализе погребального обряда и датировке погребений. Прежде всего, при наличии общих черт, проявляющихся в формах погребальных сооружений (курганы), в особенностях погребального обряда (одиночные захоронения, умерших укладывали в вытянутом положении, головой на запад) и сходстве погребального инвентаря, Е.И. Крупнов и Р.М. Мунчаев отмечают некоторые различия двух исследованных ими курганных групп. В первой группе

преобладают курганы, насыпанные из земли, каменные выкладки редки, тогда как во второй группе курганы были покрыты булыжником. Насыпи курганов первой группы крупнее, погребения здесь совершались в деревянных гробах или колодах. В погребениях второй группы деревянных конструкций почти не было. Несколько отличается и погребальный инвентарь: в первой группе нет находок керамики и более редки находки оружия, чем в курганах второй группы.

Обе курганные группы авторы относили к кругу погребальных памятников кабардинцев, а выявленные различия объясняли их принадлежностью «двум фамилиям или родам, проживавшим в одном населенном пункте». Проводя многочисленные параллели между исследованными курганами и памятниками адыгов Северо-Западного Кавказа, при датировке Бамутских курганов Е.И. Крупнов и Р.М. Мунчаев опирались, главным образом, на даты аналогий оружию и украшениям, а также на находки монет в белореченских погребениях и курганах Северо-Восточного Причерноморья (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 235-239). Общая дата раскопанных у сел. Бамут курганов устанавливалась в промежутке XIV–XVI вв.

Одним из самых заметных исследований погребального обряда адыгов в это время стала кандидатская диссертация *М.Л. Стрельченко* «Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.» (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 23-61). Выявленные М.Л. Стрельченко специфические черты в конструкциях погребальных сооружений, в погребальном обряде и инвентаре позволили автору выделить «четыре локальных варианта материальной культуры адыгейских племен XIII–XV вв.». К первой из них исследователь отнес могильники района Анапы – Геленджика, ко второй – Туапсинского района, к третьей группе – памятники Западного Закубанья и к четвертой – курганы Восточного Закубанья.

Для памятников района Анапы – Геленджика автор выделяет следующие специфичные черты: «многократные» захоронения в одной и той же гробнице; наличие под курганной насыпью как одной, так и нескольких гробниц с повторными захоронениями; различную ориентировку нескольких гробниц под одной насыпью, свидетельствующую об отсутствии закономерности в ориентировке погребенных; обкладку насыпи камнями в два–три ряда, а также обкладку из каменных плит, поставленных на ребро и образующих сплошное кольцо (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 29-30. Табл. III).

Для курганов Туапсинского района, по наблюдению М.Л. Стрельченко, характерны следующие особенности: наличие под насыпью одной гробницы, поставленной на материк или слегка впущенной в него; каждая гробница содержит только одного погребенного; устойчивая западная ориентировка; погребенный лежит на спине с вытянутыми вдоль тела руками, иногда кисти рук находятся под тазом, на тазовых костях, реже на груди; расположение керамики в ногах погребенного; наличие древесного угля в гробнице; известны захоронения под курганной насыпью лошадей; обкладка насыпей курганов в 2–3 ряда плоскими камнями неправильной формы; щебнисто-земляной состав насыпи (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 35).

М.Л. Стрельченко отметил и ряд общих черт причерноморских могильников: курганные могильники представляют собой компактные группы, насчитывающие от нескольких десятков до сотни насыпей; курганы небольшие полушаровидной, а иногда овальной в плане формы; изредка у основания насыпи встречаются менгиры; наличие под насыпью гробницы – каменного составного ящика, имеющего форму прямоугольника (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 35-36).

Характерные особенности курганов Западного Закубанья, по мнению М.Л. Стрельченко, заключаются в наличии под насыпью более одного погребения; устойчивой западной ориентировке с отклонениями к северо-западу или к юго-западу; позе погребенных лежа на спине, с вытянутыми

вдоль тела руками, кисти рук – под тазом, на тазовых костях и т.д., в виде исключения – в скорченном положении на правом или левом боку; многообразии форм местной красноглиняной керамики. В качестве эталонного памятника выделенного исследователем третьего варианта погребального обряда адыгов был принят Убинский могильник (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 36-37). Отличительной особенностью этого памятника исследователь называет расположение скелетов в стороне от центра кургана (Стрельченко М.Л., 2003. С. 34).

К специфичным чертам курганов Восточного Закубанья отнесены следующие: в насыпи встречаются кости домашних животных, что свидетельствует о проведении тризны; как правило, под насыпью находится одно погребение в центре кургана; только в курганах Восточного Закубанья встречается древесный уголь в виде куполообразной насыпи над грунтовой могилой или наземным склепом; выделяется две группы захоронений: а) в продолговатых грунтовых ямах, без гробов; б) в деревянных срубах с выпуклой крышкой, поставленных на материк или впущенных в него, погребенные похоронены в гробах; устойчивая западная ориентировка с небольшими сезонными отклонениями; погребенные лежат на спине, вытянуто, руки расположены вдоль тела, кисти под тазом или на тазовых костях; известны случаи погребения в скорченном положении на правом или левом боку (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 55-56). Исследователь отмечает также, что «для курганов белореченского типа характерно подкладывание блюдец или вогнутых серебряных блях под затылок, локти и пятки покойного» (Стрельченко М.Л., 2003. С. 35).

Анализ погребального обряда адыгских племен позволил Л.М. Стрельченко выделить ряд общих черт, характерных для адыгских курганных могильников Северо-Западного Кавказа в целом: форма курганов – полушаровидная; захоронения производились либо на материке, либо в грунтовых ямах; покойники лежат на спине вытянуто; положение рук различно: вдоль тела, одна или обе руки на груди, кисти под тазом или на

тазовых костях; за исключением района Анапы – Геленджика отмечается устойчивая ориентировка костяков: северная или западная с незначительными отклонениями; наличие в могилах древесного угля, примечательно, что слой угля уменьшается от головы к ногам.

От памятников более позднего времени адыгские подкурганные захоронения XIII–XV вв. отличает наличие инвентаря, четко разграниченного на мужской и женский (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 36-37).

Работа М.Л. Стрельченко, несомненно, являлась значительным шагом вперед в изучении особенностей погребального обряда адыгов Северо-Западного Кавказа. По сути, исследователь развил схему, предложенную Е.П. Алексеевой, разделявшей курганные могильники Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья, и выделил в каждом из этих районов по две самостоятельные группы памятников. Неоднородность погребального обряда адыгских «племен» исследователь объяснял неравномерным протеканием внутренних процессов социально-экономического развития, а также различными естественно-географическими условиями края.

Весьма важно то, что М.Л. Стрельченко из всего разнообразия характеристик могильников вычленил основные (количество погребений в одном кургане, ориентировка и поза погребенного, тип погребальных конструкций, наличие угля в погребениях) и по этим признакам производил сравнение локальных групп памятников, что придало его типологической схеме бóльшую стройность и четкость и позволило избежать описательного уклона, которым в известной степени отличалась работа Е.П. Алексеевой.

Отправной точкой рассуждений автора является представление, что все рассмотренные им могильники оставлены адыгами. Выделенные М.Л. Стрельченко четыре локально-территориальные группы могильников адыгов Северо-Западного Кавказа действительно довольно четко различаются между собой. Но что лежит в основе этого различия? Отражают ли выделенные группы памятников погребальные традиции отдельных адыгских «племен»,

четырех групп «племен» или что-то еще? На этот вопрос М.Л. Стрельченко прямого ответа не дает.

Предложенная М.Л. Стрельченко характеристика группы могильников Западного Закубанья в основном базируется на материалах раскопок 40-х гг. XX в. Убинского могильника. Этот памятник, вне всякого сомнения, является одним из ключевых для всего Северо-Кавказского региона. Но материалы его исследования до сих пор не введены в научный оборот. В распоряжении специалистов есть лишь краткое описание части погребений, без планов и рисунков находок. Даже самое поверхностное ознакомление с результатами раскопок Убинского могильника обнаруживает наличие нескольких хронологических периодов формирования памятника и различных этнокультурных компонентов, фиксируемых в синхронных комплексах. С большой долей вероятности можно полагать, что предки адыгов также захоронены в погребениях этого могильника, но до появления обстоятельной публикации материалов раскопок использовать их нужно с известной долей осторожности.

М.Л. Стрельченко остановился на краткой характеристике двух локально-территориальных групп могильников – расположенных в верховьях Кубани, по течению рек Большого и Малого Зеленчуков и реки Байтал-Чапкан, а также кабардинских курганов (могильники каких именно районов Центрального Предкавказья учитывались при характеристике не указано). Относительно первой группы памятников исследователь подчеркивал «идентичность как погребального обряда, так и многих форм инвентаря»: насыпи сложены из земли или битого камня и булыжника, перемешанного с землей, или земляная насыпь обкладывалась от основания камнем; захоронения совершались в деревянных гробах, впущенных в материк так, что крышка гроба оставалась на уровне горизонта; умершие ориентированы головой на запад, лежали вытянуто на спине; во всех погребениях выявлен древесный уголь, отмечается отсутствие «загробной пищи»; инвентарь четко

разграничивает мужские и женские погребения (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 59).

Кабардинские курганы сравниваются М.Л. Стрельченко с памятниками Северо-Западного Кавказа и характеризуются следующими чертами: «Покойник ориентирован головой на запад, лежит на спине вытянуто, с вытянутыми конечностями. В могилах встречается древесный уголь. Наблюдаются большие совпадения, вплоть до тождества, в погребальном инвентаре» (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2. № 2033. Л. 60).

Исследователь отмечает, что могильники Восточного Закубанья, памятники, расположенные на территории современной Карачаево-Черкесии, и кабардинские курганы сближает то, что захоронения в них совершались в деревянных гробах. В кабардинских и белореченских курганах отсутствуют предметы конской упряжи, в то время как в погребениях Западного Закубанья и на Черноморского побережья эти находки не являются исключением (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 60). Ярким отличием белореченских курганов от кабардинских могильников, а также памятников Северо-Западного Кавказа М.Л. Стрельченко называл «чрезвычайное богатство и разнообразие погребального инвентаря», и объяснял это причинами «сугубо социального характера» (Стрельченко М.Л., 1968. Р-2 № 2033. Л. 60).

Работа М.Л. Стрельченко очень четко обозначила ряд узловых вопросов, решение которых должно было вывести изучение погребального обряда адыгов на новый качественный уровень. К числу ключевых проблем относился и вопрос об этнокультурной принадлежности курганов XIII–XIV вв. с конскими захоронениями и вопрос о «кочевнических параллелях» в погребальном обряде средневековых адыгов.

В монографии *Германа Алексеевича Федоров-Давыдова* «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» коллективные погребения в ящиках из каменных плит, выявленные в низовьях Кубани, выделены в особый вариант половецкого погребального обряда (Федоров-

Давыдов Г.А., 1966. С. 161). Эти комплексы соответствуют нескольким особым типам: с конем – погребения в широкой яме, конь головой на запад к северу от человека (Тип Б XIII) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. С. 142, 145), и без коня – погребениям в ямах, в прямоугольных каменных ящиках, с костями человека, обращенного головой на запад и без костей коня (Тип А VIII), а также погребениям без костей коня, в каменном ящике, сооруженном на уровне древнего горизонта, с костями человека, ориентированного головой на север (Тип Д IV) и на юг (Тип Ж III).

Одним из признаков кочевнического влияния в погребальных памятниках данной территории исследователь называл распространения насыпей IV типа – с оградой из вертикальных плит, поставленных кольцом под курганом на горизонте вокруг могильной ямы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 120, 161).

В 1972 г. выходит работа Н.В. Анфимова, посвященная изучению материалов раскопок экспедиции Адыгейского НИИ и Адыгейского областного музея 1954 и 1955 гг. в Закубанье (Анфимов Н.В., 1972). Раскопанные позднесредневековые погребения у аулов Пшейкухабль и Несшукай исследователь датировал XIV–XV вв. и связал с так называемой «белореченской культурой», относя к ее признакам расположение курганов компактными группами в несколько десятков, небольшие земляные полусферические насыпи, подкурганные погребения, вытянутое положение скелета, западную ориентировку, неглубокие могильные ямы, засыпку древесным углем (Анфимов Н.В., 1972. С. 88). Тем не менее, по своим особенностям вводимые в научный оборот погребения заметно выделялись даже на фоне большого разнообразия вариантов погребального обряда белореченских погребений. Так в кургане у аула Пшейкухабль оказалось сразу два позднесредневековых погребения (выявлены в СВ и ЮВ частях кургана), что для памятников Восточного Закубанья является скорее исключением, более того – оба погребения оказались впускными в насыпь с основным разрушенным погребением IV в. до н. э. В двух раскопанных

курганах у аула Несшукай выявлены одиночные погребения в глубоких (0,6–0,7 м) грунтовых ямах, в одном из них находились предметы погребального инвентаря, но находок, характерных для памятников «белореченского круга» среди них не было, второе и вовсе оказалось безынвентарным.

С вопросом датировки кабардинских курганов тесно увязана проблема о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа. Изучением этой проблемы занимался Эдуард Васильевич Ртвеладзе. Результаты своих исследований он изложил на III Крупновских чтениях (Ртвеладзе Э.В., 1973. С. 20–21). Исследователь пришел к выводу, что «переселение адыгских народов в центральные районы Северного Кавказа происходило в течение длительного времени. Миграции отдельных семей и даже родов могли иметь место на протяжении всего XIV в., особенно в пору феодальных смут в Золотой Орде. Массовое же переселение началось скорее всего после значительного ослабления Золотой Орды в результате поражений, нанесенных Московским княжеством и Тимуром» (Ртвеладзе Э.В., 1973. С. 21). В пользу этого вывода Э.В. Ртвеладзе выдвинул логичную систему аргументов. Так письменные и археологические источники показывают, что равнинные районы Северного Кавказа были обжиты и заняты новыми хозяевами – кочевым золотоордынским населением, основную массу которого составляли половцы. Не благоприятствовали переселению адыгов и частые военные столкновения между ними и Золотой Ордой, о которых говорят источники. Археологический материал кабардинских курганов не предоставляет доказательств в пользу пребывания адыгов на этой территории в XIII–XIV вв., «поскольку их погребальный инвентарь совершенно однотипен и не поддается точной датировке в рамках XIV–XVI вв.». Не является решающим аргументом и сообщение «Повести о Михаиле Тверском», созданной в 1319 г., о «черкасских горах», обычно привлекаемое для доказательства пребывания кабардинцев на правобережье Терека. Э.В. Ртвеладзе замечает: «В контексте его можно трактовать как наименование западной части Кавказских гор в отличие от центральной их

зоны («Ясские горы»)» (Ртвеладзе Э.В., 1973. С. 21). Низам-ад-дин и Шараф-ад-дин Йезди фиксируют черкесов только в районах низовий Кубани и в Приазовье. К востоку от этих мест источники называют иные племена (Ртвеладзе Э.В., 1973. С. 21).

Значение работы Э.В. Ртвеладзе заключается, прежде всего, в том, что впервые за без малого вековую историю изучения кабардинских курганов критическому анализу была подвергнута традиция жесткой увязки нижней хронологической границы этой группы памятников с курганными могильниками Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Этот вывод был принят далеко не всеми исследователями.

В 1972 г. *Анатолием Хамзетовичем Нагоевым* была опубликована статья «О хронологи Кабардинских курганов» (Нагоев А.Х., 1972. С. 271–280). В этой работе автор попытался решить задачу разделения кабардинских курганов на хронологические группы на основе изучения отдельных категорий погребального инвентаря. В разработанную А.Х. Нагоевым типологию вошли предметы и детали одежды (шапки, пуговицы, пряжки), украшения (серьги, перстни), предметы быта (ножницы, кресала) и вооружения (наконечники стрел). На основе анализа взаимовстречаемости вещей автором были выделены четыре группы курганов. Далее по приведенным аналогиям из надежно датируемых северокавказских погребальных памятников для каждой из выделенных групп была определена относительная датировка. В итоге А.Х. Нагоевым была составлена хронологическая таблица вещей из кабардинских курганов, в которой вошедший в типологию материал, а также выявленные в рассматриваемых исследователем курганах вещи, но не подвергшиеся типологическому анализу, были разделены на две хронологические группы: конец XIV–XVI вв. и XVI–XVII вв.

Проделанная А.Х. Нагоевым работа не лишена ряда существенных недостатков. Так, в публикации нет сведений о том, материалы каких памятников легли в основу исследования. А.Х. Нагоев не обосновал

принцип, по которому производился отбор вещей, вошедших в его типологию. За ее рамками остался целый ряд предметов погребального инвентаря, в том числе тех, типологическая эволюция которых достаточно хорошо фиксируется хронологически (например, сабли, детали поясной гарнитуры и т. д.). Замечание автора о том, что им был рассмотрен «наиболее массовый материал» (Нагоев А.Х., 1972. С. 272), также не проясняет ситуацию, поскольку с не меньшим основанием круг рассматриваемых вещей мог быть расширен за счет таких предметов, как ножи, детали поясной гарнитуры и т. д., а из числа анализируемых находок должны были быть исключены редко сохраняющиеся в погребениях женские шапочки. Целый ряд вещей, типологически отличных от предметов, рассмотренных А.Х. Нагоевым, не были учтены несколько видов кресал, очень скудно представлен «ассортимент» рассмотренных поясных пряжек, женских серег и т.п. Таким образом, выборку вещей, на основе которой производился корреляционный анализ, нельзя назвать представительной. Четыре выделенные группы, которые в итоге работы были разнесены в два хронологических горизонта, свидетельствуют, скорее даже не о социальной и имущественной, а о половозрастной дифференциации населения, оставившего могильники. Так, группу XIV–XVI вв. характеризуют кресала, наконечники стрел, поясные пряжки, пряжки от колчанов, сабли (не учтены в типологии, но приведены в итоговой таблице), т. е. предметы погребального инвентаря мужских погребений. Ни одна из этих категорий вещей не вошла в число хроноиндикаторов второй группы, которую представляют, в основном, предметы женского погребального вещевого набора: серьги, пуговицы, ножницы, шапочки, несессеры (не учтены в типологии, но приведены в итоговой таблице).

К своим выводам А.Х. Нагоев обращается и в монографии 1981 года «Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.)» (Нагоев А.Х., 1981. С. 21-38, рис. 15). В этой работе исследователь совместил выделенные им типы курганных насыпей «с хронологическими

группами курганного инвентаря», в результате чего автор пришел к выводу, что «погребения под земляными насыпями или под земляным насыпям с кольцом из булыжника по основанию обычно без угольной подсыпки, как правило, сопровождаются инвентарем, присущим первой и изредка второй хронологическим группам и датируются наиболее поздним временем – XVI–XVII веками», тогда как «погребения в курганах с панцирной обкладкой и с угольной подсыпкой характеризуются обычно инвентарем третьей и частично четвертой хронологических групп и XIV–XV веками» (Нагоев А.Х., 1981. С. 38).

Нельзя не отметить небольшую, но очень важную статью А.Х. Нагоева, посвященную сравнительному анализу курганных могильников №3 и №4. у села Чегем II (Нагоев А.Х., 1980. С. 156-161). Оба памятника были раскопаны полностью, причем могильник № 3 исследовался и ранее И.А. Владимировым (ОАК за 1897 г., 1900. С.;) и П.Г. Акритасом (1955).

Могильник №4, для которого характерны невысокие (80-90 см) насыпи, погребения в подпрямоугольных ямах, ориентированных с запада на восток и расположенных под центром насыпей, в деревянных гробах, был отнесен А.Х. Нагоевым к «типичным кабардинским погребальным памятникам познего средневековья» и датирован XVI-XVII вв. (Нагоев А.Х., 1980. С. 161).

Могильник №3 по особенностям погребального обряда (насыпи расположены не компактно, а на значительном расстоянии друг от друга (20-30 м), их внушительные размеры (средняя высота курганов – 2 м), расположение погребений в южном секторе), а также погребального инвентаря (заметно более разнообразный и богатый набор вещей) был датирован исследователем XIV–XV вв. Захоронение покойника в стороне от центра кургана А.Х. Нагоев связывал с обычаями западных адыгов, аналогии большим размерам курганов и составу погребального инвентаря он находил в белореченских курганах. Ряд особенностей могильника №3 (яма с уступом

вдоль южной стенки из кургана 14) исследователь объяснял «влиянием кочевников южнорусских степей» (Нагоев А.Х., 1980. С. 158).

Выявленные различия могильников №3 и №4 у сел. Чегем II А.Х. Нагоев объяснял «небольшой хронологической разницей».

В работе 1981 г. А.Х. Нагоев согласился со всеми аргументами Э.В. Ртвеладзе, резюмировав свои изыскания в области датировки кабардинских курганов и времени переселения адыгов в Центральное Предкавказье так: «Нижняя дата кабардинских курганов означает, по существу, начало переселения кабардинцев. Допуская возможность инфильтрации их отдельных групп в районы Центрального Предкавказья в XIV веке, полагаем, что массовое переселение могло произойти только в конце этого века, после битвы Тимура с Тохтамышем. <…> Наиболее раннюю хронологическую группу вещевых комплексов мы датируем XIV–XV, а позднюю – XVI–XVII веками» (Нагоев А.Х., 1981. С. 43).

Самой восточной группе кабардинских курганов – могильникам, расположенным в плоскостной части Ингушетии, посвящены исследования *Резеды Александровны Даутовой*. Итоги изучения этой группы памятников она представила на XII Крупновских чтениях. Применение статистико-комбинаторных методов анализа материалов 50-ти курганов позволило исследовательнице выделить наиболее характерные признаки памятников: «преобладание небольших земляных насыпей диаметром до 10 м и высотой до 0,8 м; захоронения в деревянных гробах, реже в колодах (при наличии могил с деревянной обкладкой и просто грунтовых ям); индивидуальность захоронения; почти полное отсутствие (за исключением впускных погребений Кантышевского могильника) угольной или известняковой подсыпки; вытянутость костяков; преобладание западной ориентировки. Нет детских захоронений и только в четырех (?) случаях предполагаются погребения женщин. Инвентарь немногочислен и почти одинаков по составу – железные ножи, поясные пряжки, наконечники стрел, реже – сабли, мало украшений и предметов быта. В 30% погребений инвентарь отсутствует»

(Даутова Р.А., 1982. С. 87-88). Датировку этой группы памятников исследовательница устанавливала в рамках XV–XVII вв. В ряде особенностей Бамутских курганов исследовательница усматривала следы присутствия «в кабардинской среде на рассматриваемой территории близкородственных, но отличимых по некоторым элементам этнических групп, представленных на Северо-Западном Кавказе курганами так называемого Западночеркесского типа» (Даутова Р.А., 1982. С. 88).

Вопрос об использовании кабардинцами деревянных колод затрагивает в своей статье И.М. Мизиев. Он замечает, что «в поисках объяснения наличия колод и гробовищ в кабардинских курганах исследователи ограничиваются лишь попыткой связать эти детали погребального обряда с влиянием христианства», при этом приводит не вполне верную ссылку на работу А.Х. Нагоева «Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.)» (Мизиев И.М., 1985. С. 58, прим. 36; Ср.: Нагоев А.Х., 1981. С. 36-38). Здесь следует обратить внимание, что А.Х. Нагоев в указанной работе при характеристике погребального обряда кабардинцев не упоминает колоды вообще. В более поздней своей монографии он укажет на отсутствие колод в сотнях раскопанных им самим кабардинских курганов и сделает предположение, что исследователи принимали за колоды гробы, перекрытые массивными выпуклыми крышками (Нагоев А.Х., 2000. С. 44). Тем не менее, в монографии 1981 г. А.Х. Нагоев перечислил признаки погребального обряда, появление которых исследователь связывал с проникновением элементов христианской религии в среду кабардинцев: захоронение покойников вытянуто на спине, головой на запад и – в деревянных гробах (Нагоев А.Х., 1982. С. 75).

И.М. Мизиев указывает, что христианство среди адыгов распространилось значительно раньше появления в их погребениях деревянных колод. С другой стороны, этот тип погребальных конструкций фиксируется в курганах XIV-XVII вв., когда, по мнению исследователя, «христианство было почти полностью забыто, так как распалась

Византийская империя – могучая рассадница христианства на Северном Кавказе» (Мизиев И.М., 1985. С. 58). Автор отмечает, что деревянные колоды получают распространение и в погребальных памятниках алан на территории Кавминвод (Кузнецов В.А., 1962. С. 28-29), хотя и они были христианами задолго до этого времени (Мизиев И.М., 1985. С. 58), и в горные районы Центрального Кавказа, где колоды встречаются внутри каменных ящиков и в простых грунтовых погребениях (Мизиев М.И., 1971. С. 245-248), и где известно большое количество христианских памятников (Кузнецов В.А., 1963; Кузнецов В.А., 1977. С. 121-151; Мизиев И.М., 1985. С. 58).

Появление колод в кабардинских курганах, как и самого курганного обряда И.М. Мизиев объясняет заимствованием «адыгскими племенами и их предками-земледельцами» погребальных традиций кочевников половецкого союза, ушедших в горы в результате поражения, понесенного от монгол (Мизиев И.М., 1985. С. 59).

Для изучения вопроса о широком расселении адыгов в Центральном Предкавказье и о сложении локальных черт их обряда большой интерес представляет доклад Е.И. Нарожного, представленный в 1986 г. на «Кавказоведческом семинаре» Чечено-Ингушского государственного университета и посвященный результатам анализа материалов мусульманских захоронений Терско-Кумского междуречья эпохи Золотой Орды и этносоциальной атрибуции городского населения Маджар, Верхнего и Нижнего Джулата, а также региона Пятигорье. Позднее этот доклад был опубликован (Нарожный Е.И., 1988). По мнению исследователя, рассмотренные верхне- и нижнеджулатские захоронения принадлежали членам городской верхушки, а в антропологическом отношении – представителям полиэтничного населения, включавшего местный (аланский–?) компонент, а также группу кочевнического населения, включавшего и монголоидов. При этом особенности захоронений, лишь внешне связанных с мусульманской религией и сохранивших в основе прежние, христианские черты (сама погребальная яма, положение покойных, ориентировка,

каменные ящики), позволила Е.И. Нарожному прийти выводу о минимальной степени исламизации населения в данном регионе. Погребенных в мавзолеях Пятигорья исследователь уверенно относит к представителям кочевой золотоордынской аристократии, осевшей в этом регионе Центрального Кавказа (Нарожный Е.И., 1988. С. 165–166).

В 1988 г. на XV Крупновских чтениях – конференции, посвященной проблемам археологии и этнографии Северного Кавказа, А.В. Дмитриев представил доклад, посвященный группе погребений с конем в курганах XIII–XV веков в районе Новороссийска. К кругу рассматриваемых памятников исследователем были отнесены курганы с круглой и квадратной в плане каменной обкладкой по основанию, с каменными или земляными насыпями. В этих курганах выявлены как урновые кремации, так и ингумации, а также захоронения боевых коней. Ингумации совершались на дневной поверхности, либо в неглубокой яме, перекрытой каменными плитами, досками; в деревянном гробу, колоде или каменном ящике.

Курганы с конями, как отмечает исследователь, составляют до 30-40% от общего числа насыпей в могильнике. Конское захоронение могло располагаться как в центре, так и у края кургана; положение оружия и сбруи также варьировало – предметы находились либо с лошадью, либо (частично или полностью) располагались рядом с останками воина. Характерной особенностью некоторых курганов является наличие коновязи – деревянных столбцов, к которым привязывалась узда, а также бубенчиков, вплетенных в хвосты. В некоторых случаях у морды лошади был установлен сосуд – стеклянный или глиняный (Дмитриев А.В., 1988. С. 77).

Исследователь не соглашается с М.Л. Стрельченко, отнесшим данную группу курганов к кругу погребальных памятников адыгов. Аргументы А.В. Дмитриева следующие: «1. Наиболее ранние курганы сразу и в огромном количестве появляются в данном районе в первой половине XIII в., т. е. во время вторжения монголо-татар на Северный Кавказ. 2. Культ коня в погребальном обряде более характерен для кочевников, чем для оседлых

адыгов. Он не отмечен на местных памятниках в предшествующий и последующий периоды. 3. Предметы из погребений находят полные аналогии на каменных половецких изваяниях из Краснодарского музея. 4. Настораживает антропологическая близость «адыгских» черепов из района Новороссийска с материалами Салтовского могильника (по В.П. Алексееву)» (Дмитриев А.В., 1988. С. 77-78).

Внезапное распространение в низовьях Кубани курганного обряда и обилие его вариантов А.В. Дмитриев связывает с появлением здесь различных групп кочевников, входивших в половецкий племенной союз, гонимых монгольскими завоевателями. Исследователь подчеркивает, что характерный для местного населения обряд захоронения в каменных ящиках без курганов для первой половины XIII в. не выявлен. Это связано с тем, что местные оседлые жители были первоначально вытеснены пришельцами. Но широко распространившийся в XIV–XV вв. обряд подкурганных ингумаций в каменных гробницах демонстрирует формирование нового этнокультурного облика региона, возникавшего в результате возвращения на прежние места обитания адыгов, смешивавшихся с кочевниками.

Интерес представляют еще два вывода, к которым пришел исследователь. Часть курганов с захоронениями в колодах А.В. Дмитриев предположительно относил к погребальным памятникам кабардинцев. А резкое уменьшение числа курганов в районе Новороссийска в XV в. связывал с карательными походами Тимура (Дмитриев А.В., 1988. С. 78).

В завершение характеристики II этапа изучения погребального обряда адыгов Северо-Восточного Причерноморья XIV–XVIII вв. необходимо коснуться еще одной работы. Она принадлежит перу Мадина Камболетовича Тешева и посвящена погребальным памятникам адыгов развитого и позднего средневековья района Туапсе (Тешев М.К., 1985. С. 142-165). Следует оговорить, что почти все выводы автора основываются на результатах археологических разведок, лишь малая часть из описываемых М.К. Тешевым 10210 насыпей 217 могильников и 20 одиночных курганов раскапывалась.

Между тем, многие его наблюдения подтверждаются этнографическими материалами и имеют параллели с материалами памятников других районов, в том числе и Абинских предгорий (Грузинка VII, Грузинка X, Лысенков I).

По структуре насыпей исследователь выделяет следующие: «из камней или из земли и камней, иногда с каменной окольцовкой, крепидой, реже панцири, сложены кладкой из камней или насыпаны из одной земли». Помимо характерных полушаровидных или сегментовидных по форме насыпей, автор отмечает редкие насыпи с панцирями прямоугольной формы с плоским верхом, крепидой из камней, засыпанной землей (курганная группа Бганэ мекух, Куйбышевка 2) и курганы с двойными (спаренными) каменными панцирями (Агуй 3, Дыжако 1).

Среди общего числа позднесредневековых насыпей, усредненные размеры которых: диаметр 4-7 м, высота от 0,7-0,8 до 1-1,5 м, выделяются большие земляные насыпи, диаметр которых составляет 20-25 м, при высоте 3-3,5 м (Псекупс 5, Нечепсухо 12, Сеже 1, 2,3; Пхабгучел 1). М.К. Тешев предполагает, что «эти большие курганы другого хронологического порядка или несут социальную нагрузку».

Интересной особенностью туапсинской группы памятников являются къэнэтIэхэс – надмогильные столбики, вкопанные на одну треть высоту в насыпь – один в ногах, другой у изголовья. Как отмечает исследователь, они играли роль своеобразных «ориентиров трупоположения». Надмогильные столбики зафиксирована на могильниках Ферма, Псыбе 9, Шапсухо 3 и др. Встречаются также насыпи с тремя или четырьмя къэнэтIэхэс. В курганным могильниках Куйбышевка 1 и Агуй 2 выявлены антропоморфные стелы, которые исследователь относит к позднему средневековью.

Еще одной зафиксированной пока только на могильниках района Туапсе особенностью являются небольшие треугольные ниши (30×30×20 или 30×40×20 см), сделанные из каменных плиток, предназначенные для поминальных жертвоприношений умершим предкам, «ритуального кормления покойников».

Основываясь на сведениях из раскопок, проводившихся в 1950-е годы Н.В. Анфимовым, а также собственных наблюдениях разграбленных или разрушенных курганов, М.К. Тешев характеризует особенности подкурганных конструкций туапсинских погребений. В X–XV вв. основной формой погребений были узкие каменные ящики, вкопанные в землю на уровне древней дневной поверхности, содержавшие одиночные вытянутые скелеты, ориентированные головой на север или северо-запад (могильники Новомихайловский, Пляхо, Куйбышевка, Бжид 2, Псыбе 8, Нечепсухо 11, 14, 18), реже – погребальные урны с кремацией (Бжид 1). Последние вообще не известны в памятниках позднего средневековья. Обязательно соблюдали «обряд сопровождения усопшего погребальным инвентарем (оружие, предметы быта и украшений, сосуды с заупокойной пищей и т. д.)».

Обряд погребения в каменных ящиках М.К. Тешев связывает с местными традициями глубокой древности, фиксируемыми на памятниках бронзового века (дольмены, гробница Псыбе), и предполагает на этой территории «пребывание единого этнокультурного массива – носителя обряда погребений, связанного с культом камня».

Отдельно исследователь останавливается на одиночных курганах, обычно больших размеров, связывая эти насыпи с погребением погибших в сражениях, в походах, пораженных молнией и т. д., которых «как безвременно почивших, по адыгскому обычаю, предавали погребению на месте гибели – «тхьам атIэкIур унэу къыритыгъ» (дословно: «бог это место ему домом (могилой) определил»). Автор также не исключает, что большинство одиночных курганов является т. н. Шыблаке – «громовыми курганами» (Тешев М.К., 1985. 143-147).

Четких признаков для выделения хронологических групп могильников М.К. Тешев не называет. Исследователь отмечает, что подкурганный обряд захоронения сохранился вплоть до исламизации западных адыгов – первой половины XVIII – второй половины XIX века. Автор указывает, что в ряде могильников, где есть раннемусульманские могилы, они отгорожены от

остальных курганов каменной оградой (къэун – «могильный дом») (Агуй 2, Псынако 2). В других случаях мусульманские могилы не имеют къэун, но всегда расположены на крае курганной группы или обособленно (Нечепсухо 9, Кокуай 2, Пхабгучел 1).

В целом, несмотря на характер методики исследования курганных могильников, которая ограничена в подавляющем большинстве визуальными наблюдениями в ходе разведок, М.К. Тешев представил яркую и довольно полную характеристику погребальных памятников адыгов района Туапсе, уточняя и конкретизируя характеристики этой группы памятников, предложенные Е.П. Алексеевой и М.Л. Стрельченко. В отличие от своих предшественников, М.К. Тешев представил почти полную картину эволюции подкурганного обряда – от времен господства языческих представлений, до мусульманского периода. Однако автор не коснулся вопроса о влиянии христианской религии на погребальные обычаи населения этого региона в средневековье.

В целом, появившиеся в 1960-е –1980-е годы публикации, при несомненных и объяснимых недостатках, подготовили почву для создания нового обобщающего труда. Одновременно эти работы явно демонстрировали необходимость продолжения исследований над дальнейшей разработкой классификаций погребального обряда адыгских племен.

§3. Изучения погребального обряда средневековых адыгов на современном этапе: 90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.

На этом этапе хронологические рамки изучения погребального обряда адыгов по материалам курганных могильников заметно расширились, и на сегодняшний день бытование курганного ингумационного обряда у адыгов можно проследить вплоть до начала XIX в. В свою очередь раздвинулись и территориальные границы исследований, в первую очередь за счет

исследований поселений и курганных могильников – в регионе Кубано-Приазовья, на Ачуевом мысу.

Значительно улучшилась ситуация с введением накопленного материала в научный оборот. Большое значение в этом имеет научная, организационная и издательская деятельность Евгения Ивановича Нарожного. Благодаря его усилиям выходят в свет ежегодник «Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа», с 2003 по 2018 г. в этой серии вышло 16 томов; с меньшей регулярностью выпускается «Археологический журнал» – 4 тома за 2007–2010 гг. и «Наследие Кубани» (2008). В этих сборниках опубликована серия статей, посвященных изучению средневековых курганных могильников Северного Кавказа, в том числе воинских погребений белореченского круга из Мостовского района Краснодарского края (Пьянков А.В., 2004), Большого Шапсугского могильника (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008), позднесредневековых курганов пятигорского могильника «Иноземцево-1» (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007); курганного могильника «Урочище Гора» (Дружинина И.А., 2007), позднесредневековых курганов у станицы Крепостной (Дружинина И.А., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008).

В 1992 г. вышла в свет подготовленная Е.И. Нарожным публикация материалов, полученных М.А. Гуськовым и А.П. Руничем в 1963-1966 гг. при изучении кабардинских курганов Пятигорья (Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992. С. 42-47). Работа содержала карту расположения открытых в ходе полевых работ 11 курганных групп, а также характеристику погребального обряда и инвентаря 58 раскопанных насыпей. Необходимо подчеркнуть, что нижняя хронологическая граница памятников отнесена к концу XV в. (Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992. С. 45-47).

В 1995 г. выходит с свет обширная работа П.А. Дитлера, посвященная раннесредневековому могильнику Мешоко (Дитлер П.А., 1995. С. 138-237). В ней автор представил свое видение развития погребального обряда меотского населения Северо-Западного Кавказа, прослеживая истоки отдельных его

признаков со времен эпохи бронзы и до позднего средневековья (в частности, традиция обкладки умершего камнями во всевозможных ее проявлениях – от дольменов и каменных ящиов, до каменных обкладок и оградок, а также установки отдельных камней в изголовье могилы). Автору принадлежит интересное наблюдение об особой форме каменных оградок, которую он считал наиболее характерной для раннесредневековых могильников предгорной и горной полосы Северо-Западного Кавказа (Мешоко, Губский навес №2, Колосовка №1) – незавершенные оградки (камни отсутствуют в ногах погребенных) или отдельные камни, стоящие в нескольких местах могилы по ее периметру. Чуждой для местных племен исследователь рассматривал распространившийся в последней трети I тыс. н.э. обряд кремации (Дитлер П.А., 1995. С. 163, 196). Его исчезновение автор объяснял итогом «долгого процесса сближения разных этнических объединений и ассимиляции (растворения) пришлого этноса коренным населением» (Дитлер П.А., 1995. С. 196). Появление не свойственных древним культурам Прикубанья признаков обряда (угольная подсыпка, колебания в ориентировке, изменение погребального инвентаря) происходило, по мнению П.А. Дитлера, не вследствие изменения состава или смены населения, а под воздействием «тесных культурно-экономических связей с другими народами Кавказа и в первую очередь с аланами» (Дитлер П.А., 1995. С. 169). При этом затухание какой-либо традиции и появление ее через несклько веков (например, практики угольной подсыпки дна могильной ямы или заполнения ее углем) исследователь бъяснял тем, что «в этой черте, пронесенной через сотни поколений, проявилась устойчивость характера древнего народа Северо-Западного Кавказа, непоколебимая воля к выживанию физическому, умению сохранить и передать потомкам культурное наследие, накопленное за тысячелетие» (Дитлер П.А., 1995. С. 163, 196). Влияние на эволюцию местных обрядов монотеистических религий и, прежде всего, христианства П.А. Дитлер не рассматривал.

Ценные наблюдения о погребальном обряде предков адыгов XIV–XV вв. содержат работы *Людмилы Михайловны Носковой*, посвященные публикации материалов исследованных ею курганных могильников Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 56–57; Носкова Л.М., 2005. С. 186–202).

К характерных чертам «адыго-кабардинских могильников» Л.М. Носкова относит следующие: «могильники представляют собой скопление нескольких курганных насыпей, имеющих полусферическую форму; костяки лежат в неглубоких могильных ямах или на дневной поверхности; могильные ямы имеют каменную обкладку или в них поставлены деревянные гробы-колоды; положение погребенного вытянутое на спине с западной ориентировкой; большое сходство в расположении погребального инвентаря и его наборе» (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 56).

В результате анализа особенностей погребений средневекового могильника Пшиш Людмила Михайловна выделила ряд отличий данного памятника от основной массы исследованных закубанских могильников адыгов XIV–XV вв. Первое из них связано с устройством погребальных сооружений. На размытой водами Краснодарского водохранилища площади памятника курганы выявлены не были, но анализ топографии могильника привел исследовательницу к заключению, что все погребения находились под насыпями, в большинстве – небольших размеров. Такие курганы возводились над одиночными погребениями. Более крупные насыпи «содержали по нескольку могил, расположенных в два–три ряда и ориентированных чаще всего в западном направлении». Параллели этой особенности Л.М. Носкова находит в восточно-причерноморских могильниках золотоордынского периода.

Действительно, обычай «многократного» захоронения под одной насыпью бытовал в Северо-Восточном Причерноморье до XV в. и выявлен на материалах памятников района Анапы – Геленджика. Помимо названной особенности погребального обряда, могильника Пшиш сближает с этой

группой причерноморских подкурганных ингумаций и общий облик погребального инвентаря. Так, в комплексах могильника Пшиш выявлены характерные для рассматриваемых причерноморских могильников XIV–XV вв. спиральные кольца в полтора и два оборота, бусы, зеркало (случайная находка на территории могильника), западноевропейский стеклянный стакан с шишечками, датируемый XV в. и керамические местные кувшины. Но при этом отличий памятников района Анапы – Геленджика от могильника Пшиш больше, чем общих черт. Например, в группе причерноморских курганов с несколькими погребениями захоронения совершались только в каменных ящиках. Как правило, каменные ящики XIV–XV вв. сооружались на горизонте. Ориентировка погребенных в нескольких гробницах под одной насыпью строго не выдерживалась. В большинстве случаев насыпи были окружены каменными обкладками. Напротив, погребения могильника Пшиш выявлены в простых грунтовых ямах, без каких-либо каменных конструкций, ориентировка погребенных западная. Л.М. Носкова указывает на наличие двух–трех рядов погребений под одной насыпью. Относительно последнего наблюдения укажем на то, что и в Закубанье, и в Кабардино-Балкарии не выявлены случаи расположения нескольких могил в два–три ряда. На наш взгляд, это позволяет либо предполагать наличие над наиболее плотно расположенными погребениями могильника Пшиш совсем небольших насыпей, либо – что более вероятно – рассматривать эту часть погребений как грунтовые.

Другой выявленной Л.М. Носковой особенностью могильника Пшиш является наличие в вещевом наборе некоторых погребений фрагментов сосудов, вместо целых керамических форм. Эту особенность Людмила Михайловна предположительно связывает «с относительно поздней датировкой отдельных комплексов» и объясняет «изменениями, происходившими в религиозном мировоззрении позднесредневекового адыгского общества» (Носкова Л.М., 2005. С. 194-195). Обычай помещать в могилу фрагмент керамики, вместо целого керамического сосуда, Л.М.

Носковой зафиксирован при исследовании курганов XVI–XVII вв. в урочище Церковная щель в окрестностях Дивноморска (Носкова Л.М., 1992. Л. 16-17; Носкова Л.М., 2005. С. 195). Автор указывает также на отсутствие керамических сосудов в позднесредневековых погребениях могильника Ленинохабль (Тарабанов, 1984. С. 165; Носкова Л.М., 2005. С. 195), при этом отмечает, что подобная особенность более характерна для кабардинских курганов и погребений адыгских могильников Восточного Закубанья (Носкова Л.М., 2005. С. 195). Вывод Людмилы Михайловны о замене в более поздних погребениях целых керамических сосудов отдельными фрагментами находит подтверждение и на материалах могильников предгорий Северо-Западного Кавказа XVI–XVIII вв. (Грузинка Ха, Лысенков I) (Дружинина И.А., 2005. С. 80.; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2011. С. 149-156) и, видимо, может рассматриваться в качестве одного из хронологических признаков для памятников других регионов.

Серия публикаций Л.М. Носковой посвящена биритуальному могильнику Кабардинка, относящемуся к XII–XIV вв. (Носкова Л.М., 1992; Носкова Л.М., 2008. С. 397–400; Носкова Л.М., 2010. С. 167-200). Датировка курганов с ингумациями, определенная на основе анализа погребального инвентаря, в т. ч. монет, находится в пределах XIV в. и, может быть, заходит в XV в. Л.М. Носкова отмечает близкое сходство особенностей ингумаций в каменных ящиках могильника Кабардинка с подкурганными погребениями Борисовского могильника близ Геленджика. Это обстоятельство позволило исследовательнице сделать предположение «об однородном (в культурном отношении) составе населения этой части восточнопричерноморского побережья» (Носкова Л.М., 2008. С. 400).

В работе, посвященной погребальному обряду адыгского населения Северо-Западного Кавказа XVI–XVIII вв., Л.М. Носкова дает общую характеристику двум локальным группам памятников – могильникам Закубанья и восточно-причерноморской зоны и выделяет ряд хронологических признаков, позволяющих более четко их датировать.

Памятники степных и предгорных районов Закубанья демонстрируют, по мнению исследовательницы, упрощение погребального обряда: «захоронения производятся в простых грунтовых ямах, чаще всего в деревянных гробах, курганные насыпи становятся значительно меньших размеров, резко сокращается количество погребального инвентаря» (Носкова Л.М., 2006. С. 168). Более значительные изменения Людмила Михайловна прослеживает на материалах курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья: «традиция погребения умерших в каменных ящиках исчезает, появляются обширные курганные могильники с иным погребальным обрядом, что проявилось в первую очередь в изменении погребальных конструкций и прекращении использования курганных насыпей для коллективных захоронений. Посуда, в каменных ящиках предшествующего периода встречающаяся в большом количестве, на новом этапе практически исчезает из погребального инвентаря» (Носкова Л.М., 2006. С. 168).

Характеристику локальных вариантов адыгских могильников исследовательница увязывает с тремя территориальными группами могильников, выделенными Е.П. Алексеевой. В рамках восточно-причерноморских памятников Л.М. Носкова обособляет группу курганных могильников Туапсинского района, сходных по форме и размерам насыпей, каменным обкладкам по внешней границе кургана и способу укладки камней, захоронениям умерших в деревянных гробах, бедности погребального инвентаря (Носкова Л.М., 2006. С. 169).

Дальнейшее развитие получает исследование вопроса об отражении в погребальном обряде адыгов результатов взаимодействия расселившихся в XII–XIV вв. в различных районах Северо-Западного Кавказа кочевников и местного оседлого населения. Особое освещение эта проблема получает в работах *Екатерины Александровны Армарчук*.

В работе исследовательницы, подготовленной в соавторстве с А.А. Малышевым, посвященной средневековому могильнику в Цемесской долине, рассматривается вопрос о существовании в Северо-Восточном

Причерноморье особого варианта погребального обряда, прослеживаемого на материалах курганных могильников с ингумационными погребениями в каменных ящиках, в формировании которого принимали участие половецкие племена и местное оседлое население. Половецкие племена принесли в низовья Кубани специфический погребальный обряд: подкурганные ингумационные погребения с конем, в том числе и впускные в более древнюю насыпь, с западной ориентировкой, в деревянной колоде или без нее, погребальный инвентарь отличается наличием полного набора вооружения и отсутствием орудий труда и керамики; кони чаще взнузданные, уложенные выше, ниже или на одном уровне с погребенным, на небольшом расстоянии к северу от него, в ряде случаев возле коня вбит столб коновязи (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 110). Со ссылкой на других исследователей (Плетнева С.А., 1958. С. 173; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 131) Е.А. Армарчук и А.А.Малышев указывали, что здесь от местного населения половцы восприняли обычай погребения в каменных ящиках, ставший наряду с традицией подзахоронения в них особенностью северокавказских половецких племен (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 112). При этом, как полагают авторы, был возможен и «обратный процесс, когда традиционные погребения в плиточных могилах стали сопровождаться конскими захоронениями в связи с половецким просачиванием в здешнюю среду» (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 112).

Облик погребального инвентаря сближает могильник в Цемесской долине с памятниками XII–XIV вв. на г. Сапун и у Раевского городища под Новороссийском и с соотносимыми некоторыми исследователями с адыгами курганными могильниками Кабардинка и Борисовский под Геленджиком. Многие аналогии цемдолинским находкам происходят также из памятников XI–XIII вв. Западного Закубанья, также связываемых исследователями с адыгами (Стрельченко М.Л., 1960. С.; Пьянков А.В., 1993. С. 137), часть предметов находит параллели в аланских древностях X–XII вв. Вместе с тем, как отмечают авторы, набор вещей в погребениях могильника в Цемесской

долине в основном соответствует типичному инвентарю кочевнических погребений XII–XIV вв. (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 109).

Авторы выделяют особенности могильника в Цемесской долине, которые отличают его от причерноморских и закубанских памятников: «Во-первых, почти полное отсутствие в погребениях керамики и орудий труда, характерных для адыгских могил. Во-вторых, погребения с конем, не свойственные адыгам. В-третьих, большой процент погребений с конем с оружием и сбруей» (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 109-110).

Анализ погребального обряда и инвентаря Цемдолинского могильника привел авторов к выводу о том, что в его формировании участвовала смешанная группа населения: «Погребения (ингумационные – И.Д.) с конем связаны с половецким проникновением в данный регион. … Трупосожжения, в том числе с сопровождающимися конскими захоронениями, продолжают относительно молодую местную традицию, носители которой окончательно еще не выявлены. Конские погребения с оружием и упряжью в равной степени присущи кочевнической и местной среде. Наконец, погребения конца XIII–XIV вв. тождественны касожским-адыгским» (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 112-113).

Е.И. Нарожный усомнился в «соотнесении с общеадыгским этническим массивом» погребений в каменных ящиках могильников: Цемдолинского, Лобанова щель и Молоканова щель (Нарожный Е.И., 2008. С. 494). На это указывает «смешанный характер населения с явной тюркской этносоставляющей», который археологически отражается в большой вариабельности типов погребений XII-XIV вв.: индивидуальных и коллективных захоронений внутри каменных оградок и без них, в каменных ящиках и грунтовых ямах, кремации в разнотипных сосудах-урнах, сопровождающихся захоронением лошади на боку, а также ингумаций в сопровождении захоронения лошади на боку (Нарожный Е.И., 2008. С. 494).

Большой интерес представляет работа Е.А. Армарчук, посвященная поздней группе погребений Борисовского могильника (Армарчук Е.А., 2004.

С. 107-118). В ней автор представила результаты анализа материалов восьми подкурганных ингумаций из раскопок В.В. Саханева в 1911–1913 гг., в том числе коллекции вещей из этих комплексов. Характеризуя погребальный обряд, Екатерина Александровна выделила следующие его особенности. В отличие от большинства погребений побережья от Анапы до Геленджика XIII–XIV вв., совершенных под небольшими щебнистыми насыпями в каменных ящиках с неоднократными подзахоронениями, рассматриваемые комплексы Борисовского могильника содержали деревянные гробовища различного устройства, насыпь этих курганов состояла из земли, по подошве которых была выявлена кольцевая обкладка из каменных плит, уложенных плашмя в два–три ряда, ограниченная внешним кольцом из установленных на ребро плит. Погребенные помещались на подсыпку или древний горизонт. Умерших хоронили в положении вытянуто на спине, с протянутыми вдоль тела руками, с западной ориентировкой. Характерной чертой обряда Е.А. Армарчук называет также зафиксированное в шести случаях присутствие в погребениях глиняной посуды – кувшинов, в основном, в виде отдельных фрагментов (Армарчук Е.А., 2004. С. 107-109). Особый интерес представляет описание деревянной погребальной конструкции из к. 1: она «напоминала склеп, по длинным сторонам которого были уложены толстые плахи, по торцам плахи потоньше, а пол и перекрытие сделаны из досок» (Армарчук Е.А., С. 108-109. Рис. 1,2). На основе анализа погребального обряда и инвентаря эту группу погребений исследовательница отнесла к более позднему времени – ко второй половине XIV – началу XV в.

Е.А. Армарчук отмечает близость погребального обряда борисовских и определенной части белореченских погребений, выражающуюся в таких признаках, как индивидуальные захоронения под земляной насыпью, западная ориентировка, деревянные гробовища на древнем горизонте, вытянутое трупоположение, отсутствие загробной пищи при наличии питья. Отличает борисовские погребения отсутствие сплошной или локальной угольной подсыпки и «подкладных» сосудов под пятки, локти и голову,

характерных для белореченских, и наоборот, наличие кольцевой каменной обкладки насыпей, что не свойственно белореченским курганам (Армарчук Е.А., 2004. С. 116).

Большее сходство с борисовскими погребениями исследовательница находит в могильниках Западного Закубанья – Убинском, Абинском, Шенджийском, Псекупском – 1, проявляющееся в западной ориентировке, применении дерева в устройстве могил, наличии глиняных сосудов, а также идентичности некоторых вещей (керамики, орнаментированных пуговиц, лапчатых височных привесок) (Армарчук Е.А., 2004. С. 116).

В работе, посвященной воинским погребениям в сопровождении с конскими захоронениями с территории Северо-Восточного Причерноморья XII–XIV вв., на основе анализа погребального обряда и инвентаря серии всаднических ингумаций с конем Северо-Восточного Причерноморья Е.А. Армарчук пришла к выводу, что лишь неоторые погребений этой группы могут определяться как половецкие. К их числу исследовательница отнесла раскопанные В.И. Сизовым и А.В. Дмитриевым захоронения в колодах и гробах с восточной и западной ориентировкой могильника у Ногай-кале (Раевского городища). Другая группа памятников: погребения в каменных ящиках могильника на г. Макитре под Анапой, сопровождаемые конскими захоронениями, погребение воина в плитняковой могиле, а также коллективные погребения в ямах с каменной обкладкой бортов, в сопровождении коня из могильника у дороги на Варваровку, ямное захоронение воина с конем могильника на г. Сапун, парное воинское захоронения в яме, перекрытой досками, сопровождаемое конским захоронением, в кургане у ст. Раевской, погребения воина с конем Цемдолинского могильника, по мнению исследовательницы, отражают распространение среди местного населения вследствие соседства или прямых контактов с половцами обычая хоронить вместе с покойником его коня, (Армарчук Е.А., 2001. С. 39-40). Е.А. Армарчук полагает, что ввиду давней традиции использования камня в разных вариантах для устройства могил у

населения данного района Причерноморья, следует отказаться от тезиса, предложенного Г.А. Федоровым-Давыдовым о принадлежности погребений в каменных ящиках (с последующими подзахоронениями) северокавказским половецким племенам (Армарчук Е.А., 2001. С. 40).

К теме половцев в Северо-Восточном Причерноморье обратился А.М. Новичихин (2010). В этой работе автору остались не известными публикации Е.А. Армарчук, посвященные рассмтриваемой проблеме (2001 и др.). А.М. Новичихин согласился с исследователями в том, что с кочевниками связано появление у адыгов Северо-Восточного Причерноморья традиции возведения над могилой курганной насыпи, обычая сопровождения погребенного воина захоронением коня, а также распространение некоторых ранее не известных на данной территории предметов материальной культуры: овально-рамчатых кресал, штырей с кольцами, некоторых видов шлемов (кольчужных копюшонов), серег с напускным шариком (Новичихин А.М., 2010. С. 12).

Раскопки курганных могильников Черный Ерик-1 и Черный Ерик-2 дали представление о погребальном обряде адыгов, населявших территорию устья Кубани в XV в. И.В. Волков выделяет следующие характерные признаки погребального обряда этого населения: «Покойников укладывали в прямоугольные ямы в деревянных гробах, сколоченных железными гвоздями, часть погребений – без ям, покойники в этих случаях положены на слегка выровненную поверхность предшествовавших насыпей и перекрыты новыми насыпями. Господствующая ориентировка – головой на ЗЮЗ (с небольшими отклонениями). В заполнении всех могил встречены древесные угольки и кости рыб. []. Зафиксированы три случая дозахоронений в ту же могилу, сопровождаемых смещением более раннего костяка» (Волков И.В., 2002. С. 160).

Еще одной чертой погребального обряда, выявленной на материалах могильников Черный Ерик-1,2, которую выделяет И.В. Волков, является «разбивание при засыпке погребения сосуда, часть которого находится в

заполнении и на дне могильной ямы, а часть – на уровне дневной поверхности, на момент совершения погребения, рядом с могилой» (Волков И.В., 2002. С. 160).

Помимо традиционных характеристик погребений адыгов, исследователь отмечает необычное расположение костей скелетов – «переворот костей ног коленями вниз (часто со смещением тазовых костей); сдвиг черепа (обычно перемещены и верхние позвонки), нарушения в области грудной клетки и кистей рук», и связывает эту особенность с обрядом «обезвреживания» покойников (Волков И.В., 2002. С. 160). Однако, подобное смещение костей происходит в тех случаях, когда захоронение умершего производится в погребальной конструкции, имеющей полое внутреннее пространство и впущенной в грунт, подверженный подтоплениям, например, сезонным поднятиям грунтовых вод. Вода, проникая внутрь погребальной конструкции, не заполненной грунтом, нарушает анатомическое расположение костей скелета.

Завершая анализ погребального обряда и инвентаря могильников адыгов Ачуева мыса И.В. Волков замечает, что они очень близки описанию погребальных традиций черкесов, оставленных Джорджио Интериано, и предполагает, что путешественник наблюдал жизнь адыгов именно здесь (Волков И.В., 2002. С. 159-160).

Важно, что исследованные могильники Ачуева мыса получили четкую датировку. Датирующими вещами являются генуэзско-татарские монеты, испано-мавританская люстровая чаша, поливная керамика группы Юго-восточного Крыма (Волков И.В., 2002. С. 160).

В 2003 г. М.Л. Стрельченко вновь обратился к вопросу о локальных особенностях погребального обряда адыгов Северо-Западного Кавказа и, во многом, повторил выводы, полученные при написании кандидатской диссертации. Характеристику вариантов обряда автор увязывает с проблемой расселения адыгских «племен» на территории Северо-Западного Кавказа, подчеркивая исключительную роль археологических исследований в

установлении «границ расселения адыгейских племен в XIII–XV вв.» (Стрельченко М.Л., 2003. С. 30, 36-37).

Вопрос о культурной принадлежности курганных могильников Черноморского побережья, в которых выявлены захоронения лошадей или предметы конской упряжи, М.Л. Стрельченко также решал в пользу адыгов. При этом исследователь указывал на «глубокую древность» обычая помещать «в могилу удила, псалии, позднее – стремена». Автор не соглашается с мнением исследователей, видевших в этих курганах погребальные памятники кочевников, аргументируя свое мнение тем, что «подобные курганы встречаются в таких районах, где кочевники обитать не могли» (Стрельченко М.Л., 2003. С. 33).

В работе 2003 г., помимо характеристики четырех групп могильников Северо-Западного Кавказа, исследователь остановился на ряде ключевых вопросов в изучении погребального обряда адыгов эпохи средневековья (Стрельченко М.Л, 1969. С. 32; Стрельченко М.Л., 2003. С. 30-37). В частности была затронута проблема этнокультурных истоков традиции многократных дозахоронений в каменных ящиках. М.Л. Стрельченко отвергает предположение В.И. Сизова о том, что «гробницы с повторными захоронениями оставлены пришлым ираноязычным населением, переселившимся на данную территорию в конце XIII в. из Центрального Предкавказья под натиском татаро-монгольских завоевателей» (Сизов В.И., 1889. С. 159-162; Стрельченко М.Л., 2003. С. 31). Признавая «своеобразие погребального обряда района Анапы – Геленджика», не имеющего параллелей в других регионах Северо-Западного Кавказа, М.Л. Стрельченко, тем не менее, полагал, что эти погребения «оставлены местным, коренным населением Черноморья – адыгейцами». Основание этому заключению исследователь находил в том, что «характер погребального инвентаря аналогичен одновременным памятникам края и генетически связан с инвентарем из курганов более раннего времени» (Стрельченко М.Л., 2003. С. 31). Здесь же отметим, что в своей работе, увидевшей свет в 2002 г.,

исследователь коснулся вопроса о границах распространения погребений в каменных ящиках: «Захоронение умерших в гробницах характерно для Черноморского побережья от Анапы до селения Агой. Южнее с. Агой – Туапсе нам не известен этот тип погребальных сооружений. Северную границу погребений курганов с гробницами установить не представляется возможным» (Стрельченко М.Л., 2002. С. 165).

Изучению погребального обряда адыгского населения междуречья Псоу – Шахе в эпоху средневековья посвятил ряд своих работ *Дмитрий Эдуардович Василиненко*. Исследователь приходит к выводу, что в отличие от района Анапы – Геленджика, где курганный обряд фиксируется с XII в., курганные могильники в междуречье Псоу – Шахе появляются в XIV в., одновременно с прекращением функционирования христианских храмов. Верхнюю хронологическую границу бытования курганного обряда в данном районе побережья Д.Э. Василиненко предположительно относит к XVII в. И связывает его прекращение с активной исламизацией населения. Отметим также и то, что средневековые курганные могильники междуречья Псоу – Шахе исследователь связывает с абадзехами (Василиненко Д.Э., 2009. С. 30).

Автором диссертации по материалам ряда могильников Северо-Восточного Причерноморья (Бжид 2, Свистунова щель) и предгорий Северо-Западного Кавказа (Грузинка X) выделен локальный вариант погребального обряда и соотнесен с одним из адыгских субэтносов, занимавшим предгорные районы междуречья Вулана и Джубги и частично переселившимся в XVII в. на внутреннюю сторону Кавказского хребта, в долину р. Абин – с жанеевцами. Общими чертами этих могильников являются сооружение гробниц-крепид, близость погребального инвентаря (Дружинина И.А., 2009. С. 111-115).

Особое значение получает проблематика, связанная с Белореченскими курганами. Со времен выхода в свет основательного исследования погребального обряда и вещевого комплекса этой группы памятников В.П. Левашевой тематика работ смещается в сторону изучения белореченских

древностей. Изучению поясной гарнитуры, серебряных и золотых чаш и ковшей, стеклянной и керамической посуды, тканей, монет и других категорий инвентаря посвящены более двух десятков работ, большинство которых принадлежит перу *Марка Григорьевича Крамаровского (1973; 1985; 1993; 2009; 2012;* Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н., 2010; «Подарок созерцающим», 2015; Сокровища, 2000*)*.

На этом фоне в стороне остаются проблемы изучения погребального обряда населения, оставившего белореченские курганы. Пожалуй, первыми работами после долгого перерыва в изучении этой темы являются исследования *Евгения Ивановича Нарожного* и его соавторов В.Б. Виноградова, Ф.Б. Нарожной, И.А. Скубиной. Авторы объясняли появление Белореченских курганов продвижением «протоадыгских племен из Приазовья на восток, когда значительная их часть достигла не только левого берега Нижней Кубани, но и пределов Центрального и, отчасти, Северо-Восточного Кавказа» и склонялись в пользу сопоставления «белореченцев» с племенем собай (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001. С. 126–135). К интересному и перспективному выводу исследователи подошли в результате анализа разнообразных вариантов погребальных конструкций. Рассматривая все зафиксированные Н.И. Веселовским варианты, среди которых преобладают погребения в простых грунтовых ямах, в меньшей степени представлены ямы с заплечиками, могилы, перекрытые сводом из сырцовых кирпичей, деревянные склепы, авторы впервые поднимают вопрос о возможности выделения среди общего числа белореченских погребений различных хронологических групп: «При наличии таких погребальных разновидностей в Белореченских курганах складывается впечатление о том, что золотоордынско-мусульманские погребальные сооружения – самые ранние, постепенно вытесняются обыкновенными грунтовыми ямами» (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001. С. 129). Аналогии деревянным склепам и сырцовым перекрытиям могил Белореченских курганов исследователи находили в погребальных памятниках

мусульманских некрополей Золотой Орды, в частности на некрополе золотоордынского Водянского городища (Нарожный Е.И., Скубина И.А., 1995. С. 8-9; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150-151). В более поздней работе В.Б. Виноградов и Е.И. Нарожный вновь обратились к поискам аналогий деревянным белореченским склепам. Параллели им авторы усматривают в склепах славян среднего Дона VIII–XI вв. (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150-152). Однако большой хронологический разрыв и ряд специфических условий сооружения деревянных склепов в славянских курганах Подонья, на которые указывают сами исследователи, скорее говорят о случайности совпадений этой черты погребальной обрядности.

Особенности целого ряда погребальных комплексов, имеющие прямые аналогии в погребениях кочевников Золотой Орды, позволили исследователям рассматривать белореченские материалы как свидетельство «подчиненности части предков современных адыгов Золотой Орде» либо «прямых и непосредственных контактов адыгов с этим государственным образованием» (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150).

На конференции «Европейские степи и Нижнее Подунавье в VII–XIV вв.», проходившей в г. Добрич (Болгария) 12-14 сентября 2006 г. М.В. Гореликом и И.А. Дружининой был представлен доклад, посвященный одному из самых выразительных белореченских комплексов – погребению воина в медном гробу (к. 1, раскопки Н.И. Веселовского 1897 г.). Полный текст доклада опубликован в 2012 г. Работа содержит подробный анализ находок и погребального обряда этого нерядового памятника. Особенностью этого комплекса является присутствие в нем характерных черт адыгских погребений Северо-Западного Кавказа и признаков, фиксируемых в кочевнических курганах Южного Урала XIII-XIV вв. (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2012.).

В последние годы в научной литературе достаточно широкое распространение получило представление о возможности выделения на

материалах группы курганных могильников на р. Белой особой археологической культуры. “Белореченскую культуру” вскользь упоминает Л.М. Носкова (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 57; Носкова Л.М., 2005. С. 194), Е.А. Армарчук (Армарчук Е.А., 2003. С.), др. Наибольшее развитие эта идея получила в работах *Нурбия Газизовича Ловпаче,* где “Белореченская культура” называется также шитхальской *(*Ловпаче Н.Г., Тов А.А., 1983. С. 33–47; *Ловпаче Н.Г., 2009. С. 189-198)*. Из зафиксированных археологических памятников к этой “культуре” исследователь относит семь позднесредневековых поселений на территории современного Майкопа, поселение на левом берегу р. Курджипс выше «Красного моста», курганные могильники на левой второй террасе р. Курджипс, два курганных захоронения на нижней укрепленной террасе “Майкопского пытапэ”, ряд курганов на хребте Махошкушха, курган возле церкви Св. Георгия и сами белореченские курганы (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 191-193). Автор указывает, что в белореченских комплексах присутствует «масса импортных вещей – стеклянная посуда венецианских и сирийских центров, шелковые ткани как китайского, так и византийского производства, медные монеты золотоордынских ханов Узбека (ок. 1283–1314) и Джанибека (1342–1357), предметы из золота итальянских торевтов (посуда), всевозможные украшения из драгоценных и полудрагоценных минералов и пр.», но при этом причисляет привозные поясные наборы из малоазийских, европейских и крымских мастерских «к звериному стилю торевтики, возрожденному из адыго-меотского декоративного искусства античной эпохи Западного Кавказа», стилизованному под арабское письмо орнаментальному ряду на ковше из к. №8 автор предлагает «перевод эпитафии» с якобы «применявшегося в тот период у адыгов силлабо-пиктографического письма» и т. п. (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 193, 195-197). Характеристику погребального обряда носителей белореченской культуры автор не приводит. Лишь в одном месте Н.Г. Ловпаче останавливается на вопросе об открытых «в курганах Белореченского некрополя могилах с сырцовыми сводами, обычно в науке

приписываемых монголо-татарам». Их появление исследователь объясняет так: «Возможно представить непосредственное присутствие какого-то представителя Золотой Орды со своей семьей, проживавшего у Ханской фактории генуэзцев» (Ловпаче Н.Г., 2009. С. 197-198). В итоге всех рассуждений автора читатель остается в неведении, на основании каких признаков выделена “Белореченская культура”.

Серию работ посвятил “Белореченской культуре” В.А. Фоменко (2018. С. 117–126; 2018. С. 40-43). Автор перечисляет ее «основные культурно-этническими составляющие: адыгская, генуэзская и золотоордынская», при этом упоминает «этнос белореченцев». По мнению автора, эту “культуру”, помимо таких черт обряда, как могилы в виде грунтовых ям под курганами, деревянные гробы, гробовища и колоды, относительно немногочисленные «деревянные склепы» на горизонте, характеризуют «захоронения в так называемых медных гробах, а также аналогии в инвентаре погребений (привозные сосуды, амулетницы и т. д.)». При этом автор оставляет без внимания множество вопросов: как соотносятся с его идеями о “Белореченской культуре” широкие географические и хронологические границы распространения «медных гробов» (шире, чем Закубанье и средневековье)? по каким археологическим признакам прослеживается присутствие генуэзцев? каковы основания для отнесения нижней хронологической границы этой “культуры” к XIII в.? На основании обнаружения аналогичных вещей («футляров-амулетниц») в белореченских курганах Закубанья и в погребениях грунтового могильника Заюково I (Центральное Предкавказье), автор делает вывод о принадлежности могильника Заюково I “Белореченской культуре”. При этом совершенно не учитывается тот очевидный факт, что как для “этноса белореченцев”, так и для населения, оставившего могильник Заюково I, амулетницы являются импортами. Амулетница была обнаружена и в погребении грунтового могильника «Сухая балка», расположенного у входа в Дарьяльское ущелье (Северная Осетия). Этой находки оказалось достаточно, чтобы В.А. Фоменко

отнес погребения «Сухая балка» – «бескурганные, под каменными вымостками в грунтовых ямах и ямах с подбоями», не находящие аналогий в белореченских курганах, к “Белореченской культуре” (Фоменко В.А., 2018а. С. 40-42).

М.Г. Крамаровский пришел к выводу, что «материалы Белореченского и близких к нему могильников, характеризуя статусное положение весьма ограниченной социальной группы насельников Северного Кавказа, не могут служить моделью для выделения особой археологической культуры. Как научная парадигма феномен белореченской культуры несостоятелен» (Крамаровский М.Г., 2012. С. 334). Вслед за Е.Ч. Скржинской и В.А. Кузнецовым (Кузнецов В.А., 2000. С. 130; Кузнецов В.А., 2002. С. 214) исследователь связывает белореченские погребения с населением «феодального владения Кремук». Богатство погребального инвентаря белореченского могильника М.Г. Крамаровский объясняет тем, что, как сообщает Иосафато Барбаро: «Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно [купеческие] караваны» (АБКИЕА, 1974. С. 42), а вовсе не «уровнем развития товарного обмена данного района Северного Кавказа с городами-эмпориями Восточного Крыма, Приазовья и, возможно, Поволжья» (Крамаровский М.Г., 2012. С. 333-334).

В 2018 г. на XXX Крупновских чтениях был затронут вопрос о научной состоятельности таких понятий, как *касожская* (VIII–XII вв.), *белореченская* (XIII–XIV вв.) и *старокабардинская* (XV–XVII вв.) «археологические культуры» (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2018. С. 507-509). В докладе было подчеркнуто, что несмотря на сложившееся в историографии представление о вариативности погребального обряда адыгов эпохи средневековья и нового времени, ни в одной из классификаций и группировок курганных могильников адыгов исследователи не находили оснований для обособления отдельных культур в границах территории, занимаемой адыгскими племенами в эпоху средневековья, но выделяли локально-территориальные группы памятников, объединенные общими чертами материальной культуры

и обряда, сохранявшегося адыгами вплоть до широкого распространения ислама, и различающиеся отдельными специфическими признаками, возникавшими в результате влияния на традиции адыгов различного историко-культурного окружения.

Нет таких оснований и сегодня. Касожская «археологическая культура» не может быть выделена, поскольку с племенным объединением касогов те или иные археологические памятники однозначно не отождествляются. Белореченская «археологическая культура» не состоятельна в силу того, что курганные могильники в окрестностях станицы Белореченской оставлены полиэтничным по составу населением, а выявленная в них особая серия элитарных находок, которая и объединяет различные могильники в общую локальную группу и отличает их от черкесских курганов соседних территорий, импортирована и не имеет местных корней. Более того, именно белореченские материалы ярко демонстрируют то, что местная элита предпочитала самоидентификации по этническому признаку свою принадлежность к общегосударственной моде Улуса Джучи (в костюме, прическе, системе материальных ценностей и т.д.) и в известной степени восприняла общеимперские механизмы и признаки социального ранжирования. Столь же безосновательно дифференцирование отдельной «старокабардинской археологической культуры». Кабардинские курганы оставлены адыгами, переселившимися в районы Центрального Предкавказья после разгрома Большой Орды в конце XV в. В их отношении можно говорить лишь о формировании позднесредневековой историко-этнографической области, являвшейся частью общеадыгского этнического пространства и культуры (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2018. С. 508-509).

На III этапе изучения погребального обряда адыгов активно дискутируется вопрос о датировке кабардинских курганов. Как справедливо указывал в своем докладе на XII Крупновских чтениях А.Х. Нагоев, у исследователей нет единой точки зрения по вопросу о времени переселения кабардинцев в районы Центрального Предкавказья: «По мнению одних …

этот процесс имел место в конце XIII века (Л.И. Лавров, В.П. Левашева, Н.А. Шафиев и др.); другие склонны относить время массовой миграции кабардинцев к концу XIV – началу XV вв. (Г.А. Кокиев, А.Х. Нагоев, Э.В. Ртвеладзе, В.М. Батчаев)» (Нагоев А.Х., 1982а. С. 86).

К взглядам А.Х. Нагоева присоединился Р.Ж. Бетрозов: «А.Х. Нагоев на основе тщательного анализа археологических комплексов пришел к выводу, что нижняя дата позднесредневековых курганов означает начало переселения кабардинцев. Допуская возможность инфильтрации отдельных групп в районы Центрального Предкавказья в XIV в., он полагает, что массовое переселение могло произойти только в конце века, после битвы Тимура с Тохтамышем. Дата, предложенная А.Х. Нагоевым более приемлема, так как у автора комплексный подход к решению проблемы, с учетом не только письменных данных, но и большого количества археологических материалов» (Бетрозов Р., 1991. С. 141).

В итоговой монографии А.Х. Нагоева, вышедшей уже после смерти автора, подготовленной к изданию Б.М. Керефовым, верхняя хронологическая граница существования у кабардинцев обряда подкурганных захоронений сдвигается вплоть до XVIII в.: «Мусульманская религия… получила широкое распространение лишь на рубеже XVII–XVIII веков. Время окончательного возобладания ислама является одновременно и верхней датой кабардинских курганов» (Нагоев А.Х., 2000. С. 74). А в отношении нижней хронологической границы этой группы памятников взгляды А.Х. Нагоева как будто снова изменились. В разделе, посвященном датировке и хронологии кабардинских курганов, находим следующее заключение: «Нижней датой кабардинских курганов, как известно, принят XIV век и основана она лишь на аналогии погребального обряда и инвентаря белореченских и кабардинских курганов. Такая датировка, не говоря уже о том, что она растянута на целое столетие, не отвечает современным требованиям науки и необходимость ее конкретизации очевидна» (Нагоев А.Х., 2000. С. 72). Признавая это и указывая на отсутствие нумизматических

находок и узко датирующихся предметов, автор неожиданно возвращается к датировке кабардинских курганов XIV в.: «Мы согласны с теми исследователями, которые считают, что расселение адыго-черкесов на юго-восток началось задолго до татаро-монгольского завоевания Северного Кавказа под влиянием внутренних факторов общественного развития. Поэтому их продвижение на юго-восток мы рассматриваем как длительный процесс, который ускорялся или задерживался в зависимости от внешнеполитической обстановки. Это заставляет отнести время возникновения основной массы кабардинских курганов на Центральном Предкавказье к XIV веку (а на его юго-восточных пределах – правобережье Терека – к концу указанного столетия)» (Нагоев А.Х., 2000. С. 73). Сложно судить, действительно ли взгляды А.Х. Нагоева изменились и что послужило причиной тому, что исследователь отверг целую систему аргументов, которую он разделял в своих прежних работах. Вполне вероятно и то, что к редактору книги попал не окончательный вариант рукописи. На эту мысль наводит то обстоятельство, что в разделе, посвященном датировке и хронологии кабардинских курганов, где А.Х. Нагоев коснулся проблемы о времени массового расселения адыгов в центральных районах Северного Кавказа, аргументация и выводы Э.В. Ртвеладзе не рассматриваются вовсе. Но критическое к ним отношение выразил в примечании к этому разделу редактор книги Б.М. Керефов (Керефов Б.М., 2000. С. 73, примечание). Для полной ясности приведем достаточно пространный комментарий Б.М. Керефова: «Подобные процессы (миграции, вызванные внутренними факторами общественного развития – И.Д.) весьма редко находят отражение в археологическом материале. Даже такие экстремальные явления, как нашествие гуннов, утверждение политического господства акациров, аваров и др., хорошо известные по письменным источникам, в Предкавказье (не только в Предкавказье!) археологически почти нейтральны, поскольку собственные их памятники насчитываются единицами или же неизвестны. Что же тогда говорить о малозаметных региональных перемещениях и

взаимопроникновениях в пределах одной историко-культурной области как Прикубанье и Центральный Кавказ? Отсюда и неуверенность автора в определении нижней даты кабардинских курганов, зачастую диагностируемой лишь политической конъюнктурой (см.: Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тез. докл. и сообщ. III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С. 20-21). Но как раз-то с последней не все ясно – существуют и иные способы решения проблемы (ср.: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 148-157). Поэтому в данном случае уверенно можно говорить лишь о синхронности раннего массива кабардинских курганов финальному этапу обособления восточных адыгов» (Керефов Б.М., 2000. С. 73, примечание).

Анализу погребального обряда кабардинцев уделено значительное место в монографии А.Х. Нагоева «Средневековая Кабарда». Следует учитывать, что свои наблюдения исследователь основывал только на материале раскопанных им памятников, результаты изучения кабардинских курганов, полученные его предшественниками, при характеристике погребального обряда и инвентаря А.Х. Нагоев не анализирует. Такое сужение источниковой базы при подготовке работы обобщающего характера автор обосновывал тремя причинами: значительным числом раскопанных им курганов (12 могильников, 283 кургана), «малой информативностью публикаций и отчетов» дореволюционных исследователей, а также исходным представлением о «крайнем однообразии погребального обряда и инвентаря кабардинских курганов Центрального Предкавказья» (Нагоев А.Х., 2000. С. 27-29, 39). Следует подчеркнуть, что все раскопанные Анатолием Хамзетовичем курганные могильники располагались в границах современной республики Кабардино-Балкария, таким образом, за рамками анализа остались кабардинские курганы Пятигорья, Северной Осетии, Ингушетии, хотя памятники этих территорий, как и средневековые курганы Карачаево-Черкесии, А.Х. Нагоев относил к кабардинским (Нагоев А.Х., 2000. С. 25-38).

Отмечая высокое внешнее сходство кабардинских могильников, исследователь различал их по количеству насыпей: «В отдельных некрополях насчитываются лишь несколько десятков насыпей, в то же время встречаются могильники, состоящие из нескольких сот курганов» (Нагоев А.Х., 2000. С. 39).

А.Х. Нагоев выделял два типа курганных насыпей: 1) насыпи, обложенные булыжными камнями в виде панциря или кромлеха и 2) курганы, сооруженные из чистого суглинка или чернозема. Отдельно исследователь описал курганы, насыпи которых состояли из нескольких чередующихся слоев булыжника и глины, но в типологию их не включил (Нагоев А.Х., 2000. С. 39-41. Рис. 2).

Обычным видом погребений Анатолий Хамзетович называл одиночные захоронения, совершенные под центральной частью насыпи в деревянных гробах, установленных в прямоугольные могильные ямы, ориентированные с запада на восток (Нагоев А.Х., 2000. С. 41).

А.Х. Нагоев упоминает два погребения с необычной ориентировкой: в к. 9 мог. №2 у сел. Чегем II была зафиксирована северная ориентировка погребенного, в к. 27 того же могильника – южная с незначительным отклонением к западу. Причину появления этих особенностей исследователь предположительно усматривал в хронологических различиях «между этими погребениями и массой захоронений с устойчивой западной ориентировкой» (Нагоев А.Х., 2000. С. 46).

Касаясь вопроса о деревянных погребальных сооружениях из кабардинских курганов, А.Х. Нагоев называет только дощатые гробы, особо подчеркивая отсутствие в исследованных им погребениях колод: «Ни в одном из раскопанных нами курганов не попадались гробы, которые можно было бы с уверенностью считать выдолбленными колодами. Многократное наше наблюдение позволило установить, что грубо отесанная горбылеобразно выпуклая дубовая крышка лучше и чаще сохранялась благодаря своей огромной толщине (в среднем 20 см), чем продольные или

торцовые (в среднем 5 см) доски гроба. Видимо, это и ввело в заблуждение некоторых археологов, которые и приняли крышку гроба за выдолбленную колоду, что вполне вероятно при плохой сохранности гробов в кабардинских курганах» (Нагоев А.Х., 2000. С. 44). Не выявлены А.Х. Нагоевым также могильные ямы, обложенные по периметру толстыми досками или брусьями.

В монографии «Эльхотовские ворота в X–XV веках» В.А. Кузнецов также затрагивает вопрос о переселении кабардинцев в районы Центрального Кавказа и (Кузнецов В.А., 2003. С. 176-177). Исследователь пишет: «Кабардинцы в соответствии с современными научными представлениями об их археологических памятниках расселились по территории Центрального Предкавказья до Чечни в XIV–XV вв., когда эта территория входила в улус Джучи и Джучидов и контролировалась Золотой Ордой» (Кузнецов В.А., 2003. С. 176). Эту широкомасштабную миграцию адыгов В. А. Кузнецов рассматривает в контексте «военно-политического сотрудничества монгольских властей и адыгов».

В 2002 г. вышла в свет монография *В.А. Фоменко* «Пятигорье в XV – середине XVIII века». Значительное внимание в этой работе уделено истории изучения кабардинских курганов. Немаловажно, что автор вводит в научный оборот часть хранящихся в фондах Пятигорского краеведческого музея материалов о раскопках курганных могильников, проводимых Н.М. Егоровым и А.П. Руничем в 20-40-х гг. XX в. В.А. Фоменко составлен список кабардинских могильников этого региона Центрального Предкавказья. В него вошли 40 памятников, в том числе курганные могильники, исследованные только в ходе археологических разведок.

Раздел об исследовании кабардинских курганов Пятигорья В.А. Фоменко завершает краткой характеристикой этой группы памятников. При этом исследователь останавливается на особенностях микротопографии могильников, отмечая, что внутри курганной группы насыпи расположены вокруг наибольшей по размерам и соглашается с М.А. Гуськовым, А.П. Руничем и Е.И. Нарожным (1992) в том, что могильники компоновались

по принципу фамильно-родовой структуры с учетом внутренней социальной градации.

Отличительными особенностями кабардинских могильников района Кавказских Минеральных Вод, по мнению исследователя, являются каменные насыпи, бескурганные погребения в грунтовых ямах, каменных ящиках и склепах, коллективные межкурганные погребения под каменными набросками. Первые две особенности автор объясняет сложным этническим составом населения Пятигорья эпохи средневековья. Появление межкурганных погребений под каменными набросками может отражать «поздний этап функционирования кабардинских курганных некрополей и постепенный переход местного горского населения к исламским ритуальным традициям» (Фоменко В.А., 2002. С. 19). Кабардинские могильники района Кавказских Минеральных Вод автор датирует XV–XVII вв., при этом верхнюю хронологическую границу В.А. Фоменко считает возможным поднять до XVIII в.

В числе кабардинских В.А. Фоменко рассматривает и те курганные могильники, которые отнесены к этой группе памятников по внешним признакам, что представляется не обоснованным. Нельзя не отметить, что и отнесение ряда раскапывавшихся могильников к кругу кабардинских весьма сомнительно. Так, грунтовые погребения в каменных ящиках и склепах не находят аналогий среди остальной массы кабардинских погребальных памятников различных районов Центрального Предкавказья. Грунтовые погребения в каменных ящиках, датированные исследователями XIV–XV вв., выявлены в Карачаево-Черкесии. Но вопрос об этнокультурной принадлежности погребенных остается открытым. Обращает также внимание и замечание Н.М. Егорова, сделанное им во время раскопок одного из курганов могильника, расположенного к северу от горы Юцы: «Покойник – пожилого возраста, судя по сохранности зубов. Череп монголоидного типа» (Фоменко В.А., 2002. С. 14). В данной связи следует обратить внимание на особенности погребального обряда, зафиксированные при раскопках данного

памятника: погребение совершено в могильной яме глубиной 0,4 м, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ, стенки ямы были обложены досками, сверху могила также перекрыта досками, дно ямы – земляное (Фоменко В.А., 2002. С. 14). Отметим, что для погребений кабардинцев нахождение в составе погребального инвентаря наконечника копья является нетипичным (Нагоев А.Х., 1986. С. 135). Образцы этого вида наступательного вооружения появляются в малокабардинских курганах, расположенных на территории Северной Осетии и Ингушетии.

В 2003 г. вышла монография В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева «Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры», в одной из глав которой была затронута проблема изучения кабардинских курганов (Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. С.255-267). Основное внимание авторы уделяют рассмотрению погребального инвентаря этой группы памятников. Отмечены следующие характерные черты кабардинских курганов. Могильные ямы находятся под центральной частью насыпей, они подпрямоугольной формы, ориентированы с востока на запад. Размеры ям в среднем: длина 2,5 м, ширина 1,2 м, при глубине 0,6 м. Умерших часто хоронили в гробах, представляющих собой прямоугольные ящики, изготовленные из дубовых бревен (колод), прикрытых деревянной крышкой. Иногда гробы суживаются кверху. Захоронения одиночные. Покойных укладывали в могилы в вытянутом положении, на спине, с руками, расположенными вдоль туловища, головой на запад (Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. С. 257-258).

Особое внимание уделено погребальному инвентарю кабардинских курганов. Авторы предлагают довольно подробный обзор находок: предметов быта, оружия, украшений, принадлежностей одежды и других предметов. Отмечаются такие особенности, как отсутствие нумизматических находок и редкие находки глиняных сосудов в погребениях. Рассматриваемые предметы погребального инвентаря в целом имеют очень широкую датировку: исследователи отмечают, что самые ранние вещи могут

датироваться первой третью XIII в., а самые поздние – «можно было встретить на Кавказе в недавнем прошлом» (Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. С. 256-258).

Курганные могильники кабардинцев В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев датируют XIV–XVII вв. При этом авторы отмечают: «Максимальное расселение кабардинцев, когда они занимали значительную часть предгорий и равнин Северного Кавказа, приходится на самый конец XIV в. и особенно на XV – начало XVI вв. Многочисленные кабардинские курганы, расположенные на данной территории, относятся именно к этому времени. Со второй же половины XVI в. территория, занятая кабардинцами, начинает заметно сокращаться, и уже в XVII в. она ограничивается по существу районами Кабардино-Пятигорья, т. е. той территорией, которую кабардинцы занимают в настоящее время. Поэтому кабардинские курганы, датированные XVII в., представлены только в данной области Северного Кавказа» (Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. С. 262).

Вопросы происхождения, датировки и особенностей кабардинских курганов затронуты в обширной статье С.Я. и Я.Б. Березиных и Е.И. Нарожного, посвященной введению в научный оборот материалов раскопок могильника «Иноземцево-1» (Кавказские Минеральные Воды, Ставропольский край) (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 177-244). Рассматривая общую датировку кабардинских курганов – XIV–XVII вв., предлагаемую другими исследователями, авторы отмечают: «в случае появления предков кабардинцев на Центральном и Северо-Восточном Кавказе уже в XIII–XIV вв. они должны были сохранить в погребальной обрядности доминирующее и вполне четко проявлявшееся влияние обрядности, характерной для Золотой Орды, поскольку и эта часть населения Пятигорья являлась частью населения северо-кавказских владений Золотой Орды. Но археологически пока прослеживаются лишь отдельные элементы золотоордынского «наследия», которое могло было быть приобретено не на Центральном Кавказе, а гораздо северо-западнее, т.е., задолго до переселения

в Центральное Предкавказье» (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 201). Важно заключение о закономерности эволюции обряда, которая должна была происходить на столь широком временном диапазоне, в рамках которого, как указывают исследователи, выделяются несколько исторических этапов: золотоордынский, османский и ранний российский, которые также должны были каким-то образом отразиться на интересующем нас населении и его погребальной обрядности (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 201).

Опираясь на сведения письменных источников, исследователи приходят к выводу, что «археологический материал Пятигорья вряд ли можно однозначно связывать только с кабардинцами и только с XIV–XVII вв., т.к. предпочтение здесь может отдаваться и в пользу употребления этнонима *черкес*. И только в XVI в., не ранее его первой трети, из среды расселившихся в Предкавказье черкесов, вероятно, начинают выделяться ближайшие их «родственники» – кабардинцы, вскоре разделившиеся на Малую и Большую Кабарду (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 202).

Группе малокабардинских курганов посвящена статья автора диссертации. Появление этих могильников обусловлено освоением кабардинцами предгорных районов к востоку от р. Урух до Среднего Терека и по правому берегу Терека и образованием т. н. Малой Кабарды. Особенности малокабардинских курганов отражают сложные процессы межкультурных контактов средневековых кабардинцев и осетин и ингушей (Дружинина И.А., 2010. С. 304–315).

Кагазежевым Ж.В безосновательно нижняя хронологическая граница малокабардинских курганов датирована XIV в. (Кагазежев Ж.В., 2013. С. 320).

В своей работе, увидевшей свет в 2012 г., автор диссертации сделала попытку комплексного анализа археологических и немногих антропологических источников, полученных в ходе раскопок 50–70-х гг.

XX в. курганных могильников в верховьях Кубани. Представляется, что при характеристике погребального обряда населения, оставившего верхнекубанские курганы, особенности погребального инвентаря обнаруживают гораздо больше сходных черт с кочевническими памятниками XIII–XIV вв., а также более поздней группой кабардинских курганов, нежели с памятниками адыгов Северо-Западого Кавказа XIV–XV вв. (Дружинина И.А., 2012а. С. 195–211). В этом же году обзор верхнекубанских курганов провел и В.А. Фоменко (Фоменко В.А., 2012. С. 123–133). В своей работе он согласился с выводами работы Е.П.Алексеевой 1959 г., касающимися как датировки этой группы памятников, так и этнокультурной атрибуции. Автор обращает внимание на локализацию адыгских позднесредневековых курганных могильников у современных селений Кубина и Важное, а также в соседнем урочище Байтал-Чапкан, что объясняется им «длительным обитанием здесь какого-то племени восточных адыгов» (Фоменко В.А., 2012. С. 128).

В статьях автора диссертации в соавторстве с В.Н. Чхаидзе представлены результаты изучения курганных могильников XVI–XVIII вв. предгорий Западного Закубанья, в том числе выделены локальные варианты обряда, которые связываются с жанеевцами и шапсугами (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2007. С. 221–224; 2011. С. 149–156). Определенные итоги более чем 130-летнего периода изучения погребального обряда средневековых адыгов подведены в работе И.А. Дружининой «Отражение эволюции религиозных представлений в погребальном обряде адыгов XIV–XVIII вв» (Дружинина И.А, 2012б. С.110–122).

В рамках масштабных охранно-спасательных археологических работ на объектах, возводимых для проведения Сочинской Олимпиады, была открыла серия погребальных памятников XVII–XIX вв. Материалы археологического изучения одного из таких объектов – могильника Роза 1 на северном склоне хребта Аибга опубликованы М.А. Бакушевым и М.Ю. Меньшиковым (2013). Каменные насыпи северной части памятника

содержали остатки погребений, совершенных на уровне дневной поверхности или в неглубоких простых ямах, а также датирующий инвентарь (курительная трубка, кресало, детали костюма (тесьма, пуговицы). Погребенные уложены вытянуто на спине, ориентировка СЗ. Обложены каменными обкладками подпрямоугольной в плане формы, ориентированными по линии СЗ-ЮВ, состоящими из крупных необработанных камней, уложенных плашмя. Часть погребений не содержали инвентаря (Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2013. С. 364-366). Публикация материалов еще одного интереснейшего памятника нового времени – курганная группа «Холодный родник 3» представлена в работе М.А. Бакушева 2018 г. Автор предложил свою интерпретацию могильнику как шапсугскому погребально-поминальному памятнику (Бакушев М.А., 2018. С. 132-153).

На современном этапе значительный прогресс достигнут в разработке хронологии средневековых курганных древностей Северного Кавказа.

Для разработки этой проблемы важное значение имеют труды Е.А. Армарчук. В коллективной монографии «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье», в одной из глав, подготовленной исследовательницей, представлена характеристика грунтовых и курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья XII–XIV вв., в том числе и анализ всех категорий погребального инвентаря данной группы памятников (Армарчук Е.А., 2003). Этот обобщающий обзор заложил основу разработки хронологии археологических памятников Северо-Восточного Причерноморья X–XIV вв. на современном научном уровне. Две специальные монографии исследовательницы посвящены предметам конской упряжи и керамическим сосудам, обнаруженным в курганах северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. (Армарчук Е.А., 2006; 2017). В книге Е.А. Армарчук, подготовленной в соавторстве с А.В. Дмитриевым, и посвященной Цемдолинскому курганному могильнику, отдельная глава содержит тщательную характеристику и датировку погребального инвентаря,

хронологический диапазон которого укладывается в рамки X–XIV вв. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014). В ряде статей Е.А. Армарчук рассматривает отдельные категории или типы находок: серьги с биконической полой бусиной, т.н. «половецкие серьги» (Армарчук Е.А., 2006), поливную посуду (Армарчук Е.А., 2015) и посуду из турецкого фаянса (2011).

Глубокий анализ погребального инвентаря курганных и грунтовых могильников Северо-Западного Кавказа XII–XV вв. отличает работы Л.М. Носковой (1991, 1991а, 1992, 2005, 2009, 2010). Специальные исследования Л.М. Носкова посвятила керамике XIV–XV вв., выявленной в погребениях Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Носкова Л.М., 2016).

Тщательная проработка и датировка материалов одного кургана могильника Лобанова щель – кургана № 37, содержавшего 5 каменных ящиков, в которых в общей сложности были захоронены 15 человек 3–5 поколений представлена в работе И.И. Марченко и А.В. Пьянкова (2002. С. 168–213).

Изучению предметов вооружения средневековых адыгов посвящена диссертация и целый ряд специальных работ Р.Б. Схатума (Схатум Р.Б., 2000. С. 50-59; 2003. С. 223-234; 2005. С. 334–342; 2011. С. 189–201; 2012. С.58–69). Интересны наблюдения исследователя, проследившего отличия в разнообразии типов шлемов, а также расположении находок этой категории в погребениях оседлых и кочевых племен Северо-Западного Кавказа золотоордынского времени. Так, он отмечает, что «в адыгских погребениях (шлемы из Убинского некрополя, из могильников Хазарова щель, курган 4, Борисовский, курган 35; Цемдолинский, п. 34; несколько экземпляров из случайных находок и разрушенных погребений и т.д.) не встречаются шлемы колоколовидной формы, с резким переходом стенок венца в тулью, с вырезами для глаз и некоторыми другими деталями, характерными для кочевнических боевых наголовий золотоордынской эпохи» (Схатум Р.Б., 2011. С. 192). Относительно «предварительно выделяемого» III типа боевых

наголовий – кольчужных шапочек-капюшонов, Р.Б. Схатум указывает, что они встречаются в основном в погребениях кочевников (Схатум Р.Б., 2011. С. 191). В другой своей работе исследователь отметил, что расположение шлема в ногах погребенного является характерным признаком погребального обряда местных оседлых племен Северо-Западного Кавказа (Схатум Р.Б., 2005. С. 337–338).

Наиболее раннее упоминание «адыгских шлемов» в письменных источниках Р.Б. Схатум связывает с известным сюжетом из воинской повести «Задонщина», посвященной Куликовской битве 8 сентября 1380 г., в котором при описании экипировки русских воинов упоминаются «шеломы черкасские» (Воинские повести.., 1985. С. 46; Схатум Р.Б., 2011. С. 192). Однако следует подчеркнуть, что самый ранний сохранившийся список повести (Кирилло-Белозерский) относится к концу XV в. и отражала представления о населении Северо-Западного Кавказа, относящиеся именно к этому периоду, в том числе и о черкесах, и об их вооружении. Во всяком случае, основанные на этом источнике догадки о существовании «определенного адыгского типа боевых наголовий», которые «изготовляли в столице Золотой Орды, где в первой половине XIV в. известен «черкесский» «участок» (квартал) города», а также о производстве «адыгскими ремесленниками в Сарае определенных типов боевых наголовий, имевших некоторые отличия от других шлемов этого времени» (Схатум Р.Б., 2011. С. 192) без дополнительной аргументации представляются легковесными.

В.С. Курмановский провел систематизацию и анализ находящихся на хранении в фондах ГИМ 27 целых и фрагментированных сабель из позднесредневековых курганных могильников Восточного Закубанья (ст. Белореченская, Тульская, Кужорская), а также из-под Анапы (Курмановский В.С., 2014. С. 150–162). Исследователь предложил классификацию сабель, основным дифференцирующим признаком которой является форма конца клинка. Были выделены Тип 1 – клинки без елмани и без конструктивно выделенного колющего острия (1 экз.); Тип 2 – клинки с елманью и без

конструктивно выделенного колющего острия (1 экз.); Тип 3 – клинки без елмани с конструктивно выделенным колющим концом (вторая по представительности группа – 6 клинков, а также еще 2 с большой вероятностью); Тип А – сочетает в себе признаки типов 1 и 3 (самая представительная серия – 9 клинков). Выделено два типа перекрестий: Тип 1 – перекрестья с опущенными к клинку асимметричными концами (прямыми или изогнутыми) с ромбовидными или подквадратными завершениями; Тип 2 – прямые симметричные перекрестия с прямыми образующими, слегка расширяющиеся к концам. В.С. Курмановский указывает, что «есть основания полагать, что простые стержневидные перекрестья без выделенных завершений были характерны для так наываемой черкасской традиции выкова» (Курмановский В.С., 2014. С. 153). Устойчивые сочетания признаков позволили выделить пять типов сабель и объединить их в три хронологические группы: первой половины XV в.. XV–XVI вв. и XVI–XVII вв. В целом, предложенная классификация представляется удачной, «работающей» и на материалах длинного клинкового оружия восточных регионов расселения адыгов.

Комплекс вооружения черкесов рассмотрен в ряде работ *Михаила Викторовича Горелика* (2008. С. 158-189; 2014. С. 333-335). Неоценим вклад М.В. Горелика в том, что он во многом открыл для исследователей средневекового Северного Кавказа новый источник – миниатюры, который до него так плодотворно, органично и широко не использовал никто другой.

В целом ряде публикаций Е.И. Нарожного на широком фоне аналогий представлен анализ и обоснование датировок категорий вещей, имеющих прямые параллели в курганах Северо-Западного Кавказа и Пятигорья: шлемов (Нарожный Е.И., 2008. С. 42–54; Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003), перначей, булав (Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003. С. 126-153), позднесредневековых щитов Северо-Западного Кавказа (Нарожный Е.И., 2010. С. 94–95), наконечников копий (ссылки), монет (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2004. С. 322-330). Особое место в данном ряду занимает

монографическое исследование, посвященное анализу и обобщению материалов кочевнических погребальных комплексов эпохи Золотой Орды, выявленных на территории Северного Кавказа, в первую очередь, могильника «Сухая Балка» (Северная Осетия) (Нарожный Е.И., 2005).

Обзоры нумизматических находок из курганов золотоордынского времени Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья содержатся в статьях А.В. Пачкалова (2005. С. 202–205) и Е.Ю. Гончарова (Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А., 2018 С. 432-435).

Серия статей Е.В. Жилиной посвящена изучению бус из Келийского могильника XIII–XIV вв. в горной Ингушетии: изделий из камня (Жилина Е.В., 2005 С. 217-225), кашинных (Жилина Е.В., 2007а. С. 97–103), стеклянных монохромных (Жилина Е.В., 2007б. С. 147–157), полихромных (Жилина Е.В., 2008. С. 104–114), имеющих прямые аналогии в рассматриваемых курганных древностях.

Сосуды из египетского и сирийского стекла, в том числе найденные в белореченских курганах, рассматриваются в обзорной статье И.Н. Кузиной (2017. С.101–110).

Л.Э. Голубев специальные исследования посвятил некоторым типам древкового оружия (Голубев Л.Э., 2008. С. 122-124; 2012. С.71-74), а также защитного вооружения (Голубев Л.Э., 2013. С. 34-36). В отдельной работе исследователя рассматривается редчайшей для региона находка с мамлюкскими гербами (Голубев Л.Э., 2002. С. 142-146).

Серия работ М.Г. Крамаровского посвящена изучению предметов торевтики (посуды из драгоценных металлов – чаш, ковшей, кубков, поясных наборов, пуговиц), обнаруженных в курганах белореченского круга *(1973; 1985; 1993; 2009; 2012;* «Подарок созерцающим», 2015; Сокровища, 2000*)*, стеклянной (1998. P. 96-100, 200, 201) и поливной посуде (Крамаровский М.Г., 1996. С. 96–116), тканей (Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н., 2010) из памятников Северо-Западного Кавказа.

В ряде публикаций автора диссертации также рассмотрены отдельные категории погребального инвентаря: наконечники копий (Дружинина И.А., 2014а. С. 340–343), шестоперы (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2013. С. 74-81; Дружинина И.А., 2017. С. 99–107), зеркала (Дружинина И.А., 2010. С. 121-127), пряжки-пафти (Дружинина И.А., 2014 в), очелья (Дружинина И.А., 2018в. С. 22–24).

ГЛАВА III

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII-XVIII ВВ.

§1. Могильники.

Обряд возведения курганов над могилами умерших отмечает Джорджио Интериано и Джованни да Лукка (Кавказ: европейские дневники.., 2010. С. 43). ***Курганные*** могильники адыгов представляют собой группы насыпей, насчитывающие от 2–5 до нескольких десятков и сотен курганов (Рис. 2).

Традиционным для адыгских некрополей является скученное, внешне беспорядочное расположение насыпей (Рис.2.1). В этом отношении своей планиграфией выделяются могильники степной зоны Закубанья, отличающиеся значительным расстоянием между насыпями, а также расположением курганов цепью, протяженностью в несколько сотен метров. Так, могильник Шенджий состоит из 10 насыпей, из которых раскопано 9 (на десятой установлен триангуляционный знак), к эпохе средневековья достоверно относятся 7 курганов (в к. 2 и 9 погребения не выявлены). Насыпи расположены на значительном расстоянии друг от друга – от 50 до 135 м, вытянуты в ряд с юга на север, общая длина цепи курганов – 460 м, в том числе с выявленными погребениями – 300 м. К западу от этого ряда на расстоянии до 154 м находятся еще два кургана (№3 и 7). Рассматривать шенджийские курганы в качестве одного могильника позволяет единый обряд и хронологическая близость захоронений. Такой же планиграфией отличается и могильник №3 у сел. Чегем II (Центральное Предкавказье) (Рис.2.2), при этом данную особенность расположения насыпей исследователи рассматривают как признак, характерный для погребальных традиций кочевых обществ средневековья (Нагоев А.Х., 1980. С. 158–160).

Известно довольно большое количество и одиночных курганов. Часть из них, по всей видимости, связана с погребением пораженных молнией.

Среди таких Шыблакэ – «громовых курганов» – одиночные курганы Псыбе 1, Псыбе 2, Агуй 1, Шыблэск 1, Пчыяко 1 (Тешев М.К., 1985. С. 146). По адыгскому обычаю убитых молнией предавали земле на месте гибели: «тхьам атIэкIур унэу къыритыгъ» («бог это место ему домом (могилой) определил») (Тешев М.К., 1985. С. 146).

Микротопография могильника обычно зависела от особенностей местного рельефа. Но в то же время, исследование отдельных памятников показывает, что их формирование происходило не бессистемно и отражало социальные, религиозные, субэтнические различия населения. Этнографические исследования, в которых рассматриваются факторы, влияющие на особенности поминально-похоронной обрядности адыгов, освещают в основном различия, существующие в обряде погребения представителей разных половозрасных групп адыгского населения (Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т., 2005).

Интересно, что еще в недавнее время у кабардинских сел, разделенных на несколько кварталов-джамаатов, в каждом квартале была своя мечеть и кладбище (Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т., 2005. С. 216). В таких селениях кварталы состояли из семей, принадлежавших одному роду. Родовые патронимические кварталы сохранялись до последнего времени (Народы Кавказа, 205; 11, с. 226. Примеч. 27).

Учитывая все разнообразие локальных и хронологических особенностей погребальных памятников адыгов на всей территории их распространения, можно выделить три варианта фамильно-родовых погребальных площадок: подзахоронение нескольких родственников под одной курганной насыпью, захоронение родственников под отдельными насыпями, но в непосредственной близости одна от другой на общей площади могильника, формирование отдельных небольших семейных кладбищ за пределами могильника. Совместные погребения чаще всего моделируют отношения внутри малой (нуклеарной) семьи (Андреева М.В., 2005; 2008).

В.И. Сизов первым предложил рассматривать каменные гробницы Северо-Восточного Причерноморья, содержавшие останки нескольких человек, как семейные или родовые усыпальницы рассматривал. (Сизов В.И., 1889. С. 82–83). Известны два варианта таких погребений. К первому варианту относятся курганы, под насыпью которых выявлена одна или несколько гробниц (например, к. №4 мог. у Геленджика – 1 гробница с 3 погребенными; к. №37 мог. Лобанова щель – в 5 каменных ящиках 15 погребенных 3-5 поколений, к. 5 мол. Лобанова щель (Рис. 3). Подобные погребения разновременные, о чем свидетельствуют различная степень сохранности скелетов, нарушенное анатомическое положение костей погребенных, смещаемых при каждом новом подзахоронении, хронологические различия в бытовании предметов погребального инвентаря. Ко второму варианту следует отнести возведение под одной насыпью нескольких каменных ящиков с одиночными погребениями (кк. №7, 22 мог. Кабардинка) (Носкова Л.М., 2010; Дружинина, 2005. С. 41). О хронологическом разрыве между захоронениями в данном случае свидетельствуют особенности стратиграфической картины, фиксируемые при раскопках, и зачастую отклонения в ориентировке умерших, погребаемых в различные времена года.

Помимо отражения семейно-родовой структуры группы населения, топография некоторых могильников позволяет проследить и сословное расслоение в обществе. Примером является Каррасский могильник, в границах которого выделяется элитарный участок (кк. 37–46), отличающийся значительными размерами насыпей и богатством погребального инвентаря.

При осмотре курганных могильников района Анапы-Геленджика В.И. Сизов заметил «стремление не скрывать гробницу, а только прикрыть ее землей», и объяснял это именно практической необходимостью при разновременных дозахоронениях (Сизов В.И., 1889. С. 156). В поздних невысоких курганах в районе Сочи (могильник Роза-Хутор) выявлены гробницы-крепиды, чуть присыпанные грунтом. Останков погребенных они

не содержали. Исследователи выдвинули предположение о поминальном характере этих памятников (Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2013. С. 365–366). Аналогичную интерпретацию – как шапсугского погребально-поминального памятника М.А. Бакушев предложил и курганной группе «Холодный родник 3» (район Туапсе) (Бакушев М.А., 2018. С. 132-153) (Рис. 4). Однако, представляется, что в данных случаях мы имеем дело с погребениями, в которых вследствие небольшой мощности самих насыпей, особенностей погребальных сооружений – представляющих своеобразный, хоть и не герметичный «резервуар», где дождевая вода если не скапливалась, то задерживалась, кости погребенных истлевали без следа за достаточно короткое время. Дополнительным аргументов в пользу этого предположения являются находки в отдельных таких «пустых» гробницах предметов инвентаря.

Следует подчеркнуть, что разновременные коллективные погребения характерны только для группы могильников северо-восточного побережья Черного моря. Для остальной территории распространения адыгских курганов захоронение под одной насыпью двух и более человек может быть объяснено фактом их близкой по времени смерти и последующего одновременного погребения.

Микротопография могильника нередко отражает также существование различий в верованиях у населения, оставившего памятник. Так, подкурганные раннемусульманские могилы на могильниках Агуй 2, Псынако 2 отгораживались от остальных насыпей каменной оградой – къэун («могильный дом») (Тешев М.К., 1985. С. 144. Рис. I, IX, 1,2). В могильниках Нечепсухо 9, Кокуай 2, Пхабгучел 1, Грузинка X подкурганные мусульманские могилы расположены на краю курганной группы или обособленно от других насыпей (Тешев М.К., 1985. С. 144; Дружинина И.А.).

Для погребальных традиций адыгов не характерны впускные погребения в насыпи предыдущих эпох и других культур.

§2. Насыпи (надмогильные сооружения).

Распространение у оседлых племен Северо-Западного Кавказа обычая возведения насыпей над погребениями умерших, по всей видимости, связано с инфильтрацией в местную среду кочевнического населения (Дмитриев В.А., 1988; Нарожный Е.И., 2005; Дружинина И.А., 2017). Действительно, примерно с XI в. на разнообразные местные формы грунтовых кремаций и ингумаций Северо-Западного Кавказа «наслаивается» подкурганный обряд. Позднее всего подкурганные ингумации появляются на Северо-Восточном побережье Черного моря в районе Сочи (Василиненко Д.Э., 2009. С. 30) и в устье р. Псекупс (Закубанье).

Обычно исследоваели фиксируют сооружение насыпи в один прием. Но в отдельных случаях можно утверждать, что насыпи возводились в несколько приемов, отражающих определенные акты обрядовых действий. Прежде всего, тщательно подготавливался сам выбранный для совершения погребения участок местности. Так, известно, что для погребения расчищали площадку (Центрлаба 2 3/1 (Пьянков А.В., 2004. С. 295), в ряде случаев зафиксировано удаление верхнего грунтового (дернового) слоя, некоторые погребения, напротив, совершались на специально сооруженных земляных возвышениях (Белореченский курган №1), на прослойке из камней и углей (Крепостной 2). В могильниках, расположенных на склонах природных возвышенностей, «подрубали» участок склона, делая его горизонтальным.

На подготовленной площадке совершали погребение. Над погребенным возводили первую насыпь (надмогильный холм). Часто его обкладывали камнями по периметру основания и вершины, устанавливали вертикальные камни в головах и ногах погребенного. На поверхности надмогильного холма могильника Грузинка VII обнаружены фрагменты разбитого здесь керамического сосуда, свидетельствующего о проведении тризны (Дружинина И.А. и др, 2005) (Рис. 5.1).

Следующим этапом было сооружение второй насыпи (верхнего слоя кургана, покрывавшего надмогильный холм и его обкладку). По основанию второй насыпи сооружалась обкладка из камня (Рис. 5.2).

Ровики вокруг насыпей не характерны. Единичные случаи зафиксированных рвов: вокруг к. 7 мог. Сидоренкова щель (Рис. 6), вокруг самых больших курганов в могильниках: мог. №3 у сел. Чегем II (к. 3), мог. №1 у сел. Чегем II (к. 13), Старо-Лескенского 3-его могильника (Чеченов И.М., 1969. С. 99), мог. на вершине холма Герменчик (Крупнов Е.И, 1948. С. 296). При этом следует подчеркнуть, что могильник второй половины XIII–XIV в. Сидоренкова щель оставлен полиэтничным – с участием кочевников – населением, курган 3 мог. №3 у сел. Чегем II, окруженный 2-метровым по ширине рвом, содержал несколько погребений, в том числе кочевническое (Рис. 7), а курганы со рвами Старо-Лескенского 3-его могильника не раскапывались. Ровики зафиксированы также вокруг всех исследованных курганов 2,3,6 могильника в 2 верстах к ЮВ от станицы Прохладная и в могильника у ст. Солдатская (Антонович В.Б., 1882. С. 234–236).

Курганы по составу насыпи подразделяются на группы, по особенностям стратиграфии – на типы, по наличию внешних дополнительных конструкций – на варианты.

Группа I. Земляные насыпи.

Тип I. Простая земляная насыпь.

Вариант I. Простая земляная насыпь (Рис. 7.3).

Вариант II. Земляная насыпь с каменной обкладкой по основанию (Рис. 7.*1,2*).

Вариант III. Земляная насыпь, покрытая каменным панцирем (Рис. 8).

Группа II. Каменно-земляные насыпи.

Тип I. Над погребением возводилась каменная насыпь, над которой насыпался слой из земли[2] *(Рис. 9).*

Вариант I. Простая каменно-земляная насыпь.

Вариант II. Каменно-земляная насыпь с каменной обкладкой по основанию.

Вариант III. Каменно-земляная насыпь, покрытая каменным панцирем.

Тип II. Насыпь сооружалась из земли вперемешку с камнями.

Группа III. Каменные насыпи (Рис.4).

Неполное описание структуры насыпей (особенно сотен курганов, раскопанных в конце XIX в.) делают какие бы то ни было подсчеты не достоверными. Также затрудняет составление полной картины об особенностях распространения отдельных типов наспей по территории расселения адыгов в эпоху средневековья неравномерная степень ее археологической изученности.

На сегодняшний день можно сделать вывод о том, что для Северо-Западного Кавказа в большей степени были характерны простые земляные насыпи или земляные курганы с каменной обкладкой по основанию, в меньшей степени – каменные курганы и курганы с каменными панцирями.

При этом намечаются хронологические особенности в изменении структур насыпей Восточного Закубанья. Отчеты Н.И. Веселовского не предоставляют информации о наличии или отсутствии обкладок вокруг насыпей в белореченской группе памятников XIV–XV вв.. В ходе раскопок курганов белореченского круга в наши дни (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991а. С. 50; Пьянков А.В., 2004. С. 293, 295; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2011), а также при визуальном осмотре памятников каменные обкладки выявлены не были. При этом для курганов XVI–XVIII в. тех же самых районов

[2] Следует разделять каменно-земляные насыпи, состоящие из двух последовательных слоёв – камня и земли (Группа II, Тип I) от каменных набросок над погребением. Отличие состоит в том, что в первом случае слой камня прослеживается по всей подкурганной площадке и составляет основной нижний слой насыпи. Такие каменные слои в насыпях обычно достигают большой мощности. Так, в кургане 14 могильника №3 у сел. Чегем II слой камня превышал 4,5 м при общей высоте кургана 6,4 м. Размеры каменных набросок над погребением заметно меньше диаметра насыпи по основанию и обычно сооружались в 1-3 слоя булыжных камней.

Восточного Закубанья преобладающим типом становится земляная насыпь, перекрытая панцирем (мог. Центрлаба 3).

Подобная ситуация, по-видимому, характерна и для курганных могильников Западного Закубанья в XVI–XVII в., где в это время появляются небольшие насыпи, перекрытые каменными панцирями (мог. Крепостной 2).

Наиболее широко каменные панцири представлены в кабардинских и малокабардинских курганах.

Примечательно также, что и на Северо-Восточном побережье Черного моря с XIV в. получили распространение земляные насыпи с каменной обкладкой по основанию (Агойский, Медовеевка, Носовцева поляна и др.). Но в могильниках XVII–XVIII вв. (особенно р-н Туапсе и Сочи) широко распространенным типом насыпей стали небольшие каменные курганы (Чаплук 2 и 3, Холодный родник и др.).

Каменные обкладки по основанию.

По форме каменные обкладки делятся на округлые, подовальные, подпрямоугольные (подквадратные), аморфные.

Наиболее широко распространенным вариантом являются округлые кромлехи.

Отметим, что аналогичного вида насыпи – небольшие (10 м в диаметре, 0,7 высотой), земляные с каменной обкладкой крепидой и уложенных плашмя в несколько рядов камней, возведенные над одиночными кочевническими погребениями, совершенными в простых ямах, с западной ориентировкой, считаются специфической чертой кочевнических курганов Правобережья Днепра XIV в. (Шалобудов В.Н., 1984. С. 171).

Подовальные обкладки зафиксированы только в памятниках XVII–XVIII вв. (к.7, Бжид-2; кк. 2,5 Церковная щель-1; кк. 1,2, Капабье; кк.3,4, Абазинка; к. 46, Грузинка Ха, к. 4, Грузинка Хб). Такие обкладки сооружались вокруг небольших насыпей, возведенных в один прием, т. е. по сути, вокруг надмогильного холма, который не перекрывался второй

насыпью. Таким образом, подовальные обкладки могут рассматриваться в качестве хронологического признака.

Подквадратные (подпрямоугольные) каменные обкладки известны среди материалов курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья (к.1, Греко-Майский; к. у хут. Карпенки; к.2, Аибга; к.1, Абазинка; кк. 1,11,20,26,76,106,110,111, Крепостной; Цемдолина), Свистунова щель (к.8, рис. 359), и предгорий Северо-Западного Кавказа (к. 46, Грузинка Ха) (Рис. 10).

По структуре обкладки бывают сплошными и разомкнутыми (Рис. 11).

По сложности конструкции – из одного уровня / слоя камней; из 2-5 уровней камней (Рис. 12). В последнем случае, камни укладывали радиально, внахлест.

Для курганных могильников адыгов XV–XVIII вв. характерными являются обкладки насыпей по основанию, сооруженные из камней, уложенных плашмя. Однако среди курганных некрополей Северо-Западного Кавказа XIV в. известны памятники, насыпи которых окружены кромлехами из установленных вертикально, на ребро камней. Так, обкладки из поставленных на ребро камней выявлены вокруг насыпей могильника у хут. Греко-Майский (Новичихин А.М., 2002. С. 71), Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 190, Рис.2; Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 214, 216, 218, 219, 226-227, 229, Табл. 3-4, 6), Кабардинка (Носкова Л.М., Р-1 № 15176) (Рис. 13).

Г.А. Федоров-Давыдов прослеживал такие насыпи в погребальных памятниках кочевников Крыма и Северо-Западного Кавказа с XII в. (II период) и выделял в отдельный Тип VI (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 120-122). В курганных могильниках Северо-Восточного побережья Черного моря обкладки из вертикально поставленных камней фиксируются с XII в.

Каменные панцири (Рис. 8)

По структуре каменные конструкции разделяются на панцири, покрывающие всю поверхность насыпи, и панцири, покрывающие верхнюю треть насыпи или верхнюю ее половину.

По плотности укладки камней панцири бывают сплошными и редкими.

§ 2. Подкурганные сооружения.

По материалам курганных могильников адыгов известны три варианта расположения погребений относительно уровня древней дневной поверхности: 1. Погребения совершались на уровне древнего горизонта. 2. Погребения совершались в могильных ямах. 3. Погребения совершались на искусственном возвышении.

При типологизации могильных ям, выявленных в адыгских курганах, была использована типология, разработанная Д.В. Васильевым для ям мусульманских погребений в Золотой Орде (Васильев Д.В., 2007. С. 73-75).

Грунтовые могильные ямы подразделяются на два типа: простые грунтовые ямы (I тип) и ямы с подбоем (II тип).

Тип I. Простые грунтовые могильные ямы.

По особенностям их профиля можно выделить два отдела: Отдел 1 – ямы с отвесными стенками; Отдел 2 – ямы со ступеньками или с заплечиками.

Отдел 1. По конфигурации ямы в плане выделяются варианты:

Вариант 1. Яма с отвесными стенками подпрямоугольная в плане.

Вариант 2. Яма с отвесными стенками подтрапециевидная в плане (ширина ямы «в головах» больше/меньше ширины ямы «в ногах» погребенного).

Вариант 3. Яма с отвесными стенками подовальная в плане (ширина у торцевых стенок меньше чем в средней части ямы)

Отдел 2 – ямы со ступеньками или с заплечиками.

По количеству и расположению ступенек или заплечиков разделяются на варианты.

Вариант 1. Яма со ступеньками вдоль всех бортов.

Вариант 2. Яма со ступенькой вдоль восточного борта (в ногах погребенного).

Вариант 3. Яма со ступенькой вдоль южного и северного (продольных) бортов.

Вариант 4. Яма со ступеньками со всех сторон, кроме восточной.

Вариант 5. Яма со ступеньками со всех сторок, кроме западной.

К сожалению, информативность материалов о раскопках адыгских курганов не позволяет провести достоверный количественный анализ распределения могильных ям I типа по отделам и вариантам.

Следует отметить, что для ингумационных погребений грунтовых могильников Закубанья X-XI вв. (Колосовка I, Мешоко, Ленинохабль №1, Казазово, Кужорский, Губские навесы, Псекупский №1) характерны подпрямоугольные могильные ямы с закругленными углами (Дитлер П.А., 1985. С. 116).

Простые подпрямоугольные в плане ямы выявлены на всей территории распространения курганных могильников адыгов с XIV по XVIII вв. Подтрапециевидные в плане ямы зафиксированы в погребениях могильников Черный Ерик-1: 2,12х0,82-0,65х0,53 (к.4, погр. 2); Крепостной-Нарожный 1,45х0,4-0,63х0,5 (к. 72(2), 1,32х0,65-0,5-0,4х0,1 (к.87) и др., Октябрьский (Ростунов): 2,67х0,78(з)-0,96(в)х0,54 (к.30); Октябрьский (Миньков) 2,65х1,5-1,3х0,54 (к.44), 2,7х1,2-1,4х0,38 (к.69), Центрлаба 3. За исключением могильника Черный Ерик-1, датированном XIV–XV вв., остальные памятники в этом перечне относятся ко времени XVI–XVII в.

Ямы подовальной формы: Крепостной-Нарожный: 1,35х0,5-0,6-0,42х0,08 (к.82), 1,28х0,4-0,48-0,4х0,03 (к.83), 1,57х53-67-57х0,14 (к.84), 1,2х0,5-0,6-0,3х0,1 (к.85-1), 1,1х0,45-0,49-0,4х0,1 (к.85-2), к.91.

Еще сложнее рассматривать вопрос об особенностях распространения ям с заплечиками, выделенными в самостоятельный Отдел 2. На территории Северо-Западного Кавказа ямы с заплечиками выявлены в курганных группах Грузинка Хб и Грузинка Хв (Рис. 14).

Яма с заплечиками со всех сторон (вариант 1) выявлена в к. 4 могильника Грузинка Хб, в Абинском районе Краснодарского края. Яма была перекрыта деревянными плахами. Погребенная взрослая женщина была уложена с разворотом на правый бок, череп – на правом виске. Погребение безынвентарно. В к. 3 этого же могильника также была выявлена яма с заплечиками со всех сторон, над которой было сооружено деревянное перекрытие. В яме был похоронен взрослый мужчина, вытянуто на спине, череп на затылке. При погребенном обнаружена поясная пряжка и обоймочка. В к. 4 курганной группы Грузинка Хв выявлены два погребения – ребенка и взрослой женщины. В обоих случаях захоронения совершались в ямах Типа 1 отдела 2 варианта 1. Над ямами возводились деревянные перекрытия. Черепа погребенных уложены на правый висок. Погребения безынвентарны.

В Центральном Предкавказье случаи сооружения ям с заплечиками зафиксированы в курганном могильнике Октябрьский (Северная Осетия).

Яма (2,4х1,0х0,5) с заплечиками со всех сторон (Вариант 1) выявлена в к. 79. В данном погребении зафиксированы также остатки деревянного погребального сооружения. Погребенный был уложен вытянуто на спине, положение черепа не отмечено. Погребальный инвентарь невыразителен. Пол и возраст умершего не определены.

Заплечики в ногах погребенного (у восточной торцевой стенки) – (Вариант 2) в яме (2,9х1,2х0,85) к. 80. В данном погребении также выявлены фрагменты деревянных плах. Погребенный мужчина был уложен вытянуто на спине, положение черепа не отмечено. Погребальный инвентарь не выявлен.

Вариант 3: к. 85: 2х1х0,6 у продольн С и Ю - заплечики:средн части 0,4х0,2, по краям 0,45х0,27; 2,53х1,25х0,37 западн часть уже-1,1заплечики:Сшир 0,38-0,16,Ю 0,37-0,25 (к.206, п. 1).

Д.В. Васильев пришел к заключению о том, что данный тип ямы существовал с доисламских времен и был сохранен в период мусульманизации Золотой Орды, так как подобная конструкция бесподбойной щелевой погребальной камеры предусматривается шариатом и называется шакк или хуфра» (Васильев Д.В., 2007. С. 100).

Вариант 4: К. 83: 2,5х1,1х0,43 с заплечиками выс 0,1,шир Ю ст-0,25 С ст 0,3; Заплечики с трех сторон могильной ямы, отсутствует в восточной торцевой. В этом погребении следов перекрытия не выявлено. Погребенный мужчина был похоронен на спине, череп уложен на затылок, погребение сопровождалось вещами.

Вариант №5: К. 206 (п. 2) С, Ю. В. заплечики располагаются вдоль всех стен, кроме западной. В этом погребении выявлен гроб. Погребенный ориентирован головой на В.

Представляется, что в могильнике Октябрьский ямы с заплечиками могут рассматриваться в качестве признаков мусульманских погребений.

Тип II. Ямы с подбоем.

В курганных могильниках адыгов, попавших в нашу выборку, ямы с подбоями являются наиболее редким типом могил. Подобный тип ям, «наискось заложенных досками», зафиксирован Н.В. Анфимовым на могильнике у села Тенгинское (Анфимов Н.В., 1954А).

Подбой зафиксирован в погребении Грузинка Хв – 5/1 и связан с исламизацией группы населения, оставившего могильник.

Еще один признак, который в ряде случает фиксировали исследователи, это различная глубина дна могил в «головной» части и «в ногах». Так, Н.И. Веселовский отметил при описании погребения к. 27,

раскопанного близ ст. Белореченской в 1896 г., что «в изголовье яма выше чем в ногах» (Веселовский Н.И., 1897. С.), в в могильнике Церковная щель-1, в к. 47: 2,02х0,6х0,28-0,38, а также менее заметная разница глубин в остальных могильных ямах курганов могильника; Малые кургашки (Эрлих В.Р., 1991А. №15174) к.1: 2,4х1,43х1,5-1,6; возвышение дна в изголовье отмечена и в могилах мог. Октябрьский.

Возможно, сооружение более высокого изголовья неслучайно. В таком случае сохранение разницы в глубинах при сооружении дна могил корреспондируются с некоторыми другими разновидностями «подушек»-возвышений под черепом погребенного. Например, в к. 3 мог. Центрлаба 3 под черепом погребенного находился крупный речной булыжник, «каменная подушка» зафиксирована в к. 96 (33) мог. Кепостной. Каменные «подушки» известны и в кочевнических погребениях. Так, каменная плитка под головой выявлена в монгольском воинском погребении в колоде на р. Ага (Восточное Забайкалье) (Ухинов З.Ч., 2014. С. 220). Отмечаются и т. н. «угольные подушки» – скопления углей под черепом (Грузинка VII / 82; Иноземцево-1 / 19).

Камни, расположенные у головы и ног, находят в ногайских погребениях, совершенных по мусульманскому обряду. Предполагается, что ими прижимали саван, чтобы за него не засыпалась земля, как того требует ислам (Малюкевич А.Е., Гизер С.Н., 2016. С. 323).

§3. Подкурганные погребальные конструкции. По материалу изготовления рассматриваемые конструкции подразделяются на *каменные, деревянные, металлические*. По конструкции можно разделить на *простые*, лежащие в одной плоскости, не образующие замкнутого пространства (настилы, перекрытия, вымостки), и *сложные*, образующие замкнутое пространство (каменные ящики, крепидообразные гробницы, гробы, колоды и т. п.). Это деление весьма условно, поскольку выявленные под одной курганной насыпью конструкции I типа (например, вымостки, облицовки

стен и перекрытия могильной ямы) должны рассматриваться в комплексе. Под одной насыпью нередко обнаруживается целый комплекс конструкций.

Каменные простые погребальные конструкции выявлены в курганах по всей территории расселения адыгов в эпоху позднего средневековья. Различные их виды выявлены в погребениях могильников Закубанья X-XI вв. (Колосовка I, Мешоко, Ленинохабль №1, Казазово, Кужорский, Губские навесы, Псекупский №1) (Дитлер П.А., 1985. С. 116-117).

Подсыпка галечная. Занимала все могильное пространство или его часть (подстилала верхнюю часть скелета или только голову) (Рис. 15,1).

Вымостка. Камнями выкладывали все подкурганное пространство или только дно могильной ямы. Использовали плоские камни и крупные плиты. Аналогично дно могильных ям было выложено в ряде ингумационных грунтовых погребений могильника X-XI вв. Колосовка I (Дитлер П.А., 1985. С. 116).

Обкладка (могильной ямы, погребенного и т. д.). По количеству камней выделяются частая и редкая. По структуре – сплошная и разомкнутая. Вероятно, сооружение разомкнутой обкладки связана с традицией использования одной курганной насыпи в качестве семейного кладбища. По форме обкладки – овальные, округлые, подрямоугольные, подквадратные, неправильной формы (Рис. 15. *2,3*).

Оградка (погребения, подкурганной площадки или нысыпи и т.д.) (Рис. 13). От обкладки отличается тем, что при сооружении оградки камни устанавливались вертикально или на ребро. По количеству камней выделяются частая и редкая. По структуре – сплошная и разомкнутая. Как и в случае с обкладкой, сооружение разомкнутой оградки может быть связана с традицией использования одной курганной насыпи в качестве семейного кладбища. По форме обкладки – овальные, округлые, подрямоугольные, подквадратные, неправильной формы

Вопрос о происхождении данного вида каменных конструкций довольно активно дискутируется в последние годы. Ряд авторов связывают

эту особенность погребального обряда с прочными традициями местного кавказского населения возведения при погребении каменных конструкций (Дитлер П.А., 1995. С. 161-162; Армарчук). Другие исследователи полагают, что сооружение каменных оградок (Горькая балка №2, погребения №19,32-35; курган у аула Кубина) в VIII–IX вв. привнесено на Северный Кавказ тюрками из степей Казахстана (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2005. С. 190-191; Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 154-157). Распространение оградок в погребальных памятниках XIII–XIV вв., выявленных от районов Центрального Предкавказья (могильники Новопавловский, «Сухая Балка», на городище Верхний Джулат) до Северо-Восточного Побержья Черного моря (Цемдолинский, Лобанова щель), исследователи расценивают не просто как кочевнические, а как признаки обряда «переходного» периода, проявлением процессов межэтнического синтеза, когда постепенно формировались «новые» и «смешанные» группы населения, руками которых и в соответствии со вкусами и ментальностью которых, сформировалась та самая «синкретическая» материальная и духовная культура золотоордынской державы» (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 94). Другими проявлениями этих процесов исследователи называли формирование «исламско-языческого» погребального обряда, фиксируемого на ряде памятников XIV в., распространение в погребениях представителей северокавказского населения каменных оградок, а среди потомков монголов и других синхронных им групп кочевого населения западной ориентировки, которая во многом снивелировала прежние и традиционные черты их языческого обряда (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 94-95).

Здесь же отметим, что вокруг умершего в погребениях могильника X–XI вв. Колосовка I сооружались обкладки из камней-плиток средних размеров, поставленных на ребро. Такая оградка «обычно не представляла сплошной замкнутой линии из камней и чаще всего состоит из двух-трех, иногда четырех плиток с большими промежутками между ними» (Дитлер П.А., 1985. С. 117).

Наброска. Из гальки (насыпали на вершину надмогильного холма) и средних размеров голыши – ими закладывали устья могил околомогильное пространство (Рис. 10. 2).

Каменные наброски над погребенным выявлены в могильнике X-XI вв. Колосовка I, причем не зафиксировано какой бы то ни было системности в расположении камней, они набрасывались друг на друга беспорядочно и лежали на разных уровнях непосредственно над погребенным (Дитлер П.А., 1985. С. 116-117).

Подкурганные захоронения с каменной наброской над могильной ямой известны на обширной территории евразийского степного пояса. Распространение в половецкой степи каменных кладок, заменяющих каменные насыпи над могилами, Г.А. Федоров-Давыдов, наряду с другими признаками (северной ориентировкой человека, погребенного без частей коня, подбоями в могилах) связывал или с монголами или с каким-то сибирским племенем, втянутым монголами в их движение на запад (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 159-160). Исследователь отмечает, что эти признаки появились или значительно участились в памятниках кочевников Восточной Европы золотоордынского периода (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 160).

Е.И. Нарожный находит аналогии подкурганным захоронениям с каменной наброской над грунтовыми ямами северокавказских могильников Сухая Балка и Верхнего Джулата в памятниках кочевой Степи (Нарожный Е.И., 2005. С. 133-143).

Перекрытия. Плоские плиты в 1 ряд покрывали погребения, совершенные на горизонте (мог. Абазинка, кк. 1 и 2). Аналогичные перекрытия выявлены над грунтовым погребениями, совершенными в узких могильных ямах, могильника Ново-Кувинский в Карачаево-Черкесии, в бассейне реки Большой Зеленчук (Минаева Т.М., 1950. Р-1. №432. Л. 14-24). Могильные ямы по периметру устья были обложены булыжными камнями. Погребенные уложены вытянуто на спине, головой на запад, руки сложены

на груди. Т.М. Мнаева датирует Ново-Кувинский могильник XIII-XIV вв. и связывает «с одним из адыгейских племен, заселивших обследованную территорию к указанному времени» (Минаева Т.М., 1950. Р-1. №432. Л. 24).

Каменные сложные погребальные конструкции:

Каменные ящики (Рис. 16). По расположению относительно древнего горизонта – заглублены в грунт или сооружены на дневной поверхности. На одном могильнике встречаются оба варианта, н-р, мог. Тешебс, но, возможно, дело в грунте: на скальном выходе – на горизонте, на суглинке – впущены в грунт. В большинстве случаев – однокамерные сооружения, однако выявлены двухкамерные конструкции, в которых одна стена являлась смежной, а также трехкамерные.

По планиграфической конфигурации выделяется два типа:

Тип. 1. подпрямоугольные,

Тип.2. подтрапециевидные (Тонкий мыс: 1,2х0,9; Попова гора: 0,75х0,9.

Аналогии. Наряду с подпрямоугольными в плане плитовыми могилами подтрапециевидные каменные ящики известны на обширной территории Северного Кавказа: они раскопаны в грунтовом могильнике X–XII вв. могильника у аула Жако (Карачаево-Черкесия) (Алексеева Е.П., 1971. С. 333. Таб. 27б, 16); XIII-XIV вв. у с. Дзуаркау (Марченко И.И., Тургиев Т.Б., 1980. С. 120-122. Табл. 1*, 14* , Табл. 2,*1-2,8*), на могильнике Кенхинский 1-й в верховьях р. Шаро-Аргун (Мамаев Х.М., Даутова Р.А., 1981. С.27). Если рассматривать хронологический срез бытования этой формы плитовых гробниц на Северо-Восточном побережье Черного моря, то подтрапециевидные ящики были зафиксированы еще на могильнике Сопино V–VI вв. (детское погребение №10) (Анфимов Н.В., 1980. С. 97) и встречаются вплоть до конца XIV в. (Пляхо, Анфимов, № 1385).

Конструктивные особенности каменных ящиков определяют ряд признаков:

1. Положение стен (преобладает вертикальное, в ряде случаев ширина по дну конструкции превышала ширину по верхней части ящика).

Взаиморасположение боковых и торцевых стен: длина торцевых стен превышает ширину ящика; длина боковых стенок превышает длину камеры ящика или равна ей. Боковые стенки упираются в торцевые, торцевые упираются в боковые.

2. Структура стен: боковые составлены из нескольких, чаще двух плит, или из одной сплошной плиты; торцевые стенки – из одной плиты.

3. Наличие – отсутствие дна. Дно сооружали из одной большой плиты, из нескольких плит, дно представлено каменной наброской или вымосткой. (мог. Тешебс – дно вымощено гладкими каменными плитами).

Дна нет, земляное – одиночные погребения мог. Ново-Михайловский (двор школы №31) (Анфимов Н.В., 1956А. Л. 17).

Каменные ящики без дна выявлены и в других регионах Северного Кавказа. Такая конструкция каменных гробниц зафиксирован, например, в погребениях Паметского могильника (Горная Ингушетия). При этом, в соседних погребениях могильника присутствуют и каменные ящики с дном. В погребениях 6(2), 7(3) дно выложено сланцевыми плитками (Бараниченко Н.Н., 1983. С. 9, 11-12, Рис. 2,*1-2*).

Наличие – отсутствие перекрытия. Его сооружали из одной или нескольких плит, в качестве перекрытия использовалась также наброска из булыжника.

В грунтовом погребении 17(13) Паметского могильника каменный ящик был выявлен под несколькими уровнями перекрытия. Первое перекрытие выявлено на глубине 0,45 м и состояло из трех массивных мергелевых плит и крупного булыжника «в ногах» с ЮЗ стороны, ниже, на глубину 0,85 м, шла каменная забутовка, под ней показалось перекрытие каменного ящика, в свою очередь, состоявшее из трех массивных мергелевых плит, дна в ящике не было. Погребенный лежал на спине, головой на СЗ, руки скрещены в области паха, ноги согнуты и завалились направо. Инвентарь и особенности погребального сооружения позволили отнести его

к X-XIII вв. и высказать предположение о захоронении в данном комплексе служителя языческого культа (Бараниченко Н.Н., 1973. С. 13-15, 17-18).

Каменные ящики являются традиционной формой погребальных сооружений для Северо-Восточного Причерноморья на протяжении периода средневековья до XV в. Характерны для подкурганных погребений СВ побережья Черного моря, встречаются в позднесредневековых памятниках КЧР, Пятигорья.

В.И. Сизов полагал, что каменные ящики продолжают «традиции эпохи мегалитической». Позднейшей датой для курганов с каменными гробницами В.И. Сизов считал XV в. (Сизов В.И., 1889. С. 161).

Дискуссия по вопросу о времени и причинах появления плитовых могил в Таврике и обзор существующих версий представлен в работах И.А. Баранова (Баранов И.А.,1990), А.И. Айбабина (Айбабин А.И., 1993), В.В. Майко (Майко В.В., 2006. С. 496). Наиболее обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения А.И. Айбабина, согласно которой причиной появления каменных ящиков на Боспоре в середине VI в. и на южнобережье Крыма во второй половине VII в. стало проникновение греческого населения в Таврику после ее вхождения в состав Византийской империи, а также естественная христианизация местного населения (Айбабин А.И., 1990. С. 69; Айбабин А.И., 1993. С. 121-134).

Этой точки зрения – на христианизацию населения как основную причину появления каменных ящиков – придерживается ряд северокавказских специалистов. Так, погребальный обряд средневекового населения, оставившего каменные ящики в Джераховском и Ассинском ущельях (Ингушетия) (у сел. Лежги, Еголкас, Могогаали, Мецхал, Фуртогр, Памет, Шуан, Бишт, Мужичи и др.) характеризуется набором устойчивых признаков: ориентировкой в западном секторе, положением тел – вытянуто на спине или на боку, индивидуальность захоронений, безынвентарность или малое количество предметов погребального инвентаря (в основном, предметы личного обихода, детали одежды) (Х.М. Мамаев, 1976. С. 36-37).

Наиболее ранние каменные ящики Ингушетии исследователи относят к X – началу XI в., основную массу погребений данного типа – ко времени XI-XII, выявлены также ящики XIII-XIV вв. и даже более поздние комплексы (под полом башнеобразного склепа у сел. Кошк, не ранее XV в.) (Мамаев Х.М., 1976. С. 37), раннемусульманские погребения 21 и 23, датируемые XVI в., могильника Кенхинский 1-й (Мамаев Х.М., Даутова Р.А., 1981. С.36). Такие черты, как «индивидуальность, западная ориентировка, практическая безынвентарность находятся в очевидном соответствии с распространением христианства в горной зоне Чечено-Ингушетии в X-XIII вв.» (Х.М. Мамаев, 1976. С. 37).

Согласно другому подходу, причиной распространения каменных ящиков стали изменения этнокультурного состава населения. Так, грунтовые плитовые могилы, выявленные в памятниках Карачаево-Черкесии и Ставрополья, Каракент, Кызыл-Кала, Теберда, Рим-гора, Джамагат, Сары-Тюз, Кубина, Узун-кол и др. Х.Х. Биджиев связывал с погребальными памятниками болгар VIII-X вв. (Биджиев Х.Х., 1985. С. 29-30). В этих памятниках умершие в большинстве случаев уложены на спине в вытянутом положении, головой на запад, руки опущены вдоль туловища или согнуты на животе, груди, или одна вытянута, другая согнута (Биджиев Х.Х., 1985. С. 30).

Появление плитовых могил в степной полосе Средней Кубани предположительно связывается с миграцией сюда горско-аланского и тюркского населения, смешавшегося в горной зоне, подвергшегося до переселения на равнину христианизации (Соков П.В., 2004. С. 15; Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008. С. 20-21).

Распространившиеся в XIII в. в районе Анапы – Новороссийска подкурганные погребения в каменных ящиках, сопровождаемые конскими захоронениями, Г.А. Федоров-Давыдов связывал с формированием на этой территории особого варианта половецкого погребального обряда (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 161). Помимо того, одним из признаков

кочевнического влияния в погребальных памятниках здесь исследователь называл распространения насыпей IV типа – с оградой из вертикальных плит, поставленных кольцом под курганом на горизонте вокруг могильной ямы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 120, 161).

Е.А. Армарчук полагает, что ввиду давней традиции использования камня в разных вариантах для устройства могил у населения данного района Причерноморья, следует отказаться от тезиса, предложенного Г.А. Федоровым-Давыдовым о принадлежности погребений в каменных ящиках (с последующими подзахоронениями) северокавказским половецким племенам низовий Кубани (Армарчук Е.А., 2001. С. 40).

Крепидообразные гробницы (Рис. 17). Известны в курганах Северо-Западного Кавказа. Сложены из 4-6 рядов плоских камней, без раствора, в основании более крупные камни, в разрезе гробницы имели форму разомкнутой арки.

Выявлены В.И. Сизовым в кургане в ст. Раевская. Исследователь полагал, что «такого рода погребение носит, без сомнения, следы глубокого архаизма» (Сизов В.И., 1889. С. 157).

Крепидообразные гробницы, сооруженные на уровне древнего горизонта, над которыми, по всей видимости, не возводилась курганная насыпь, выявлены в могильнике Южные культуры, в котором также были исследованы и подкурганные погребения. В одной из таких «открытых» гробниц зафиксированы фрагменты деревянного перекрытия. Датировка этих гробниц затруднительна, предположительно, материал выявленных в них погребений датируется XIV–XV вв. По облику и особенностям конструкции крепидообразные гробницы близки к исследованным Ю.Н. Вороновым каменным гробницам могильника на правом берегу р. Бешенка, в урочище Кулаковка (Воронов Ю.Н., 1979. С. 107–108. Рис. 63). Гробницы на р. Бешенка представляли собой трехчастное сооружение из одной центральной и двух пристроенных к ней по бокам погребальных камер, так что продольные стенки центральной гробницы оказались смежными с одной из

продольных стен каждой боковой гробницы. Все три гробницы – подпрямоугольные в плане, сложены без раствора из 5-7 рядов ломаного плитняка. Высота стен не превышал 0,7 м, а ширина – 0,5 м. Погребальные камеры заполнялась землей. Внутри каждой гробницы на уровне древней дневной поверхности были выявлены погребения: два одиночных (внутренние размеры центральной и боковой юго-западной камер составили соответственно: 0,9х2,3 м и 0,5х2,1 м) и парное в одной из боковых (северо-восточной) камер (1,3х2,2 м). В этом же могильнике были исследованы также однокамерные подпрямоугольные и подквадратные гробницы, сложенные из нескольких рядов камней. В одной из них погребение было совершено в могильной яме, а «пол» подпрямоугольной гробницы был аккуратно выложен почти без зазоров плоскими мелкими камнями. Все исследованные погребения могильника на р. Бешенка не содержали погребального инвентаря. В заполнении одной из камер были найдены фрагменты керамического изделия с грязно-зеленоватой поливой, отнесенных Ю.Н. Вороновым к XVI-XVII вв. Однако, случайное попадание фрагментов керамики в гробницу вместе с землей может свидетельствовать и о более поздней датировке погребения. Интересно, что юго-западная продольная и юго-восточная торцевая стенки центральной гробницы были усилены дополнительными стенками толщиной до 0,7 м и 0,5-1,0 м и высотой до 0,8 м и 0,6-1,0 м соответственно.

Следует подчеркнуть, что для памятников IV-IX вв. междуречья Убина и Пшиша (могильников Пашковский 1, Псекупский 1, Ленинохабльский 1, Тауйхабль и Нововочепший, Молдавановский и Казазово II) отличительной чертой является отсутствие в могилах каменных конструкций (Джигунова Ф.К., 2000. С. 10).

Деревянные простые конструкции:

Настилы. Из продольно или поперечно уложенных досок или бревен. В большинстве случаев выявлены под гробами или колодами. В ряде случаев на настилах совершены погребения.

В кк. 1,3,5,7 мог. Шенджий (Закубанье, XV в.) зафиксированы фрагменты деревянных погребальных конструкций (предположительно настилов) (Носкова Л.М., 1982А),

Перекрытия. По расположению плах – горизонтальные или наклонные, продольные и поперечные (Рис. 18, 19).

Перекрытия являются характерной деталью мусульманского погребального обряда (Халикова Е.А., 1988. С. 43-45).

Перекрытия нижней трети ямы в виде поперечно уложенных деревянных плах, обоими концами упиравшихся на заплечики, хорошо известны в захоронениях кочевников XIII-XIV вв. Восточной Европы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 155-156), а также над погребениями золотоордынских мусульманских некрополей Поволжья (Яблонский Л.Т., 1977. С. 77). На территории Северного Кавказа подобные перекрытия выявлены в погребениях 2-го Нижне-Джулатского грунтового могильника XIV-XV вв. (Чеченов И.М., 1969. С. 98); в погребениях №5, 10-13,15 Новопавловского могильника XIV в. на Ставрополье (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 46).

Деревянные сложные конструкции. К ним относятся гробы, колоды, полуколоды, склепы.

Сохранность отдельных деревянных конструкций не позволяет определить их вид. Так, в к. 16 могильника Центрлаба 2 под погребенным были выявлены крупные фрагменты плах, толщиной до 4 см, а вдоль левого плеча и частично под скелетом – остатки бревна, по всей видимости, расколотого надвое, его размеры 164х28х16 см, половина бревна размерами 94х20х14 см находилась и в к. 18 этого могильника, так же слева от погребенного (Пьянков А.В., 1988. №12378, Л. 45, 51).

По расположению в погребении подразделяются на наземные, заглубленные и внутримогильные.

Гробы (Рис. 19,20). Известны конструкции из дуба, чинары, карагача. Строительный материал различен: гробы сооружались из плах, из досок, из брусьев.

По форме выделяются:

подпрямоугольные (Белореченские курганы, к. 62 мог. Крепостной, кк.1,7 мог. школьный двор а. Жако, кк. 1-7 мог. Байтал-Чапкан, кк. 2,3 мог. Важный, к. 1 мог. Карабежгонка, к. 12 мог. Каррас, к. 1 мог. Чегем 1, кк. 4-6, 29, 49-50, 64 мог. Чегем 2, к. 10 мог. Чегем 3, к. 13 мог. Чегем 4, кк. 1, 4-5, мог. Кызбурун III, к. 5 мог. Нартан, кк. 2,3 мог. Нижний Черек, к. 3,21 мог. Старый Урух, кк. 22,33,67,118 мог. Октябрьский);

трапециевидные: ширина у изголовья больше (кк. 2-10 мог. школьный двор а. Жако, кк. 1,4-5, 7-8, мог. Бесленей, к. 5 мог. Чегем 4, кк. 1,5 мог. Нижний Черек, к. 1 мог. Нижний Черек 2, к.13 мог. Старый Урух) меньше чем в ногах (кк. 11,13 мог. Байтал-Чапкан);

удлиненно-овальные (углы скруглены) конструкции (кк. 61,66,116,117 мог. Октябрьский).

По пропорциям: узкие – широкие.

По способу крепления строительного материала гробы разделяются на две группы. Первую группу составляют конструкции, скрепленные при помощи дополнительных приспособлений (скобы, гвозди, штыри) (закубанские могильники – Крепостной, Псебай, Центрлаба 3, могильники Кабардино-Балкарии: Эбенецер, Чегем 2, Лечинкай, Нижний Черек), а во вторую группу вошли конструкции, сбитые без дополнительных приспособлений (крепление пазами) (курганные могильники Карачаево-Черкесии: в школьном дворе а. Жако, Байтал-Чапкан, Бесленей, Кабардно-Балкарии: Чегем 2, Чегем 3, Чегем 4, Кызбурун III, у городища Герменчик (Крупнов Е.И., 1948. С. 297-299, рис. 11).

В Новопавловском могильнике золотоордынской знати гробы крепились железными кованными гвоздями, С- и П-образными скобами, использовались также такие детали крепления, как штыри с подвижными

кольцами, поперечные железные и золотые пластинки, обручи (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 47). В качестве аналогий Е.И. Нарожный и Н.А. Охонько называют подобные детали крепления гробовищ, выявленные в захоронении «монгола» из кургана у сел. Коби (Шелковской район, Чечня) и в погребениях могильника «Сухая балка» под Владикавказом (Нарожный Е.И., 2005; Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. С. 47).

Конструктивные особенности гробов. Положение стенок могло быть вертикально и под наклоном (дно шире / уже устья). Так, днища гробов из курганов могильника Байтал-Чапкан в Карачаево-Черкесии были уже, чем устья конструкций, возможно, подобная форма гробов имитировала погребение в перевернутой полуколоде (Рис.).

В редких случаях с двух концов гроба/колоды зафиксированы перекладины (ст. Прохладная). По всей видимости, гробы изготавливали без дополнительных конструктивных элементов для перемещения, а пользовались веревками или носилками.

Гробы подразделяются и по наличию – отсутствию дна. Дно состояло из 1 широкой доски или из 2-3 узких. По всей видимости, в большинстве случаев, когда отмечается отсутствие дна, погребение совершалось не в гробу, а в могильной яме, стенки которой обложены досками. Но в ряде погребений исследователи зафиксировали способ крепления досок, поэтому допускаем сооружение подпрямоугольных рам. Так, в курганах 1-2,4 мог. Бесленей (Карачаево-Черкесия) доски погребальной конструкции были скреплены «в заруб, без гвоздей или костылей», дна не было, а перекрывалась рама крышкой-полуколодой (Алексеева Е.П., 1957. Л.) Аналогичная конструкция выявлена в к. 1 мог. Карабежгонка (Алексеева Е.П.). Не было дна в кк. 1 и 5 мог. Куденетово (Кабардино-Балкария), вместо него насыпан слой речного белого песка (Владимиров, 1897). Не зафиксировано дно и в конструкциях, выявленных в курганах могильников, расположенных на территории Северной Осетии-Алании 4-6 мог. Христианское, к. 1 мог. к СВ от Эльхотово, Старый Урух. Интересно, что

подобные рамы были выявлены в погребениях кк. 22 и 23 мог. Старый Урух, где они располагались поверх колоды, помещенной в могильную яму.

Гробы без дна находят аналогии в болгарских могильниках – Волоконовском кон. IX-X вв. (расположен на правом берегу Оскола) (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976. С. 279, 281-283). Они представляли собой прямоугольную раму, сложенную из четырех плах. Высота и толщина таких конструкций зависела от размеров плах – 15-65 см и до 8 см соответственно. На концах длинных боковых плах вырезались пазы, куда вставлялись поперечные плахи. Интересно, что в таких погребениях дно устилалось камышом или насыпался толстый слой угля. Перекрытия сооружались из одной-двух уложенных вдоль плах. На некоторых торцевых досках удалось проследить пазы для устойчивого положения досок перекрытия (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976. С. 281-282. Рис. 2,*1,3*).

В черкесских курганах зафиксированы несколько вариантов конструкций крышек гроба. Их сооружали из продольных плах, из поперечных досок, из половины ствола дерева. По форме крышки подразделяются на плоские (мог. Церковная щель, Каррас, к ЮЗ от Нальчика и СВ от Нальчика, Чегем 4, Алхасте); выпуклые (полуколода) (мог. в школьном дворе а. Жако, Бесленей, Байтал Чапкан, Важный, Карабежгонка, Каррас, Чегем 3, Кызбурун III, Нижний Черек); двускатные (Солдатская кк. 1, 6, Кантышевская, к. 14). Сохранившаяся восточная торцевая стенка гроба из женского погребения кургана 2 у городища Герменчик была закруглена сверху, видимо и крышка выпуклой формы (Крупнов Е.И., 1948, с. 299, рис. 11).

Крепление крышки: крышка впускалась внутрь и держалась на брусьях вдоль каждой из стенок (Байтал-Чапкан, Карабежгонка); крепилась к стенкам гроба железными штырями (мог. в школьном дворе а. Жако, Каррас, Чегем 4), гвоздями (Каррас, Урочище Гора), скобами (Каррас, Урочище Гора, Чегем 3); крепилась пазами к стенкам (Прохладная В, к.1); нависала над ящиком

гроба, при этом верхняя часть торцовых стен, выступающих за боковые (Кантышево, к. 14), скруглены.

Отметим, что в ряде грунтовых погребений могильников района Анапы (Гостагаевская, на пос. Жукова, Псебепс 3) в каменные ящики иногда впускались гробы. Возможно, ту же природу имеют каменные обкладки гробов в могилах.

Использовались гробы не на всей территории проживания адыгов в эпоху средневековья и Нового времени. Так, на сегодняшний день в курганных могильниках Северо-Восточного Причерноморья не зафиксировано ни одного адыгского погребения, где бы достоверно был выявлен гроб. Описывая раскопки к. 9 из могильника Свистунова щель, А.В. Дмитриев пишет, что единственное погребение было совершено в гробу подпрямоугольной формы (размеры его составляют 2,04х0,62 м), по мнению исследователя, выточенный из цельного ствола дерева. Однако, описание раскопок погребения к. 9, полевые чертежи и фотографии свидетельствуют, скорее, о наличии деревянного перекрытия погребения, совершенного на уровне древней дневной поверхности. Погребенный был ориентирован головой на ЮЗ, уложен с разворотом на правый бок, а его череп лежал на правом виске. Эти признаки свидетельствуют о том, что погребенный был захоронен по мусульманскому обряду, точнее, по обряду переходному к мусульманскому.

Деревянные гробы упоминает Л.М. Носкова при описании погребений могильника Церковная щель 1. Сохранность деревянных погребальных конструкций не позволила зафиксировать их особенности. Осталось не ясным, были ли эти конструкции гробами или только обкладкой ям досками и деревянным перекрытием.

Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод, что на побережье дерево начало использоваться в погребальной практике только с переходом к мусульманскому обряду, в качестве деревянного перекрытия могильной ямы и обкладки ее стенок. И если это наблюдение

подтвердится в ходе дальнейших полевых исследований, то оно откроет дополнительные возможности для датировки комплексов с малоинформативным погребальным инвентарем или безынвентарных погребений.

Самой западной группой погребений, совершенных в гробах, являются погребальные комплексы могильника Крепостной 2. О наличии гробов в погребениях этого памятника свидетельствуют обнаруженные там фрагменты дерева и гвозди (от 1 до 16 шт.). Могильник Крепостной 2 датируется XVII в. Самые же ранние погребения в гробах в Закубанье выявлены в Белореченских курганах. От большинства конструкций сохранились фрагменты досок, иногда обитых шелком или парчой, железные гвозди и скобы. В к. 2, раскопки Н.И. Веселовского 1896 г., был прослежен фальц по краям досок гроба, в к. 7 того же года раскопок исследователь отметил наличие «поперечин». По мнению В.П. Левашевой, доски гроба были пригнаны вплотную без фальца и скреплены поперечными рейками (Левашева В.П., 193. С. 169).

И в этом отношении примечательно, что адыгское слово *пхъэмбей/пхъэмбай*, обозначающее собственно ‘гроб’, образовано из адыгского *пхъэ* – ‘дерево’ и второй части *бей/бай* – несомненно, иноязычного происхождения: возможно, из арабского *bait* ‘дом’, ‘комната’, ‘помещение’, ‘сооружение’; ‘ящик’, ‘сундук’, ‘коробка’; ‘покрышка’, ‘чехол’, ‘обшивка’, ‘облицовка’, откуда казахское *бейіт* – ‘могила’, киргизское *бейит* – ‘могила (вместе с надмогильным сооружением)’, или допустима связь с осетинским бай, байбын – ‘выемка’, ‘углубление’, ‘место в горах’, ‘пещерообразное углубление в скале’ (Шагиров А.К., 1977. С. 22-23).

Гробы-рамы, по мнению исследователей, представляют собой самый ранний тип гроба (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976. С. 294).

Колоды (Рис. 21). Цельная, выдолблена из ствола дерева, концы закруглены (к.1 мог. к СВ от Нальчика).

За колоды нередко принимали массивные выпуклые крышки из цельной части ствола дерева (полуколоды) (Рис. 22), хотя эти сооружения колодами не являются (Нагоев А.Х., 2000. С. 44).

Колоды появились в южнорусских степях, вероятно, вместе печенегами – в конце IX в., и распространились среди населения южнорусской степи в X-XI вв., т.е. в захоронениях печенегов, токов и частично половцев (Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976. С. 281-282, 294. Рис. 2,*2,4*). Колоды выявлены в памятниках, соотносимых исследователями с адыгскими, только на территории Карачаево-Черкесии и Центрального Предкавказья.

В небольшом курганном могильнике у городища Ногай-Кале (близ ст. Раевская, окрестности Новороссийска), состоявшем из 6 земляных насыпей высотой 1–1,5 м В.И. Сизов раскопал три кургана, в котором выявил три погребения в колодах. В к.2 было находилось два погребения в колодах, впущенных в могильные ямы, ориентированные по направлению З–В. Колоды перекрывались деревянными досками. Погребения принадлежали взрослым мужчинам, вместе с ними в могилы были уложены предметы вооружения – сабли, в одном случае кольчуга, в двух других – шлемы. Два погребения сопровождали конские захоронения: в первом случае к северу от скелета и на уровне устья колоды был выявлен полный остов лошади с удилами в зубах, человек и животное были ориентированы на запад, в другом погребении к югу от человека, ориентированного головой на восток, были выявлены кости лошади и стремена. Удила Б1-2б, стремена IV-5 и 4 (Армарчук Е.А., 2006. С. 140). Кон. XII–XIII в.

Впускное погребение девочки Раевский 1/3 было совершено в дубовой колоде. Размеры колоды 1,3х0,5х0,22 м, толщина торца в западной части – 18 см, в восточной около 10 см. Размеры внутренней части колоды: 1,02х0,27х0,22 м. Толщина дна и крышки не устанавливается. Погребение перекрыто наброской из камней. Ориентировка погребенной восточная. Предположительная датировка XII–XIII вв. В этом же кургане было

выявлено еще одно кочевническое захоронение с восточной ориентировкой и в деревянном гробовище – взрослого мужчины, а также погребение младенца в каменном ящике, урновая кремация, содержавшая останки женщины и ребенка, мужское погребение с западной ориентировкой, захоронение лошади (*Дмитриев А.В.*, 1985. Р-1. №10757. Л.58 №10757а. Л. 31. Рис. 538).

В кургане 2 могильника Тешебс-1 выявлено погребение в колоде, судя по слою древесного тлена, перекрывающего и подстилающего погребение. Оно совершено в центре кургана. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ВСВ. В составе погребального инвентаря – сабля с асимметричным перекрестием, калачевидное кресало с высоким язычком, мотыжка, оселок, складной серп, нож, пряжки (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. С. 19, 24, Рис. 1,1). Ориентировка погребенного не характерна для местного оседлого населения, связываемого с зихами.

Одни из самых поздних колод выявлены в погребениях XVI в. могильника Иноземцево (Каррас) – к. 6 и к. 11 (см: Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 193).

Исследователи справедливо ставят под сомнение распространенное представление о том, что колоды являются чуть ли не традиционными для захоронений позднесредневековых кабардинцев (Нагоев А.Х., 2000. С. 44; Нарожный Е.И., 2005. С. 152). При этом колоды хорошо известны в погребениях монгольских племен золотоордынского времени (Нарожный Е.И., 2005. С. 152–153) и в половецких погребениях XII–XIII вв. из степного Прикубанья и Восточного Закубанья (Зеленский Ю.В., 1999. С. 28, 30).

Отсутствие данных погребальных конструкций в памятниках Северо-Западного Кавказа XIV–XV вв. указывает на то, что колоды не являются характерными для северо-западных адыгов. Их использование зафиксировано только в ходе освоения кабардинцами степных пространств и предгорий Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии. Выявлены колоды также в курганах Карачаево-Черкесии. Освоение адыгами районов центрального Предкавказья началось не ранее начала XV в.

Полагаем, использование данных конструкций в погребальной практике адыгов – является результатом культурного взаимодействия их с ногайцами и другими кочевыми народами, кочевавшими в степях Прикубанья и левобережья Кумы.

Колоды выявлены в погребениях грунтового могильника Карт-Джурт, расположенного южнее г. Карачаевск (Биджиев Х.Х., 1979. С. 5-14, Рис. 2).

Погребения в колодах были распространены у ингушей и осетин, в частности колоды выявлены в надземных осетинских склепах в селениях Даргавс, Хусар-Хинцаг (Семенов Л.П., 1963. С. 84). Известны они и в Закавказье (Маргиани Д. 1890 С. 78). Л.П. Семенов полагал, что «кавказский обычай погребения в колоде-челноке, поздний по времени, является последним звеном в эволюции одного из древнейших погребальных обрядов в лодке, имевшего большое распространение у славян и у многих народов Запада и Востока» (Семенов Л.П., 1963. С. 84-85).

В завершение сюжета о колодах на Северо-Западном Кавказе следует коснуться описания погребального обряда черкесов, которое привел генуэзец Джорджио Интериано в своих записках «О быте и обычаях черкесов» (1502 г.). Приведем этот текст с некоторыми сокращениями: «Похороны у них совершаются очень странно. Когда умирает знатный человек, они устраивают в поле высокое деревянное ложе, на которое кладут мертвеца в сидячем положении, предварительно вынув у него внутренности, и здесь в течение восьми дней его посещают родные, друзья и подданные, принося ему в дар серебряных кубки, луки, стрелы и прочие предметы […] Совершается погребение, и делается это следующим образом. Берут толстое дерево, и от самой толстой его части отрезают в длину столько, сколько нужно, затем раскалывают на две части, выдалбливают настолько, чтобы туда поместилось тело с частью принесенных даров. Положив тело, складывают обе половины дерева и относят на место погребения, где собирается большая толпа и насыпает над могилой темху, то есть земляную насыпь, и чем знатнее был покойник, и чем больше было у него подданных и друзей, тем выше и

больше насыпается этот курган. В то же время самый близкий из родственников собирает принесенные дары и раздает их присутствующим, и чем больше он чествует покойного, тем меньше даров кладется в могилу с покойником» (Интериано, 2010, с. 29-30).

Как следует из приведенного выше обзора археологических источников о нахождении в погребениях адыгов колод, эти конструкции выявлены только в кабардинских курганах и в курганах черкесов, расположенных в верховьях Кубани. Чем же можно объяснить появление колоды в описании погребения знатного черкеса в тексте Интериано? Однозначного ответа на этот вопрос нет и быть, безусловно, не может, но комментарии необходимы.

Во-первых, допустимо, что путешественник описал обряд погребения восточных адыгов, заселявших верховья Кубани или районы Центрального Предкавказья, где археологически зафиксирован обряд погребения в колодах. Но этому предположению косвенно противоречат два обстоятельства. Первое – судя по тексту описания Черкесии, очевидно, что Интериано гораздо лучше осведомлен о территории и населении западной части страны, подробно характеризует границы и природные условия, быт и занятия черкесов Приазовья и Северо-Восточного Причерноморья. Восточные районы намечены им лишь пунктирно. И в связи с этим сложно предположить, что Интериано стал бы описывать погребальный обряд населения восточных окраин Черкесии, о которых он имеет малое представление. Но если допустить, что часть текста с описанием похорон записана генуэзцем со слов какого-либо информатора, то это не исключает другого противоречия: описывая принесенные в дар умершему предметы, которые впоследствии укладывались вместе с ним в могилу, Интериано называет серебряные чаши, а посуда из драгоценных металлов выявлена лишь в курганах адыгов Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья.

Другое и более вероятное объяснение связано с тем, что черкесы – это полиэтноним, собирательное название многих северокавказских народов,

среди которых адыги к XV в. оказались самым многочисленным, влиятельным и, что немаловажно, лучше других знакомым европейцам формирующимся этносом, что и обеспечило упоминание этнонима «адыги» в качестве самоназвания черкесов. Интериано в своем описании мог объединить черты погребальной обрядности различных этнокультурных групп, проживавших на одной территории с адыгами и вместе с ними (Дружинина И.А., 2006).

Склепы (Рис. 23). Встречены в 18% исследованных Белореченских курганов (в 15 насыпях). В основном на горизонте, в трех случаях впущены в материк. Продольные стенки склепов из двух венцов бревен. Поперечные – из трех вертикально врытых в грунт досок, крайние фиксировались в пазах продольных стенок. Верхние концы поперечных стенок возвышались над продольными полукругом, поддерживая двускатную крышу склепа. Семь склепов содержали погребения в гробах.

В.И. Сизов выявил аналогичные погребальные сооружения в курганах у ст. Раевской близ Новороссийска. В к.1 в могильной яме находился «сруб из толстых бревен, образующих форму невысокого ящика, но без крыши», «сруб или гроб длиною был в два метра и сорок сантим., а шириной в 60 сантим». В соседнем кургане высотой до 2,5 м в могильной яме также был обнаружен сруб: «сколоченный из толстых дубовых бревен гроб, длиною 2 метра и 33 сант., а ширина его равнялась 1 метру. Толщина дубовых бревен доходила в диаметре до одной четверти аршина. В концах гроба короткие куски бревен стояли стоймя, образуя вверху выпуклую линию. Продольные стенки гроба были невысоки, соответствуя высоте лежащего тела и сложены были, как кажется, из коротких бревен, по крайней мере, бревна легко отделялись правильно обрезанными частям. Верх гроба прикрывался досками, от которых остались только следы». В третьем кургане также был обнаружен аналогичный сруб. Курганы могильника земляные, без внешних каменных конструкций. В.И. Сизов отнес раскопанные им комплексы к

ногайским погребальным памятникам и датировал XVII в. (Сзов В.И., 1889. С. 134-136).

В 1911 г. под Геленджиком К.К. фон-Мерс раскапывал могильник, в котором под земляными насыпями находились захоронения в груновых ямах и впущенных в них подпрямоугольных срубах из бревен, обложенных с внешней стороны крупным булыжником. Размеры сруба к. 1: 4 аршина в ширину, 4 – в длину и 2 – в глубину (примерно 2,9х2,9х1,45 м). В центре камеры этого сруба находились два мужских скелета, ориентированные по линии ЮЗ-СВ, а также 2 конских костяка, уложенных один – на правый и другой – на левый бок, хребтами к умершим (ф.-Мерс К.К., 1911. Л. 82-84).

В.Б. Виноградов и Е.И. Нарожный усматривают параллели между белореченскими склепами и склепами средневековых погребальных памятников славян среднего Дона VIII–XI вв. (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150-152). Однако большой хронологический разрыв и ряд специфических условий сооружения деревянных склепов в славянских курганах Подонья, на которые указывают сами исследователи, скорее говорят о случайности совпадений этой черты погребальной обрядности. Более близкие аналогии деревянных склепов Белореченских курганов известны по погребальным памятникам мусульманских некрополей Золотой Орды, в частности на некрополе золотоордынского Водянского городища (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150-151). От белореченских склепов они отличаются, главным образом, тем, что чаще всего впущены в глубокие грунтовые ямы. Наземные деревянные срубы известны в погребениях X–XI вв. на Южном Урале (Старо-Халиловские) (Мажитов Н.А., 1977. С. 86-87, 105-106).

Оградка из бревен, образующая прямоугольник, но значительно больших размеров, нежели белореченские, – 7,5х6 м – выявлена в кургане 2 кочевнического могильника XIV в. у с. Котовка в Поднепровье. Бревна подтесаны и слегка обожжены, площадь сечения 0,25х0,2 м. На бревнах и внутри оградки выявлен тонкий слой тростника. Внутри оградки находилось

основное погребение, совершенное в могильной яме прямоугольной формы размерами 3х2,4 м и ориентированной по оси В–З. Под южной стенкой лежали кости овцы. Погребение было ограблено (Шалобудов В.Н., 1982. С. 60. Рис. 1.1).

В соседнем кургане 3, расположенном в 40 м от предыдущего, на древнем горизонте сооружена подкурганная площадка, представляющая собой настил из бревен, расположенных 6-ю концентрическими кругами, общим диамером 10,5 м. Максимальная длина бревен – 4 м. На краю площадки находилось кострище. В могиле – остатки ограбленного погребения, совершенного в гробу или иной деревянной конструкции (Шалобудов В.Н., 1982. С. 61-62. Рис. 1.9).

В кургане 4 – на погребенной почве прослежена тонкая прослойка тростника диаметром 14 м. В центре подкурганной площадки сооружена «оградка» из 4-х подтесанных в брус бревен, лежащих попарно вдоль коротких стенок могильной ямы, находящейся между ними. Длина бревен 1,1 м, сечение 0,2х0,2 м. Сверху бревна перекрыты слоем тростника. Внутри оградки могильная яма с подбоем. Погребение совершено в деревянном гробу, положение скелета вытянуто на спине, ориентировка западная. Перед лицом погребенного выявлена кость овцы. В ногах – котелок, предметы упряжи, зеркало и другой инвентарь (Шалобудов В.Н., 1982. С. 62–63. Рис. 1.19). Все погребенные имели отчетливо выраженные монголоидные черты. Наличие могил с подбоем, женского головного убора «бокка», состав погребального инвентаря, включавший амулеты-онгоны, позволили сделать вывод о том, что курганный могильник у с. Котовка оставлен не местным половецким населением, а пришлой группой (Шалобудов В.Н., 1982. С. 65).

Специфическим видом погребальных конструкций из дерева являются выявленные в некоторы белореченских курганах *саркофаги* – деревянные ящики, внутрь которых помещали гробы. Н.А. Мажитов указывает на существование в материалах золотоордынских курганных могильников Южного Урала таких погребальных сооружений, где умерших хоронили в

двойных гробах, состоявших из наружного ящика, сколоченного из грубых досок, поставленного на деревянные брусья, и дощатого внутреннего гроба или колоды (Мажитов Н.А., 1977. С.112-114. Рис. 16; Степи Еврази…, 1981. С. 223. Рис. 90, *5*). Однако Иванов В.И. считает вывод о наличии в погребениях двойных гробов умозрительным, так как ни одна из учтенных Н.А. Мажитовым погребальная конструкция не подходила этому описанию, либо состояние ее не позволяло достоверно реконструировать внешний облик (Иванов В.А., 1984. С. 94,96). На территории Северного Кавказа подобное захоронение выявлено при раскопках грунтового могильника XV–XVIII вв. на южной окраине села Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. В могиле № 45 был расчищено погребение женщины, завернутой в саван из шелковой ткани и уложенной в гроб из тонких досок. Гроб, в свою очередь, был помещен в составную колоду (Биджиев Х.Х., Шаманов И.М., 1971. С. 131-132).

Металлические конструкции (Рис. 24).

Медный гроб был обнаружен в погребении в кургане № 1 Белореченской курганной группы (ОАК за 1897 г., 1900, с. 17-20, рис. 64-66; Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011, с. 39-63, рис. 1). Находится на хранении в Государственном историческом музее.

Медный гроб, составленный из нескольких тонких листов разных размеров, прошитых меж собой множеством медных заклепок (рис. 1,в). Гроб трапециевидный в плане: ширина в головах около 110 см, в ногах около 78 см, длина около 183 см, высота 40-50 см. Толщина медных листов 2-3 мм. Дно гроба прямое, крышка – выпуклая. Внутри гроба продольные стенки на сгибе у дна были усилены железными полосами. Поверху лежали железные крючки. Весь гроб был покрыт парчой «другого рисунка чем та, которой оббит был саркофаг» (ОАК за 1897 г., 1900, с. 18).

Анализ погребального инвентаря позволяет датировать комплекс в медном гробу серединой – третьей четвертью XIV в. (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011, с. 39-63).

Медный гроб из Белореченского кургана № 1 (1907 г.) является единственной находкой подобного рода, происходящей из закрытого и надежно паспортизированного комплекса.

Всего же на сегодняшний день известно еще не менее семи погребений в гробах, сделанных из листовой меди или бронзы, или в деревянных гробах, оббитых металлическими листами, которые были выявлены на территории Северо-Западного Кавказа, а также абхазского побережья Черного моря:

1. По-видимому, раннесредневековое погребение в медном гробу в большом кургане, содержавшем не менее 7-ми погребений, Закубанье (Каменев Н., 1867, с. 210);

2. С территории Северного Кавказа происходит и медный гроб, находящийся на хранении в Государственном Эрмитаже (более точного паспорта эта редкая находка, к сожалению, не имеет), по размерам он меньше белореченского (Левашева В.П., 1953, с. 170).

3. «Медный саркофаг с коробовым сводом» обнаружен в 1911 г. в Сухумском округе Кутаисской губернии, передан в Археологическую комиссию, а затем – в этнографический отдел Русского музея (ОАК за 1911 г., 1914, с. 84). В саркофаге, по видимому, были обнаружены останки двух человек – мужчины и женщины, комплекс датирован VI–VII вв. н. э. (Воронов Ю.Н., 2009, с. 121, 188, табл. VII.10).

4. Фрагменты еще одного «медного гроба» выявлены в 1967 г. в пос. Шахта № 6 (Карачаево-Черкесия) и переданы в Ставропольский краеведческий музей (Мастепанов С.Д., 2008, с. 182; Савенко С.Н., Кравцова С.Л., 2013, с. 120). Согласно музейной документации, гроб в медной обкладке происходит из адыгского погребения XIV в. Хотя, как указывают исследователи, материалов, подтверждающих это определение, нет (Савенко С.Н., Кравцова С.Л., 2013, с. 120).

5. Е.П. Алексеева указывает, что на территории Карачаево-Черкесии, у селения Сары-Тюз, в одном из позднесредневековых курганов, относимых ею к кругу адыгских погребальных памятников, было выявлено захоронение в медном гробу (Алексеева Е.П., 1990, с. 14).

6. В гробнице под полом южной части Сентинского храма (Карачаево-Черкесия) обнаружено захоронение девочки в деревянной колоде, обитой медными листами. Погребение было разрушено и разграблено, предположительно в 1395 г. во время нашествия Тамерлана на Северный Кавказ, однако среди сохранившихся находок были выявлены 15 предметов из золота, в том числе крупная бляха византийской работы XI в. (Марковин В.И., 1977, с. 110-111).

7. Погребальный комплекс в «медном гробу» обнаружен жителем пос. Прикреченский Горячеключевского района А.П. Смирновым при планировке огорода. Сведения об этом комплексе введены в научный оборот Л.А. Булавой (2008, с. 279-280). По заключению исследовательницы, находки имеют прямые аналогии в позднеаланских памятниках Северного Кавказа. Анализ материала позволил Л.А. Булаве связывать комплекс в «медном гробу» с погребением конного воина знатного происхождения XI–XII вв. (Булава Л.А., 2008, с. 279-280).

Из общих конструктивных особенностей перечисленных погребальных конструкций можно выделить сводчатую форму крышки саркофага из с. Большие Краевичи, медного гроба Белореченского кургана № 1, 1897 г. и погребальной конструкции из пос. Шахта № 6. Два последних экземпляра схожи также наличием внутри гроба вдоль продольных стенок на сгибе у дна железных полос, предназначавшихся для придания жесткости и прочности конструкции. Общим является и способ крепления металлических листов друг к другу: они укладываются друг на друга внахлест по краю и прошиваются металлическими заклепками (расстояние между соседними заклепками около 3 см).

Примечательно, что в отличие от деревянных погребальных конструкций, оббитых металлическими листами, медный гроб из Белореченского кургана № 1, 1897 г. сам был заключен в деревянный саркофаг.

Особый интерес рассматриваемой группы погребений в «медных гробах» с территории Северо-Западного Кавказа заключается в том, что большинство датируемых комплексов принадлежит эпохе средневековья – от раннего (саркофаг VI–VII вв. из с. Большие Краевичи, Абхазия) до позднего (медный гроб из Белореченского кургана № 1, 1897 г., датируемый серединой – третьей четвертью XIV в.).

Имеющаяся в нашем распоряжении информация о погребальных сооружениях Северо-Западного Кавказа, в которых «медные гробы» были выявлены (значительные размеры курганных насыпей, центральное положение погребения, престижное положение в гробнице на территории храма, сложные комплексы погребальных конструкций, частью которых являлись «медные гробы»), а также богатый и разнообразный инвентарь свидетельствует о высоком социальном положении и материальном достатке погребенных. И «медные гробы» в свою очередь, несомненно, подчеркивали высокий статус, престиж и богатство захороненных в них людей.

Подтверждение тому мы находим и в фольклоре. Так, в кабардинской версии Нартского эпоса (Нарты, 1951, с. 393), в цикле сказаний о Малепчих, медный гроб упомянут как символ крайнего материального достатка и высокого социального положения его владелицы:

Дочь Малеч сказала с жаром:
«Пусть о ней всегда с почтеньем
Говорят, собравшись, люди!
Ей питье пускай подносят
Только в золотой посуде!
Золотым шитьем украшен
Будь подол ее наряда!
А когда настанет время,
Будь ей медный гроб – награда!..»

Заметим, что в металлических гробах совершались мужские, женские и детские захоронения.

Большинство рассматриваемых погребений совершены по языческому обряду, но захоронение в гробнице Сентинского храма, несомненно, указывает на православное вероисповедание погребенной в ней девочки.

Представляется, что погребения в «медных гробах» следует рассматривать как явления, вышедшие за рамки этнических и конфессиональных культур.

Обращает внимание ареал распространения медных гробов: один гроб обнаружен на абхазском побережье Черного моря, три гроба выявлены в Закубанье, три – в верхнем Прикубанье. В совершении погребений в «медных гробах» из с. Большие Краевичи, в гробнице Сентинского храма, а также в пос. Прикеченский мы склонны усматривать влияние византийских традиций.

В целом, отрываясь от кавказской специфики, следует заметить, что погребения в металлических гробах или саркофагах – медных, бронзовых, свинцовых – известны с древности (McCann A., 1978, p. 147-150; Curtis J., 1984, p. 85-93; Tanabe K., 2012, p. 157-192). Этот феномен имеет широкие культурные и географические границы – от Китая (бронзовый саркофаг экспонируется в музее восточной провинции Хэбэй) до Великобритании, где на могильнике римского времени в Спиталфилдс в 1999 г. были выявлены шесть свинцовых саркофагов [http://ancientrome.ru/archaeol/article.htm?a=15].

Угольная прослойка. Наличие угля в насыпях и погребениях в виде угольной прослойки на дне, заполнении углем могилы, угольной «подушки» под головой исследователи считают отличительным признаком адыгских средневековых курганов. Как указывает П.А. Дитлер, «ритуал угольной подсыпки дна не отмечен для ранних эпох в захоронениях (ранняя бронза и ее поздние периоды, в протомеотских и раннемеотских могильных памятниках, вплоть до появления в Прикубанье сарматских кочевых племен

и позже родственных им алан). Этот обычай набирает свою силу только с появлением на Северном Кавказе бесчисленных кочевнических орд (IV в. н. э.) и продолжает мощное распространение и в последующие века, до самого позднего средневековья, охватывая XIV–XV вв., особенно ярко проявляясь в курганных могилах белореченской культуры Закубанья, где уголь является не только подсыпкой дна ямы, но и засыпкой до 1 м толщины» (Дитлер П.А., 1995. С. 163).

Проследим частоту встречаемости данного признака по материалам погребальных памятников Северо-Западного Кавказа второй половины I тыс. н. э. Так, в 65 ингумациях Борисовского могильника (55 из которых были совершены в каменных ящиках) и 24 ингумациях Агойского могильника этот признак не зафиксирован, из 29 погребений могильника Сопино только в одном случае зафиксирована угольная подсыпка дна могилы, из 348 погребений могильника Абрау-Дюрсо следы угольной подсыпки дна могильной ямы зафиксированы в 14 погребениях (4 детских, 6 женских, 2 мужских, в 2 случаях пол погребенного не установлен) (4% исследованных погребений). Отметим, что могильники СВ Причерноморья Борисовский и Абрау-Дюрсо оставлены полиэтничным по составу населением – на это указывают как различные варианты погребального обряда, так и данные антропологии (в т.ч. обнаружение черепов с искусственной деформацией) (см.: Джигунова Ф.К., 2000. Л. 34–40). Почти не встречается угольная подсыпка в могилах VI–IX вв. равнинной полосы Закубанья (в устье р. Пшиш): из 113 раннесредневековых ингумаций Ленинахабльского могильника №1 угольная подсыпка дна зафиксирована только в одном погребении (детском), ни в одном из 19 трупоположений Псекупского могильника № 1, 13 ингумаций могильника Тауйхабль, 25 погребений Нововочепшийского могильника угольная подсыпка не упоминается. Отметим, что все эти ингумации не были совершены по единому обряду и, в свою очередь, можно утверждать, что они оставлены полиэтничным населением (см.: Джигунова Ф.К., 2000. Л. 41–47). Иная картина в

памятниках предгорий Северо-Западного Кавказа: из 7 ингумаций могильника «Губские навесы» этот признак зафиксирован в одном случае – в погр. 2 навеса №3 (дно могильной ямы в области головы было покрыто слоем угля и золы) (14,3% исследованных погребений), в 6 из 39 ингумаций могильника Мешоко (т.е. 15,4% погребений) зафиксирована угольная подсыпка дна, при этом у трех погребенных женщин этого могильника черепа носят следы искусственной деформации (см.: Джигунова Ф.К., 2000. Л. 48–50).

Анализируя наличие угольной подсыпки в могилах, Ф.К. Джигунова отметила: «Наличие угольной засыпки дна могилы было зафиксировано в 23 погребениях могильников Мешоко, Ленинохабля, Абрау-Дюрсо, Сопино и в одном Губском навесе. Известно, что уголь в погребениях играл очистительную роль. Распределение погребений с углем с точки зрения половозрастной характеристики неравномерно: 9 могил являются женскими, 10 – детскими, 2 – мужскими, 2 – по половому признаку не определены. Таким образом, наблюдается определенная закономерность: угольная засыпка дна могилы встречается преимущественно в женских и детских погребениях» (Джигунова Ф.К., 2000. Л. 51). При этом, представляется важным отметить и другие особенности распределения этого признака, помимо половозрастной корреляции: заметная доля могил с угольной подсыпкой зафиксирована в могильниках, оставленных полиэтничным населением с заметным присутствием аланского этнического компонента (Абрау-Дюрсо и Мешоко). И напротив, приведенная статистика показывает, что для ингумационных погребений зихов (могильники Борисовский, Агойский, Сопино) угольная подсыпка была совершенно не характерна.

В данной связи укажем, угольная подсыпка является характерной чертой обряда для определнной части населения Хазарского каганата (Плетнева С.А., 1981а. С. 78; Плетнева С.А., 1981б. С. 70; Савченко Е.И., 1986. С. 75; Аксенов В.С., 2001. С. 65). Исследователи связывают практику угольной подсыпки при совершении погребений с древнетюркским обрядом

сжигания жилища умершего (Кубарев В.Д., 1984. С. 76), с культом огня, прослеживаемым по памятникам донских и дунайских ранних болгар и алан Дона и Северного Кавказа (Савченко Е.И., 1986. С. 74–75). В одном из детских погребений (№99, в кенотафе) Крымского могильника (Нижний Дон) толщина угольной прослойки на дне могилы составила 5 см (Савченко Е.И., 1986. С. 75).

В данной связи весьма показательно, что для памятников XIV–XVI вв., расположенных на побережье от Анапы до Сочи, наличие угольной прослойки в насыпи или подсыпки в погребении *не типично*. Напротив, угольная прослойка, и довольно значительная, выявлена в белореченских курганах, а также курганах Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии.

При этом уголь над погребенным (т.н. «обсыпка скелета») фиксируется в кочевнических материалах Предкавказья эпохи Золотой Орды. Так, в ауле Канглы Александровского уезда (Пятигорье) В.Р. Апухтиным были раскопаны кочевнические погребения, в том числе «воина с конем», в составе инвентаря – 2 стремени, набор от седла, бронзовая чашечка, наполненная шелком, костяные привески и береста, видимо, от колчана. Другой скелет «был весь обсыпан углем, имел железные стремена, стрелы пряжку, костяные пластины с отверстиями» (Апухтин В.Р., 1902. С. 32; ИАК, 1903. С. 54).

В целом, мощные угольные прослойки характерны для различных народов, населявших районы Центрального Предкавказья в эпоху развитого и позднего средневековья. Относительно погребального обряда адыгов, эта особенность фиксируется на материалах кабардинских курганов, а также Белореченских курганов, оставленных полиэтничным по составу населением. В курганах западных адыгов мощные угольные прослойки (Рис. 25) встречаются гораздо реже.

ГЛАВА IV
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ (XIII–XVIII ВВ.)

Предметы вооружения

Защитное вооружение в материалах памятника представлено шлемами, фрагментами кольчуг и умбонами щитов.

Шлемы (Рис. 26, 1–3).

К первому типу неглубоких сфероконических (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 34. Рис. 5,*I–IV*) (Рис. 1.1,2) относятся шлемы из воинских комплексов Закубанья: Ленинохабльский могильник, п. 35 (*Носкова*, 1989. Л. 83. Рис. 42,*4*), Убинский могильник, п. 24 (*Схатум*, 2005. С. 335-336. Рис. 2) и Северо-Восточного Причерноморья: Борисовский (к. 35), Хазарова щель (к.4) (*Стрельченко*, 2002. С. 163), Головинка (*Ильюков*, 2010. С. 15–17), Шебш-1 2/2 (*Схатум*, 2011. С. 190. Рис. 7). Отдельно перечислим шлемы данного типа в погребениях кочевников и оседлого населения, выявленные в районе Новороссийска: могильник на г. Сапун, к. 17 (*Дмитриев*, 1986. Л. 20), могильник Цемдолинский (*Армарчук*, *Малышев*, 1997. С. 100, рис. 13,*1*), Сидоренкова щель, к. 11/2 и 13/2 (Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018).

Все шлемы этого типа четырехчастные (изготовлены из четырез треугольных пластин, соединенных путем наложения краев лобового и затылочного сегмента на боковые), их средняя высота достигает 15-17 см, диаметр около19–22 см (Схатум Р.Б., 2011. С.190). Часть наголовий по нижнему краю имеют отверстия для крепления бармицы. Сама бармица не обнаружена, вероятно, она изготавливалась из кожи или войлока.

У шлема из погребения Сидоренкова щель 11/2 (Рис. 26,1) имеется пара надбровных дуговидных вырезов (Рис. 26,1а), что не характерно для боевых наголовий оседлых племен Северо-Западного Кавказа XIII–XIV вв. (*Схатум*, 2011. С. 192). Этот шлем также увенчан крестовидной пластиной с кольцом

для крепления ленты. Такие навершия и кольца на них, служившие для привязывания украшения–ленты, концы которой свисали с верхушки шлема, являются признаками монгольских оголовий (*Горелик*, 2008. С. 139, 142; *Горелик*, 2010. С. 139-142). Полную аналогию шлем 11/2 находит в погребении второй половины XIII–XIV вв. Кривенький 1/1 (*Блохин и др.,* 2003. С. 191. Рис. 9.*7*), п. Пролетарское – 8/8 (*Зеленский*, 1997. С. 87. Рис. 2,*12),* Лебеди VI –1/8 (*Дружинина и др*., 2011. С. 90. Рис. 38,*1*).

Аналогии оголовьям хорошо известны в материалах погребений воинов-ордынцев из Восточного Приазовья: Старонижестеблиевский I – 4/3 (*Чхаидзе*, 2006. С. 270–272. Рис. 1-2), Лебеди VI–1/8 (*Чхаидзе*, *Дружинина*, 2010а. С. 114. Рис. 3,*2*), Прикубанья: Пролетарское – 8/8 (*Зеленский*, 1997. С. 87. Рис. 2,*12*; *Нарожный*, 2008. С. 48. Рис. 4,*3*), Кривенький – 1/1 (*Блохин и др.*, 2003. С. 191, 208. Рис. 9,*2*; *Нарожный*, 2008. С. 48. Рис. 4,*2*), Праздничный (вт. пол. XIII–XIV вв.) (*Чхаидзе,* 2010. С. 155. Рис. 2, 3,*2*), Лосево – 2/1 (*Чхаидзе, Дружинина,* 2010. С. 427–428), Дона: кочевническое захоронение могильника Маяки II (*Парусимов*, 2007. С. 322. Рис. 4,*4*), Крыма (*Горев, Шабанов,* 2017. С. 137-138. Рис. 1,*1*). Ко второму типу – сферических шлемов (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 34. Рис. 5,*1–III*) – относится шлем 15/1 (Рис. 1,3) железный, четырехчастный, 20,9х17,5 см, высота 15 см. Два аналогичных шлема выявлены в кочевническом могильнике у Ногай-кале: в погребении 2 к. 2 и в к.3 (*Сизов*, 1889. С. 99, 100. Рис. 21), Цемдолинском могильнике (*Армарчук, Малышев,* 1997. С. 100), в п. Раевский 1/2 (*Дмитриев*, 10757).

Ко второму типу – сферических шлемов (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 34. Рис. 5,*1–III*) – относится шлем из погребения Сидоренкова щель 15/1 (Рис. 26,3) железный, четырехчастный, 20,9х17,5 см, высота 15 см. Два аналогичных шлема выявлены в кочевническом могильнике у Ногай-кале: в погребении 2 к. 2 и в к.3 (*Сизов*, 1889. С. 99, 100. Рис. 21), Цемдолинском могильнике (*Армарчук, Малышев,* 1997. С. 100), в п. Раевский 1/2 (*Дмитриев*,

10757). Предпочтительная датировка данного типа шлемов – XIII – начало XIV в.

К третьему типу относятся кольчужные наголовья. Подобные находки сравнительно редки для памятников восточноевропейской степи XIII–XIV вв. В этой связи особенно интересно сосредоточение находок кольчужных наголовий в ингумационных и кремационных погребениях эпохи Золотой Орды в районе современного Новороссийска. Они выявлены в кк. 4, 14 и 15 могильника на г. Сапун, при этом находились не в могилах воинов, а в сопутствовавших им захоронениях лошадей, вместе с другим вооружением и предметами упряжи; еще один кольчужный шлем обнаружен в погребении подростка к. 21 того же могильника (*Дмитриев А.В.*, 1985. Л. 7. Рис. 45; *Дмитриев*, 1986, Л. 15,17. Рис. 110, 117,122,138, 237-238), в погребении 45 Цемдолинского могильника на пашне (*Армарчук Е.А., Малышев А.А.,* 1997. С. 100) и, возможно, в к 3. рядом с урновой кремацией Цемдолинского курганного могильника (*Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.,* 2014. С. 24, Рис. 9, *16*), в ингумационном погребении Сидоренкова щель 3/1 кольчужное наголовье выявленный слева от черепа погребенного свернутым комом.

Укажем также на нахождение кольчужного капюшона в погребении Южный–84 2/1 (*Блохин В.Г. и др.,* 2003. С. 189. Рис. 7,*3*). Как полагал М.В. Горелик, кольчужная защита головы попадает на Восток с Запада во второй трети XIII в. (*Горелик М.В.,* 2008. С. 143). Находки кольчужных шлемов рассматриваются в качестве одного из маркеров присутствия в Нижнем Закубанье кочевников половецкого племенного союза, хлынувших в горы и предгорья под натиском армии Джучидов (Дмитриев А.В., 1988. С. 78).

В целом, кольчужные наголовья также могут рассматриваться как находки, характерные для памятников XIII – начало XIV в.

Кольчуги

Четыре небольших фрагмента железной ***кольчуги*** выявлены в к. 4 могильника у станицы Кужорская (долина реки Фарс), исследования

которого проводил Н.И. Веселовский (ОАК за 1905 г., 1908, с. 69-70). Коллекция вещей находится в ГИМе и опубликована (Дружинина И.А., 2013. С. 127–133). Состояние фрагментов не предоставляет возможности установить способ крепления колец.

В связи с данной находкой следует заметить, что на сегодняшний день в подкурганных ингумациях, которые могут быть отнесены к погребальным памятникам средневековых адыгов, кольчуги не выявлены. Притом, хорошо известно по письменным и этнографическим источникам, что кольчуги и панцири имели широчайшее распространение у адыгских воинов вплоть до XIX в. Так, Джорджио Интериано, описывая быт адыгов второй половины XV в., указал: «Спят они с кольчугой или панцирем под головой вместо подушки и с оружием наготове, и как бы внезапно ни случилось им пробудиться, сразу же надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными» (Джорджио Интериано, 2010, с. 27).

Между тем, кольчуги обнаружены в погребениях биритуальных могильников более раннего времени: XII–XIV вв. Андреевская щель и Цемдолинский (Армарчук Е.А., 2003, с. 215, 219, табл. 99.46), а также Большой Шапсугский (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008, с. 105, рис. 8.1,3), в формировании которых участвовала смешанная группа населения – представители кочевнической и местной среды (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 112-113).

Подавляющее число находок целых кольчуг или фрагментов этого вида защитного вооружения в ближайших по соседству со ст. Кужорской районах приходится на погребения кочевников из курганов Прикубанья (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2010, с. 110-122; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 95, 97).

Умбоны щитов (Рис. 26,4)

Представляют собой выпуклые железные диски с крестообразно наложенными поверх них двумя железными полосами, крепящимися с

заклепкой, проходящей сквозь центр скрещенных полос и диска. Характерны именно для Прикубанья и Северо-Восточного побережья Черного моря золотоордынского времени (Горелик М.В., 2002. С. 24, 44-45; Горелик М.В., 2008. С. 142). Около двух десятков подобных умбонов происходят из погребений Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Миллер А.А., 1909. С. 96,102. Рис. 24, фиг. 10; Схатум Р.Б., 2003. С. 223; Василиненко Д.Э., 2008. С. 266, 276-278. Рис. 10-12; Ильюков Л.С., 2010. С. 15-18: Нарожный, 2010. С. 95. Прим. 1), а также из Прикубанья – Дмитровский 1/2 (Блохин В.Г. и др., 2003). Самой восточной находкой подобного типа является умбон из могильника в устье р. Байтал-Чапкан (Дружинина И.А., 2012. С. Рис. 1,*11*). Сохранилась также одна из четырех петель, расположенных на концах железных пластин с внутренней стороны щита (Рис. 1, *11-12*). За пределами Северо-Западного Кавказа известно пока два подобных умбона – в Поросье и на территории Южного Поднепровья (Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985. Рис. 13,14; Dabrowska E., 1956. С. 129, 164. Таб. V, 1).

М.В. Горелик датирует щиты с умбоном данного типа второй пол. XIII-XIV вв. (Горелик М.В., 2008. С. 142), Р.Б. Схатум – в пределах последней четверти XIII – рубежа XIV-XV в. (Схатум Р.Б., 2003. С. 227). По мнению Р.Б. Схатума, эти находки отражают сложение на территории Северо-Западного Кавказа единого типа щита с таким умбоном, характерного для защитного вооружения средневековых адыгских воинов (Схатум Р.Б., 2003. С. 227). Адыгское происхождение данных образцов защитного вооружения оспаривает Е.И. Нарожный. Он полагает, что щиты «с центральной мишенью» распространились на Северо-Западном Кавказе с территории Поросья и южнорусских степей вместе с переселившимися сюда в 60-е гг. XIII в. «военными подразделениями Ногая, уведшего на Северный Кавказ кочевников своего личного домена», в состав которых входили «не только черные клобуки, но и иные группы кочевников из южнорусских степей» (Нарожный Е.И., 2010. С. 94-95).

М. Цурцумия высказал версию о распространении данного типа умбонов на Северном Кавказе из Грузии, куда, в свою очередь, система усиления щитов металлом пришла из Византии (Цурцумия М., 2018. С. 255-261).

Находки умбонов щитов достоверно не известны в кабардинских курганах. Предположительно к этой категории находок А.Х. Нагоев отнес железный предмет полусферической формы, обнаруженный в погребении к. 4 могильника у сел. Лечинкай (Нагоев А.Х., 2000. С. 60, рис. 15, *10*). Однако, отсутствие каких-либо деталей крепления на этом предмете не позволяет рассматривать его в качестве умбона.

А.Х. Нагоев полагал, что отсутствие щитов в подкурганных адыгских погребениях объясняется существованием у адыгов иррегулярной конницы: «у адыгских воинов эпохи позднего средневековья, одетых в кольчуги, не было никакой необходимости защищаться еще и щитами, которые были бы, в сущности, бесполезны, обременяя всадника и мешая ему быстро и четко управлять боевым конем в бою» (Нагоев А.Х., 2000. С. 161).

Сабли, шашки (Рис. 27–33)

К наиболее ранним образцам XIII – первой половины XIV в. (Рис. 27–283) относятся сабли средней длины (общая длина – 106,5–108,5 см, длина клинка 98–99,8 см), ширина под рукоятью 2,6 см– 3,3 см, толщина спинки – 0,6–0,7 см, а также длинные сабли (общая длина –115–119,3 см, длина клинка 104,8–108 см), ширина 2,5–3,4 см, толщина – 0,4–0,6 см. Клинок равномерно изогнут, максимальный изгиб приходится на центральную треть. Встречаются и слабоизогнутые клинки (Сидоренкова щель 15/1) (Рис.28,4). По центру полосы с обеих сторон клинка у большинства сабель этого периода проходит ребро, острие узкое, острое, без утолщения на конце. Рукоять с двумя или тремя отверстиями, отогнута к лезвию под углом 5–9^0.

Характерно для этих клинков наличие под перекрестием на лезвии – обоймы с прямым, фигурным или плавно закругленным книзу язычком.

Подобные обоймы находят аналогии на кочевнических саблях 2 пол. XIII–XIV вв. (*Чхаидзе В.Н.,* 2010. С. 156. Рис. 4, *4а*).

Перекрестия в виде челночка с овальной или подромбической центральной частью, с асимметричными усами (ус, обращенный к обуху, короче), приплющенными к концам, прямыми или чуть оттянутыми книзу.

Навершия уплощенно-цилиндрические, с плоским верхом, крепились к рукояти вбитыми сверху или сбоку гвоздиками.

Для сабель середины-второй половины XIV в. характерны наконечники ножен уплощенно-цилиндрические, длинные (до 10 см), декорированные по верхнему краю – четырьмя небольшими треугольными вырезами, а по дну – тремя параллельными полосами или наварным проволочным орнаментом в виде волны, заключенной между двумя параллельными линиями или рядами Y-образных элементов (Рис.28,4).

Интересная конструкция рукояти выявлена на сабле из впускного погребения в каменном ящике Сидоренкова щель 13/2 (рис. 28,*3*), Рукоять с двумя отверстиями, отогнута к лезвию под углом 7^0. Под перекрестием на лезвии – обойма шириной 3,2 см с прямым, плавно закругленным книзу язычком длиной 6,8 см и общей длиной обоймы в 8,4 см. Перекрестие с ромбической центральной частью, с асимметричными усами, закругленными на концах. От вершины ромба отходит вверх узкая фигурная железная пластинка, примыкавшая вплотную к щечкам деревянной насадки рукояти и являвшаяся частью крепления деталей рукояти. Заклепки проходили сквозь деревянную насадку, отверстия в рукояти, а затем и железную пластинку, при этом концы заклепок раскованы на ее поверхности. Аналогии конструкции рукояти происходят из кочевнических комплексов: сабля (палаш) из погр. сер. XIII в. у хутора Ажинов – 3/1 (*Горелик,* 2009. С. 172, Рис. 3, *1а*), Арпачин II – 23/5 (*Чхаидзе, Дружинина*, 2010. С. 173. Рис. 7, *2*), сабля № 4, датировка XIV в. (*Горелик, Гредунов,* 2014. С. 211–212, Рис. 4), из погр. Ольховатка 2 – 4/2 сер. XIII в. (*Клименко и др.,* 1994. С. 57. Рис. 22, *8*).

К концу XIV в. исчезают сабли средней длины. Абрис клинка остается прежним – это равномерно изогнутые длинные сабли с максимальным изгибом в центральной части (Рис. 29). Относятся к типу 1 (с узким заостренным концом без елмани и конструктивно выделенного колющего острия) по классификации В.С. Курмановского. Такие сабли доживают до второй половины XV в., примером чему является сабля из к. 37 Каррасского могильника (Пятигорье): ее длина – 110 см, с 22,3 см от острия клинок принимает сечение сплюснутого ромба (высота ромба – 1,2 см, ширина – 2,5 см), перекрестие не сохранилось, кривизна сабли – 4,2 см, клинок равномерно изогнут.

К концу XIV в. резко сокращаются перекрестия-челночки, бытовавшие в XIII – первой половине XIV в. С середины XIV в. и в первой половине XV в. преобладающим типом становятся более массивные перекрестия с опущенными к клинку асимметричными концами (прямыми или изогнутыми) с ромбовидными или подквадратными завершениями. Центральная часть подромбическая, вертикальные выступы ромба, как правило, невысокие. Характерной чертой этих перекрестий становятся вертикальные насечки у основания усов (Рис. 29).

«Диагностичным» признаком сабель XIV в. являются специфичные детали портупеи – обоймы в виде тонких плоских обручей с небольшими округлыми расширениями с внешней стороны. Такие обоймы ножен изображены на миниатюрах т.н. демоттовской рукописи поэмы Фирдоуси «Шахнаме», созданных в Табризе в 30-е гг. XIV в. (Рис. 30).

С середины XV–XVI вв. преобладающим типом на всей территории от Северо-Восточного Причерноморья до равнин и гор Центрального Предкавказья становятся сабли с длинными, массивными клинками со значительным изгибом на границе перехода в нижнюю треть (Рис. 31). В нижней четверти клинок становится фактически прямым и достаточно резко сужается к концу. Перекрестия с прямыми горизонтальными симметричными усами с небольшими расширениями на концах. Подобные сабли отнесены к

группе 2 – «сабли с коротким прямым перекрестьем», длина перекрестий исследованной серии установлена в диапазоне 82–112 мм (Курмановский В.С., 2014. С. 152, 154). Еще одним характерным типом перекрестий в XV в. и более узко – с середины XV в. – становятся образцы с ромбовидной или овальной центральной частью, прямыми симметричными усами, концы которых под прямым углом отогнуты вниз и раскованы в квадраты. Такие перекрестья широко распространены в XVI в. и постепено исчезают к середине XVII в.

Сабли XVI–XVII (Рис. 32) характеризуется длинными клинками (115-130 см) с четко выраженным колющим концом, откованным в длинный стержень, часто в сечении близкий к квадрату, с сильноизогнутым клинком в нижней части и с характерным «ломаным» абрисом. Прямые перекрестия с небольшими утолщениями на концах, широко распространившиеся во второй половине XV–XVI вв., в XVII в. еще больше увеличиваются в длине. В.С. Курмановский относит такие перекрестия в отдельный тип и прослеживает на серии поздних сабель из Закубанья характерный диапазон длины перекрестий: 13–17 мм.

Показательно, что у сабель из кабардинских курганов XVI–XVII вв. могильника Шалушка, датируемого в том числе и по находкам немецкого счетного жетона XVII в., всего одно перекрестие относится к типу с прямыми горизонтальными усами, концы которых отогнуты вниз под прямым углом и раскованы в квадраты, перекрестия остальных образов – с прямыми горизонтальными усами: длинные (12 см) с расширениями на концах (1 экз.), а также длинные (12–13 см) или короткие (8,5–10 см) без расширений.

Такую же картину представляют сабли могильника Каррас – Иноземцево (Пятигорье) (Рис. 31,1-2). В двух курганах выявлены сабли с перекрестием с прямыми горизонтальными усами, концы которых отогнуты вниз под прямым углом и раскованы в квадраты, клинки сабель равномерно изогнуты (Рис. 31*„3*). Это сабли XV – первой половины XVI в. Но преобладают сабли с перекрестием другого типа и иными пропорциями клинка: сабли из к. 12 –

117,3 см, с 30 см от острия клинок принимает сечение ромба, перекрестие прямое с утолщениями на концах, длина его – 10,2 см, кривизна клинка – 8,2 см; длина сабли из к. 13 – 113 см, с 20 см от острия клинок принимает сечение ромба, перекрестие прямое с утолщениями на концах, длина его – 11 см, кривизна клинка – 7,2 см (Рис. 31,1); длина сабли из к. 34 – 120,3 см, с 32 см от острия клинок принимает сечение ромба, перекрестие прямое с утолщениями на концах, длина его – 10,6 см, кривизна клинка – 8,1 см. Эти сабли имеют наибольший изгиб в нижней трети или у перехода в нижнюю треть. Сабли можно датировать второй половиной XVI–XVII вв.

Одной из самых поздних является сабля, обнаруженная в адыгском могильнике Черноморка 2, к. 14 (Дедюлькин А.В, Курмановский В.С., 2018. С. 233-251) (Рис. 33,*1*). Клинок сабли короткий (75,5 см), сравнительно широкий (3,45 см у пяты) и сильно изогнутый (кривизна лезвия 5,5 см), с выраженной елманью (ширина начала елмани 3,55 мм) и сравнительно широким концом. Вдоль обуха клинка походят пять узких долов, из которых четыре доходят до начала елмани, а пятый прерывается на небольшом расстоянии от острия клинка. Хвостовик клинка короткий, сужающийся к концу, его передняя (расположенная со стороны лезвия) образующая фактически вертикальна, задняя имеет выраженный наклон к лезвию (Рис. 7: 2). Перекрестие из медного сплава с расширенными плоско срезанными концами ромбического сечения и длинными вертикальными отростками. Верхний вертикальный отросток перекрестия закреплен на рукояти двумя гвоздиками. Навершие свернуто из бронзового листа, в виде короткого плоско срезанного колпачка, в сечении представляющего собой уплощенный восьмигранник, закреплено на рукояти тремя гвоздями. Верхняя образующая («крышка») навершия представляет собой отдельную деталь. Рукоять деревянная, со следами обтяжки кожей («ящером»). Прибор ножен из медного сплава, состоит из двух обоймиц и наконечника. Сабля отнесена к XVI-XVII вв. По форме клинок сабли из кургана 14 наиболее близок к

клинкам турецких сабель XVI – первой половины XVII вв. Однако исследователи допускают и местное происхождение.

В курганах могильников Бжид II (Шишлов А.В. и др., 2003), Церковная щель I (Носкова Л.М., 1991А), Лысенков I (Дружинина И.А., 2008А), Алепси (Голубев Л.Э. и др., 2013. С. 29) выявлены шашки (Рис. 33,*2*). Этот вид оружия известен на Северном Кавказе не ранее XVIII в. Самая ранняя известная адыгская шашка датируется 1713 г. (Аствацатурян Э.Г., 1995. С. 30). Таким образом, датировка подкурганных погребений с шашками устанавливается в рамках XVIII в., но также не исключается и XIX в.

Шашка, выявленная в подкурганном погребении Лысенков I 1/1, была обрезана (Рис. 33, *3*). Ее длина составляет всего 46 см. По видимому, этот образец клинкового оружия можно рассматривать как известную по этнографии адыгов «колчанную саблю». Один из образцов таких клинков хранится в фондах Кавказской коллекции Русского этнографического музея (Панеш Э.Х., 1989. С. 68-70. Рис. 2) (Рис. 8,*4*).

Длинные ножи и кинжалы (Рис. 34, *1-2*)

Обнаружены в кк. 2,4 мог. в верховьях р. Байтал-Чапкан (Минаева Т.М., 1954б. С. 292-293), в к. 4 в мог. школьном дворе аула Жако (Алексеева Е.П., 1971. С. 351. Табл. 40, 11а-в), в погребении Псекупская 3 1/1 (Дружинина И.А., 2011). Интерес представляет длинный нож из женского погребения к. 4 мог. Жако (Рис. 1, *10,10а*). Клинок от рукояти отделяла шестигранная призматическая обойма, грани которой были обложены серебряными пластинками, украшенными гравированным орнаментом с S-видными элементами – одиночными и парными, перекрещивающимися. Ближайшей аналогией ножу из Жако является кинжал из богатого воинского погребения XIV – начала XV в. у ст. Новосвободной (Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. С. 50-56. Рис. 3,1). Длинные ножи с серебряными гравированными деталями ножен и рукояти происходят из к. 1 мог. у ст.

Костромская и белореченских курганов (ОАК за 1896. С. 9,22,59. Рис. 59, 108, 289).

Кинжал – прямой обоюдоострый клинок с двусторонним долом посередине, на клинок насажено перекрестье, под которым сохранился фрагмент обоймы от подвеса, обнаружен в парном погребении №23 могильника на поселении Жукова (Рис. 34,*3*). Общая длина предмета – 55 см, длина клинка – 48 см. Сечение клинка линзовидное, длина черенка 7 см. Ширина клинка у перекрестья – 3 см. На черене сохранились две заклепки, крепившие деревянные щечки рукояти. Перекрестье длиной 8,5 см, высотой 4 см, узкоромбической формы с вытянутыми боковыми усами (Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А., 2012. С. 183, рис. 1). Авторы связывают происхождение этой находки с Центральной и Западной Европой, при этом отмечают ряд дальних аналогий и на мусульманском Востоке (Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А., 2012. С. 184-185). Такой же кинжал был обнаружен на соседнем могильнике у ст. Гостагаевская. Датировка находок – XIV в.

Представляется вероятным, что эти находки короткоклинкового оружия являются образцами поставляемых в Кафу по «via moldavica» валашских коротких мечей – «кордъ» (Еманов А.Г., 2018. С. 256).

Наконечники копий (Рис. 35–37)

Исследователи средневековых адыгских древностей пришли к выводу, что для легкой адыгской конницы копья не были характерны, чем и объясняли редкое нахождение их в курганах адыгов [Тарабанов В.А., 1984. С. 165; Нагоев А.Х., 1986. С.135-139]. Следует отметить, что данное наблюдение верно для могильников Кабардино-Балкарии, где копья пока не выявлены, и Пятигорья, откуда происходят редкие находки наконечников (Караулов М.А., 1912. С. 134; Дружинина И.А., 2007. С. 166, 175. Рис. 3,5). На этом фоне выделяются находки четырех наконечников копий в малокабардинских курганах, расположенных на территории республик Северной Осетии–Алании и Ингушетии, число исследованных насыпей

которых сравнительно невелико (Марковин В.И., 1969. С. 81-82; Беренштам В.Л., 1879. С. 297-321; Дружинина И.А., 2010. С. 311).

В памятниках Северо-Западного Кавказа наконечники копий являются довольно частой находкой[3] (Сизов В.И., 1886. С. 68,70; Носкова Л.М., 2010. С. 176, Рис. 12,*37*; 13,*4*; 15,*11*; Беспалый Г.Е., 2000. Л. 12, 18. Рис. 48, 65; Шишлов А.В. и др., 2003. С. 62, 65. Рис. 17,*1*, 25,*1*; Дружинина И.А., 2005. С. 247-248,252. Рис. 4,1; Левашева В.П., 1953. С. 176), а для памятников Северо-Восточного Причерноморья и особенно Западного Закубанья – характерной, причем для всего рассматриваемого хронологического периода – XIII–XVIII вв.

Одним из самых ранних типов копий, известных в рассматриваемых памятниках, являются *наконечники с подтреугольными упорами у перехода втулки в перо* (Рис. 35,*1*). Это довольно длинные наконечники (до 55 см общей длины при длине втулки – до 16 см), с узким пером (ширина между вершинами упоров – до 5,4 см, наибольшая ширина пера – 3,2–3,5 см) ромбовидного сечения.

Большинство известных наконечников с подтреугольными упорами происходят из памятников района Сочи (Воронов, 1979. С. 97, рис. 52,*24*; Иванова, 1997. С. 57, табл. XIX,*5*; Овчинникова, 1997. С. 33, табл. XV,*4*; Половинкина, 2006. С. 301; Голубев, 2008. С. 122,124, рис. 1,*3*) и Туапсе (Миллер, 1909. С. 95-96, рис. 24, фиг. 7; Соков, Хатинюк, 2003. С. 199, рис. 1,*2*; Голубев, 2012. С. 36-38), единичные находки – из-под Геленджиа (наконечник из кремационного погребения к. 9 в Керченской щели (Аханов), из Закубанья (Голубев, 2012. С. 36-37) и района Новороссийска[4].

Е.П. Алексеева отмечала, что наконечники копий данного типа характерны только для Восточного Причерноморья и Закубанья (Алексеева,

[3] В Убинском могильнике обнаружено 43 наконечника (Стрельченко М.Л., 1960. С. 154), но до публикации материалов памятника трудно понять, какое количество наконечников копий относится к периоду XIV-XV вв.

[4] Несколько наконечников данного типа хранятся в Новороссийском музее-заповеднике и являются случайными находками. Выражаю глубокую признательность за информацию А.В. Шишлову.

1963. С. 233, 245, табл. X,*8*). К монгольским их относит М.В. Горелик, датируя XIII–XIV вв. (Горелик, 2002. С. 66, рис. 1, *20*). К этому же периоду относят данные наконечники П.В. Соков и О.А. Хатинюк (2003. С. 199). Е.И. Нарожный также согласился с предложенной датировкой, при этом обратил внимание на находку такого наконечника в крепости близ устья р. Годлик, в истории которой есть и «генуэзский» период. Вопрос об этнокультурной привязке наконечников исследователь оставил открытым (Нарожный, 2006. С. 183). По мнению Л.Э. Голубева, такие копья «не совсем характерны для традиционного комплекса вооружения адыгского населения Северо-Западного Кавказа» (Голубев, 2008. С. 122). Исследователь усматривает значительное сходство их с широко известными в Европе первой пол. XVI в. протазанами. Он полагает, что в XIII–XV вв. подобные наконечники могли быть экспортированы из Европы на территорию Северо-Западного Кавказа итальянскими купцами. Но, как отмечает Л.Э. Голубев, этому предположению противоречит отсутствие подобных находок в генуэзских и венецианских факториях Крыма и Приазовья. Согласно второй версии исследователя о происхождении наконечников с подтреугольными упорами, они могут быть «генетически связаны с более ранним типом наконечника копий – с острым волнообразным выступом в районе перехода втулки в перо, известным еще с «салтовского» времени и просуществовавшим в Северно-Восточном Причерноморье до XII в.» (Голубев, 2012. С. 38).

В решении вопроса о времени бытования наконечников с подтреугольными упорами принципиальное значение имеют находки их в погребальных комплексах грунтовых могильников – на Кадошском мысу и в имении Дузу (Миллер, 1909. С. 95-96)[5]. Помимо наконечников, в составе инвентаря погребений на Кадошском мысу было выявлено стремя (Отдел IV тип 3) XII – первой пол. XIII в. (Армарчук, 2006. С. 22, 27, 29). В имении

[5] А также Азаринского могильника, датированного В.А. Баранюком XIII–XIV вв., материалы которого еще ждут своей публикации (Голубев, 2012).

Дузу вместе с наконечником копья с подтреугольными упорами в погребении выявлены сабля, нож, мотыжка, пряжка, точильный брусок, спиральное кольцо и удила (тип БІ-2, XI–XIII вв. (Армарчук, 2006. С. 20). Представляется, что такие признаки как грунтовое погребение в каменном ящике, наличие предмета конской упряжи, не позволяют датировать комплекс в имении Дузу позднее XIII в.

Наконечники копий с подтреугольными упорами можно считать специфической особенностью комплекса вооружения населения Северо-Восточного Причерноморья ***XIII–XIV*** вв.

Еще одним типом наконечников копий, характерных для древностей дозолотоордынского времени, является образец древкового колющего оружия из к. 4 могильника у ст. Кужорская (Рис. 11,*1*). Наконечник железный, втульчатый (рис. 1, *10*). Длина общая – 34 см, длина пера – 20 см, ширина пера в месте наибольшего расширения – 3 см, диаметр устья втулки – 3 см. Соотношения пера и втулки – примерно 3:2. *Удлиненно-листовидной формы, плоский, линзовидного сечения.* Аналогичный наконечник копья (рис. 1, *10а*) обнаружен в Игимском могильнике IX–X вв., расположенном на восточной окраине Среднего Поволжья (Казаков Е.П., 1978, с. 12-13, рис. 2, *3*). Типологически довольно близки кужорской находке наконечники удлиненно-треугольной формы со сглаженными плечиками, бытовавшие продолжительное время и на протяженной территории: они известны в памятниках Среднего Повожья IX–X вв. (Казаков Е.П., 1978, с. 13-14, рис. 3, *21*), Западного Закубанья X–XIII вв. (могильник Циплиевский 1, погребение 22) (Пьянков А.В., 2000, рис. 5, *16*), Монголии XIII-XIV вв. (Худяков Ю. С., 1991, рис. 74, *4-6*; Горелик М.В., 2002, с. 66, *4*).

В погребениях Северо-Восточного Причерноморья ***XIV в.***, преимущественно второй половины этого столетия, довольно часто встречаются (и могут считаться хроноиндикатором этого периода) *наконечники с узким пером с невысоким продольным ребром, в сечении – вытянутый ромб*, толщина по ребру 0,6 см, переход во втулку плавный,

максимальная ширина пера в нижней части равна диаметру устья втулки – 3 см, минимальный диаметр втулки – 1,8 см. *Соотношение длины боевой части и втулки 4:5.* Общая длина – 40 см, длина пера – 17,7 см, втулки – 22,3 см. Подобные наконечники выявлены в погребениях района Геленджик–Туапсе (в к. 1 могильника в 1 версте от Геленджикской бухты (раскопки В.И. Сизова, 1881), в погребениях Азаренский 1 7/2 и Азаренский 1 8/1(*Баранюк А.В., Сазонов А.А.,* 2009А. Илл. 265), Кабардинка 37/1 (Носкова Л.М, 2010. С. 198. Рис. 15,11) (Рис. 35, *5*–*7*).

В курганных могильниках Северо-Западного Кавказа ***XIV–XV вв.*** известны и *пики с узким пером ромбического сечения*, втулка (разомкнутая или сомкнутая, круглая или восьмигранная в сечении) отделена от пера сужением-перехватом (Грузинка VII 54/1, 82/1 (Дружинина И.А., 2009А) (Рис. 36,2); мог. в устье р. Байтал-Чапкан 12/1 (Текеев Г. Х.-У., 1977А. Рис. 21,1) (Рис. 36,*3*).

В кургане XVIII пятигорского могильника Урочище Гора выявлен длинный (более 35 см, острие обломано) *трехгранный наконечник копья* с широкой конусовидной втулкой (Дружинина И.А., 2007. С. 175. Рис. 3,5) (Рис. 36,*5*), диаметр у основания которой составляет 4 см, соотношение длины пера и втулки 3:2. Северокавказскими аналогиями этой находки являются трехгранно-лопастные наконечники копий из склепа № 68 Шуанского могильника и Эгикальского склепа горной Ингушетии, из погребения XV в. № 24 могильника у МТФ-3 близ ст. Старокорсунской Краснодарского края (длина наконечника 36,9 см) (Рис. 36,*4*), с территории Медногорского городища Карачаево-Черкесии XIV-XV вв., (Голубев Л.Э., 1997. С. 118. Рис. 2; Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П., 2003. С. 105-110). Подобный наконечник происходит из Укека (Недашковский Л.Ф., 2000. С. 69. Рис. 12).

В ***XVI–XVII вв.*** распространение получают небольшие (18–19 см) втульчатые наконечники плоскоромбического сечения листовидной или подтреугольной формы пера шириной 4-5 см при ширине втулки у

осннования 3–3,4 см (Грузинка Ха 2/1, 4/1) (Рис. 37, *3–4*). Аналогичный наконечник происходит из случайных сборов в районе Новороссийска (*Дмитриев А.В.,* 1987Аа. Рис. 146).

К ***концу XVII–XIX вв.*** *относятся наконечники дротиков пропеллеровидного сечения* (Рис.37,*1-2*). Один из них обнаружен в погребении Грузинка Хб–3/1 (Дружинина И.А. и др., 2010. С. 264-265). Длина наконечника – 22,1 см, длина пера – 13,5 см. Сечение: верхняя часть пера (6,7 см) – ромбовидная, наибольшая ширина данной части пера – 1,3 см. Ниже перо расковано, лопасти смещены относительно друг друга. Наибольшая ширина этой части пера – 3,3 см. Диаметр устья втулки: внешний – 2,4 см, внутренний – 2,05 см. Внутри втулки сохранился гвоздь (диаметр 3,5 мм) для крепления древка.

Аналогичные наконечники известны только на территории Северо-Восточного Причерноморья – в районе Сочи (Воронов, 1979. С. 107, рис. 62, 20), Туапсе: могильники Свистунова щель, кк. 16, 19 (Беспалый, 2000), Бжид 2, кк. 5, 8 (Шишлов и др., 2003. С. 62, 65, рис. 17,*1*, 25,*1*), Алепси (Голубев и др., 2013. С. 29-30), Чаплук 2, кк. 12, 20-21 (Шеф А.В., 2013. Л. 289, 300-301. Рис. 781.Б, 792. А, 793. Г), Геленджика: Церковная щель, к. 10 (Носкова, 1991). Абинская находка – единственная с территории Закубанья, обнаруженная in situ.

На самую позднюю датировку этих оригинальных наконечников указывают такие найденные вместе с ними предметы, как бронзовые поясные бляхи-пафти XVII–XVIII вв. (Дружинина И.А., 2014), складные бритвы, турецкие курительные трубки, шашка (Шишлов В.А. и др., 2001).

Наконечники дротиков с пропеллеровидным сечением являются специфическими образцами древкового метательного оружия адыгских «племен» Северо-восточного Причерноморья конца XVII – XIX вв.

Перначи, булавы (Рис. 38, 1–3)

Железные шестоперы выявлены в элитарных воинских погребениях курганных могильников в окрестностях станицы Андрюковская (ОАК за 1898. С. 56) и Абинская (ОАК за 1878-1879 гг. С. XLII) (Рис. 38,1). В Закубанье известно также навершие железной 12-шипной булавы из 9 кургана у ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1906 г. (ОАК за 1906 г. С. 99. Рис. 127; Музейные тайны.., 2010. С. 27) (Рис. 38,2), а также железная шарообразная несколько приплюснутая с полюсов булава из погребения 49 Ленинохабльского могильника в Адыгее (Тарабанов, 1984. С. 167, 171. Табл. II, *7*) (Рис. 38,3).

Втулка и ударные грани образцов этого оружия украшены позолоченными полосами геометрического орнамента.

Ближайшими аналогиями являются шестоперы XIII-XIV вв. с территории Болгарии (Popov S., 2015. P. 280, cat. no. 414, p. 404, cat. no. 448; Milošević A., 2016. P. 78, fig. 27, 5-6; Археология на Добруджа, 2006. С. 23. Рис. 2, *1*). Еще одной близкой по форме аналогией является мамлюкский шестопер, обнаруженный на территории современной Палестины или Ливана, датированный концом XII–XIII вв. (Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н., 2011. С. 94. Цв. вкл.: Рис. 4). По аналогиям форме и орнаменту рассматриваемые северокавказские образцы можно датировать второй половиной XIII–XIV вв. По стилю орнаментации, связанной с византийской традицией, они аналогичны болгарским шестоперам и серии инкрустированных 12-шипных булав (Popov S., 2015. P. 296-298, cat. no. 296,297,299, p. 280, cat. no. 414, p. 404, cat. no. 448; Milošević A., 2016. P. 78, fig. 27, 1-6).

Исследователи относят шестоперы к категории статусного оружия (Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. С. 311; Чахкиев Д.Ю., 1986. С. 8; Горелик М.В., 2002. С. 20; Воронцов И.А., 2011. С. 59). На средневековых миниатюрах перначи изображены в руках тяжеловооруженных всадников, воинов элитных подразделений и правителей (Горелик М.В., 2002. С. 20, 67-71; The Legacy. 2003. Fig. 161,172,182,184,194, ets; Milošević A., 2016. P.

80, 83, 88). Считается, что с XIV в. это оружие становится атрибутом военачальника (Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. С. 311), с его помощью осуществлялось управление войсковыми соединениями во время боя (Кушкумбаев А.К., 2012. С. 205).

Перначи демонстрировали не только принадлежность к элите, но и ранг их владельцев в военной и политической иерархии. Так, известны образцы элитарного вооружения, принадлежавшие представителям высших слоев знати: пернач с Неревского раскопа (Великий Новгород) (Кирпичников А.Н., 1976. С. 28-29; Артемьев А.Р., 1990. С 11-12. Рис. 9, *2*), шестопер из курганного могильника Балабани II (Молдова) (Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н., 2011. С. 92-94. Рис. 1-2), шестопер из святилища Реком (Северная Осетия) (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2013. С. 74-81).

Булава или пернач рассматривается в качестве атрибутов и символов власти и у Джучидов, и у Хулагуидов наряду с такими инсигниями, как «золотой шатер, трон с «подушкой власти», зонт, корона, государев флаг, государственная печать, пайцзы, воинский барабан, халат с геральдическими символами, воинские пояса, жезлы, мужские шапки-орбелге и женский головной убор боктаг» (Юрченко А.Г., 2013. С. 87). По свидетельству Рашид-ад-Дина, военные ярлыки Хулагуидов имели тамгу с изображением лука, булавы и сабли (Рашид-ад-Дин, 1946. С. 276).

В научной литературе представлены различные мнения о путях проникновения перначей на территорию Золотой Орды (центральноазиатском, ближневосточном, русском, черноклобуцком) (см.: Горелик М.В., 2002; 2008. С. 168; Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2003; Галкин Л.Л., 2007; Воронцов И.А., 2011. С. 61-62; Кушкумбаев А.К., 2012). При этом исследователи единодушны в том, что шестоперы попадали на Северный Кавказ по каналам импорта. С местными мастерами производство подобного оружия специалисты не связывают.

Известно, что на протяжении полутора столетий верными союзниками Джучидов в их борьбе с Хулагуидами за Закавказье оставались Египетские

султаны (Трепавлов В.В., 2010. С. 46). Из Египта по торговым каналам и в виде дипломатических даров поволжским ханам через Северное Причерноморье поступали разнообразные товары, в том числе предметы роскоши, среди которых источники называют и престижное оружие. Так, Ибн абд-аз-Захыр среди даров, отправленных хану Берке султаном Египта Эльмелик-Эззахыром Бейбарсом, перечисляет и «булавы с железным основанием, позолоченные и другие» (Золотая Орда в источниках, 2003. С. 43).

Топоры (Рис. 38, *4-6*)

Довольно редкая находка среди древностей Северо-Западного Кавказа второй половины XIII–XIV вв., при этом большая часть находок топоров приходится на памятники побережья.

Боевой проушной плоскообушной топор с веерообразно расширяющимся к лезвию асимметричным клинком, сильно оттянутым вниз и к рукояти обнаружен в погребении к. 1 могильника в 1 версте от Геленджикской бухты (Сизов В.И., 1889) (Рис. 38, 4,4а). Высота рабочей части 23,5 см, максимальная ширина лезвия – 6,5 см, книзу оно сужается до 2,2 см, при этом плавно закругляясь. Высота округлых плоских щековиц – 8,3 см, минимальная высота перемычки между лезвием и щековицами – 3,5 см. Общая ширина топора – 19 см.

Известно не менее пяти экземпляров подобных топоров в материалах Северо-Западного Кавказа, один происходит из Закубанья, четыре – из могильников окрестностей Геленджика, в том числе из подкурганного каменного ящика, раскопанного на территории города, Казнаковым (рис. 38,*5*) (фонды Нац. муз. Грузии).

Топоры с «бородовидным», или вытянутым, несколько расширяющимся к острию лезвием датируют: XI–XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1978. С. 82), XIII–XIV вв. (Горелик М.В., 2002. С. 66, Рис. 2, *7-16*). Близки геленджикские «бородовидные» топоры алтайским низкообушным боевым топорам с овальным проухом и клинком Г-образной формы (раздел II

отдел II тип 5), датируемым XI–XIV вв. (Горбунов В.В., 2006. С. 85), или низкообушным широколезвийным секирам (Группа II типу 1) (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. С. 322-323, рис. 104, *4*). Однако геленджикские экземпляры отличает плоский обух.

Подобные топоры были широко распространены в X–XIV вв. в Волжской Булгарии (Руденко К.А., 1998. С. 21. Рис. 6,*6*; Недашковский Л.Ф., 2000. С. 72) и Золотой Орде XIII-XIV вв. (Измайлов И.Л., 1997. Рис. 52, *1-2*, 54,*2*). Близкая «секира из Укека» с низким обухом отнесена к типу А I с вытянутым бойком и оттянутым к рукояти лезвием (Недашковский Л.Ф., 2000. С. 71, рис. 13, *2-3*). «Бердыш с лезвием иволистной формы» обнаружен в погребении Царев 37/1 (Золотая Орда, 2005, С. 53, кат. №41; Мыськов Е.П., 2015. С. 298, рис. 14,*2*). В этом же погребении находились две монеты Джанибека, последняя из которых отчеканена в 1346/47 (Мыськов Е.П., 2015. С. 298).

Боевой проушной топор (рис. 38, *6*) с округло-сплющенными щекавицами, чуть намеченным плоским обушком и веерообразно расширяющимся к округлому лезвию симметричным клинком происходит из к.1 у ст Белореченская, 1897 г. Типологически схожи с ним топоры золотоордынского времени из материалов Водянского городища в Волгоградской области из селения Майртуп в Чечне (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., 1987. С.Рис.).

Наконечники стрел

Железные наконечники стрел являются одной из самых распространенных находок. В погребениях присутствуют в количестве от 1 до 87 (погребение-кенотаф мог. №2 у сел. Чегем II 6/1 (Нагоев А.Х., 1987. С. 173.). Стрелы, как правило, располагаются у правой берцовой кости погребенных. Все наконечники черешковые, с упором-порожком (преобладают) и без выраженного упора, по сечению пера – плоские и объемные (бронебойные).

Плоские имеют листовидную, ромбическую и подтреугольную форму пера, сечение линзовидное.

Бронебойные имеют форму кинжальчиков и ланцетовидную, сечение пера ромбическое, квадратное и линзовидное.

В целом, для периода второй половины XIII–XIV вв. характерно большее типовое разнообразие стрел (Рис. 14).

Известно, что целый ряд типов наконечников стрел, распространившихся в золотоордынский период, бытовали на Северном Кавказе вплоть до XVII–XVIII в. Однако для отдельных типов стрел время бытования можно сузить.

Это, прежде всего, срезни или долотовидные наконечники, прямоугольного сечения, с прямой уплощенной верхней частью, с упором. Тип А6, XI–XIII вв. (*Руденко*, 2003. С. 86–87). Тип 100 по А.Ф. Медведеву (вт. пол. XI – пер. пол. XIII в.) (Рис. 14, 20,23,25,52,53,70). Вытянутый, с трапециевидным плоским приостренным пером, с подтреугольной режущей частью, с узелковым упором (Рис. 14,61). Тип Б52а, XI–XIII вв. (*Руденко,* 2003. С. 86–87). Тип 100 по А.Ф. Медведеву (вт. пол. XI – пер. пол. XIII в.) Ближайшие аналогии в материалах XIII в. мог. Цемдолинский на пашне, п. 2 (*Армарчук, Малышев,* 1997. Рис. 2,4; 16,8). Кабардинка, 24/2 (рис. 12,19), кочевнического погребения XIII–нач. XIV в. Верхний-78 14/5 (*Нехаев и др.,* 2009. С.147, 153. Рис. 3,3).

Для подкурганных северокавказских погребений позднее XV в. не характерны.

К концу золотоордынского периода постепенно исчезают из колчанов наконечники с вильчатым граненым пером, с конической шейкой (Рис. 14,1). Тип 60, вариант 3 (двурогие срезни с упором, с *выпуклыми боковыми и вогнутыми режущими* сторонами), датировка: сер. XI–XIV в. (*Медведев*, 1966. С.72). Аналогии из кочевнических комплексов вт. пол. XIII–XIV вв.: Южный 2/1 (*Блохин и др., 2003.* С. 191. Рис. 8.*О*), Пилипенковский I 1/2

(*Дружинина и др.,* 2011. С. 22, 27. Рис. 5,*4*), Праздничный (*Чхаидзе,* 2010. С. 156. Рис. 3, *14*).

Не встречаются позднее XIV в. крупные, листовидные, с линзовидной прорезью в центре, без упора (Рис. 14, *35*), подобные наконечники с линзовидным углублением в центре происходят из материалов кон. XII–XIII в. п.12 мог. Цемдолинский на пашне (*Армарчук, Малышев,* 1997. Рис. 12,*16-17*). Аналогии: в парном мужском погребении XIII в. могильника Мысхако / 1 (*Сизов,* 1889. С. 74. Фот. X, 26); килевидные, с длинной шейкой, близки типу 33 по А.Ф. Медведеву (XII – пер. пол. XIII в.) и наконечникам Типа А3 (XI–XII вв.) (*Руденко,* 2003. С. 77). Тип Б12 – граненые, весловидные, с четырехгранной головкой (*Мамаев и др.,* 1983. С. 63,66. Рис. 11,*4*). Ближайшие аналогии происходят из материалов XII в. могильника Абинский 4 (*Пьянков,* 1993. Рис. 6,*9*; 9,*32*; 10,*10*). (Рис. 14, *49*)

С монголами в Европу и на Северный Кавказ попали и специфические, редкие типы наконечников: например, трехлопастной и двухъярусный (к.1 у ст. Белореченская, 1897) (ОАК за 1897) (Рис. 15,*7*), кунжутолистый (Урочище Гора 19/1) (Дружинина И.А., 2007). Бытование их было краткосрочным и за рамки золотоордынского периода не вышло.

Выделяются два наконечника арбалетных стрел из Гостагаевки. Наконечник арбалетной стрелы (Гостагаевская, п. 27) (Рис. 40, 36) – железный, втульчатый, острие пирамидальное, треугольное в сечении. Общая длина – 6,25 см, боевая головка массивная – высотой 1,25 см, диаметр втулки – 1,1 см. По классификации А.Ф. Медведева относится к VII типу (Медведев А.Ф. 1966. С. 94) и варианту 1 (Семин С. 2002, 215, 217). По аналогиям из Анапы (Сальников 2002. С. 58), Матреги (Чхаидзе В.Н. 2008. С. 311-313), Азака (Волков 1991. С. 175-176. Рис. 3-4), Крыма (Мыц; Семин 2002.) датируется XIV в.

В колчанах XVI–XVII вв. (Рис. 16) преобладают узкие вытянутые наконечники стрел. Однако сохраняются и плоские наконечники с широким пером. Часто встречаются двурогие срезни с *прямыми боковыми* режущими

сторонами доживают до Нового времени. Например, они известны в кабардинских погребениях XVI–XVII вв. мог. Шалушка 46/1, 64/1 (Нагоев А.Х., Рис. 98), Октябрьский (Кобахидзе Е., Рис.), Бамутский 12/1 (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963).

Древки стрел, окрашенные в красную краску найдены в кургане 37 могильника Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 183). В воинском погребении мог. №4 Чегем II 2/1 выявлены стрелы относительно хорошей сохранности. Длина их достигала 70–75 см, диаметр древка в поперечном сечении 1 см. Их приостренные концы (0,5 см), с вырезами для насадки на тетиву были спиралеобразно обвиты берестой и окрашены в красный цвет (Нагоев А.Х., 2000. С. 57). Стрелы с древками красного цвета обнаружены в погребении Байтал-Чапкан 2/1 (Минаева Т.М., 1954. С.).

Остатки луков

Остатки луков обнаружены в подкурганных погребениях на всей территории расселения адыгов в эпоху средневековья, широк и хронологический диапазон памятников, содержащих эти находки. Неудовлетворительное состояние фрагментов луков не позволяет рассматривать их при решении вопросов датировки комплексов.

Фрагменты сразу трех луков (остатки кибитей с берестяной оклейкой и обрывки тетивы) выявлены в плитовых погребениях второй половины XIV в. к. 37 могильника Лобанова щель. Поскольку в каменных ящиках отсутствовали роговые накладки, исследователи высказали предположение, что в погребения могли положить уже порченные луки или незаконченные образцы (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 183. Рис. 8, 1-4; 16, 4-5; 20, 1-5; 21, 10).

На хранении в ГИМе находятся фрагменты кибитей лука, обнаруженные Н.И. Веселовским в кургане у станицы Абинская (ОАК за 1903 г.). Остатки лука длиной 1,3–1,4 м зафиксировал Н.И. Веселовский в

воинском погребении в медном гробу из к.1 могильника у ст. Белореченская (ОАК за 1897; Левашева В.П., 1953. С. 176).

В кабардинских курганах остатки луков выявлены Д.Я. Самоквасовым (Самоквасов Д.Я., 1908. С. 242–253), И.А. Владимировым (ОАК за 1897. С. 41–44, 138–145). В к. 2 могильника №4 у сел. Чегем II обнаружен предмет из дерева, который А.Х. Нагоев предположительно интерпретирует как фрагмент лука. На нем прослеживались следы бересты, которой, вероятно, был обвит лук. На одном конце предмета имелся вырез для тетивы (Нагоев А.Х., 2000. С. 57).

Детали колчанов

Колчаны или их детали выявлены в десятках мужских погребений могильников предков адыгов Закубанья: Шенджий (Носкова Л.М., 1991, с. 162, рис. 6, 13), Ленинахабль (Тарабанов В.А., 1984), Псекупский 3 (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2012, с. 320); верховьев Кубани: Байтал-Чапкан, в Школьном дворе аула Жако, Бесленей (Минаева Т.М., 1954, с. 28); в кабардинских курганах: Чегем II, IV, Шалушка, Кызбурун III, Нижний Черек (Нагоев А.Х., 1987); Старый Урух (Шафиев Н.А., 1965), Глубокая балка, Змейская (Гребенец Ф.С., 1915, с. 1–30), Христианское, к северо-востоку от Эльхотово, Эльхотово (Беренштам В.Л., 1879), Бамут (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. 221, 227, 235), Октябрьский. Их изготавливали из бересты и дерева, обтягивали кожей, тканью, украшали вышивкой или аппликацией из тонкого листа серебра.

Великолепный колчан был обнаружен Н.И. Веселовским в воинском белореченском погребении последней трети XIV в. в медном гробу (ОАК за 1897 г.; Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. 2011. С. 39-63. Рис. 5). Берестяная основа колчана сохранилась почти полностью. Приемник с веерообразным верхом, склеен из тонких деревянных деталей, отверстие колчана закрывает откидная крышка, которую украшала крупная чеканенная

серебряная бляха в форме выпуклой 4-х лепестковой розетки, а в центре припаяна петелька с подвижным колечком (Таб.3, *1*).

Внешние слои отделки сохранились фрагментарно. Береста основы была оклеенная кожей, замшей и китайской золотной тканью с цветочным узором.

В саадачный комплект входит портупея, состоявшая из ремня, застегивавшегося на крючок и украшенная набором серебряных бляшек. Гарнитура включала в себя 7 чеканных узорных бляшек листовидной формы (Рис.4, 1- *1а*), еще две бляшки – гладкие, листовидной, но иной, чем вышеописанные, и разнящейся между собой формы, с парой отверстий на поверхности каждой бляшки (Рис.4, *2- 2а*). В гарнитуру входило также три гладких, круглых в сечении, кольца, а также крюк, приклепывавшийся к концу ремня (Рис.4, *5*). Он представляет собой прямоугольную пластину, один из концов которой выкован в форме толстого, прямоугольного в сечении, загнутого наружу прутка. Его кончик изображает лошадиную голову, что находит точные и полные аналогии в крючках стрелковых портупей, найденных в Биляре (Культура Биляра, Таблица. XLVIII, *1-4*).

Второй пояс с накладками К-образной формы и в форме подковок (Рис.), который В.П.Левашева, основываясь, скорее всего, на том, что он лежал рядом с колчаном, также считала саадачным (В.П.Левашева, 1953, с. 178). Вместе с тем наличие железной рамчатой пряжки, лежавшей при конце ремня и точно соответствующей ему по ширине, говорит скорее о том, что данный пояс был клинковым (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011).

В кургане 6 могильника №2 у сел. Чегем II обнаружен кожаный колчан тонкого шитья, украшеный позолоченными бронзовыми бляшками и сложными апликациями. Колчан имел цилиндрическую форму и длину 50 см (Нагоев А.Х., 2000. С. 56–57. Рис. 13).

Детали *колчанов* выявлены в трех основных погребениях в грунтовых ямах: (Рис. 3, *81–83*). Костяные накладки в виде узких, длинных и тонких пластин с циркульным орнаментом выявлены в памятниках, оставленных

полиэтничным населением, в состав которого входили представители кочевых коллективов: в погребениях Сидоренкова щель 9/3, 12/1, 16/1, к. 2 у ст. Кужорская, в погребениях могильника Цемдолинский на пашне, п. 20, 44 (*Армарчук, Малышев,* 1997. С. 108. Рис. 10,*13*; 16, *20*). Ближайшие аналогии этим находкам происходят из кочевнических погребений Прикубанья: вт. пол. XIII в. Новотитаровская – 1/4 (*Бочкарев, Чхаидзе,* 2009. С. Рис. 3, *12-13*), Пролетарское – 8/8 (*Зеленский*, 1997. С. 87. Рис. 2,*3),* вт. пол. XIII–XIV вв. Кривенький 1/1 (*Блохин и др.,* 2003. С. 191. Рис. 9.*7*), Греки III 1/6 (*Дружинина и др.,* 2011. С. 58. Рис. 21, *8-9*). Отметим также костяные обкладки седла с аналогичным орнаментом из прикубанского погребения половчанки XII–XIII вв. Темижбекская–6/4 (*Чхаидзе,* 2008. С. 121, 132. Рис. 2,4).

Резная кость была традиционна для прикладного искусства степняков. Считается, что такая традиция появляется у кочевников в начале XII в., а расцвет приходится на вторую половину XIII–XIV вв. (Плетнева С.А., 1958, с. 176, рис. 17).

Присутствие в средневековых курганных древностях костяных колчанных обкладок должно рассматриваться как признак, характерный для материальной культуры и погребального обряда кочевников половецкого племенного союза пред- и золотоордынского времени.

Весьма показательно выявление орнаментированных костяных колчанных накладок в двух белореченских курганах – № 1, 1896 г., а также № 2, 1907 г. (Левашева В.П., 1953, с. 178, рис. 3, *11-14*). Первое погребение совершено по обряду, хорошо известному по многочисленным погребениям курганных и особенно грунтовых могильников кочевников золотоордынского времени – в яме, перекрытой сводом из сырцовых кирпичей (ОАК за 1896 г., 1897, с. 2). Материалы второго белореченского погребения – из кургана № 2, 1907 г. (ОАК за 1907 г., 1910, с. 86), где были выявлены костяные пластинки, не введены в научный оборот. До полноценной публикации всего комплекса преждевременно связывать

выявленные там изделия из кости именно с обкладкой колчана (хотя вероятность этого очень высока, поскольку рядом были обнаружены наконечники стрел), да и сам комплекс – с адыгским погребением. Но даже если погребение в белореченском кургане № 2, 1907 г. и принадлежит кругу погребальных памятников предков адыгов, а в нем были обнаружены фрагменты обкладки колчана, то, как всякое исключение, оно только подтверждает правило: *колчаны с костяными накладками не характерны для погребального инвентаря адыгских курганов.*

Бляхи от колчана

Только в погребениях Северо-Западного Кавказа XIV в. (мог. Аушедз, Азаренский I, Кабардинка) выявлены шестилучевые бляхи с центральным кружком и шестью кружками на конце каждого луча (Белов М.А., 2011а. С. 63-64). В более поздних памятниках встречаются колчанные бляхи (?) в виде треугольной рамки (№4 Чегем II 6/1), или кольца (Каррасс 38/1) с тремя железными петлями (Рис.). Аналогии обнаружены в склепе XV–XVII вв. близ храма Тхаба-Ерды (Мужухоев М.Б., 1969. С. 195, 198. Рис. 1,4), в грунтовых погребениях могильника XV–XVII вв. Карт-Джурт (Карачаево-Черкесия) (Биджиев Х.Х., 1971. Л.46. Рис. 22; 1979. С. 13. Рис. 7,*8*).

Кольцо для стрельбы из лука

Костяное кольцо для стрельбы из лука из погр. 4. Мог. Пшиш (Носкова Л.М., 2005. С.199. Рис. 3,18). Оно имеет расширенную в виде выступа переднюю часть и зауженную дужку. На лицевой поверхности – гравированный циркульный и точечный орнамент в виде фигурных ромбов. Размер сохранившейся части 3,2х2 см. По мнению А.Ф. Медведева, «они были распространены у татар, волжских булгар и у некоторых народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв. – после монгольского нашествия» (Медведев А.Ф., 1966.С. 26). Подобные изделия, украшенные похожим циркульным орнаментом, происходят из золотоордынских городов: Сарая Берке, Увека, Болгара, Азака (Федоров-Давыдов, 1994. Рис. 35,3; Закирова, 1988. Рис. 99, 17-18; Медведев, 1966. Рис. 4, 2; Волков, 1991. Рис. 1, 1-4). Как

указывает Л.М. Носкова, в закубанских комплексах – это редкая находка; известно лишь одно сердоликовое кольцо для натягивания лука из белореченского кургана №9 (Носкова Л.М., 2005. С. 187-188; Левашова В.П., 1953. Рис. 3,10).

Предметы быта и орудия труда

Ножи (Рис. 42–44).

Ножи являются самой распространенной находкой. Они выявлены в подавляющем большинстве инвентарных погребений. Ножи черешковые с деревянными или костяными рукоятками. Преобладают ножи с уступами при переходе от черенка к лезвию. Реже встречаются ножи, у которых, лезвие плавно сужаясь, переходит в черенок.

Для датировки важны несколько типов ножей.

Ножи с костяной рукояткой с циркульным орнаментом известны в погребениях XIV в. (Куматырь (Рис. 42,*6*), Урочище Гора (Рис. 42,10), Хазарова щель, ст. Белореченская к.1, 1897 (Рис. 42,*7*). Возможно, нахождение этих находок в погребениях можно рассматривать как диагностирующий этот временной срез признак. Однако, это наблюдение должно быть проверено на более представительном материале.

Отдельного упоминания заслуживают и ножи с горбатой спинкой и вогнутым брюшком. Они выявлены в погребениях мог. Пшиш (Носкова Л.М., 2005. С. 200, Рис. 4), Цемдолинский на пашне, п. 44 (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 106. Рис.16, 19). Однако самая большая концентрация находок таких ножей приходится на грунтовые могильники XIV в. нижнего и среднего течения Кубани – таких ножей здесь несколько десятков (мог. Гостагаевская, погр. № 2,4,22,32,35 и др.; мог. на поселении Жукова, погр. 10,54,61, 62 и др., мог. Железнодорожное 1, п.1, Железнодорожное 2, п. 9 и др.).

В XVI–XVII вв. распространяются днолезвийные ножи с длинной рукоятью (ок. 10 см) с деревянными накладками, скрепленными с черенком

через сквозные отверстия заклепками, и изогнутой пластинкой – навершием, прибитой гвоздиком к пяте рукояти. Выявлены в погребениях к. 11, 34, 37, 48 могильника XVII в. Крепостной 2 (Раев Б.А., 2001А. Л. 6. Рис. 59-60), в к. 15 мог. Кашхатау (Дело №110/1902. Л. 69, 84) (Рис.).

Тип ножей, являющихся «хроноиндикатором» для археологических материалов XVII вв. – это ножи с прямой спинкой и характерным коленчатым перегибом при переходе от лезвия в черенок (мог. на Константиновском плато, раскопки Б.В. Лунина (Рис. 43,2); Центрлаба 3, раскопки А.В. Пьянкова, Крепостной 2, раскопки Е.И. Нарожного; Грузинка Ха, раскопки И.А. Дружининой (Рис. 43,1); Свистунова щель 10/1 (Беспалый Г.Е., 2000Аа. Л.3. Рис. 9).

Еще одним хроноиндикатором – периода XVII–XVIII вв. – выступают характерные ножи с широким лезвием, прямой спинкой, с расширяющейся к обушку рукоятью и тонким перехватом у перехода рукояти в лезвие. Такие ножи выявлены в погребениях: Церковная щель 1/1, Чаплук 2 8/1 (Шеф А.В., 2013. Л. 284. Рис. 776. Б), Чаплук 3 1/1, Крепостной 2 20/1 и 37/1 (Раев Б.А., №25270. Л. 12, Рис.124, 222–225), №2 у сел. Чегем II 31/1; насыпь 139, Холодный родник 3 (Бакушев М.А., 2018. С. 140, 148. Рис. 11,*1*; 20,*1,2*).

Кресала (Рис. 45-46)

Для памятников второй половины XIII–XIV вв. характерны кресала с *коротким* плавно закругленным язычком, *разомкнутыми* асимметричными концами, один из которых завернут в завиток, другой – прямой или заострен ***(Рис 45,1).*** Датировка самих этих кресал устанавливается намного шире – X–XV вв. (Армарчук Е.А., 2014. С. 35). Подкурганные ингумационные захоронения «поймали» этот тип кресал в последние 50-100 лет их бытования. Позднее, к концу века подтреугольный язычок заостряется, удлиняется и смыкается с концами. Эти кресала выявлены в Цемдолинских курганах: № 8 второй половины XII – начала XIII в., № 9 конца XI – первой

половины XII в., а также в каменном ящике 2 кургана 1 (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. С. 35), в материалах Большого Шапсугского могильника (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. С. 116. Рис. 11,14), а также могильника Кабардинка, к.7 (Носкова Л.М., 2010. С. 187. Рис. 4,11) ***(Рис. 45,2)***, где эти кресала маркируют одно из самых ранних погребений могильника. Известны по трем находкам в погребениях из курганов 1 погр. 5, 11 и 12-?, могильника второй половины XIII–XIV в. Сидоренкова щель ***(Рис. 45,1,3)*** (Дмитриев А.В., 2011А), Кабардинка 7/1, 40/1 (Носкова Л.М., 2010. С. 187, 199. Рис. 4,11; 16, 6), Цемдолина–2 (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 94. Рис. 2, 10), Гостагаевская, погр. 4. (Алексеева Е.М. и др.).

Аналогии известны и в кочевнических погребениях конца XIII – первой половины XIV в. у с. Волошино Полтавской области, в Левобережной приднепровской лесостепи, неподалеку от устья Псла (Супруненко О.Б. и др., 2006. С. 46-48. Рис. 37,2).

К XIII–XIV в. относятся кресала с *коротким* плавно закругленным язычком, *сомкнутыми* концами, прямыми, либо завернутыми в завитки, *длина кресала больше высоты*. Известны в материалах могильника XIV в. у станицы Абинская (раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1879. ГИМ, № коллекции 399 В, №50) ***(Рис. 45,4)*** (среди остального погребального инвентаря обнаружено зеркало с растительным орнаментом и арабской надписью, спиральные кольца в 1,5 оборота, шестопер). Аналогичное кресало обнаружено в погребении 2 кургана 1 могильника в станице Раевская (Учебный центр) (Дмитриев А.В., 1984. Р-1 № 10615. Л. 32-33, Рис. 206) А.В. Дмитриев датировал комплекс XIII–XIV вв. Такое кресало происходит из погребения Цемдолина–33 (Армарчук Е.А.. Малышев А.А.. 1997. С. 103. Рис. 12, 10)

К XIV в. относятся кресала с *длинным* язычком, *разомкнутыми* асимметричными концами, один из которых завернут в завиток, другой – прямой или заострен, либо оба конца заострены ***(Рис. 45, 5-6)***. Особенно характерны для курганов XIV в. Северо-Восточного Причерноморья:

известны в каменном ящике №5 могильника Геленджикская бухта (раскопки М.А. Миллера 1937 г.) вместе с медными спиральными кольцами в два оборота (Миллер М.А. Ф.2, Арх. № 216. Л. 8,9, Рис. 27); Аналогии – в погребении могильника Хазарова щель (Стрельченко М.Л., 1969. Альбом. Рис. 24, 5). Подобное кресало обнаружено и в Закубанье, в погребении XIV в. у хутора Беляевский (Тарабанов В.А., 1994Аа. Л. 32. Рис. 151), а также в СВ Причерноморье: Кабардинка 36/18 (Носкова Л.М., 2010. С. 199. Рис. 16, 6).

Кресала с *длинным* язычком, *сомкнутыми* прямыми или завернутыми в завитки концами, отогнутыми наружу; *длина кресала больше высоты (**Рис. 45, 7-8).*** Являются своего рода «визитной карточкой» курганных могильников XIV–XV в. Северо-Восточного Причерноморья (у хут. Карпенки, Лобанова щель к. 37, погр. 5 ***(Рис. 45,8),*** Тешебс-1 2/1 (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. С. 25. Рис. 2,8) и предгорий Северо-Западного Кавказа (Грузинка VII 54/1 ***(Рис. 45,7).*** Известны в материалах Большого Шапсугского могильника (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. С.106, 109. Рис. 11, *18*). С завитками – из белореченского кургана №3, 1897 (Оп. 338, №53) второй половины XIV – начала XV в. Два подобных кресала выявлены в курганах у ст. Костромская, 1896 (ГИМ, Оп. 345, №21, 23). Вместе с ним поясные наборы XIV-XV вв., зеркала.

Кресало калачевидное, с высоким центральным язычком, смыкающимся с ветвями ***(Рис. 45,9).*** Аналогичное кресало вместе с тремя прикипевшими к нему джучидскими монетами XIV в. выявлено в кочевническом погребении Балкин хутор 1/1 (Шилов В.П., 1982. С. 26–27. Рис. 2,*6*).

В памятниках XIV – первой половины XVI вв. встречаются кресала без язычка, с разомкнутыми прямыми или отогнутыми в завитки концами: Иноземцево, к. 25.; Каррас (ГИМ, Опись 684, №515); Носовцева Поляна, р. Мзыста (Сочи), курган 1/1 (Василиненко Д.Э., 2007. С. Рис. 8,*8*), ст. Белореченская **(Рис. 45,*10*).** Аналогия происходит из кочевнического

комплекса Каменный Амбар-III 1/1 XIII–XIV в. в Южном Зауралье (Костюков В.П., 2007. С. 152, 154. Рис. 2,15).

К отделу двулезвийных типу овальных с овальной прорезью – А II (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 84. Рис. 12) и отделу II, типу овальные, варианту 2 (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. С. 187-188. Рис. 1.18, 6) относится кресало из погребения Сидоренкова щель 5/1 ***(Рис. 45, 11).*** Аналогичные кресала обнаружены в комплексе с дирхемами Узбека (Гармашов, 2002. С. 207. Рис. 1,7) и вместе с дирхемами начала 60-х годов XIV в. (Шалобудов В.Н., Кудрявцев, 1980. С. 91, 92. Рис. 4,3). Хронологически рамки бытования таких кресал установлены в пределах второй половины XIII – второй половины XIV вв. (Чхаидзе В.Н., 2012. С. 116). Овальное с овальной прорезью кресало происходит также из разграбленных курганов мог. Лобанова Щель середины – второй половины XIV в.) Аналогии: (Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А., 2006. С. 60, 62. Рис. 18,7. - Вербовый Лог VIII: К.5, п.1; В средневековом кочевническом погребении XIII-XIV вв. Романовская – 1/1 на побережье Цимлянского водохранилища (Чхаидзе В.Н., 2012. С. 106, 116-117, 127. Рис. 2,6).

Кресала с выгнутым основанием (со сплошным невысоким подтреугольным выступом) выявлено в п.5 к. 37 мог. Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 208. Рис. 20,7) ***(Рис. 45,12).*** Аналогичное кресало выявлено в погребении 1 Тлявгуловского могильника (Южный Урал), датировка комплекса по монетным находкам – не ранее 60-х гг. XIV в. (Иванов В.А., 1984. С. 77. Рис. 3,6).

Для XV в. и особенно XVI в. характерны кресала с *длинным* язычком, *сомкнутыми* прямыми или завернутыми в завитки концами; *длина кресала равна высоте* ***(Рис. 46, 1,3)***. У некоторых кресал ветви чуть вогнутые. В литературе известны как «лировидные». В большей степени были распространены в восточных районах проживания адыгов – на территории современной Кабардино-Балкарии (могильники Чегем 1, Чегем 4, к.6

(Нагоев А.Х., 1976А) ***(Рис. 46, 1,3)***, Северной Осетии-Алании (Октябрьский), Карачаево-Черкесии (Бесленей; из к. 12 в устье р. Байтал-Чапкан ***(Рис. 46, 3)***. В Западном Закубанье обнаружены в погребении могильника Лефтерова щель XVI вв. и Молдаванка 6/1 (Габуев Т.А., 2014А. Л. 109. Рис. 108,5). На позднюю датировку т.н. «лировидных» кресал указывает и находка в Бамутских курганах (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 225. Рис. 8,5).

К этому же времени относятся кресала – с *коротким* острым язычком, *сомкнутыми* концами, прямыми, либо завернутыми в завитки, но *длина которых равна высоте (*курган 38 могильника №1 у села Чегем II XVI–XVII вв.) (Нагоев А.Х., Р-1 № 5090а, Рис. 9,13) ***(Рис. 46, 2)***;

Несколько треугольных кресал с высоким и тонким язычком и смыкающимися с ним прямыми ветвями, концы которых закручены в колечки, длина кресала больше высоты выявлены при раскопках И.А. Владимирова курганной группы XVI в. к СВ от Нальчика ***(Рис. 46.4).*** Аналогичное кресало обнаружил при раскопках на могильнике XV в. Пшикуйхабль, к. №1 Н.В. Анфимов (1954А).

Треугольные кресала с *длинным* язычком, *сомкнутыми* прямыми ветвями; длина кресала равна высоте. В таблице представлено кресало из мог. Иноземцево 1, к 11 (Березин С.Я., 2007. С. 235. Рис. 19,3) ***(Рис. 46,6)*** – тяготеют к XV-XVI в. Большая их часть выявлена в кабардинских курганах.

В комплексах второй пол. XIV–XV вв. выявлены подтреугольные кресала с двумя пробитыми округлыми отверстиями ***(Рис. 46,5)*** (ст. Белореченская, ГИМ).

В материалах XV – первой половины XVI в. (раскопки Н.И. Веселовского в окрестностях Абина) зафиксировано кресало, представляющее собой железную подпрямоугольную пластину, в которой пробиты два отверстия – по форме напоминающее В-образное ***(Рис. 46, 8).*** Аналогичное кресало обнаружил Б.В. Лунин при раскопках могильника XVI–XVII вв. на Константиногорском плато (Лунин Б.В., 1927. С.3–17).

Региональной особенностью и, по-видимому, хронологическим маркером являются кресала с завернутыми в петли концами, одно или два из которых смыкаются с основанием. Известны как В-образные кресала. Они широко распространены в кабардинских курганах, западнее этой группы подобные кресала выявлены в Центрлабе 3 и Лефтеровой щели. Датировка широкая XV-XVII и даже XVIII вв. ***(Рис. 46,7)***.

В XVIII в. появляются новые типы кресал.

Кресала в виде пластины, согнутой в петлю, края косо срезаны, по линии обреза – пунктирное точкование: Чаплук 3 4/1 (Шеф А.В., 2012. Л. 137. Рис. 91,2), Церковная щель (не опубликованы).

Следующий тип в двух вариантах: кресала в виде 9-ки – с широким основанием, один конец которого завернут в петлю на 2/3 длины основания, второй отогнут в сторону: Чаплук 3 3/1 (Шеф А.В., 2012. Л. 126. Рис. 70, 1) или отсутствует (завернут в маленькую петельку): Чаплук 2 6/1, 12/1 (Шеф А.В., 2013. Л. 289. Рис. 773. В, 781, Г), а также кресала Л-образное – с широким основанием и с одним концом отогнутым в сторону под тупым углом: Чаплук 2 (Рис. 771.А)

В это же время широко распространяются также кресала с невысоким треугольным заостренным язычком и с обломанными ветвями: Чаплук 3 2/1 (Шеф А.В., 2012. Л. 115. Рис. 50,1) (Рис. 21, 10-11). Эти кресала хорошо известны в поздних памятниках Геленджика–Туапсе и Абина XVII–XVIII вв.. Подобные кресала выявлены в погребениях могильника Свистунова щель, Грузинка Ха, в погребении с обрезанной шашкой Лысенков I и погребении к. 3 могильника Грузинка Хб, которые можно отнести к рубежу XVIII-XIX вв. Отличительной особенностью этих кресал от более ранних – заостренные концы, возможно, поздний признак, а также меньшая высота кресал и меньшая длина концов кресал. Аналогии известны в слоях турецкого времени Белгород-Днестровского (БіляЄва С., 2012. 319. Рис. 140, 2).

Ножницы (Рис. 47)

Являются характерным атрибутом женских погребений. Находки можно разделить на две группы: пружинные ножницы (ножницы для стрижки овец) (Рис. 47, *4-6*) и шарнирные (современного типа) (Рис. 47, *1-3*). Появление шарнирных ножниц в рассматриваемых памятниках раньше всего фиксируется на Северо-Восточном побережье Черного моря – в районе Анапы – Новороссийска, а также Геленджика, т. е. в зоне прямых и самых активных контактов местного населения с кочевым миром. Южнее по побережью шарнирные ножницы проникают позднее. По наблюдению исследователей, шарнирные ножницы преобладают в материалах кочевнических погребений X-XIV вв., тогда как для позднесредневековых адыгских и кабардинских курганов более характерны их пружинные аналоги (Нарожный Е.И.; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. С. 32). Совокупный анализ материала показывает, что в восточных районах расселения адыгов в курганах подавляющее большинство находок представлено пружинными ножницами.

Пружинные ножницы представлены двумя типами: с центральной дужкой, раскованной в пластину и прямыми рукоятями, переходящими в режущие плоскости находка Н.И. Веселовского у ст. Абинская, ножницы из п. 12 мог. Пшиш (Носкова Л.М., 2005. С. 200. Рис. 4,9) ***(Рис. 47, 4-5)***; с центральной дужкой, раскованной в пластину, с перехватом под ней (Рис. 47,*6*).

Шарнирные ножницы с узкими острыми лезвиями и рычагами, закрученными на концах в несомкнутые кольца, известны в материалах XIII-XIV в. грунтовых погребений Ленинохабльского могильника (Тарабанов В.А., 1984. С. 168, Таб III, 2), подкурганных погребений в каменных ящиках Северо-Восточного Причерноморья: у с. Натухаевской (Сизов В.И., 1889. Таб. XIV,17) ***(Рис. 47,1)***, а также в материалах Закавказья XI-XIII (Аракелян Б.Н., 2003. Табл. 156, 14). Шарнирные ножницы с подпрямоугольными

«кольцами» на концах (могильник Лобанова щель, к. 37 п.4) (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 184, рис. 17,*2*) ***(Рис. 47,2)***.

Ножницы для стрижки овец с перехватом под расплющенной в пластину дужкой выявлены в погребениях XVI в. – к. 1 могильника Лефтерова щель (Раев Б.А., 2002А. Л.3. Рис. 13–14), Чегем 3 курган 6 (Нагоев А.Х., 1987. С. 240. Рис. 26) ***(Рис. 47,6).***

В самых поздних памятниках Северо-Восточного Причерноморья, датируемых XVIII и XIX вв., выявлены шарнирные ножницы с выгнутыми стержнями рукоятей, которые оканчиваются отростками, вместо колец: Чаплук 2 12/1 (Шеф А.В., 2013. Л. 288. 780. Б), Чаплук 3 10/1 (Шеф А.В., 2012. Рис. 204) или кольцами: Холодный родник 3 (Бакушев М.А., 2018. С. , шарнирные с прямыми стержнями рукоятей и кольцами на концах, лезвия прямые, узкие, плавно сужающиеся: Чаплук 3 1/1 (Шеф А.В., 2012. Л. 101. Рис. 26, 4).

Наперстки (Рис. 47)

Для золотоордынского времени характерны бронзовые наперстки в форме колпачка, вся поверхность которых покрыта вертикальными рядами пунсонных вдавлений, двух типов: сквозные (Рис. 47, *7-9*) и с закрытой верхней частью – цельной (Рис. 47, *11*) или представляющей собой купол из четырех сходящихся створок (Рис. 47, *10*). Сквозные наперстки выявлены в подкурганных ингумациях XIV в. у с. Натухаевской и Раевской (Сизов В.И., 1889. Таб. XIV,12-13; Таб. XV, 34) ***(Рис. 47, 7-8),*** могильника Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.А., 2002. С. 176, Рис.11,3) ***(Рис. 47,9)***, в погребениях могильника у ст. Гостагаевская (Алексеева Е.М., Шавырин А.С., 1979. Рис. 46), могильника на поселении Жукова (Нечипорук А.А., 2012. Рис. 684,6; 727,2; 746,5), в Белореченских курганах XIV-XV вв. (Левашева В.П., 1953. С. 183) и в синхронных с ними погребениях могильника на р. Пшиш (Носкова Л.М., 2005. С. 191-192. Рис. 4, 15-16), за пределами Северо-

Западного Кавказа – в п. 29 могильника Мамай-Сурка (Ельников М.В., 2001. С. 24, Рис. 8,*3*).

В XVII–XVIII вв. распространяются наперстки фабричного вида с перехватами под колчачком и в нижней части – над устьем. Такие наперстки выявлены в погребениях: Церковная щель 1/1, 46/1 (Носкова Л.М., 1991. Р-1 №16040. Рис. 33,6; Чаплук 2 7/2 (Шеф А.В., 2013. Л. 282. Рис. 774. В), Чаплук 3 6/1, 10/1 (Шеф А.В., 2012. Рис. 123,2), Холодный родник 3 (Бакушев М.А., 2018. С. 147. Рис. 19,20) ***(Рис. 47, 11)***.

Зеркала (Рис. 48)

Учтено 45 металлических зеркал, выявленных в черкесских погребениях 18 могильников второй половины XIII–XIV, из них 21 обнаружено в 12 памятниках района Анапы – Новороссийска. *1,2.* В 1886 г. В.И. Сизов в одной из подкурганных гробниц могильника у хут. казака Карпенки близ ст. Натухаевской выявил «круглое патиновое зеркало» (Сизов В.И., 1889. С. 84, фот. XIV, 18), в другом могильнике – у хут. Полонского близ ст. Раевская – также оказалось металлическое круглое зеркало. По инвентарю, в том числе по монетам ханов Узбека (ок. 1283–1314) и Джанибека (1342–1357), могильники на хут. Карпенки и Полонского датированы XIV-XV вв. (Сизов В.И., 1889. С. 89). *3.* В 1894 г. в одном из курганов могильника в ст. Раевской Ю.А. Кулаковским был исследован каменный ящик, в котором были выявлены 4 погребения, датированные по вещевому материалу XIII-XIV вв. Среди находившихся в гробнице вещей был фрагмент гладко отполированного зеркала (ОАК за 1894, 1895. С. 13). *4.* В 1961 г. А.И. Саловым были получены предметы из разрушенных погребений могильника на р. Куматырь, в 5 км от МТФ совхоза «Анапа» по дороге в сторону ст. Натухаевской, среди которых были фрагменты плоского со скошенными краями бронзового зеркала (Новичхин А.М., 1996. С. 119-121. Рис. 2). *5.* Бронзовое зеркало было выявлено А.В. Дмитриевым в разрушенном погребении курганного могильника на СЗ окраине с.

Владимировка в р-не Новороссийска (Дмитриев А.В., 1971. С. 6, рис.7); *6.* Три фрагмента распиленного местными жителями бронзового зеркала происходят из разрушающегося могильника Южная Озерейка близ Новороссийска (Дмитриев А.В., 1971. Л. 18). *7-11.* В 1974 г. в ходе обследования этого могильника в п. 4 были выявлены 6 фрагментов бронзового зеркала, также в разрушенных комплексах могильника оказалось еще 4 зеркала из белого сплава (Дмитриев А.В., 1974. Л. 3, 6, рис. 23. Р-1 № 5630). *12, 13.* В ходе самовольных раскопок школьниками курганного могильника у ст. Нижне-Баканская Крымского района были найдены фрагменты двух бронзовых зеркал (Дмитриев А.В., 1973. Л. 42, рис. 145, 149). *14-16.* В пп. 12, 13 и 47 могильника около ст. Гостагаевская выявлены фрагменты трех зеркал (Трейстер М.Ю., 1979. Р-1, № 9485. Рис. 50). *17-18.* В 1989 г. при исследовании могильника Лобанова щель (мыс Малый Утриш) в к. 37 в каменном ящике № 3 выявлено бронзовое зеркало (Марченко И.И., Пьянков А.В, 2002. С. 172, 176. Рис. 12,*1*), а также в п.1 к. 4 этого могильника выявлен фрагмент зеркала (Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 219. Табл. 9, *7*). В пп. 34 и 38 Цемдолинского могильника были обнаружены два целых зеркала (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997 С. 107. Рис. 13,*11*; 20,*7*). Фрагмент зеркала с круговой арабской надписью почерком «насх» вокруг центральной розетки с растительным орнаментом обнаружено в погребении Тешебс-1/15-1 (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. С. 21,26. Рис. 3,1). В женском погребении близ урочища Боханова поляна обнаружено бронзовое литое зеркало с петельной и крестообразным орнаментом (Бацанюк И.С., Схатум Р.Б., 2015. С. 12. Рис. 6,7).

В существующих в научной литературе работах по систематизации металлических зеркал в качестве основных рассматриваются несколько основных классификационных признаков: изображение на обратной стороне, форма бортика, наличие или отсутствие центральной или боковой ручки, диаметр и металл (тип сплава) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Полякова Г.Ф., 1996. С. 269-293; Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И., 1998. С. 87-108;

Недашковский А.Ф., 2000. С. 48-67; Руденко К.А., 2004. С. 111-156 и др.). Нами использована классификационная схема, предложенная Г.Ф. Поляковой, где отделы выделяются по форме бортика зеркал, типы – по изображению на обратной стороне, варианты – по наличию ручки.

Отдел А. С широким подтреугольным в сечении бортиком.

Тип I (1 экз). С изображением гона животных на растительном фоне (фрагмент зеркала из п. 1 к. 4 мог. Лобанова Щель). Зеркало литое, из светло-серого хрупкого металла. На фрагменте изображены детали растительного орнамента и фигура собаки. Внешний край орнаментальной зоны оформлен пояском зерни. На внешний край бортика нанесены насечки. Диаметр диска 10,5 см, толщина по бортику – 0,6 см. На одном из орнаментальных поясов зеркал этого типа изображен «гон зверей», где волк преследует лису, лев – оленя, собака – зайца. Подобные изделия встречены на обширной территории от Волго-Камья на севере, Харьковской и Екатеринославской губерний на западе до Кавказа и Отрара на юге; хорошо известны в Поволжье (Недашковский Л.Ф., 2000. С.54). По аналогиям тип можно датировать второй половиной XIII–XIV в. В памятниках адыгов Северо-Западного Кавказа зеркало данного типа происходит из Убинского могильника (Стрельченко Л.М., 1968. Рис. 26, 2).

Тип II. 1 экз. *С четырьмя полусферическими выступами, расположенными крестообразно, в кольцевой полосе, с рельефными S-образными фигурами между ними.* Фрагмент из разрушенного погребения у ст. Нижне-Баканская. Диаметр 9,25 см. Эти зеркала являются копиями привозных зеркал (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 83). Декоративные полусферические выступы в китайской традиции осмысливаются как жертвенные зерна риса и символизируют солнечный цикл (4 сезона, 8 перемен или 8 сфер, 12 знаков зодиака) (Стратанович Г.Г., 1961. С. 47-78; Руденко К.А., 2004. С. 120, Рис. 3, *13-16*). Подобные зеркала зафиксированы на территории Волжской Булгарии и материалах Сарая, Увека, Маджар и Отрара золотоордынского времени, (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 83. Рис.

13, TI; Полякова Г.Ф., 1996. С. 228. Рис. 72,*9*; Недашковский Л.Ф., 2000. С. 59-60, Рис. 11,*5*). Данный тип зеркал датируется второй половиной XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 116).

Отдел Б. Зеркала с низким валикообразным бортиком

Тип I. 10 экз. Без орнамента. Вариант 1. Без ручки. 7 экз. Выявлены у хут. Казака Карпенки близ ст. Натухаевской; в 7 верстах к С от ст. Раевской; в ст. Раевской; п. 47. Ст. Гостагаевская; п. 4 мог. Южная Озерейка; из разрушенного комплекса у Южной Озерейки; фрагмент из п.12 мог. у ст. Гостагаевской. Диаметр восстанавливаемых форм – 9,3-10 см. Имеют многочисленные аналогии в памятниках золотоордынского времени (Руденко К.А., 2004. С. 113); аналогией выступает зеркало из к. 42 Убинского мог. Датируются XII–XIV вв. *Вариант 2.* С петлей в центре. 3 экз. из разрушенных комплексов у Южной Озерейки: одно зеркало из белого сплава со следами припайки не сохранившейся петли, диаметр 9,3 см; два зеркала с петлями, диаметры 7 и 7,6 см.

Тип II. 1 экз. *Орнаментированные концентрическими кругами. Вариант 1.* С петлей в центре, через которую проходит узкий валик. 1 экз. из погребения середины-второй половины XIV в. кам. ящика № 3 к. 37 мог. Лобанова щель (мыс Малый Утриш). Диаметр – 7,2 см.

Тип III. 3 экз. *С крестовидным орнаментом. Вариант 1. С* петлей в центре. Зеркало из белого сплава, СЗ окраина с. Владимировка в р-не Новороссийска. Диаметр 6,0-6,5 см. Из этого же погребения происходит серебряный золотоордынский дирхем XIV в. (Дмитриев А.В., 1971. С.6, рис.7). Второй экземпляр происходит из п. 34 Цемдолинского могильника. Диаметр 7,2 см, толщина 0,2 см. Третий экземпляр (четверть зеркала) найдена в погребении Сидоренкова щель 9/1 (Дмитриев А.В., 2013А. Рис. 420). Аналогии выявлены среди материалов Нового Сарая, Болгарского городища, а также в Змейском катакомбном могильнике XI–XII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 81). Подобное зеркало известно среди материалов Убинского могильника (Стрельченко М.Л., 1968. Рис. 26, *4*).

Тип IV. 1 экз. *С крестовидным орнаментом и парами дуг расположенних в обратной симметрии относительно центра* . С петлей в центре. Сидоренкова щель 14/1 (Рис. 696).

Тип V. 1 экз. *С изображением животных, бегущих по кругу.* Фрагмент бронзового зеркала с небольшим утолщением у края с изображением (троих–?) животных (лисиц–?), бегущих по кругу (ст. Гостагаевская, п.13), диаметр 6-7 см.

Отдел В. Зеркала без выраженного бортика.

Тип I. 3 экз. Без орнамента. Вариант 1. Без ручки. Из разрушенных погребений мог. на р. Куматырь и мог. у ст. Нижне-Баканская (диаметр последнего 13 см). *Вариант 2.* С петлей в центре. Происходит из п. 38 Цемдолинского могильника. Диаметр 7,2 см, толщина 2 мм. В Восточном Причерноморье такие зеркала распространены в памятниках X-XIII вв.

Расположение зеркал зафиксировано только в погребениях Цемдолинского могильника: между бедренными костями погребенной (п. 38), у правого локтя (п. 34).

Вполне вероятно, что зеркала с петельками по центру привешивались с помощью ремешка к поясу. В золотоордынское время широко распространился способ ношения зеркал в специальных матерчатых или кожаных мешочках, крепившихся к поясу (Руденко К.А., 2004. С.126). Такой кожаный футляр обнаружен в п. 6, площ. 63 Убинского могильника. Также в погребениях Убинского могильника зеркала были выявлены в деревянных футлярах, обтянутых кожей (Стрельченко М.Л., 1968. Приложение).

Картографирование находок показывает, что территория распространения адыгских могильников, в погребениях которых были выявлены металлические зеркала, ограничена на западе полосой северо-восточного побережья Черного моря от Анапы и до Геленджика и районами Прикубанья до р. Лаба на востоке. На наш взгляд, распространение металлических зеркал довольно четко маркирует границы северо-кавказского участка сформировавшейся к XIV в. ордыно-латинской зоны контактов под

контролем Солхата (Крым). Массовое появление металлических зеркал в могильниках адыгов XIV–XV вв. может рассматриваться как одно из проявлений включения этого района Северо-Западного Кавказа в систему торгово-ремесленных центров всего юго-восточного Крыма и Приазовья.

Зеркала стеклянные

Зеркало из прозрачного тонкого стекла, восьмигранное – Чаплук 2 8/1 (Шеф А.В., 2013. Л. 284. Рис. 776. А). Их фрагменты выявлены в погребениях: Чаплук 2 к. 4 (Шеф А.В., 2013. Рис. 771, Д). Подобные находки выявлены и в комплексах мог. Холодный родник 3 (Бакушев М.А., 2018. С. 140, Рис. 11, *13-14*).

Украшения

В ингумационных погребениях оседлых племен Северо-Западного Кавказа украшения представлены следующими группами находок: серьги, бусы, кольца и перстни, подвески, спиральные кольца, браслеты. Распространение их имеет свои хронологические и локальные особенности. Так, находки совсем не характерных для позднесредневековых адыгских погребений браслетов сосредоточены в погребальных памятниках нижнего течения Кубани. Довольно редко встречаются бусы (как, впрочем, и остальные категории украшений) в курганах Западного Закубанья (особенно на фоне представительного числа находок украшений в погребениях Северо-Восточного Причерноморья и восточного Закубанья).

Серьги (Рис. 49)

Комплексы XIV–XV вв. маркируют следующие типы серег:

Серьги в виде кольца с ажурным украшением на конце, видимо, изображающем голову дракона с жемчужиной в пасти (Рис. 49.*8*). Бронзовые с позолотой выявлены в погребении Лобанова щель 37/1 (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 170, рис. 4,*5),*

Серьги в виде «знака вопроса»: в первом случае – с опускающимся вниз вертикальным столбиком, конец которого отогнут под прямым углом, во втором – столбик обвит проволочкой в три оборота и оканчивается напускной бусиной, от которой сохранился лишь фрагмент. Появление подобных серег связывают с влиянием кочевников Золотой Орды, они распространены по всему Северному Кавказу и южно-русским степям, датируются XIII-XV вв. (Носкова Л.М., 2005. С. 189. Рис. 3, 12-13; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. С. 135-136) (Рис. 49, 15-19).

Серьга с круглой ажурной сканной бусиной и обмоткой проволочкой дужки с двух сторон от бусины из погребения Лобанова щель 37/2 находит аналогии в материалах Болгарии XI–XIV вв., Румынии и Молдовы XII–XIV вв. С болгарскими украшениями этот экземпляр сближает особенность застежки, представляющей собой отогнутую наружу петлю, расположенную рядом с бусиной, а также типичный для этого региона розетчатый сканный декор бусин (Džingov G. 1987. P. 177, Fig. 13, *2*; Рябцева С.С., 2000. С. 166-169, Рис. 4,*5*; 5, *6*-*7*; Павлова В., 2002. С. 287, Таб. I, *3*) (Рис. 49, *6*).

Балканские параллели XII–XIV вв. обнаруживает и серьга из погребения Лобанова щель 37/4, у которой к дужке припаяны четыре шарика зерни пирамидкой (Рябцева С.С., 2000. С. 165) (Рис. 49, *12*).

Фрагмент пустотелой биконической бусины, стороны обоих конусов украшены элементами из трех спаянных шариков, по шву, соединяющему конусы, проходят два ряда сканной проволочки. На нижнем полюсе бусины «пирамидка» из четырех шариков. Аналогии: декору – биконическая бусина височного кольца из п. 330 могильника Мамай-Сурка золотоордынского времени (Ельников М.В., 2001. С. 150-152, Рис. 52,*2*) (Рис. 49, *26*).

Серьги с обвитыми проволочкой кольцами и стерженьками В. Спиней датирует XIII – первой половины XIV в. (Spinei V. 1986. P. 241. Fig. 2, *17*-*23*) (Рис. 49,*15*).

В виде кольца с прямыми или заостренными концами – аналогии: в материалах могильника Мамай-Сурка золотоордынского времени (Ельников М.В., 2001. С. 84, Рис. 27,*13*) (Рис. 49, *20-22*).

В виде кольца с петелькой на одном конце – встречаются в материалах Трифешты (Молдавия) XIII – первой половины XIV в. (Spinei V. 1986. P. 241), материалах могильника Мамай-Сурка золотоордынского времени (Ельников М.В., 2001. С. 65, Рис. 21,*2*) (Рис. 49, *9*).

В XVI в. появляются специфические типы серег, более характерные для памятников восточных районов расселения адыгских племен.

К ним относятся выявленные в ряде погребений могильника у колонии Каррас (Пятигорье) каплевидные серьги из расплющенной проволоки, с длинным стерженьком и тремя насаженными в ряд полыми бусинами, сложенными из двух половинок. Подобные серьги находят аналогии в инвентаре из погребений надземного склепа №1 XIV–XVII вв. в сел. Хамхи (Мужухоев М.Б., 1976. С. 171,172,178. Рис. 5,26), в склепах XV–XVII вв. близ храма Тхаба-Ерды (Мужухоев М.Б., 1969. С. 196,198. Рис. 1,1), в мавзолее конца XVII–XVIII вв. у поселка Гоуст (Даутова, Чахкиев, 1988. С. 52-53, 62. Рис. 10, 11-12) горной Ингушетии, на могильнике Карт-Джурт (Биджина Х.Х., 1979. С. 10. Рис. 4,4). Они есть в Белореченских курганах (Рис. 24, 74). Х.Х. Биджиев рассматривает эти украшения как подвески к женскому головному убору, в частности к островерхим шапочкам (Биджиев Х.Х., 1979. С. 25-25. Рис. 10).

Для датировки важны находки серебряных сережек с шаровидной полой бусиной украшенной на полюсе пирамидкой из зерни и с бусиной меньшего диаметра, сквозь которую проходит дужка, обе бусины отделены друг от друга пояском из двух рядов шариков зерни. На меньшей по диаметру бусине и на верхней части дужки напаяны еще две бусины с зернью. Прямые аналогии этим украшениям известны в материалах позднего средневековья – нового времени из грунтового Байрымского могильника

(Батчаев В.М., 2006. С. 231. Табл. XXII. 14), могильника XVII в. у сел. Асланбек-Шерипово, в грунтовых каменных ящиках XV–XVII вв. у сел. Дай (горная Чечня) (Умаров С.Ц., 1969. С. 74, 79. Рис. 3, 4,8).

В памятниках самого позднего периода – XVII–XVIII вв. число типов серег значительно сокращается. В ходу остаются серьги, получившие распространение еще в золотоордынское время (рис. 50, 10–13,15), в виде колечка с коротким стерженьком, конец которого отогнут или загнут в петельку; или в виде кольца со стерженьком, на который насажены 2 бусинки.

Хроноиндикатором XVII–XVIII вв. являются серьги из проволоки ромбовидного сечения, свернутой в колечко, один конец которого заужен, другой расклепан в кружок или овал (Рис. 50,14), либо имеет форму 8-ки. Такие серьги выявлены в погребении Бжид 2 –4/1 (Шишлов А.В., 2003. С. 60–61. Рис. 16, *1–2;* Чаплук 3 6/2, 10/1 (Шеф А.В., 2012. Рис. 124, 2–3, 204, 1–2). В погребениии Чаплук 2 11/1 на двухчастной пластинке сережек имелись гнезда для вставок бусин – белой на одной серьге и красной – на другой (Рис. 75).

Редкий тип сережек обнаружен в мог. Крепостной 2 (XVII в.): две бронзовые *серьги* с плакировкой тонкой позолотой и насечкой на лицевой стороне дужки. К нижней петле крепились сложносоставные подвески, сверху к дуге припаяно гнездо каплевидной формы для вставки. Снизу подвески завершались таким же гнездом. Длина с подвеской – 5 см, сечение дужки – 0,2 см (Раев Б.А., 2001Аа. Рис. 435,436). Сложносоставные подвески находят аналогию в конструкции нагрудных застежек, выявленных в одном из женских погребений (к.41) могильника Каррас (Рис. 50, 44–45).

Еще один тип серег, распространенных в XVIII в. – крупные кольца (диаметр 4 см) из тонкой проволоки, концы не сомкнуты, на колечко надета бусина, к кольцу не прикреплена: Чаплук 2 Чаплук 2 13/1 (Шеф А.В., 2013. Л. 290. 782, Е, Ж).

Плоские кольца

Самые ранние находки – в белореченских курганах (Левашева, 1953. С. 204. Рис. 12,2), а также в подкурганных погребениях XIV-XV вв. могильников Бесленей и в устье р. Байтал-Чапкан (Карачаево-Черкесия) (Дружинина И.А., 2012. С. 207. Рис. 3, 22-24), самые поздние находки – в погребениях могильника Каррас из Пятигорья второй пол. XV – начала XVI в. (Дружинина И.А., Пежемский Д.В., 2014. С. 35-36), к. 66 мог. Крепостной 2 XVII в. (Раев Б.А., 2002А. Рис. 397). В северокавказских материалах плоские кольца с прорезью известны вплоть до XIX в. (в склепах первой половины XVIII – начала XIX вв. у сел. Пялинг горной Ингушетии (Чахкиев, 1998. С. 63, 82. Рис. 13, 3-4) и позднесредневекового склепа №8 сел. Фалхан (Марковин В.И., 1981. С.102. Рис. 3, *27*).

Спиральные кольца (Рис. 49, *10*)

Кольца из дрота или трубочки, спирально изогнутые в полтора оборота. Традиционно эта категория находок квалифицируется как височные кольца. Однако расположение данных находок в погребениях допускает иное их назначение. В целом ряде комплексов спиральные кольца обнаружены в районе пояса умершего, в к. 22 мог. Грузинка VII два спиральных кольца были надеты на пальцы обеих рук погребенного.

Самые ранние спиральные кольца выявлены в половецких погребениях XII – начала XIII в. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. С. 46). В археологических памятниках Северо-Западного Кавказа служат хроноиндикатором древностей XIII–XIV вв. Показательно, что в восточных районах расселения адыгов эта категория находок не известна.

Перстни и кольца

Наиболее распространенным типом перстней является пластинчатый щитковый. Перстень с выраженным щитком, круглая жуковина украшена

гравированным изображением восьмилучевой «снежинки», обрамленной «елочным» орнаментом выявлен в мог. Бедричка (Рис. 49, *47*). Аналогии происходят из Херсонеса и Восточного Средиземноморья X-XII вв. (Наследие византийского Херсона, 2011. С. 531, 533, №209-213), Коринфа (Davidson G., 243-244, № 1939-1941). Подобные пластинчатые перстни с круглым щитком, украшенным гравировкой, и косыми насечками «в елочку» составляют самый распространенный тип среди перстней из Белореченских курганов XIV-XV вв. (Левашева В.П., 1953. С. 205. Рис. 12,8). Аналогичные перстни известны в погребениях могильника на поселении Жукова (Нечипорук А.А., 2012. Рис. 566,5; 578,9). Два перстня с гладкими овальными щитками однотипны золотому перстню XIV в., найденному в составе клада в Крыму (Сокровища, 2000. С. 286, №287), перстню из п. 250 могильника Мамай-Сурка (Ельников М.В., 2001. Рис. 43, 10), и из п. 139 Новохарьковского могильника золотоордынского времени (Новохарьковский, 2002. С. 67. Рис. 28, 30).

Другой разновидностью являются перстени со щитком со вставкой из стекла овальной формы, вставка крепится к щитку «лапками» (ст. Гостагаевская). Аналогии: перстень из п. 330 могильника Мамай-Сурка золотоордынского времени (Ельников М.В., 2001. С. 150-152, Рис. 52,*4*).

Массивный серебряный перстень из кургана близ Раевки с изображением креста и надписью на дужке «In nomine Dei» – «Во имя Бога» (Сизов В.И., 1889, С. 89. фот. XV, 32,35-36) (24, *48,48а*). Аналогия происходит из клада из с. Василицы Черкасской области, найденного в 1921 г. у с Василицы Черкасской области, помимо украшений (в том числе аналогичных щитковосерединных с черневым, чернено гравированным и гравированным орнаментом перстней), находились 59 джучидских монет, самые молодые датировались 70-ми гг. XIV вв., что указывает на время отложения клада (Строкова Л.В., 2006. С. 188).

Стилистическое изображение птицы на круглой в плане плосковыпуклой сердоликовой **вставке перстня** (Рис. 49, *68*) позволяет

связывать происхождение находки с мастерскими Сирии и Египта XIII-XIV вв., для которых характерно подобное изображение на предметах из стекла и металла (George T. Scanlon, 2003. P. 333,351. Pl. 23, Fig. 23; Хилленбранд К., 2008. С. 224. Рис. 4.40). Так, во времена правления султана Калауна (1279-1290), поддерживавшего дипломатические и торговые отношения со многими государствами Западной Европы и Востока, в том числе и с Золотой Ордой, появляются изображения стилизованной утки (M. Van Berchem, 1904. P. 74). Этот мотив широко распространяется в первой половине XIV в. (Банк А.В., 1952. С. 193).

К наиболее поздней группе вещей из Карраса относятся медные или серебряные перстни. Среди них выделяются группа перстней-«печаток» (Рис. 50,1,5) – с узким сплошным обручем плоского поперечного сечения и припаянным к обручу массивным щитком. Общая форма щитка – усеченный конус, с гладкой или рельефной боковой поверхностью, фронтальная площадка щитка – круглая и либо плоская, орнаментированная насечкой, либо оформлена в виде рельефной розетки. Ко второй группе относятся перстни с широким разомкнутым обручем плоским в сечении, со вставкой, украшенной по окружности сканным узором, жуковина – стекловидная паста или стекло (Рис. 50,3). Аналогии им обнаружены в материалах склеповых погребений «Города мертвых» в северной Осетии (Тменов, 1979. С. 129. Рис. 27, 5). Исследователь, опираясь на заключение Э.В. Кильчевской, датирует подобные перстни «временем не ранее XVI в. и не позднее конца XVIII – начала XIX в.» (Тменов, 1979. С. 139).

Раковины каури (Рис. 49, 5*3*). Широко известны в материалах памятников Кавказа и Крыма (Махнева 1968. С. 158), в материалах детских и женских погребений золотоордынского времени Нижнего Поднепровья (Ельников М.В., 2001. С. 81,84,103, 132 Рис. 26,*2*, 27,*12,* 35,*5,* 46*, 6-7,*), в материалах верхнекамья XIII–XIV вв. (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 2012. С. 433, 446. Рис. 8,*15*). Большинство находок происходит из детских погребений

(Майко В.В., 2007. С. 140), что подтверждают и материалы плитовых могил Северо-Восточного Причерноморья.

К изделиям древнерусского производства относятся писанки – полые керамические поделки в форме яйца с небольшим отверстием на широком конце и камешком внутри (Рис. 49, *70*). Они украшены росписью, выполненной в технике пастилажа желтой поливой на блестящем темно-коричневом фоне (Макарова Т.И., 1966. С. 143; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986. С. 103). Основной центр производства этих изделий был Киев X–XIII вв. (Рыбаков Б.А., 1948. С. 382; Макарова Т.И., 1968). Аналогии: в материалах XI–XII вв. Крыма (Майко В.В., 2007. Рис. 47,*1*; 48,*1*), Болгарии (Йотов В., 2002. С. 145-146, рис. 41-42), Румынии (Barnea I., 1967. Fig. 149, *12-13*), Волжской Булгарии (Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986. С. 109-110. Рис. 2,*21*; 3, *13-14*), Верхнем Прикамье (Белавин А.М., Оборин В.А., 1986. С.67-68, Рис. 2,*6*).

Браслеты

Браслеты – довольно редкая находка. !0 экземпляров выявлено в Белореченских курганах (7- золотые, 2 – серебряные, 1 – парчевый с серебряными украшениями из к. 27, раскопки Н.И. Веселовского 1896 г.) (Левашева В.П., 1953. С. 206).

Метллические браслеты пластинчатые с несомкнутыми концами, которые соединялись посредством шарнирного затвора или завязывались шнурком через дырочки. Бронзовый пластинчатый браслет выявлен в погр. Гостагаевская, аналогии находит в домонгольских материалах Приазовья (Волков И.В., 2003. С. 112, Рис. 3,1).

Фрагменты *стеклянного* браслета черно-красно-золотого выявлены в мог. на пос. Жукова. Аналогии в византийских материалах крепости Пэкуюл луй Соаре (Румыния) (Diaconu P., Vílceanu D. 1972. P. 138. Fig. 55, *21*), в домонгольских материалах Приазовья (Волков И.В., 2003. С. 117, Рис. 8,1-2).

Стеклянные браслеты массово появляются в Крыму во второй половине X в., их количество резко сокращается с XIII в. (Майко В.В., 2007. С. 20).

Отдельно отметим часто встречающиеся, особенно в памятниках второй половины XIV в., плетеные украшение из кожаного шнурка, на который плотно намотана шелковая нить – в виде подвесок (Лобанова щель 37/4 (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 178, рис. 14,*1-3*) и шнура с узелками и петельками на концах (Лобанова щель 37/4 (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 178, рис. 14,*6)* (Рис. 49, *28)*.

Пуговицы (Рис. 49, *29-39*)

Шаровидные, спаянные из двух половинок пуговицы (Рис. 49,39). Аналогии происходят из плитовых погребений XIII и XIV в. могильника Судак-II (Майко В.В., Рис. 38,1), могильника Мамай-Сурка (Ельников М.В., 2001. С. 24, Рис. 8,*4,6,* 9*,5,12 и т.д.*), материалов ювелирной мастерской Старого Орхея, погибшей в 60-х гг. XIV в. (Бырня П.П., 1974. С. 236-237. Рис. 4,25).

Шарообразной формы, с горизонтальным швом посередине тулова и проволочной петлей. На полюсе позолоченной пуговицы напаяно колечко тонкой проволочки (Рис. 49, 35-37). Пуговицы серебряные и с позолотой. Часто встречаются в материалах Белореченских курганов (Левашева В.П., 1953). Аналогии находят в материалах могильника Мамай-Сурка золотоордынского времени (Ельников М.В., 2001. С. 151, Рис. 4,*8,10*), кочевнических погребений Малаи I-5/1 и Старонижестеблиевский I-4/3, а также из золотоордынского Азака (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. С. 123), плитового погребения XIV в. могильника Судак-II-216 (Майко В.В., 2015. Рис. 38,2).

Пуговицы с ребристой поверхностью, с напаянным пластинчатым ушком и окруженной тонким проволочным колечком пирамидкой из трех шариков зерни на противоположном полюсе (Рис. 49,34). Аналогичные

пуговицы обнаружены в составе Симферопольского клада первой половины XIV в. (Сокровища Золотой Орды, 2000. С. 321. №508,509).

В комплексах XVI в. распространяются другие типы пуговиц.

Полые шаровидные пуговицы с гладкой поверхностью и розеткой на полюсе (Рис. 52, 12-13).

Поперечно-эллипсовидные граненые, полые, украшены тиснением (Рис. 52, 1,4,7).

Полые пуговицы в виде «шишек хмеля» с петелькой на большем полюсе и гнездом для вставки на меньшем – найдены в погребении у ст. Солдатская (Рис.52, 6-6а). Аналогии происходя из грунтовых каменных ящиков XV–XVII вв. у сел. Дай (горная Чечня) (Умаров С.Ц., 1969. С. 74, 79. Рис. 3, *12*).

Полые эллипсоидные пуговицы заостренные на полюсах, состоящие из двух половинок. Ушко припаяно посередие широкой части пуговицы. У основания ушка – проволочка (Рис. 52, 2-3). С обеих сторон пуговиц отштампован орнамент в виде завитков и полос меандра. Обнаружены в погребении кургана 10 могильника На второй версте от Нальчика по шоссе (ИИМК РАН, Ф.1. Д 215/1896. Л. 57, 83). Датируются XVI вв. Вместе с сосудами и 139 серебряными сефевидскими монетами периода правления шаха Тахмаспа I (1524–1576) входили в состав клада из села Хархар в Азербайджане (Аллахвердиев Р.К., 1958. С. 228–229; Асланов Г.М. и др., 1966. С. 27. Таб. XVI, 2).

К группе поздних находок отнесем и узкие нагрудники (***застежки***) (Рис. 50, 44–46). По мнению В.М. Батчаева, прототипы нагрудных застежек известны еще в аланских комплексах, в послемонгольскую эпоху эта деталь костюма получает более широкое распространение, а количество застежек на платье возрастает до 5-6 пар, при этом наибольшую популярность в XV–XVIII вв. они получают у балкарок и осетинок (Батчаев, 2006. С. 66-67).

Детали костюма

При решении вопросов датировки памятников одной из опорных категорий находок для периода XIII–XV вв. являются детали поясных металлических наборов (железо, бронза, серебро, золото). Пряжки по конструкции В.П. Левашева (1953. С. 195) выделяет три группы:

1 Группа. Пряжки кованые с простым подвижным язычком, среди которых простые одночастные, сложные двухчастные, состоящие из приемника и петли (Рис. 51, *21,23,24*);

2 Группа. Пряжки кованые с язычком на шарнире; все двухчасные, прикреплявшиеся к поясу при помощи петли или пластины (Рис. 51, *25*).

3 Группа. Пряжки «ложные» литые, без язычка, двухчастные, соединяющиеся с поясом посредством петли (Рис. 51, *14-16*).

На поясе из к. 1 (в медном гробу) у ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1897 г., у поясного набора вместо пряжки находилась застежка. Застегивался пояс с помощью замка - крупной бляхи-пронизи, у которой не было петли снизу, зато в задней стенке было прорезано отверстие в форме перевернутой буквы Т с длинной перекладиной на коротенькой ножке; в него входил ключ - узкая ременная обойма с Т-образным выступом. Практически полной аналогией данному поясному набору – по конструкции, форме и основному декору блях – является золотая гарнитура пояса из ГЭ, найденная в Акмолинской области (Центральный Казахстан), датирующаяся второй половиной XIV (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. С. 39-63).

Особое значение для датировки погребальных комплексов более позднего времени имеют находки пряжек–пафти (Рис. 89, 15-16). Они выявлены в в погребении Грузинка Ха/42 (Дружинина И.А., 2014). Поясная пряжка-пафта, бронзовая (на поясе погребенной находилась слева) (Рис. 3,*1*). Листовидно-округлой формы, выпуклая, на внешней стороне в центре – профилированная розетка (10 лепестков: длина лепестков 1,2-1,4 мм, на краешке каждого лепестка – кружок диаметром 3 мм, у основания лепестков – кружки диаметром 1 мм), по краю, в 1 см от кромки – рельефный орнамент. Верхний и нижний края пряжки плавно закруглены, боковые заострены. На

внутреннем заостренном конце – крючок для петли парной бляхи («диаметр» крючка 1,5 см). Размеры: ширина – 8,2 мм, высота – 7,7 мм. На внутренней стороне пряжки между верхним и нижним краями припаяны две вертикальные параллельные планки (шириной 5 и 4 мм) для крепления к пафти ремня.

Вторая пряжка-пафта поясная, бронзовая (на поясе погребенной находилась справа) (Рис. 3,*2*). Листовидно-округлой формы, выпуклая, на внешней стороне в центре – профилированная розетка (10 лепестков: длина лепестков 1,2-1,4 мм, на краешке каждого лепестка – кружок диаметром 3 мм), по краю, в 1 см от кромки – рельефный орнамент. Верхний и нижний края пафти плавно закруглены, боковые стороны заострены. На внутреннем заостренном конце – маленькое отверстие (2 мм) для не сохранившейся петли. Размеры: ширина (между боковыми заостренными концами) – 8,2 см, высота (между закругленными верхним и нижним краями) – 7,7 см. На внутренней стороне пафти между верхним и нижним краями две вертикальные параллельные планки (шириной 5 мм) для крепления ремня, от которого на одной из планок сохранился небольшой фрагмент кожи.

Пряжки – пафты или пафти («pafta» – албан., «пафта, пафти» – болг., «pafta, paftale» – рум., «пафте» – сербск.) являются характерной деталью женского костюма Карпато-Балканского региона на протяжении длительного времени с XIV по XX вв. (*Абызова, Рябцева*, 2007. С. 95; *Біляева*, 2012. С. 235; Motolea A., 2016. P. 316–318).

Для погребальных памятников Северо-Западного Кавказа пафти – редкая находка. В то же время в музейных фондах Северо-Восточного Причерноморья они довольно хорошо представлены. Этот обстоятельство объясняется тем, что этот новый элемент костюма адыгов распространялся во времена утверждения в регионе ислама и оседал в погребениях только той части населения, которая оставалась привержена старым языческим верованиям.

Аналогии пафти из погребения Грузинка Ха/42 по форме и декору известны в слоях турецкого времени Белгород-Днестровского – Аккермана (*Біляєва*, 2012. 235-236, 323. Рис. 147). Однако пряжки из аккерманской коллекции почти в два раза меньше северокавказских находок. То же можно сказать и о близких по форме и орнаментальным мотивам, но меньших по размерам пафтах (FB-25185-7,8; FB-25184-2 и FB-25184-1), связываемых с Костештским археологическим комплексом и датируемых концом XV – первой половиной XVII в. (*Абызова, Рябцева*, 2007. С. 100-101, каталог) (Рис. 3,*5-7*).

Ближайшие аналогии обнаруженным в погребении Грузинка Ха/42 пряжкам происходят из археологических материалов Румынии XVII – первой половиной XIX в. (*Vasiliu*, 1996. P. 233,242. Pl. VI, 5; *Custurea*, 1986. P.300, Fig. 2,*1-2*). Близкой по форме, декору и размерам северокавказским находкам является бронзовая выпуклая пафта листовидной формы с розетчатым орнаментом в центре щитков из погребения 4 могильника Ретивоешть XIV-XVI вв. (*Абызова*, *Рябцева*, 2007. С. 95).

Известна еще одна пара пряжек-пафти была обнаружены в к. 6 мог. Бжид 2 (Туапсинский р-н) (*Шишлов и др.*, 2003. С. 63-64, 87. Рис. 19) (Рис. 3,*8-9*). Выявленные в женском погребении пряжки – бронзовые, в виде сегмента шара, с орнаментальной композицией из кругового зигзага и раковины (или цветка-?) в центре диска. На обратной стороне первой пряжки одна, на второй – две вертикальные параллельные планки для крепления к пряжке ремня. На одной из полос сохранился фрагмент кожаного ремня (Рис. 3,*8-9*). Точная аналогия туапсинским пряжкам известна в фондах музея г. Тулча (инв. № 2.496), датирована XVII – первой половиной XIX в. Правда, по размерам румынская пафта (7,00х6,00х0,3 см) (*Vasiliu*, 1996. P. 233,241. Pl. V, 2) (Рис. 3, *10*) несколько превосходит пряжки из погребения Бжид 2/6 (диаметр 5,7 см) (*Шишлов и др.*, 2003. С. 64), что позволяет сузить датировку пряжки из могильника Бжид 2 до XVII-XVIII вв.

К XVII в. относится крупная серебряная пряжка, выявленная в к. 2 могильника Заюковский (Шафиев Н.А., 1963А. Л. 7) (Рис. 52,28). Пряжка из двух секций прямоугольной формы, застегивалась при помощи стержня, продеваемого в металлические петли с обратной стороны пряжки. Характерная отделка – на гладкую пластину накладывалась вторая пластина – тонкая с рельефным орнаментом и вырезами. Помимо того, в серединной части пряжки находится конусообразный выступ-шип. По мнению Е.Н. Студенецкой, подобные пряжки изготавливали адыгские мастера и были широко распространены в XVIII–XIX вв. и ранее у карачаевцев, балкарцев, черкесов, адыгов, кабардинцев, ногайцев, реже у осетин (Студенецкая Е.Н., 1989. С. 179–180. Рис. 25, 32).

Керамика (Рис. 53-56)

Распространение керамической посуды в курганных могильниках, относимых исследователями к кругу погребальных памятников средневековых адыгов, имеет свои хронологические и территориальные особенности.

Поливная импортная и неполивная местная керамика является характерной категорий находок в памятниках Северо-Восточного Причерноморья и Западного Закубанья золотоордынского времени. С XV в. количество находок керамических сосудов резко сокращается.

Керамика не выявлена в кабардинских курганных могильниках Пятигорья и междуречья Малки и Баксана. Единственный (достоверно известный) глиняный кувшин, найденный на этой территории в кабардинском могильнике, происходит из погребения Шалушка 65/1 (могильники относится к XVI–XVII вв.).

На этом фоне заметно выделяются малокабардинские курганы (часть плоскостной территории Северной Осетии, Ингушетии и Чечни), в которых в мужских и женских погребениях были выявлены керамические сосуды (могильники Октябрьский, Бамутский, у Лысой горы, к югу от Владикавказа,

Комсомольский 1, Эльхотово). Эти сосуды находят прямые аналогии в керамике средневековых предков ингушей и осетин (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 242).

Большое значение для датировки памятников имеют находки поливных сосудов.

Поливная посуда (Рис. 53-54)

Поливная посуда XIII – XV вв. является массовой и одной из самых информативных категорий находок городов Крыма, Тамани и Приазовья. На Северо-Западном Кавказе глазурованная посуда встречается преимущественно в погребальных комплексах Северо-Восточного Причерноморья (*Крамаровский,* 1996. С. 97-98. Рис. 1,*4*; *Крамаровский*, 2015. С. 275–276. Кат № 138–139; *Новичихин*, 1997. С. 120. Рис. 1; *Армарчук, Дмитриев,* 2017. С. 499–512), Азово-Прикубанья (*Волков*, 2002. С. 159; *Чхаидзе*, 2013. С. 136, 141–142. Рис. 2,*2*; 5; 6 – карта) и в элитарных подкурганных погребениях в окрестностях станицы Белореченская (Восточное Закубанье) (*Крамаровский,* 1996. С.97–101. Рис. 1; 2,*1,7; Дружинина, Чхаидзе,* 2012. С. 319; *Армарчук,* 2015). Находки поливной посуды золотоордынского времени в Западном Закубанье единичны (ОАК за 1878–1879 гг. С. XLII; *Анфимов*, 1972. С. 87; *Пьянков*, 2007. С. 94–97; Дружинина И.А., 2018).

Выявленная в погребениях поливная посуда представлена кувшинами и чашами, произведенными в ремесленных мастерских Крыма (находки из памятников, расположенных в окрестностях Новороссийска, а также Абинска), Азака (находки кувшинов из разрушенного могильника на хут. Куматырь) и Византии (белоглиняный кувшин и чаши с выемчатым декором) (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2017).

Керамика XV–XVI в.

К числу наиболее поздних находок поливных сосудов на Северо-Западном Кавказе относится кувшин из воинского погребения Псекупская 3 1/1 (Рис. 90).

Кувшин кружальный, одноручный, с шарообразным туловом на невысоком усеченно-коническом полом поддоне и высоким узким горлом с противопоставленным ойнохоевидным сливом. Обжиг сквозной, глина без видимых примесей, светло-оранжевая, по тулову красный ангоб. С внешней стороны и по венчику с внутренней стороны кувшин покрыт бирюзовой глазурью плохого качества, которая довольно легко отслаивается. Полива не покрывает поддон. Ручка вертикальная, изогнутая, плоская, овальная в сечении, крепится к верхней половине тулова и к горлу под сливом. В нижней части ручка фигурно оформлена – заострена и имеет подтреугольное углубление. Диаметр тулова – 12,9 см, у перехода в горло – 5 см. Диаметр горла –3,4 см. Высота кувшина 21,5 см, высота горла – 7,5 см, поддона – 1,4 см. Ширина ручки – 1,8 см, толщина – 0,7 см. Тулово орнаментировано семью параллельными горизонтальными полосами, общая ширина орнаментального ряда – 2 см. Горло в месте крепления ручки опоясано двумя валиками. Еще один валик, менее выразительный – у перехода горловины в тулово. Венчик с ойнохоевидным сливом «двойной».

По форме кувшин имеет прямые параллели с особой группой византийских полумайолик с золотисто-желтой и светло-зеленой глазурью, с декором, сочетавшим выемчатую технику “champlevé” и “sgraffito” (Чхаидзе В.Н., 2013. С. 134). Как и у псекупского сосуда, у византийских кувшинов этой группы шаровидное тулово на поддоне, вертикальная ручка, высокое горло, ойнохоевидный слив. Роднят кувшин из кургана Асрана с группой изящных византийских образцов валики на горловине и оформление ручки с заостренным подтреугольным краем и небольшим углублением, имитирующим изображение листа – характерного орнаментального элемента данной группы византийских кувшинов.

Эта группа полумайолик известна в археологических комплексах на обширной территории от Стамбула до Нижнего Новгорода и Астрахани, а ее бытование может быть ограничено второй половиной XIII – концом XIV в. (см.: Чхаидзе В.Н., 2013. С. 138, 141, карта). Наиболее вероятным местом производства этих сосудов считается округа Константинополя (Крамаровский М.Г., 1996. С. 102, 106, 108, 114, 115; 2001, С. 202; 2009, С. 339-3340; Коваль В.Ю., 2010. С. 129; Чхаидзе В.Н., 2013. С. 138). Высказывалось также мнение о производстве этих сосудов в гончарных мастерских одного из городов на Балканах (Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998. С. 230). Кувшины этой группы попадали в Северное Причерноморье в результате венецианско-генуэзской торговли (Романчук А.И., 2003а. С. 82; 2003б С. 262).

Невысокое качество поливы псекупского сосуда указывает на его местное происхождение.

Неполивная XIV в. (Рис. 55-56)

Посуда этой группы специально исследовалась Н.Г. Ловпаче (1995), Л.М.Носковой (2016) и Е.А. Армарчук (2016).

Вся керамика красноглиняная и оранжевоглиняная, преобладает гончарная. По функциональному назначению выделяются столовые и тарные кувшины, небольшие кувшинчики-кружки, корчаги (Грузинка VII 82/1). Кухонная посуда в подкурганных погребениях представлена небольшими лепными горшками баночной формы (Кабардинка к. 7,13, 23,29), Азаренский 1 (к.7).

По нашим наблюдениям, для датировки особое значение имеет группа кувшинов с четырьмя сливами и крученой ручкой, а также с ойнохоевидным сливом и витой ручкой. Эти сосуды характерны для памятников второй половины XIV в. (Рис. 28)

Уникальный трехчастный одноручный сосуд, датированный на основании сопровождавших его монетных находок, также может рассматриваться как ориентир при решении вопросов датировки (Рис. 28).

Керамика в погребениях XVI–XVII в. на всей территории распространения исследуемых памятников встречается очень редко.

Сосуд из погребения 1 к. 28 могильника Крепостной 2, лежал справа у стоп погребенной женщины. Представляет собой небольшой гончарный оранжевоглиняный кувшин, с плоским широким дном, округлым туловом, плечо скругленное невысокое, горло чуть сужается кверху, плавно переходит в слегка отогнутый наружу венчик. Спереди край венчика оформлен в слив. От нижней части плеча к верхней части горла на прилеп крепится овальная в сечении уплощенная ручка. Высота 18 см, диаметр дна – 10 см, тулова – 14 см (Раев Б.А., 2002. Р-1. №2528. Л. 15; №25269. Л.16. Рис. 175,179).

Стеклянная посуда (Рис. 57-58)

В Белореческих курганах найдено 12 стеклянных сосудов в 11 погребениях (Левашева В.П., 1953. С. 171). Кубки обнаружены в пяти погребениях могильника Кабардинка (целые сосуды – к. 7, 24,36, фрагменты – к. 7,17) (Носкова Л.М., 2010. С. 175), 2 разбитых кубка – в одном погребении к. 10 Борисовского могильника (Саханев В.В., 1914. С. 201), в разграбленном кургане близ сел. Ольгинка (Миллер А.А., 1909. С. 100–101. Рис. 33), в п. 27 мог. Пшиш (Носкова Л.М., 2005. С. 193, 202. Рис. 6,1), в погр. мог. на поселении Жукова (Нечипорук А.А., 2012А), на мог. Дузу-Кале (Миллер А.А.. 1907), в кургане у ст. Тульская (ГИМ, Инв. 42402) из раскопок Н.И. Веселовского 1897 г., в к. 7 в 2 верстах к Ю от ст. Белореченская (ОАК за 1906. С. 98), в к. 6 п. 2 мог. Сапун (Дмитриев А.В., 1986А), в мог. близ Геленджика, раскопки К.К. Мерса 1909 («Подарок созерцающим», 2015. С. 165), 3 кубка обнаружено в разрушенных каменных ящиках мог. Южная Озерейка (Дмитриев А.В., 1974А). Стеклянная бутыль выявлена в окрестностях ст. Псебай (Крамаровский М.Г., 2015. С. 160–161).

Ваза стеклянная, зеленоватого цвета, орнаментирована изображением среди растений и пирующих человеческих фигур шести кругов, в каждом из

которых помещен на красном фоне идущий влево лев, расписанный белой эмалью. Под этими изображениями – полоса с арабской надписью, ниже – арабески и летящие птицы, а на полосе, которая украшала ножку изображены несколько человческих фигур с кубками в руках. Ваза обнаружена в к. 53 близ ст. Белореченская (раскопки Н.И. Веселовского 1896 г.) (ОАК за 1896 г. С. 28–30. Рис. 154). Аналогичная ваза происходит из Сирии и датирована серединой XIII в. (Carboni S, Whitehouse D., 2002. P. 240-241, №120).

С территории Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья происходят пять декантеров (4 целых, 1 горло от сосуда) – сосудов с высоким тонким горлом, объемным округлым туловом и широкой полой ножкой; на небольшом расстоянии от венчика горло снабжено упором для пальцев в виде кольца (Кузина И.Н., 2017. С. 102, 106–107).

Из к.1 у станицы Белореченская (раскопки Н.И. Веселовского, 1896) (ОАК за 1896. С 18–20. Рис. 98а,б; Kramarovsky M., 1998. P. 27, 200; Кузина И.Н., 2017. С. 102, 106. Рис. 8). Графин высотой 32,5 см декорирован растительным орнаментом, арабскими надписями и фигурами всадников, скачущих по кругу.

Второй декантер, сохранившийся на высоту 31,5 см, обнаружен в окрестностях станицы Каменномостская. Орнаментирован арабскими надписями, сидящими мужскими фигурами в чалмах и халатах, горло сосуда покрыто арабесками синего, белого, красного цвета и позолотой (Кузина И.Н., 2017. С. 102, 10. Рис. 9).

Третий декантер, высотой около 32 см, обнаружен в кургане 1 могильника Носовцева поляна 1 (окрестности Сочи). Расписан золотом и цветными эмалями (Василиненко Д.Э., 2007. С. 247, 252. Рис. 5,7; Кузина И.Н., 2017. С. 102, 106. Рис. 7).

Еще один декантер приобретен в Майкопе в 1901 г. Украшен росписью цветными эмалями, находит прямые аналогии сосуду начала XIV в. из Музея Метрополитен в Нью Йорке (Vernoit, 1998. P. 210. Fig. 25.7; Кузина И.Н., 2017. С. 106. Рис. 6).

Горло (диметр 4,3 см) пятого декантера происходит из кургана, исследованного Н.И. Веселовским в 1897 г. у ст. Тульская (ГИМ, Оп. 335, В). Горло этого сосуда отличает присутствие налепа в виде волны. Сосуды с аналогичным горлом изготовлены в Иране, XII–XIV в. (Carboni S, Whitehouse D., 2002. P. 95 №21, P. 98 №25).

Декантеры служили столовой сервировочной посудой. Отнсятся к предметам роскоши. Датируются XIII–XIV вв., местом их изготовления является Сирия или Египет.

Бутыль стеклянная, с эмалевой росписью, найдена близ станицы Псебайская. Место изготовления – Сирия или Египет, XIV в. Из полупрозрачного стекла, с шарообразным туловом на вогнутом дне, с высоким горлом, заканчивающимся грушевидным расширением. Украшена пятью фризами декора, выполненными синей, красной и белой эмалями (Крамаровский М.Г., 2015. С. 160–161).

В погребениях находят также фрагменты сосудов (часто фрагменты ручек) сосуда зеленоватого стекла с характерной петелькой и волнистыми налепами. Аналогичные сосуды происходят из памятников XII – XIII вв.: к. 3 у Ногай-Кале (Сизов В.И. Оп. 359, инв. № 97-98; Армарчук Е.А., 2003. Таб. 97,7), Шебш 2: Графинчики из прозрачного стекла зеленоватого оттенка на невысоком поддоне с овальным туловом и высоким горлом, с перехватами, на плечиках и горле крепится высокая петлевидная ручка. Фронтальная часть ручки украшена волнистой накладной полоской стекла (Успенский П.С., 2015. С. 118. рис. 37, *4*) (Рис. 29).

Довольно часто в курганах Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья встречаются кубки на вогнутом дне и с раструбом в верхней части. Кубки украшались поясами растительного орнамента, арабскими надписями и арабесками, изображениями рыбок, выполненными голубой, красной, желтой, белой эмалями. Датируются XIII–XIV вв., входят в большую серию импортов из Сирии или Египта (Носкова Л.М., 2010. С. 175, 195, 197. Рис. 12,*24*; 14,*30*; Крамаровский М.Г., 2015. С. 165).

М.Г. Крамаровский полагает, что стекло поступало на Северный Кавказ, в Крым и другие регионы Золотой Орды благодаря оживленным торговым связям, осуществлявшимся через Каффу, а также посредством черкесских рекрутов-мамлюков, выслуживших свои сроки в Египте и возвращавшихся на родину (Крамаровский М.Г., 2015. С. 160).

Кубок, обнаружен А.А. Миллером в 1907 г., из бесцветного стекла, расширяющийся кверху. Снаружи пять рядов из рельефных налепов, на поддоне пятнадцть налепов гутного стекла. Место изготовления – Северная Европа, XIV в. («Подарок созерцающим», 2015. С. 352. Кат. № 187).

Кубок, обнаружен в п. 27 мог. Пшиш, из голубого прозрачного стекла, тулово подцилиндрической формы. Имеет слегка выпуклые стенки и невысокий венчик. Снаружи ряды из рельефных налепов, на поддоне налепы гутного стекла. Дно вогнуто, высота кубка 11 см, диаметр по краю – 7,5 см. Место изготовления – Германия, XV в.

Видимо, из стекольных мастерских Европы поступил также кубок (выс. 9,3, диам венчика 6,6 см, дна – 6 см) из прозрачного зеленого стекла с налепами, с отогнутым высоким венчиком и и вогнутым дном с кольцевым поддоном, обнаруженный в погребении 4 к. 7 мог. Кабардинка, датирован XIII–XIV вв. (Носкова Л.М., 2010. С. 175, 188. Рис. 5,*23*).

Сосуд из токого прозрачного стекла из к. 26 у ст. Белореченская (раскопки Н.И. Веселовского, 1896). Высотой 14 см. С грушевидным туловом и высокой понтие. Горло широкое со сливом. В качестве места производства М.Г. Крамаровский указывает Каффу, до 1475 г. («Подарок созерцающим», 2015. С. 352. Кат. № 188).

Рюмка из желтоватого стекла, из к. 9 у ст. Белореченская (раскопки Н.И. Веселовского, 1896). Высотой 14 см, диаметр 8,7 см, диаметр ножки 7,6 см. С рельефными полосками на тулове, на высокой тонкой ножке с фигурным перехватом, расширяющейся в нижней части, украшенной расходящимися желобками. Горло широкое со сливом. В качестве места

производства М.Г. Крамаровский указывает Каффу, до 1475 г. («Подарок созерцающим», 2015. С. 353. Кат. № 189).

Металлическая посуда (Рис. 59).

В курганах у станицы Белореченская обнаружено 43 металлических сосуда: 4 золотых, 37 серебряных и 2 бронзовых. Еще одна золотая чаша, гладкая, плоскодонная («Подарок созерцающим», 2015. С. 322–323. Кат. 157) и одна серебряная с гравированным растительным орнаментом по дну и стенкам (ГИМ, инв. 37261) происходят из ст. Андрюковская, фрагмент 1 серебряной чаши – из кургана у ст. Губская (ГИМ, Оп. 347В, №20-21), 2 серебряных чаши – из курганов у ст. Абинская, раскопки В.Г. Тизенгаузена 1879 г.

Серебряный с позолотой круглодонный ковш происходит из к. 1 мог. Псекупская 3 (Дружинина И.А., 2012А). Две серебряные мисочки найдены в курганах на 6 версте от Нальчика (раскопки И.А. Владимирова 1897 г., кк. №11 и 14 по сквозной нумерации) (Ф.1. Д. 215/1896. Л. 63, 68).

Один бронзовый широкогорлый кувшин без ручки с вертикально каннелированной поверхностью обнаружен в Белореченском кургане № 41 (ОАК за 1896. С. 48–49. Рис. 246) (Левашева В.П., 1953. С. 173), бронзовый водолей из к. 7 у ст. Белореченская (ОАК за 1906 г. С. 98), медный посеребренный кувшин, найденный случайно в Ново-Михайловском, на его датировку указывают находившиеся там же поясные бляшки и пряжки, пуговицы, детали серебряной обкладки ножен кинжала XIV–XV вв. (Миллер А.А., 1909. С. 100-101. Рис. 34).

Металлические сосуды представлены коваными круглыми низкими чашами – гладкими и с гравированным орнаментом по краю и на внутренней стороне дна, ковшами плоско- и круглодонными, с ручкой литой или прикрепленной к краю.

Выделяются серебряный с позолотой кубок, имеющий в центре объемную фигурку барана, а также кубок (к. 3, раскопки Н.И. Веселовского 1906 г.), чаша которого снабжена смесителем (состоит из двух дисков с тремя продолговатыми отверстиями) и ажурным фильтром, в центре которого укреплена литая фигурка птицы, датирован XIV в. («Подарок созерцающим», 2015. С. 321. Кат. 156).

Маленькие мисочки из серебра (?) выявлены в Белореченских курганах (Левашева В.П., 1953. С. 171), а также двух воинских погребениях курганов 11 и 14 могильника вверх на 6 версте по р. Нальчик (Ф.1. Д. 215/1896. Л. 63, 68). По мнению М.Л. Швецова, в период монголо-татарского нашествия маленькие металлические мисочки в погребениях кочевников Восточной Европы заменили медные казаны (Швецов М.Л., 1980. С. 200).

Монеты

В курганах XIV–XV вв. Северо-Западного Кавказа выявлены десятки монетных находок эмиссий Крыма, Азака и городских центров Поволжья (Нарожная Ф.Б., Пачкалов А.В., 2005. С. 203-205; Гончаров Е.Ю., 2018). Серия монет выявлена в курганах Северо-Восточного Причерноморья. В могильнике у хутора казака Карпенки, к западу от станицы Натухайская, в двух каменных ящиках найдены восемь серебряных золотоордынских монет Узбека (ок. 1283–1314) и Джанибека (1342–1357) (Сизов В.И., 1889. С. 85; Пахомов Е.А., 1938. С. 38, №463; Федоров-Давыдов, 1963. С. 151, № 118). В одном из курганов могильника на земле Полонского, у станицы Раевская, найдена серебряная монета Джанибека XIV (Сизов В.И., 1889. С. 89; Пахомов Е.А., 1940. С. 38, №464 ; Федоров-Давыдов, 1963. С. 207, № 528).

Из погребений могильника, расположенного на северо-западной окраине села Владимировка происходят три серебряных золотоордынских дирхема XIV (Дмитриев А.В., 1971. Отчет о разведке в районе Новороссийска // Архив ИА РАН. Р-1. № 4645. Л. 6-8). Дмитриев А.В. Отчет о доследовании разрушенного средневекового могильника в пос. Южная

Озерейка близ Новороссийска. Новороссийск, 1974. Р-1. № 5630. Л. 4. Разрушенное погребение №10: серебряный золотоордынский дирхем Махмуд Хаджи Тархана – XV в. (определение Г.А. Федорова-Давыдова), а также 6 золотоордынских серебряных монет XIV-XV вв. (Дмитриев А.В., 1974. Р-1. № 5630. Л. 7). В погребениях Южной Озереевки найдены монеты XIV-XV вв. (Дмитриев, 1979. С. 51; Дмитриев А.В., 1971. Отчет о разведке в районе Новороссийска // Архив ИА РАН. Р-1. № 4645. Дмитриев А.В., 1974. Р-1. № 5630).

В кургане могильника Цемдолинский выявлена монета Токты, в другом – неопределенная медная монета с серебряным покрытием (Малышев, Дмитриев, 1996. С. 230; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 109;). В могильнике Лобанова щель выявлены две серебряные монеты: Узбека (1312-1342), Сарай и монета Абдаллаха (1362-1370) (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 171, 173, 175, 177, 185). В курганах 23 и 37 могильника Кабардинка найдены монеты хана Узбека (Носкова Л.М., 1992. С. 61; Носкова Л.М., 2009. С. 399; Носкова Л.М., 2010. С. 181).

Обнаружены золотоордынские монеты и в курганах Закубанья: в Убинском могильнике в разрушенном погребении № 70 выявлено семь серебряных золотоордынских монет 760-763 гг.х., выпущенных в Азаке (Пахомов, 1954. С. 52, № 1624 – Смотреть в библиотеке; Федоров-Давыдов, 1960. С. 151, №116; Стрельченко М.Л., 1968, приложение. Л. 45). Монеты выявлены в Белореченских курганах: три серебряные золотоордынские монеты хана Узбека 1320 г., Шадибека 1401/2 г., без указания года Сеид-Ахмета (1402-1419 гг.) найдены в кургане 12 (ОАК за 1896, С. 41; Пахомов Е.А., 1940. С. 52, №870; Федоров-Давыдов, 1960. С. 175, №228; Левашева В.П., 1953. С. 184). В юрте станицы Ярославской найдена трапезунтская монета конца XIV – первой половины XV вв. (ОАК за 1895 г., 1897. С. 161-162). У аула Ульского (группа С) в насыпи одного из курганов обнаружена неопределенная истертая серебряная золотоордынская монета (Беренштам В.Л., 1879. С. 310-311; Федоров-Давыдов, 1966. С. 264, 265).

При раскопках грунтового могильника Псебепс 3 найдено 63 монеты, из которых: 56 серебряных (данги), 2медные (пулы), 5 медных имитаций, покрытых белым металлом. В захоронениях обнаружено 47 шт., из них: в 23 погребениях найдено по одной монете, в 10 – по 2, в 1 находилось 4. Из пластов извлечено 16 экз. Хронологический период по датам на монетах охватывает с 707 г.Х. (1307/08 гг.) по 809 г.Х. (1406/07 гг.) (Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А., 2018. С. 432).

Отсутствие монет в кабардинских курганах представляется весьма показательным и ввиду того, что эти могильники расположены на территории, в золотоордынскую эпоху непосредственно входившей в орбиту развитого и оживленного денежного обращения.

Единственный счетный жетон XVII в. выявлен в к. 15 мог. Шалушка (Нагоев А.Х., 1987. С. 188).

ГЛАВА V.
ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XV ВВ.

Северо-Восточное Причерноморье
Вторая половина XIII–XV вв.

На территории Северо-Восточного Причерноморья известны как курганные так и грунтовые могильники золотоордынского времени. Выявленные в них захоронения по типу погребальной конструкции могут быть разделены на три группы: ингумации в каменных ящиках, ингумации в деревянных колодах и срубах, ингумации без погребальных конструкций. При этом каждая из выделенных групп включает погребения с различной ориентировкой и различным положением погребенного относительно уровня древнего горизонта (в яме или на горизонте).

Каждая из трех групп погребений имеет свои хронологические особенности, а также особую этнокультурную характеристику.

Погребения в каменных ящиках

В отличие от традиционного подхода к группировке памятников региона (Е.П. Алексеева, 1954; М.Л. Стрельченко, 1968; Е.А. Армарчук, 2003) (Рис. 60) в настоящей работе выделяются не три, а четыре территориальные группы погребений в каменных ящиках – район пос. Ново-Михайловский, район Геленджика, район Новороссийска, район Раевской–Гостагаевской.

Отметим, что за границами СВ Причерноморья, погребения в каменных ящиках зафиксированы еще и в Западном Закубанье, в материалах Большого Шапсугского могильника (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. С. 102). Этот интереснейший памятник предгорной зоны Абинского района Краснодарского края никогда систематически не раскапывался

профессиональными археологами. Можно полагать, что обряд погребения в каменных ящиках попал в предгорья Западного Закубанья через удобный перевал с Геленджикского побережья, как это происходило в более позднее время (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2011. С. 153–156).

Район пос. Ново-Михайловский (Рис. 70).

Особенности погребений в каменных ящиках рассмотрены на материалах девяти могильников золотоордынского времени: На Кадошском мысу, могильник Дузу, между имениями Дузу и Дузу-Кале (Миллер А.А., 1909. С. 95-102), Хазарова щель (Бжид 2) (Стрельченко М.Л., 2002. С. 161–167), Попова гора (Шишлов А.В., 2000А), Абазинка, р. Пляхо (Анфимов Н.В., 1956А), Азаренский 1 (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А), Ново-Михайловский (Анфимов Н.В., 1956А).

Локальные особенности обряда.

В районе Ново-Михайловского выявлены *грунтовые* погребения в каменных ящиках (на Кадошском мысу, в имении Дузу, Ново-Михайловский, Пляхо) и *подкурганные* (Между имениями Дузу и Дузу-Кале (Рис. 61), Хазарова щель (Бжид 2), Попова гора (Рис. 69), Абазинка, Азаренский 1.

Грунтовые погребения впущены в неглубокие (до 0,4 м – в имении Дузу) могильные ямы, подпрямоугольной в плане формы, с отвесными или пологими прямыми стенками. Об особенностях расположения могил в некрополях (рядность, направление рядов, скученность, бессистемность и др.) данных нет.

Подкурганные погребения совершены под небольшими земляными насыпями – 0,3–0,5 м высотой, 3–7 м в диаметре. В ряде случаев отмечены каменные обкладки, окружавшие курганы по основанию. Погребения совершены на горизонте (Между имениями Дузу и Дузу-Кале (рис. 61), Хазарова щель), незначительно заглублены в грунт – Азаренский 1. Известно также впускное плитовое погребение в насыпи кургана (Попова гора) (Рис. 69).

Положение умерших – вытянуто на спине, руки протянуты вдоль тела, или согнуты в локтях так, что одна или две кисти лежат на тазовых костях, череп на затылке или завален на бок (редкий признак). Ориентировка *северная* (также на север-северо-запад и на северо-восток) и *западная* (также на юго-запад и запад-северо-запад). За редким исключением – погребения одиночные. В подавляющем большинстве захоронений выявлен сопроводительный инвентарь. Безынвентарные погребения: в к. 1 могильника между имениями Дузу и Дузу-Кале и к. 6 Азаренского-1 могильника. В погребениях выявлены керамические сосуды – в головах или в ногах погребенных. Кости овцы обнаружены в каменных ящиках Ново-Михайловского могильника.

Локальные особенности инвентаря. В плитовых гробницах представлены почти все основные категории погребального инвентаря – предметы вооружения, быта, орудия труда, детали костюма и украшения, посуда. От групп погребений в каменных ящиках, расположенных к северо-западу по побережью, ново-михайловскую группу каменных гробниц отличает *отсутствие* в них *монет* и единичные находки *зеркал* (погр. 1 Ново-Михайловского могильника, Анфимов Н.В., 1956А), а также характерных *предметов белореченского круга* – наградных поясов и посуды (чаш, ковшей и кубков из серебра и золота). Абсолютно преобладает посуда местного производства, а также пружинные ножницы.

Хронологические особенности. По особенностям обряда и сопроводительного инвентаря погребения в каменных ящиках района Ново-Михайловского разделяются на три хронологические группы. Ранний горизонт памятников – ***второй половины XIII*** (могильники на Кадошском мысу и в имении Дузу) – характеризуется одиночными грунтовыми погребениями в простых могильных ямах, ориентировкой погребенных в северном секторе, расположением керамических сосудов в головах умерших. Каменные ящики не имеют перекрытий, отличаются большой шириной конструкций (до 0,8 м), наличием дна (редкий признак).

Инвентарь (Рис. 62) представлен предметами вооружения, воинской экипировки и конской упряжи, орудиями труда и домашнего обихода, деталями костюма. В одном из погребений на Кадошском мысу выявлено *стремя* (Отдел IV тип 3) XII – первой пол. XIII в. (Армарчук, 2006. С. 22, 27, 29). В погребении могильника в имении Дузу обнаружены *удила*, тип БI-2, XI–XIII вв. (Армарчук, 2006. С. 20). Помимо удил, комплекс включал наконечник копья с подтреугольными упорами, саблю, нож, мотыжку, пряжку, точильный брусок, спиральное кольцо (Рис. 3). Наконечники копья с ярко выраженными подтреугольными упорами появляются на побережье в XIII в.. Известны и в XIV в., при этом ко второй половине XIV столетия выступы у основания пера почти сходят на нет. *Мотыжки* являются характерным предметом воинских захоронений Северо-Западного Кавказа. Орудия с разомкнутым черенком, подтрапециевидной рабочей частью и выраженными плечиками (Рис.3) более характерны для погребений XIV в. В комплексах XII–XIII в. (Армарчук Е.А., 2003. С. 267. Таб. 100,9; Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. Рис. 11,1) мотыжки, как правило, плечиков не имеют. Аналогии каменному брусковидному *оселку* усеченно-овальной формы, с отверстием для подвешивания известны в материалах Большого Шапсугского могильника (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. Рис. 11,6), Цемдолинского на пашне (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. Рис. 2,8; 13,22), Кабардинки (Носкова Л.М., 2010. С. 178. Рис. 14,28). *Детали костюма и украшения* представлены *спиральными кольцами в полтора оборота* (Рис. 3), каменными и стеклянными *бусами*, а также бронзовыми и серебряными шаровидными полыми *пуговками* из двух половинок, с петелькой. Подобные пуговки происходят из кремационных (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. Рис. 14, 2-4; Носкова Л.М., 2010. С. Рис. 6, 1-2) и ингумационных (Носкова Л.М., 2010. С. 180. Рис. 5,10; 11,4; 14,1.) погребений Северо-Западного Кавказа, из плитовых погребений XIII и XIV в. могильника Судак-II (Майко В.В., Рис. 38,1), могильника Мамай-Сурка (Ельников М.В., 2001. С. 24, Рис. 8,*4,6, 9,5,12 и т.д.*).

Довольно четко можно выделить группу погребений ***конца XIII – первой половины XIV в.*** (№№7, 9-14, 18, 20, 22, 24, 27 курганы могильника Азаренский 1). Главным отличием ее от погребений первого хронологического горизонта являются наличие курганных насыпей. Эта «переходная» группа сохраняет обрядовые признаки второй половины XIII в., такие как одиночные погребения, широкие пропорции каменных гробниц, наличие дна (редкий признак), северная ориентировка, положение керамических сосудов в изголовье погребенного. Однако теперь захоронения совершаются на уровне древнего горизонта, при этом плиты каменных ящиков на незначительную глубину (5-10 см) впускают в грунт для устойчивости конструкций. Каменные ящики располагаются в центре подкурганного пространства. На датировку второй хронологической группы памятников указывают и особенности кольцевой обкладки кургана – камни уложены плашмя, радиально, в 1-3 ряда и в несколько (1-3) уровней (Рис. 63). Насыпи района Ново-Михайловки второго хронологического горизонта «пропустили» широко распространенный севернее по побережью – у Геленджика и в районе Анапы–Новороссийска, характерный именно для XIII в. тип обкладки, состоящей из плит или камней, поставленных на ребро.

Инвентарь погребений второй хронологической группы (Рис. 64-65) сохраняет предметы, бытовавшие в XIII в., но присутствуют и вещи XIV в. (шлемы, пики, копья с подтреугольными выступами (при этом размер выступов уменьшается), колчанные накладки в виде снежинки и т.д.).

Захоронения в каменных ящиках центральной части могильника Азаренский 1 отличались признаками, характерными для «переходного» времени середины XIV столетия. Так, в каменном ящике, расположенном под центром кургана 6, были выявлены останки двоих погребенных. Дозахоронение в каменный ящик, при котором кости захороненного ранее человека смещались к одной из стенок гробницы – поздний признак, характерный для погребений второй половины XIV в. Однако, в данном случае кости нижнего скелета не были потревожены. Умерший был уложен

на выкладке из каменных плиток, которая составляла дно ящика. Ориентирован на ССЗ. Над этим погребением было возведено перекрытие из небольших плитовых каменей, на котором было совершено верхнее погребение. Таким образом, в одном ящике оказалось два яруса одиночных погребений. Интересно, что кости верхнего скелета были смещены в южную часть ящика, возможно, в связи с подготовкой места для нового погребения. Однако дозахоронение на верхний уровень каменного ящика не произошло: третий умерший был погребен с внешней стороны восточной стенки каменного ящика и перекрыт каменными плитками, поставленными наклонно с упором в стенку ящика. Инвентарь в погребениях 1 и 3 не обнаружен. При погребенном 2 находилось железное шило и железное кольцо. В этом же кургане в 2 м к северу от каменного ящика было выявлено впускное мужское погребение, совершенное на уровне древнего горизонта и окруженное каменной обкладкой. Ориентировка СЗ. В этом погребении был обнаружен железный складной серп. Такие серпы известны в подкурганных древностях Северо-Западного Кавказа вплоть до середины XIV в. (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. С. 22). Отметим также, что кромлех кургана 6 не представлял собой внушительной конструкции – он был сложен в 1-2 слоя по высоте и в 1 ряд. Учитывая эти «переходные» особенности погребений к. 6, и прежде всего признаки обряда дозахоронения еще не в сформировавшемся виде, считаем возможным датировать курган 6 второй третью XIV в.

В погребении девочки (к. 7), захороненной в широком (соотношение ширины к длине – 1/4) каменном ящике, сосуд стоял в изголовье (Рис. 63-65). Ориентировка ребенка – ССЗ. В составе погребального инвентаря – не менее 10 блях из тяжелого белого металла, диаметром 3-4 см, с коническим щитком, дисковидным выступом в центре и рельефным ободком по краю. На тыльной стороне блях находилась петля. Дисковидные выпуклые бляхи с ободком по краю и 3 см в диаметре выявлены в материалах Большого Шапсугского могильника (Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. С. 117.

Рис. 14, 20-23). Основная масса поднятых на этом памятнике материалов относится к XII–XIII вв., при этом выделяется и пласт находок первой половины XIV в. Подобные бляхи выявлены в мужском погребении № 99 могильника XII–XIV вв. Лимбарь (Молдова). Три из них находились около шеи с правой стороны, а две – около локтей (Хынку И.Г., 1973. С. 197. Рис. 17). В качестве аналогий следует привести также круглые бляхи из погребений Келийского могильника XIII–XIV вв. горной Ингушетии (Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2010. С. 97, 100).

Третью хронологическую группу составляют погребения ***второй половины XIV в.*** (№№ 1-6, 8, 17,19, 25 и 26 курганы могильника Азаренский 1). В это время северная ориентировка погребенных меняется на западную, изменяются и пропорции каменных ящиков, они становятся более узкими, у ящиков нет дна, кувшин размещается не в изголовье, а в ногах погребенного (Рис. 67-68).

Наряду с захоронениями, совершенными на уровне древнего горизонта, известно впускное плитовое погребение в насыпи кургана (Попова гора) (Рис. 69). Наряду с одиночными погребениями появляются комплексы с несколькими разновременными погребениями в одном ящике (Рис. 66). Кольцевая обкладка курганов отличается большим количеством рядов и ярусов составляющих ее камней.

Отличительной особенностью вещевого комплекса погребений в каменных ящиках второй половины XIV в. является отсутствие предметов конской упряжи, преобладание копий над саблями и стрелами, сокращение числа предметов защитного вооружения к концу столетия.

Имеющиеся материалы каменных ящиков района Ново-Михайловского в настоящее время не позволяет выносить верхнюю границу бытования этого обряда за рамки XIV в. Однако традиционно по аналогии с подкурганными погребениями в каменных ящиках более северных районов побережья верхнюю хронологическую границу этого обряда относят к XV в. (Алексеева, Стрельченко). Так, М.Л. Стрельченко поздние комплексы могильника

Хазарова щель (Бжид 2) по аналогии с могильниками Новороссийска–Геленджика отнес к XV в., а общую датировку этого обширного памятника, насчитывающего более сотни насыпей, исследователь определил XIII–XV вв. (Стрельченко М.Л., 2002. С. 165).

Рассуждать об особенностях и датировке неопубликованного памятника – дело неблагодарное, но все же, как представляется, наши наблюдения позволяют сузить хронологические границы формирования могильника. Все погребения в каменных ящиках могильника в Хазаровой щели подкурганные, что позволяет исключить их появление в XIII в. При этом, с одной стороны, погребения этого могильника характеризуются «ранними» признаками: они одиночные, совершены на горизонте, курганы содержали по одному ящику, укажем также на наличие дна в одной из гробниц. Выявлено защитное вооружение, которое не выходит за границу XIV–XV вв. (шлем), амфоры, нож с костяной рукояткой с циркульным орнаментом. При всех признаках, указывающих на связь материалов могильника в Хазаровой щели с первой половиной XIV в., ориентировка погребенных «поздняя» – *западная* (иногда с отклонением к северу), сосуды стоят *только в ногах,* что является основанием для отнесения погребений ко второй половине века. Учитывая эти особенности, считаем возможным ограничить датировку могильника в Хазаровой щели второй третью – концом XIV в.

Эволюция обряда представлена на рис. 70.

Район Геленджика – конец XIII–XIV вв. (Рис. 71).

Особенности могильников района Геленджика прослежены на материалах 12 могильников: Борисовский (В.В. Саханев, 1914. С.198–201), у с. Береговое (В.И. Сизов, 1886), Геленджикская бухта (В.И. Сизов, 1886), в 1 версте от Геленджикской бухты (В.И. Сизов, 1886), Кабардинка (Даринский), Геленджик (Миллер, 1909), Геленджик, у дома Мурзина (Н.А. Казнаков,

1909), 2,5 версты от Геленджика (К. ф. Мерс, 1909), Тонкий мыс (Миллер, 1937), Керченская щель (Аханов, 1939), Кабардинка (Л.М. Носкова, 2010. С. 167–200).

Эволюция обряда захоронения в плитовых могилах района Геленджика (Рис. 71) демонстрирует те же основные изменения (в распространении курганных насыпей, в ориентировке, в расположении кувшинов в погребении), которые происходили в этом обряде в соседнем Ново-Михайловском районе, но по времени появление новых признаков и отмирание старых на двух этих территориях не совпадали. Кроме того, помимо асинхронности общего развития обряда, памятники с ингумациями в каменных ящиках имеют свои локальные отличия. Очевидный вывод из этого: носители обряда захоронения в каменных гробницах районов Ново-Михайловки и Геленджика принадлежали единой этнокультурной общности, но проживали в различных условиях. Главным фактором, повлиявшим на своеобразие погребального обряда в каменных ящиках района Геленджика, стало непосредственное влияние на него другого обряда – обряда трупосожжения.

Известно, что с конца VII в. в Северо-Восточном Причерноморье и Закубанье появляются носители обряда кремаций, которые на несколько столетий становятся главной военно-политической силой в регионе.

Для населения окрестностей Геленджикской бухты это не привело к полной смене этнокультурного состава, а, напротив, ко взаимному сосуществованию, что выражалось в том числе и в появлении гибридных форм обряда (захоронение кремированных останков в каменных ящиках). Вероятно, какая-то часть местного населения приняла новый обряд, чем можно объяснить малочисленность известных *грунтовых* ингумаций в каменных гробницах домонгольского времени. При этом настоящий «ренессанс» обряда захоронения в каменных гробницах наступает во второй половине XIII в. и продолжается все XIV столетие, тогда как кремационный

обряд постепенно затухает и к началу XIV в. практически полностью исчезает.

Главным отличием обряда Геленджика от Ново-Михайловки является практика разновременных дозахоронений, иначе говоря, использование одной гробницы для погребений людей, умерших в разное время. Этот признак не известен в памятниках окрестностей Геленджика XIII в., для которых характерны одиночные захоронения в каменных ящиках, ориентировка покойного в северном секторе, расположение керамического сосуда в головах умерших. В отличие от I хронологической группы ново-михайловских погребений, каменные ящики окрестностей Геленджика этого времени – подкурганные. Курганный обряд на этой территории распространился раньше, чем в долине р. Нечепсухо (р-н Ново-Михайловки).

Насыпи или не имеют обкладку по основанию, или она составлена из плит, поставленных на ребро. Такие же типы насыпей возводятся и над синхронными кремационными погребениями. Ранняя группа погребений в плитовых могилах представлена как впускными в насыпи с кремациями (Кабардинка 7/1, Керченская щель 9/2), так и основными погребениями, над которыми возводился курган (Керченская щель 3/1, могильника в 1 версте от Геленджикской бухты).

Выделяются 3 хронологические группы погребений в каменных ящиках окрестностей Геленджика.

К ранней хронологической группе ***конца XIII – начала XIV вв.*** относится могильник, исследованный В.И. Сизовым в одной версте от Геленджикской бухты. Погребения подкурганные. Небольшие насыпи состояли из глины и щебня. Околокурганной каменной обкладки нет. Под каждой насыпью находилась одна гробница, причем не в центре, а в западной поле. Погребения одиночные, совершены на уровне древнего горизонта. Ориентировка погребенных северная, положение – вытянуто на спине, руки протянуты вдоль тела. Кувшин – в голове погребенного (к. 1). Важно подчеркнуть, что ранние ингумации под курганами находятся в стороне от

центра, даже при том, что они одиночные, точно так же как и поздние кремации, где единственная погребальная урна под курганом располагалась в стороне от центра (мог. Керченская щель).

Инвентарь представлен красноглиняным кувшином с двумя ручками, довольно грубой работы, «длинобородым» топором или «секирой» – локальная особенность вещевого набора, мотыжкой, железным серпом.

На следующем «переходном» этапе происходят важные изменения. Кувшин перемещается в район колен или ног погребенных. Наряду с северной ориентировкой распространяется западная. Увеличивается число погребенных в одной гробнице. Важно подчеркнуть, что погребения с этими признаками, синхронные кремационным, составляют с ними *единые биритуальные могильники* и, что принципиально важно – в более поздних могильниках этой переходной хронологической группы доля ингумаций в каменных ящиках по сравнению с кремациями растет. Эти наблюдения приводят нас к простому выводу: носители обряда кремаций постепенно отказывались от этого способа подготовки тела умершего к захоронению и принимали практику погребений в каменных ящиках. При этом, как раньше для дозахоронений они использовали керамические урны, теперь с этой целью они использовали каменные ящики. Этим и объясняется, на наш взгляд, распространение такой особенности обряда, как многократное использование гробниц для разновременных погребений в окрестностях Геленджика, а также в районе Анапы–Новороссийска, являвшихся частью ареала кремационного обряда в VII-XIII вв. и, напротив, отсутствие случаев многократного использования одной гробницы в могильниках первого и второго периодов (т. е. до второй половины XIV в.) района Ново-Михайловки, где кремационный обряд не имел столь давней и устойчивой традиции.

В этой связи обратим внимание на то, что большинство подкурганных ингумационных погребений, синхронных кремационным, – детские (Армарчук Е.А., 2003. С. 220), что может указывать на постепенное

отмирание обряда трупосожжения. Предположение о «возрастном цензе» для выбора обряда кремации здесь менее предпочтительно, поскольку в более ранних кремационных могильниках нет детских ингумаций.

К переходному хронологическому горизонту можно отнести погребения к. 7 могильника Кабардинка. По основанию восточной полы кургана сохранилась обкладка из плитовых камней, поставленных наклонно, на ребро. Центральная часть кургана перекрыта каменным панцирем. Всего в этом кургане выявлено 4 погребения в каменных ящиках и 1 зольник с остатками основного кремационного погребения №5. Погребения 1,2,3 находились на одном уровне, погребение 4 было перекрыто двумя последними, при этом плиты ящика были впущены в материк. Все погребения одиночные, ориентировка ЮЗ, кувшины расположены в ногах погребенных (пп. 1 и 4) или в районе колен (пп. 2 и 3). В гробницах пп. 2 и 3 выявлено дно, сложенное и нескольких плит.

Таким образом, погребения в каменных ящиках к. 7 совмещают черты, характерные для памятников первой половины XIV в. (одиночное погребение, наличие дна у гробниц), а также характерные признаки погребений второй половины XIV в. (ориентировка в западном секторе, погребения в каменных ящиках в могильной яме, а также впускные, размещение керамических сосудов в ногах погребенных). Особое внимание следует обратить на п. 1, в гробнице которого была выявлена погнутая сабля (Рис. 13,2). Преднамеренная порча оружия не свойственна ингумационному погребальному обряду и, напротив, является отличительным признаком обряда кремаций. В этом случае нахождение в каменном ящике погнутой сабли не только указывает на более раннюю дату комплекса, но и на связь погребенного с носителями обряда кремаций, на преемственность отдельных черт кремационного обряда. Близкую картину погребение 1 из к. 6 мог. Первомайский 1 (Крымский район, Закубанье) (раскопки И.В. Волкова 1998) – курган окружен кромлехом из поставленных под углом камней, при мужском скелете погнутая сабля (Волков И.В., 2000А. Л. 117. Рис. 123–124).

Укажем также, что сильно гнутые или же поломанные сабли, погнутые наконечники копий, а также сильно обгоревшие деревянные или керамические сосуды выявлены погребениях Келийского могильника XIII–XIV вв. горной Ингушетии, для населения которой обряд преднамеренной порчи инвентаря не характерен (Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2010. С. 99). Появление этого обряда в горах Восточного Придарьялья исследователи объясняют инфильтрацией тюркоязычных кочевников, известных по фольклорным данным как «борганы» (Нарожный Е.И., 2004. С. 193-200; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2010. С. 99).

Как представляется, все погребения кургана №7 могильника Кабардинка – и кремационное, и ингумационные – могли принадлежать родственникам.

Материалы биритуального могильника Керченская щель позволяют датировать ингумационные погребения этого памятника. Все погребения носят черты переходного характера: каменные ящики выявлены в трех курганах, при этом в к. 3 и к. 9 было по одной гробнице, содержавшей одиночные погребения, а в к. 7 выявлено три каменных ящика, два из которых содержали по 1 скелету, еще в одной гробнице было 2 погребенных. Преобладает СВ ориентировка, в том числе и в «парном» захоронении. В одиночном детском погребении к. 9 ребенок был ориентирован головой на СЗ. Все ящики впущены с уровня древнего горизонта в неглубокие (до 0,35 м) ямы. Обкладки курганов – из плит, поставленных на ребро, а в к. 9 (1) Кувшины в ногах. У каменного ящика с детским погребением (к. 9) было дно.

Ингумационные погребения впускались в курганы с кремациями. В погребений из к.3 мог. Керченская щель было выявлено подзахоронение кремационного погребения в каменный ящик – ноги погребенного в каменном ящике были обсыпаны пеплом (Аханов А.А. Ф. 35, Оп. 1939. №81. Л.2), что является еще одним свидетельством постепенного изживания

обряда кремаций и замены его ингумациями в каменных ящиках. Аналогия – в Гостагаевском погребении (район Анапы).

К этому же времени можно отнести раскопанные А.Н. Казнаковым погребения в Геленджике. В кургане с обкладкой из камней, поставленных на ребро, в восточной поле, выявлено два каменных ящика. В первом – два скелета, захоронения произведены в разное время, ориентировка ССЗ, наконечник копья типа пики, топор с длинным лезвием. Во втором ящике – погребенная женщина, ориентировка СВ, в ногах кувшин. (Казнаков А.Н., 1909. Дело №24-09).

В отличие от Ново-Михайловских погребений в каменных ящиках, для которых «работают» такие хронологические признаки, как северная ориентировка, расположение кувшина в изголовье погребенного, для геленджикских каменных ящиков – «работают» не всегда. Объяснение, на наш взгляд, в том, что «контрпризнаки»: западная ориентировка, расположение кувшина в ногах появились в районе Ново-Михайловки позднее и вытеснили прежние традиции, а в окрестностях Геленджика эти две традиции (с северной и западной ориентировкой) сосуществовали какое-то время.

Особенности инвентаря этой группы: находки предметов вооружения многочисленны и разнообразны (присутствуют топоры, копья, сабли, наконечники стрел). Возрастает число находок зеркал – 3 шт. Зеркала в виде диска с рельефным ободком и петлей в центре, орнаментированное композицией в виде четырех симметрично расположенных рельефных овалов. Вещевой набор синхронных кремационных и ингумационных погребений не отличим.

Третья хронологическая группа – памятники второй половины XIV в. (Тонкий мыс, Кабардинка (раскопки Даринского), 2,5 версты от Геленджика (Мерс К.К., 1909), Кабардинка (северо-западная часть могильника) (Носкова Л.М., 2010. С. 184. Рис. 1). Для них характерны подкурганные погребения,

каменные ящики впущены в ямы, расположенные в центре кургана, гробницы многократно используются для новых захоронений, при этом уже имеющиеся в ящиках кости сдвигаются в сторону. Абсолютно преобладает ориентировка в западном секторе, кувшины размещаются в ногах. Курганы поздней группы, как правило, не имеют каменной обкладки по основанию (Тонкий мыс, Кабардинка).

Показательный пример – могильник Кабардинка (Носкова Л.М., 2010. С. 167–200). Более ранние комплексы располагались вместе с кремационными погребениями, тогда как погребения третьей хронологической группы примыкали с северо-запада к основной части кремаций и составляли *моноритуальную часть могильника*. И дело тут не в том, что появилось новое население – носители обряда плитовых захоронений, а в том, что могильник продолжал свой естественный рост, в данном случае, в западном направлении – от моря, но обряд уже изменился: ингумации полностью сменили кремации.

Особенностью могильников с каменными ящиками III хронологической группы района Геленджика является общая ориентировка нескольких ящиков, располагающихся под одной насыпью (гробницы расположены параллельно друг другу). Для могильников с каменными ящиками района Новороссийска этот признак строго не выдерживается – гробницы под курганной насыпью располагаются и параллельно, и перпендикулярно, и по касательной.

Особенностями *вещевого комплекса III хронологической группы* могильников с каменными ящиками района Геленджика является довольно малое число предметов вооружения, а также отсутствие предметов конской упряжи, и, напротив, обилие керамических сосудов местного производства, в первую очередь, кувшинов.

Маркируют памятники этого хронологического горизонта сабли с равномерно изогнутым клинком, перекрестием с оттянутыми вниз изогнутыми асиссетричными усами, раскованными на концах в ромбы,

калачевидные кресала: с длинным язычком, сомкнутыми прямыми или завернутыми в завитки концами, отогнутыми наружу, длина кресала больше высоты; с длинным язычком, разомкнутыми асимметричными концами, один из которых завернут в завиток, другой – прямой или заострен, стеклянные стаканы с воронковидно вогнутым дном, прямыми, расширяющимися к устью стенками и эмалевой с золотом росписью, спиральные кольца в 1,5 оборота, бубенчики сферической формы и горизонтальным швом и прорезью, ногтечистки и копоушка. Характерны для этого периода и региона красноглиняные кувшины с крученой ручкой, в т. ч. с четырьмя противопоставленными сливами. Для питовых погребениях района Геленджика третьего хронологического периода выявлены не только пружинные, но и шарнирные ножницы.

Памятники окрестностей **Новороссийска и Анапы** традиционно объединяются исследователями в одну группу. На наш взгляд, накопленные к настоящему времени материалы не только позволяют, но и делают предпочтительным разделение могильников с каменными ящиками района Новороссийска и района Анапы в две различные группы памятников.

В отличие от окрестностей Геленджика и Ново-Михайловского, где на протяжении всего средневековья традиция погребения по обряду трупоположения существовала непрерывно, в районе Новороссийска и Анапы число ингумаций резко уменьшается на рубеже VII–VIII вв., когда в этой части Причерноморья (а также в степном Закубанье) распространяется новый обряд – грунтовых кремационных погребений.

В окрестностях Новороссийска *ингумационный обряд* фиксируется только с половецкого времени, когда в регионе распространяются *кочевнические* памятники. Подавляющую часть ингумационных погребений, известных в этом регионе Северо-Восточного Причерноморья с XI в. и вплоть до начала XIII в., составляют захоронения кочевников половецкого племенного союза, а также погребения со смешанными признаками

погребального обряда кочевников и местного оседлого населения, основную массу которого по-прежнему составляли носители обряда кремации.

Археологические материалы показывают, что каменные ящики появляются в окрестностях Новороссийска только с XIII в. До этого взаимопроникновение погребальных обрядов половцев и носителей обряда кремаций происходило на протяжении не менее 150 лет. Археологические материалы могильника на горе Сапун ярко демонстрируют не только заимствование местным оседлым населением черт кочевнических обрядов, но и обратные процессы, когда кочевнические погребения содержали черты кремационного обряда. Так, влиянием кремационного обряда, возможно, объясняется отмеченный Рубруком обычай северокавказских команов хоронить родственников вместе (Путешествия.., С. 108; Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 161). В этой связи укажем на погребение в глубокой яме с заплечиками вдоль длинных стен трех взрослых человек – двоих с ориентировкой ЮЮВ, последнего – головой на ССЗ в кургане 20 могильника на г. Сапун (Дмитриев А.В., 1986. Л. 53, рис. 215).

В районе Анапы этнокультурная ситуация иная: здесь известно об ингумационном грунтовом могильнике, где В.Г. Тизенгаузен доследовал каменную гробницу, из которой происходит серебряное кольцо и золотая монета Льва III (717–741) (Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. С.199). Затем ингумационный обряд в этой части побережья фиксируется вновь только с XI в. Четыре детских погребения с положением вытянуто на спине и западной ориентировкой грунтового могильника Андреевская щель (под Анапой), датируются XI в. и выявленны вместе с урновыми кремациями (Новичихин А.М., 1993, с. 76). Эти ингумационные погребения связываются с этнической группой носителей обряда кремаций.

Письменные источники указывают на присутствие в середине X в. в Нижнем Закубанье зихов, с которыми в этом регионе могла распространяться традиция ингумационных погребений, но памятники, которые можно было бы достоверно связать с этим населением, пока не выявлены.

Другое очень важное отличие погребальных традиций населения района Новороссийска и жителей района Анапы проявляется в распространении курганного обряда: в XIII в. курганы распространены только в предгорьях Новороссийска, в равнинных районах Анапы синхронные погребения под курганными насыпями, которые можно было бы связывать с местными оседлыми племенами, не известны. На равнине вплоть до начала XV в. сохраняется традиция захоронения умерших на грунтовых могильниках, где могилы располагаются четкими рядами, близко друг к друг, часто впритык, сохраняют общую ориентировку (превалирует ЮЗ).

С XIV в. появляется особая подгруппа памятников, совмещающая характерные признаки погребальных обрядов обоих районов: каменные ящики особой конструкции, распространенные в районе Анапы, и признаки, характерные для могильников с каменными ящиками района Новороссийска: подкурганный обряд, различную ориентировку погребений под одной насыпью, подпрямоугольные каменные оградки, ориентированные углами по сторонам света вокруг курганов.

Район Новороссийска

Этот район отличается, пожалуй, наибольшим разнообразием памятников. Погребения в каменных ящиках – и подкурганные, и грунтовые (Цемдолинский на пашне –? (Армарчук Е.А., Млышев А.А., 1997). Выявлены в насыпях с различными типами околокурганных обкладок. Плитовые гробницы расположены в могильных ямах, на уровне древнего горизонта, впускные в насыпях. Ориентировка северная, южная, западная, восточная. В одной гробнице один или несколько скелетов. Ящики впущены в курганы с кремациями или другими типами погребений, под одной насыпью – два и более каменных ящиков: так, в к. 21 могильника Сапун Гора выявлено 6 гробниц (Дмитриев А.В., 1986А. Л. 28–32). С другой стороны, известны случаи, когда курган был возведен специально для одного умершего, т.е. случай одиночного погребения в каменном ящике под индивидуальной

насыпью – Южная Озерейка 1/1, Сидоренкова щель 5/1 (Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018. С. 444–445). Гробницы располагались как в центре кургана, так и в стороне от центра. Несколько гробниц под одной насыпью могли не сохранять общей ориентировки: известно как параллельное расположение ящиков, так и нахождение гробниц «по периметру» кургана. Положение кувшинов – в головах и ногах погребенных. И, наконец, известны погребения в каменных ящиках, сопровождавшиеся конским захоронением. Своеобразен и погребальный инвентарь плитовых гробниц, в состав которого входят предметы конской упряжи, монеты, большее количество находок зеркал приходится именно на это район (19 шт), шарнирные ножницы по числу превалируют над пружинными, много сабель (больше, чем в могильниках других районов СВ Причерноморья), сравнительно мало наконечников копий (паспортизированные находки нам не известны, несколько наконечников копий из случайных сборов хранятся в Новороссийком музее), своеобразна керамика: много крымского импорта – особенно поливной посуды (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2017. С. 499–512), при этом сравнительно мало керамики в каменных ящиках ранней группы (XIII в.).

Известен моноритуальный могильник с каменными ящиками – Южная Озерейка, датируемый концом XIV–XV вв. (Дмитриев А.В., 1974А).

Обряды и традиции смешивались здесь, с одной стороны, порождая обилие вариантов, а с другой, постепенно нивелируясь, формировали гибридный и «универсальный» вариант. В качестве примеров упомянем проникновение признаков кочевнического обряда в традиции местного населения. Так, отдельные кремационные урновые захоронения могильника на г. Сапун сопровождали каменные стелы (к.5), такие же стелы стояли в головах каменных ящиков. В кургане 21 выявлена кремация в яме с подбоем, перекрытой каменными плитами (Дмитриев А.В., 1985А. № 10760).

Главное, следует подчеркнуть, что появившийся в районе Новороссийска в XIII в. обряд ингумационных захоронений в каменных

ящиках наслаивается на распространенный в регионе обряд кремаций, погребальные обряды кочевников половецкого племенного союза, а также на многообразные формы взаимопроникновения этих двух традиций.

Появление в регионе носителей обряда погребения в каменных ящиках ярко демонстрируют материалы могильника Сидоренкова щель (Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018. С. 444–447).

На материалах могильника четко выделяются две погребальные традиции: подкурганные одиночные погребения в грунтовых ямах, в гробах; одиночные погребения в каменных ящиках. Во всех курганах за исключением к.5 погребения в каменных ящиках – впускные, что указывает и на хронологическую разницу (каменные ящики позднее), и на различный этнокультурный состав оставившего могильник населения.

Целый ряд черт погребений в ямах в гробах находят аналогии в захоронениях кочевников золотоордынского времени: ровики вокруг индивидуальных курганов, подпрямоугольные околокурганные каменные оградки, ориентированные углами по сторонам света, каменные наброски над могилами, ямы с заплечиками (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 124; Нарожный Е.И., 2005. С. 127-162; Атавин А.Г., 2008. С. 88; Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. С. 187,190,199,202; Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010а. С. 115, 118).

Ряд погребений позволяет говорить о смешении черт обеих традиций: например, в к. 7 подросток был захоронен в гробу, впущенном в каменный ящик; в погребении ребенка (п. 1 к. 10) находилась керамическая кружка, но за пределами гроба.

При значительной однородности вещевых находок можно отметить заметные различия в составе инвентаря двух групп погребений. Так, 4 из 5-ти керамических сосудов выявлены в каменных ящиках. В этих погребениях сосредоточено большинство находок проволочных спиральных колец. Находки бус единичны (Рис. 1Б). Зеркала обнаружены только во второй группе погребений – в грунтовых ямах, вещевой комплекс которых имеет

более выраженный «степной» облик: в его состав входили орнаментированные накладки на лук, костяная цурка, лазуритовая подвеска (Рис.1А); в женских погребениях этой группы выявлены ожерелья из бус, а также височные кольца из позолоченной бронзовой полой трубки, обычно соотносимые с кочевническими украшениями (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. С. 46).

Погребальный инвентарь позволяет сузить датировку могильника до конца XIII – первой половины XIV в.

Археологическую картину района Новороссийска еще больше усложнило связанное с монгольским завоеванием появление здесь в начале XIII в. носителей новых погребальных обрядов из среды кочевников, выразившееся в частности в многообразии ориентировок подкурганных захоронений, зачастую сопровождающихся конским захоронением.

Так в к. 25 могильника на г. Сапун выявлено погребение близкое к типу ЗІ, фиксируемому в материалах восточноевропейской степи только с золотоордынского времени (IV период) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 128, 150-151): погребение человека было совершено в глубокой яме, заполненной камнями, ориентировка погребенного южная, над ним и к западу – костяк лошади, черепом на юго-запад (Дмитриев А.В., 1986. Л. 75, рис. 303). Не противоречат датировке этого комплекса первой половиной XIII в. и находки: удила типа БІ-2б и стремена типа ІІІ-1 (Армарчук Е.А., 2006. С. 48-49).

Мужчина из погребения 2 кургана 11 этого могильника также ориентирован головой на юг. Справа от него находилась сабля, в ногах сложенная кольчуга (Дмитриев А.В., 1986. Л. 75, рис. 52-53).

Южная с отклонением к юго-востоку ориентировка у погребенного мужчины и маленькой девочки из каменного ящика 3 кургана 14 могильника на г. Сапун (оба захоронения одновременны или с незначительным временным разрывом). При мужчине слева сабля. К северу от него в отдельной яме и ниже – погребение лошади, череп также обращен на ЮЮВ.

При лошади, помимо предметов упряжи, также находилось вооружение хозяина – колчан со стрелами, кольчужный шлем. По удилам типа БІ-2б (Армарчук Е.А., 2006. С. 48–49. Рис. 26, 4) и стременам типа IV-5 (Армарчук Е.А., 2006. Рис. 19,4) погребение датируется XIII в. (Армарчук Е.А., 2006. С. 32, 48, 146).

При всей этой сложной, открытой и динамично изменяющейся этнокультурной картине с XIII в. четко прослеживается тенденция вытеснения обряда кремаций ингумационными погребениями, в том числе в каменных ящиках.

Кочевники, в свою очередь, воспринимают обряд погребений в каменных ящиках. Самым ярким примером является парное двухъярусное с северо-западной ориентировкой погребение в пос. Мысхако (Дмитриев А.В., 1978А. Л. 9). Верхнее погребение лучника было покрыто кожей и лежало на слое березовой коры, под которым тоже зафиксирована кожаная прослойка (возможно, находилось в «кожаном мешке»). Лук справа и колчан с деревянной тыльной и берестяной лицевой с костяными орнаментированными накладками сторонами были помещены поверх кожаного «покрывала». Нижнее женское погребение сопровождалось тремя ножами, серебряными спиральными височными кольцами, хрустальными гранеными и округлыми пастовыми и гагатовыми бусами, бубенчиком с ребром и ногтечисткой. В изголовье в кожаной сумке находился самшитовый двусторонний гребень с циркульным орнаментом, а также точеная деревянная шкатулка (Армарчук Е.А., 2003. С. 224). Еще одним примером является плитовое погребение кочевника со стрелами и деревянным колчаном с накладками «кипчакского» типа, орнаментированными зооморфной гравировкой, заполненной черной пастой (Сизов В.И., 1889. С. 74; Армарчук Е.А., 2003. С. 224. Таб. 102: 24–27).

Можно выделить две ***хронологические группы*** погребений в каменных ящиках района Новороссийска.

К ранней группе относятся погребения второй половины **XIII в.:**

Погребения к. 5 могильника Лобанова щель (Рис. 72-75). По основанию кургана выявлена обкладка из поставленных на ребро плит. Центральным комплексом в этом кургане было урновое кремационное погребение 7. Помимо него, было выявлено еще восемь погребений: 1,6 – кремационные, 2-5,8,9 – ингумационные, причем все – детские. Безынвентарное детское погребение 5 было перекрыто кремационным погребением 6.

Погребения 2,3,4 совершены в ямах, стенки которых обложены плитами, имитирующими ящик. Ориентировка умерших различная – СЗ, ЮЮВ, ССВ.

В погребении 3, ориентировка подростка ЮЮВ, выявлена костяная пуговица – петелька в форме плоского треугольника, вершиной к шарику, с просверленным отверстием. Высота 1,3 см, диаметр шарика – 0,7 см (Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 221, рис. 10,8). Аналогии в кочевническом погребении Малаи I - 13/2 конца XIII – первой половины XIV в. (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. С. 125, 150. Рис. 25,2; 52,1). Близкий бронзовый аналог происходит из воинского комплекса второй половины XIII–XIV в. (Горелик М.В., 2008. С. 144) Дмитриевская-I-82 – 4/1 (Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003. Рис. 5,10).

Два сосуда из погребения 4 находились в районе черепа погребенного (ориентировка ССВ). В этом погребении выявлена подвеска из ручки сосуда зеленоватого стекла с характерной петелькой и волнистыми налепами. Аналогичные сосуды происходят из памятников XII – XIII вв.: к. 3 у Ногай-Кале (Сизов В.И. Оп. 359, инв. № 97-98; Армарчук Е.А., 2003. Таб. 97,7), Шебш 2 (Успенский П.С., 2015. С. 118. рис. 37, 4). В составе ожерелья из погребения 4 к. 5 могильника Лобанова щель находилась ребристая бусина из белого глухого стекла (Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 221, рис. 11,5). Здесь же выявлены округлая сердоликовая бусина, две зонные глухого голубого стекла, подвеска из раковины каури (Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 221, рис. 11,3, 6-8).

Сосуды из погребения Лобанова щель 5-4: В районе правого плеча погребенного – лепной сосудик с цилиндрическим туловом, плоским дном с «рантиком» незначительным выступом. Небольшой кувшин с обломанным венчиком. Тулово округлое, дно плоское, на слабовыраженном поддоне. Петлевидная ручка овального сечения – от плеча до верха горла.

Признаками, отличающими *более ранние погребения* в каменных ящиках от плитовых ингумаций XIV в. можно считать: одиночные погребения, в том числе «двухэтажные» одиночные погребения (Сапун 21/4; 23/1), ориентировку не в западном секторе, нахождение сосуда в изголовье. Отдельно отметим редкие признаки, которые встречаются только в первой хронологической группе погребений: «недостроенность» гробниц, незавершенную конструкцию ряда гробниц. Примером является впущенный в курган с основным кремационным погребением и захоронением лошади каменный ящик погребения 2 к. 4 мог. Мысхако, у которого отсутствовали торцевые стенки (Федоренко Н.В., 1992А).

К группе плитовых захоронений первой половины XIV в. относятся:

Погребение 2 к. 5 могильника Лобанова щель (Рис. 73,2). Ребенок лежал вытянуто на спине с СЗ ориентировкой, руки вытянуты вдоль тела. У его правого тазобедренного сустава находился сосуд – небольшой одноручный кувшинчик со сливом на себя. В районе левого тазобедренного сустава лежал железный черешковый нож (Рис. 74, 4,7).

К. 1, п. 1 Цемдолинского могильника. Одиночное, кувшин в ногах, ЮЗ ориентировка, каменный ящик в центре кургана 1. Этой датировке по особенностям погребального обряда не противоречат находки: калачевидное кресало с невысоким плавно закругленным язычком посреди ударного лезвия и с асимметричными концами – коротким заостренным и длинным, закрученным в завиток.

Концом XIII – первой половиной XIV в. датируются девять погребений в каменных ящиках Цемдолинского могильника на пашне. Часть из них (пп.

2,32,34,40,44) ранее исследователями были отнесены к концу XII–XIII вв. (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 109), что делало эти комплексы самыми ранними погребениями в плитовых гробницах на Северо-Восточном Причерноморье в предмонгольское время. Однако узко датирующие предметы погребального инвентаря (сабля с асимметричным перекрестием, полусферический шлем из 4-х клиньев, кольчатые, круглой формы с уплощенной с боков дужкой и узкой овальной сильно выгнутой подножкой) получают широкое распространение в регионе на рубеже веков и в первой половине XIV столетия.

На сегодняшний день можно утверждать, что погребения в каменных ящиках XII в. и, по-видимому, первой половины XIII в. в районе Анапы – Новороссийска не известны.

Погребения Цемдолинского могильника на пашне – грунтовые, но, как указывают исследователи, первоначально над ними могли быть насыпи (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 92), и в обобщающем труде этот могильник рассматривается в числе курганных биритуальных (Армарчук Е.А., 2003. С. 221-222). Ориентировка погребенных – в западном секторе. Четыре погребения индивидуальных, пять каменных ящиков содержали по два скелета. В каменном ящике к. 34 горшок выявлен у правого колена погребенной.

Вторую хронологическую группу погребений в каменных ящиках характеризуют преобладание таких признаков, как одиночные погребения с ориентировкой в западном секторе, положение сосуда в ногах, в т.ч. в районе коленных суставов.

К самой поздней – погребения второй половины XIV – начала XV в. на основе погребального инвентаря, содержащего нумизматические находки XIV–XV вв,. относятся разрушенные погребения могильника Южная Озерейка.

Курган 1 могильника Лобанова щель (Рис. 76,1): под насыпью два каменных ящика, ориентированных ЗСЗ–ВЮВ, в первой гробнице – останки двух взрослых людей, ориентировка ЗСЗ. Особенностью ящика – щели на стыках плит тщательно заделаны мелкими камнями и щебнем, специальной обработки плит гробницы не зафиксировано. В заполнении ящика обнаружены кольчатые шарнирные железные ножницы, железное навершие рукояти сабли. Вторая гробница разграблена. В грабительском отвале фрагменты ножей и темно-синяя бусина с белой, желтой, зеленой, голубой и красной крошкой (Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 215, 225, 231).

Курган 2 могильника Лобанова щель (Рис. 76,2): каменный ящик окружала каменная оградка, сооруженная из поставленных на ребро камней, ориентированная углами по сторонам света. Внутри гробницы – останки трех взрослых и одного ребенка. Ориентировка скелета in situ – ЗСЗ. Инвентарь представлен наконечниками стрел.

Курган 3 могильника Лобанова щель (Рис. 76,3): каменный ящик окружала каменная оградка, сооруженная из поставленных на ребро камней, ориентированная углами по сторонам света. В углах ограды установлены высокие стелы, в ЮВ углу между плитами оставлен широкий (1,6 м) разрыв. Внутри ограды – три каменных ящика, ориентированных ЗСЗ–ВЮВ. Внутри северной гробницы – останки взрослого человека, ориентированного на З. Вместе с ним найден наконечник сабельных ножен в виде глухой овальной в сечении цилиндрической обоймы, чуть зауженной книзу. На нижней части наварен проволочный орнамент – зигзаг между параллельными линиями (Аналогичный наконечник с таким орнаментом и фигурным вырезом – к. 13, п. 2, каменный ящик. Сидоренкова щель). Железное калачевидное кресало с высоким язычком смыкающимся с ветвями.

Второй каменный ящик содержал останки двоих взрослых и одного ребенка. В заполнении – аналогичный наконечник ножен, но без орнамента.

Южная гробница предназначалась ребенку, кости которого грабители сбросили во второй каменный ящик. Погребение полностью разграблено.

Планиграфия оградки кургана позволяет предполагать, что это погребение было совершено последним и для сооружения третьего каменного ящика южная стенка ограды передвигалась.

Курган 4 также ограблен. Насыпь (рис. 76,4) окружена каменной обкладкой из уложенных плашмя камней, иногда в несколько ярусов. Заметно скруглена в ЮЗ части, хотя углы – северный, восточный и южный – читаются. В центре обкладки – одна гробница, ориентирована ЗСЗ–ВЮВ. В заполнении обнаружено несколько разрозненных костей взрослого человека, а также обломок дисковидного литого зеркала. Кроме того, в погребении обнаружен фрагмент пружинных ножниц для стрижки овец. Несмотря на то, что находки устанавливают довольно широкую датировку кургана, в качестве позднего хронологического признака следует рассматривать особенности обкладки кургана.

Итак, *самую позднюю группу погребений в каменных ящиках* района Новороссийска отличает нахождение в одной гробнице нескольких погребенных, захороненных в разное время, ориентировка в западном секторе, положение сосуда в ногах.

Этот вывод подтверждают датировки детально исследованных подкурганных погребений в каменных ящиках Цемдолинского могильника (Армарчк Е.А., Дмитриев А.В., 2014) и кургана 37 могильника Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 168–210).

Особенностью появления в районе Новороссийска погребений в каменных ящиках было то, что здесь этот обряд в XIII в. оказался привнесенным. При этом в отличие от района Геленджика, где признаки погребального обряда кочевой степи наслаивались на основу, представленную многовековым сосуществованием двух традиций – грунтовых кремационных погребений и ингумаций в каменных ящиках, в районе Новороссийска обряд захоронения в плитовых могилах проникал в регион с двухсотлетним без малого взаимодействием обычаев носителей обряда кремаций и кочевников половецкого племенного союза. С

последними связывают воинские захоронения в колодах и гробах с восточной и западной ориентировкой, с набором вооружения (стрелы, сабли, шлемы и т.д.) и сопутствующим погребением лошади (Армарчук Е.А., 2001. С. 39).

Могильники Анапы – Раевской – Гостагаевской

Четвертая локальная группа каменных ящиков – могильники Анапы – Раевской – Гостагаевской. Эта группа включает две подгруппы памятников: *курганные могильники* у станицы Раевская и Натухаевская (Сизов В.И., 1889. С. 81, 87–89) (Рис. 77), разрушенный могильник Куматырь (Новичихин А.М., 1996. С. 119-122), позднюю группу погребений могильника Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 168–213) и грунтовые могильники у станицы Гостагаевская (Алексеева Е.М., 1993А.), на поселении Жукова (Нечипорук А.А., 2012А), Псебепс 3 (Красильникова Л.И., 2017А), Бедричка (Дружинина И.А. и др., 2017. С. 278–283) (Рис. 78). При очевидном различии обрядовых особенностей двух подгрупп памятников (грунтовые – подкурганные) две эти подгруппы могильников объединяют своеобразные для Северо-Восточного Причерноморья конструктивные особенности выявленных в них каменных ящиков. Помимо того, при некоторых различиях в составе погребального инвентаря грунтовых и подкурганных погребений в каменных гробницах района Анапа–Раевская–Гостагаевская (в частности, в грунтовых могилах предметы вооружения представлены минимально, в курганах оружия больше), совокупный состав вещевого комплекса обеих подгрупп резко выделяется на фоне материалов плитовых могил района Новороссийска, Геленджика и Ново-Михайловского.

Курганные и грунтовые погребения группы могильников Раевская – Гостагаевская составляют также единую хронологическую группу памятников – второй четверти XIV в. – начала XV в.

Одной из особенностей отличающих подкурганные плитовые могилы района Анапы – Раевская – Гостагаевская от остальных могильников с

каменными ящиками Северо-Восточного Причерноморья являются каменные оградки подпрямоугольной формы, углы которых ориентированы по сторонам света (Рис. 77,1). Оградки сооружались из поставленных на ребро камней и не примыкали к насыпям (как традиционные для этого региона конструкции – каменные обкладки, окружавшие курганы по основанию) или грунтовым погребениям, а отстояли от них на некотором расстоянии. Эти оградки выявлены в могильниках у станицы Натухаевская (Сизов В.И., 1889. С. 85), Лобанова щель (Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002), Бедричка (Дружинина И.А. и др. 2017: 332). Подпрямоугольные оградки, в том числе ориентированные углами по сторонам света, известны в памятниках кочевников Западного Казахстана второй половины XIII–XV в. (Кокебаева Г.К., 1980. С. 98-99) и более поздних (XIV–XVI вв.) подкурганных погребениях Семиречья (Максимова А.Г., 1968. С. 155–158).

В отличие от погребений окрестностей Новороссийска, Геленджика и Ново-Михайловского с гробницами, составленными из необработанных плит дикого камня, каменные ящики из могильников группы Анапы–Раевской–Гостагаевской изготовлены из белого камня (ракушечника) и с особой тщательностью: плиты подтесывали, выравнивали, для плотной стыковки в них выбивали пазы глубиной до 10 см, стыки плит обмазывали глиной; на внутренней поверхности отдельных плит прослежены следы побелки известью.

В погребениях Лобанова щель 37/1,2 зафиксирована та же особенность: с внутренней стороны углы гробницы были обмазаны глиной, на внутренней поверхности отдельных плит прослежены следы побелки известью (Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 170).

В гробницах находилось от одного и более погребенных, уложенных преимущественно головами на запад и юго-запад, вытянуто на спине. В ряде случаев на дне каменных ящиков выявлена подсыпка из песка. В некоторых каменных гробницах зафиксированы остатки деревянных погребальных сооружений.

Северокавказские аналогии обряда обнаруживаются на территории Северной Осетии. Так в могильнике на холме Бузуни-Хума (Махческ) каменные ящики располагались очень плотно, в ряде случаев в несколько ярусов. Ящики по материалу и особенностям конструкции делятся на две группы: сложенные из длинных тонких плит песчаника и из отдельных, скрепленных известковым раствором камней или массивных, пригнанных друг к другу каменных плит. Перекрытия ящиков: из большого количества тонких небольших плит, уложенных одна на другую; из 2-3 плит правильной четырехугольной формы, плотно прилегающих друг к другу; из одной массивной многогранной плиты. Внутри каменных гробниц зафиксированы деревянные гробовины в виде ящиков (Гиджрати Н.И., Тменов В.Х., 1988. С. 173, 176. Рис. 1,1).

Но более близкие, в том числе и территориально, аналогии эти особенности погребальных конструкций каменных гробниц группы Анапы–Раевской–Гостагаевской обнаруживают в погребениях средневековых могильников Таманского полуострова (Чхаидзе В.Н., 2004; Чхаидзе В.Н., 2006. С. 54, 55) и Крыма (Макарова Т.И., 1998. С. 365-382; Майко В.В., 2007).

Так, каменные ящики кладбища около церкви Иоанна Предтечи в Керчи сооружены из плит белого камня (ракушечника). К числу особенностей следует отнести заполнение (обмазку) швов между камнями белым известковым раствором, а также тщательность в изготовлении ящиков – они составлены из тесанных плит, подогнанных впритык. Ящики содержали от одного до шести погребенных, уложенных головами на запад, юго-запад, вытянуто на спине, руки сложены на груди, или правая на груди, левая – протянута вдоль тела. Погребения часто перекрывались камкой, или дно посыпалось песком (Макарова Т.И., 1998. С. 366–381).

Инвентарь погребений XIII–XIV вв. у церкви Иоанна Предтечи, при том, что почти все могилы были ограблены в древности (Макарова Т.И., 1998. С. 379), а также ряда могильников Судакской долины практически идентичен находкам из могильников района Анапы–Гостагаевской–Раевской. Прежде

всего, это сходство проявляется в присутствии специфических типов украшений (лазуритовых подвесок, вставок перстней, плетенок в виде подвесок и шнурков с узелками из нитей или тонкой полоски кожи, на которую плотно намотана шелковая нить или канитель), сходном наборе бус, единообразии типов височных колец с ажурной напускной бусиной, пуговиц (штампованных полых с пояском и без, с шариками зерни и без, ажурных и гладких), колец, и даже в обнаружении такой необычной для кавказских памятников находки, как керамическая писанка, ближайший аналог которой происходит из погребения могильника Судак II (Майко В.В., 2007. С. 75-76).

Относительно состава населения, оставившего керченские погребения, Т.И. Макарова указывала на его неоднородность и несомненное присутствие наряду со значительным греческим этнокомпонентом Боспора, а также элементами местной этнической среды, тюркоязычных кочевников XII–XIII вв. (Макарова Т.И., 1998. С. 381).

Заметки на полях Сугдейского Синаксария содержат сведения об активном проникновении золотоордынской элиты во все сферы светской и духовной жизни Сугдеи: «Все городские севасты (правители) с конца XIII в. носили традиционные для кочевников или двойные, смешанные с греческими, имена, а также были родственниками вчерашних кочевников. Монголы и тюрки были городскими священниками (или состояли с ними в родстве), церковными служителями и монахами. Та же картина наблюдалась и среди рядового православного населения Сугдеи» (Малышев А.Б., 2013. С. 146-147). Аналогичные процессы тюркского проникновения в греко-православную среду – городскую и сельскую, дворцовую, военную, ремесленную и крестьянскую – протекали в XIII–XV вв. и на другой стороне Черного моря, в Трапезундской империи (Шукуров Р.М., 1995. С. 68-103).

В эту картину органично вписываются археологические материалы погребальных памятников с каменными гробницами района Анапы–Гостагаевской–Раевской, которые демонстрируют результат процессов седентеризации и христианизации кочевников и формирования в Нижнем

Закубанье полиэтничной среды, включающей, помимо тюркского населения, по меньшей мере, представителей местных зихских племен, а также аланский компонент, что показали антропологические исследования материалов могильника на поселении Жукова (Батиева Е.Ф., 2011. С. 166–167; Дружинина И.А., 2016. С. 213–214) и, по всей видимости, греческое население, на что уже ранее обращали внимание исследователи (Новичихин А.М., 2006. С. 148).

Вывод о присутствии выходцев из тюркской кочевой среды в составе полиэтничного населения левобережья нижней Кубани подтверждает и облик инвентаря погребений в каменных ящиках могильников района Анапы–Гостагаевской–Раевской, в котором в большей степени ощущается влияние кочевой степи (наличие лазуритовых и гагатовых подвесок, зеркал, шарнирных ножниц, гребней). Интересна находка костяной рукояти ножа с искусно выполненной фигуркой зверя (барсука-?) из могильника на поселении Жукова (Ларенок, П.А., Нечипорук, А.А., 2012. С. 348, Рис. 1,1). По стилю оформления этой находке очень близки костяные спицы из могильника Маячный бугор, на верхних концах которых вырезаны фигурки соколов (Васильев Д.В., 1998. С. 105-112, Рис. 4,5).

Особо отметим наличие в материалах могильников у станицы Гостагаевская и Лобанова щель (Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С. 223) фрагментов металлических котлов – находок не типичных для погребений местного оседлого населения и, напротив, одной из наиболее выразительных в составе погребального инвентаря кочевников Степного Предкавказья, маркирующей захоронения представителей родовой и племенной кочевой аристократии (Чхаидзе В.Н., 2015. С. 280, 287).

С другой стороны, по составу инвентаря (Рис. 49; 79) погребения группы Анапа–Гостагаевская–Раевская заметно отличаются от захоронений в каменных ящиках района Новороссийска – Ново-Михайловского наличием большого количества импортов (в том числе поливной керамики и стеклянной посуды), обилием монетных находок, зеркал, поделок из кости, альчиков, ремесленных инструментов, заготовок и брака, присутствием редких или вовсе не

встречающихся юго-западнее по побережью находок наборных поясов, гребней, туалетных наборов, шарнирных ножниц, редких типов украшений: стеклянных браслетов, височных колец с зерно-сканными напускными бусинами, сережек с головой дракона, лазуритовых и гагатовых подвесок. Этот ряд продолжают и незаурядные для региона находки очелий в плитовых погребениях именно группы Анапа–Гостагаевская–Раевская: в курганах у станицы Натухаевская (Сизов В.И., 1889. С. 83, Таб. XIII, 1) и у станицы Раевской (Сизов В.И., 1889. С. 89), а также в грунтовом погребении 5 могильника на поселении Жукова у станицы Варениковская, в 32 км к северо-востоку от Анапы (Нечипорук А.А. 2012А. Рис. 543-545) (Рис.).

Обратим внимание на довольно богатый и разнообразный погребальный инвентарь грунтовых могильников Анапы–Гостагаевской–Раевской, в составе которого по минимуму представлены предметы вооружения и, напротив, в большом количестве присутствуют хозяйственные орудия и ремесленные инструменты, а главное – на обилие импортных вещей, что напрямую указывает на хозяйственную специализацию населения, занимающего одну из оживленных контактных зон Улуса Джучи, где сходились важнейшие морские и степные торговые пути Востока и Запада.

II Группа. Ингумационные погребения в деревянных погребальных конструкциях

Данная группа погребений имеет довольно узкую локализацию в границах Северо-Восточного Причерноморья – ***окрестности Геленджика***, и датированы ***XIV–XV вв.*** Представлены подкурганными ингумационными погребениями в неглубоких ямах или на горизонте, совершенными в различных деревянных конструкциях, с восточной и с западной ориентировкой.

Эта группа населения связана с племенами, оставившими белореченские курганы. К данной группе относятся могильники: у

Геленджика (Мерс К.К., 1909), поздняя группа курганов Борисовского могильника (Саханев В.В. 1914), в Геленджике на территории санатория им. М. В. Ломоносова (Дмитриев А.В., 1998А. С. 12-13).

В этом ряду поздняя группа курганов Борисовского могильника, раскопанная В.В. Саханевым 1911–1913 гг. Анализу этих материалов посвящена статья Е.А. Армарчук (2004. С. 107–118). Характеризуя погребальный обряд, Е.А. Армарчук отметила, что в отличие от большинства погребений побережья от Анапы до Геленджика XIII–XIV вв., совершенных под небольшими щебнистыми насыпями в каменных ящиках с неоднократными подзахоронениями, рассматриваемые комплексы Борисовского могильника содержали деревянные гробовища различного устройства, насыпь этих курганов состояла из земли, по подошве которых была выявлена кольцевая обкладка из каменных плит, уложенных плашмя в два–три ряда, ограниченная внешним кольцом из установленных на ребро плит. Погребенные помещались на подсыпку или древний горизонт. Умерших хоронили в положении вытянуто на спине, с протянутыми вдоль тела руками, с западной ориентировкой. Характерной чертой обряда Е.А. Армарчук называет также зафиксированное в шести случаях присутствие в погребениях глиняной посуды – кувшинов, в основном, в виде отдельных фрагментов (Армарчук Е.А., 2004. С. 107-109). Особый интерес представляет описание деревянной погребальной конструкции из к. 1: она «напоминала склеп, по длинным сторонам которого были уложены толстые плахи, по торцам плахи потоньше, а пол и перекрытие сделаны из досок» (Армарчук Е.А., С. 108-109. Рис. 1,2). На основе анализа погребального обряда и инвентаря эту группу погребений исследовательница отнесла к более позднему времени – ко второй половине XIV – началу XV в.

Е.А. Армарчук отмечает близость погребального обряда борисовских и определенной части белореченских погребений, выражающуюся в таких признаках, как индивидуальные захоронения под земляной насыпью, западная ориентировка, деревянные гробовища на древнем горизонте,

вытянутое трупоположение, отсутствие загробной пищи при наличии питья. Отличает борисовские погребения отсутствие сплошной или локальной угольной подсыпки и «подкладных» сосудов под пятки, локти и голову, характерных для белореченских, и наоборот, наличие кольцевой каменной обкладки насыпей, что не свойственно белореченским курганам (Армарчук Е.А., 2004. С. 116).

Вопрос об этнокультурной атрибуции поздней группы погребений Борисовского могильника требует особого рассмотрения. Прежде всего, следует заметить, что эта группа погребений резко выделяется из основной массы подкурганных ингумаций Северо-Восточного побережья Черного моря XIII–XV вв. Следует особо подчеркнуть, что эти гробовища являются нетипичными и для курганов Закубанья (например, в белореченских склепах нет пола). Помимо того, в погребении 114 выявлен «сильно смятый кованый котел из тонкой листовой меди с железными ушками и дужкой» (Саханев В.В., 1914. С. 155). Находки котлов не характерны для погребений местных оседлых племен и являются ярким атрибутом кочевнических погребений XII–XIV вв. (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. С. 146-147; Чхаидзе В.Н., 2015. С. 280, 287). Котел, как считается, подчеркивал высокое социальное положение его владельца. Этот предмет погребального инвентаря в домонгольское время должен был символизировать принадлежность умершего к главам кочевнических коллективов, объединявших ближайших родственников, а, скорее, к представителям родовой и племенной аристократии (Швецов М.Л., 1980. С. 200–201; Кравец В.В., 2006. С. 327; Потемкина Т.М., 2007. С. 129). Однако, вопрос о возможном статусе владельцев котлов в последующее время как представителей кочевых социальных организмов золотоордынского времени остается открытым (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. С. 147). Отметим также, что находки костяных проколок и особенно гребней для подкурганных погребений Северо-Восточного побережья Черного моря XIV–XV вв. не характерны. Все эти особенности погребального обряда и

инвентаря находят аналогии в кочевнических погребениях золотоордынского времени. С другой стороны, не свойственны погребальному обряду кочевников захоронения на горизонте или выше него – на подсыпке, зафиксированные в борисовских курганах.

Подобные поздней группе погребений Борисовского могильника памятники известны на побережье. Так, К. фон Мерс исследовал в районе Геленджика могильник, в котором также были выявлены подкурганные ингумации в деревянных гробовищах сложной конструкции (Рис. 80). Укажем, что в отличие от борисовских, погребения, исследованные К. фон Мерсом, совершены в глубоких могильных ямах, а главное, в двух курганах были выявлены захоронения лошадей. Идентичные по обряду борисовским комплексам были исследованы в 1997 г. А.В. Дмитриевым в Геленджике на территории санатория им. М. В. Ломоносова (Дмитриев А.В., 1998. С. 12-13), на что указывает Е.А. Армарчук (Армарчук Е.А., 2004. С. 116).

Представляется, что группа курганных памятников в районе Геленджика оставлена кочевым населением, находящимся на финальной стадии седентеризации.

III Группа. Ингумационные погребения без погребальных конструкций или с каменными обкладками по периметру могилы

Второй тип погребений золотоордынского периода, известных на Северо-Восточном побережье Черного моря – от района Новороссийска до р. Мзымта (район Сочи–Адлер), представлен подкурганными ингумациями, совершенными на горизонте или в могильных ямах, под небльшими земляными насыпями, окруженными каменными обкладками по основанию. В ряде случаев погребения, в свою очередь, окружены по периметру каменными обкладками. Ориентировка могил по линии В–З.

Данную группу представляют погребения могильников Носовцева Поляна 1 (Василиненко Д.Э., 2007. С. 244–274), Медовеевка–1 (Василиненко

Д.Э., 2008. С. 258–279), Азаренский–1 (к.3, к.7/2, к.9/1, к. 10/1, к. 11/1, к. 12/1,2) (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А), Дефань IV (Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2014. С. 177–185).

Преобладает ориентировка в западном секторе, погребенный Азаренский–1/11-1 был ориентирован головой на север.

В курганах могильника Носовцева Поляна 1 останки погребенных выявлены не были, комплексы были отнесены к числу кенотафов (Василиненко Д.Э., 2007. С. 265–266).

Инвентарь представлен предметами вооружения (сабли с асимметричными усами и высокими наконечниками ножен с наваренными узорами в виде волны, наконечниками копий с подтреугольными упорами, наконечниками стрел, умбонами щитов), калачевидными кресалами с высоким срединным язычком), поливной чашей с орнаментом-сграффито в виде волн и спирлей и красноглиняными кувшинами местного производства, стеклянными декантерами и кубками с воронковидным дном.

Датировка этих комплексов – XIV–XV вв. Они находят прямые аналогии в синхронных подкурганных погребениях предгорий Западного Закубанья.

Западное Закубанье

Нижнее и среднее течение Кубани (равнинная полоса)

XIV в.

Расположенные на этой территории могильники золотоордынской эпохи, грунтовые и курганные, традиционно относят к числу средневековых адыгских погребальных памятников, при этом высказываются и версии о принадлежности памятников данного региона полиэтничному по составу населению (Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017. С. 221–222; Дружинина И.А., 2018).

Рассматриваемые могильники можно разделить на две группы – это впускные погребения золотоордынского времени в курганы предыдущих эпох, а также грунтовые могильники.

К первой группе отнесены два комплекса: впускное погребение Ахтырский лиман I – 33 и погребение в кургане Иль-2.

Могильник Ахтырский лиман I расположен в районе станицы Мингрельская, Абинский район.

Погребение 33 (Рис. 81) – впускное совершено в яме, стенки ямы прямые. Ориентировка погребенного – северо-восточная, среди погребального инвентаря – стремена. В ногах, как предполагают исследователи, тлен от сбруи, кожаная сумка, в изголовье находился шлем – вся обстановка и состав инвентаря соответствует особенностям погребения кочевого воина XIII – начала XIV в. Однако, в состав вещевого комплекса (Рис. 36) входит кувшинчик из Венеции, а также не наградной поясной набор – вещи, характерные для подкурганных погребений, оставленных оседлым населением в окрестностях станицы Белореченская (Восточное Закубанье) и не характерных для погребальных памятников кочевников XIV в. Важное значение при решении вопроса об этнокультурной атрибуции погребенного авторы статьи уделяли месту расположения самого памятника – на левобережье Кубани, которую многие исследоваnели рассматривают как естественную границу между кочевым миром степей Прикубанья и оседлыми

племенами Северного Кавказа. Подытоживая анализ материалов погребения Ахтырский лиман I – 33 авторы публикации указывают: «Кочевническое по обряду, воинское по вещевому комплексу, дополненному предметами прикладного искусства, оно демонстрирует влияние белореченской культуры Северо-Западного Кавказа, хотя и не может быть отнесено к ней» (Армарчук Е.А., Сорокина И.А., С. 203).

Не останавливаясь в этом разделе на критике самого понятия «белореченская культура», отметим важное для нашего сюжета наблюдение Е.А. Армарчук и И.А. Сорокиной о двойственном характере комплекса Ахтырский лиман I – 33, который объединяет черты погребальной обрядности кочевников, обитавших в Предкавказье в золотоордынское время, и оседлых племен предгорий Северо-Западного Кавказа. Со своей стороны подчеркнем, что дополнительным аргументом в пользу атрибуции этого погребения как погребения кочевника, следует рассматривать положение шлема – в могиле он выявлен в изголовье, что соответствует кочевой традиции (*Дружинина и др.,* 2011. С. 90) и входит в разрез с обычаями оседлого населения Северо-Западного Кавказа, согласно которым шлем размещали в ногах погребенного (*Схатум*, 2005. С. 337–338).

В отсутствие заключения антрополога остается открытым вопрос, являлся ли воин выходцем из местных оседлых племен, находившимся на службе у монголов и погребенного в соответствии с традициями кочевого окружения, или же, напротив, погребение Ахтырский лиман I – 33 может не только служить иллюстрацией нахождения среди населения Закубанья кочевников, но также и восприятия им местных тадиций.

Другое погребение – в одиночном кургане Иль 2 (пос. Ильский, Северский район), датируется 2 пол. XIII – 1 пол. XIV в. (Яцук Д.А., 2013) (Рис. 82).

Погребение 1 выявлено в центральном секторе кургана, следов могильной ямы не прослежено. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Такие особенности, как западная ориентировка,

захоронение в деревянном гробу (на что указывают найденные по периметру погребения гвозди), характерный для вооружения местных оседлых племен умбон щита – свидетельствуют в пользу местного, закубанского происхождения погребенного. Но погребение – впускное и содержит предметы конской упряжи (стремена и удила). Согласно заключению антрополога Е.А. Кожиной, у погребенного не было зафиксировано следов «комплекса всадничества» или «комплекса сидения на корточках», что послужило аргументов в пользу отнесения его к группе оседлого населения (Яцук Д.А., 2013. С. 162–163).

Таким образом, оба погребения демонстрируют процессы этнокультурной метисации, имевшие место на равнинной полосе Нижнего Закубанья.

Вторая группа памятников этого района представлена грунтовыми могильниками XIV в. Несмотря на их малочисленность, можно наметить три локально-территориальных группы этих памятников. Первая группа могильников локализуется в устье р. Псекупс: Ленинохабльский, Пшиш, Псекупский 5. К этой группе относится и могильник Казазово 1, на основании передатировки памятника, проведенной Р.Б. Схатумом по результатам анализа материалов раскопок поздней группы погребений (Схатум Р.Б., 2013. С. 90–95).

Концентрация могил редкая (Рис. 83) (Тарабанов В.А., 1984. С. 164), при этом погребения расположены недалеко друг от друга, но отдельными группами, отстоящими на заметное расстояние, четкой рядности не наблюдается (Рис. 83, план Ленинохабльского мог.). Глубина могил Ленинохабльского могильника до 1 м, часть погребений впущены в грунт на 1,5–1,9 м (Тарабанов В.А., 1984. С. 165) (Рис. 39). На некрополе Казазово 1 могильная яма была прослежена только в одном случае (погребение № 77 восточного сектора памятника). Яма прямоугольная в плане с прямыми стенками, вытянута по линии В–З, размеры по дну 2,7×1,1 м. Глубина могил

варьирует от 0,5 до 2 м, в среднем не превышает 1,6 м (Тарабанов В.А., 1983. С. 149). За редким исключением (п.№8, Ленинохабльский мог.) погребения одиночные. Положение погребенных – вытянуто на спине, преобладающее положение рук на Ленинахабльском могильнике – вытянуты вдоль тела. У погребенных Казазовского некрополя руки сложены в области живота или на груди, очень редко, когда одна рука вытянута вдоль тела, другая – в области живота или груди (Тарабанов В.А., 1983. С. 149). Ориентировка западная с отклонениями к югу. Древесный тлен, возможно, от перекрытия или гробовища выявлен только в двух погребениях Ленинахабльского могильника – №27 и №94 (Тарабанов В.А., 1984. С. 165). Погребения инвентарные, хотя вещевой комплекс не отличается роскошью и разнообразием. Отсутствует посуда, а также заупокойная пища.

В погребениях Казазовского 1-го могильника выявлен древесный уголь: некоторые скелеты покоятся на угольной подсыпке, чаще уголь находится в области черепа (Тарабанов В.А., 1983. С. 149).

Вещевой комплекс (Рис. 84) представлен предметами вооружения (сабли, боевые ножи и кинжалы, стрелы, булава), находки наконечников копий не зафиксированы, при этом показательно отсутствие защитного вооружения на Ленинахабльском могильнике, тогда как в материалах Казазово 1 В.А. Тарабанов отмечает фрагменты кольчуг и шлемов, умбоны. Из предметов обихода встречаются зеркала из белого оловянистого сплава, заколки для волос в виде иглы с большой плоской шляпкой. Среди украшений – большое количество бус: пастовые (белые, черные, голубые), глазчатые бусины (в материалах Ленинахабльского – это: черная, темно-синяя, красная с белыми, желтыми и голубыми глазками, красная бусина с голубой зигзагообрзной линией), стеклянные бусы: простого и глухого стекла (черная, орнаментированная белыми глазками, 14-гранная), а также сердоликовые, из горного хрусталя и янтаря; серьги из бронзовой или серебряной проволочки в виде знака вопроса или с биконической полой бусиной с зернью, пустотелые шарообразные бронзовые пуговицы из двух

половинок, место стыка обмотано витой проволочкой, а также ажурные шаровидные пуговицы с орнаментом в виде кругов из витых проволочек, трубчатые полые кольца в 1,5 оборота (Рис. 39-40). К орудиям труда и предметам быта, выявленным в погребениях Казазово 1, относятся ножи, калачевидные кресала, пружинные ножницы, кабаньи клыки, пряслица, иглы, железные вертела для приготовления мясной пищи.

Согласно заключению антропологов, казазовская группа населения находит ближайшие параллели в антропологических сериях из курганных могильники XIII–XIV вв. на Северо-Восточном побережье Черного моря побережье (Герасимова М.М., Тихонов А.Г., 2003. С. 288-290).

1. Грунтовые могильники степного Закубанья

Ко этому локальному варианту грунтовых могильников относятся могильники Аушедз и Железнодорожный 1 и 2 (Крымский район, в 1,25 км к западу от впадения р.Адагум в Варнавинское водохранилище, блих хут. Черноморский). Для этих памятников характерно иное расположение могил: рядами, идущими с СЗ на ЮВ, расстояние между могилами 0,20-0,80 м. Погребенные уложены на спине, ориентировка ЮЗ, без подстилок-подсыпок и каких-либо погребальных сооружений. Форма ям не прослежена. Предметы вооружения (сабли, колчанные петли, бляха на колчан, наконечники стрел), быта (зеркало, ножницы, игольник, оселки, кресала, ножи), местная и привозная керамика, детали одежды. Предметы конской упряжи отсутствуют. По монетам ханов Джанибека, Абдаллаха, Кильдибека датированы XIV в. (Белов М.А., 2007).

В погребениях могильники 1 и 2 поселения Железнодорожное-1 выявлены гвозди и скобы от деревянных конструкций. Также на раскопанной части могильника расчищен скелет лошади, уложенной на правом боку, с севера на юг, ориентировка головы животного – с запада на восток.

Этническую атрибуцию погребенных на обоих могильниках исследователи не предложили, но указали, что появление некрополей можно

связать с появлением на Кубани войск среднеазиатского эмира Тимура (Нарожный Е.И. и др., 2014). На пришлый характер жителей поселения «Железнодорожное 2» со всей очевидностью указывают не характерные для домостроительства оседлых племен Северо-Западного Кавказа жилые и хозяйственные объекты, выявленные на значительной исследованной площади памятника (19979 м²): остатки полуземлянок, обожженные глинобитные полы и стены, суфы, каны, кухонные печи (Барагамян Р.А. и др., 2014. С. 29).

Зафиксирована особенность некоторых комплексов – присутствие в индивидуальных захоронениях костей других неполных скелетов (отдельных трубчатых костей или костей грудных клеток). Вспомним ту же особенность рассмотренного выше подкурганного погребения Иль-2.

Этническую атрибуцию погребенных на обоих могильниках исследователи не предложили, но указали, что появление этих двух некрополей можно связать с периодом появления на Кубани войск среднеазиатского эмира Тимура (Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017). На пришлый характер жителей поселения «Железнодорожное 2» указывают не характерные для домостроительства оседлых племен Северо-Западного Кавказа жилые и хозяйственные объекты, выявленные на значительной исследованной площади памятника (19979 м²): остатки полуземлянок, обожженные глинобитные полы и стены, суфы, каны, кухонные печи (Барагамян Р.А. и др., 2014. С. 29).

В вещевом комплексе этих погребений – предметы вооружения, быта, орудия труда (обращает внимание обилие серпов).

В целом, из рассмотренных групп памятников – подкурганных и грунтовых четкую связь с позднесредневековыми адыгскими курганными могильниками прослеживает лишь группа некрополей в устье р. Псекупс. Этнокультурная атрибуция остальных памятников либо требует дальнейшего изучения и в настоящее время точно установлена быть не может.

Определенно можно лишь утверждать поликультурный состав населения, оставившие эти памятники.

XV–XVI вв.

Погребальные памятники равнинной полосы среднего течения Кубани постзолотоордынского времени представлены курганными могильниками.

На могильнике Шенджий насыпи расположены на значительном расстоянии друг от друга – от 50 до 135 м и вытянуты в ряд с юга на север на 300 м. К западу от этой цепи на расстоянии до 154 м находятся еще два кургана (№3 и 7) (Носкова Л.М., 1991. С. 157, Рис. 1). Тем не менее подкурганные погребения могильника объединены общими обрядовыми признаками и хронологической близостью захоронений.

Насыпи земляные, диаметр 10–25,5 м, высота 0,3–1,9 м. Погребения (кк. 1,3,7,8) в могильных ямах глубиной от 50 до 10–15 см, а также на древнем горизонте (кк.4,5). В кк. 1,3,5,7 зафиксированы фрагменты деревянных погребальных конструкций (предположительно настилов) (Носкова Л.М., 1982А), в отдельных случаях выявлены скобы крепления брусьев или досок, при этом дерево не зафиксировано над погребенными.

В курганах 4,7 и 8 в изголовье погребенных обнаружена угольная подсыпка. Наибольшее сходство шенджийских курганов Л.М. Носкова отмечает с насыпями, раскопанными Н.И. Веселовским в районе ст. Белореченская. При этом исследовательница обращает внимание на высокое содержание в погребениях керамики (сосуды выявлены в ногах погребенных во всех не разоренных грабителями могилах), что в меньшей степени характерно для белореченских курганов. По этому признаку Шенджийский могильник сближается с погребальными памятниками Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Носкова Л.М., 1991. С. 158, 161–162).

Не разграбленные погребения содержали богатый инвентарь: предметы вооружения (сабли, наконечники стрел), золотые и серебряные перстни, поясной набор, серебряный с позолотой несессер, туалетный набор (копоушка и пинцет) и т.д.. Л.М. Носкова датирует Шенджийские курганы

XIV–XV вв. (Носкова Л.М., 1991. С. 168). Погребальный инвентарь позволяет сузить эту дату, прежде всего сабля с равномерно изогнутым клинком, длина сохранившейся части 110 см, и характерным для XV в. перекрестием с ромбовидной сердцевиной и прямыми горизонтальными сужающимися к концам усами (общей длиной 9 см), наборный пояс с несложным по отделке штампованным орнаментом, пуговицы и туалетные наборы, не встречающиеся в погребениях Северо-Западного Кавказа до конца XIV вв., детали шкаулки.

К периоду XV–XVI вв. относится курганная группа Псекупская 3 (Рис. 90), располагавшаяся на южном берегу Краснодарского водохранилища, на мысу, на правом берегу р. Псекупс, в 3,6 км к северу от аула Ново-Вочепший Теучежского района Республики Адыгея, включавшая два средневековых кургана (Дружинина И.А., 2011А).

Насыпи земляные. Размеры кургана 1 составили: высота по западному склону – 0,71, по восточному – 2,65 м, по южному склону – 2,08 м, по северному – 1,05 м, диаметр: по оси ЗВ – 18 м, по оси СЮ – 20 м.

Насыпь к.1 сооружена в один прием над одиночным погребением.

Погребение 1 выявлено в 1,5 м к Ю от центрального кола, совершено в неглубокой могильной яме (0,09 м глубиной). Яма подпрямоугольная в плане с закругленными углами и прямыми стенками. Ширина могильной ямы в западном секторе составила 1 м, в восточном – 1,1 м, длина продольной северной стороны – 2,7 м, продольной южной – 2,35 м.

В могильной яме выявлены фрагменты некогда массивного деревянного гроба плохой сохранности. Крышка гроба плоская, сооружена из нескольких продольных плах, фиксируемая высота гроба – ок. 0,25-0,3 м. Длина и ширина крышки превышает длину и ширину гробовины. Фиксируемая длина крышки гроба 2,1 м. Доски гроба скреплялись железными гвоздями. Обнаружено 4 кованых гвоздя, шляпки подовальной формы и аморфные, сечение стержня округлое.

Под перекрытием находились останки взрослого мужчины, ориентированного головой на юго-запад. Кости скелета почти не сохранились: выявлено лишь несколько небольших фрагментов черепа и нижней челюсти, а также костный тлен, который указывал на положение умершего вытянуто на спине. В районе черепа зафиксировано значительное количество мелких фрагментов угля, в меньшем количестве и рассеяно уголь встречался и в других частях погребения.

В головной части погребения, в районе левого плеча умершего, над деревянным перекрытием гробовища был выявлен серебряный с позолотой поясной ковш. Слева от погребенного перекрестием к ногам и, по-видимму, также на перекрытии гробовища, лежала сабля. Вдоль правого бедра погребенного располагался колчан со стрелами, от которого сохранились 2 пряжки и фрагменты кожи. В колчане находились 34 проржавевших и скипевшихся наконечников стрел. В районе пояса и в ногах выявлены поясные серебряные пряжки и обувная застежка, железные поясные накладки, железное калачевидное кресало в кисете и нож в деревянных обтянутых кожей ножнах. В ногах погребенного обнаружен поливной кружальный кувшин. В погребении выявлены фрагменты пяти различных тканей.

Наиболее ранними находками в комплексе являются круглодонный поясной ковш и серебряная обувная застежка.

Круглодонный серебряный с позолотой ковш (диаметром 12,4 см, высотой 3,6 см), украшенный полосой гравированного орнамента под устьем и на ручке, имеет аналогии в белореченских курганах (ОАК за 1896 г. Рис. 179, 181), может быть датирован XIV–XV вв.

Серебряная обувная застежка, на лицевой стороне которой выгравировано изображение мужчины в европейском костюме, а на тыльной – готический символ, имеет аналогии в материалах белореченских курганов (Сокровища.., 2000. С. 238. № 92; Крамаровский М.Г., 2001. С. 256).

Подобные обувные застежки изготавливались в Северной Италии, датируются концом XIV – началом XV в.

К числу наиболее поздних находок относится длинная сабля (1,17 м), с сильноизогнутым клинком, с максимальным изгибом при переходе в нижнюю треть, штыковидным концом ромбическим в сечении и пятиугольным сечением в остальной части сабельной полосы, ширина полосы сабли под перекрестием 3,6 см, ширина спинки – 4 мм; перекрестие – с ромбической центральной частью, прямыми усами с подовальными утолщениями на концах, длина перекрестия – 10,5 см; длина рукояти – 7 см, с двумя отверстиями. Время бытования подобных сабель – XV–первая половина XVI в.

Для датировки комплекса большое значение имеют обнаруженные в погребении фрагменты узорной ткани-камки, известной в Китае с XII в., но получившей широкое распространение в Европе в конце XV–XVI вв.

Отметим присутствие среди вещей треугольного кресала с высоким язычком, смыкающимся на вершине с ветвями, характерного для XV в.

Памятники более позднего периода равнинного течения Кубани, которые можно было бы связывать с адыгами, не исследованы.

Обращает внимание то обстоятельство, что рассмотренные курганные группы равнинной полосы Западного Закубанья XV в. являются памятникаи элитарными. Обособленное расположение каждой насыпи резко контрастирует с расположением захоронений на грунтовом Ленинохабльском могильнике предшествующего периода. Возможно, эта ситуация отражает особенности распространения в данном локальном регионе курганного обряда: не характерный для местных обычаев, он изначально был воспринят элитарной социальной прослойкой.

Могильники предгорий Западного Закубанья XIV–XV вв.

Памятники XIV в.

Характеристика погребального обряда основана на анализе материалов исследованных погребений курганно-дольменного могильника Грузинка VII, а также краткого описания результатов раскопок курганов в окрестностях станицы Абинская, произведенных В.Г. Тизенгаузеном в 1879 г.

Курганно-дольменный могильник Грузинка VII находится на правобережье р. Абин, у подножия юго-западного склона хребта Грузинка (Рис. 2), в 300 м к северу от русла реки и проходящей по краю берега грейдерной дороги, ведущей из станицы Шапсугской в станицу Эриванскую (в 3,7 км к ВЮВ от Шапсугской и 4,5 км к ЗСЗ от Эриванской).

Могильник был открыт в ходе разведок Абинского отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА РАН под руководством А.Н. Гея в 1995 г. (*Мелешко и др.,* 1996. С. 233; *Гей, Мелешко,* 1996. С. 59–60). Памятник включает 92 средневековых кургана и развалы 16-17 дольменных построек (Рис. 3).

Курганы полусферической формы, размеры варьируют от 2 до 15 м в диаметре и от 0,2 до 2,0 м в высоту. Насыпи земляные и земляные с каменной обкладкой по основанию.

Обкладка к. 22 представляла собой разомкнутое кольцо (разрыв в юго-западном секторе) из одиночных камней и нескольких небольших групп (по 3-5 камней), расположенных разреженно. Размеры камней 30-80×30-55×6-24 см. Крепида к. 82 состояла из «рваного камня» и валунных камней среднего и крупного размера (0,18-0,60×0,10-0,20×0,07-0,22 м), уложенных радиально в 1-3 слоя.

Обряд характеризуется подкурганными ингумациями, совершенными на уровне древней дневной поверхности или в неглубоких ямах, западной ориентировкой умершего и положением покойного вытянуто на спине (Рис. 5).

Зачастую в курганах прослеживается древесный уголь в виде небольших рассеянных включений в заполнении погребений и грунте насыпей. В западной части кургана 82 могильника Грузинка VII была открыта угольная подушка, длиной 0,6 м, шириной 0,4 м и мощностью 0,15 м (Рис. 12, 13, *1*). Следы прокала грунта не выявлены. По всей видимости, уголь был собран с ритуального кострища (возможно, тризны) и помещен в районе головы покойного, также с ритуальной целью.

Описывая в шуточной эллегии, сочиненной в подражание М.Ю. Лермонтову, свои раскопки 1879 г. средневековых курганов XIV в. в окрестностях станицы Абинская, В.Г. Тизенгаузен упоминает большое количество угля в насыпях (Тизенгаузен, 1910. С. 84-85):

А углей-то, углей! Их хватит на год
На все самовары в Абине:
Бежит отовсюду к курганам народ
Дивиться проклятой картине.

О наличии гробов в Абинских курганах свидетельствуют сохранившиеся гвозди и скобы.

Обряд совершения тризны зафиксирован на материалах погребения Грузинка VII 22/1 (рис. 5). Погребение совершено в могильной яме, впущенной в материк с уровня древней дневной поверхности. Над могилой был возведен холм, поверх которого, в СЗ и ЮВ его углах, были помещены камни. Три камня, маркирующих изголовье погребения, были расположены таким образом, что один из них был противопоставлен двум другим. Эта группа камней «оконтурила» северо-западный «угол» надмогильного холма по его вершине. Еще один камень был уложен в восточной части вершины надмогильного холма. По всей видимости, холм оставался не закопанным какое-то время, в ходе которого его вершина несколько просела. Рядом с камнем, уложенным «в ногах» был выявлен развал кувшина (Рис. 6 из илл. к *3 главе*). Кувшин был положен на поверхности юго-восточной стороны надмогильного холма целым и раскололся под массой грунта возведенной

над ним насыпи. Кувшин свидетельствует о совершении тризны. После совершения тризны над могильным холмом была возведена насыпь.

В состав погребального инвентаря входят предметы вооружения – наконечники копий, шестопер (Рис. 38,1); орудия труда: ножи, кресала, мотыжки, ремесленные инструменты; детали костюма: височные кольца в полтора оборота, поясняе кольца; предметы личного обихода: зеркало; в курганах, исследованных В.Г. Тизенгаузеном у станицы Абинская выявлена наградная серебряная посуда – чаши; керамика представлена красногиняными сосудами – лепными и круговыми (поливной чашей и неполивными кувшинами (Рис. 56).

Как показали исследования Абинской экспедиции ИА РАН хронологически сменяющих друг друга курганных могильников Грузинка VII и Грузинка X, изменение погребального обряда происходит в сторону уменьшения размеров (высоты и диаметра) насыпей, обеднения сопроводительного инвентаря, а также возрастания числа безынвентарных погребений, ярким отличием погребений могильника Грузинки VII от более поздних погребальных комплексов является присутствие в погребениях XIV в. целых форм керамики.

Восточное Закубанье

XIV–XV вв.

Среди археологических памятников Северного Кавказа эпохи средневековья особое место занимают Белореченские курганы – группы насыпей, сконцентрированные в бассейне р. Белая, из которых наиболее знамениты курганы, расположенные в окрестностях современного Белореченска.

Изучение Белореченских курганов началось в 1896 г., когда экспедицией под руководством профессора Н.И. Веселовского были раскопаны 14 насыпей в окрестностях станиц Белореченской и Ханской. Исследования были продолжены в 1897, а затем в 1906-1907 гг. Всего было раскопано 84 кургана (ОАК за 1896 г., 1898. С. 2-53; ОАК за 1897 г., 1900. С. 17-20; ОАК за 1906, 1909. С. 95-102; ОАК за 1907 г., 1910. С. 85-88).

Насыпи земляные, высотой от 0,75 до 7 м, диаметром от 3 до 20 м. Погребения совершались как в ямах, так и на горизонте. Глубина ям сильно варьирует: от 0,15 до 2 м. То же можно сказать и о других размерах могил: длина их от 1,8 до 4,2 м; ширина – от 0,6 до 2 м. Ямы подпрямоугольные, в трех случаях из 65 зафиксированы заплечики. В двух курганах прослежены перекрытия ям, сооруженные из досок, в одном – свод из сырцового кирпича. Дно могилы в ряде случаев было посыпано песком, иногда делалось возвышение в головной части этой подсыпки, иногда дно в средней части ям было выше, чем в изголовье и в ногах. В двух курганах зафиксированы канавки вдоль поперечных стенок ям. В трех могильных ямах были выявлены выкладки из крупной гальки, уложенной в один ряд. В одном кургане стенки могилы были обмазаны глиной.

Яркой особенностью белореченских курганов В.П. Левашева называла наличие угля «в виде тонкого слоя по материку, или в виде куполообразной насыпи над могилой или наземным склепом», иногда достигающей 1,8 м высоты и 6,5 м в диаметре. Уголь выявлен также и в погребениях: в виде

подсыпки по дну, над всем скелетом или только над черепом и верхней частью корпуса, иногда в заполнении могильной ямы.

Исследовательница указывала также и на большое разнообразие погребальных конструкций белореченских курганов. В 15 из 84 насыпей были выявлены деревянные склепы из дубовых бревен. Чуть менее половины курганов содержали погребения в деревянных гробах, в к. №1 (раскопки 1897 г.) был открыт медный гроб. В последнем случае гроб был помещен в деревянный саркофаг. Преобладает западная ориентировка погребенных, в том числе и юго-западная, в одном случае отмечается южная, а в другом – восточная (Левашева В.П., 1953. С. 166-170).

Характерные особенности белореченских комплексов свидетельствуют о существовании различных погребальных традиций у населения, оставившего эту интересную группу памятников. В Белореченских курганах погребения совершались на древнем горизонте и в ямах, в гробах или без них, в склепах или без, встречались деревянные и каменные перекрытия, в том числе кладка из сырцового кирпича. Погребальный инвентарь Белореченских курганов (Рис. 40, 51, 57,*1,2,4*, 58,*5,9,* 59), в свою очередь, отличается богатством и разнообразием, для него характерно большое количество латинских, крымско-малоазийских и греческих импортов (Крамаровский М.Г., 2001. С. 130-156).

Особенности целого ряда погребальных комплексов, имеющие прямые аналогии в погребениях кочевников Золотой Орды, позволили исследователям рассматривать белореченские материалы как свидетельство включения воинов-адыгов в военную систему Улуса Джучи (Левашева В.П., 1953. С. 209), «подчиненности части предков современных адыгов Золотой Орде» либо «прямых и непосредственных контактов адыгов с этим государственным образованием» (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. С. 150).

К числу наиболее ранних белореченских комплексов относится уникальное погребение воина в кургане № 1, исследованное Н.И. Веселовским в 1897 г. (ОАК за 1897 г., 1900. С. 17-19. Рис. 64-66) (Рис. 85).

Диаметр насыпи неизвестен. Над дневной поверхностью курган возвышался приблизительно на 5 м. Использование камней при сооружении насыпи не отмечено. В насыпи выявлены фрагменты большого кувшина (Рис. 1, д) (ОАК за 1897 г., 1900. С. 18, рис. 64).

В центральной части курганного пространства на земляном возвышении был выявлен комплекс погребальных конструкций, состоящий из деревянного склепа, саркофага и медного гроба (рис. 52). Деревянные бревна, из которых был сбит склеп (рис. 52, а), показались на 3,5 м ниже вершины насыпи. Длина склепа 5,32 м, ширина 3,55 м, примерная высота 1,5 м. По своим размерам склеп превосходит аналогичные конструкции, выявленные в других Белореченских курганах.

В центре склепа, на земляном возвышении, выявлен деревянный саркофаг с полукруглым верхом с железными крюками и заклепками по углам. Возможно, при сооружении саркофага были использованы гвозди, обломки которых найдены в погребении (рис. 16, 5). Изнутри саркофаг был обит парчой, на верхней поверхности саркофага сохранились следы расположенных параллельными рядами золотых нитей растительного происхождения – остатков позолоченной циновки (Левашева В.П., 1953. С. 169).

В саркофаг был впущен медный гроб, составленный из нескольких тонких листов разных размеров, прошитых меж собой множеством медных заклепок. Весь гроб был покрыт парчой (ОАК за 1897 г., 1900. С. 18).

В гробу оказался скелет молодого человека. Умерший покоился на спине, руки вытянуты вдоль тела, ладони обращены вниз, ноги прямые. Положение головы – на затылке (ОАК за 1897 г., 1900. С. 18. Рис. 66). Под верхней частью скелета было выявлено большое скопление древесного угля,

толщина угольного слоя постепенно уменьшалась в направлении от головы к ногам.

У правого виска находилась серебряная чаша, под локтем правой руки лежал серебряный ковш, возле левого плеча — еще одна серебряная чаша. При погребенном выявлены два пояса с серебряным золоченым и серебряным наборами. Первый опоясывал погребенного, с правой стороны к поясу привешена каменная точилка на серебряных колечках. Чуть ниже пояса, на левой тазовой кости, был выявлен костяной гребень, а в нескольких сантиметрах выше пояса – железное кресало. К поясу с левой стороны был подвешен нож с костяной рукояткой. Судя по нахождению накладок гарнитуры второго серебряного пояса, он был уложен на тело погребенного в направлении от правого плеча к левому бедру. На фалангах пальцев левой руки были найдены 2 железных кольца. Слева от покойного лежала сабля, рукоятью обращенная к голове. Справа от погребенного лежал берестяной колчан со стрелами. Под колчаном находился деревянный лук. Между покойным и колчаном были найдены серебряные накладки ременного набора.

Под «головною» частью склепа оказалась яма размерами: длиной 1,42 м., шириной 1,06 м., глубиной 0,71 м. В яме обнаружено совершенно разъеденное окисью железное копье. Другая яма была выявлена и под гробом в южной части погребения, находок в ней не было. В юго-восточном углу деревянного склепа лежал железный топор, фрагменты двух железных стремян и две железных пряжки. «У южной стены могилы» (ОАК за 1897 г., 1900. С. 18) на кожаной подстилке выявлены костяные точеные позолоченные, по предположению Н.И. Веселовского, детали какого-то предмета интерьера.

Анализ погребального инвентаря позволяет датировать комплекс серединой – третьей четвертью XIV в. При анализе материалов этого уникального комплекса прежде всего, обращает внимание сложная, многоуровневая система погребальных сооружений: курганная насыпь –

деревянный склеп – деревянный саркофаг – медный гроб. Погребение совершено на небольшом земляном возвышении, сооруженном на древней дневной поверхности.

Близкие параллели деревянному саркофагу известны в материалах золотоордынских курганных могильников Южного Урала, где умерших хоронили в двойных гробах, состоявших из наружного ящика, сколоченного из грубых досок, поставленного на деревянные брусья, и дощатого внутреннего гроба или колоды (Мажитов Н.А., 1977. С. 112-114, рис. 16; Степи Евразии.., 1981. С. 223. Рис. 90, *5*). На территории Северного Кавказа подобное захоронение выявлено при раскопках грунтового могильника XV-XVIII вв. на южной окраине села Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. В могиле № 45 был расчищено погребение женщины, завернутой в саван из шелковой ткани и уложенной в гроб из тонких досок. Гроб, в свою очередь, был помещен в составную колоду (Биджиев Х.Х., Шаманов И.М., 1971. С. 131-132).

Нельзя не остановиться еще на одной интересной особенности погребения кургана № 1: часть погребального инвентаря, включавшая предметы вооружения и конского снаряжения, была положена отдельно от основного комплекса находок. Такие ямы-схроны известны в подкурганных погребениях Южного Урала XII в. В этих курганах предметы вооружения и конской сбруи – предметы первой необходимости воина-кочевника лежат в специальных ямах, расположенных рядом с могилой, но значительно меньших размеров.

Такие признаки, как курганная насыпь над погребением, совершение погребения на специально подготовленной площадке над уровнем дневной поверхности, а не в грунтовой яме, ингумация, западная ориентировка погребенного сближают данный комплекс с погребальными памятниками оседлых племен Закубанья. В результате осмотра черепа погребенного Г.Ф. Дебец и М.М. Герасимов сделали заключение об отсутствии в нем монголоидных черт (Левашева В.П., 1953. С.207). На наш взгляд,

погребенный в медном гробу принадлежал к числу местной элиты, находившейся на верхних ступенях воинской иерархии Улуса Джучи. Об участии черкесов и зихов, наряду с аланами, русскими, булгарами, кыпчаками, башкирами в военных компаниях золотоордынских ханов свидетельствуют Ибн Фадлаллах ал-Омари, Шереф-ад-дин Йезди (Золотая Орда в источниках, 2003. С. 103, 338), Георгий Пахимер (Георгий Пахимер, 2004. С.217-218), Троицкая летопись (Троицкая летопись, 1950. С. 419). Возможно, часть не характерных для погребальных памятников Северного Кавказа признаков (деревянные срубы под курганными насыпями, сооруженные на уровне древнего горизонта; помещение гроба в деревянный саркофаг; ямы-схроны для предметов вооружения и конской упряжи) обнаружит аналогии в погребальных традициях кыпчакских племен Волго-Уральского региона.

Ко второй половине XIV–XV вв. относится воинское погребение Центрлаба 2 3/1. Могильник расположен на левом берегу р. Лаба, в 6,5 км к ЮВ от п. Мостовского. Четырнадцать курганов могильника вытянуты по линии СЮ на 1050 м. Курганы 1–3 были возведены в эпоху средневековья. Все три кургана объединяют общие признаки: земляная насыпь, значительные размеры: диаметр 34–38 м, высота 0,5–1,3 м. Погребение к. 3 совершено на выровненной дневной поверхности, вероятно, в гробу – выявлены фрагменты плах выше дна погребения и у правой бедренной кости, а также железный кованый гвоздь (Пьянков А.В., 2004. С.295).

Скелет взрослого человека лежал на спине вытянуто, руки вытянуты вдоль тела, ориентировка ЗЮЗ. В составе погребального инвентаря выявлены 14 наконечников стрел и сабля равномерно изогнутая, с ромбовидным сечением нижней четверти и пятиугольным – в остальной части клинка, перекрестие – с ромбовидной крупной центральной частью и чуть оттянутыми вниз прямыми усами с раскованными в плоские ромбы концами (Пьянков А.В., 2004. С. 295-296, 303-305).

Погребения соседних курганов 1 и 2 были разрушены грабительскими ямами. Содержали женские захоронения, совершенные также на горизонте. Над уровнем древнего горизонта выявлены фрагменты деревянных плах от погребальных сооружений, на уровне – зольные пятна и прослойки до 2 см толщиной, а также каменная кладка из 9 крупных булыжников, вытянутая по линии ЗВ к югу от одного из разрушенных погребений (Пьянков А.В.,1988А. Л.4. Рис. 242). Обнаруженные находки (серьга в виде знака вопроса, ножницы для стрижки овец, пуговица и др.) позволяют рассматривать эти погребения в одном хронологическом горизонте с воинским комплексом из к. 4 второй половины XIV – XV в. (Пьянков А.В., 2004. С. 296–297).

В 3,5 км к югу от могильника Центрлаба 2 экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством В.М. Клепикова был исследован еще один могильник – Центрлаба 1. Материалы одного из погребений – впускного 8/2 – введены в научный оборот А.В. Пьянковым (2004. С.293–294, 299–302). Исследователь датировал это погребение второй половиной XIV–XV вв. Наличие треугольного кресала с высоким язычком, смыкающимся на вершине с ветвями, позволяет рассматривать в качестве наиболее предпочтительной датировку XV в.

При анализе особенностей погребального комплекса исследователь счел возможным рассматривать их как характерные и специфичные черты погребений позднесредневековых адыгов (Пьянков А.В., 2004. С. 296). Однако в качестве *«диагностирующих»* черт обряда исследователь перечислил *универсальные* признаки, которым на территории только Северного Кавказа XIV–XV вв. соответствуют погребальные памятники различных народов и культур: «западную с небольшими отклонениями ориентировку погребенных, курганный характер индивидуальных захоронений, расположенных к центру насыпи, и использование деревянных гробовищ» (Пьянков А.В., 2004. С. 296), в то время как наличие одного из главных признаков, отличающих памятники кочевого населения от

захоронений оседлых племен этого времени и территории – впускной характер погребения – оставил без внимания.

Здесь следует обратить внимание на то, что, согласно письменным источникам XVI в., адыги придавали особое значение *возведению индивидуальных насыпей* над погребенными. Во время этой части ритуала все пришедшие проститься с умершим принимали участие в сооружении кургана, при этом размеры насыпи должны были демонстрировать прижизненный социальный статус умершего (АБКИЕА, 1974).

В случае с воинским комплексом Центрлаба 1 8/2 мы имеем впускное погребение в насыпь предыдущих эпох, а также один из примеров, демонстрирующих присутствие кочевого населения в этой части Закубанья.

В данной связи следует упомянуть две средневековые курганные группы, исследованные Н.И. Веселовским в 1905 г. в долине реки Фарс, в окрестностях станицы Кужорская. В первой группе были раскопаны курганы 1–3, выявленные в них погребения исследователь отнес к «типу Белореченских». Во второй группе были доследованы курганы 4 и 5, при этом Н.И. Веселовский в отчете о проведенных полевых работах отметил, что эти курганы отличаются от раскопанных в первой группе и принадлежат к памятникам другого типа (ОАК за 1905 г., 1908, с. 69-70). Выявление в погребении кургана 4 наконечника копья, фрагментов кольчуги – столь не характерной находки для погребальных памятников оседлых племен Закубанья и СВ Причерноморья, фрагментов рога оленя или косули, пастовой бусины, а в погребении кургана 5 – сабли, наконечников стрел, а также фрагментов костяных пластин от колчана и янтарной бусины, позволило отнести эти воинские погребения к кочевническим памятникам XIII в., появление которых в долине р. Фарс может быть связано с переселением в Закубанье кочевников половецкого племенного союза, вынужденных покинуть степное Прикубанье в грозные годы монгольских завоеваний (Дружинина И.А., 2013. С. 127-133).

Некоторые выводы

На протяжении второй половины XIII–XIV столетий в Северо-Восточном Причерноморье и Закубанье по материалам погребальных памятников фиксируются четыре основные погребальные традиции, которые связаны с проживавшими в регионе различными этническими группами. Эти традиции не были статичны или закрыты для внешнего воздействия, напротив, они динамично изменялись. Изменения отражают протекавшие на Северо-Западном Кавказе процессы этнокультурного взаимодействия, а также эволюцию погребальных обрядов каждой из этнических групп.

С первой традицией, истоки которой прослеживаются в материалах некрополей Северо-Восточного Причерноморья, по меньшей мере, с эпохи раннего средневековья, связаны погребения в каменных ящиках. Данная группа памятников оставлена зихскими племенами. Могильники с каменными ящиками второй половины XIII в. занимали территорию от района Ново-Михайловского до окрестностей Геленджика. Характеризуются следующими чертами: погребения грунтовые, преобладает северная ориентировка, в изголовье погребенных устанавливали керамические сосуды.

Со второй традицией связан обряд кремационных погребений, основными носителями которого в XIII в. являлись ассимилированные потомки тюркских или угорских племен, с которыми предположительно можно соотнести известных по письменным источникам середины X в. жителей «страны Папагия», которые после развала Хазарского каганата сливаются с местными племенами – *касогами,* принимая и их имя. Носители обряда кремаций занимали территорию на побережье – в районе Геленджика и Новороссийска, а также населяли предгорья и часть степной зоны Западного Закубанья.

С третьей традицией связаны подкурганные ингумации с восточной или западной ориентировкой погребенного, в деревянных погребальных конструкциях, в том числе в колодах, или без них. Захоронения совершались в ямах или впускались в насыпи. В составе погребального инвентаря нередко присутствуют предметы конской упряжи. Эта традиция привнесена в регион

кочевниками половецкого племенного союза, а также другими кочевыми коллективами. С данной группой населения связано распространение в регионе курганного обряда, практики возведения вокруг насыпи обкладки из поставленных на ребро камней и подпрямоугольных оградок, ориентированных углами по сторонам света. Наибольшая концентрация погребений третьей группы локализуется в районе Новороссийска. Появление на территории степного Закубанья могильников с впускными ингумациями с восточной ориентировкой погребенных и предметами конской упряжи в вещевом комплексе может быть рассмотрено как свидетельство проникновением кочевников и во внутренние районы Северо-Западного Кавказа.

Четвертую традицию представляют грунтовые ингумации с западной ориентировкой, локализующиеся в устье р. Псекупс, а также в предгорьях Закубанья. Эти памятники оставлены оседлыми местными племенами, известными в письменных источниках как жители Касахии и Страны Каса, кашаки, касоги.

Смешение и наложение этих четырех основных погребальных традиций приводило к формированию различных вариантов погребальных обрядов и локальных групп памятников.

Так, например, постепенно распространялся по территории Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья курганный обряд, привнесенный кочевниками. Раньше остальных местных племен традицию возведения насыпи над умершим восприняли носители обряда кремаций. К XIII в. все известные кремационные погребения – как в причерноморских районах Новороссийска и Геленджика, так и в предгорьях Западного Закубанья – совершались под курганами. К населению окрестностей Ново-Михайловского курганный обряд проник только в начале XIV в., причем возможны два направления такого распространения – по побережью и с территории Западного Закубанья. Вероятно, именно вместе с племенами предгорий внутреннего Кавказа в XIV в. этот обряд появляется и в бассейне

р. Мзымта (район Сочи). В устье р. Псекупс курганный обряд вытесняет практику грунтовых захоронений только на рубеже XIV–XV вв.

Взаимодействие носителей обряда кремаций с племенами пледгорий Закубанья сначала привело к появлению биритуальных могильников с курганными насыпями, окруженными по основанию каменной обкладкой из поставленных на ребро камней, а с XIV в. и моноритуальных ингумационных курганных могильников с западной ориентировкой погребенных.

В районе Геленджика в XIII столетии взаимодействовали сразу три погребальные традиции – кочевого населения, носителей обряда кремаций и носителей обряда захоронений в каменных ящиках. Это приводило к появлению множества вариантов обряда, в том числе к распространению именно в этом регионе практики многократного использования каменного ящика для подзахоронений родственников. Как ранее – прах кремированных умерших ссыпался в погребальную урну, содержавшую останки захороненных ранее индивидов.

В районе Новороссийска, по меньшей мере, с XII в. протекало взаимодействие и взаимопроникновение традиций племен обряда кремаций и кочевников, с XIII в. здесь появляются и носители обряда захоронений умерших в каменных ящиках. Смешение одних традиций и наслоение новой естественным образом приводило к появлению разнообразных гибридных вариантов погребального обряда и археологических комплексов, совмещающих признаки различных традиций (например, урновое кремационное погребение в яме с подбоем, перекрытой каменной наброской, возведение каменных стел при урновых кремационных захоронениях и в изголовье каменных гробниц, подкурганное погребение в каменном ящике в сопровождении конского захоронения и т.п.).

Помимо процессов этнокультурного взаимодействия, протекавших в регионе в предмонгольское время, на формирование погребальных обрядов местных оседлых и кочевых племен мощное воздействие оказывало распространение христианства. Прежде всего, оно проявлялось в

постепенном, но неуклонном отмирании обряда кремаций, вытеснении западной ориентировкой других вариантов ориентировки погребенных, в исчезновении из погребений признаков культа коня.

Монгольское завоевание и включение региона в зону влияния Улуса Джучи вызвало заметные изменения и перестановки на этнокультурной карте Северо-Западного Кавказа, что нашло отражение и в материалах погребальных памятниках.

Так, в начале XIV в. нижнем течении Кубани, в окрестностях Анапы возникает целая группа памятников не известного здесь ранее типа – грунтовые некрополи с погребениями в тщательно изготовленных каменных гробницах, по своим конструктивным особенностям, а также по составу погребального инвентаря заметно отличающихся от остальных плитовых погребений Северо-Восточного Причерноморья. Ближайшие параллели данная группа памятников обнаруживает в христианских некрополях Тамани и Крыма. Представляется, что частью полиэтничного населения, участвовавшего в формировании этих могильников, являлось христианское население Восточного Крыма, пострадавшего во время гонений на христиан в 20–30 гг. XIV в.

Известно, что в на рубеже XIII–XIV вв. Судак и Каффа пережили целый ряд вооруженных нападений ордынцев. В 1309 г. была разорена Каффа, в 1322 г. начались гонения на христиан в Судаке. В 1323 г. римский понтифик Иоанн XXII в письме к хану Узбеку просил о возможности христианам вернуться в город и о возвращении им церквей, которые были превращены в мечети. Но гонения продолжались: в 1327 г. была разрушена София Сугдейская и, вероятно, в ходе этих событий убит митрополит Сугдеи и Фулл. Сменивший его Лука смог занять престол только спустя десять лет – в 1337 г. (Майко В.В., Джанов А.В.,2015. С. 34).

Еще одна группа населения, появление которой в Закубанье напрямую связано с включением Северо-Западного Кавказа в орбиту влияния Золотой Орды, оставила знаменитые Белореченские курганы. Элитарные комплексы

этих могильников представляли собой совершенные под 5–7-метровыми по высоте насыпями, исполненные предметами роскоши погребения представителей военной и чиновной знати, занимавших высшие ступени социальной иерархии монгольского государства. Археологические материалы более чем красноречивы: в кургане №1, исследованном Н.И. Веселовским в 1896 г., в могиле, перекрытой сырцовым кирпичом, среди предметов роскоши, находились инсигнии – золотой наградной наборный пояс и золотое навершие монгольской шапки-орбелге с держателями на три перьевых султана, свидетельствующее о высоком ранге погребенного, сопоставимом с положением высокопоставленного нойона (Крамаровский М.Г., 2012. С. 332-333).

Особенности погребального обряда, фиксируемые по материалам раннего горизонта Белореченских курганов (XIV в.), свидетельсвуют о полиэтничном составе населения, оставившего эти памятники. Один из этнических компонентов, достоверно пока не устанавливаемый, связан с особой группой погребений в деревянных срубах. Возможно, с появлением именно этой этнической группы связано распространение в регионе женских головных уборов в виде высокого конуса со стержнем, увенчанным лунницей: все шапочки этого типа, обнаруженные в Белореченских курганах, исследованных в 1896–1897 гг., находились в погребениях в деревянных склепах.

Принадлежность населения, оставившего Белореченские курганы, общеимперской культуре государства Джучидов, проявлялась через костюм и прическу, а также комплекс предметов, демонстрировавших место владельца в социальной иерархии (наградные наборные пояса и посуда из серебра и золота и др.). Следует отметить, что погребения, содержащие эти предметы, не получили распространения в рамках всего региона. Так, в междуречье Нечепсухо и Мзымты не известны погребения, содержавшие наградные пояса и посуду. Нет их и в грунтовых некрополях в окрестностях

Анапы. Они появляютс только в курганах, расположенных в окрестностях Геленджика, содержащих захоронения в деревянных срубах и колодах.

Обилие сиро-египетских импортов в Белореченских курганах может свидетельствовать не только об участии местного населения в охране (и грабежах) купеческих караванов (Крамаровский М.Г., 2012. С. 333-334), но и о том, что данная группа населения была связана с организацией и отправкой невольников в мамлюкский Египет. Закупка рабов Египетским султанатом велась на официальном уровне, под патронатом государства и сопровождалась заключением договоров и ведением переписки с правителями и вельможами транзитных государств и Золотой Орды (Майко В.В., Джанов А.В.,2015. С. 34).

Помимо изменений общей картины погребальных практик Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья, вызванных причинами этнокультурного характера, происходила дальнейшая эволюция обрядов, прежде всего, под воздействием христианства. К концу XIV в. окончательно отмирает традиция кремационных погребений, почти полностью нивелируется погребальная традиция, связанная с кочевниками, преобладающей становится западная ориентировка погребенного, исчезают из погребений самые яркие признаки почитания культа коня и дружинного культа, включая помещение в могилу предметов конской упряжи, совершение сопроводительных конских захоронений, обкладки курганов из радиально уложенных в 2-3 слоя внахлест камней вытесняют кромлехи из камней и плит, поставленных вертикально или под углом, на ребро.

До начала XV в. доживает традиция погребения в каменных ящиках. Со второй половины – последней трети XIV в. для нее становятся характерны следующие признаки: погребения подкурганные, ориентировка западная, кувшин смещается в ноги погребенного. Однако позднее первой четверти XV в. погребения в каменных ящиках неизвестны. И эта традиция угасает.

Таким образом, к XV в. основной и преобладающей на всей территории Северо-Западного Кавказа становится погребальная традиция, для которой

характерны подкурганные одиночные ингумации на горизонте или в неглубокой яме, с западной ориентировкой умершего, с инвентарем, в составе которого отсутсвуют предметы защитного вооружения и конской упряжи.

В заключение следует подчеркнуть, что население Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья, с которым связано все это многообразие обрядов и традиций, фиксируемых на археологических материалах XIII–XIV вв., в восточных письменных источниках упоминается под одним именем – черкесы. Реализовавшиеся к началу XV в. тенденции к унификации разнородной картины погребальных практик поликультурного по составу населения региона, были обусловлены действием трех факторов – 1. этнокультурного взаимодействия, в результате которого вырабатывались общие, универсальные черты обряда, а также, безусловно, происходила ассимиляция пришлого населения местной средой, 2. – нивелирующего воздействия на языческие погребальные традиции христианской веры, 3. – причинами социльно-политического характера (местные родовые культы и традиции в условиях включения региона в сферу культурного, военного и административного влияния Золотой Орды, уступали перед общеимперскими, общегосударственными).

ГЛАВА VI.
ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АДЫГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV–XVIII ВВ.

Северо-Восточное Причерноморье в XVI–XVIII в.

К XVI–XVII вв. относится могильник Джубга 5 (район Туапсе) (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А. Л. 20–57). Насыпи небольшие земляные, окруженные по основанию каменной обкладкой, составленной из 2–3 рядов камней, уложенных радиально, внахлест. Погребения совершены на урове древнего горизонта, в каменных гробницах-крепидах подовальной (подпрямоугольной с кругленными углами) формы, составленных из 3–5 слоев камней (в основном, плоского песчаника), уложенных в 1 ряд по ширине стенки. Гробницы ориентирваны по линии З-В с сезонными отклонениями.

Инвентарь небогат, представлен 9-образными кресалами, железными ножами, шилами с деревянными рукоятками, штампованными наперстками, россыпью стеклянного бисера синего и желтого цвета.

В районе Новороссийска исследован курган, входящий в курганную группу Юрчина щель (Дмитриев А.В., 1974. № 6290. Л. 219-221). Под земляной насыпью выявлена необычная гробница-крепида (2,2×1,7 м), сложенная из 5–6 рядов камней, боковая восточная стенка которой плавно закругляясь и «раскручиваясь» по часовой стрелке, переходит в восточную и южную часть обкладки насыпи, так что подкурганные каменные конструкции в целом приобретают вид спирали. Внутри камеры выявлены два одновременных погребения. Ориентировка обоих скелетов на ЮЗ. Северный скелет лежит на спине, череп на правом виске. При погребенном – нож, кремень и кресало «в виде костылька». У южного скелета зафиксирован разворот черепа на правый висок, ступни сведены вместе. В районе пояса обнаружена пряжка. Под скелетом выявлены следы древесного тлена.

Погребения совершены по мусульмансому обряду, при этом с

нарушением канона – захоронение парное, на уровне дневной поверхности, а не в яме с подбоем, при погребенных находились вещи. По особенностям обряда и инвентаря исследованный курган могильника Юрчина щель может быть датирован XVI–XVII вв.

К периоду XVII-XVIII вв. относятся могильники Пащенкова поляна и у с. Тенгинское (Анфимов Н.В., 1956А), Церковная щель I (Носкова Л.М., 1992), Свистунова Щель (Дмитриев А.В., 1999; Беспалый Г.Е., 2000), Бжид II (Шишлов А.В. и др. 2003, С. 57-89), выявленные на черноморском побережье и низкогорьях прибрежной зоны районов Туапсе – Геленджика.

Памятники Церковная щель I, Свистунова щель, Бжид II объединены общими особенностями погребального обряда и инвентаря. Небольшие курганы располагались внешне бессистемно. Насыпи земляные с каменной обкладкой по основанию. Каменные обкладки овальные, вытянуты по линии ЗВ, или подквадратные, из необработанного камня, уложенного радиально, внахлест, в 2-7 рядов.

Выявлено три типа погребений – в гробницах-крепидах, с остатками деревянного погребального сооружения (перекрытия -?), без погребальных конструкций.

Погребенные покоились на спине, руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты. В погребеннии к. 9 мог. Свистунова щель – 1, где были зафиксированы фрагменты деревянного сооружения, проявляются признаки мусульманского обряда: умерший уложен на спине, с небольшим разворотом на правый бок, череп на правом виске. Инвентарь состоял из ножа, бритвы и кресала.

Погребения совершались на горизонте и в неглубоких могильных ямах (до 0,05–0,1 м), умершие покоились в положении вытянуто на спине, ориентировка западная с сезонными отклонениями, большинство погребений сопровождает разнообразный инвентарь. Преобладают одиночные захоронения.

Среди специфических признаков этой группы памятников следует назвать околомогильные каменные конструкции, представляющие собой сложенные из галечника или песчаника средних размеров 4-5-ярусные гробницы-крепиды, в разрезе имеющие форму несомкнутой арки.

В состав погребального инвентаря могильников входят оригинальные наконечники дротиков пропеллерообразного сечения, бронзовые поясные бляхи–пафти, серьги в виде кольца, один конец которого расклепан в кружок или в восьмерку, кресал в форме свернутой в петлю пластины с косо срезанными концами, характерных ножей с лезвием в форме сегмента круга, рукоятью, расширяющейся к обушку и с узким перехватом у перехода рукояти в лезвие, складные бритвы, фабричного типа наперстки, турецкие курительные тубки, стеклянные зеркала. Для датировки данной группы памятников важными являются находки в курганах могильников Церковная щель I и Бжид II шашек. Самая ранняя из адыгских шашек, известных на сегодняшний день, датируется 1713 г. (Аствацатурян Э.Г., 1995. С. 30).

В целом погребения этой группы памятников свидетельствуют о приверженности основной части оставившего могильники населения традиционным политеистическим представлениям. Однако среди общей массы погребений выделяются комплексы, обнаруживающие признаки исламизации отдельных членов адыгской общины. Среди этих признаков – поворот черепа на правый висок и небольшой разворот тела умершего вправо, отсутствие погребального инвентаря (Бжид II, Свистунова щель, Чаплук 3). К числу мусульманских погребений, по всей видимости, следует относить погребения, совершенные в неглубоких ямах, стенки которых обложены деревом, а сами ямы перекрыты продольными или поперечными деревянными плахами (Церковная щель I).

С укреплением позиций ислама можно связывать более позднюю группу памятников Северо-Восточного Причерноморья, среди которых особенно выразительными являются погребальные комплексы курганных могильников Пащенкова поляна и у сел. Тенгинское. На курганах

разрушенного могильника Пащенкова поляна были обнаружены плиты с арабскми надписями XVIII в., в том числе и с абсолютной датировкой 1727 г. У села Тенгинское были выявлены небольшие курганчики, обложенные каменными обкладками. Погребения сооружались в подбоях, перекрытых деревянными плахами. В расхождение с каноном в некоторых из них был обнаружен погребальный инвентарь.

Описывая кладбища черноморских шапсугов в 1930 г. Л.И. Лавров отмечал сохранение обряда возведения каменных конструкций вокруг могильных насыпей: «Кладбище [у сел. Красноалександровское II – *И.Д.*] не походило на виденные в Адыгее. Могильные холмики были обложены небольшими камушками. В головах и ногах стояло по одному шиферному камню, которые возвышались над остальными примерно на 20–30 см» (*Лавров* 1982: 22).

В районе Новороссийска, в урочище Махновая щель, выявлена группа курганов, на территории которой, помимо насыпей, видны грунтовые могилы, обозначенные на поверхности подпрямоугольными каменными выкладками в 1 ряд, ориентированными по линии З–В. Приблизительные размеры выкладок – 3×1,5 м. Исследована одна из грунтовых могил. Ее глубина – 0,7 м. В южном борту на глубине 0,2 м, а в северном – на глубине 0,15 м сделаны заплечики для перекрытия, от которого сохранились фрагменты досок толщиной 4 см. Погребенный лежит вытянуто на спине. Левая рука протянута вдоль тела, правая вытянута, кисть в области лобковой кости, череп на левом виске. Погребение безынвентарно (Дмитриев А.В., 1974А. № 6290. Л. 224–225). Без сомнения, погребение мусульманское. Может быть датировано XVIII–XIX вв. Находит аналогии в грунтовых мусульманских захоронениях XVIII–XIX вв. Западного Закубанья (Грузинка Ха, Грузинка Хб, Грузинка Х в, Крученая щель III).

Западное Закубанье в XVI–XVII вв.

Данный раздел подготовлен на основе анализа материалов курганных могильников предгорий Западного Закубанья – Грузинка Ха, Грузинка Хб (Абинский район), Крепостной 2 и Лефтерова щель (Северский район). Курганы этого времени в равнинных районах среднего и нижнего течения Кубани не известны.

Изучение погребальных археологических памятников османского времени в предгорьях Западного Закубанья было проведено лишь в последние два десятилетия. Полученные материалы позволили заполнить долгими десятилетиями сохранявшуюся лакуну в археологическом изучении Северо-Западного Кавказа XVI–XVII вв.

Могильник Грузинка Х расположен у подножия юго-западного склона хребта Грузинка, в 4,7 км к востоку от ст. Шапсугская и в 3,5 км к западу – северо-западу от ст. Эриванская и занимает участок залесенного правого берега Абина. Могильник состоит из трех курганных групп, отстоящих друг от друга на 100–150 м. Юго-Восточная часть могильника, включающая 60 насыпей, получила название Грузинка Ха, центральная группа из 6 курганов – Грузинка Хб, северное скопление из 6 курганных насыпей, расположенных у самого подножия хребта – Грузинка Хв. Помимо подкурганных погребений, на памятнике выявлены грунтовые захоронения. Обширную курганную группу А можно рассматривать как общее кладбище всего поселения, малые по количеству насыпей группы Б и В – как небольшие семейно-родовые кладбища.

В 2003–2009 гг. Абинским отрядом Северокавказской археологической экспедиции Института археологии РАН исследовано 10 курганов в группе Грузинка Ха и 4 кургана группы Грузинка Хб (Дружинина И.А., Гидиятуллин Н.И., 2004; Дружинина И.А., 2005а; Дружинина И.А., 2006). Все исследованные насыпи полусферической формы. Диаметр от 2,4 до 10 м, высота – 0,2–1,0 м. Насыпи земляные, по основанию окружены обкладкой,

состоящей из уложенных радиально камней размерами 0,18-0,60×0,10-0,20×0,07-0,22 м.

В группе Грузинка Ха за исключением к. 17, в котором были выявлены два погребения, курганы содержали одиночные захоронения. Умерших хоронили на уровне дневной поверхности, вытянуто на спине, головой на З, СЗ. Вокруг погребений выявлены каменные конструкции: несколько вытянутая по линии СЗ-ЮВ обкладка из уложенных радиально камней (к.1); каменные гробницеобразные крепиды, возведенные из 5–7 рядов сложенных в шахматном порядке камней (предпочтение отдавали уплощенным плиткам местного желтого песчаника), в разрезе крепида имеет форму разомкнутой арки (кк. 2,4,22) (Рис.48); галечная подсыпка или «подушка» под головой и грудью умершего (к. 31); камни в головах и ногах (к. 17). Вокруг погребения к. 14, 42, 43 каких-либо каменных конструкций выявлено не было. В к. 2 справа и над погребенным обнаружены фрагменты плах и древесный тлен, по всей видимости, остатки перекрытия (87-88).

Погребальный инвентарь (Рис. 89) представлен предметами вооружения (два наконечника копий – кк. 2,4), бытовыми предметами (нож – к. 2, кресало – к. 2-?, кремень – к.2), деталями костюма: пряжка поясная, железная, рамка прямоугольная, с центральной перемычкой, на которой подвешен подвижный язычок (Грузинка Хб к. 3, п.1), бусина бочонковидная неопределенного цвета (светлая), не прозрачная, диаметр 7 мм.

Для характеристики погребального обряда населения долины р. Абин XVI–XVII в. представляет интерес необычное положение наконечника копья в погребении к. № 2 группы Грузинка Ха, обнаруженного воткнутым под углом в 70° в основание погребения в 0,2 м к юго-западу от правой скуловой кости черепа погребенного (Рис. 48,2). Такое расположение предмета согласуется с представлениями адыгов о сверхъестественной силе оружия (*Дружинина*, 2005. С. 248). Обычай вонзать оружие в останки умершего или дно погребальной ямы известен по погребальным памятникам Северного Кавказа более ранних эпох. Наконечники копья и дротика обнаружены

воткнутыми у входа в подбой в погребении № 21 (вторая половина II в. н.э.) могильника у х. Городского (Республика Адыгея) (*Сазонов АА. и др.*, 1995. С. 118), наконечник копья был вонзен в дно погребения № 16 (I–III вв. н.э.) могильника Ясеновая поляна (*Дитлер П.А.*, 1961. С. 138). Подобное обращение с оружием соотносится исследователями со страхом живых перед мертвыми (*Козак Д.Н.*, 1993. С. 59). Возможно, пережитком древнего обряда «прощального» функционального применения оружия является обычай, зафиксированный у адыгов XIX в.: во время похорон тело умершего на некоторое время оставляли возле погребальной ямы, после произнесения надгробной речи ближайшие наследники покойного снимали с него оружие и стреляли из ружей и пистолетов в могилу, а шашкой покойного совершали три взмаха над телом (*Кох К.*, 1974. С. 622; *Марзей А.С.*, 2004. С. 251).

Для некоторых групп адыгского этнического сообщества характерен обычай оставлять на могилах мужчин изображение оружия (*Чистякова Е.*, 1940. С. 34). Особенно большой магической силой, по представлениям адыгов, обладали кинжалы или сабли. Шапсуг кузнец Лалух рассказывал, что его шашка обладала целительной силой: «если женщина не могла долго разродиться, то эту шашку опускали в воду, которую затем давали выпить роженице» (*Жардецкая Н.*, 1940. С. 62). Верили и в оградительную силу оружия. Вокруг упавшего с лошади, прежде чем оказать ему помощь, саблей проводили черту – «чтобы ум из него не вышел» (*Раскина С.*, 1940. С. 75).

В целом, особенности подкурганных погребений группы Грузинка Ха свидетельствуют о приверженности населения, оставившего могильник, традиционным языческим представлениям.

Заметно отличается погребальный обряд населения той же долины, фиксируемый по особенностям погребений курганной группы Грузинка Хб. Так, курган №1 содержал два разновременных погребения мужчины и женщины (Рис. 49). Умершие похоронены в подпрямоугольных в плане могильных ямах, впущенных в материк, по стенам ям установлены доски, сверху могила также перекрыта положеными вдоль нее длинными досками.

Вокруг могил уложены крупные камни. Умершие похоронены на спине, с вытянутыми конечностями, ориентировка З-СЗ, лица обращены на юг. Погребальный инвентарь мужского погребения 1 представлен поясным набором (пряжка, обоймочка, наконечник ремня и две пуговки), ножом, кресалом и кресальным кремнем; при женском погребении 2 выявлен бронзовый наперсток.

Захоронения в курганах 3 и 4 также совершены в могильных ямах, перекрытых деревянными досками, при этом стенки могилы к. 3 были обставлены досками. Погребенние к. 3 содержало очень бедный инвентарь (только пряжку с обоймицей), погребение к. 4 – безынвентарно, умерший уложен на правый бок, череп – на правый висок.

Только в одном кургане группы Грузинка Хб (к.3) погребение совершено на уровне древнего горизонта, хотя уже и перекрыто деревом. Захороненный в этом кургане старик был погребен по древним обычаям, в том числе и с инвентарем (в комплекс вещей входил наконечник копья, кресало и нож) (*Дружинина И.А. и др.* 2007. С. 221-224) (Рис. 88).

Различия в погребальном обряде населения, оставившего курганы в двух группах могильника Грузинка Х, по всей вероятности, следует объяснять хронологическим разрывом между комплексами группы Грузинка Ха и Хб. Курганы 1,2,4,14,31 могут быть датированы XVI–XVII вв., исследованные погребения курганов группы Грузинка Хб относятся к рубежу XVII–XVIII вв. и отражают начало процесса мусульманизации проживавшего в долине р. Абин населения.

Могильник Крепостной 2 на р. Афипс заметно отличается от раскопанных абинских курганов. Насыпи небольшие: 3,5–8,0 м в диаметре, 0,2–1,1 м высотой. Помимо земляных насыпей с каменной обкладкой по основанию (32 насыпей), на могильнике Крепостной 2 исследованы земляные курганы (подавляющее большинство насыпей – 124) и насыпи, покрытые каменным панцирем (3 кургана). В большинстве погребений выявлены фрагменты дерева и гвозди от гробовищ (до 14 штук,

расположенных по периметру тлена от гробов). Как и в абинских предгорьях, большинство погребений совершены на уровне древней дневной поверхности. При этом перед захоронением подкурганная площадка подготавливалась (снимался рыхлый верхний слой). Захоронения в кк. 20,21,41,43 совершены в могильных ямах (во всех ямах, кроме к. 41, выявлены гвозди и тлен от гробовищ). За исключением к. 81, в котором выявлено 2 погребения, остальные насыпи содержали одиночные захоронения.

В качестве редкой особенности отметим наличие под насыпью кургана 50 в 2 м к ВЮВ от его центра каменной вымостки размером 1,3х1,8 м, вытянутой по линии СЮ, сложенной в 1 слой из мелких плоских камней. На камнях зафиксирован тонкий слой из прокаленной глины и мелких углей (Раев Б.А., 2002. Л. 25. Рис. 290).

Б.А. Раев отмечает также такую необычную особенность группы погребений (3,80,105,108): в грунте выкапывалась неглубокая широкая чашеобразная яма, затем она заполнялась пережженым грунтом от большого костра, находившегося где-то на стороне. Внутри ямы нет прокала на дне. Горелое заполнение ямы разравнивалось до уровня дневной поверхности, и на нем совершали погребение (к. 3, 108 – погребенный в гробовище, к. 80 и 108 – выявлены только фрагменты кости и керамики).

В яме кургана 41 вдоль южной стенки были установлены несколько камней. В к. 81 погребение, совершенное на горизонте, по периметру обложено булыжными камнями. Камни в изголовье и в ногах (погребения в гробах) – в к. 9, 86.

Погребенные имели западную ориентировку, а также незначительные отклонения на СЗ и ЮЗ. Погребенных укладывали вытянуто на спине, руки протянуты вдоль тела.

Погребальный инвентарь. Заметным отличием афипских от абинских погребений является обилие фрагментов керамики в курганах мог. Крепостной 2, выявлен и целый сосуд (к. 28), при этом, судя по положению

гвоздей, кувших стоял за пределами гроба.

Еще одним отличием является отсутствие в курганах могильника Крепостной 2 оружия, часто встречаемого в погребениях могильника Грузинка X, а также кресал.

Инвентарь достаточно беден. Предметы быта представлены ножами, бритвами (?), оселками, шилом. Железные *ножи* черешковые, однолезвийные с уплощенной рукояткой и двумя деревянными накладками, с бронзовой пластинкой–навершием на рукояти (к.11); ножи с широким лезвием, расширяющейся к обушку рукоятью и тонким перехватом в месте перехода от лезвия к рукояти, на обушке – тонкая пластинка бронзового навершия, крепившегося гвоздиком (Рис. 89, 12); нож с черешковой рукояткой с тонкими костяными накладками на двух бронзовых заклепках; бритвы, оселки, шило, кованые железные гвозди, бронзовые *наперстки*. Сравнительно беден набор украшений и деталей костюма: *перстни* – тонкий бронзовый проволочный перстень с круглой пластинчатой площадкой и серебряный перстень с округлой сердоликовой вставкой; бронзовые *серьги* с плакировкой тонкой позолотой и насечкой на лицевой стороне дужки. К нижней петле крепились сложносоставные подвески, сверху к дуге припаяно гнездо каплевидной формы для вставки. Снизу подвески завершались таким же гнездом; бронзовые *амулетницы*: цилиндрической формы, на торцевые части надеты полусферические колпачки, на продольной стороне напаяны три петельки для подвешивания; призматической формы, шестигранная в сечении, на концах полусферические колпачки, на продольной стороне две петельки, внутри прядь туго скрученных волос. Длина 37 мм, сечение 12 мм.

Как и в абинских курганах могильника Грузинка Ха, многие погребения из афипских курганов могильника Крепостной 2 не содержали инвентаря.

Нет сомнений, что исследуемые могильники относятся к кругу погребальных памятников адыгов. Однако они обладают рядом локальных специфических особенностей, изучение которых открывает возможность для

более точной этнокультурной интерпретации памятников. По данным письменных источников, в XVII в. долину реки Абин населяли жанеевцы или жанэ – одно из адыгских «племен» (Описание 1879: 489; *Ксаверио Главани* 1974: 158, 160; *Эвлия Челеби* 1979: 65-64). Абинские предгорья составляли часть области, называемой Малая Жана, куда входили также земли по рекам Хаиль (совр. Хапль), Иль (совр. Иль), Абурган (*Волкова* Н.Г., 1974. С. 17). Эти сведения косвенно подтверждаются и местной топографией: щель и урочище хребта Коцехур, расположенные к юго-востоку от станицы Эриванская, носят название Жанэ. Там же сохранились остатки строений покинутых и разрушенных в 1960-ых гг. хуторов Жанэ-1 и Жанэ-2 (*Акимченков* Г.Ф., 2007. С. 50, 183-184). По письменным источникам XVI–XVIII вв. (см. *Кушева Е.Н.,* 1963. С. 136–137) хорошо известна и Большая Жана, еще одна область проживания жанеевцев, расположенная на черноморском побережье, «в долине Цемез, примыкающей к Суджук-кале, и вдоль берегов Черного моря до Пшады», откуда жанеевцы «перешли на северный скат горы и под влиянием различных событий окончательно водворлись на Адыкуме» (*Люлье* Л.Я. , 1991. С. 13–14). Однако самые близкие аналогии ярким и характерным признакам погребального обряда и сопроводительного инвентаря, выявленным в комплексах курганных групп Грузинка Ха и Грузинка Хб, обнаруживаются на материалах могильников Бжид 2 и Свистунова щель (*Шишлов А.В. и др.* 2003: 71; *Беспалый Г.Е.,* 2000А), расположенных заметно южнее пограничной реки причерноморских жанеевцев – Пшады, в междуречье рек Вулан и Джубга.

Шапсуги, натухайцы и абадзехи становятся известными не ранее XVIII в., но, появившись на этнической карте Северо-Западного Кавказа, эти «племена» сыграли весьма заметную роль в исторической судьбе адыгского сообщества. Так, шапсуги, представлявшие собой в начале небольшое объединение родов и семей, превратились в крупное надплеменное объединение представителей свободного крестьянства – тфокотлей, а также некоторых уорков-князей из различных адыгских субэтносов. В частности,

жанеевцы и шегаки были ассимилированы шапсугами, натухайцами и бжедугами в результате массового переселения тфокотлей и уорков, а также миграционных передвижений целых групп «вольных черкесов» с побережья на внутренние склоны Кавказского хребта (*Волкова* Н.Г., 1974. С. 19-20; *Сивер* А.В., 2002. С. 82). И земли по реке Абин источники начала XIX в. относят к территории проживания шапсугов (Карта 1806 года 2000. №36; *Сталь* К.Ф., 2001. С. 215). Представляется, что именно с особенностями погребального обряда шапсугов можно связывать отмеченные выше общие черты погребальных комплексов курганного могильника Грузинка X и причерноморских памятников Бжид 2 и Свистунова щель.

XVII–XIX вв.

Материалы исследованных памятников показывают, что принятие ислама среди адыгского населения Северо-Западного Кавказа к XVIII в. не было всеобщим. Так в соответствие с традиционными политеистическими представлениями были совершены погребения в могильнике Лысенков I: под курганными насыпями, окруженными каменными обкладками, на уровне древнего горизонта, в сопровождении погребального инвентаря. На позднюю датировку исследованных погребений, не ранее XVIII в., указывает обнаруженная в одном из курганов шашка (Рис. 33,*3*), а также скобовидное кресало (Дружинина И.А., 2008А).

Другой тип погребений этого региона Северо-Западного Кавказа и времени демонстрируют материалы курганной группы Грузинка Хв, которая представляет собой небольшое семейное кладбище, состоящее из 6 небольших курганов. Исследованные погребения были совершены в глубоких (до 1,5 м) ямах, с заплечиками или ступеньками и отвесными стенками, на которые укладывается деревянное перекрытие (Рис. 12,14). В соответствие с каноном погребенные были уложены с разворотом на правый бок, без сопроводительного инвентаря. С более ранними памятниками

могильник Грузинка Хв сближают не соответствующие традициям ислама курганные насыпи и сооружение каменных обкладок по их основанию.

Завершают эволюцию обряда грунтовые погребения, совершенные в глубоких и значительных по размерам могилах, оконтуренных по периметру устья ямы подпрямоугольной в плане обкладкой, состоящей из 2–3 рядов камней, уложенных внахлест. Погребения в таких ямах совершены по мусульманскому обряду: погребенный уложен на правый бок, череп на правом виске, расположение костей свидетельствует о пеленании покойного в саван, инвентарь отсутствует.

Участки с подобными захоронениями выявлены во всех трех группах – а, б, в – комплекса памятников Грузинка Х. Располагаются грунтовые погребения отдельно от основной массы курганов.

Грунтовое погребение №1 на могильнике Грузинка Хв. Обкладка ориентирована по оси ЗЮЗ-ВСВ. Сложена из 2–3 слоев камня. В основании западной, южной и восточной ее сторон находились крупные плиты (0,2-0,3×0,55-0,8 м), уложенные в направлении по периметру обкладки. Верхние ряды обкладки составлены из булыжных камней средней величины, расположенных внахлест и «радиально». Размеры обкладки: длина внешняя – 3,2 м, внутренняя – 2,8 м, ширина по внешнему контуру – 2 м, по внутреннему – 1,4 м. Внутри обкладки было выявлено погребение мужчины 25-35 лет, совершенное в могильной яме. Глубина ямы – 0,95 см, длина – 1,9 м, ширина 1,1 м. Погребенный уложен вполоборота на правый бок, череп на правом виске. Ориентировка ЗЮЗ. Инвентарь не обнаружен.

Аналогичное погребение исследовано в абинских пребгорьях на могильнике Крученая щель III (Успенский П.С., 2014А. №41542), а также в окрестностях Новороссийска (могильники Юрчина и Махновая щель) (Дмитриев А.В., 1974А. Л. 222–225).

Восточное Закубанье

XVII–XVIII в.

Могильник Центрлаба 3 (Пьянков А.В., 1988А).

Размеры от 2,5 до 8 м в диаметре, высота – 0,2–0,9 по высоте. Насыпи округлые или слегка вытянутые в плане (по линии СЮ), овальная (7х6) – к 11. Земляная с каменным панцирем – не сплошным, в 1-2 слоя– земляная насыпь с каменной обкладкой по основанию.

В 21 случае погребения совершены на древней дневной поверхности, 1 погребение – в яме, перекрытой булыжной наброской. В погребениях выявлены гвозди, скобы и фрагменты дерева от гробов (дно, судя по расположению фр-тов дерева, было).

Положение погребенных – вытянуто на спине, руки вдоль тела, (в одном случае ноги согнуты в коленях, в другом – перекрещены). Ориентировка на З и ЮЗ, в 1 случае – на ЮЮЗ, в основном череп находился на затылке, на левом виске – в шести случаях, на правом виске – в четырех.

Под черепом погребенного в к. 3 находился крупный речной булыжник, у правой руки погребенного еще один булыжник и зольные пятна. Булыжник у головы погребенного ещев двух курганах.

За исключением четырех курганов все остальные погребения содержали скудный инвентарь, представленный, в основном ножами, в том числе и с узким перехватом, а также 9-ковидные кресала, подвеска в виде сердечка с втулкой.

Таким образом, раскопки 23 курганов показали, что для данной группы населения были характерны погребения под земляными насыпями, перекрытыми каменными панцирями, на уровне древней дневной поверхности, в деревянных гробах, сколоченных гвоздями и стянутых скобами, положение погребенных – на спине, черепа примерно в равной степени лежали на затылочной кости, на левом и в меньшей степени – на правом виске. Руки вытянуты вдоль тела. Из 22 курганов, содержавших погребения, скудный инвентарь выявлен в 17 захоронениях, 4 погребения –

безынвентарны. Интересной особенностью являются 3 случая нахождения в изголовье, в том числе под черепом, крупного булыжника.

Погребальный обряд в высокой степени единообразен, отклонения (погребение в яме, перекрытой каменной наброской) могут найти объяснение только при изучении на более представительном материале.

Предметы погребального инвентаря, такие как ножи с узким перехватом (к.10: Пьянков А.В., 1988Аа. Л. 14. Рис.111–112), 9-ковидные кресала, подвеска в виде сердечка с втулкой, позволяют относить этот могильник к XVII–XVIII столетию.

Курганные могильники в верховьях Кубани Зеленчука
XV–XVIII вв.

Курганные могильники эпохи позднего средневековья, расположенные в верховьях Кубани и в бассейнах Большого и Малого Зеленчуков, привлекают внимание исследователей уже многие десятилетия. Со времен путешествия по Кавказу братьев Нарышкиных в конце 60-х гг. XIX в. и вплоть до рубежа 40-50-х годов XX в. их изучение ограничивалось выявлением, описанием и фиксацией на археологической карте Карачая (Павлов Д.М., 1926. С. 233-264; Алексеева Е.П., 1988. С. 68).

К стационарным археологическим исследованиям этой группы памятников приступила Т.М. Минаева. В 1949 г. и начале 1950-х гг. ею были раскопаны 8 курганов могильника в верховьях р. Байтал-Чапкан и 3 насыпи в устье этой реки, а также 1 курган в устье р. Кара-Бежгон (далее – мог. Кара-Бежгон) (Минаева Т.М., 1954 а. С.280–291; Минаева Т.М., 1954 б. С. 291-296). В 1952–1954 гг. Е.П. Алексеева проводила работы на курганных могильниках в школьном дворе аула Жако (далее – мог. Жако) и в аула Бесленей (Алексеева Е.П., 1959. С.68–70). В 1976 г. Х.Х. Биджиев раскопал небольшой средневековый курган, расположенный в группе насыпей более ранних эпох у аула Кубина (Биджиев Х.Х. и др., 1977. С. 89), а в 1982 г. – одну насыпь севернее аула Красный Восток (Биджиев Х.Х., 1984. С. 110-111). В 1977 г. Г.Х.-У. Текеев продолжил изучение курганного могильника в устье р. Байтал-Чапкан, которое начала Т.М. Минаева (Текеев Г. Х.-У., 1978. С.144-145; Текеев Г.Х.-У., 1978. С.90-91; Алексеева Е.П., 1983. С. 92). Из 47 насыпей могильника было раскопано 13. В 1982 г. Г.Х.-У. Текеев исследовал два кургана на правом берегу р. Кубань у с. Важный, (Текеев Г. Х.-У., 1984. С. 135.).

На этапе первоначального изучения курганы в верховьях Кубани исследователи интерпретировали как погребальные памятники адыгов: «Вопрос об этнической принадлежности изучаемых нами могильников не

представляет больших затруднений. Территория распространения могильников, характер погребального обряда, состав и формы погребального инвентаря не оставляют сомнения в том, что памятники эти принадлежат кабардино-черкесской народности» (Минаева Т.М., 1954 б. С. 302). С кабардинцами связывалось происхождение могильников Жако, Кара-Бежгон, у аула Кубина (Алексеева Е.П., 1971. С. 184-185), с западными адыгами, предположительно бесленеевцами, – могильников в верховьях р. Байтал-Чапкан, Бесленеевский (Алексеева Е.П., 1971. С. 184-185). В дальнейшем уже все курганные группы эпохи средневековья, расположенные по верховьям Кубани и Зеленчукам, в том числе и те, которые были обнаружены в ходе археологических разведок и не раскапывались, были отнесены к числу кабардинских могильников (Нагоев А.Х., 2000. С. 25-26, 32-33, карта). Не противоречила «адыгской» версии происхождения верхнекубанских курганов и датировка рассматриваемых памятников, устанавливаемая в рамках XIV-XVI вв.

Аргументами для адыгской атрибуции памятников послужили общие признаки погребальной обрядности, фиксированные на материалах адыгских курганов Закубанья, Кабардино-Балкарии и верхнекубанских погребений. Среди общих черт исследователи называли возведение курганной насыпи над одиночным погребением, захоронения в гробах, западную ориентировку и положение умершего вытянуто на спине, наличие угля в погребении и насыпи, а также «остатков тризны в виде разбитых глиняных сосудов в насыпи кургана и почти полное отсутствие следов «загробной» пищи» (Минаева Т.М., 1954 б. С. 300; Алексеева Е.П., 1971. С. 184-185).

При этом исследователями не были учтены параллели погребальному обряду и вещевому комплексу, фиксируемые в памятников средневековых кочевников евразийских степей (Федоров-Давыдов Г.А., 1961. С. 120-124, 129-131; Степи Евразии.., 1980. С. 258. Рис.82). Последнее обстоятельство особенно важно в связи с тем, что на территории Карачаево-Черкесии обнаружены археологические памятники, которые исследователи относят к

половецким (Минаева Т.М., 1964. С. 167-171, 184-188; Батчаев В.М., 1980. С. 82), а также к более поздним памятникам, отражающим процесс седентеризации кочевников. К числу последних исследователи относят курганы XIV–XVI вв. из Уллу-Камского ущелья (Сысоев В.М., 1896. С. 154-158; Алексеева Е.П., 1971. С. 171-172, 350. Табл. 39). Они представляли собой земляные насыпи с высоким кромлехом либо насыпи из камня. Погребенных хоронили в простых земляных могилах, в деревянных гробах или в конструкциях из двух полуколод. Ориентировка западная. Заметим, что в этих курганах не выявлены предметы конской упряжи (Сысоев В.М., 1896. С. 154-158; Алексеева Е.П., 1971. С. 171-172, 350. Табл. 39).

Весьма близки рассматриваемым курганам по особенностям обряда и составу инвентаря погребения Карт-Джурского могильника, который исследователи связывают со средневековыми предками карачаевцев (Алексеева Е.П., 1971. С. 171; Биджиев Х.Х., 1979. С. 5-15). Для этих курганов также характерны захоронения в ямах, в колодах, западная ориентировка умерших. Невысокие земляные насыпи Карт-Джурта обложены по основанию одним рядом камней.

В этой связи принципиально важную роль в решении задачи этнокультурной атрибуции верхнекубанских курганов приобретают антропологические исследования, однако они проводились лишь на небольшом материале. Тем не менее, результаты изучения краниологии могильников Жако и в верховьях р. Байтал-Чапкан (В.П. Алексеев, 1961. С. 208-220. Таблицы) оказались более чем выразительны.

Мужские черепа из могильника Жако и верховьев р. Байтал-Чапкан заметно отличаются от черепов из могильников Северо-Восточного Причерноморья и Пятигорья: нос у мужчин верхнекубанской группы выступает меньше, переносье ниже, лицо в нижней части менее профилировано, скуловой диаметр, поперечный диаметр черепной коробки и черепной указатель больше. Возможным объяснением обособленности черепов из вехнекубанских могильников В.П. Алексеев полагал наличие в

составе населения, оставившего эти памятники, монголоидной примеси (Алексеев В.П., 1961. С. 212, 214, 215, 219).

Но и сама группа черепов из могильника Жако и верховий р. Байтал-Чапкан, по наблюдениям М.Б. Медниковой, демонстрирует заметное разнообразие. При сравнении индивидуальных мужских значений в погребениях обоих могильников обращает внимание высокий уровень полиморфизма, прежде всего, в форме черепной коробки (выявлены представители разных краниологических вариантов от кругло- и широкоголовых до крайне длинноголовых), что может указывать на смешанное происхождение групп. Ширина лба, степень выступания носа и горизонтальная профилировка верхнекубанских черепов также сильно варьируют. При этом проявляется достаточная близость отдельных черепов из разных могильников, например, из кургана 1 могильника в верховьях р. Байтал-Чапкан и из кургана 3 могильника Жако. Напротив, погребенный из п. 2 к. 7 мог. Жако выделяется благодаря долихокрании и ширине лба (см.: Дружинина И.А., 2012а. С. 197–209).

Материалы могильников отражают эффект метисации европеоидов с монголоидами, при этом признаки монголоидности распределены мозаично. Так, среди мужских черепов могильника верховий р. Байтал-Чапкан скуловая ширина больше всего у черепа погребенного в кургана 5, у него же самое высокое лицо. Но более доказательной является высота носа и горизонтальная профилировка лица. Наименьшая высота носа встречена в к. 6 этого могильника, кк. 3 и 9 Жако. Самый низкий назомалярный угол у черепа из к. 1 в верховьях р. Байтал-Чапкан, п.2 к. 7 мог. Жако. Низкий зигомаксилярный угол у черепа из к. 1 в верховьях Байтал-Чапкан, кк. 3 и 9 мог. Жако. Таким образом, можно предполагать более заметные "монголоидные" влияния в к. 1 мог. в верховьях р. Байтал-Чапкан, кк. 3 и 9 Жако. Помимо того, по наблюдениям В.П. Алексеева, череп из к. 4 мог. в верховьях р. Байтал-Чапкан имеет характерное для типичных монголоидов

широкое и очень плоское лицо с мало выступающим носом (Алексеев В.П., 1961. С. 219).

Итак, антропологические материалы отчетливо демонстрируют присутствие в составе населения, занимавшего бассейн верховий Кубани в эпоху позднего средневековья, как европеоидов, которые, впрочем, по своему антропологическому типу отличались и от своих причерноморских соседей, и от населения Пятигорья, так и представителей монголоидной расы. Эти выводы противоречат сформулированной еще в середине прошлого столетия версии о массовом переселении адыгов в предгорья Карачаево-Черкесии в XIV–XV вв. и о полном замещении ими предшествующего алано-половецкого населения, «вытесненного монголами на юг, в горы Карачая и Балкарии» (Минаева Т.М., 1964. С. 193-194; Алексеева Е.П., 1960. С. 35; Алексеева Е.П., 1971. С 185), на долгие годы ставшей основной в адыговедении и вплоть до настоящего времени находящей свое развитие в работах, посвященных средневековой истории народов Северного Кавказа (Нагоев А.Х., 2000. С. 25-26, 32-33, карта).

Обратимся к анализу погребального обряда и инвентаря верхнекубанских курганов с задачей поиска этномаркирующих признаков в археологическом материале.

Погребальные сооружения и погребальный обряд. Во всех рассматриваемых могильниках насыпи курганов были представлены тремя типами: каменными, сложенными из булыжника (1 тип), каменно-земляными, возведенными из грунта, насыщенного камнями (2 тип) и земляными насыпями, окруженными по основанию высоким кромлехом (3 тип).

В ряде случаев под насыпями 2 и 3 типов над погребениями возводилась каменная наброска. Несколько могильных ям мог. Бесленей были заложены камнем, в к. 6 вокруг истлевшего гроба по дну могилы была сооружена каменная обкладка (Рис. 15,3). В основном курганы насыпались над одиночными погребениями, в редких случаях – над двумя-тремя (мог.

Жако, кк. 4,7). Во всех курганах выявлены могильные ямы (в центре кургана, реже – в южной секторе), их размеры соответствовали размерам гробов.

В подавляющем большинстве погребений находились деревянные конструкции или следы от них (Рис. 22). В ряде курганов мог. Бесленей вдоль стен могил устанавливались доски. Дно в таких погребениях было земляным. При этом в кк. 1 и 2 могильника досок не было вдоль северной стенки, в к. 7 доски были выявлены только с ЮЗ и ЮВ сторон. Обкладка стен могилы досками и деревянные перекрытия ям известны в могильниках западных адыгов XVI-XVIII вв. и в этом случае свидетельствуют о переходе населения к исламу (Носкова Л.М., 1991. Л. 35, 37. Рис. 28,30,33, 34,36; Раев Б.А., 2003. Л. 13. Рис. 132; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2011. С. 151-152).

Преобладающим типом деревянных конструкций верхнекубанских курганов были сбитые из толстых дубовых досок-дранок гробы. Стенки и дно их скреплялись пазами, «в заруб». В ряде курганов обнаружены скобы. Почти все гробы перекрывались полуколодами. В одном случае крышка-полуколода крепилась к поперечным стенкам гроба двумя железными костылями, в других – опиралась на короткие бруски, прикрепленные к внутренним стенкам гроба. Погребенные укладывались на спине, ориентировка – западная с сезонными отклонениями. В могильнике Бесленей преобладающей была ЮЗ ориентировка.

В насыпях исследователи обнаруживали кости домашних животных – коровы, овцы, лошади. В большом количестве попадались и фрагменты керамических сосудов. Часть из этих находок могла случайно попасть в курганы, представляя собой следы культурного слоя более древних поселений. Но некоторые из них можно связывать с обрядом совершения тризны. На это указывает в частности и место обнаружения подобных находок – над гробом или над могильным холмом. Так, в насыпях кк. 2 и 4 могильника в верховьях р. Байтал-Чапкан выявлены следы костра и фрагменты разбитых глиняных сосудов (Минаева Т.М., 1954а. С. 282. Рис. 6,б; Минаева Т.М., 1954б. С 292-293).

При наличии ряда общих признаков с позднесредневековыми погребальными памятниками Западного Закубанья (Минаева Т.М., 1954 б. С. 300; Алексеева Е.П., 1971. С. 184-185), курганы верховьев Кубани обнаруживают заметное своеобразие. В первую очередь следует отметить структуру насыпей. Большинство курганов рассматриваемой группы относятся к типу каменных. Каменные насыпи были выявлены и в «малокабардинских» курганах Ингушетии, в могильниках у с. Бамут, Ислам, Кескем, Али-Юрт, а также Северной Осетии-Алании, в могильнике Чикола и курганной группе к югу от Владикавказа (Дружинина И.А., 2010. С. 305-306). В «малокабардинских» могильниках каменные курганы были рассеяны среди превосходящего числа земляных, и лишь на Бамутском могильнике каменные курганы располагались обособленно и отстояли от основного скопления земляных насыпей на расстоянии около 500 м (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 217, 220). В целом, на всей территории распространения позднесредневековых погребальных памятников адыгов характерно превалирование земляных насыпей. В могильниках, расположенных по течению Большого и Малого Зеленчуков и левобережья Кубани в ее верховьях, напротив, каменные курганы представляют преобладающий тип.

Не типичным признаком для погребений Северо-Западного Кавказа XIV–XVI вв., в том числе и для более поздних адыгских погребальных памятников конца XV–XVI вв., являются выявленные в верхнекубанских курганах каменные наброски над могильными ямами. Представляется, что каменные наброски над могилами, также как и насыпи, возведенные из булыжника, восходят к одной традиции, которая характерна для погребальной обрядности кочевников евразийских степей эпохи развитого средневековья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 120, 159-160; Нарожный Е.И., 2005. С. 133-143).

С влиянием погребальных традиций кочевников следует связывать и использование колод и полуколод. В курганах Западного Закубанья XIV–XV

вв. этот тип погребальных конструкций не выявлен. Как, впрочем, и в более поздних курганах западной группы. Не известны колоды и в белореченских курганах (Левашева В.П., 1953. С. 169-170). Напротив, их использование характерно для погребальной практики кочевников евразийских степей X–XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966. С. 130; Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е., 1983. С. 20-21. Рис.3,15; Рассамакин Ю.Я., 2003. С.211, 212, 222, 226-227. Рис. 3; Нарожный Е.И., 2005. С. 28-29, 151-153. Рис. 8).

Погребальный инвентарь (Рис. 91,92) представлен саблями, умбоном щита, втульчатым наконечником пики, черешковыми наконечниками стрел, длинными ножами и кинжалами, бытовыми предметами (железными ножами, кресалами, оселками, бритвами, костяными проколками, ножницами для стрижки овец, наперстком), гребнями, спиральными кольцами и плоскими кольцами. Эти вещи имеют широкое распространение в курганах Северного Кавказа XIV–XVII вв., однако за исключением пики и умбона щита, которые должны быть отнесены к XIV–XV вв., остальной набор находок заметно моложе: XVI-XVII вв.

Очень показательны обнаруженные в материалах раскопанных верхнекубанских курганах девять сабель. Все они длинные: из погребений могильника Бесленей: к. 1 – длина сабли *1,25 м*; к. 3, длина – *1,1 м*; п. 2 к. 8, длина ок. – *0,9 м*, но сохранилась лишь часть полосы сабли; к. 10, длина – *1,15 м*; из курганов могильника в устье р. Байтал-Чапкан: к. 3, длина – *1,2 м*; к. 9, длина *ок. 1,13 м*; к. 10, длина *ок. 1,26 м*; длина сабли из кургана 2 могильника в верховьях р. Байтал-Чапкан составляла *1,18 м.* Интересна сабля из погребения кургана 1 последнего могильника: ее длина составляла всего *0,85 м.* По замечанию Т.М. Минаевой, погребение принадлежало мужчине, но исследовательница указала длину скелета – 1,25 см. Видимо в к. 1 был погребен подросток, для которого изготовили саблю под его рост.

Перекрестия с массивным ромбом в центре и короткими прямыми горизонтальными, чуть сужающимися усами являются хроноиндикатором XVI в. К числу наиболее поздних клинков следует отнести саблю из к. 4 мог.

Бесленей и к.10 мог. в устье р. Байтал-Чапкан, которые находят прямые аналогии в материалах XVII в.

В целом, на основании анализа погребального инвентаря и особенностей обряда можно сделать вывод, что материалы XIV в. в этих памятниках отсутствуют и предложить следующую датировку памятникам:

Могильник в школьном дворе аула Жако – один из самых ранних в группе верхнекубанских курганов. По таким находкам, как нож или кинжал с серебряной обоймой, калачевидное кресало со смыкающимися с высоким язычком ветвями, фрагмент гребня, серьга в виде колечка с маленькой петелькой, пастовая мозаичная бусина датируется XV в.

Могильник у хут. Важный по находкам треугольного кресала, шкатулки датируется XV–XVI вв.

Могильник в устье р. Байтал-Чапкан датируется XV–XVII вв. (раннюю дату дает умбон щита, позднюю сабли).

Могильник в верховьях р. Байтал-Чапкан по саблям датируется XVI в.

Женское погребение из 1 кургана в устье р. Кара-Бижгон также можно отнести к XVI–XVII вв. Основанием для датировки служат особенности обряда и скудный, но выразительный инвентарь. При погребенной были найдены только серьги в виде колечка с отогнутым коротким стерженьком и одной жемчужинкой на нем, они находят аналогии в кабардинских могильниках XVI–XVII вв. (Шалушка, Кызбурун III и др.). Выявленные серьги – золотые, что объясняет фактически полное отсутствие инвентаря не невысоким материальным достатком умершей, а особенностями обряда (в данном случае вероятна приверженность погребенной мусульманской вере). Помимо того, жители окрестных селений находии в разоренных могилах могильника длинные сабли.

Могильник Бесленей по аналогиям находкам шкатулок, треугольных кресал и сабель может быть отнесен к XVI–XVII в.

Пятигорье

Со времен масштабных археологических раскопок средневековых курганов в регионе Кавказских Минеральных вод, проведенных в 80-х годах XIX столетия Д.Я. Самоквасовым, Пятигорье по праву считается неотъемлемой частью зоны распространения кабардинских курганных могильников. В историографии существует не один список этого круга памятников (Иессен А.А., 1941. С. 11–13; Милорадович О.В., 1954. С. 344–347. Рис. 1; Шафиев Н.А., 1968. С. 5–20; Чеченов И.М., 1969; Нагоев А.Х., 2000. С. 25–34; Фоменко В.А., 2002). Однако часть могильников была интерпретирована как кабардинские на основании только внешних признаков, что, учитывая сложный этнокультурный состав региона в постзолотоордынское время и бытование курганного обряда у различных народов, представляется не верным.

В данной связи первостепенной задачей является анализ существующих списков кабардинских могильников. Не менее актуально хронологическое дифференцирование могильников. Решению этих задач посвящен настоящий раздел.

Пятигорье

Могильники XIV в.

В научной литературе к числу кабардинских погребальных памятников относят пятигорские могильники в урочище Гора, Острый курган и с левой стороны дороги из колонии Константиновки в Николаевскую, на расстоянии версты от Большого кургана (Нагоев А.Х., 2002. С. 26, №7; Фоменко В.А., 2002. С.).

Могильник в урочище Гора, располагавшийся на возвышенности левого берега р. Подкумок, насчитывал 62 насыпи, из которых раскопано 14 (№№ 8,10–22 по сквозной нумерации обследованных насыпей близ колонии Константиновка) (Самоквасов Д.Я., 1908. С. 250-251). На основе анализа погребального обряда и инвентаря было высказано мнение о полиэтничной природе населения, оставившего могильник, включавшего представителей

кочевнической и адыго-абазинской среды (Дружинина И.А., 2007. С. 170). Рассмотрение особенностей погребального обряда и инвентаря могильника на широком фоне материалов погребальных памятников Северного Кавказа XIII–XVIII вв. позволяет в настоящей работе скорретировать наше представление о датировке и этнокультурной атрибуции курганной группы.

Курган 8 (диам. 10 м, выс. 2,1 м). Погребение под центром насыпи, в яме (2,16×1,8×0,72 м), выявлены фрагменты деревянного гробовища. Погребенный – на спине, конечности вытянуты, З ориентировка. Инвентарь составляли (Рис. 93) детали колчана с орнаментированными костяными пластинами, наконечники стрел, нож, кресало, пряжки и пара железных стремян. На расстоянии 30-40 см к северу от погребенного находился костяк мула, захороненного хребтом вверх. Ноги животного подогнуты под брюхо, шея вытянута вперед, ориентировка западная. В челюстях мула обнаружены железные удила. Погребение относится к типу Б–XIII, кругу погребальных памятников кочевников половецкого племенного союза (Федоров-Давыдов, 1966. С. 125, 145), может быть датировано концом XIII–XIV вв.

Сложнее дело обстоит с этнокультурной атрибуцией остальных раскопанных погребений могильника. Насыпи курганов по форме полусферические. Высота курганов 1,8–2,1 м, диаметр – 7–9 м. Погребения одиночные. Положение умершего зафиксировано в к. 10: на спине, конечности вытянуты, ориентировка западная. В остальных случаях ориентировка и положение тел не уточнены. Погребения в курганах 10–15,18,20,21 совершены на древнем горизонте, в курганах 16, 19 – в могильных ямах. Погребальные деревянные конструкции открыты во всех мужских погребениях могильника (кк. 10–12,16,18,19), за исключением погр. к. 15. В женском погр. к. 21, в погр. детей (кк. 13, 14, 20, 22) деревянные конструкции не были обнаружены.

Гроб (?) к. № 10 составлен из толстых брусьев, крышка выпуклая. В ней сохранились 2 гвоздя и 2 скрепы. В гробу над погребенным выявлен слой угля, щебня и глины, в гробу к. 18 – погребенный присыпан щебнем и

глиной. Во всех курганах могильника в урочище Гора при погребенных выявлены предметы сопроводительного инвентаря (Рис. 60-63).

На датировку могильника указывает ряд находок: **с**абля и кунжутолистный наконечник стрелы из к. 19 определяют датировку комплекса – XIII–XIV вв. Фрагмент наконечника стрелы (к. 10) (Рис. 94, *7*) относится к типу А12, получивших распространение в горах Северного Кавказа в середине XIII–XV вв. и позже этого времени почти неизвестных (Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А., 1983. С. 64,67. Рис. 10, *1, 2*). По находке трехгранного наконечника копья (Рис. 36,5) и фрагмента стремени погребение к. 18 датируется вт. пол. XIII–XIV вв. Менее выразительные предметы комплексов кк. 13, 15–17. Ножи, серьги, аналоги которых широко известны в золотоордынский период, овальное кресало со смыкающимися концами и разделительным язычком, а также треугольное кресало без язычка могут быть датированы XIV–XV вв. Но многие предметы инвентаря, такие как узколопастные бронебойные наконечники стрел, костяное шильце, ножи, пряжки бытуют вплоть до XVII и даже XVIII вв. В целом, предпочтительная дата могильника – XIV в., не исключая начала XV в.

Можно констатировать, что как минимум часть погребений могильника в урочище Гора оставлены кочевниками, предками ногайцев. С ними четко связана традиция погребения в ямах, в деревянных гробовищах, в т.ч. колоде. Вторая традиция характеризуется погребениями на горизонте, в гробовищах, с возведением слоя щебня и глины над умершими. Интересно, что погребение к. 18, совешенное на уровне древнего горизонта, содержало инвентарь явно не местного и к тому же кочевнического облика (наконечник копья треугольного сечения, фрагмент стремени). Последнее обстоятельство может расширить горизонты поиска кочевнических погребальных памятников, традиционно ограничиваемых подкурганными захоронениями *в ямах* или *впускными* в курганные насыпи, также и за счет подкурганных погребений *на уровне древней дневной поверхности*.

Относить могильник в Урочище Гора к кабардинским погребальным памятникам (Нагоев А.Х., 2000. С. 26; Фоменко В.А., 2002) оснований нет.

Еще два могильника, где было исследовано только по одному погребению, которые при этом оказались кочевническими, отнесены к кругу кабардинских могильников (Нагоев А.Х., 2002. С. 26, №7). В первом случае, речь идет о группе из 22 насыпей в *урочище Острый курган*. Диаметр насыпи 10 м, высота – 2,1 м; в яме глубиной 0,7 м вывлены следы разложившегося деревянного погребального сооружения с остатками человеческого скелета, обращенного головой на З, уложенного на спине, конечности вытянуты. При погребенном вывлены сабля, нож, калачевидное кресало с невысоким округлым язычком, фрагменты колчана, наконечники стрел, пара стремян и удила (Самоквасов Д.Я., 1908. С. 250).

Второй могильник располагался на склоне возвышенности, *с левой стороны дороги из колонии Константиновки в Николаевскую, на расстоянии версты от Большого кургана*. В насыпи диаметром 9 м и высотой 1,8 м в неглубокой могиле выявлено погребение мужчины, тело которого засыпано щебнем с глиной, а также набор погребального инвентаря (Рис.95,2): большой рог, фрагмент изделия из рога, костяная втулка, кресало с прикипевшим к нему кремнем, нож, 12 наконечников стрел (в том числе с кунжутовидным пером и двурогий срезень), фрагменты обтянутого берестой колчана, пряжки и кольца от него, бронзовый шаровидный бубенчик 2,5 см в диаметре. Облик погребального инвентаря позволяет датировать комплекс XIV в. и относить его к погребениям кочевников, населявших Пятигорье в золотоордынскую эпоху.

В целом, следует отметить, что на территории Пятигорья кабардинские могильники ранее второй половины XV в. не известны. Сама постановка задачи обнаружения древностей кабардинцев в XIV в., как и в более ранее время, входит в противоречие с письменными источниками: первое упоминание кабардинцев принято связывать с датируемым 1436 годом сообщением Иосафата Барбаро о племени Кевертеи, при этом район

расселения этого племени на карте Северного Кавказа точно не устанавливается (Барбаро и Контарини.., 1971. С. 153).

Могильники XV-XVI вв.

К этому периоду отнесены курганные могильники Каррас (Иноземцево), Иноземцево-1, в урочище Глубокая балка, Каменный курган, в урочище Глубокая балка, урочище Каменный курган, возле виноградников колонии Каррас, урочище Михайлово Курганье, у подошвы г. Машук, при слиянии р. Подкумок и р. Аликоновка, к северу от горы Юца, а также три могильника, располагавшиеся на левобережье р. Малка (территория современной Кабардино-Балкарии) – у станицы Прохладная, за Сухой балкой и у станицы Солдатская.

Рассмотрим эти памятники.

В начале 80-х гг. XIX в. в рамках подготовки к V археологическому съезду Д.Я. Самоквасов проводил обширные археологические работы в Пятигорском округе Терской области. Наиболее полно был исследован курганный могильник, расположенный в окрестностях колонии шотландских миссионеров Каррас (совр. пос. Иноземцево Ставропольского края), состоявший примерно из двух сотен насыпей, из которых раскопаны были 105.

По аналогии с белореченскими курганами Закубанья и могильниками XIV–XV вв. Северо-Восточного Причерноморья исследователь отнес карраские курганы «ко времени господства монголов над Русскою землею» (Самоквасов Д.Я., 1908. С. 254) и связал их образование с кабардинцами. По своим масштабам раскопки Д.Я. Самоквасова на Каррасском могильнике остаются самыми значительными за всю историю археологического изучения кабардинских погребальных памятников Пятигорья. И несмотря на то, что анализ полученных материалов, проведен не был, памятник сохраняет значение ключевого для изучения средневековых кабардинских древностей Центрального Предкавказья. Опубликованные материалы раскопок

представляют собой краткое или более развернутое описание 52 погребальных комплексов, а также таблицы с изображением отдельных ярких находок. Относительно 53 безынвентарных погребений Д.Я. Самоквасов отметил лишь их обрядовое сходство с остальной частью комплексов.

Погребальный обряд. Почти все насыпи по основанию были обложены камнем. Высота курганов составляла 0,7–2,85 м, диаметр – 4,5–11 м. Все погребения одиночные. Из 44 случаев, в которых указано расположение погребенного относительно уровня дневной поверхности, 28 – выявлены на древнем горизонте, 16 – в ямах. Могилы в основном не глубокие (0,3 м), и только в трех курганах глубина ям достигала 0,7-1,1 м. Большинство погребений совершены в гробах, сбитых из 6 досок, сколоченных деревянными или железными крупными гвоздями, крышка гроба плоская или выпуклая. В шести случаях выявлены колоды, выдолбленные из стволов деревьев, расколотых на две неравные части, из которых меньшая использовалась в качестве перекрытия. Часто гроб установлен на толстом деревянном брусе или доске. В одном случае колода была перекрыта досками. В трех погребениях Д.Я. Самоквасовым были зафиксированы «деревянные помосты или засклепки могил» (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 9). , в которых В.А. Фоменко справедливо усматривает деревянные перекрытия могильных ям (Фоменко В.А., 2002. С.10). Место, на которое ставили гроб при погребениях, совершаемых на горизонте, а также дно могил часто обмазывали глиной или засыпали мелким каменным щебнем, а положенное в гроб тело иногда замазывали глиной, иногда засыпали мелким щебнем, землей и углем (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 9–10).

На позднюю *датировку* могильника указывает целый ряд находок. Из них среди предметов вооружения – сабли значительной длины (113, 117,3, 120,3 см) сильноизогнутые (кривизна 7,2; 8,2, 8,1 см), участок максимального изгиба – последняя треть клинка, сечение в нижней трети полосы ромбическое, перекрестия с прямыми концами; фрагменты колчана,

орнаментированного аппликацией из тонкого листового серебра, при этом узор имеет многочисленные аналогии на предметах материальной культуры адыгов позднего средневековья и этнографии. Аналогичным образом орнаментирован колчан из к. 6 могильника № 2 у сел. Чегем II. Этот кожаный колчан тонкого шитья был украшен позолоченными бронзовыми бляшками и сложными аппликациями (Нагоев, 2000. С. 56). Заметим, что этот прием не имеет ничего общего с орнаментацией колчанов золотоордынского времени, украшенными костяными накладками.

Из бытовых предметов наиболее показателен типологический состав кресал (Рис. 64). Это калачевидные кресала без язычка с разомкнутыми прямыми или отогнутыми в завитки концами; треугольные кресала с длинным язычком, разомкнутыми прямыми концами; фигурные (с двумя кольцами); кресала с завернутыми в петли концами, одно или два из которых смыкаются с основанием (т.н. В-образные кресала). Кресала последнего типа широко распространены в кабардинских курганах, западнее этой группы подобные они выявлены в единичных случаях (в погребениях могильников Северо-Западного Кавказа Центрлаба 3, Лефтерова щель, Черноморка-2). Датируются эти кресала XV–XVIII при этом наибольшее распространение получают в XVI–XVII вв.

Детали одежды и украшения представлены пуговицами, застежками, фрагментами шапочек, несессерами, височными кольцами, бусами, перстнями и кольцами, серьгами (Рис. 50, *1-3,5,6, 8, 44-45;* Рис. 52, *9,12,13*). Весьма показательно отсутствие ажурных элипсовидных пуговиц, получивших широкое распространение в золотоордынское время. Выявлены серебряные полые шаровидные пуговицы с ушком, литые и штампованные (из двух половинок). Литые пуговицы украшены 4-5 шариками зерни, расположенными напротив ушка. Аналогичные бронзовые позолоченные пуговицы со вставкой из бирюзы напротив ушка происходят из кургана 3 Бамутского могильника предгорной зоны Ингушетии (Крупнов, Мунчаев, 1963. С. 222-223. Рис. 5.2), который датируется не ранее XVI в.

Аналогии плоским кольцами с прорезью, которые В.П. Левашева относила к мужским височным кольцам, известны как в белореченских курганах (Левашева, 1953. С. 204. Рис. 12,2), так и в материалах склеповых погребений первой половины XVIII – начала XIX вв. у сел. Пялинг горной Ингушетии (Чахкиев, 1998. С. 63, 82. Рис. 13, 3-4).

Выявленные в ряде каррасских погребений каплевидные серьги в виде знака вопроса из расплющенной проволоки, с длинным стерженьком и тремя насаженными в ряд полыми бусинами, сложенными из двух половинок (Рис. 50, *16-17*), находят аналогии в инвентаре из погребений надземного склепа №1 XIV–XVII вв. в сел. Хамхи (Мужухоев М.Б., 1976. С. 171,172,178. Рис. 5,26) и в мавзолее конца XVII–XVIII вв. у поселка Гоуст (Даутова, Чахкиев, 1988. С. 52-53, 62. Рис. 10, 11-12) горной Ингушетии.

Сердоликовые и гагатовые бусы (Рис. 50, 24-36) из каррасских погребений также находят аналогии в поздних комплексах горной зоны: в погребении девочки из грунтового могильника XVII в. у сел. Асланбек-Шерипово (Чечня) крупная гагатовая цилиндрическая бусина с краями в огранке «розой», две гагатовые прямогольной формы, шестигранная бипирамидальная сердоликовая, а также две круглые из синего стекла найдены вместе с подвеской из монеты времени правления Рудольфа II (1576–1612 гг.) (Марковин В.И., 1963. С. 270-271. Рис. 9, 5,6,11,13).

К наиболее поздней группе вещей из Карраса относятся также и медные или серебряные перстни (Рис. 50.1,5). Среди них выделяются группа перстней-«печаток» – с узким сплошным обручем плоского поперечного сечения и припаянным к обручу массивным щитком. Общая форма щитка – усеченный конус, с гладкой или рельефной боковой поверхностью, фронтальная площадка щитка – круглая и либо плоская, орнаментированная насечкой, либо оформлена в виде рельефной розетки. Ко второй группе относятся перстни с широким разомкнутым обручем плоским в сечении, со вставкой, украшенной по окружности сканным узором, жуковина – стекловидная паста или стекло. Аналогии им обнаружены в материалах

склеповых погребений «Города мертвых» в северной Осетии (Тменов, 1979. С. 129. Рис. 27, 5). Исследователь, опираясь на заключение Э.В. Кильчевской, датирует подобные перстни «временем не ранее XVI в. и не позднее конца XVIII – начала XIX в.» (Тменов, 1979. С. 139).

К группе поздних находок отнесем и узкие нагрудники (застежки) (Рис. 50, *44-45*).

В целом особенности погребального обряда и инвентаря позволяют отказаться от устоявшейся в историографии датировки Каррасского могильника XIV–XV вв. и указывают на появление памятника на рубеже XV–XVI вв., при этом самую позднюю группу погребений можно отнести к XVII в.

Д.Я. Самоквасов исследовал также 5 могильников в окрестностях Николаевского общественного пруда: *возле виноградников колонии Каррас*, насчитывавшем до 100 насыпей, между Николаевской колонией и подошвой г. Машук (*урочище Михайлово Курганье*), в котором было выявлено до 50 насыпей, в полуверсте от Николаевской колонии, с правой стороны дороги на Пятигорск (18 насыпей), *у самой подошвы г. Машук*, с правой стороны дороги из колонии Николаевской в Константиновку (32 кургана), у станицы Кисловодской, *при слиянии р. Подкумок и р. Аликоновка*, против Кольцо-горы (до 30 насыпей). В этих курганных группах были раскопаны 10 насыпей, «убедивших» Д.Я. Самоквасова, что «могильники принадлежат по совершенному сходству их устройства и содержания к той же эпохе и тому же народу, каким принадлежит могильник у колонии Каррас» (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12–13; 1908. С. 248–249). Погребения десяти раскопанных курганов дали бедный материал: нож с широким черешком, черешковый наконечник стелы подтреугольной формы, фрагменты двух узорно расшитых кожаных кисетов, фрагменты ткани со шнурком (Опись ГИМ № 685 «В», 1940 г.), что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.

Ко второй половине XV–XVII вв. могут быть отнесены исследованные курганы могильника Иноземцево-1, при этом в составе погребального инвентаря выделяется более ранний пласт вещей XV в.: сабля из к. 13; предметы, характерные для второй половины XV – первой половины XIV в.: к.6,14, а также комплексы, возникшие не ранее XVI в.: сабля из к.8/1. При этом к. 20 содержит погребение с инвентарем (кресало с кремнем, нож, два наконечника стрел и обломок костяной пластинки) и погребенным, уложенным с полуразворотом на правый бок, череп на правом виске. Слабый разворот зафиксирован у погребенного в к. 8 и 18, что указывает и на проникновение ислама и на позднюю дату погребений – XVII вв. (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 204).

Материалы к. 6 этого памятника демонстрируют существование не зафиксированного по другим комплексам и могильникам огненного ритуала: по окружности насыпь была окружена неглубоко вкопанными столбиками, которые были подожжены: выявлена полоса крупных фрагментов угля, золы и прокаленного грунта. В ентре кургана находилось погребение, совершенное в глубокой (до 1 м) и внушительной по длине – 3,8 м и ширине – 2,5 м яме. На дно могилы был насыпан уголь, толщина прослойки 1–2 см. На него помещена колода, поверх нее был устроен настил, конструкция которого из-за его разрушения не устанавливается. Слой угля покрывал и дно колоды, на нем находился инвентарь (сабля в ножнах, колчан с полным комплектом срел, лук) и останки погребенного. Часть предметов находилась на крышке колоды (серебряное кольцо и пряжка). Колода засыпана мощным слоем угля в перемешку с грунтом. Организация курганного пространства была связана также с возведением окружности из каменных кладок и отдельных камней вокруг могилы (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 187–188).

К XVI в. относится могильник в *урочище Глубокая балка*. Погребенные уложены на горизонте, в дощатых гробах, головой на запад, вытянуто на спине, руки и ноги протянуты. В к. 4 остатки гроба обложены с боков

крупным булыжником и колотым камнем (Самоквасов Д.Я., 1908. С. 249). Погребения инвентарны (Рис. 94,1).

По-видимому, этим же временем можно датировать и могильник в *урочище Каменный курган*, где было раскопано 3 насыпи. Положение скелетов – на спине, ориентировка западная. Погребения совершены в могильных ямах, в дощатых гробах. Эти характеристики обряда делают предпочтительной датировку XVI в. Не противоречит ей и инвентарь (плоские кольца с резьбой, костяная проколка, ножницы для стрижки овец, стеклянные зонные бусины), хотя диапазон бытования обнаруженных вещей, безусловно, шире.

В 1963-1966 гг. А.П. Рунич провел раскопки 58 курганов нескольких могильников *у подножия г. Машук, по обоим берегам р. Подкумок* (Рис. 96). Преобладающее число насыпей было возведено без использования камней. Значительное число насыпей по основанию было окружено каменной обкладкой, лишь единичные курганы перекрыты каменным панцирем. Погребения одиночные, в неглубоких грунтовых ямах (0,2–0,6 м), расположенных в центре кургана, в деревянных (дубовых) колодах, перекрытых доской (преобладают), либо в «деревянных ящиках» (значительно реже) (Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992, с. 44). Ориентировка западная, положение погребенных – вытянуто на спине. Скудный погребальный инвентарь (целый ряд мужских погребений содержали только железные ножи, женских – только ножницы для стрижки овец), отсутствие в его составе специфичных для XIV в. вещей, наличие треугольных кресал с «пробитыми» отверстиями позволяют отнести курганы к концу XV–XVI в.

Обобщенное описание могильников не оставляет возможности для выявления различий между памятниками.

В группе пятигорских могильников на основании большого сходства памятников рассмотрим также три курганных некрополя, расположенных на левобережье р. Малка (на современной территрии Кабардино-Балкарии) – у

станицы Прохладная, за Сухой балкой и у станицы Солдатская, исследованные В.Б. Антоновичем в 1879 г.

Курганная группа в 2 верстах к ЮВ от станицы Прохладная насчитывала 52 насыпи, из которых было раскопано 7. Курганы по размерам: 6–13 в диаметре, 1,15–1,75 м высотой. Погребения совершались на уровне древнего горизонта и в ямах, в деревянных гробах, стенки которых скреплялись посредством пазов, и в колодах с перекладинами на двух концах длина которых превышает ширину колод (к.2,3,7). Колоды установлены вверх и вниз дном. Пространство внутри гробов заполнено глиной, стенки гробов и колод обмазаны глиной (к.1,2). Угольная подсыпка в погребении выявлена в к. 3,5,6. Непосредственно над скелетом деревянная доска (к.1,6). Колоды перевернуты вверх дном, при этом умерший уложен на доску (к.2). Курганы 2,3,6 окружены рвом (Антонович В.Б., 1882. С. 234–236).

Курганный могильник за Сухой балкой насчитывал 120 насыпей. (Антонович В.Б., 1882. С. 236–241). Курганы по размерам: 9–13 в диаметре, 1,15-2,2 м высотой. В к. 1 погребение выявлено в южной поле кургана. Гроб поставлен на слой угля и обсыпан углем (к.1 и 4), голова погребенного в к. 5 обсыпана углем. Гробы скреплялись гвоздями и скобами. Дощатое дно гроба к. 4 было накрыто другой доской – из красного дерева, края которой были украшены всаженными в дерево костяными пластинками с концентрическими кругами. Колоды выявлены в к. 3 и 5. В к. 3 и 5 в колоде – над головой и справа от скелета глиняная обмазка. В ногах погребенного из к. 3 выявлен кувшин.

Могильник у станицы Солдатская, насчитывал 200–250 курганов. Курганы по размерам: 5,7–7 в диаметре, 2,0–2,33 м высотой. В самом маленьком по размерам из раскопанных курганов погребенный был ориентирован головой на ВСВ, погребение безынвентарно. В к. 6, помимо основного мужского погребения, выявлено впускное безынвентарное погребение ребенка. Гробы в к. 1 и 6 обмазаны глиной, сколочены из досок,

над скелетом в обоих случаях – две пересекающиеся, уложенные по диагонали доски (Антонович В.Б., 1882. С. 251–253).

Могильник у немецкой колонии Эбенецер, где М.А. Караулов и П.П. Распопов исследовали 7 курганов (Караулов М.А., 1912. С.133), судя по инвентарю (навершие женской шапочки с лунницей на стержне, каплевидными серьгами с маленькими жемчужинками на стержне, достаточно хорошо сохранившаяся ткань от одежды погребенных), возник в одно время с Карраским и формировался не одно десятилетие, на что указывают особенности погребений, отразившие и языческие погребальные традиции (кк. 1,2), и переход к мусульманскому каноническому обряду (кк. 5,6,7 – минимальный инвентарь, череп на правом виске, руки сведены у паха, что может указывать на пеленание в саван).

Могильник у станиц Горячеводская раскапывался Н.Г. Керцелли. Исследователь приводит общую характеристику погребального обряда и инвентаря раскопанных им 30 курганов: «Покойник обыкновенно клался на доске (на материк) и обкладывался со всех четырех сторон толстыми брусьями; засыпался песком, смешанным с землей и мелкими камнями; затем покрывался толстой доскою, на которую и накидывалась насыпь, состоящего из земли и мелкого камня (гравия). Костяки лежали головой на З., ногами на В., в большинстве случаев голова лежала на затылке, а в меньшинстве на левом виске, в трех случая голова была обсыпана мелким углем, руки и ноги вытянуты, с правой стороны при мужских скелетах находимы были шашки довольно длинныя и в руке наконечники железных стрел, числом до 17-ти; а с левой стороны кинжал или нож, остатки ткани, куски железа, кольца и кожи. При женских: в ногах ножницы для стрижки овец, костяные иглы и ножи, серьги и кольца» (Керцелли Н.Г., 1877. С. 2).

К СВ от ст. Горячеводская В.Р. Апухтин раскопал 39 средневековых курганов высотой от 0,9 до 1,4 м. Большинство погребений было совершено на горизонте, скелеты обложены толстыми брусьями и перекрыты деревянной доской. В 3-х случаях доски выявлены и под погребенными. В

двух случаях гробовище обложено булыжником. В одном кургане – погребение по периметру обложено булыжником, при том что деревянная конструкция не выявлена.

Ориентировка умерших – в западном секторе. Верхние части скелетов (особенно черепа) и нижние доски обсыпаны древесным углем. В одном кургане находились два маленьких гробика.

Инвентарь мужских погребений: ножи, разнообразные по величине, кресала, сабля (к. 29), наконечник стрелы, шило. Женские погребения содержали бронзовые серьги в виде колец, ножницы для стрижки овец, пуговки. В шести курганах вещей не оказалось.

Памятники XVII в.

К этому времени относится могильник у подножия г. Машук *на Константиногорском плато,* на котором из 46 курганов были раскопаны 12 насыпей (Лунин Б.В., 1927), а также 2 насыпи из обширного могильника *за кирпичным заводом у «Лермонтовского» ж/д разъезда*, насчитывавшего 72 кургана. Б.В. Лунин зафиксировал традицию захоронения под небольшими курганными насыпями в ямах глубиной 0,25–0,6 м, в погребальных конструкциях, представлявших собой доску, на которую вверх дном была установлена полуколода (скреплялись скобами) (кк. 1-3, 6) или, наоборот, установленная на дно ямы полуколода перекрывалась доской, в свою очередь, несколько выпуклой (кк. 4,5,7–12). Скелеты присыпаны слоем щебня и глины, выявлены угольные подсыпки. Скудный инвентарь, включающий ножи с коленчатым перегибом (Рис. Рис. 44,2), а также наличие безынвентарных погребений позволяют отнеси исследованные памятники к XVII–началу XVIII вв.

В целом, особенности погребений всех рассмотренных могильников позволяют разделить их на три группы: 1. совершенные на горизонте, инвентарные; 2. в неглубоких могильных ямах, в деревянных погребальных

конструкциях, с инвентарем и без; 3. в глубоких могилах с деревянными перекрытиями – «засклепками», в колодах и гробах, с инвентарем или без. Выделенные группы отражают эволюцию религиозных представлений и сложный этнокультурный состав населения Пятигорья XV–XVI вв.

Погребения первой группы совершены в соответствии с традиционными языческими обрядами и находят аналогии в памятниках адыгов северо-Западного Кавказа.

Особенности комплексов второй группы, видимо, свидетельствуют о принятии частью пятигорского населения христианства.

О распространении христианства среди пятигорских черкесов/кабардинцев нам известно по письменным источникам XVI в. (Матвей Меховский, 1457–1524) (Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII вв., 2010. С. 31). Однако восприятие этой религии было весьма поверхностным, в то время как прочную основу верований кабардинцев представляли древние политеистические верования. О пятигорских черкесах уже в XVII в. Николас Витсен писал: «Они язычники или, если так можно сказать, выродившиеся христиане, так как у них можно встретить еще такой остаток христианства, как празднование Пасхи, а в остальном они язычники» (Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII вв., 2010. С. 70). С другой стороны, комплексы второй группы представляют собой основную массу погребений исследованных могильников, что может указывать на широкое распространение христианства.

Поздний хронологический пласт погребений XVII в., совершенных, как правило, в глубоких ямах, содержат комплексы, фиксирующие проникновение в местную среду ислама (поздняя группа Карраса, Иноземцево-1/ 8,18,20, безынвентарные погребения на Константиногорском плато и могильника за кирпичным заводом у «Лермонтовского» ж/д разъезда, у колонии Эбенецер (кк. 5–7).

По типу деревянного погребального сооружения также выделяются группы погребений различных могильников: погребения в гробах (Каррас,

Иноземцево-1, в урочище Глубокая балка, в урочище Каменный курган, у ст. Прохладная, за Сухой балкой, у ст. Солдатская); в колодах (Каррас, Иноземцево-1/6, на Константиногорском плато и могильника за кирпичным заводом у «Лермонтовского» ж/д разъезда, у ст. Прохладная, за Сухой балкой, у подножия г. Машук, по обоим берегам р. Подкумок); скелеты обложены толстыми брусьями и перекрыты деревянной доской – в могильниках у ст. Горячеводская и к СВ от ст. Горячеводская.

Особую группу составляют погребения в колодах, установленных вверх и вниз дном. Как было отмечено ранее, захоронения в колодах не характерны для погребальных традиций западных адыгов (Дружинина, 2013. С. 118-121), но характерны для погребений кочевников (Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С.204). В зоне распространения кабардинских курганов за пределами Пятигорья колоды встречаются в малокабардинских могильниках, расположенных на территории Северной Осетии (при этом как и в курганах Пятигорья – и вверх, и вниз дном), в плоскостных районах Ингушетии и на границе с Чечней. *На территории Кабардино-Балкарии выявлены единичные случаи погребений в колодах,* что недвусмысленно указывает на то, что этот тип погребальных конструкций маркирует присутствие этнических групп, отличных от кабардинцев. С большой долей уверенности можно увязать подкурганные захоронения XV–XVI вв. в колодах с погребальными памятниками ногайцев.

Отметим важную особенность: место, на которое ставили гроб при погребениях, совершаемых на горизонте, а также дно могил часто обмазывали глиной или засыпали мелким каменным щебнем, а положенное в гроб тело иногда замазывали глиной, иногда засыпали мелким щебнем, землей и углем (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 9–10). Слой щебня и глины над погребенным, по-видимому, может рассматриваться как особенность погребального обряда какой-то группы населения Пятигорья: слой щебня и глины выявлен в погребениях десяти курганов (№№ 1, 3, 12, 13, 14, 17, 18, 38, 41) могильника у колонии Каррас, а также в к. 1 (по сквозной нумерации

– к. 23) могильника, находящегося на расстоянии 1 версты от могильника в урочище Гора, в курганах у станиц Прохладная и Солдатская. При этом большую корреляцию признак «обмазка глиной погребенного или погребльного деревянного сооружения» прослеживается именно с признаком «погребение в колоде». Подобная практика не известна в памятниках Северо-Западного Кавказа, но была зафиксирована в погребениях кочевнических могильников: в 3 верстах к З от аула Канглы, могильника XIV – начала XV в. в урочище Гора, на расстоянии версты от Большого кургана.

В кочевническом могильнике, находившихся в 3 верстах к З от аула Канглы (Пятигорье) и исследованном В.Р. Апухтиным, погребения были совершены в могильных ямах, перекрытых каменной наброской. Погребенные были уложены на подстилку из бересты и обмазаны солончаковой грязью из соседних соленых озер. Над одним из погребенных выявлены кости лошади. Погребальный инвентарь содержал предметы конской упряжи, оружие, фрагменты шелковой ткани с золотым шитьем. В двух курганах обнаружены только кости лошадей, погребение человека не выявлено (Апухтин В.Р., 1902. С. 32-33; ИАК, 1903. С. 54).

За пределами Пятигорья такая особенность погребального обряда зафиксирована на территории Кабардино-Балкарии: в к. 30 могильника у села Шалушка в могильной яме выявлен слой глины с примесью слюды и кварца. Отметим также обмазку глиной стен могильной ямы с роскошным по инвентарю женским погребением в к. 8 Белореченского могильника (ОАК за 1896. С. 48-52; Левашева В.П., 1953. С. 169). Дно могильной ямы в этом погребении было посыпано желтым песком, из такого же песка сделано возвышение под черепом погребенной. Поверх могилы выявлено перекрытие из досок с железными скобами, над которым зафиксирован куполообразный слой угля мощностью 1 м (ОАК за 1896. С. 2, 52).

В заключение остановимся на результатах раскопок двух могильников: в урочище *Против Третьей балки* (раскопки Д.Я. Самоквасова 1881 г.) и к северу от горы Юца (раскопки А.П. Рунича и Н.М. Егорова 1935 г.).

Оба могильника в научных работах рассмматриваются как кабардинские (Нагоев А.Х., 2000. С. 31. №55; Фоменко В.А., 2002. С. 12, 14).

Могильник *Против Третьей балки* – биритуальный. «В устройстве могил и их содержании» Д.Я. Самоквасов отмечал значительную разницу по сравнению с раскопанными погребениями в окрестностях Николаевской колонии. Некрополь содержал до 60 насыпей, из которых исследователь раскопал 6 курганов, а также грунтовые погребения в каменных гробницах до 2,13 м длиной и 36 см шириной и от 70 см до 1,4 м глубиной, сложенных из 6–8 известковых плит 9-18 см толщиной, с дном и перекрытием из таких же плит (раскопано 11 каменных гробниц).

И курганы, и грунтовые погребения в каменных гробницах содержали деревянные гробы. Под курганами захоронения совершались на уровне древнего горизонта. Погребенные обращены головой на запад, лицом вверх, уложены вытянуто на спине, руки вдоль туловища.

В курганах найдены (Рис. 97): железный нож (Рис. 97, *17*), наконечник стрелы (Рис. 97, *4*), железные ножницы, оселок (Рис. 97, *16*). В каменных гробницах выявлены: сабли, железные ножи (Рис. 97, *12-15*), каменные оселки, два кресала (Рис. 97, *10-11*), наконечники стел (Рис. 97, *1–3,5–8)*, остатки двух берестяных колчанов, серебряные пряжки и наконечник ремня (Рис. 97, *23,24,27*), золотые, серебряные (Рис. 97, *20,21*) и бронзовые (Рис. 97, *25–26*) серьги, восьмидольная янтарная (Рис. 97, *22*), треугольнвя сердоликовая и стеклянные бусины, два перстня с голубыми стеклами, два широких серебряных браслета, украшенных резьбой и ножницы – шарнирные (Рис. 97, *19*) и для стрижки овец (Самоквасов Д.Я., 1882. С. 13–14).

Для датировки могильника важны находки серебряных сережек с шаровидной полой бусиной украшенной на полюсе пирамидкой из зерни и с

бусиной меньшего диаметра, сквозь которую проходит дужка, обе бусины отделены друг от друга пояском из двух рядов шариков зерни. На меньшей по диамету бусине и на верхней части дужки напаяны еще две бусины с зернью (Рис. 97, *20,21*). Прямые аналогии этим украшениям известны в материалах позднего средневековья – нового времени из грунтового Байрымского могильника (Батчаев В.М., 2006. С. 231. Табл. XXII. 14), могильника XVII в. у сел. Асланбек-Шерипово. На этом же могильнике выявлены схожие по типу бусы (Марковин В.И., 1963. С. 270-271. Рис. 9, 5–11).

При определении этнокультурной атрибуции населения, оставившего грунтовые могилы, следует заметить, что на Северо-Западном Кавказе этот обряд исчезает уже в начале XV в. В горах Центрального Кавказа погребения в каменных гробницах известны и в более поздних комплексах: под полом башнеобразного склепа у сел. Кошк, не ранее XV в. (Мамаев Х.М., 1976. С. 37), раннемусульманские погребения 21 и 23, датируемые XVI в., могильника Кенхинский 1-й (Мамаев Х.М., Даутова Р.А., 1981. С.36), грунтовые погребения в гробницах, устроенных из уложенных в два ряда камней могильника XVII в. у сел. Асланбек-Шерипово (Марковин В.И., 1963. С. 270-271. Рис. 9, 1–3).

Ближайшими захоронениями подобного типа и прямыми аналогиями грунтовым погребениям могильника Против Третьей Балки являются Верхне-Балкарские 2-ые каменные ящики, расположенные в урочище Куспарты. Ящики сложены из больших плотных сланцевых плит и сверху покрыты такими же плитами. Внутри ящиков сохранились истлевшие остатки деревянных гробов. Скелеты уложены вытянуто на спине, головой на запад. По составу погребального инвентаря (бронзовые и серебрянные застежки, пряжки, бусы из стекла и халцедона, перстни со стеклянными вставками, деревянные гребни и т.д.) В.А. Кузнецов датировал погребения XIV–XVI вв. (Чеченов И.М., 1969. С. 94, №348). Однако находка в одном из ящиков прямоугольного стеклянного зеркальца дает основание отнести

верхнюю хронологическую границу могильника к XVII–XVIII вв. Не противоречат такой поздней датировке и состав бус. Грунтовые каменные ящики с впущенными в них гробами или колодами выявлены на могильнике Курнаят XIV–XVII вв. у сел. Верхняя Балкария (Мизиев И.М., 1971. С. 244–249). В.Ф. Миллером исследован грунтовый могильник с мусульманскими погребениями в каменных ящиках на правом берегу Черека у сел. Шканты. Погребенные были обернуты в саван, уложены головой на юго-запад, без инвентаря (Миллер В.Ф., 1888. С. 81; 1900. С. 345). Упомянем также захоронения в каменных гробницах, сооруженных над полом склепов «кешене Абаевых» (Чеченов И.М., 1969. С. 91, №335).

Таким образом, грунтовые погребения в каменных ящиках с впущенными в них деревянными погребальными конструкциями, исследованные Д.Я. Самоквасовым в урочище Против Третьей балки, стоят в одном ряду с такими памятниками как могильники Коспарты, Курнаят и другие верхне-балкарские некрополи XV–XVII вв.

Что касается шести раскопанных курганов, то ни погребльный обряд, который находит аналогии в памятниках различных этнических групп Северного Кавказа, ни погребальный инвентарь, не позволяют предложить уверенной культурной атибуции памятника. Скудный и малочисленный инвентарь может указывать на датировку XVI–XVII вв.

Принципиально важным является описание раскопок двух курганов *к северу от горы Юца*, проведенных в 1935 г. А.П. Руничем и Н.М. Егоровым. Средневековые курганы могильника группировались вокруг более ранней насыпи внушительных размеров (3 м высотой и 95 шагов по окружности). В одном из раскопанных курганов А.П. Рунич исследовал женское погребение, совершенное на горизонте, в деревянной погребальной констукции. Умершая была уложена головой на ЮЮЗ (хотя по чертежу восстанавливается ориентировка ЗСЗ), вытянуто на спине, череп на затылке, руки протянуты вдоль тела. Погребение содержало ножницы, бронзовую серьгу с жемчужинкой, костяное веретено (Фоменко В.А., 2002. С. 14. Рис. 6А) (Рис.

98). Во втором кургане, исследованном Н.М. Егровым, было выявлено мужское погребение, отличавшееся теми же признаками: совершено на горизонте, в деревянной конструкции, положение умершего вытянуто на спине, руки вдоль тела, ориентировка ЮЮЗ (ЗСЗ – по чертежу), присутствовал инвентарь (наконечники стрел, наконечник копья, нож с гвоздем, треугольное кресало, две пряжки). При этом М.Н. Егоров указал, что у погребенного был череп монголоидного типа (Фоменко В.А., 2002. С. 14, Рис. 6Б).

На этом основании следует сделать как минимум три вывода:

1. Определенное число курганов в районе Пятигорья, отнесенных к числу кабардинских (Фоменко В.А., 2002. С. 14), возведено монголоидным населением;

2. По своим особенностям (подкурганные, одиночные, совершены на горизонте, в деревянных погребальных конструкциях, положение умершего вытянуто на спине, ориентировка в западном секторе, инвентарные) и по составу инвентаря погребения, оставленные монголоидным населением (предками ногайцев) не отличались от серии погребений, выявленных в кабардинских могильниках. А, следовательно, в решении вопроса этнокультурной атрибуции памятников исследователи должны ориентироваться, в первую очередь, на результаты антропологического анализа. В отсутствие антропологического заключения при оценке этнокультурной принадлежности погребений и целых могильников следует подчеркивать ее вероятностный характер.

3. Недопустимо априорное отнесение курганных могильников Пятигорья, в том числе «по внешним признакам», к числу адыгских (кабардинских).

Показательно, что и в погребенных из семи курганов у немецкой колонии Эбенецер, исследовавшие их М.А. Караулов и П.П. Распопов увидели воинов «разноплеменного войска», на что указывали в том числе и «антропологические особенности костяков» (Караулов М.А., 1912. С.133).

Междуречье Малки и Уруха XV–XVII вв.

Изучение кабардинских погребальных памятников эпохи средневековья наталкивается на две проблемы: неразработанность хронологии курганных древностей и отсутствие четких критериев при этнокультурной атрибуции памятников. При этом во многих работах можно встретить замечания о том, что «эти памятники отличаются удивительным единообразием» (Алексеева Е.П., 1959. С. 23), что «здесь нет локальных вариантов» (Шафиев Н.А., 1968. С. 53–54) и что «их погребальный инвентарь совершенно однотипен и не поддается точной датировке в рамках XIV–XVI вв.» (Ртвеладзе Э.В., 1973. С. 21).

Одной из задач, которую решали исследователи средневековых кабардинских курганов, являлось составление перечня данной группы могильников. Первый такой перечень, а также «Карту распространения адыго-черкесских курганов», на которой были отмечены две группы памятников – кабардинская и белореченская, предложила О.В. Милорадович (Милорадович О.В., 1954. С. 344–347. Рис. 1). Подробный анализ этой работы представлен во второй главе диссертации, здесь же отметим, что в перечень кабардинских курганов исследовательница включила и не раскапывавшиеся могильники, осмотренные во время разведочных работ Н.Е. Макаренко и Е.И. Крупнова.

В 1969 г. вышла в свет работа И.М. Чеченова «Древности Кабардино-Балкарии. Материалы к археологической карте», где в разделе VII «Памятники эпохи позднего средневековья (Адыгский период, XIV–XVIII вв.)», содержащем список памятников, их краткую характеристику, в том числе и этнокультурную атрибуцию, к кабардинским курганным могильникам были отнесены 16 памятников (№№ 256, 258–259, 266, 269, 271–272, 280, 319, 360, 362, 367–369, 372–373), при этом «по внешним признакам» Кубинские 2-е курганы (№ 256), Нальчикские 10-е курганы (№

319), Псыгансуевские 1-ые курганы (№ 360), Калежские 1-ые, 2-ые и 3-и курганы (367–369) определены как «типичные кабардинские курганы».

Возникает закономерный вопрос, по каким «внешним признакам» можно отделить кабардинские курганы, например, от ногайских?

Но и атрибуция раскопанных памятников ясности не прибавляет, «типичные признаки» кабардинских курганов варьируют, в том числе названы и уникальные особенности обряда и инвентаря. Так, помимо самых общих признаков «типчных» кабардинских подкурганных захоронений – положение погребенного вытянуто на спине, западная ориентировка – в случае с Солдатскими 2-ми курганами (№258) отмечены захоронения в деревянных гробах, в случае с Заюковскими 4-ми курганами – деревянные настилы под погребенными, в случае с Прохладненскими 2-ми курганами (№259) – остатки кольчуги в составе «типичного» набора погребального инвентаря кабардинских погребений, ни в одном из кабардинских курганов больше не выявленных, в случае с Заюковскими 6-ми курганами (№271) – «угольная подсыпка, железный нож и др.», со Старо-Лескенскими 3-ми курганами (№372) – рвы вокруг самых высоких насыпей, а также находки из рога козы, с Урухскими курганами (№373) – «компактное расположение насыпей, остатки деревянного гроба, булыжная обкладка в насыпи и инвентарь (железные ножи, кресала и др.)».

Для примера, описание могильника под №280 приведем полностью: «Кызбурун III, 2-ые курганы. В 0,5 км юго-восточнее селения, на возвышенности расположен обширный могильник, состоящий из нескольких курганных групп. Одна группа насчитывает более 100 насыпей. В 1954 г. П.Г. Акритасом (АЭ КНИИ) здесь раскопан один курган (высота – 1,25 м, диаметр – 13 м). В насыпи содержалось незначительное количество булыжника. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь погребения (железный нож, кресало и др.) – типичный для кабардинских курганов XIV–XVI вв.» (Чеченов И.М., 1969. С. 79). Представляются не допустимыми попытки любой точной этнокультурной атрибуции

единственного погребения, характеризующегося поистине «универсальными» для средневековых памятников Средневекового Кавказа признаками – западной ориентировкой и положением погребенного вытянуто на спине, а также погребальным инвентарем, в состав которого входит нож и кресало, раскопанного на обширном могильнике, состоящем из сотен насыпей, объединенных в *несколько групп*, выделившихся на основании не установленных хронологических либо историко-культурных обстоятельств.

При этом упомянутые в качестве типичных для кабардинских курганов признаки в других случаях «не работают». Так, компактное расположение имеют, например, небольшие Бабугентские курганы (№354), но к числу кабардинских они не отнесены, хотя и датированы XIV–XVI вв. Или Нарткалинские 2-е курганы (№364), а вернее, несколько курганных групп, насчитывающих по 50–100 небольших насыпей, в которых погребенные лежали в деревянных колодах, в вытянутом положении на спине, головой на запад. Инвентарь (железные ножи, кинжалы, ножницы, наконечники стрел и др.)» также не отнесены к кабардинским, при этом указано, что местное население эти курганы связывает с ногайцами (Чеченов И.М., 1969. С. 97).

По результатам внешнего осмотра памяников к кругу кабардинских курганов целый ряд могильников отнес и А.Х. Нагоев. В Главе II монографии исследователя «Средневековая Кабарда» представлен перечень из 84 могильников, выявленных на территории от верховьев р. Кубань в Карачаево-Черкесии до междуречья Сунжи и Фортанги в Ингушетии и Чечне, при этом А.Х. Нагоев разделил эти памятники на три группы «по степени сохранности дошедших до нас материалов и полноты наших знаний о раскопках» (Нагое А.Х., 2000. С. 25–38). Представляется, что памятники третьей группы, насчитывающей 19 могильников (№№66–84), раскопки на которых не производились, не могут быть отнесены к кабардинским могильникам. Установление этнокультурной и хронологической атрибуции данных курганных групп возможно только по результатам археологического и антропологического анализа материалов раскопок.

Перейдем к анализу материалов раскопок курганных могильников, относимых к числу кабардинских средневековых некрополей.

Могильники XV в.

Среди позднесредневековых могильников Кабардино-Балкарии особое место занимает курганная группа № 3 у сел. Чегем II (Куденетово II) (Рис. 9). Памятник датирован XIV–XVI вв. (Чеченов И.М., 1969. С. 85, №312) и XIV–XV вв. (Нагоев А.Х., 1980. С. 161). Специфические черты погребального обряда и состав сопроводительного инвентаря памятника резко выделяют его из общего числа кабардинских курганных могильников.

В 1897 г. две насыпи этого могильника (кк. №2 и №4) были раскопаны И.А. Владимировым[6] (Дело №215/1896. Л. 47–49, 50–51).

В 1975 г. памятник, насчитывавший к этому времени 14 насыпей, был полностью доследован Б.М. Керефовым и А.Х. Нагоевым.

Даже приниая во внимание известный схематизм планов могильника, выполненных И.А. Владимировым и А.Х. Нагоевым, нельзя не отметить особенность в расположении насыпей: на могильнике №3 курганы располагаются друг от друга на значительном рассмотянии (20–30 м) и вытянуты двумя рядами с ЮЗ на СВ, при этом сгруппированы «вокруг» самого большого кургана (№ 2 – по нумерации И.А. Владимирова / № 14 – по нумерации Б.М. Керефова и А.Х. Нагоева).

Размеры курганов: диаметр – от 9 м до 50 м, высота – от 1 м до 6,4 м. Насыпи могильника представлены пятью типами: земляная – 8, земляная с каменной обкладкой по основанию – 1, из земли и булыжника вперемешку – 1, с каменным панцирем – 2, сооруженная в 2 приема: поверх каменной

[6] Ранее считалось (Чеченов И.М., 1969. С. 85. № 312; Нагоев А.Х., 2000. С. 28, №22; Дружинина И.А., 2006. С. 79 и др.), что И.А. Владимиров произвел раскопки пяти курганов этого могильника. Однако ситуационный план памятника, который составил исследователь и который содержится в материалах полевого отчета (Дело №215/1896. Л. 47) (Рис. 68) показал, что И.А. Владимиров раскопал только две насыпи (№2 и №4) на могильнике №3 у сел. Чегем II, остальные три кургана (№1,3,5) были раскопаны на соседнем могильнике – №4 у сел. Чегем II.

насыпи возводилась земляная – 1. Покойных хоронили в могильных ямах (0,5–0,8 м глубиной) подпрямоугольной в плане формы или незначительно заглубляли в горизонт в изготовленных из цельных дубовых и карагачевых досок гробах с крышкой и с дном.

Наилучший по сохранности гроб (к.6, раскопки 1975 г.) имел форму прямоугольного ящика, составленного из грубо обтесанных толстых дубовых досок, крепившихся с помощью пазов, прорезанных в торцевых досках, продольные доски выходила за торцевые на 15–20 см. Крышка гроба крепилась к гробу железными скобами. Толщина торцевых досок – до 20 см, боковых – до 10 см. Деревянная погребальная конструкция другого типа – из двух выдолбленных «полуколод» – исследована А.Х. Нагоевым в к.9. Линия стыка полуколод находилась на дне гробовища и была прикрыта тонкой дощечкой. Толщина продольных досок 10 см, высота – 70 см, длина поперечных – 1,15 м, высота – 50 см, толщина – 15 см. Гробовище скреплено посредством пазов, прорезанных в торцевых досках, куда вставлялись продольные. Дно гроба выступало за торцевые на 15 см, торцевые выходили за боковые на 17 см. Крышка из цельной выпуклой дубовой доски толщиной 20 см входила между продольными и лежала на торцевых. Внутренняя длина гроба – 2,15 м, внутренняя ширина – 0,5–0,55 м.

В ряде погребений изголовье или гроб обсыпаны древесным углем. В к. 7 под гробом был насыпан слой угля толщиной 7–10 см, остатки скелета и весь гроб со всех сторон обсыпаны углем. Все пространство между стенками гроба и могильной ямой в к.9 заполнено углем, над гробовищем возведен «курган» из угля.

Размеры «центральной» насыпи могильника (№ 2 / № 14) (Рис. 69) нетипично большие для кабардинских курганных могильников: 50 м в диаметре и 6,4 м высотой, курган окружает ров глубиной 0,7 м, шириной 2 м. Насыпь возведена из булыжника на высоту 4–4,5 м, сверху насыпан слой темно-серого гумусированного суглинка мощностью 1,5–1,8 м. При раскопках в 1897 г. И.А. Владимировым в западной части кургана выявлено

погребение мужчины в гробу. Ориентировка – ЮЗ. Сопроводительный инвентарь представлен 6 наконечниками стрел, остатками кожаного колчана конической формы, с двумя медными кольцами у нижнего края; железным предметом неясного назначения, медной пряжкой, частью оленьего рога и уздечкой с железными кольцами (ОАК за 1897. С. 138)[7]. При доследовании кургана в 1975 г. в 12 м к Ю от центра насыпи выявлена вторая могильная яма (3,3×1,65×1,2 м) подпрямоугольной в плане формы с уступом с южной стороны. Ориентирована по оси В-З. Более глубокая северная часть ямы обильно засыпана древесным углем. Яма завалена булыжными камнями вперемешку с глиной. Костные останки и погребальный инвентарь не обнаружены (Нагоев А.Х., 1980. С. 156-157).

На материалах могильника зафиксирован не типичный для позднесредневековых адыгских, в том числе кабардинских курганных могильников элемент – наброска из булыжного камня над могильной ямой (курган №4 (раскопки 1897 г.), к. 12, к. №2/№14). В погребениях № 3 (1897) и № 4 выявлена подсыпка из мелкого светлого песка.

Еще одной особенностью памятника является расположение погребений под курганной насыпью. Лишь три погребения могильника № 3 у сел. Чегем II были выявлены под центральной частью насыпи, остальные – в стороне от центра кургана: Ю–6, ЮВ–2, ЮЗ–1, В–1, З–1. Такое расположение погребений характерно для могильников Северо-Восточного Причерноморья XIII–XIV вв. (района Анапы–Геленджика), хотя подобные единичные случаи выявлены и в ряде кабардинских курганных могильников (мог. №№ 2 и 4 у сел. Чегем II, Лечинкай). При этом подчеркнем, что по своей топографии, структуре и размерам могильник №3 заметно отличается от адыгских позднесредневековых курганых некрополей Северо-Западного Кавказа.

[7] Следует отметить, что по каким-то причинам ни в полевом отчете, ни в публикациях материалов могильника А.Х. Нагоев не упоминает о данном погребении, исследованном И.А. Владимировым

Яркой особенностью погребального инвентаря мог. № 3 является наличие не характерных для кабардинских курганов предметов белореченского круга: бронзовых и серебряных пряжек и бляшек, наконечников поясов, состоящих из двух пластин, скрепленных заклепкой, ажурных бронзовых пуговиц с позолотой (Нагоев А.Х., С. 157-158). В насыпи к. 14 обнаружено несколько обработанных туфовых камней, напоминающих каменных балбалов кочевников.

Анализ находок позволяет исключить из диапазона датировки могильника XIV в. Самые ранние вещи – бляшки, пряжки и наконечники поясов – представляют собой грубые реплики прототипов второй половины XIV – начала XV вв. (Крамаровский М.Г., 2000. С. 259, №177-178; Крамаровский М.Г., 2015. С 340, №173) (Рис. 71). Для датировки памятника также важны находки кресал В-образной формы, фрагментов шкатулок, характерных для XV в.

Однозначная этнокультурная интерпретация памятника затруднительна. Такие особенности погребального обряда, как каменная наброска над погребениями, уголь в могилах, подсыпка речным песком дна могил, гробовище, состоящее из двух полуколод, яма с уступом, а также наличие в вещевом наборе предметов конской упряжи (узда), каменных балбалов, позволяет сделать вывод об участии кочевого населения в формировании могильника. По меньшей мере, самый большой курган могильника №3 у сел. Чегем II – к. №2/№14 – содержал погребение кочевника. Присутствие в составе погребального инвентаря предметов белореченского круга, которые являлись импортом как для населения районов Центрального Предкавказья, так и для самого Восточного Закубанья, имеют значение лишь для решения вопроса о датировки могльника, но не его этнокультурной характеристики. Расположение насыпей двумя параллельными рядами на заметном (до 20–30 м) расстоянии друг от друга находит аналогии в планировке закубанского могильника XV в. – Шенджий (Носкова Л.М., 1991).

Курганы 8 и 13 могильника №1 у села Чегем II

Могильник располагался в 3 км к юго-востоку от села Чегем II и в 200 м справа от дороги, ведущей в село Лечинкай. Насчитывал 44 насыпи, многие носили следы грабительских раскопок. Исследовано 17 курганов. Памятник датирован А.Х. Нагоевым XV–XVII в. (Нагоев А.Х., 1987. С. 218).

Судя по особенностям погребального обряда и составу вещевого комплекса исследованные курганы можно разделить на две хронологические группы. Основная часть раскопанных не грабленных погребений (кк. 3–7, 10–12, 16,17) может быть отнесена к самому позднему времени существования курганного обряда, когда среди кабардинцев распространялся ислам – к XVII в. (рассмотрены ниже).

К более раннему времени относятся погребения к. 8 и к. 13. Эти курганы по размерам превышают остальные исследованные насыпи. В погребении кургана 8 выявлены девять наконечников стрел, фрагменты ножа и кресало. Интересно, что по типовому составу стрелы к. 8 практически идентичены набору стрел из к. 13. В этот состав в каждом кургане входят черешковые наконечники линзовидного сечения: по два крупных подромбических с расширением в ценральной части пера аналогии которым выявлены в материалах XIII–XIV вв. могильника Цемдолинский на пашне, погр. 34 (*Армарчук, Малышев,* 1997. Рис. 13, *8*), Лобанова щель 2/1 XIV в. (*Козюменко, Раев*, 2002. С. 217, 231. Таб. 8, *12*), Арпачин II – 42/1 (*Чхаидзе, Дружинина,* 2010. С. 201. Рис. 15, *3*); другая пара крупных наконечников в к. 8 и 13 – с треугольным плоским пером линзовидного сечения, с вогнутыми плечиками и узелковым упором, эти наконечники близки типу Б39, XI–XII вв. (*Руденко,* 2003. С. 97), типу 44 (вар. 1 и 2), IX–XI и X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 66), аналогии обнаруживаются в белореченском кургане 1 (1897 г.) посл. трети XIV в. (*Горелик, Дружинина,* 2011. Рис. 5, *1–2*). Кроме этих стрел, в наборы погребений к. 8 и 13 входила серия наконечников с узким пером: подтреугольных с вогнутыми плечиками и расширением в нижней части, а также листовидных вытянутых, получивших распространение с XII

в. и вплоть до конца XIV в.) (*Медведев*, 1966. С. 65. Таб. 20, *29*), распространены на Северном Кавказе в XIII–XIV вв. (Тип А11) (*Мамаев и др.,* 1983. С. 61, 64, 67. Рис. 9, *1, 25*).

Хорошо известно, что целый ряд типов наконечников стрел, распространенных в золотоордынский период, бытовали на Северном Кавказе вплоть до XVII–XVIII в. Однако на раннюю датировку рассматриваемых погребений указывает и кресало из к. 8, которое относится к типу кресал с коротким плавно закругленным язычком, разомкнутыми асимметричными концами. Такие огнива получили распространение в курганных могильниках района Новороссийска – Геленджика и предгорий Северо-Западного Кавказа во второй половине XIII–XIV вв. Известны по находкам в погребениях из курганов 7,12 могильника Кабардинка (Носкова Л.М., 2010. С. 177-178. Рис. 4, *11*; 7,*1*); в кочевнических погребениях золотоордынского времени (Супруненко О.Б. и др., 2006. С. 46-48. Рис. 37,2). Кресала этого типа являются довольно редкой находкой для средневековых памятников Центрального Предкавказья. Подобное кресало обнаружено В кургане 1 могильника у городища Герменчик (в комплексе с бритвой с круглой ручкой и плоским лезвием, ножом, оселком и рогом козы) (Крупнов Е.И., 1948. С. 296-297, рис. 10).

В погребении к. 13 были выявлены также фрагменты сабли. Однако отсутствие в отчете их рисунка и фотографии (схематичный рисунок на плане-схеме погребения не может рассматриваться в качестве надежного иллюстративного источника) не позволяет сделать уверенное заключение о датировке предмета. В тексте отчета А.Х. Нагоев указал, что сабля была «изогнутая со штыкообразным концом» (Нагоев А.Х., 1972. Р-1. №4966. Л. 8). Подобные сабли появляются в XV в. Видимо, этим временем, учитывая характер остальных находок, можно датировать курган 13.

Важно отметить такую особенность к. 13, как окружавший его 2-метровый по ширине ров (Нагоев А.Х., 1972. Р-1. №4966. Л. 8, №4966а. Л.8. Рис. 13)[8].

Особенности кургана 13 не дают бесспорных оснований для отнесения его к числу кабардинских погребальных памятников (хотя и не исключают такой атрибуции), а сходный инвентарь курганов 8 и 13 позволяет рассматривать их в одной культурно-хронологической группе памятников.

Памятники конца XV–XVI вв.

По особенностям обряда выделяются четыре группы могильников.

К ***первой группе*** памятников относятся курганные могильники Дубки 1, Дубки 2 (Нагоев А.Х., 1988. Р-1 №13496), могильник 2 у села Нижний Черек,

Курганы расположены в 5–10 м друг от друга, бессистемно. Насыпи земляная с панцирной обкадкой в 1–2 слоя (высотой 0,6 м, диаметром 6 м) и земляные с обкладкой по основанию (высотой 0,7–0,95 м, диаметром 6–6,8 м). Погребения в центре, в ямах (до 2,3х1,1 м, глубина до 0,65 м). Ориентировка погребенных ЗЮЗ, ЮЗ. Уложены на спине, руки протянуты. Захоронены в дубовых гробовищах подпрямоугольной в плане формы, точнее форма невосстанавливается, сохранился лишь тлен. Все черепа раздавлены, часть обсыпана углем.

Инвентарь представлен деталями костюма (фрагменты головных уборов, пуговицы, поясные пряжки и ременные наконечники), украшениями (серьги, перстень), бытовыми предметами и орудиями труда (ножи, кресала, железные ножницы – пружинные и шарнирные, с полукольцами на концах). Характерно минимальное присутствие предметов вооружения – в трех курганах выявлены три наконечника стрел с удлиненно-ромбовидным пером, по одному в каждом погребении (у левой или правой голени умерших).

[8] Наличие рва не было упомянуто при публикации материалов могильника (Нагоев А.Х., 1987. С. 172).

Серьги двух типов: из бронзовой проволоки прямоугольного сечения в виде разомкнутого колечка, диаметром 1,3 см и каплевидные – из расплющенной в пастинку бронзовой проволоки, на стержне с отогнутым и закрученным концом в виде петли в один оборот. Два височных кольца из плоской бронзовой пластинки шириной 7 мм, толщиной 1 мм, с плотно сомкнутыми без спайки концами. Внешний диаметр 2,8 см. Серебряный перстень с мыском аналогичен находке из могильника Каррас.

От женского головного убора сохранился серебряный стержень с лунницей. Диаметр трубочки наверху 0,6 см, у основания 1,9 см, длина вместе с лунницей – 14 см. Внутри серебряного конуса железный стержень со следами дерева. Снизу на луннице было ушко для привешивания цепочки с украшениями. Пуговицы бронзовые полые шаровидные двух варианто – маленькие (диаметр 0,5 см) с гладкой поверхностью, с петелькой и шишечкой на противоположном полюсе, и большие (диаметр пуговиц 2 см) с фигурно-рельефной поверхностью с ушком из трех спаянных проволочек, место соединения с пуговицей окольцовано бронзовой проволочкой, на противоположном полюсе гнездо для вставки.

Наконечник ремня в виде прямоугольника с подтреугольным концом с 2-мя заклепками. Четыре наконечника ремня от одного поясного набора – плоские прямые, по форме прямоугольные и треугольные, с закругленными концами.

К предметам быта относится деревянная шкатулка, с металлическими заклепками и гвоздиками, фрагменты которой выявлены в одннom из погребений, а также два кисета с вышивкой, один из которых стянут шнурком. Для периода XVI в. характерен набор кресал из комплексов могильника: два экземпляра – В-образные, одно огниво – лировидное.

Погребение к. 4 могильника Дубки 1 безынвентарно.

Вторая группа памятников объединяет могильники, содержащие подкурганные погребения в колодах. К ним относятся могильник на второй версте по шоссе из Нальчика (И.А. Владимиров, 1897), на 3-ей террасе р. Нальчик (Мачинский А.В., 1941. С. 318).

Могильник на второй версте по шоссе из Нальчика представляет собой обширный некрополь, раскопано 2 насыпи. В первом кургане значительных размеров (высота – 3,7 м, диаметр – 22 м) под земляной насыпью в неглубокой могиле (до 0,2 м глубиной) выявлено погребение пожилого мужчины в колоде. Ориентировка погребенного ЮЗ, он уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела. Погребальный инвентарь составили: нож и кресало в кисете, наконечник стрелы и колечко, скрученное из серебряных нитей. Сохранились фрагменты костюма: шелковая шапочка «в виде скуфьи» с двумя полосами серебряного галуна, грубой работы, у шейных позвонков и вдоль груди сверху вниз также найдены фрагменты шелковой ткани и серебряных галунов, у тазовых костей – фрагменты плетеного пояса, железная пряжка и обоймица.

Курган являлся одним из самых значительных по размерам в некрополе, что свидетельствуют о высоком социальном положении погребенного. При этом он был стар и хром. Скудный погребальный инвентарь указывает на то, что захоронение было совершено той общественной группой, для которой социальное положение умершего не должно было подтверждаться количеством и роскошью положенных в могилу вещей, что указывает на приверженность населения, оставившего этот памятник одной из мировых религий – христианству или исламу. Сохранившаяся ткань от одежды, в свою очередь, указывает на сравнительно позднюю датировку. Пряжка и обоймица пояса находят аналогии в материалах XVI в. могильника у станицы Прохладная. Однако еще были сильны и языческие и этнокультурные традиции – погребение под курганом,

в колоде, под наброской из булыжного камня и щебня. Учитывая эти аргументы, считаем возможным датировать комплекс XVI в.

Второй курган (высотой 3,2 м, диаметром 14 м) возведен из последовательно насыпанных слоев земли, речного камня, снова земли, затем щебня и ниже – слоя булыжных камней. В могиле глубиной 0,27 м, в деревянной погребальной конструкции с перекрытием выявлен скелет взрослого мужчины, ориентированного головой на З. Инвентарь представлен ножом, бляшками от колчана, двумя наконечниками стрел.

К этому хронологическому горизонту можно отнести и подкурганное погребение, исследованное А.В. Мачинским в 1,5 км от Нальчика, на 3-ей террасе р. Нальчик взрослого мужчины в колоде и с бедным инвентарем (нож, кремень и пряжка). Под черепом и по сторонам от него был насыпан древесный уголь (Мачинский А.В., 1941. С. 318).

Третья группа памятников представлена курганным могильником на р. Белая (Владимиров И.А., 1897), *на второй версте по шоссе из Нальчика (Владимиров И.А., 1897),* К СВ от ст. Горячеводская (Апухтин Р.В.).

На обширном курганном некрополе на р. Белая исследовано две насыпи. Захоронения объединяют общие признаки, заметно отличающиеся от остальных рассмотренных памятников: они произведены под небольшими земляными курганами (1,2–1,4 м высотой, 6,3–7 м в диаметре) в могильных ямах 0,5 м глубиной, обложенных по периметру крупными камнями. Умершие уложены на спине, ноги прямо, руки вытянуты вдоль тела, тело засыпано слоем песка или уложено на слой песка, в изголовье выявлены фрагменты древесного угля. В обоих случаях погребения перекрыты доской, уложенной на ряд камней. В одном случае ориентировка – западная, в другом – северная (курган с погребенным с северной ориентировкой расположен в самом центре могильника). При погребенных – ножи в деревянных ножнах, поясные бляшки и пряжки, наконечники стрел.

К этой паре подкурганных захоронений следует отнести и 4 погребения *могильника на второй версте по шоссе из Нальчика*. Эти четыре погребения, находившиеся под курганами №10, «а», «в» и «г» таким же образом совершены в могильных ямах глубиной 0,5 м, обложенных по периметру камнями и перекрытых досками. В к. №10 умершая взрослая женщина была уложена головой на юг, лицо обращено на запад (череп на левом виске). В районе ушей погребенной выявлено две золотых серьги, а вдоль скелета от шеи до колен выявлено 12 серебрянных с золочением пуговиц, по две пуговицы (одна над другой) лежали у лучевых костей каждой руки (с внутренней стороны). Пуговицы находят аналогии в ожерелье, обнаруженном на территории Азербайджана, вместе с сефевидскими монетами. По всему скелету найдены фрагменты шелковой и парчевой ткани от одеяния, расшитого золотными нитями. При погребенной наден нож в ножнах, обработанный олений рог, а также, как и в женском погребении к. 3 мог. №3 Чегем II, кресало и кремень.

Курган «а» на второй версте от Нальчика – тот же обряд: диаметр 6,3 м, высота – 1,2 м, погребение в могиле, обложенной по перимету камнями, ориентировка западная, скелет на слое белого песка, под головой угли. Погребение перекрыто слоем щебня. Из вещей выявлены наконечники стел, фрагменты лука и колчана, нож, кресало, кремень. Курган «в» такой же, безынвентарный. Близкий «г», но камни в изголовье и ногах.

К этой группе могильников могут быть отнесены и два из 39 раскопанных В.Р. Апухтиным к СВ от ст. Горячеводская средневековых кургана, в которых гробовище обложено булыжником, в одном кургане – погребение по периметру обложено булыжником, при том что деревянная конструкция не выявлена.

Эту группу погребений отличает наличие прослойки белого песка – либо под скелетом, либо в засыпи погребения.

К **четвертой группе** памятников относится курган 3 могильника №3 у сел. Чегем II (Куденетово) (раскопки И.А. Владимирова, 1897 г.).

Курган №3 был перекрыт мощным каменным панцирем. Как указывает И.В. Владимиров, в центре насыпи панцирь состоял из 2–3 слоев камней. Погребение было совершено в неглубокой яме (до 20 см), стены которой обставлены тесаными досками, сверху рама была перекрыта пятой доской. Дна у конструкции не было. Погребенная лежала на слое светлого песка.

Комплекс вещей из женского погребения этого кургана совершенно не типичен для позднесредневековых кабардинских могильников. В его состав входило медное зеркало. Подобные находки в позднесредневековых кабардинских курганах экстраординарны, в белореченских курганах зеркала находили дважды (к. № 33 раскопки 1896 г. и к. № 4 раскопки 1907 г.), довольно часто эта категория находок встречается в курганах Северо-Восточного Причерноморья (Дружинина И.А., 2010), широко распространена в кочевнических погребениях пред- и золотоордынского времени. Помимо зеркала, в погребении были выявлены 28 зонных стеклянных бус различного диаметра, на костях правой руки – медный браслет. Эти украшения не входят в костюм кабардинок позднего средневековья. И что совсем необычно – находка в женском погребении кресала.

Этому погребению по особенностям погребальной консрукции близки хронологически более поздние подкурганные захоронения Заюковского могильника на правом берегу р. Баксан.

Памятник расположен напротив Заюково, рядом с пос. Хакуарда (Шафиев Н.А., 1963А. Р-1. №2690. Л. 5–8.; Шафиев Н.А., 1963. С. 97-102). Из нескольких десятков насыпей раскопаны три. Мужское погребение (к.1) в неглубокой яме, выявленной в ЮЗ части кургана, женское – в яме глубиной до 0,8 м, расположено под центром насыпи. Насыпь кургана 3 насыщена камнями, над погребением находился внушительный камень весом до 60 кг. Слева в ногах погребенного из к. 3 выявлены кости и череп лошади, что не свойственно погребальным традициям кабардинцев. Погребенные уложены в

дощатых конструкциях без дна (в к. 3 не было и перекрытия), в изголовье – над и под черепом – много угля. Инвентарь к. 1 и 3 не выразителен, по пряжке из к. 2 могильник датируется концом XVI в. – XVII в.

XVII век

К самому позднему времени бытования курганного обряда могут быть отнесены могильник Шалушка, Солдатская, могильник №2 у села Чегем II (северная группа), могильник №1 у села Чегем II (кк. кк. 3–7, 10–12, 16,17), на левом берегу р. Урух у сел. Старый Урух, Лечинкай, Кызбурун III.

Могильник №1 у села Чегем II (кк. № 3–7, 10–12, 16,17).

Особенности памятника: насыпи небольшие – 0,5–1,4 м высотой и 6–13 м в диаметре. По структуре – земляные, земляные с каменным панцирем. Погребения в ямах, глубиной 0,3–0,7 м.

Во всех погребениях зафиксированы фрагменты деревянных погребальных сооружений. А.Х. Нагоев определенно указывает, что в могилах находились остатки гробов, однако, за исключением конструкции, выявленной в к. 3, описания обнаруженных конструкций не достаточно для определения их типа. Гроб из к. 3 – 2,4 м длиной, 0,5–0,55 м шириной, дно дощатое. Как указывает исследователь, в к. 12 были выявлены остатки долбленой колоды, однако какое-либо описание этой констукции отсутствует. Не указана она и на чертежах.

Погребенные уложены на спине, головой на запад, руки протянуты вдоль тела. Череп обсыпан углем: к.5, 12.

Из 12 не грабленных курганов: одно (к. 3) оказалось безынвентарным, с инвентарем, представленным только ножами (к.4,6,10,11,16,17), ножом, кресалом и стрелами (к.5,7,8). В мужском погребении самого большого кургана 13 выявлены фрагменты сабли, 6 наконечников стрел, нож. В женском погребении к. 12 – нож и ножницы.

Судя по особенностям погребального обряда и составу вещевого комплекса исследованные курганы № 3–7, 10–12, 16,17 могут быть отнесены к самому позднему времени существования курганного обряда, когда среди кабардинцев распространялся ислам – к XVII в.

На левом берегу р. Урух у сел. Старый Урух

(Шафиев Н.А., 1964А)

Из более чем 100 насыпей раскопаны 23 кургана. Погребенные захоронены в ямах, в деревянных погребальных сооружениях. В кк. 22 и 23 в ямах над гробовищами были выявлены рамы – сбитые четырехугольные конструкции без дна и перекрытия. Обращает внимание частое нахождение рога и его фрагментов в составе погребального инвентаря, в том числе в качестве единственной находки. В женских погребениях выявлено веретено с накрученной на него канителью. В целом инвентарь довольно беден, погребенные в ряде курганов лежат с полуразворотом на правый бок, черепа на правом виске, ноги в коленях прижаты друг к другу, что указывает на пеленание покойных в саван. Предпочтительная датировка памятника – XVII в.

Шалушка

В могильнике насчитывалось 166 насыпей, раскопано 92 кургана.

Насыпи небольшие, высотой от 0,2 до 2,6 м, диаметром 4–30 м, земляные, перекрытые каменным панцирем, земляные с каменной обкладкой и каменно-земляные. Погребения находились под центром насыпи, в могильных ямах 1,67–2,9 м длиной, 0,68–1,73 м шириной, 0,43–0,8 м глубиной. Сохранившиеся деревянные конструкции – в виде гробов из цельных грубо отесанных дубовых досок, скрепленных посредством пазов, а также скоб (к. 60), гроб перекрыт выпуклой крышкой до 20 см толщиной.

Черепа обсыпаны древесным углем. Погребения кк. 28,30–32, 35–37,42, 50,60,70,72,76,91 безынвентарны. В остальных комплексах выявлены: детали костюма (стержень остроконечной шапочки, пуговицы – бронзовые эллипсовидной формы с боковым ушком), украшения (серьги в виде кольца с

отогнутым концом для подвешивания и в виде знака вопроса, бусы из халцедона, сердолика, гагата, перстень из сердолика и серебряный со щитком), орудия труда и предметы быта (пружинные ножницы, штампованные наперстки, В-образные, лировиные и треугольные кресала, ножи, в т.ч. с рукоятью из двух деревянных пластинок, скрепленных бронзовыми заклепками, оселок из черного сланца, детали шкатулок, набор ремесленных инструментов: бритва, рашпиль, тесло, скребло-?, железная цепь с крюком) и предметы вооружения (длинне сильноизогнутые сабли с максимальным изгибом при переходе в нижнюю треть, со штыковидным концом и перекрестием с прямыми горизонтальными усами, остатки колчанов, наконечники стрел, в том числе двурогие срезни), немецкий счетный жетон XVII в.

Могильник датируется XVII в. Обращает внимание заметное число безынвентарных комплексов, в том числе погребение, совершенное под одной из самых больших насыпей могильника - №32 (выс. 2,6 м, диам. 30 м), а также локализация безынвентрных комплексов в одной части могильника. Представляется, что эта группа погребений демонстрирует переход населения, оставившего могильник, к исламу.

Лечинкай

В могильнике сохранилось 18 насыпей, раскопано 11 курганов. Насыпи небольшие, высотой от 0,75 до 1,3 м, диаметром 6–10 м, земляные, обложенные каменной обкладкой по основанию, каменно-земляные, земляные, перекрытые каменным панцирем. Погребения находились в могильных ямах 1,7–2,5 м длиной, 0,7–1,05 м шириной, 0,5–0,8 м глубиной. Большинство - под центром насыпи, в к. 7 яма смещена к востоку, в к. 8 – к западу, к. 10 – к юго-востоку.

Черепа обсыпаны древесным углем. Все погребения инвентарны. Выявлены: детали костюма (пуговицы – бронзовые с позолотой эллипсовидной формы с боковым ушком и вставками из стекла голубого

цвета, маленькие шаровидные пуговки с боковым ушком), украшения (серьги в виде кольца с отогнутым концом для подвешивания и в виде знака вопроса), орудия труда и предметы быта (пружинные ножницы, костяная проколка, кресала, ножи) и в к. 4 выявлена длинная (120 см) сильноизогнутая сабля с максимальным изгибом (7,2 см) при переходе в нижнюю треть, со штыковидным концом и перекрестием с прямыми горизонтальными усами.

Могильник может быть датирован XVI–XVII в.

Кызбурун III (*Нагоев А.Х.,* 1985А.)

В могильнике насчитывалось до 45 насыпей, раскопано 8 курганов. Насыпи небольшие, высотой от 0,8 до 1,3 м, диаметром 6–9 м, земляные, перекрытые каменным панцирем. Погребения находились под центром насыпи, в могильных ямах 2,3–2,7 м длиной, 1–1,4 м шириной, 0,5–0,7 м глубиной. Сохранившиеся деревянные конструкции – в виде гробов из цельных грубо отесанных дубовых досок, скрепленных посредством пазов, гроб перекрыт выпуклой крышкой до 20 см толщиной.

Черепа обсыпаны древесным углем. Погребение к. 7 безынвентарно. Остальные комплексы содержали детали костюма (пуговицы), орудия труда и быта (ножницы, кресала, ножи) и предметы вооружения (сабли, колчан со стрелами).

По длинным (117–121 см) сильноизогнутым саблям с максимальным изгибом (7–7,5 см) при переходе в нижнюю треть, со штыковидным концом и перекрестием с прямыми горизонтальными усами могильник датируется XVII в.

В целом, к XVII в. материалы исследованных памятников демонстрируют значительную унификацию обряда. Основным типом кабардинских погребений становится подкурганные захоронения в ямах в составных гробах или без них. Уменьшается количество угля в могилах, в

этот период он встречается только в качестве обсыпки черепа погребенного. Увеличивается количество безынвентарных погребений.

В заключение остановимся на материалах могильника близ аула Кашхатау, который в научной литературе отнесен к числу кабардинских курганных некрополей (Милорадович О.В., 1954, С. 345; Нагоев А.Х., 2000, С. 29, № 31).

Могильник близ аула Кашхатау (Рис. 100-103).

Памятник располагался на левом берегу р. Черек при впадении в нее небольшоего ручья, примерно в 3,7 км выше а. Кашхатау. Представлял собой группу из 20 каменных курганов, окружавших почти разрушенный склеп-кешене. В полевом отчете И.А. Владимирова представлен план этого памятника, описание и чертежи раскопанных погребений, а также зарисовка склепа (Дело №110/1902. Л. 69-72) (Рис.100). В 1924 г. этот памятник был осмотрен А.А. Миллером, который принял развалины склепа за церковь. В 1946 г. памятник обследовал П.Г. Акритас (Чеченов И.М., 1969. С. 95).

Склеп представлял собой прямоугольное в плане сооружение с двускатной крышей, сложенное из обработанного камня на известковом растворе, стены оштукатурены. В своде памятников Кабардино-Балкарии описан под №355 Советский 1-ый наземный склеп-кешене (Чеченов И.М., 1969. С. 95). На рисунке в отчете И.А. Владимирова и на фотографии, приведенной И.М. Чеченовым изображена сохранившаяся восточная «фасадная» стена склепа со сводчатым проемом (Дело №110-1902. Л. 70; Чеченов И.М., 1969. С. 95, № 355. Рис. 64).

Склеп-кешене представляет собой типичное для позднего средневековья Балкарии погребальное сооружение, окруженное синхронным могильником. Аналогичные памятники известны в окрестностях сел. Безенги, Хулам, урочища Джабоевых, Верхняя Балкария, Бабугент («кешене Урусбиевых»), на горе Курноят-Баши (Фиркович А., 1857. С. 131,132; Чеченов И.М., 1969. С. 88, 89, 91, 93, 95 №324, 327, 331, 336, 344, 353).

Могильник, без сомнения, относится к позднесредневековым погребальным памятникам балкарцев.

Насыпи курганов сложены из камня, могилы также засыпаны камнями. На глубине ок. 0,7 м выявлены большие плоские камни, которыми были ограждены погребения в к. 15 и к. 16. Умершие засыпаны большим количеством древесного угля, лежали вытянуто на спине, руки вдоль тела, ориентировка СЗ (к.15) и З (к.16). В к. 15 в районе пояса и на груди умершего найдены ременные бляшки и пряжки, у левой руки железный нож в ножнах, у головы – медное колечко, погребенного к. 16 сопровождали лишь фрагменты керамики, выявленные в изголовье.

Погребальный инвентарь (101). Поясной набор составляли: литые бляшки в виде небольших шестиугольников, обоймица с ажурной подовальной площадкой, трехчастная маленькая бляшка в виде буквы Ж, бляшка в виде четырехлистника, а также пряжка с прямоугольной рамкой. Отдельно от этого набора, на груди выявлены две крупные ажурные безъязычковые пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком (рис. 3,*4*). Аналогии этим деталям поясного набора выявлены в белореченских курганах XV в (Левашева В.П., 1953, С. 198–199, рис. 8, 11–20), к. 13 могильника Шенджий (Носкова Л.М., 1991, С.164–165, рис. 5), также относящегося к XV в., синхронных им кк. 6, 8 мог. №3 Чегем II (Нагоев 1980, 159, рис. 1, 16–17). Бляшки и обоймицы кашхатауского пояса отличаются от этих аналогий более простым изготовлением и орнаментом, отсутствием сложных фигур и мелких деталей, характерных для литых скользящих обоймиц и безъязычковых пряжек рубежа XIV–XV вв. Близкой аналогией поясу из к. 15 является ременной набор из погребения XVI в. Лефтерова щель 13/1 (Раев Б.А., 2003. Л.11, рис.123-124).

Однолезвийный нож с длинной рукоятью (ок. 10 см) с деревянными накладками, скрепленными с черенком через пробитые сквозные отверстия заклепками, и изогнутой пластинкой – навершием, прибитой гвоздиком к обушку рукояти. Общая сохранившаяся длина ножа – 15 см. Аналогичные

ножи выявлены в погребениях к. 11, 34, 37, 48 могильника XVII в. Крепостной 2 (Раев Б.А., 2001. Л. 6, рис. 59-60).

Учитывая узкий диапазон бытования ножей данного типа, а также принимая во внимание широкую датировку поясного набора и его аналогий, считаем возможным датировать могильник у аула Кашхатау рубежом XVI–XVII вв. Не противоречит этой датировке и безынвентарный характер погребения в к. 16.

Склеп-кешене представляет собой характерное для позднего средневековья Балкарии погребальное сооружение. Усыпальница, как и окружавший ее синхронный могильник оставлены этнически однородной группой балкарского населения.

Курганные могильники кабардинцев в междуречье Сунжи и Фортанги XVI–XVII вв.

Археологические исследования кабардинских курганных могильников, расположенных на территориях современных республик Северной Осетии и Ингушетии продолжаются с перерывами с 1877 г. и связаны с именами Н.Г. Керцелли, В.Л. Беренштама, В.Б. Антоновича, В.И. Долбежева, Ф.С. Панкратова, А.П. Круглова, Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, Р.М. Мунчаева, Р.А. Даутовой, Х.М. Мамаева, Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова, В.Л. Ростунова, Е.В. Минькова, Е.И. Кобахидзе, Б.З. Караева *(Керцелли Н.Г. 1877, 1878; Береништам В.Л., 1879. С. 297–321; Антонович В.Б. 1879. С. 216–255); ОАК, 1914. С. 229, ОАК, 1915, С. 232, Гребенец Ф.С., 1915. С. 9-30; Круглов, 1938. С. 30-31; Крупнов Е.И., 1941. С. 188-189; Марковин В.И.,1969. С. 79-83***);** *Крупнов, Мунчаев, 1971. С. 217-242); Даутова Р.А, Мамаев Х.М., 1974. С. 226-228; Николаева Н.А., Сафронов В.А, 1977; Ростунов В.Л., 1988; Миньков Е.В., 1988; Кобахидзе Е.И., 1988; Караев Б.З., 2005).* Эти могильники можно объединить в группу малокабардинских курганов, поскольку их появление обусловлено освоением кабардинцами предгорных районов к востоку от р. Урух до Среднего Терека и по правому берегу Терека и образованием т. н. Малой Кабарды.

Рассмотрим основные характеристики малокабардинских могильников.

Курганные группы насчитывают от 3-10 до нескольких десятков насыпей. Встречаются три типа насыпи (Табл. 1): I тип – земляные (1 вариант – простые земляные (114 случаев или 53,7%); 2 вариант – земляные с каменным кольцом по основанию (46 случаев или 21,7%); 3 вариант – земляные с каменным панцирем; 4 вариант – каменным панцирем покрыта вершина насыпи) (32 случая (13,6% и 1,4% соответственно вариант 3 и 4)); II тип – каменно-земляные (9 насыпей или 4,2%) (1 вариант – насыпи состоят из земли, насыщенной камнями, 2 вариант – насыпи сложены послойно:

земля-камень-земля; камень-земля) и III тип – *каменные* (11 случаев или 5,2%).

Табл. 1

Могильник	*Тип насыпи*						
	Земляная				**Каменно-земляная**		**Каменная**
	простая земляная	с каменным кольцом по основанию	с каменным панцирем	каменным панцирем покрыта вершина насыпи	из земли, насыщенной камнями	насыпана послойно: земля-камень-земля	
Ислам	-	-	1	-	-	-	1
Кескем	-	-	-	-	-	-	1
Глубокая балка	7	-	-	-	-	-	-
Комсомольский I	2	-	-	-	-	-	-
к СВ от Эльхотово	4	-	-	-	-	1	-
Эльхотово	3	-	-	-	-	-	-
Змейская	-	-	16	-	-	-	-
Змейская-1	1	-	-	-	-	3	-
Чикола	3	18	1	-	-	-	1
Николаевская	8	-	2	-	-	-	-
Христианское	6	-	-	-	-	-	-
Ардон	-	-	1	-	-	-	-
Кора-Урсдон	1	1	1	-	-	-	-
Кантышево	5	-	-	-	-	1	-
Назрань	5	-	-	-	-	1	-
Али-Юрт	1	-	-	-	-	-	1
Октябрьский	42	26	-	3	-	-	-
К Ю от Владикавказа	2	-	4	-	-	-	1
У Лысой горы	-	-	2	-	-	-	-
5 верст к Ю от Владикавказа	-	-	2	-	-	-	-
Алхасте	-	-	-	-	-	1	-
Бамут	8	-	-	1	-	-	6
Ачхой-Мартан	1	-	-	-	-	-	-

Насыпи полусферические, ***размеры*** варьируют в пределах 1,5–19 м в диаметре и 0,14–3,24 м в высоту. По значениям диаметра и высоты выделяются четыре группы насыпей: наиболее крупные (I и II), средние (III) и совсем небольшие курганы (IV) (Табл. 2). Большинство самых крупных малокабардинских курганов насыпаны из земли (Табл. 2: I и II группы). Однако среди «престижных» насыпей внушительных размеров есть и

каменно-земляные, и каменная. С другой стороны, число мелких (IV группа) земляных курганчиков сравнительно невелико, в то время как среди каменных курганов насыпи самых малых размеров преобладают.

Табл. 2.

Тип насыпи / Размеры (м)	I	II	III	IV
	17≤d≤19 2,28≤h≤3,24	10≤d≤13,8 1,0≤h≤2,2	5,3≤d≤9,5 0,09≤h≤1,65	1,5≤d≤5,25 0,14≤h≤0,75
земляная	2	19	104	21
каменно-земляная	1	1	5	2
каменная		1	3	7
Всего насыпей	3	21	112	30

d – диаметр насыпи, h – высота насыпи.

Расположение погребения отражено в Таблице 3. Около 6,9% погребений выявлены на уровне древнего горизонта, около 93,1% погребений – совершены в могильных ямах. По конструктивным особенностям *могилы* представляют собой простые ямы (89,6%) и ямы со ступенькой или заплечиками (10,4%).

Табл. 3.

могильник	**Погребения на горизонте**	*Погребения в могильной яме*	
		в простой яме	***в яме с заплечиками***
Ислам	1	1	0
Кескем	0	1	0
Глубокая балка	0	7	0
Комсомольский I	0	2	0
к СВ от Эльхотово	2	3	0
Змейская	0	4	0
Чикола	0	18	0
Христианское	2	4	0
Ардон	0	1	0
Кора-Урсдон	0	3	0
Кантышево	1	5	0
Назрань	6	0	0
Али-Юрт	0	2	0
Октябрьский	0	55	14
Бамут	0	23	0
Алхасте	0	3	0

Расположение погребения относительно центра насыпи (Табл.4). Большинство погребений расположены под центром насыпи, однако 10,3% погребений Октябрьского могильника выявлены в стороне от центра кургана, при этом выделяется могильник Чикола, 33% погребений которого выявлены в Ю или З-СЗ секторах. В западном секторе располагались погребения к. 22 Бамутского могильника, погребение к. 1 могильника у сел. Ачхой-Мартан и погребение к. 2 могильника «Черсий Борзаш» у сел. Али-Юрт. Погребение могильника у сел. Кора-Урсдон также находилось в поле кургана. В стороне от центра кургана совершались как мужские, так и женские погребения. Отметим, что традиция размещения погребений к северу от центра насыпей в малокабардинских курганах не выявлена.

Табл. 4.

могильник	**В центре**	*Сектор кургана*						
		З	**СЗ**	**В**	**ЮВ**	**Ю**	**ЮЗ**	**в поле кургана**
Ислам	2	-	-	-	-	-	-	-
Кескем	1	-	-	-	-	-	-	-
Глубокая балка	7	-	-	-	-	-	-	-
Комсомольский I	2	-	-	-	-	-	-	-
к СВ от Эльхотово	5	-	-	-	-	-	-	-
Эльхотово	3	-	-	-	-	-	-	-
Змейская	3	1	-	-	-	-	-	-
Чикола	9	-	1	-	-	6	2	-
Христианское	6	-	-	-	-	-	-	-
Ардон	1	-	-	-	-	-	-	-
Кора-Урсдон	2	-	-	-	-	-	-	1
Кантышево	6	-	-	-	-	-	-	-
Назрань	6	-	-	-	-	-	-	-
Али-Юрт	-	2	-	-	-	-	-	-
Октябрьский	62	3	-	2	2	-	-	-
Алхасте	3	-	-	-	-	-	-	-
Бамут	22	1	-	-	-	-	-	-
Ачхой-Мартан	-	-	-	-	-	1	-	-

Деревянные погребальные сооружения малокабардинской группы представлены: *гробами, колодами, полуколодами, обкладками могильных ям досками или брусьями, деревянными перекрытиями могильных ям, в к. 25 мог. Октябрьский* выявлен *деревянный помост,* на котором был уложен покойный.

Гробы. В ряде случаев зафиксировано их устройство. Конструктивные особенности и детали позволяют говорить о гробах прямоугольных и подтрапециевидных, скрепляемых гвоздями, скобами, пазами. В целом ряде погребений гробы не имели дна. Часто торцовые стенки гробов выступают на 0,1-0,2 м за продольные. Крышки гробов: плоские – из нескольких или одной широкой доски или двускатные, в последнем случае для поддержания крышки верхняя часть поперечных стенок гроба закруглялась. Размеры гробов: длина – 2,05-2,22 м, ширина – 0,9 м, высота гроба до крышки 0,7-0,95 м.

Колоды. Изготавливались из стволов больших деревьев. После того, как внутрь колоды помещали умершего, «отверстие забивали дубовым чурбаком» (Гребенец Ф.С., С. 12). Более распространены полуколоды: обычно их накрывали толстой дубовой доской, головную часть колоды в редких случаях дополнительно покрывала другая небольшая доска, положенная поперек продольной «крышки», в отдельных случаях одну полуколоду сверху накрывали другой.

Следует отметить обертывание погребенного древесным лубом (мог. у с. Эльхотово) и циновкой (мог. Кора-Урсдон).

К другой культурной традиции относится обертывание погребенного в саван. Так, в кургане 2 у ст. Змейской (раскопки Ф.С. Гребенца) погребенный был завернут в белый саван и привязан к доске белыми шелковыми шнурами.

Обмазка. В ряде случаев выявлена *глиняная или известковая обмазка* стен могильной ямы, гроба, самого погребенного.

Над могильными ямами ряда курганов могильников Октябрьский, Бамутский, Чикола, у ст. Змейская, у ст. Николаевская возведена *вымостка из булыжного камня*, в некоторых погребениях могильника к ЮЗ от Владикавказа и Христианское (Дигора) каменные кладки открыты под скелетами.

Положение умершего в погребениях (рассмотрено 126 случаев): вытянуто на спине – 122, в 2 погребениях зафиксировано левобочное и в 2 –

правобочное положение.

Положение верхних конечностей: в 61 случае – вытянуто вдоль тела, в 3 случаях – левая рука согнута в локте, в 2 – правая, в 1 случае – согнуты обе руки, в 7 случаях руки находились под тазом. Нижние конечности вытянуты, в 1 случае согнуты в коленях. Преобладает ориентировка в западном–юго-западном секторе (З – 76 случаев, ЗЮЗ – 19, ЮЗ – 32). С меньшей частотой встречаются ориентировки северо-западного направления (ЗСЗ – 7 случаев, СЗ – 2, ССЗ – 2). Незначительная доля иных ориентировок (ВСВ – 2 случая, В – 1).

Погребальный инвентарь. В выборке из 126 не поврежденных погребений преобладают инвентарные (109 случаев, 86,5 %). Совокупный вещевой набор *мужских* погребений составляют: ножи, кресала с кремнем, кисеты, бритвы, шило, оселки, пряслица, пилки, тесло, долото, кабаний клык, наконечники стрел, колчаны, луки, налучи, сабли, кинжалы, наконечники копий (дротиков), поясные наборы, нагрудные бляхи, фрагменты серебряных украшений, перстни, бусины, фрагменты головных уборов, фрагменты одежды, фрагменты обуви, рог, бараньи бабки, керамические сосуды. В группе *женских* погребений встречаются: ножи, ножницы, иглы, наперстки, шкатулки, мешочки, гребни, серьги, бусы, кольца, браслеты, фрагменты серебряных украшений, пуговицы, поясные наборы, фрагменты головных уборов, фрагменты одежды, фрагменты обуви, керамические сосуды. Достоверно известны шесть *детских* погребения, 2 из них безынвентарны, в остальных обнаружены ножи, бусины, серьги.

Анализ материалов малокабардинских курганов обнаруживает целый ряд признаков, не характерных для погребального обряда кабардинцев всего ареала их расселения в эпоху средневековья (Милорадович О.В., 1954. С.343; Алексеева Е.П., 1959 г. С. 26). Одной из ярких особенностей кабардинских могильников Чечни и Ингушетии (Бамутский, у сел. Али-Юрт, Ислам) и Северной Осетии-Алании (Чикола, Христианское) являются каменные насыпи. На всей территории распространения погребальных памятников

адыгов, в т. ч. и в Малой Кабарде, характерно преобладание небольших земляных насыпей, однако по направлению к восточным районам четко проявляется тенденция постепенного увеличения камня, используемого при сооружении курганов. Так, если каменная обкладка по основанию земляных насыпей встречается повсеместно, то насыпи с каменным панцирем появляются в большом количестве только в Центральном Предкавказье.

Эта закономерность в распределении типов насыпей по всей территории проживания адыгов XV–XVII вв. находит логическое объяснение в природных особенностях ландшафта, где сооружались курганы, в наличии и доступности камня. Однако некоторые из рассматриваемых могильников состоят из насыпей различных типов. Так, в курганных группах у сел. Али-Юрт, Христианское и Чикола вперемешку располагались земляные и каменные насыпи. Поскольку известны и совсем небольшие каменные курганы, и значительные по размерам, а среди погребений каменных насыпей выявлены как мужские, так и женские, то сооружение курганов из камня следует рассматривать не как маркирующий половозрастную или социальную дифференциацию населения признак, а скорее как отражение в погребальной обрядности кабардинцев иных этнокультурных традиций. В данной связи интересен пример Бамутского могильника, где каменные курганы располагались обособленно и отстояли от основного скопления земляных насыпей на расстоянии около 500 м.

Ещё одной не типичной для кабардинского погребального обряда чертой является расположение погребений в стороне от центра насыпей. Такая особенность планиграфии подкурганного пространства характерна для адыгских могильников северо-восточного побережья Черного моря и Прикубанья и может быть связана с традицией захоронения под одной насыпью нескольких человек. Для погребальных памятников кабардинцев совершение нескольких погребений под одной насыпью не свойственно, характерными являются одиночные погребения, расположенные в центре кургана. Как исключение следует упомянуть впускные погребения (женские

и не определимые по полу) при основных мужских погребениях, выявленные в южных секторах курганов могильников Чегем 2, Чегем 4 (Кабардино-Балкария). Одиночные погребения, совершенные в стороне от центра насыпи, также известны по материалам позднесредневековых курганных могильников Кабардино-Балкарии: №3 Чегем II, Куденетово 2, на берегу р. Нальчик, Лечинкай (ОАК за 1897 год, 1900. С. 138-139, 141-143, Нагоев А.Х., 1987. С. 180-182, 185-187). Однако погребения последней группы памятников в свою очередь обнаруживают целый ряд признаков, не свойственных основной массе позднесредневековых погребений кабардинцев: специфичный набор сопроводительного инвентаря (предметы конского снаряжения, зеркала), «подушка» из травы в изголовье умершего, каменные вымостки над погребениями, могильные ямы с заплечиками. Данные признаки обычно связывают с особенностями погребального обряда кочевников эпохи развитого средневековья (Федоров-Давыдов, 1966. С. 120, 159-160; Нарожный, 2005. С. 133-143).

Выявленные в погребениях малокабардинских курганов особенностей, которые могут быть связаны с инокультурным влиянием (каменные вымостки над могильными ямами (мог. Октябрьский, Бамутский, Чикола, у ст. Змейская, у ст. Николаевская), восточная и северо-восточная ориентировка умершего) и мусульманизацией населения: ямы с заплечиками (мог. Октябрьский)..

Зафиксированная в ряде малокабардинских погребений *глиняная или известковая обмазка* стен могильной ямы, гроба, самого погребенного известна по материалам позднесредневековых курганных могильников Пятигорья (мог. Каррас, в Урочище Гора, Большой курган) (Самоквасов Д.Я., 1882), КБР (мог. Шалушка) (Нагоев А.Х., 1987. С. 187-195), Белореченских курганов (Левашева В.П., 1953. С. 169) и в этих памятниках этот признак может рассматриваться как влияние традиций горцев Центральных и Восточных районов Кавказа. Близкие аналогии обнаруживаются в памятниках Северной Осетии, Ингушетии и Чечне, где обмазкой

покрывались стены позднесредневековых склепов, сложенные из грубоотесанных камней на извести (Крупнов Е.И., 1971. С. 93, Дзаттиаты Р.Г., 2002. С. 100). Обмазка щелей между камнями и плитами, составлявшими каменные ящики, зафиксирована в некрополе на холме Бузуни-Хума (Махческ, Северная Осетия) (Гиджрати Н.И., Тменов В.Х., 1988. С. 173).

Яркой особенностью малокабардинских курганов является наличие в мужских и женских погребениях у изголовья и ног погребенного керамических сосудов (могильники Октябрьский, Бамутский, у Лысой горы, к югу от Владикавказа, Комсомольский 1, Эльхотово). Кувшины в головах погребенного или в нишах стен характерны для средневековых склеповых погребений Ингушетии (Крупнов Е.И., 1971. С. 82) и позднесредневековых каменных ящиков Северной Осетии (Дзаттиаты Р.Г., 2002. С.43, 54). Причём керамические изделия предков ингушей и осетин являются прямыми аналогиями гончарным сосудам из малокабардинских курганов (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 242). Местной особенностью мужского набора сопроводительного инвентаря в малокабардинских курганах являются наконечники копий и дротиков (по данным А.Х. Нагоева, исследовавшего несколько сотен кабардинских погребений, «в курганах кабардино-пятигорской группы никогда не встречаются наконечники копья» (Нагоев А.Х., 2000. С. 149)), женского набора – многочисленность и разнообразие бус, а также гребни, что в свою очередь сближает погребальные обряды малокабардинцев и средневековых осетин и ингушей, в погребениях которых отмеченные категории вещей являются обычными находками (Крупнов, 1971. С. 83, Дзаттиаты, 2002. С. 119-120, 121).

Анализ материалов могильников Ингушетии позволил Р.А. Даутовой выдвинуть предположение о «присутствии в кабардинской среде на рассматриваемой территории близкородственных, но отличимых по некоторым элементам этнических групп, представленных на Северо-Западном Кавказе курганами так называемого Западночеркесского типа»

(Даутова, 1982. С. 88). Не менее вероятным видится влияние на погребальные традиции малокабардинцев соседствующих иноэтничных групп – предков современных ингушей и осетин. Помимо неизбежно возникавших военных столкновений, письменные источники, данные этнографии и фольклора фиксируют и тесные межкультурные контакты кабардинцев и горцев в XVI – середине XVIII вв., проявлявшиеся в «оформлении» таких обычаев, как гостеприимство, аталычество, куначество, в заключении «смешанных» браков, в появлении т. н. двуязычия, общности многих черт материальной культуры (прежде всего одежды, предметов вооружения и быта) (Шаова С.Д., 2002. С. 148; Виноградов В.Б., Шаова С.Д., 2003. С. 148-149). Неизбежный в пограничной зоне диалог культур проявляется и в археологических материалах. Выявленные в малокабардинских погребениях такие признаки, как наличие керамических сосудов в изголовье и у ног погребенного, специфический набор предметов вооружения в мужских погребениях, специфический местный набор женского сопроводительного инвентаря, известковая обмазка погребений (Табл. 5), не характерны для общей массы кабардинских могильников, но находят прямые аналогии в чертах погребальной обрядности средневековых осетин и ингушей.

Табл. 5.

Номер П/п	***могильник*** / ***нетипичные признаки***	Каменные насыпи	Расположение погребения в стороне от центра насыпи	Каменная вымостка над погребением	Гробы без дна, перевернутые вверх дном полуколоды	Керамические сосуды в погребениях	Наконечники копий и дротиков в погребениях
1	Ислам	+					
2	Кескем	+					
3	Глубокая балка						
4	Комсомольский I					+	
5	к СВ от Эльхотово				+		
6	Эльхотово				+	+	
7	Змейская		+	+	+		
8	Змейская-1						
9	Чикола	+	+	+			
10	Николаевская			+			
11	Христианское				+		
12	Ардон						

13	Кора-Урсдон		+				+
14	Кантышево				+		
15	Назрань				+		+
16	Али-Юрт	+	+				
17	Октябрьский		+	+		+	
18	К Ю от Владикавказа	+				+	+
19	У Лысой горы					+	+
20	5 верст к Ю от Владикавказа						
21	Алхасте						
22	Бамут	+	+	+	+	+	
23	Ачхой-Мартан						

Из таблицы 5 хорошо видно, что не свойственные погребальному обряду кабардинцев черты выявлены не во всех могильниках, а среди тех памятников, где подобные особенности зафиксированы, часто наблюдается отклонение обряда «от нормы» сразу по нескольким признакам. Анализ нетипичных признаков исследуемых памятников был проведен в модуле факторного анализа методом главных компонент. Были выделены 3 общих фактора, которые удовлетворительно воспроизводят корреляции между наблюдаемыми признаками. Фактор 1 нагружают такие признаки, как расположение погребения в стороне от центра насыпи (нагрузка фактора 0,868900) и каменная вымостка над погребением (0,859578); Фактор 2 нагружает признак наконечники копий и дротиков в погребениях (-0,792677) и в меньшей степени признак керамические сосуды в погребениях (-0,643585); Фактор 3 – признак гробы без дна, перевернутые вверх дном полуколоды (факторная нагрузка 0,790370).

В результате кластерзации могильников методом Уорда (Ward`s method) исследуемые памятники разделились на три группы (Рис. 1):

1 группа: Змейская 1, Глубокая балка, Ардон, 5 верст к Ю от Владикавказа, Алхасте, Ачхой Мартан. Исследованные погребения могильников данной группы объединяет отсутствие нетипичных для погребального обряда кабардинцев признаки.

2 группа: Эльхотово, к СВ от Эльхотово, Христианское, Николаевская, Комсомольский I, Кора-Урсдон, к Ю от Владикавказа, у Лысой горы,

Назрань, Кантышево. Могильники данной группы объединяют признаки Фактора 1.

3 группа: Чикола, Змейская, Октябрьский, Али-Юрт, Бамут, Кескем, Ислам. Могильники данной группы объединены признаками Фактора 2.

Пространственное распределение малокабардинских могильников демонстрирует явное преобладание на территории Северной Осетии-Алании курганов 2 группы, восточнее, в предгорных районах Ингушетии, в ряде малокабардинских погребений зафиксированы нетипичные признаки, характерные для могильников группы 3. Отражает ли это наблюдение динамику расселения горского населения, вынужденного покидать предгорные районы Северной Осетии вследствие активного освоения данной территории кабардинцами или различный уровень межкультурного общения пришлого и местного населения, покажут дальнейшие исследования. Объем и характер археологических источников, имеющихся в распоряжении исследователей сегодня, оставляют возможность лишь для постановки научных проблем и выдвижения гипотез, требующих самой тщательной проверки. Здесь заметим, что распределение малокабардинских могильников в предгорных районах Ингушетии отражает скорее не хозяйственное освоение территории, а продвижение и закрепление на новых участках военных отрядов. Последнее наблюдение косвенно подтверждается значительно меньшим числом женских погребений в могильниках ингушской группы, нежели в малокабардинских памятниках более западных районов (Даутова Р.А., 1982. С. 88). И разнообразие нехарактерных черт в кабардинских погребениях Ингушетии может объясняться тем, что молодые бессемейные воины были более подвержены влиянию местных горских культурных традиций, чем переселявшиеся на новые земли целые роды и семьи, в которых патриархальные обычаи сохранялись и передавались детям и внукам старшим поколением.

Возникавшие в ходе освоения кабардинцами предгорных районов Ингушетии и Осетии погребальные памятники обнаруживают целый ряд

признаков, не характерных для погребального обряда кабардинцев эпохи средневековья. Эти памятники отражают сложные процессы межкультурных контактов, оказывающих влияние и на традиционную культуру кабардинцев, и на местные горские обычаи.

Заключение

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АДЫГОВ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА XV-XVIII вв.

Северо-Восточное Причерноморье и Закубанье в XI–XIII вв. населяли зихи, касоги, в т.ч. носители обряда кремаций, а также потомки праболгарского населения, аланы, кочевники половецкого племенного союза, представители других степных племен и объединений, оседавших на землю, другие народы. Материалы погребальных памятников региона демонстрируют сосуществование множества обрядов, сочетавших разнообразные признаки: грунтовые и подкурганные погребения, ингумационные и кремационные, в ямах и на горизонте, в простых могилах и со сложным профилем (с заплечиками, с подбоем), с погребальными конструкциями (каменными ящиками, гробами, керамическими урнами) и без них, с каменными набросками, оградками, обкладками, стелами и без них, с различной ориентировкой, с сопутствующим захоронением лошади и без выраженных признаков культа коня и т.п.

Однако на рубеже XIV–XV вв. археологическая картина региона выглядит довольно однородной: от района Сочи до Анапы, в предгорьях Закубанья и в устье р. Псекупс основным типом погребальных памятников становятся курганные группы с ингумационными погребениями в неглубоких ямах или на горизонте, с западной ориентировкой, без костей лошади или предметов упряжи. Именно эти черты обряда восприняли адыги и сохранили их вплоть до широкого распространения ислама.

Что же стоит за этой унификацией традиций?

Из всего разнообразия факторов, оказывавших влияние на формирование погребальных практик населения, следует выделить три основных, приведших к известному единообразию общей картины обрядов региона.

Этнокультурное взаимодействие. Оно проявлялось, в частности, в формировании смешанных обрядов. Наиболее показательный пример – восприятие местными оседлыми племенами курганного обряда, который появляется в регионе в XI в. вместе с половцами – сначала в виде впускных погребений в насыпи предыдущих эпох (н-р, мог. Циплиевский), а затем в виде небольших индивидуальных курганов. Массовое распространение обряда начинается с района Анапы–Новороссийска (Дмитриев А.В., 1988) и только в XIV в. насыпи над погребениями появляются в окрестностях Сочи (Василиненко Д.Э., 2009. С. 30).

Другой пример смешения традиций – появление в различных местных обрядах (ингумационных плитовых погребениях и урновых кремациях) особых каменных конструкций, связанных с кочевым миром степей: подпрямоугольных оградок, ориентированных углами по сторонам света, каменных набросок и стел (Дмитриев А.В., 1988; Нарожный Е.И., 2008). Обратное влияние кремационного обряда на кочевников отразилось в появлении группы многоактных кочевнических захоронений в каменных ящиках, возможно, связанных с отмеченным Рубруком обычаем северокавказских кочевников хоронить родственников вместе.

Ярким примером, демонстрирующим сложные многовекторные процессы этнокультурного взаимодействия, протекавшие на Северо-Западном Кавказе, является группа погребений кургана 1 могильника Раевский (район Анапы – Новороссийска). В кургане диаметром ок. 11 м и высотой ок. 1 м были выявлены 6 погребений людей и 1 захоронение лошади. Впускное *погребение 1* представляло собой урновую кремацию, содержавшую останки женщины или подростка. С северной и юго-восточной стороны урны лежали камни. Основное *погребение 2* обнаружено под центром кургана в яме глубиной 0,85 м. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии ВЗ. Засыпка – из глины и щебня. К югу от ямы и в восточной части ямы были вертикально установлены камни. В яме выявлено деревянное гробовище, судя по тому, что количество тлена значительно

увеличивалось к его дну, погребение было совершено в колоде. Погребенный взрослый человек в сопровождении предметов вооружения лежал вытянуто на спине, головой на восток. В 1,5 м к востоку от центра и в 40 см к северу от урны (погребения 1) и ниже ее выявлено *погребение 3,* совершенное в дубовой колоде. Погребение перекрыто наброской из камней. В колоде находился скелет девочки, уложенной головой на восток. В 3 метрах к юго-востоку от центра кургана в могильной яме, глубиной 0,75 м от дневной поверхности, ориентированной по линии ЗВ, выявлено *погребение 4* – взрослого человека, уложенного головой на запад, с легким разворотом на правый бок, череп на правом виске. Инвентарь: нож, кремало с кремнем, железный стержень. У северо-восточного угла могилы на дневную поверхность были установлены вертикально два крупных камня, один из которых возвышался над современной поверхностью полы кургана. *Погребение 5* было выявлено в 2 м к СВ от центра кургана, в яме заглубленной в грунт на 0,4 м. Скелет младенца лежал вытянуто на спине головой на СВ. *Погребение 6* – младенца в каменном ящике выявлено в северо-восточной поле кургана, в яме, впущенной в грунт на глубину 0,78 м от дневной поверхности. Погребенный был обращен головой на восток. Под черепом выявлен слой древесных углей. В 3 м к ЮЗ от центра кургана, под каменной выкладкой, выявлено захоронение лошади в яме подпрямоугольной в плане формы, глубиной около 1 м, со столбиком коновязи. Предположительная датировка XII–XIII вв. (*Дмитриев А.В.*, 1985. Р-1. №10757. Л.52–61). Одна насыпь объединила людей, которые были захоронены в соответствии с четырьмя различными погребальными традициями. Погребения обнаруживают явные приметы смешения местных и привнесенных из Степи традиций, например, погребение ребенка в каменном ящике, впущенном в глубокую могильную яму или основное погребение человека с восточной ориентировкой в колоде в сопровождении захоронения лошади головой на ЮВ в яме со столбиком коновязи.

Эти и другие примеры демонстрируют стирание межэтнических и межплеменных границ и тенденцию к формированию единой этнокультурной общности.

Влияние христианства. Основным центром распространения христианства на Северо-Западном Кавказе в XI–XIII вв. была Зихская епархия в Матархе, подчиненная Константинопольскому патриарху (Чхаидзе В.Н., 2010. С. 25). Определенное влияние на местные племена могли оказывать епархия Алании с центром в X–XII вв. на Нижне-Архызском городище в верховьях Кубани и епархия Абазгии, в состав которой входила территория к юго-востоку от р. Нечепсухо (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2014. С. 289).

Помимо нахождения в погребениях предметов христианского культа, на проникновение в духовную культуру населения христианских традиций (хотя и не поколебавших прочных позиций языческих верований) указывают глубокие изменения местных обрядов. Одним из них стало постепенное замещение практики трупосожжения на трупоположение. К конце XIII в. доля кремаций в биритуальных могильниках неуклонно уменьшалась на фоне увеличения числа ингумаций (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003. С. 220). При этом, как раньше носители обряда трупосожжения при подзахоронении умершего помещали прах в урну, уже содержавшую кремированные останки его сородичей, теперь, с распространением ингумационного обряда, с этой целью многократно использовались каменные гробницы. Этим и объясняется, на наш взгляд, распространение практики многократного использования каменных ящиков для разновременных погребений именно в районе Анапы–Геленджика – зоне, где кремационный обряд появился в конце VII в. и просуществовал до XIV в. и, напротив, подавляющее преобладание одиночных погребений в могильниках XIII–XIV в. в районах, где кремационный обряд не имел столь длительной и широкой традиции.

Следами отжившего обряда кремации являются случаи подзахоронения праха трупосожжения в каменный ящик с ингумационными погребениями (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С.113) (мог. Цемдолина, Керченская щель, Гостагаевская) и нахождение в ингумационных погребениях намеренно испорченного оружия (мог. Кабардинка) (Носкова Л.М., 2010. С. 181), Колбасан (Волков И.В.).

Влияние христианства в не меньшей степени испытывали и кочевники, оседавшие в регионе. В этом отношении показательны материалы оставленных полиэтничным населением с явным присутствием кочевого элемента грунтовых могильников Анапы–Гостагаевской с погребениями в каменных ящиках особой конструкции, аналогии которым известны в средневековых погребениях Тамани (Чхаидзе В.Н., 2006) и Крыма (Макарова Т.И., 1998).

Относительно состава населения, оставившего керченские погребения, Т.И. Макарова указывала на его неоднородность и несомненное присутствие наряду с греками и элементами местной этнической среды, тюркоязычных кочевников XII–XIII вв. (Макарова Т.И., 1998. С. 381). В соответствии с этими выводами, полученными на археологических материалах, заметки на полях Сугдейского Синаксария содержат сведения об активном проникновении кочевой элиты во все сферы светской и духовной жизни Сугдеи (Малышев А.А., 2013. С. 146). Аналогичные процессы тюркского проникновения в греко-православную среду протекали и на другой стороне Черного моря, в Трапезундской империи (Шукуров Р.М., 1995).

В эту картину органически вписываются памятники района Анапы–Гостагаевской. Их материалы отражают формирование в Нижнем Закубанье полиэтничной среды, помимо зихов, а также греков, алан, включавшей и кочевников, находившихся на завершающей стадии седентеризации и христианизации (Дружинина И.А., 2016. С. 214).

В целом, распространение христианства оказывало нивелирующее воздействие на языческие обряды различных народов и племен региона.

На эволюцию погребальных традиций племен Северо-Западного Кавказа оказывали влияние и особенности их *социально-политического развития*. Разнообразие обрядов XI–XII вв. обусловлено сильными позициями родовой знати (а вместе с этим и родовых культов). Отсутствие единого государства или общеплеменного союза, верховной, надплеменной власти препятствовало широкому распространению христианства и общей унификации погребальных традиций. Пестрота погребальных памятников наблюдается и в первое столетие золотоордынского владычества в регионе: для населения Северо-Западного Кавказа периода завоевательных походов 1223, 1238–1239 гг. и вплоть до правления Ногая (1270–1300 гг.), стремившегося, прежде всего, к созданию собственного улуса на Дунае, характерно разнообразие и полифония обрядов. Но уже с начала XIV в. происходит их резкая унификация. Это время политики ханов Узбека и Джанибека, направленной на централизацию государства, в т.ч. и в области религии. В низовьях Кубани отмечается массовый переход носителей обряда кремаций к обряду ингумации, унифицируется ориентировка, исчезают признаки культа коня – общеимперские стандарты обряда вытесняют прежние родовые традиции.

В целом, археологические материалы позволяют проследить особенности этнокультурных процессов, протекавших на Северо-Западном Кавказе XI–XIII вв., не отраженные в письменных источниках, в частности условия формирования историко-культурной общности, известной под названием черкесы.

Полученные результаты дают представление и об основных направлениях и хронологических этапах эволюции погребальных традиций адыгов.

С XIV в. среди оседлых племен Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья, известных в письменных источниках как *зихи* и *черкесы*,

утверждается подкурганный ингумационный обряд погребения умерших. По сведениям средневековых авторов, в это время наряду с политеистическими языческими представлениями местные племена исповедуют христианство.

Наиболее христианизированным регионом на Северо-Западном Кавказе в XIV – начале XV вв. являлось Нижнее Закубанье, где были исследованы грунтовые могильники с погребениями в каменных гробницах, подобные многочисленным некрополям Тамани и Восточного Крыма.

О степени христианизации черкесов мы узнаем из великолепного источника – сочинения побывавшего в последней четверти XV в. на Северо-Западном Кавказе итальянского путешественника, географа и этнографа Джорджио Интериано, который впервые упоминает этноним *адыги* и отмечает: «Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Знатные не входят в храм до шестидесятлетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви. По прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня… Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла» (Интериано Джорджио, 1974. С. 47).

Массовое переселение части адыгских племен в районы Центрального Предкавказья, вызванное Османскими завоеваниями в Северо-Восточном Причерноморье, с одной стороны, и распадом Большой Орды, с другой, привело к образованию восточного адыгского субэтноса – кабардинцев. В XVI в. М. Броневский, польский дипломат и государственный деятель, характеризуя верования кабардинцев, пишет: «И хотя они называются христианами и известно, что большая часть их была таковыми еще во времена генуэзцев, но, лишенные в дальнейшем храмов и [покинутые] священниками, они теперь сохраняют лишь смутное представление о религии. Большинство из них – идолопоклонники» (Броневский М., 1974. С. 54).

Последняя четверть XV в. ознаменована распространением в Северном Причерноморье внешнеполитической активности османского государства, оказавшей непосредственное воздействие на жизнь народов Западного Кавказа, проживавших по соседству с подчинившимися султану Крымским ханством и одновременно с ним попавших в сферу завоевательных интересов османских султанов. В период Крымско-Османского владычества среди адыгов распространяется ислам. Однако распространение его происходило далеко не мирным путем. Что вызывало и сопротивление адыгов и вплоть до XVII в., по-видимому, основная часть населения не была мусульманизирована. С XVII в. признаки обращения адыгов и Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья в ислам становятся более заметны.

По погребальному обряду кабардинцев влияние ислама просматривается на материалах погребений могильника Октябрьский (Северная Осетия), где были выявлены ямы со ступеньками, черепа умерших уложены на правый висок). С конца XVII в. у кабардинцев распространяется практика строительства мавзолеев кешене для представителей знати. Для западных адыгов строительство мавзолеев не характерно. Прекращение этой традиции относится к концу XVIII в. (Лавров Л.И., 2009. С. 258).

Распространение ислама проявляется и на материалах археологических памятников Закубанья. К концу XVII в. практически исчезает обряд погребения в гробах, который можно связывать с влиянием христианских обычаев. В то же время в комплексах XVII в. хорошо заметно влияние ислама. Среди западных адыгов также распространяется обычай возведения каменных стел. На курганах разрушенного могильника Пащенкова поляна были обнаружены плиты с арабскми надписями XVIII в., в том числе и с абсолютной датировкой 1727 г. С XVIII в. распространение ислама по памятникам археологии фиксируется на большей территории расселения адыгов.

Источники свидетельствуют о том, что процесс обращения адыгского населения в ислам протекал не равномерно, во многом зависел от внешних факторов, особенно от прочности военных и политических позиций каждой из сторон русско-османского противостояния. Так, в письме 1827/1828 гг. верного Османской империи шапсугского (натухайского) князя Зан-оглу Сефер-бея о мерах по распространению ислама среди одного из субэтнических групп адыгов Северо-Западного Кавказа говорится: «Три четверти племени шапсугов приняли ислам, остальные не стали мусульманами и не повинуются. Они стараются вновь привлечь на свою сторону и других. Наставление их на истинный путь зависит от независимости коменданта Анапы от Османского государства и наличия у него большого количества воинов» (История адыгов…, 2009. С. 43-44).

Материалы исследованных археологических памятников также показывают, что все еще сильны оставались традиционные политеистические верования. Так были совершены погребения в могильнике Лысенков I: под курганными насыпями, окруженными каменными обкладками, на уровне древнего горизонта, в сопровождении погребального инвентаря. На позднюю датировку исследованных погребений, не ранее XVIII в., указывает обнаруженная в одном из курганов шашка.

В горных районах Северо-Западного Кавказа языческие представления оказались особенно прочными (Хан-Гирей 1974, 172; Лавров 1959, 235). Л.И. Лавров вспоминал, как он, будучи студентом Ленинградского университета приехал летом 1930 г. на практику к черноморским шапсугам в первый же день столкнулся со свидетельствами поклонения местного населения священным рощам (Лавров 1982, 21).

Восприятие мусульманских традиций и обрядов происходило избирательно, так же как ранее лишь некоторые христианские традиции получили распространение в местной среде в весьма специфической форме, они обогатили сложную картину верований населения, основу которых составляли древние языческие представления.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив ИА РАН

Фонд Р-2. Диссертации

Биджиев Х.Х., 1971. Материальная культура Карачая XIII–XVIII вв. (археолого-этнографический очерк). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2094.

Гаврилина Л.М., 1986. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков. – М. / Архив ИА РАН. Р-2. № 2352.

Масловский А.Н., 2012. Керамический комплекс низовьев Дона в XI-XV вв.: типология и хронология. Дисс. канд. ист. наук. М. / Архив ИА РАН. Р-2.

Фонд Р-1. Научные отчеты о полевых исследованиях

Акритас П.Г., 1954А. Отчет о работе Кабардинской экспедиции 1954 года / Архив ИА РАН. Р-1. № 981.

Алексеева Е.П., 1954А. Отчет об археологических работах в окрестностях аула Жако Хабезского р-на Черкесской авт. обл. в 1954 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 1057.

Алексеева Е.П., 1956А. Отчет о работе археологической экспедиции Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института в 1956 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 1330.

Алексеева Е.П., 1957А. Отчет о работе археологической экспедиции Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института у аулов Бесленей и Инжичукун Хабезского района Карачаево-Черкесской автономной области. 1957 год. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1594.

Алексеева Е.М., Шавырин А.С., Трейстер М.Ю. 1979А. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1979 г. //Архив ИА РАН. Р-1. № 9485.

Анфимов Н.В.,1955А. Отчет об археологических исследованиях на Кубани за 1955 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 1094.

Анфимов Н.В., 1956. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции. 1956 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 1385.

Анфимов Н.В., 1957А. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции за 1957 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 1675.

Бакушев М.А., 2013А. Отчет о раскопках курганной группы «Холодный родник 3» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2012 году / Архив ИА РАН. Р-1. №

Баранюк А.В., 2012А. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на кургане №1 курганной группы «Бжид-3» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2012 году. Краснодар // Р-1 №30071.

Баранюк А.В., 2008А. Отчет о раскопках двух курганов курганной группы «Сосновая Архипо-Осиповская щель-1» в пос. Архипо-Осиповка г. Геленджика Краснодарского края в 2007 г. // Р-1 № 42475.

Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А. Отчет о проведении археологических раскопок 3-х курганов могильника «Морская сказка», 7-ми курганов могильника «Азаренский 2», 5-ти курганов могильника «Азаренский 1», одиночного кургана «Артюхов», курганной группы «Джубга 5» и грунтового могильника «Азаренский» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2009 г. Краснодар // Р-1 № 44091.

Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л. М., Эрлих В.Р. 1989А. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1989 году / Архив ИА РАН. Р-1. №14085.

Беспалый Г.Е. 2000А. Отчет о раскопках могильника «Свистунова щель 1» на трассе газопровода Россия-Турция в 2000 г. в Туапсинском районе Краснодарского края / Архив ИА РАН. Р-1. №№ 24523, 24524.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973А. Отчет о раскопках курганов в бассейне реки Чегем в 1973 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 5090.

Бжания В.В., 1971А. Отчет о работах Причерноморского отряда Института археологии АН СССР в 1971 г. по Открытому листу №311 / Архив ИА РАН. Р-1. №4623, 4623а

Волков И.В., 2000А. Отчет о раскопках курганного могильника Первомайский в Крымском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Приморско-Ахтарском районах Краснодарского края в 1998 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 21955.

Волков И.В., 2001А. Отчет о раскопках курганного могильника Черный Ерик-I в Славянском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 2000 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 24559.

Волков И.В., 2002А. Отчет о раскопках курганного могильника Черный Ерик-I в Славянском районе Краснодарского края и разведках на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 2001 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 22487.

Воронов Ю.Н., 1973А. Отчет о разведочных археологических работах, проведенных средневековым отрядом Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР совместно с Сочинским музеем краеведения в районе Большого Сочи / Архив ИА РАН. Р-1. №5169.

Габуев Т.А.,2014. Отчет Кавказкой археологической экспедиции об исследовании курганного могильника «Молдаванка» в Республике Адыгея в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Гриневич К.Э., 1949А. Отчет о работе археологической экспедиции 1949 года / Архив ИА РАН. Р-1. № 350. Нальчик

Дмитриев А.В., 1971А. Отчет о разведке в районе Новороссийска / Архив ИА РАН. Р-1. №4645.

Дмитриев А.В., 1973А. Отчет об археологических разведках в районе Новороссийска / Архив ИА РАН. Р-1. №5823.

Дмитриев А.В., 1974А. Отчет о доследовании разрушенного средневекового могильника в пос. Южная Озерейка близ Новороссийска / Архив ИА РАН. Р-1. № 5630.

Дмитриев А.В., 1978А. Отчет о раскопках могильника на ул. Днестровской в г. Новороссийске и обследовании Тонкого мыса в Геленджике / Архив ИА РАН. Р-1. № 7072.

Дмитриев А.В., 1984А. Отчет об археологических исследованиях в п. Малый Утриш, Лобановой щели и в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10615.

Дмитриев А.В., 1985А. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» в районе Новороссийска в 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10757.

Дмитриев А.В., 1985Аа. Отчет о доследовании средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу «Прибой» в 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10760.

Дмитриев А.В., 1986А. Отчет об исследовании памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» и в зоне строительства ЛЭП завода «Прибой». 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11598, 11598а.

Дмитриев А.В., 1987А. Отчет об археологических исследованиях в зоне оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12836, 12836а.

Дмитриев А.В., 1997А. Отчет о доследовании курганного могильника на территории санатория им М.В. Ломоносова в Геленджике в 1997 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 21657, 21658.

Дмитриев А.В., 1999А. Отчет о доследовании могильников «Тешебс» и «Свистунова щель» на трассе газопровода Россия – Турция в 1999 году на территории города Геленджика и Туапсинского района Краснодарского края / Архив ИА РАН. Р-1. № 23168.

Дмитриев А.В., 2013А. Отчет о проведении археологических полевых работ на выявленном объекте археологического наследия «Курганная группа «Сидоренкова щель» у х. Горный г. Новороссийска / Архив ИА РАН. Р-1.

Дружинина И.А. 2003А. Отчет о работах Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН в 2003 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. №№ 28428-28429.

Дружинина И.А. 2004А. Отчет о работах Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН в 2004 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. №№ 33049-33051.

Дружинина И.А. 2005А. Отчет об археологических раскопках дольменных и курганных могильников в Абинском районе Краснодарского края, произведенных Абинским отрядом в 2005 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. №№ 35061-35062.

Дружинина И.А., 2006А. Отчет о работах Адыгейского отряда ИА РАНоб исследовании курганного могильника в 5 км к северо-западу о пос. Краснооктябрьский (Майкопский р-н, Республика Адыгея) Адыгейским отрядом ИА РАН в. Р-1.

Дружинина И.А. 2007А. Отчет о работах Адыгейского отряда ИА РАН на курганных могильниках Грузинка VII и Грузинка X Абинского района Краснодарского края в 2007 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. № 47220.

Дружинина И.А. 2008А. Отчет о работах Абинской экспедиции ИА РАН на курганных могильниках Грузинка X и Лысенков I Абинского района Краснодарского края в 2008 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. № 42759.

Дружинина И.А. 2009А. Отчет о работах Абинской экспедиции ИА РАН на курганных могильниках Грузинка VII и Грузинка X Абинского района Краснодарского края в 2009 г. М. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36804.

Дружинина И.А., 2010. Отчет о раскопках могильника Псекупский III в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29672.

Житников В.Г., 2001. Отчет о раскопках курганных могильников «Бжид-1», «Тешебс-4» и «Тешебс-5» в Туапсинском и Геленджикском районах Краснодарского края в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22489.

Каминский В.Н., 1983А. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции в 1980 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9882, 9882а.

Караев Б.З., 2005А. Отчет о раскопках Комсомольского I и Змейского курганных могильников в 2003 г. Архив ИА РАН. Р-1№ 33388.

Керефов Б.М., Нагоев А.Х, 1976А. Отчет о раскопках 3-го и 4-го кабардинских курганных могильников у сел. Чегем-II в 1975 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 6215.

Кобахидзе Е.И., 1988А. Отчет за 1988 год о работах на октябрьском курганном могильнике / Архив ИА РАН. Р-1. №12849, 12850, 12851.

Ковалевская В.Б., 1968А. Отчет причерноморского отряда Сарматской экспедиции за 1968 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 3694.

Красильникова Л.И., 2017А. Отчет об охранных археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» в Крымском районе Краснодарского края в 2016 г. / Архив ИА РАН.

Крупнов Е.И. 1948А. Отчет северо-кавказской археологической экспедиции о работах, проведенных на территории кабардинской АССР, Грозненской области и дагестанской Республики в 1947 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 163.

Лесков А. М., Балинский И. М., Днепровский К. А., Ксенофонтова И. В., Лапушнин В. Л., Носкова Л. М., Хршановский В. А., 1982А. Отчет о раскопках кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1981 году в Краснодарском крае / Архив ИА РАН. Р-1. №8848.

Ловпаче Н.Г., 1982А. Отчет о археологической экспедиции АНИИ в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10918, 10918а.

Лунев М.Ю., 2010А. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ на объектах археологического наследия курганных могильниках «СБТ-1», «СБТ-2» и «Ржаной-1» на территории объекта «Санно-бобслейная трасса вместимостью 11 тыс. зрителей с инженерной защитой и внеплощадочными сетями электроснабжения, водоснабжения и

канализации (проектные и изыскательные работы, строительство) (п. 4 Программы) в п. Красная поляна г. Сочи. Краснодар / Архив ИА РАН. Р-1. №38443.

Минаева Т.М., 1950А. Отчет об археологических исследованиях р. Б. Зеленчука летом 1950 года / Архив ИА РАН. Р-1. №432.

Минаева Т.М., 1951А. Отчет об археологических раскопках 1951 года в Черкесской Автономной области / Архив ИА РАН. Р-1. №579.

Миньков Е.В. 1988А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника у с. Октябрьское Пригородного р-на СО АССР в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 12833, 12834.

Морозова Н.С., 2003А. Отчет о раскопках курганного могильника «Дефановка-2» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2002–2003 гг. / Архив ИА РАН. Р-1

Нагоев А.Х., 1972А. Отчет о раскопках курганов в 1972 году у сел. Чегем-II / Архив ИА РАН. Р-1. №4966.

Нагоев А.Х., 1985А. Отчет о работе I-го отряда разведочной археологической экспедиции КБНИИ за 1984 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 10543.

Нагоев А. Х., 1988А. Отчет об археологической экспедиции КБНИИ 1988 года / Архив ИА РАН. Р-1. № 13496.

Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1974А. Отчет о раскопках кабардинских курганов у сс. Лечинкай и Шалушка в 1974 году / Архив ИА РАН. Р-1. №5421.

Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1972А. Отчет о раскопках кабардинских могильников №3–4 у сел. Чегем-II в 1975 году / Архив ИА РАН. Р-1. №6215.

Нечипорук А.А., 2012А. Отчет о проведении археологических полевых работ на объектах археологического наследия «Поселении «Жукова», «Поселении «Псиф 3», и «Поселении «Фурожан 2» в Крымском районе Краснодарского края в 2010 году. Т. II, VII. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 31161, № 31166.

Николаева Н.А., Сафронов В. 1978А. Отчет о раскопках курганов в с. Ногир Пригородного района, с. Чикола Ирафского района СО АССР, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6847.

Носкова Л.М., 1983А. Отчет о работе Псекупского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1982 год / Архив ИА РАН. Р-1 № 8969.

Носкова Л. М., 1987А. Отчет о раскопках Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1986 году / Архив ИА РАН. Р-1. №13766, 13767.

Носкова Л. М., 1989А. Отчет о работе Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1988 год / Архив ИА РАН. Р-1. №12820.

Носкова Л. М., 1991А. Отчет о работе Приморского отряд Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1990 год / Архив ИА РАН. Р-1. №15175, 15176.

Носкова Л.М., 1991. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции / Архив ИА РАН. Р-1 № 16039, 16040.

Прокофьева Т.Е. Отчет об археологических раскопках курганной группы «Дефань IV» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2013 году / Архив ИА РАН. Р-1

Пьянков А.В., 1984А. Отчет о раскопках курганов Малоубинского могильника №1 Северского района Краснодарского края в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 10558, 10558а.

Пьянков А.В., 1987А. Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 11616, 11616а.

Пьянков А.В., 1988А. Отчет о раскопках курганов могильников Центрлаба 2 и 3 Мостовского района Краснодарского края в 1987 году / Архив ИА РАН. Р-1 № 12378, 12378а.

Пьянков А.В., 1991А. Отчет о раскопках части грунтового могильника БЖИД- I в Туапсинском районе Краснодарского края в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №15133.

Раев Б.А., 2002А. Отчет о раскопках курганного могильника «Крепостной-2» в Северском районе Краснодарского края в 2001 году / Архив ИА РАН. Р-1. №25268–25270.

Раев Б.А., 2003А. Отчет о раскопках курганного могильника «Лефтерова щель» в Северском районе Краснодарского края в 2002 году / Архив ИА РАН. Р-1. №23003, № 23004.

Раев Б.А., 2003А. Отчет о раскопках курганного могильника «Лыготх-1» в Лазаревском районе г. Сочи в 1999 году / Архив ИА РАН. Р-1. №23396, 23397.

Раев Б.А., 2009А. Отчет о раскопках участка могильника «Аушедз» в Северском районе Краснодарского края в 2007 г. // Р-1 № 43675.

Ростунов В.Л. Археологические раскопки кабардинского курганного могильника у сел. Октябрьское Пригородного района СО АССР в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1 № 12804, 12805.

Сергеева О.В., 2013А. Отчет о научно-исследовательских работах на памятниках археологии курганных могильниках «Холодный родник 5» и «Агой 1», в Туапсинском районе Краснодарского края / Архив ИА РАН. Р-1

Сергеева О.В., 2013Аа. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на памятниках археологии в Лазоревском районе Краснодарского края в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1

Тарабанов В.А., 1994А. Отчет об исследованиях средневековых поселений и могильника на южном берегу Краснодарского водохранилища в районе х. Беляева Белореченского района Краснодарского края / Архив ИА РАН. Р-1. № 19042.

Трифонов В.А., 2012А. Отчет о проведении научно-исследовательских охранных археологически работ по теме: «Археологические охранно-

спасательные раскопки на курганном могильнике Красная поляна 2, находящемся в зоне строительства объектов» титула «Совмещенная (автомобильная и железная) дорога Адлер – горно-климатический курорт «Альпика-Сервис» (проектные и изыскательские работы, строительство)» (южный портал тоннельного комплекса № 5). СПб. / Архив ИА РАН. Р-1. №30694.

Текеев Г. Х.-У., 1977. Раскопки в урочище Байтал-Чапкан / Архив ИА РАН. Р-1. № 6929.

Текеев Г.Х.-У., 1982. Отчет археологической экспедиции кружка Карачаево-Черкесской областной станции юных туристов за 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №10056, 10056а.

Успенский П.С., 2014А. Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме: «Археологические раскопки могильника Крученая щель III в Абинском районе Краснодарского края в 2011 году» / Архив ИА РАН. Р-1. №41542.

Федосова Ю.Н., 2012А. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических работ на территории Краснодарского края в 2011 г. Краснодар / Архив ИА РАН. Р-1. № 30759.

Федосова Ю.Н., 2014А. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок кургана 2 могильника «Школьный 2» в Крымском районе Краснодарского края в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 41592.

Шафиев Н.А., 1963А. Отчет археологической экспедиции Кабардино-Балкарского Государственного университета за 1963 год / Архив ИА РАН. Р-1. №2690.

Шафиев Н.А., 1964А. Отчет археологической экспедиции Кабардино-Балкарского Государственного университета за 1964 год / Архив ИА РАН. Р-1. №2968.

Шеф А.В., 2012А. Отчет о раскопках курганной группы «Чаплук 3» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №

Шеф А.В., 2013А. Отчет о раскопках поселения «Колихо 1» и курганной группы «Чаплук 2» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №

Шишлов А.В., 2000А. Отчет о раскопках курганных могильников «Урочище Скаженное-1», «Смоленская-1» (щель Воргушена), «Попова-1» в зоне строительства газопровода «Россия-Турция» в Краснодарском крае в 1999 г / Архив ИА РАН. Р-1. №24273,24274.

Шишлов А.В., 2002. Отчет об археологических раскопках кургана в пос. Мостовском Краснодарского края / Архив ИА РАН. Р-1. №25283,25284.

Эрлих В.Р., 1991А. Отчет о работе Хатажукайского отряда Кавказской археологической экспедиции в Шовгеновском районе Адыгейской автономной области, Лабинском и Мостовском районах Краснодарского края в 1990 году / Архив ИА РАН. Р-1. №15173, 15174.

Архив ИИМК РАН

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках Старшего члена Комиссии Н.И. Веселовского в Кубанской области. № 52/1896. 1 апреля 1896 г. – 13 ноября 1901 г.

Дело Императорской Археологической Комиссии по ходатайству И. Владимирова о разрешении ему продолжать раскопки в Нальчикском округе Терской области. № 215/1896. 7 ноября 1896 г. – 9 марта 1907г.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках В.Р. Апухтина в Болховском уезде Орловской губ. и Пятигорском отд. Терской обл. и в Нальчикском округе Терской области. № 110/1902. 16 мая 1902 г. – 8 марта 1910 г.

Дело Императорской Археологической Комиссии об открытии древнего могильника на 18 версте строящейся Дербентской ветви Владикавказской железной дороги. Раскопки В.И. Долбежева. №45/1898. 3 марта 1898 г. – 10 октября 1902 г.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках К.К. фон-Мерса в Новороссийском округе, Черноморской губернии, кубанской области. № 63/1910. 6 марта 1910 г. – 24 августа 1918 г.

Аханов А.А., 1939А. Отчет об археологических раскопках в Гелендикском районе в 1939 г. Ф. 35. Оп. 1939. №81.

Иессен А., 1933А. Отчет о работе на Баксанстрое за 1933. Ф. 2. № 120.

Иессен А., 1934А. Отчет о работе на Баксанстрое. Ф. 2. № 120–123,220. Полевые чертежи, описи.

Иессен А., 1934А. Дневники, чертежи, описи и отчет о работе на Баксанстрое за 1934. Ф. 2. № 211–214.

Мерс К.К., 1909А. Отчет о раскопках, произведенных в окрестностях селения Геленджик Черноморской губернии Новороссийского округа. Дневник раскопок.

Мерс К.К., 1913А. Отчет о раскопках, произведенных в 1912 году в Черноморской губернии. Ф 1. Оп. 1. 1913. № 247.

Миллер М.А., 1937А. Краткий отчет о разведках на Тонком мысу у Геленджика в 1937 г. // Ф.2, Оп. 1, 1937, № 216.

Стрельченко М.Л., 1968А. Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. Краснодар. Диссертация на соискание уч. степ. канд. исторических наук. Архив ИИМК РАН. Ф-35. Опись 2-д. Ед. хр.176.

Фонд Национального музея Грузии имени Симона Джанашиа

Казнаков А.Н. Экскурсия директора Кавказского музея в Геленджик и Новороссийск, Дело №24-09, 12 мая 1909 г.

Коллекции Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные д-м Г.И. Радде, директором Кавказского музея и

Публичной библиотеки в Тифлисе. Том V. Археология. Составила гр. П.С. Уварова. Тифлис, 1902.

Фонд РГБ

Джигунова Ф.К., 2000. Западное Предкавказье в IV–IX вв.: дисс. ... канд. истор. наук : 07.00.06. – СПб. 300 с.: ил. Археология OD 61 01-7/455-3.

Список сокращений

АЖ – Археологический журнал, Армавир.

АО – Археологические открытия, М.

ИАИАНД –

ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии, СПб.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии, М.

МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, Армавир.

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры, М.–Магнитогорск–Новосибирск.

РА – Российская археология

СА – Советская археология

ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Черкесск.

ЭО – этнографическое обозрение. М.

ИСТОЧНИКИ

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Перевод со старогрузинского Г.В. Цулая. Вып. I. Текст. – М., 2005.

Броневский М. Описание Татарии // АБКИЕА – Нальчик. – 1974.

Воинские повести.., 1985. Воинские повести Древней Руси. Л.

Георгий Пахимер, 2004. История о Михаиле и Андронике Палеологах, Тринадцать книг / Византийская историческая библиотека. – Царствование Михаила Палеолога (1255-1282). Том. 1. – Рязань.

Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА, – Нальчик. – 1974.

Джорджио Интериано. О быте и обычаях черкесов // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков. Пер. Н.А. Пенчко. Сост. В.Аталиков, – Нальчик. – 2010. С. 25-30.

Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 152 с.

Золотая Орда в источниках, 2003. Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Том первый. Арабские и персидские сочинения. М.

Иоанн де Галонифонтибус, 1980. Сведения о народах Кавказа. – Баку.

Йазди Шараф ад-дин Али, 2008. Зафар-Наме. – Ташкент.

Кох Карл, 1974. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик.

Ксаверио Главани. 1974. Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана в Бахчисарае // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик.

Лонгворт Дж.А. 2002. Год среди черкесов / Пер. В.М. Аталиков; науч. ред. А.И. Мусукаев. Нальчик. 541 с.

Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесам (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами /Ландшафт, этнографические исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик, 2004.

Люлье Л.Я., 1991. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Киев.

Лонгворт Дж.А., 2002. Год среди черкесов / Пер. В.М. Аталиков. Науч. ред. А.И. Мусукаев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа». 541 с.

Лопатинский Л. Заметка о народе адыгах вообще и кабардинцах в частности / СМОМПК 1891. Вып. XII.

Никифор Григора, 2004. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Византийская историческая библиотека. – Том. 1. – Рязань.

Описание…, 1879. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, ингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса.

Сталь К.Ф. 2001. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик.

Троицкая летопись, 1950. М.Д. Приселков: Реконструкция текста. М.

Хан-Гирей. 1974. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. Нальчик.

Шильтбергер… Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, азии и Африке с 1394 года по 1427 год // АБКИЕА, – Нальчик. – 1974. С. 38-39.

Эвлия Челеби. 1979. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.

Эмиддио Дортелли д’Асколи. 1974. Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д’Асколи, префект каффы, Татарии и проч., 1634 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абызова Е., Рябцева С., 2007. Пряжки-пафты из собрания Национального музея археологии и истории Молдовы // Tiragetia. Istorie. Muzeoligie. Serie nova / Muzeul National de Archeologie I Istorie a Moldovei. Vol. I. [XVI], Nr. 2. P. 95-105.
2. Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, Вып. I.
3. Айбабин А.И., 1993. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. С. 121-134.
4. Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
5. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Под ред. В.К. Гарданова. М., 1974.
6. Акимченков Г.Ф. 2007. Абинское предгорье. Путеводитель. Краснодар.
7. Акритас П.Г., 1955. Первобытнообщинный строй на территории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 4. – Нальчик.
8. Акритас П.Г., 1955. Археологические работы в Кабарде в 1954 году // УЗ КБНИИ, X. Нальчик. С. 25-68.
9. Акритас П.Г., 1959. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // УЗ КБНИИ, XVI. – Нальчик.
10. Акулов А.В., Соков П.В., 2007. Археологические исследования на позднесредневековом курганном могильнике в окрестностях с. Шедок в июле-августе 2006 г. // Четырнадцатые чтения о археологии Средней Кубани: (краткое содержание докладов). – Армавир. С. 42-44.
11. Алланиязов Т.К. 1998. Военное дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век». 140 с.
12. Аллахвердиев Р.К., 1958. Клад XVI в. из с. Хар-Хар в Азербайджане // СА. №3. С. 228-229.
13. Алексеев В.П., 1961. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. С. 208-220.
14. Алексеев В.П., 1967. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик.
15. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 318 с.
16. Алексеева Е.П., 1954. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского научно-исследовательского института. Вып. II. Черкесск: Черкесское книжное издательство. С. 199-260.
17. Алексеева Е.П., 1955. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК. Вып. 60. – М.

18. Алексеева Е.П., 1957. Очерки по экономике и культуре Черкесии в XVI-XVII веках. Черкесск. С. 172.

19. Алексеева Е.П., 1959. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // ТКЧНИИ. – Вып. III.– Черкесск. – С. 3–82, карта.

20. Алексеева Е.П., 1960. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. – Черкесск. 70 с.

21. Алексеева Е.П., 1963. Материальная культура черкесов в средние века. (По данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Вып. IV. –С. 146–252, карта.

22. Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука. 355 с.

23. Алексеева Е.П., 1979. Кабардинские и западночеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории Адыгов // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный.

24. Алексеева Е.П., 1980. О происхождении и расселении абазин в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск.

25. Алексеева Е.П., 1983. Археологические раскопки и разведки на территории Карачаево-Черкесии 1975 – 1980 гг. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск. С. 77–100.

26. Алексеева Е.П., 1988. К истории археологических обследований территории Карачаево-Черкесии (XVIII в. – 1985 г.) // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск. 65–96.

27. Алексеева Е.П., 1990. Археологические памятники Карачаево-Черкесии как исторический источник (Некоторые аспекты проблемы) // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

28. Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.

29. Алекшин В.А., 2007. Сектор/отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в ИАК – РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // Записки Института истории материальной культуры РАН. - № 2. – С. 10-92.

30. Алиева С.И., 1998. Из истории взаимоотношений кубанских ногайцев с адыгам, черкесами, кабардинцами // Древности Кубани. – Вып. 7. – Краснодар. С. 39-

31. Алиева С.И., 2004. Некоторые аспекты ногайско-кабардинских отношений в XVII в. (по материалам издания «Кабардино-русские отношеня в XVI-XVIII вв.» М., 1957. Т. I.) // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы XII всероссийской межвузовской конференции – Краснодар. С. 34-36.

32. Антонович В.Б., 1882. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – Тифлис.

33. Анфимов И.Н., Хачатурова Е.А., 2006. Дневники Н.В. Анфимова 1928-1934 гг. Экскурсия в Закубанье // Материалы и исследования по истории Кубани. – Краснодар. – Вып. 6. – С. 328-343

34. Анфимов Н.В., 1952. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. Вып. XLVI.

35. Анфимов Н.В., 1972. Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекупса (По материалам исследований АНИИ 1954 и 1955 гг.) // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп. С. 79-98.

36. Анфимов Н.В., 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука. С. 92-113.

37. Анучин Д.Н., 1906. В.И. Сизова // Древности. МАО. Т.XXI. – Вып. 1. – М

38. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. 1993. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. // Народы и культуры. Материалы к серии. Вып. 27. Народы Кавказа. Кн. 1. М.

39. Апухтин В.Р., 1902. Раскопки В.Р. Апухтина. Станица Горячеводская Пятигорского отдела Терской области // Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Харьков. С. 28-33.

40. Армарчук Е.А., 2001. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000) – Нижний Новгород. С. 37-41.

41. Армарчук Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X-XIII веков. Историографический очерк // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.

42. Армарчук Е.А., 2004. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI-XIII вв. // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа): Тезисы докладов. М. С. 9-11.

43. Армарчук Е.А., 2004. Позднесредневековые погребения Борисовского могильника (раскопки В.В. Саханева 1912 г.) // КСИА. – Вып. 217. – М.

44. Армарчук Е.А. 2006. «Половецкие серьги» // Средневековая археология Евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. М.; Йошкар-Ола.

45. Армарчук Е.А. 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.

46. Армарчук Е.А., 2008. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI-XIII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006/Гл. ред. А.Б. Белинский. М.; Ставрополь: Памятники исторической мысли: Наследие. С. 788-789.

47. Армарчук Е.А., 2011. Набор турецкого фаянса из Северо-Восточного Причерноморья // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону: Донское археологическое о-во. С. 309-314.

48. Армарчук Е.А., 2015. Поливная посуда из Белореченских курганов XIV–XV вв. (Северный Кавказ) // РА. №2. С. 120–135.

49. Армарчук Е.А., 2018. Северо-Восточное Причерноморье XI–XIV веков: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск. С. 391-393.

50. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.: ИА РАН; СРб.: Нестор-История, 132 с.

51. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2017. Поливная посуда XIII—XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Том. 2. Казань: Б. и.; Кишинев: Stratum Plus: Университет «Высшая антропологическая школа», С. 499–512.

52. Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. – Армавир. – М. С. 92-114.

53. Армарчук Е.А., Сорокина И.А. 2001. Богатое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж: ВГУ. С. 195-209.

54. Артемьев А.Р., 1990. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. С. 5-28.

55. Археологические экспедиции…, 1962. Археологические экспедиции ГИАМК и ИА АН СССР. – М.

56. Асланов Г.М. и др., 1966. Асланов Г.М., Голубкина Т.И., Садыхзаде Ш.Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку. 68 с.

57. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М. Нальчик, 1995.

58. Атавин А.Г., 1995 Информационно-поисковая система «Номад» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // Базы данных в археологии. М.. – С. 34-52.

59. Атавин А.Г. 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в

конце IX – первой половине XIII вв. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. М.

60. Аталиков В.М., 1984. К вопросу о расселении адыгских племен до XV века // Этнография и современность. – Нальчик.

61. Аталиков В.М., 1993. Северный Кавказ в XIII-XIV в. // Живая старина. №3. – Нальчик.

62. Атанасов Г., 1987. Традиционен български накит (по повод колекцията от пафти в Силистренския музей) // Българска етнография. №4. С. 26.

63. Афанасьев Г.Е., 1992. Площадь памятника в реконструкции расселения древнего населения (опыт применения в археологии методов аэрокосмического зондирования) // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы межрегиональной конференции. – М. С. 12-15.

64. Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы. – М.

65. Бабенко В.А., 2008. Курганно-грунтовый могильник золотоордынского времени Золотаревка-3 // СЕЭС. Вып. 6. Донецк. С. 157-198.

66. Бабенко В.А., 2013. Древности эпохи Золотой Орды на территории Верхнего Прикубанья // Шестая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. – С. 18-21.

67. Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2013. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. Ставрополь. М.: Памятники исторической мысли. С. 291-308.

68. Бакушев М.А., 2018. Шапсугский погребально-поминальный памятник «Курганная группа «Холодный родник 3» // ИАА. Вып. 14. С. 132-153.

69. Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2013. Археологический комплекс Роза 1 на северном склоне хребта Аибга // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. Сухум: ИИМК РАН; АбИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати». С. 360-366.

70. Барагамян Р.А., Василиненко Д.Э., Тищенко И.Б., 2014. Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения «Железнодорожное 2» // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Вып. 2. Краснодар: КГУ. С. 29-38.

71. Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев.

72. Баранюк А.В., Голубев Л.Э., 2009. Раскопки двух позднесредневековых курганов в пос. Архипо-Осиповка (г.-к. Геленджик) // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. С. 5-9.

73. Баранюк А.В., Голубев Л.Э., 2013. Разрушенный средневековый могильник в селе Кроянское города Туапсе // ИАА. Вып. 12. Армавир; Краснодар; М. С. 115-119.

74. Багаев М.Х., 1972. Кабардинские курганы на реке Фортанге (ЧИАССР) // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Вып. 5. Нальчик.

75. Багаев М.Х., 1984. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный. С. 105-111.

76. Бараниченко Н.Н., 1983. Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 9-19.

77. Басов В.И., Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б., 2009. Охранно-спасательные исследования Центра археологических исследований АГПУ и ГУП «Наследие Кубани» в Краснодарском крае // АО 2006 года. – М., 2009. С. 340-344.

78. Басов В.И., Нарожный Е.И., Тихонов М.П., 2003. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир.

79. Басов И.И., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 2010. Об одном типе головных уборов XVIII-XIX веков у горцев Северного Кавказа // АЖ, № III-IV. Армавир. С. 103-106.

80. Батиева Е. Ф. 2013. Антропологические материалы из могильника XIII-XIV вв. поселения «Жукова» (Краснодарский край) // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. Сухум: ИИМК РАН; АбИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати». С. 324 – 331.

81. Батчаев В.М., 1980. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик. С. 79-95.

82. Батчаев В.М., 2006. Балкария в XV – начале XIX вв. / Историко-культурное наследие народов центрального Кавказа. Вып. 1. Серия: Археология. М.: ООО «ТАС-ИЗДАТ». 239 с.

83. Бацанюк И.С., Схатум Р.Б., 2015. Средневековые погребения близ урочища Боханова поляна (Крымский район Краснодарского края) // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С.9–19

84. Белов М.А., 2011. Могильник Аушедз в системе средневековых древностей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. II. – Великий Новгород – Старая Русса. – С. 123-125.

85. Белов М.А., 2011а. Шестилучевая бляха из могильника «Аушедз». К вопросу интерпретации // Новые материалы и методы археологического исследования. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. Москва, 15-17 марта 2011 г. М. С. 63-64.

86. Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (Публикация и

историческая интерпретация материалов) // МИАСК. Вып. 8. Армавир. С. 177-244.

87. Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевнические погребения из курганного могильника Ильинский-1 на Ставрополье // МИАСК. Вып. 12. Армавир. С. 169-188.

88. Березин С.Я., Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Охранно-спасательные работы Центра археологических исследований АГПУ и ОАО «Наследие Кубани» // АО 2007 года. – М., 2010. С. 243-247.

89. Березин С.Я., Нарожный Е.И., 2010. О северокавказских участниках Куликовской битвы и их вооружении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология, экономика, информатика. №7 (78) 2010. Вып. 14. С. 195-201.

90. Беренштам В.Л., 1879. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – Тифлис. С. 297-321.

91. Бессонова С.С. 1989. Скифская материальная культура. Религиозные представления // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 120–122.

92. Бетрозов Р.Ж., 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик. 1991.

93. Бжания В.В., 1972. Работы Причерноморского отряда в Краснодарском крае // АО 1971 г. – М.

94. Бибиков М.В., 1999. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. Серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования». М.

95. Биджиев Х.Х., 1970. Археологические раскопки в горном Карачае // АО за 1969 год. – М.

96. Биджиев Х.Х., Шаманов И.М., 1971. Раскопки в Карачае // АО за 1970 год. – М. С. 131-132.

97. Биджиев Х.Х., Текеев М.К., Фалинов А.Ю., Рубканов Г.Ю., 1977. Исследования в Карачаево-Черкесии // АО 1976 года. – М. С. 88-89.

98. Биджиев Х.Х., 1979. Могильник Карт-Джурт // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск. С. 5-27.

99. Биджиев Х.Х., 1979. Погребальные памятники Карачая XIV–XVIII вв. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск: КЧ НИИ ЭИЯЛ. С. 63-145.

100. Биджиев Х.Х., 1984. Работы в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае // АО за 1982 год. – М. С. 110-111.

101. Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. 169 с., 30 л. ил.

102. Биджиев Х.Х., 1985. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982-1983 гг. (Итоги археологических раскопок) // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск. – С. 5-34.

103. Биджиев Х.Х., 1986. Работы в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае // АО за 1984 год. – М.

104. Биджиев Х.Х., Тоторкулов Н.Х., 1994. Могильник Джамагат в Карачаево-Черкесии // XVIII «Крупновские чтения». Тезисы докладов. – Кисловодск: СГОКМ, КНИФСЦ. – С. 56.

105. БіляЄва С., 2012 Слов'янські та тюркські світи в Україні. Київ.: Університет «Україна». 524 с.

106. Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. С. 184-208.

107. Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). / Под. ред. В.П. Никонорова. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. – 776 с. СПб.

108. Боброва А.И., Валиулина С.И., Храмченкова Р.Х., 2007. Средневековые бусы из Нарымского Приобья // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул. С. 196-199.

109. Болелов С.Б., 1994. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии // РА. №4. С. 98-106.

110. Болгов Н.Н., 1999. Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V-VI вв.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.

111. Бочаров С.Г., 2013. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Шестая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар. С. 18-21.

112. Брей У., Трамп Д., 1990. Археологический словарь. М.

113. Булава Л.А., 2008. К проблеме алано-адыгских связей в XI–XII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: XI Крупновские чтения. М.

114. Варченко С.Ф., Таволжанская Н.С., 2000. Раскопки кургана у станицы Кардоникской в Карачаево-Черкесии // АО 1998 года. – М. С. 180-181.

115. Василиненко Д.Э., 2007. Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзыста (г. Сочи) //Материалы по изучению историко-культурногонаследия Северного Кавказа. – Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. – М. С. 245-274.

116. Василиненко Д.Э., 2008. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымта (г. Сочи) // Наследие Кубани. Вып. 1. С. 258-279.

117. Василиненко Д.Э., 2009. Погребальный обряд населения междуречья Псоу – Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. С. 27-31.

118. Василиненко Д.Э., Коробов Д.С., 2011. Исследования на крепостях эпохи средневековья в бассейне р. Мзымты (Краснодарский край, Адлерский район г. Сочи) // Вторая Абхазская международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. (8-12 ноября 2008 г., Сухуми). Сухум: АбИГИ. С. 206-214.

119. Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешебс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар: ООО НПЦ «АйТиМед». С. 19-26.

120. Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2014. Предварительные итоги охранно-спасательных работ на поселении золотоордынского времени «Железнодорожное 1» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Москва, 21-25 апреля 2014 г.). М.

121. Васильев, Д.В., 1998. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени, в: Древности Волго-Донских степей. Сборник научных статей. Вып. 6. Волгоград, 101–112.

122. Васильев Д.В., 2007. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологческое исследование. – Астрахань.

123. Верещагин В.В., Верещагина Е.Л., 2017. Средневековые курганы с каменными оградками под Новороссийском // АЗ. Вып. 9. С. 328–352.

124. Винидиктов А.П., Берлизов Н.Е., Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., 2002. Код для описания погребальных памятников // Древности Кубани. Вып. 18. – Краснодар. С. 4-21.

125. Виноградов А.Ю., 2009. Зихия // Православная энциклопедия. Том 20. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – С. 186-192.

126. Виноградов А.Ю., 2013. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар: КГИАМЗ. – С. 156-176.

127. Виноградов В.Б., 1983. Эпиграфические памятники Чечено-Ингушетии (состояние источников, некоторые проблемы изучения) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 19-31.

128. Виноградов В.Б., 1985. Новые находки и сведения о средневековых монетах на территории Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Гозный. – 68-75.

129. Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северо-Кавказская экспедиция // АО 1967 года. М., 1968.

130. Виноградов В.Б., Депуева А.Б., 1987. Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) //Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный. С. 75-89.

131. Виноградов В.Б. и др. Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1968. Северо-Кавказская экспедиция // АО 1967 года. М.

132. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С., 1976. Первая русская карта Северного Кавказа // Вопросы истории. – № 6. С. 199-203.

133. Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный.

134. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1993. К истории археологического изучения Армавира и его округи // Вторая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар.

135. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1994. Погребения Келийского могильника // Археологиеские и этнографические исследования Северного Кавказа / Под ред. Н.И. Кирея. КубГУ. – Краснодар.

136. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 2002. Об аналогиях погребальному обряду Белореченских курганов // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар. С. 148–157.

137. Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI- середина XVIII в.). Армавир-Майкоп, 2003.

138. Виноградов В.Б., 1995. «Союзный и оборонительный» русско-турецкий договор 1798 г. в прикубанском контексте // Материалы III межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции. Аннотации докладов армавирской делегации. – Краснодар-Армавир.

139. Виноградов В.Б. и др., 2001 а. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // МИАК. – Вып. 1. – Краснодар. С. 124-137.

140. Виноградов В.Б. и др., 2001 б. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2001 Горькобалковский могильник №2 VIII-IX вв. (Публикация материалов) // МИАК. – Вып. 1. – Краснодар. С. 138-167.

141. Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Д., 2003. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI- середина XVIII в.). – Армавир-Майкоп.

142. Виноградов Ю.А. Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки Восточного Отделения Российского археологического общества. Новая серия. Том I (XXVI). СПб., 2002.

143. Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2001. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье // РА. №2. С. 126-131.

144. Волков И.В., 2002. Адыгские памятники Ачуевского мыса // МИАК. – Вып. 2. – Краснодар. С.158–160.

145. Волков И.В., 2003. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // МИА Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир. С. 224-260.

146. Волков И.В., 2003. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 108-130.

147. Волков И.В., 2005. Заметки об области Кремук // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. – Краснодар. – С. 47-48.

148. Волков И.В., 2006. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 21. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 473-497.

149. Волков И.В., 2006. Об определении керамики и азовском сосуде в технике «минаи» // ИАИАНД в 2005 г. Вып. 22. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 410-426.

150. Волков И.В., Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного Исторического музея // Генуэзская Газария и Золотая Орда

151. Волков И.В., Лопан О.В., 2009. Работы на городище Ангелинский ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: КубГУ. С. 43-47.

152. Волкова Н.Г., 1972. Маджары. (Из истории городов Северного Кавказа) // КЭС. Вып. 5. М.

153. Волкова Н.Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.

154. Волкова Н.Г., 1974. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII- начале XX века. М.

155. Воронов Ю.Н. 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.

156. Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 112 с.

157. Воронов Ю.Н., 1989. Проблемы археологии Зихии // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 17-18.

158. Воронов Ю.Н., 1990. Джики грузинских источников (к историографии проблемы) // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). – Ставрополь: СГПИ. – С. 32-34.

159. Воронов Ю.Н., 2009. Научные труды. Том II. Сухуми.

160. Воякин Д.А., 2008. Поселение Арал-Асар и мавзолей Кердери 2 // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г Астана 2 июля 2008 г. – Астана. С. 335-345.

161. Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1988. Работы Кавказской экспедиции // АО 1986 года – М. С. 116-117.

162. Гаврилина Л.М., 1986. Прикладное искусство кочевников Воситочной Европы X–XIV веков.

163. Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Древности и памятники VIII–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. Серия Археология. М. С.195-200.

164. Гаджиева С.Ш., 1976. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.

165. Гадло А.В., 1991. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л.

166. Гадло А.В., 2004. Адыги во второй половине I тысячелетия н. э. (очерк этносоциальной и этнополитической истории) // ИЭ. – СПб. – Вып. 1. – С. 6-37.

167. Гарданов В.К., 1963. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века // СЭ. – № 4. – С. 72-93.

168. Гарданов В.К.,1965. К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII веке // УЗ КБНИИ. – Т. XXIII. – Нальчик.

169. Гарданов В.К., 1967. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.). – М.

170. Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х., 1980. Хан-Гирей и его «Записки о Черкесии» // КЭС. – Вып. VII. – С. 3-31.

171. Гармашов А.И. 1991. Позднекочевническое погребение с шестопером в междуречье Дона и Сала // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып. 10. Азов. С. 110-123.

172. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., 2010. Позднекочевнические комплексы Нижневолжского региона (из раскопок И.В. Синицына) // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. Уфа: Гилем. С. 141-177.

173. Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2014. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). Уфа: БГПУ. 328 с.

174. Гедеон, митрополит, 1992. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России М.-Пятигорск.

175. Гей А.Н. 2005. Исследования древних памятников Западного Кавказа (о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) // КСИА. Вып. 219.

176. Герасимова М.М., Тихонов А.Г., 2003. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994. М.: Наука. С. 286-290.

177. Гиджрати Н.И., Тменов В.Х., 1988. Погребения в каменных ящиках на холме Бузуни-Хума (сел. Махческ) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова. С. 173-176.

178. Глебов В.П., Яценко В.В., 1998. Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области // Донская археология. №1. – Ростов-на-Дону.

179. Голованова С.А., 1993. Об одной группе древнерусских крестов на Северном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. С. 30.

180. Голубев Л.Э., 1997. Група позднесредневековых погребений из могильника МТФ-3 близ станицы Старокорсунской // Историко-археологический альманах. – Армавир – М. С. 115-120.

181. Голубев Л.Э., 2002. Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. – Армавир – Москва. – Вып. 8. – С. 142-146.

182. Голубев Л.Э., 2002. Три аспекта из жизни адыгов в конце XIV-XV вв. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. № 1-2. Краснодар. С. 20-28.

183. Голубев Л.Э., 2008а. Адыгские феодальные владения на Северо-Западном Кавказе во второй половине XV века // АЖ. №II. – Армавир. С. 115-118.

184. Голубев Л.Э., 2008б. Случайные находки предметов средневекового вооружения из окрестностей Сочи // АЖ. №II. – Армавир. С. 122-124.

185. Голубев Л.Э. 2012. Новая находка позднесредневекового наконечника копья с треугольными выступами // Вопросы истории Поурупья. Материалы краевой научной конференции, освященной 50-летию открытия и изчения Ильичевского городища. Вып. 1. Отрадная.

186. Голубев Л.Э., 2013. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1» // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С. 34-36.

187. Голубев Л.Э., 2017. Погребение «рыбака» из средневекового курганного могильника «Гостагаевский I» в Анапе // АЗ. Вып. 9. С 353-357.

188. Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга-1» // ИАА. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М. С. 154–174.

189. Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б., 2013. Воинское погребение на реке Алепси в Туапсинском районе Краснодарского края // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухуми, 26-30 ноября 2013 г. С. 29-30.

190. Гончаров Е.Ю., 2011. Нумизматические находки из Маджара (Определение монет) // МИАСК. Вып. 12. Армавир. С. 211-214.

191. Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А., 2018. Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск. С. 432-435.

192. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Военное дело населения Лесостепного Алтая в золотоордынкое время // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, провденного в рамках международного золотоордынского форума. Казань 29-30 марта 2011 г. Казань. С. 63-71.

193. Горев С.В., Шабанов С.Б., 2017. Три позднесредневековых железных шлема из собрания Центрального музея Тавриды // История и археология Крыма. IV. Симферополь: ИА Крыма РАН. С. 137–144.

194. Горелик М.В., 1987. Ранний монгольский доспех (XI – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография, антропология Монголии. – Новосибирск.

195. Горелик М.В., 2002. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие / Гл. ред. А.Н. Перевозчиков. М: ООО «Восточный горизонт». 84 с.

196. Горелик М.В., 2004. Адыги в южном Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. – Армавир.

197. Горелик М.В., 2006. Монгольский женский костюм X-XIV вв. // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. М. С. 125-126.

198. Горелик М.В., 2007. Культура империй, созданных кочевниками // Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. С. 197-200.

199. Горелик М.В., 2008. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения»). Тезисы докладов. Владикавказ. С. 136-140.

200. Горелик М.В., 2008. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. С. 139–159.

201. Горелик М.В. 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик. С. 158-189.

202. Горелик М.В., 2009. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // МИАСК. Вып. 10. Армавир. С. 157-180.

203. Горелик М.В., 2010. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII-XIV вв.) // МИАСК. Вып. 11. С. 207-231.

204. Горелик М.В., 2010. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Т. 8. – С. 253-270.

205. Горелик М.В., 2014. Монгольские, черкесские и половецкие воины золотоордынского Предкавказья конца XIII–XIV вв. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 333-335.

206. Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. №1 2011 (№2). М. С. 39-63.

207. Горелик М.В., Отюцкий И.В., Охонько Н.А., 2010. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. №1. Москва. С. 97-100.

208. Горелик М.Г., Гредунов Е.В., 2014. Группа золотоордынских сабель XIV века из частной коллекции в Украине // Історія зброї. Альманах №10. С. 208-218.

209. Готова Р.Р., 2000. Ислам у адыгов (XVIII-XIX вв.) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VIII краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Амавир-Краснодар. – С. 38-39.

210. Гребенец Ф.С., 1915. Курганы в окрестностях станицы Змейской. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. – Тифлис. С. 1–30.

211. Григорьев А.Б., 2008. Изучение памятников археологического наследия Геленджика (XIX-XX вв.) // Наследие Кубани. Вып. 1. – Краснодар. С. 354–376.-заповедника.

212. Гудименко И.В., 1997. Спасательные археологические раскопки в городе Азове и Азовском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. – Азов.

213. Гудименко И.В., Прокофьев Р.В., 2011. «Мартышкина Балка» (материалы средневекового грунтового могильника) // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону: Донское археологическое о-во. С. 201-274.

214. Гусач И.Р., 2002. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // ИАИАНД в 2001 г. Вып. 18. Азов: Изд-во Азовского музея. С. 368–389.

215. Гусач И.Р., Валид Али Мухаммед, 2013. Мусульманские клинки с надписями из коллекций донских музеев // ИАИАНД в 2011 г. Вып. 27. Азов: Изд-во Азовского музея. С. 268–319.

216. Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992. Кабардинские курганы Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск. С. 42–47.

217. Давудов Ш.О., Схатум Р.Б., 2013. Археологические исследования курганной группы «Шапсуго 5» (Туапсинский район, Краснодарского края) // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С. 37-47.

218. Даутова Р.А., 1977. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чеено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. – Грозный. – С. 75–78.

219. Даутова Р.А., 1982. Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии // Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. – М.– С. 87–88.

220. Даутова Р.А., 1986. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных Памятников Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 81-90.

221. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1972. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. № 2. С. 223–228.

222. Даутова Р.А., Чахкиев Д.Ю., 1988. Некоторые материалы по мавзолеям горной Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 37–66.

223. Даутова Р.А., 1989. Позднесредневековые курганные могильники и курганы на территории Чечено-Ингушской АССР (Материалы к «Археологической карте Чечено-Ингушетии») // Археология и краеведение – вузу и школе (Третья региональная научно-практическая конференция). – Грозный. С. 73–74.

224. Даутова Р.А. и др., 1989 – Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 15–71.

225. Даутова Р.А., 1990. Новые данные о средневековых памятниках горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 28–48.

226. Деген-Ковалевский Б.Е., 1935. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Археологические работы на новостройках в 1932-1933 гг. ИГАИМК, Вып. 10. – Ч. II. – М.–Л. – С. 11–17.

227. Дедюлькин А.В., Курмановский В.С., 2018. Воинское погребение из кургана 14 могильника «Черноморка 2» // ВВА. Вып. 4. С. 233-251.

228. Демаков А.А., 1990. К вопросу об этнической принадлежности скальных захоронений // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов КЧНИИ ИФЭ. Черкесск: ИПКПО «Адыгея». С. 36–48.

229. Джигунова Ф.К., 2000. Западное Предкавказье в IV-IX вв. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб. 23 с.

230. Джигунова Ф.К., 2006. Новые раннесредневековые погребения с южного берега Краснодарского водохранилища в Адыгее // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухуми: АбИГИ АНА. С. 158.

231. Джигунова Ф.К. 2007. Социальная и половозрастная градация раннесредневековых погребений на территории Закубанья // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. №1. С. 154-158.

232. Дитлер П.А., 1995. Раннесредневековый могильник Мешоко // Археология Адыгеи. Майкоп: Изд-во «Меоты». С. 138-237.

233. Дзамихов К.Ф., Хуранов Ш.Ш., 1985. Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев в XVI – первой половине XIX веков // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск. – С. 63–77.

234. Дзаттиаты Р.Г., 2002. Культура позднесредневековой Осетии. – Владикавказ.

235. Дитлер П.А., 1961. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. – Том. II. – Майкоп. – С. 127–187.

236. Дитлер П.А., 1985. Могильник Колосовка №1 (раскопки экспедиции АН 1962 г.) // ВАА. – Майкоп. – С. 114–141.

237. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859-1919 годах (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.

238. Дмитриев А.В., 1978. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска – Геленджика // VIII «Крупновске чтения». Тезисы докладов. – Нальчик: Кабардино-Балкарский Ордена «Знак почета» Институт истории, филологии и экономики. – С. 48–49.

239. Дмитриев А.В., 1979. Охранные раскопки могильников в районе Новороссийска и Геленджика // АО 1978 года. М.: Наука. С. 123–124.

240. Дмитриев А.В., 1979а. Памятники XIII-XV вв. в районе Новороссийска-Геленджика // IX «Крупновские чтения». Тезисы докладов. – Элиста. С.

241. Дмитриев А.В., 1988. К вопросу об этнической принадлежности с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // XV «Крупновске чтения». Тезисы докладов. – Махачкала.

242. Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018. Курганный могильник Сидоренкова щель // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск. С. 444-447.

243. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018. Предварительные итоги раскопок археологических памятников урочища «Молоканова щель» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 448-451.

244. Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. Некоторые аспекты развития Северо-Западного Кавказа в древности и средневековье // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 18. М. С. 44–59.

245. Доде З.В., 2013. Италия и Северный Кавказ в отражении одной текстильной находки XV века из Белореченского могильника // Материалы

по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. Ставрополь. М.: Памятники исторической мысли. С. 247-272.

246. Доде З.В., 2013. «Учись у фиалки терпению нести траур»: костюм монгольской элиты в погребальных церемониях // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухуми, 26-30 ноября 2013 г. С. 40–41.

247. Долбежев В.И., 1901. Извлечения из отчета о раскопках В.И. Долбежева в 1898 году // ОАК за 1898 год. – СПб.

248. Дружинина И.А. 2005. К вопросу о погребальном обряде позднесредневековых адыгов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир. – С. 244–252.

249. Дружинина И.А., 2005. К вопросу о хронологии погребальных памятников средневековых адыгов // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. – Краснодар. С. 78–81.

250. Дружинина И.А., 2007. Курганный могильник в Урочище Гора близ Пятигорска (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова 1882 г.) //МИАСК. Вып. 8. – Армавир. С. 158–176.

251. Дружинина И.А., 2006. Адыги и Золотая Орда // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). М. – С. 130–131.

252. Дружинина И.А., 2009. Об одном из локальных вариантов погребального обряда адыгов Северо-Западного Кавказа // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. С. 111–115.

253. Дружинина И.А. К вопросу об этнокультурных контактах на территории Центрального Предкавказья в XVI–XVII вв. (по материалам малокабардинских курганов) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224. М., 2010. С. 304–315.

254. Дружинина И.А., 2010. Металлические зеркала из погребальных памятников адыгов эпохи средневековья района Анапы-Новороссийска // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь. С. 121-127.

255. Дружинина И.А. 2010. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // ПИФК. № 3. М.–Магнитогорск–Новосибирск.

256. Дружинина И.А. 2012. Комплекс предметов вооружения из святилища Реком как источник по истории Ближневосточно-Кавказских связей на рубеже XIII–XIV вв. // IV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь. С. 15-17.

257. Дружинина И.А., 2012а. О группе средневековых курганов бассейна верховий Кубани // КСИА. Вып. 226. С. 195–211.

258. Дружинина И.А., 2012б. Отражение эволюции религиозных представлений в погребальном обряде адыгов XIV–XVIII вв. // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик, 2012. С. 110-122.

259. Дружинина И.А., 2013 Два воинских погребения из курганного могильника у станицы Кужорская (Адыгея): по материалам раскопок Н.И. Веселовского // Историко-археологический альманах. Вып. 12. Армавир; Краснодар; М. С. 127-133.

260. Дружинина И.А., 2013. Сообщение Джорджио Интериано о погребальном обряде черкесов в свете данных археологии // Шестая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. – С. 118–121.

261. Два типа древкового оружия Северо-Западного Кавказа // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. М., 2014. С. 340-343.

262. Дружинина И.А., 2014. Погребение с пряжками-пафти из адыгского могильника Грузинка Ха // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. М. С. 80-89.

263. Дружинина И.А., 2016. Нижнее Закубанье в XIII-XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев. С. 215-219.

264. Дружинина И.А., 2017. Шестопер из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.) // Археология евразийских степей. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. Казань, 2017. С. 99-107.

265. Дружинина И.А., 2018. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. Том 17. № 1. Волгоград. С. 76-89.

266. Дружинина И.А., 2018а. К этнокультурной характеристике населения Северо-Западного Кавказа XI–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–20 апреля, 2018 г. Материалы конференции. М. С. 104-108.

267. Дружинина И.А, 2018б. На краю византийской ойкумены: зихи, касахи, папаги в VIII–XII вв. // X Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г.). Материалы научной конференции. Севастополь; Симферополь. С. 69-74.

268. Дружинина И.А., 2018в. От Конатантинополя до Ханбалыка: о верованиях населения Северо-Восточного Причерноморья XIII–XIV вв. (на примере одной археологической находки) // Византийский мир: реалии и интерпретации. Тезисы докладов XIV научных Созюмовских чтений. Екатеринбург, 10-12 октября 2018 г. Екатеринбург. С. 22-24.

269. Дружинина и др., 2004. Дружинина И.А., Кочкаров У.Ю., Чхаидзе В.Н. Раскопки средневековых курганов на реке Абин // Археологические открытия 2003 года. М., С. 261-262.

270. Дружинина и др., 2005. Дружинина И.А., Кочкаров У.Ю., Чхаидзе В.Н. Изучение средневековых курганов в долине реки Абин // Археологические открытия 2004 года. М., С. 285-288.

271. Дружинина и др., 2007. Дружинина И.А., Кочкаров У.Ю., Чхаидзе В.Н., Шевченко А.А. Исследование средневековых курганов в долине реки Абин // Археологические открытия 2005 года. М., С. 309–311.

272. Дружинина И.А., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2007. Позднесредневековые курганы могильника «Малые кургашки» (Окрестности сел. Каладжинка в Лабинском районе Краснодарского края) // Археологический журнал. №1. Армавир. С. 115–135.

273. Дружинина И.А., Пежемский Д.В. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в Пятигорье 1881 года) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань, 2014. С. 34-37.

274. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2007. Этнографические параллели погребального обряда населения среднего течения реки Абин XVI–XVIII вв. (по материалам курганного могильника Грузинка X) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. – Махачкала. С. 221–224.

275. Дружинина И.А., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008. Позднесредневековые курганы станицы Крепостной Северского района Краснодарского края (публикация материалов) // Наследие Кубани. Вып. 1. – Краснодар. С. 280–353.

276. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2009. Исследование курганов на реке Белой // АО 2006 года. М. С. 372-373.

277. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир.

278. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2011. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV–VIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // Этнографическое обозрение. №2. С. 149-156.

279. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., 2012. Погребение знатного адыгского воина из кургана Асран // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала. С. 319–320.

280. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2013. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реком // Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. М. С. 74-81.

281. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Успенский П.С., 2010. Работы в Абинском районе Краснодарского края // АО 2007 года. М. С. 264–265.

282. Дружинина И.А. и др., 2017. Дружинина И.А., Лысанов В.Л., Малышев А.А., Медникова М.Б. Грунтовые погребения в каменных ящиках в долине р. Бедричка: новые материалы о населении Северо-Западного Кавказа в эпоху Золотой Орды // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Сб. науч. ст. Т.II. С. 278-283.

283. Дружинина И.А., Малышев А.А., Медникова М.Б., Лысанов В.Л. Новые материалы о населении Северо-Западного Кавказа в эпоху Золотой Орды // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). – Барнаул : ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD). С. 332–333.

284. Думанов Х.М., 1970. Некоторые вопросы изучения большой семьи и патронимии у адыгов // Вестник КБНИИ. Вып. 4. – Нальчик. С. 70-81.

285. Дьячков-Тарасов А.Н., 1902. Абадзехи. Историко-этнографический очерк. // ЗКОРГО. Книга XXII, Вып. 4. –Тифлис.

286. Дьячков-Тарасов А.Н., 1901. Мамхеги. Известия кавказского отдела Русского географического общества, т. XIV, вып. 6. С. 238–241.

287. Евглевский А.В., Кульбака В.К., 2003. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья // СЕЭС. Том 3. Донецк. С. 363–404.

288. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // СЕЭС. Т. 1. Донецк. С. 117-179.

289. Евглевский А.В., Данилко Н.М., Куприй С.А., 2008. «Рядовое» позднекочевническое погребение с нерядовым обрядом из кургана 2 Группы Токовские могилы на правобережье Днепра // СЕЭС. Вып. 6. Донецк. С. 199-214.

290. Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.

291. Ельников М.В., 2000. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // Археологі чний літопис Лівобережної України. Полтава. С 42-53.

292. Ельников М.В., 2001. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). І. Запорожье.

293. Ефимов К.Ю., 1999. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. № 3-4. – Ростов-на-Дону.

294. Жардецкая Н. 1940. Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года. М.

295. Ждановский А.М., 1989. Основные этапы развития кубанской археологии // Археология и краеведение – вузу и школе. Третья региональная научно-практическая конференция. – Грозный. С. 28–29.

296. Жилина Е.В., 2005. Бусы Келийского могильника XIII–XIV вв. (1. Бусы из камня) // МИАСК. Вып. 5. С. 217-225.

297. Жилина Е.В., 2007а. Кашинные изделия из Келийского могильника XIII-XIV веков // АЖ №II. Армавир. С. 97–103.

298. Жилина Е.В., 2007б. Стеклянные монохромные бусы из погребений Келийского могильника XIII-XIV вв. в горной Ингушетии // МИАСК. Вып. 8. Армавир. С. 147–157.

299. Жилина Е.В., 2008. Полихромные бусы Келийского могильника // АЖ №II. Армавир. С. 104–114.

300. Жупанин О.Ф.. 2008. Исследование курганов в Мостовском районе Краснодарского края на реке Лабе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие. С. 401.

301. Завьялов В.И., 2004. Археометаллографические исследования железных предметов из могильника у аула Ленинахабль (Адыгея) // КСИА. Вып. 216. М. С. 79–88.

302. Зажигина, 1996а. – Зажигина Л.Ю. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // ИАА. 1996. Вып. 2.

303. Зажигина, 1996б. – Зажигина Л.Ю. Керамические курительные трубки из Анапы // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов. Керчь, 1996.

304. Зажигина, 1997. – Зажигина Л.Ю. Керамические курительные трубки с поселения у ст. Гостагаевской // ДК. Материалы семинара посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. 1997.

305. Зажигина, 1998. – Зажигина Л.Ю. Археологические материалы турецкого времени в собрании Анапского музея // ДК. 1998. Вып. 7.

306. Зайцев И.В., 2015. Берат султана Мурада III на имя Мехмеда о назначении его санджакбеем Кафы и эмиром Черкесских земель (1590 г.) Опроисхождении и хронологии назначений некоторых кафинских санджакбеев 1560-х – 1590-х годов / Средневековый Восток: Проблемы историографии и источниковедения. (Сборник статей памяти Героя Советского Союза, академика З.М. Буниятова). Баку: ЭЛМ. С. 72–86.

307. Зайцев И.В., 2016. Новая рукопись Шоры Ногмова: Шора Ногмов, шотландские миссионеры, Юлиус Клапрот и тюркские рукописи // TRANSCAUCASICA, 2015–2016, Вып. 3. С. 102–112.

308. Закон Краснодарского края о внесении изменений и дополнений в приложения 1, 2, 3 и 4 к Закону Краснодарского края «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края» // Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края (специальный выпуск). Краснодар. 07.21.2001.

309. Записки Русского географического общества по отделу этнографии, 1869. Т. II. – СПб.

310. Зверева Ю.И., 1983. Из истории формирования поселений северокавказских абазин в Кубанской области (60-90-е гг. XIX в.) //Вестник Московского университета. – Серия 8. – История. - №1.

311. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 1938. Очерки по истории Генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. №3.

312. Зевакин, 1946. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII-XVIII вв. // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. №1.

313. Зеленский Ю.В., 1998. Шлемы из половецких погребений Прикубанья // Древности Кубани. Вып. 9. – Краснодар. С. 23-27.

314. Зеленский Ю.В., 1999. К вопросу об этнической принадлежности погребений XII-XIII вв. степного Прикубанья и Восточного Закубанья // Древности Кубани. – Вып. 14. – Краснодар. С. 28–31.

315. Зеленский Ю.В., 2003. К вопросу об этнической принадлежност погребений Убинского могильника в Западном Закубанье // Древности Кубани. – Краснодар. С. 21–23.

316. Зеленский Ю.В., Пьянков АВ., Схатум Р.Б., 2011. К вопросу о присутствии кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI-XV вв. // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10-11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум: АбИГИ. С. 186-189.

317. Зеленский Ю.В., 2013. О численности и местоположения «орды» Атрака // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухуми, 26–30 ноября 2013 г. С. 44–45.

318. Зельдина В.Я., Каменецкий И.С., Пушкина Т.А., 1979. Разведки в ущельях Белой и Аксаута // АО 1978 года. – М. С. 127

319. Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М., 2004. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М. С.

320. Зиливинская Э.Д., 2010. Золотоордынские города Северного Кавказа по данным археологических исследований // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология, экономика, информатика. №7 (78) 2010. Вып. 14. С. 63–201.

321. ИАК, 1903. СПб.

322. ИАК, 1912.

323. ИАК. Прибавление к вып. 46., 1912, С. 132–135.

324. Иванов В.А., 1984. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. С. 75–97.

325. Иванов В.А., 2016. Племена конфедерации кипчаков/половцев в Восточной Европе по данным письменных источников и археологии // Тюркологический сборник 2013–2014. М.: Наука – Вост. лит. С. 94–103.

326. Иванова С.Н. 1997. О раскопках на «цитадели» крепости в устье р. Годлик // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург.

327. Иерусалимская А.А., 2012. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 384 с. : ил.

328. Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА, №3. – М.–Л. С.7–50.

329. Из истории Туапсинского региона., 2004. Из истории Туапсинского региона Период древности и средневековья. (По материалам М.К. Тешева). – Туапсе.

330. Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань-Магадан: СВНЦ ДВО РАН. 212 с.

331. Измайлов И.Л., 2009. Балымерские курганы: проблемы этнокультурной интерпретации // Золотоордынское наследие. Казань. С. 276–281.

332. Ильюков Л.С., 2010. Шлем и щит из окрестностей поселка Головинка // Былые годы. № 1 (15). Ростов. С. 15–18.

333. Илюшин А.М., 2012. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд. Куз ГТУ. 188 с.

334. Ионе Г.И., Опрышко О.Л., 1963. Памятники рассказывают. Очерки. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. 136 с.

335. История адыгов в документах Османского государственного архива. – Вып. 1. – Нальчик, 2009.

336. История Кабардино-Балкарской АССР…, 1976. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции Т. I. – М.

337. История народов… История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1988.

338. Кагазежев Ж.В., 2010. Принятие ислама адыгами // ВИ. – №1. – С. 160–163.

339. Кагазежев Ж.В., 2013. Восточная Кабарда позднего средневековья по письменным источникам и археологическим данным // Третья Абхазская международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухуми. С. 318-321.

340. Калмыков И.Х., 1998. Общие черты в материальной и духовной культуре Карачаево-Черкессии // Труды. Вып. V. – Ставрополь.

341. Калоев Б.А., 1967. Осетины (историко-этнографическое исследование). – М.

342. Каменев Н., 1867. О курганах, разрытых в станице Георгие-Афипской Псекупского полка // Кубанские войсковые ведомости. – № 50. 23 дек.

343. Каменев Н., 1869. Курганы в станице Хадыженской 25-го полка // Кубанские войсковые ведомости. – № 30, 2 авг.

344. Каменецкий И.С., 1983. Код для описания погребального обряда. Часть I // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. – М.

345. Каменецкий И.С., 1986. Код для описания погребального обряда. Часть II // Археологические открытия на новостройках. – Т. I. – М.

346. Каменецкий И.С., 1993. Начало археологического изучения Кубани // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар. С. 41–43.

347. Каменецкий И.С., 1998. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. – Вып. II.– М.

348. Каменецкий И.С., 2002. Археологические памятники на старых картах Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. – Вып. III.– М.

349. Каменецкий И.С., 2011. История изучения меотов. / ИА РАН. М.: Таус. – 384 с.: ил.

350. Каминский В.Н., 1986. Воинское снаряжение средневековых племен Северо-Западного Кавказа // Культура и быт адыгов. Майкоп.

351. Каминский В.Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. №4. С. 187-205.

352. Каминский В.Н., 1990. Импортные вещи из могильника VIII-IX вв. близ станицы Старокорсунской Краснодарского края // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье). – М.: Наука. С. 172–176.

353. Каминский В.Н., 1993. Из военного дела алан // Вторая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. С. 45.

354. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альианах. М.

355. Караулов М.А., 1912. Раскопки Терского Областного Статистического Комитета 16 апреля 1912 г. // ИИАК. Прибавление к вып. 46. Спб. С. 134.

356. Карта 1719 г. 2000 Карта Северного Кавказа 1719 г. // История адыгов в картах и иллюстрациях с древнейших времен до наших дней. Составитель Э.Т. Кумыков. № 30. Нальчик.

357. Карта 1806 года, 2000. Карта кавказской губернии с показанием при оной жилища Горских Народов от Каспийского до Черного моря и военных действий со оными В разные Времена бывших 1806 года // История адыгов в картах и иллюстрациях с древнейших времен до наших дней. Составитель Э.Т. Кумыков. № 36. Нальчик.

358. Кафоев А.Ж., 1963. Адыгские памятники. Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство.

359. Кация Р.Н., 2006. Санто-Томассо – памятник генуэзской эпохи // Первая абхазская международная археологическая конференция посв. Памяти Ю.Н. Воронова. – Сухум.

360. Каштанов Д.В., Пьянков А.В., 2013. Греческая надпись из станицы Курджипской // Шестая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар. – С. 171–173.

361. Керцелли Н.Г., 1877. Поездка к кавказским курганам в 1877 году, предпринятая по поручению Комитета антропологической выставки // Из Протоколов заседания комитета по устройству антропологической выставки. Отдельный оттиск № 14. М.

362. Керцелли Н.Г., 1878. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. I. С. 204 и сл., Т. II. С. 275 и сл. М.

363. Кетбиева М.З., 2006. Эвлия Челеби о Кабарде и кабардинцах XVII в. // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухуми: АбИГИ АНА. С. 187-189.

364. Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М.; Л.

365. Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука.

366. Кирпичников А.Н., 1978. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 155. С. 80-87.

367. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. Вооружение // Археология СССР. Город, замок, село. М. С. 298-363.

368. Киселев С.В., 1965. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 23-58.

369. Кобычев В.П., 1968. Города, селения, жилище // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.). – М. С. 90–150.

370. Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск. С 73-79.

371. Ковычев Е.В., 2004. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. УланУдэ. Вып. 2. С. 181–196.

372. Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н.. Михайличенко Ф.Е., 1969. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа // АО 1968 года – М.

373. Коджесау Э.Л., 1954. Семейные отношения шапсугов в прошлом и настоящем – автореферат. М.

374. Кодзоев Н.Д., 2007. К истории основания селения Базоркино (Мочкъий-Юрт) // Вопросы истории Ингушетии. Исследования и материалы. Вып. 6. Магас. С. 8–11.

375. Кожина Е.А., 2013. Исследование антропологического материала из могильника Бжид 1 в одонтологическом аспекте // III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С. 75-92 .

376. Козак Д.Н. 1993. Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М.

377. Козловский А.А., 1985. Этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья в IX–XIV вв. // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. Киев: Наукова думка. С. 62-71.

378. Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. Курганный могильник Лобанова щель (по материалам раскопок 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар. С. 214–236.

379. Койчева К., 1992. Средновековният некропол на Габрово // Приноси към българската археология. I. София: Аргес. С. 265–270.

380. Кокебаева Г.К., 1980. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 95–103.

381. Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. №10. С. 44–60.

382. Кокиев Г.А., 2005. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев) // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик: «Эль-Фа». С. 389–410.

383. Кокиев Г.А., 2005. Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик: «Эль-Фа». С. 411–469.

384. Колесников М.А., 1992. Пространственный анализ в современной археологии // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы межрегиональной конференции. – М. С. 30–32.

385. Копылов В.П., Иванов АА., 2007. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. С. 119–153.

386. Комар А.В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время. Донецк.

387. Коробов Д.С., 1995. Информационно-поисковая система «ALAN». Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа IV-IX вв. // Базы данных в археологии. – М.– С. 98–124.

388. Коробов Д.С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. – М.

389. Костюков В.П., 2007. Материалы к этнической ситуации в Южном Зауралье в золотоордынское время // Уфимский археологический вестник. № 6–7. С. 150-156.

390. Кочкаров У.Ю., 2004. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. Вып. 21. С. 94-107.

391. Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М. 175 с.

392. Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. № 3-4. – Ростов-на-Дону.

393. Кравченко Э.Е., Давыденко В.В., 2001. Сидоровское городище // СЕЭС. Том 2. Донецк. С. 233–302.

394. Крамаровский М.Г., 1973. Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXVI. Л. С. 65-70

395. Крамаровский М.Г., 1985. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV веков (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры востока. Л.

396. Крамаровски М.Г., 1988. Кавказские находки итальянского стекла «Венето, Лигурия – Крым – Северный Кавказ» в XV в. // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – Махачкала. – С. 80–81.

397. Крамаровский М.Г., 1993. О латинском компоненте в культуре ордыно-итальянской зоны в Северном Причерноморье второй половины XIII-XV веков // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар. С. 56–58.

398. Крамаровский М.Г., 1995. Монгольская золотая пластинка из коллекции Халили // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов памяти В.Г. Луконина. СПб. С.193-195.

399. Крамаровский М.Г., 1996. Три группы поливной керамики XIII–XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 96-116.

400. Крамаровский М.Г., 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. - СПб.

401. Крамаровский М.Г., 2001. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XIII – начала XIV вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556 гг. Казань.

402. Крамаровский М.Г., 2009. Белореченский могильник и вопрос о культуре провинции Кремук // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб.

403. Крамаровский М.Г., 2012. Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.

404. Крамаровский М.Г., 2015. Бутыль. Кат. № 59 // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. ГЭ. СПб. С. 160–161.

405. Крамаровский М.Г., 2015. Бутыль с узким горлом. Кат. № 60 // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. ГЭ. СПб. С. 162–163.

406. Крамаровский М.Г., 2015. Бутыль с узким горлом. Кат. № 61 // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. ГЭ. СПб. С. 164.

407. Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н., 2010. Запад и Восток по материалам итальянского текстиля Белореченского могильника (Северный Кавказ, XIV-XV вв.) // ТГЭ. LI. Византия в контексте мировой культуры. – СПб. – С. 461–472.

408. Красильников К.И., 2001. К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонцовье // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж.

409. Криштопа А.Е., 1970. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. – Вып. 1. – Махачкала.

410. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII-XV вв. Очерк политической истории. М., 2007.

411. Круглов А.П., 1937. Археологические работы на реке Терек // Советская археология. М.-Л. №3.

412. Круглов А.П., 1938. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. – Грозный.

413. Круглов А.П., 1939. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып.I – М.

414. Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. – Волгоград.

415. Крупнов Е.И., 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды ГИМ, Вып. 12. – М.

416. Крупнов Е.И., 1946. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. – Нальчик. С. 42–47.

417. Крупнов Е.И., 1947. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи // Труды ГИМ. – Вып. 17. – М.

418. Крупнов Е.И., 1948. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Ученые записки КНИИ. Т.IV. – Нальчик. С. 296–301.

419. Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. – М.

420. Крупнов Е.И., 1971. Средневековая Ингушетия. – М.

421. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М. С. 217-242.

422. Крыласова Н.Б., 2009. Биметаллические кресала // Stratum plus. №5 (2005-2009). СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 381-409.

423. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. / Серия Археология. – М., 2003.

424. Кузина И.Н., 2017. Стеклянные декантеры на памятниках Восточной Европы // От Руси до Китая. Из новых археологических исследований. М.: ИА РАН. С. 101–110.

425. Кузнецов В.А., 1963. Археологические исследования в Верховьях Кубани (1960-1961 гг.) // КСИА, 96. – М. С.

426. Кузнецов В.А., 1976. Зороастрийское святилище огня близ г. Кисловодска // VI КЧ. М. С. 32-33.

427. Кузнецов В.А., 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.

428. Кузнецов В.А., 1985. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе. С. 37-66.

429. Кузнецов В.А., 1998. Адыгское феодальное княжество Кремух // Мир на Северном Кавказе через язык, образование и культуру. Тез. докладов. Пятигорск.

430. Кузнецов В.А., 2000. Адыгское феодальное владение Кремух // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции (9 апреля 2000 г.). – Ставрополь. – С. 128-130.

431. Кузнецов В.А., 2000. Забытый Кремух // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир; М.

432. Кузнецов В.А., 2002. Забытый Кремух // Сборник РИО. – Том №4 (152). – М. – С. 206-217.

433. Кузнецов В.А., 2005. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье – Пятигорск.

434. Кузов Х., 2000. Боздугани от Варненския археологически музей //Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV-XV в. Международна конференция. 14-16 септември 2000. Варна. С. 179-190.

435. Кужева К.В., Нарожный Е.И., 2005. К вопросу о времени переселения предков абазинов на Северный Кавказ // Двенадцатые чтения по археологии Средней Кубани: (краткое содержание докладов). – Армавир. С. 36-38.

436. Кулаковский Ю.А., 1896. // Отчет Археологической комиссии за 1894 г. – СПб.

437. Кулатова И.Н., 2002. Золотоордынское украшение из Зенькова // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 1. Полтава. С. 115.

438. Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. 2011. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума, Казань, 29-30 марта 2011 г. С.92-100, цв. вкл.

439. Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А., 2012. Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Сборник научных статей. Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант. С. 182-198.

440. Кумахов М.А., 1976. О лингвистическом наследии адыгских просветителей // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик. – С. 88-93.

441. Кунина А., 1940. Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года. М.

442. Курмановский В.С., 2014. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула. С. 150-162.

443. Кушева Е.Н., 1963. Народы Северного Кавказа и из связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М: Изд-во АН СССР. 371 с.

444. Кушкумбаев А.К. 2012. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана. С. 199-219.

445. Кызласов И.Л., 2003. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов. Пенза. С. 456–473.

446. Лавриненко И.В., 1990. О крымском керамическом импорте на Средней Кубани в эпоху раннего средневековья // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье). – М.: Наука. С. 168-171.

447. Лавров Л.И., 1946. «Обезы» русских летописей // Советская этнография. №4. С 161–170.

448. Лавров Л.И., 1956. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. Вып. 1. С. 19–28.

449. Лавров Л.И., 1959. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.

450. Лавров Л.И., 1980. Еще об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // КЭС. Вып. VII. С. 217-221.

451. Лавров Л.И., 1982. Этнография Кавказа. Л.

452. Лавров Л.И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 258.

453. Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2011. Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитрия Ростовского // // Археологические записки. Вып. 7. Ростов-на-Дону: Донское археологическое о-во. С. 315-332.

454. Ларенок, П.А., Нечипорук, А.А., 2012. Средневековое поселение и грунтовый могильник «Жукова», в: Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 347–348.

455. Лебедев В.П., Ситник В.Г., 2012. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // МИАСК. Вып. 13. Армавир. С. 192-210.

456. Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. – Вып. XXII. – М. С. 163-213.

457. Ловпаче Н.Г., Тов А.А., 1983. Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // ВАА. – Майкоп. – С. 33–47.

458. Ловпаче Н.Г., 1985. Могильник в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп. – С. 16–64.

459. Ловпаче Н.Г., 2009. Древний майкоп. – Майкоп. – 229 с.

460. Лукьяшко С.И., Богданов А.С., 2001. О работе Темижбекской археологической экспедиции // ИАИАНД в 1999-2000 г. Вып. 17. Азов: Изд-во Азовского музея. С. 115-126.

461. Лунин Б.В., 1927. Курганные могильники близ г. Пятигорска, Терской области // Записки Северо-Кавказского краеведческого общества археологии, истории и этнографии. – Кн. I. – Т. III. – Вып. 2 . – Ростов-на-Дону. С. 3–17.

462. Любавский М.К., 1996. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М.

463. Маврина О.С., 2004. Крымское ханство и османская провинция Кефе в системе черноморской торговли в конце XV века // Боспорские исследования. Вып. V. С. 396-404.

464. Магомадова Т.С., 2010. Первые русские крепости в междуречье Терека и Сунжи в XVI-XVII вв. // Вестник Академии наук Чеченской республики. С. 106-113.

465. Магомедов М.Г., 1976. Происхождение сабель Верхнечирюртовского курганного могильника // VI КЧ. М. С. 33-34.

466. Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

467. Майко В.В., 2006. Городской некрополь Судак II на посаде средневековой Сугдеи // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 2. С.495-530.

468. Майко В.В., 2007. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев.

469. Макаренко Н.Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИИАК. Т. 43. С. 121-130.

470. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998. С 344-393.

471. Максимов В.А., Тихонов М.И., 2002. К изучению комплекса вооружения адыго-кабардинцев в XVI-XVIII вв. (К постановке проблемы) //Девятые чтения по археологии Средней Кубани: (Каткое содержание докладов). – Армавир. С. 44-45.

472. Максимова А.Г. 1968. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР. С. 146-157.

473. Малахов С.Н., 2000. Стефан Герлах о событиях на Северном Кавказе в 1576 г. // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 3. – Ставрополь. – С. 51-55.

474. Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р. Средневековые вотивные железные кресты Западного Кавказа (новые находки) // Мир Православия. Вып. 9. Волгоград: ВолГУ. С. 118-131.

475. Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М. С 132-177.

476. Малышев А.А., Дмитриев А.В., 1996. Археологические исследования в Цемесской долине // АО 1995 года. – М. С.228-230.

477. Малышев А.Б., 2013. Христиане и христианство в среде золотоордынской аристократии // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. Ред.-сост.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. – М.: Изд. Дом Марджани. С. 142-165.

478. Малюкевич А.Е., Агульников С.М., 2011. Ногайский могильник в кургане №2 у с. Молога на Нижнем Днестре // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.» С. 278-284.

479. Малюкевич А.Е., Гизер С.Н., 2016. Домусульманские черты в погребальном обряде ногайского могильника у с. Молога // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XI. Одеса: ОНУ. С. 319-327.

480. Мамаев Х.М., Даутова Р.А., 1981. Кенхинский 1-й могильник в верховьях р. Шаро-Аргун // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИ ИИСФ. С. 6–45.

481. Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А., 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 44–80.

482. Мамонтов В.И., 1993. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. –Волгоград.

483. Мамукаев Т.Б., 1980. К этнографии и антропологии «Города мертвых» // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Том XXXVI. – Орджоникидзе. С. 92-109.

484. Марзей А.С. 2004. Черкесское наездничество «ЗекIуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик.

485. Марковин В.И., 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М. Издательство Академии наук СССР. С. 243-278.

486. Марковин В.И., 1965. В ущельях Аргуна и Фортанги. – М. С. 56–64.

487. Марковин В.И., 1969. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. II. Орджоникидзе. С. 63–83.

488. Марковин В.И., 1977. Раскопки в Сентинском Храме // АО – 1976.

489. Марковин В.И., 1981. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 года) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. – Грозный: ЧИ ИИСФ.– С. 95-112.

490. Марковин В.И., 1996. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир – Москва. С. 180-202.

491. Марковин В.И., 2002. Заметки об изучении духовно-культовой стороны погребальных древностей // Историко-археологический альманах. – Армавир – Москва. – Вып. 8. – С. 146-154.

492. Мартынов А.И., 1996. Археология: Учебник. М.

493. Марченко И.И., Тургиев Т.Б., 1980. Грунтовый могильник у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе. – С. 120-126.

494. Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. Курган 37 могильника Лобанова щель (материалы раскопок 1989 г.) // МИАК. Вып. 2. – Краснодар: ООО «Крайбибколлектор». С. 168–213.

495. Марченко И.И. Раскопки средневекового поселения “Виноградное 7” на Тамани // Археологические открытия на Кубани в 2004 году. Краснодар, 2004.

496. Маслов В.Е., Чхаидзе В.Н., 2008. Фрагмент зооморфной поливной фигурки XIII-XIV в. из Прикубанья // АЖ № II. Армавир. С. 100-101.

497. Масловский А.Н., 1997. Грунтовый могильник «Мартышкина Балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы) // ИАИАНД в 1994 г. Вып. 14. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 143-152.

498. Масловский А.Н., 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 21. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 308-473.

499. Масловский А.Н., 2008. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // ИАИАНД в 2006 г. Вып. 23. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 144-188.

500. Масловский А.Н., 2010. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007-2008 годах // ИАИАНД в 2007-2008 гг. Вып. 24. Азов: Изд-во Азовского музея. С. 182-242.

501. Масловский А.Н., 2017. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Том 2. Казань–Кишинев: Stratum. С. 455-489.

502. Массон М.Е., Ртвеладзе Э.В., 1992. Памяти археолога-краеведа // Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции). – Кисловодск. С. 7-10.

503. Мастепанов С.Д., 2008. Древности Хумаринского района // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения1971-2006. М. С. 181-182.

504. Махнева О.А., 1968. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – Киев.

505. Мачинский А.В., 1941. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика // МИА, № 3. – М.-Л. С. 317-324.

506. Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1-36.

507. Медведев А.Ф., 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. № 2. – М.

508. Мизиев И.М., 1969. Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии // АО 1969 года. С. 125-126. – М.

509. Мизиев И.М.. 1970. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии // АО за 1969 год. – М.

510. Мизиев И.М., Нагоев А.Х., 1970. Раскопки кабардинских курганов // АО за 1969 год. – М.

511. Мизиев И.М., 1971. Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии // СА. № 4. – М. С. 242-250.

512. Мизиев И.М., 1985. Несколько замечаний по этнической истории и культуре адыгов // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск. С. 52-62.

513. Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИИАК. – Вып. 33. – СПб. С. 71–102.

514. Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо–Кавказской экспедиции Академии Истории Материальной Культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Вып. I – Л.

515. Миллер Всев., 1888. Терская область: археологические экскурсии // МАК. Вып. 1. 135 с.: ил., 28 л. ил., к.

516. Миллер В.Ф., 1888. Археологическая экскурсия в горские общества Кабарды // МАК. Вып. I. М. С.71–81.

517. Миллер В.Ф., 1900. Горские Общества Кабарды // МАК. Вып. VIII. М.

518. Милорадович О.В., 1954. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология, XX. – М. С. 343–356.

519. Минаева Т.М., 1950. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. – Вып. 2-3. – Ставрополь.

520. Минаева Т.М., 1954 а. Археологические памятники Черкесии // ТЧНИИ. – II. – Черкесск.

521. Минаева Т.М., 1954 б. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае // МИСК. – Вып. 6. – Ставрополь. – С. 287-305.

522. Минаева Т.М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. II. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. С. 167-197.

523. Минеев М.Г., 1982. Исследование археологических памятников в зоне строительства курорта Геленджик // XII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – М.

524. Минеев М.Г., 1986. К вопросу формирования средневековой адыгской народности // Краткие содержания Среднеазиатско-Кавказских чтений. Тезисы докладов. – Л.

525. Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Восочная литература. 265 с. + вкл.

526. Монгайт А.Л., 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА. XXIII. С. 321-340.

527. Моця О.П., Іванченко Л.І. Тмутараканьський «слід» у Пороссі // Сугдейский сборник. – Вып. III. – Киев – Судак – 2008 – С. 137-145.

528. Мужухоев М.Б., 1969. Новая коллекция предметов из склепов горной Ассинской котловины // Археолого-этнографический сборник. – Т. III. – Грозный. – С. 194-199.

529. Мужухоев М.Б. Исследование средневековых памятников горной Ингушетии // АО 1970 года. М., 1971.

530. Мужухоев М.Б., 1980. Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. – М.

531. Мужухоев М.Б., 1982. Исследование средневековых культовых памятников на Центральном Кавказе в 1980-1981 годах // XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М. С. 82-84.

532. Мужухоев М.Б., 1983. К эволюции верований народов Центрального Кавказа в период средневековья (по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 81-95.

533. Мужухоев М.Б., 1988. Трансформация погребального обряда с проникновением ислама на территорию Чечено-Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 85-95.

534. Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX-XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. – 272 с. (Archaeologica Petropolitana, XII).

535. Мыльников В.П., 2006. Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (на примере исследования погребальных памятников). Новосибирск.

536. Мыськов Е.П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград. 484 с.

537. Мыц В.Л., 1991. О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Вып. I. - Симферополь. С. 81-82.

538. Нагоев А.Х., 1970. Раскопки кабардинских курганов летом 1969 г. // ВКБНИИ – Вып.4. С. 111–122.

539. Нагоев А.Х., 1974. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского НИИ. – Вып. 1. – Нальчик. С. 121–127.

540. Нагоев А.Х., 1980. Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II // Северный Кавказ в древности и средние века. М. С. 156–161.

541. Нагоев А.Х., 1981. Материальная культура кабардинцев в период позднего средневековья. – Нальчик.

542. Нагоев А.Х., 1982а. Некоторые проблемы позднесредневековой истории и археологии Кабарды // Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. – М.– С. 85–87.

543. Нагоев А.Х., 1986. К истории военного дела средневековых адыгов (XIV-XVII вв.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. – Орджоникидзе: СО НИИ ИФЭ. – С. 132-141.

544. Нагоев А.Х., 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том 3. Нальчик: «Эльбрус». С. 170-241.

545. Нагоев А.Х., 2000. Средневековая Кабарда – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА». 232 с.

546. Нагоев А.Х, Бетрозов Р.Ж., 1980. Кабардинский курганный могильник №2 у селения Чегем II // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии –Вып. 1. – Нальчик.

547. Надеждин П.П., 1901. Кавказский край. – Тула. С. 425.

548. Нальчикова Е.А., 2008. Погребальная одежда адыгов // Вс.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения). Тезисы докладов. – Владикавказ. С. 30-31.

549. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2010. Бронзовые нагрудные бляхи из погребений Келийского могильника в Горной Ингушетии (XIII-XIV вв.) // АЖ. № III-IV. Армавир. С. 96-102.

550. Нарожный Е.И. 1988. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ им. К.Л. Хетагурова. С. 159-172.

551. Нарожный Е.И., 1992. А.П. Рунич и его вклад в изучение золотоордынских древностей Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции). – Кисловодск. С. 42-47.

552. Нарожный Е.И., 1994. О европейской церковно-миссионерской деятельности в бассейне Черного и Каспийского морей в эпоху средневековья // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова (1964-1994). Часть 2. – Армавир. С. 17-19.

553. Нарожный Е.И., Скубина И.А., 1995. Об аналогиях погребальному обряду Белореченских курганов // Археология и краеведение Кубани. Материалы Третьей межвузовской студенческой-аспирантской

научной конференции (Аннотации докладов Армавирской делегации). – Краснодар – Армавир. С. 8-9.

554. Нарожный Е.И., 2000. Позднесредневековые захоронения из-под ст. Старокорсунской: предки адыгов или поздние кочевники? // Седьмые чтения по археологии Средней Кубани. Краткое содержание докладов. Армвир: АГПИ. С. 22-25.

555. Нарожный Е.И., 2005. О некоторых находках XIII-XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // МИАСК. Вып. 5. Армавир. С. 226-243.

556. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001. О золотоордынских памятниках в окрестностях с. Рагули на Ставрополье // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей. Вып. 6. Часть I. Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир. С. 21-26.

557. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2002. К хронологии Белореченских курганов и синхронных им памятников в Северной Осетии // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы X краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции – Армавир; Краснодар. С. 16.

558. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2004. О монетных дворах Северного Кавказа XIII-XIV вв. // МИАСК. Вып. 4. – Армавир. С. 322-330.

559. Нарожный Е.И., Соков П.В., 2002. Раскопки курганов у ст. Крепостной Северского района (Краснодарский край) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 10-й краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир; Краснодар.

560. Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // МИА Северного Кавказа. Вып. 2. С. 126-153.

561. Нарожный Е.И., 2005. О походе Тимура через «область черкесов» (отрезок пути: Азак – Таманский полуостров) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. – Краснодар. С. 188-189.

562. Нарожный Е.И., 2006. О движении войск Тимура с нижней Кубани (Историко-археологические ориентиры) // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухуми: АбИГИ АНА. С. 257-261.

563. Нарожный Е.И., Соков П.В., 2005. Погребение №5 Горькобалковского могильника №2 (некоторые аспекты этнокультурной атрибуции) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. – Краснодар. С. 190-191.

564. Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв.: некоторые итоги и перспективы изучения (к 15-летию охранно-спасательных исследований) // Археология степной Евразии. Международный сборник научных трудов. Кемерово–Алматы. С. 17-39.

565. Нарожный Е.И., 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). – Армавир. 210 с.

566. Нарожный Е.И. 2006. Новые находки предметов средневекового вооружения с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 6. Армавир.

567. Нарожный Е.И., 2008. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // ВА. Вып. 1. С. 42-54.

568. Нарожный Е.И. 2008. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М.: ИА РАН. С. 490-494.

569. Нарожный Е.И., 2009. Металлические зеркала XIII-XIV вв. с изображением аль-Бораков // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 270-275.

570. Нарожный Е.И., 2009. Костяные орнаментированные накладки на луки из средневековых кочевнических захоронений XIII-XIV вв. (некоторые аспекты изучения) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 275-280.

571. Нарожный Е.И., 2010. К вопросу о происхождении позднесредневековых щитов Северо-Западного Кавказа // АЖ. №III-IV. С. 94–95.

572. Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей / МИАСК. Вып. 7. Монография в журнале. Под ред. С.Н. Савенко. Армавир – Ставрополь. 173 с.

573. Нарты. Кабардинский эпос, 1951. М.

574. Нарышкин Н.Ю., 1877. Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // Известия Русского археологического общества. СПб. Т. VIII.

575. Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

576. Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И., 1998. Бронзовые зеркала второй половины X-XIV в. из музеев Саратовской области // Татарская археология. - № 2 (3). – Казань.

577. Некрасов А.М., 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверь XV – первая половина XVI в.). – М.

578. Нехаев А.А., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н., 2009. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная в Краснодарском крае // МИАСК. Вып. 10. Армавир. С. 145-156.

579. Нечаева Л.Г., Мизиев И.М., 1969. Поселение раннего бронзового века на р. Урух // АО 1968 года. – М. С. 105.

580. Нешева В., 1985. Средновековни накити от Варненския музей // Известия на Народния музей Варна, Кн. 21 (36). Варна: «Георги Бакалов». С. 114-120.

581. Новиченкова М.В. (Киев) – Римские медицинские инструменты из святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму // ПИФК. 2016. №2.

582. Новичихин А.М., 1993. Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар: КГУ. С. 76-77.

583. Новичихин А.М., 1993. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocasica. Вып. I. – Краснодар. С. 138-145, 225-229.

584. Новичихин А.М., 1996. Материалы эпохи позднего средневековья из могильника на р. Куматырь // Историко-археологический альманах. – Вып. 2. – Армавир-М.: б/и. С. 119-122.

585. Новичихин А.М., 1998. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991-1995 гг. // Древности Кубани. – Вып. 7. – Краснодар. С. 4-5.

586. Новичихин А.М. 2002. Курганное погребение XIV в. в окрестностях станицы Натухаевской // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып.8. Армавир-М.

587. Новичихин А.М., 2005. Камень Святого Георгия у станицы Раевской // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2004 год. Дикаревские чтения (11) Краснодар.

588. Новичихин А.М., 2006. Каменный крест с греческой надписью из Анапы // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 147–148.

589. Новичихин А.М., 2010. О половцах в Северо-Восточном Причерноморье // Былые годы. №3 (17). С. 10–13.

590. Новичихин А.М., 2010а. Перламутровые нательные кресты из музея Анапского археологического музея // МИАСК. Вып. 11. Армавир. С. 232-236.

591. Новичихин А.М., 2014. Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Выпуск 3. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле. С. 55-93.

592. Новичихин А.М., 2015. Детские погребения средневекового могильника Андреевская щель // Историко-археологический альманах. Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Вып. 13. Армавир-Краснодар-Москва: ООО «ПринтТерра». С. 99-111.

593. Новичихина Л.Ю. Керамические курительные трубки из окрестностей ст. Благовещенской // Древности Кубани. – Вып. 18. – Краснодар, 2002. С. 40–41. Рис. 1.

594. Новицкий Г.В., 1829. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлисские ведомости. – № 22.

595. Новохарьковский могильник, 2002. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж.

596. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа.

597. Носкова Л.М., 1991. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М.

598. Носкова Л.М., 1991а. Средневековый кремационный могильник близ а. Ленинахабль // Древности Кубани (матералы научно-практической конференции). – Краснодар. С. 76–77.

599. Носкова Л.М. 1992. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. – Ейск.

600. Носкова Л.М., 1999. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее //Материальная культура Востока. М. С. 191-225.

601. Носкова Л.М., 2005. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов) // Материальная культура Востока. Вып. 4. – М. С. 186–202.

602. Носкова Л.М., 2006. Погребальный обряд адыгов XVI – XVIII вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). М. – С. 168–169.

603. Носкова Л.М., 2009. Позднесредневековый могильник в пос. Кабардинка близ Геленджика и его место сред памятников золотоордынского времени в Северо-Восточном Причерноморье // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. – Азов. С. 397–400.

604. Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. Вып. 5. М. С. 167–200.

605. Носкова Л.М., 2016. Адыгская керамика золотоордынского времени в фондах Государственного музея Востока // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. С. 238–241.

606. Носкова Л.М., 2016. Погребение 1.1947 Пашковского могильника №1 // Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник №1. С. 187-191.а

607. Обельченко О.В., 1990. Насыпи курганов в долине Зарафшана (к вопросу о ранней тюркизации Согда) // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье). – М.: Наука. С. 51-57.

608. Овчинникова Б.Б. 1997. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им.

А.М. Горького (1987–1997 гг.) // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург.

609. Ожегов С.И., 1961. Словарь русского языка. М.

610. Оллсен Т.Т., 2008. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк.

611. Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М., 1985. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. Киев: Наукова думка. С. 30–62.

612. Остапенко Р.А., 2011. Религиозные верования адыгов по сведениям европейских авторов (XIII – середина XIX века) // Культурная жизнь Юга России. – №3 (41). – С. 36–38.

613. О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина Папы Григория Девятого // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (далее – АБКИЕА), – Нальчик. – 1974.

614. ОАК за 1878-1879 гг., 1881. СПб.: Типография Императорской Академии наук.

615. ОАК за 1895 г., С. 64

616. ОАК за 1896 г., 1898. – СПб.

617. ОАК за 1897 г., 1900. – СПб.

618. ОАК за 1900 г., 1902. – СПб

619. ОАК за 1903 г., 1906. – СПб.

620. ОАК за 1905 г., 1908. – СПб.

621. ОАК за 1906 г., 1909. – СПб.

622. ОАК за 1907 г., 1909. –СПб.

623. ОАК за 1911 г., 1914. – Петроград.

624. ОАК за 1914 г., 1915. – СПб.

625. ОАК за 1915 г., 1916. – СПб.

626. Охонько Н.А., 2010. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. №1. Москва. С. 88-96.

627. Павлов Д.М., 1926. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Вып. 45. – Ставрополь. С. 233-264.

628. Паллас Петр Симон. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 // АБКИЕА. – Нальчик, 1974. – С. 215-216.

629. Панеш Э.Х. Этапы и характер распространения христианства среди адыгов (V–XII вв.) // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира – Вып. 1. С. 17-24.

630. Панеш Э.Х., 1989. Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л. С. 61-71.

631. Панеш А.Д., 1993. Из истории распространения мюридизма на Северо-Западном Кавказе в 40-х – 50-х гг. XIX в. // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. – Майкоп.

632. Парусимов И.Н., 2007. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим. С. 312–324.

633. Парушев В., 1998. Боздугани от музея в Добрич // Археология. №3-4. С.67-72.

634. Пахомов Е.А., 1938. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа // Труды Института истории, языка и литературы. Том II/41. Вып. II. Баку.

635. Пахомов Е.А., 1940. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа // Труды Института истории, археологии и этнографии АзФАН. Вып. III. Баку.

636. Пачкалов А.В., 2005. Находки монет XIII–XV вв. в Краснодарском крае // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар. С.202–205.

637. Певзнер С.Б. Художественные ткани средневекового Египта в собрании Государственного Эрмитажа. – М.: Изд. дом Марджани, 2015. – 196 с: ил.

638. Перевозчиков В.И., 2001. Историография местной керамики Азака-Таны // ИАИАНД в 1999-2000 г. Вып. 17. Азов: Изд-во Азовского музея. С. 312-353.

639. Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Е1-19. – М.

640. Плетнева С.А., Николаенко А.Г., 1976. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. №3. С. 279-298.

641. Плетнева С.А., 1981а. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

642. Плетнева С.А., 1981б. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

643. «Подарок созерцающим», 2015. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. ГЭ. СПб.

644. Пожидаев В.П., 1948. Кабардинская тамга // Ученые записки КНИИ. Т. IV. – Нальчик.

645. Покровский М.В., 1989. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. – Краснодар.

646. Полиевктов М.А., 1935. Европейские путешественники XIII-XVIII по Кавказу. – Тифлис.

647. Половинкина Т.В. 2006. Сочинское Причерноморье. Нальчик.

648. Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

649. Полякова Г.Ф., 1996. Анализы болгарского цветного металла / Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань.

650. Попов Ат., 1985. Художествени занаяти в Търнов // Културата на средновековния Търнов. София: Издателство Българската Академия на науките. С. 66–82.

651. Потемкина Т.М., 2007. О металлических посудовидных изделиях из кочевнических погребений золотоордынского времени Восточной Европы // МИАСК. Вып. 8. С. 119-146.

652. Правительственный вестник, 1903. № 242. (Апухтин В.Р.)

653. Приймак Ю.В. 1997. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир.

654. Приймак Ю.В., 1998. Османская империя на Западном Кавказе: политика упущенных возможностей (конец XVIII – первая четверть XIX в.) // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей аспирантов и соискателей. – Вып. 3. – Армавир. – С. 25-33.

655. Приймак Ю.В., 2005. Внешние границы Османской империи на Северо-Западном Кавказе в XVIII столетии //Вопросы Северокавказской истории. – Вып. 10. – Армавир. С. 30-39.

656. Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2014. Раскопки курганной группы «Дефань IV» // IV Анфимовские чтения по археологии «Западного Кавказа». Краснодар. 2014. С. 177-185.

657. Прохоров Д.А., 2001. Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV-XVIII вв.) //МАИЭТ. Вып. VIII. С. 388-403.

658. Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т., 2005. Обрядность похоронно-поминального цикла у народов Северного Кавказа //Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2003. – М. С. 198 – 230.

659. Пьянков А.В., 1988. Средневековый могильник Черноклен из Краснодарского края // Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – Махачкала.

660. Пьянков А.В., 1989. Проблемы средневековой археологии западных адыгов // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 111-113.

661. Пьянков А.В., Сторчевой А.А., 1992. Раскопки средневекового могильника Бжид 1 // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. – Ейск. – С. 63-65.

662. Пьянков А.В., 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocasica. Вып. I. – Краснодар. С. 123-138, 214-224.

663. Пьянков А.В. 1994. Раскопки могильника Бжид I в Краснодарском крае // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

664. Пьянков А.В., 1996. К истории археологического изучения Абинского района (дореволюционный период) // Вестник Абинского народного музея. Вып. 1. – Абинск. С. 7-14.

665. Пьянков А.В., 1998. Урновые трупосожжения из могильника Бжид 1 // Древности Кубани. Вып. 9. – Краснодар. С. 16-23.

666. Пьянков А.В., 1998. Раскопки могильника Бжид-1 на Черноморском побережье Краснодарского края. Предварительные итоги // Древности Кубани. Вып. 8. – Краснодар. С. 48-54.

667. Пьянков А.В., 1998 а. О времени прекращения кремирования умерших у средневековых адыгов // Древности Кубани. Вып. 11. – Краснодар. С. 22-27.

668. Пьянков А.В., 2000 а. Бритуальный средневековый могильник Циплиевский кут из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. – Абинск. С. 12-25, рис.

669. Пьянков А.В., 2000 б. Касоги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции (9 апреля 2000 г.). – Ставрополь. – С. 117-120.

670. Пьянков А.В., 2001. Касоги–касахи–кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар: ООО «Крайбибколлектор». – С. 198-213.

671. Пьянков А.В., 2001. Раннесредневековый могильник у п. Ленинский Путь // Третья Кубанская археологическая конференция. – Краснодар-Анапа. С. 143-147.

672. Пьянков А.В., 2002. Погребение с пальчатой фибулой из могильника Бжид // МИАК. Вып. 2. С. 105-115.

673. Пьянков А.В., 2003. Заметки по топонимике Западного Закубанья // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Сборник научных трудов. – Краснодар. – С. 166-177.

674. Пьянков А.В., 2004. Два воинскх погребения белореченского времен из Мостовского района Краснодарского края (по материалам раскопок 1987 г.) // МИАСК. Вып. 4. – Армавир. С.293–305.

675. Пьянков А.В. 2004. Народ касоги и страна Каса (К этнополитической ситуации на Северо-Западном Кавказе в VIII–X вв.) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа): Тезисы докладов. М. С. 158-160.

676. Пьянков А.В., 2006. Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края /под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар: ООО «КНИГА». Том 1(22). С. 283-301.

677. Пьянков А.В., 2007. Поливной кувшин из погребения знатного адыга у х. Суповского в Адыгее // «Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв.» II международная научная конференция. Ялта: ИА НАНУ, ИА РАН. С. 94–97.

678. Пьянков А.В., 2013. О локализации зихов и Зихии по данным письменных и археологических источников в I-X вв. // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухуми, 26-30 ноября 2013 г. С. 74-75.

679. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995. Погребение половчанки из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 1. Армавир – М. С. 154-156.

680. Раев Б.А., 2006. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухуми. С. 304-307.

681. Ракитина К.А., 1940. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV–XV вв. // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. – Л.

682. Раскина С. 1940. Формы и виды магии в черкесской религии // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года. М.

683. Рассамакин Ю.Я., 2003. Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса // СЕЭС. Т. 3. Донецк. С. 207-230.

684. Ртвеладзе Э.В., 1972. К истории города Маджар // СА. №2.

685. Ртвеладзе Э.В., 1973. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. С. 20-21.

686. Руденко К.А., 1998. К вопросу о взаимодействии волжских булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII-XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. Казань: ИИ АНРТ. № 1(2). С. 15-29.

687. Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань. 512 с.

688. Руденко К.А., 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. – №1-2 (12-13). – Казань.

689. Руденко К.А., 2006. Волжская Булгария после монгольского завоевания. Особенности материальной культуры // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III международная научная конференция посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. М., 2006. С. 107-108.

690. Руденко К.А., 2014. Украшения из лазурита XI-XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 224–244.

691. Рудницкий Р.Р., 2000. Находка прикамского огнива с бронзовой рукоятью в Предкавказье // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции (9 апреля 2000 г.). – Ставрополь. – С. 22-23.

692. Рудницкй Р.Р., Фоменко В.А., 2004. Разведки в Мостовском районе Краснодарского края // АО 2003 года. – М. С. 285.

693. Рудницкй Р.Р., Фоменко В.А., 2005. Работы в долине реки Малая Лаба // АО 2004 года. – М. С. 317-318.

694. Рудницкй Р.Р., Фоменко В.А., 2007. Разведки на территории города Сочи и Мостовского района Краснодарского края // АО 2005 года. – М. С. 336-337.

695. Рунич А.П., 1965. О почти исчезнувшем бытовом предмете // СА. № 3. С. 220-223.

696. Рябцева С.С., 2005. Украшения головных уборов XIII-XVI вв. в Карпато-Дунайском регионе // Stratum plus. №6 (2003-2004). СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 453-472.

697. Сабитов Ж.М. Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 111-115.

698. Савенко С.Н., 1994. Материальные свидетельства культурных контактов населения Кавминвод со средним и нижним Прикубаньем в I – начале II тысячелетия н. э. // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова (1964-1994). Часть 2. – Армавир. С. 12-14.

699. Савенко С.Н., 2006. Ю.Н. Воронов и изучение функционирования кавказских перевальных путей в древности и средневековье // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухуми. С. 77-82.

700. Савенко С.Н., Кравцова Л.С., 2013. О роли С.Д. Мастепанова в формировании и изучении археологических коллекций из памятников Верхнего Прикубанья // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. I. Материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова. Армавир-Отрадная. С. 117-121.

701. Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980-1984 гг. Л. С. 83-103.

702. Савченко Е.И., 1979. Раскопки могильника у хут. Крымского // АО 1978 года. М., 1979. С. 144-145.

703. Савченко Е.И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Т. I. М. С. 70–101.

704. Савченко Е.И., 1993. О северокавказском отрезке Великого шелкового пути // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. С. 84-87.

705. Сазонов и др., 1995. Сазонов А.А., Спасовский Ю.Н., Сахтарьек З.Н., Тов А.А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп.

706. Салов А.И., 1972. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. Вып. 159. М. С. 98-102.

707. Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ в 1881 году). СПб. 1882. С. 1-31.

708. Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М.: Синодальная Типография. 1908. С. 242-254.

709. Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 годах // ИИАК.– Вып. 56. – Петроград. С. 75-208.

710. Свентославски В., 2000. Польское вооружение во время битвы под Варной в 1444 году //Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV-XV в. Международна конференция. 14-16 септември 2000. Варна. С. 199-212.

711. Семенов Л.П., 1963. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 – 1932 годах. Грозный.

712. Сивер А.В., 2002. Шапсуги. Этническая история и идентификация. – Нальчик.

713. Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // МАК. – Вып. II. – М.

714. Скаков А.Ю., 2011. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный – М. – С. 95–113.

715. Смирнов А.П., 1948. К вопросу формирования кабардинской народности по археологическим данным // Ученые записки КНИИ. Т. IV.

716. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.). – М. С.185-273.

717. Соков П.В., 2004. Раннесредневековые памятники VIII-IX вв. Средней Кубани / Автореф. дис...канд. ист. наук – Воронеж.

718. Соков П.В., 2006. Археологическе работы в Новокубанском, Лабинском и Мостовском районах летом 2006 г. // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани: (краткое содержание докладов). – Армавир. С. 18-21.

719. Соков П.В., Хатинюк О.А. 2003. О двух случайных находках копий с территории Кубани // МИАСК. Вып. 2. Армавир.

720. Сокровища, 2000. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.

721. Спицын А.А., 1906. Вещи из Гашун-Уста // Записки Отделения русской и славянской археологии. Вып. 1. Спб. С.

722. Спицын А.А., 1907. Могильник VI-VII в. в Черноморской области // ИИАК. Вып. 25. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов. С. 188-192.

723. Сталь К.Ф., 1910. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – Т. XXI. – Тифлис.

724. Станчева М., 2002. За колчаните с орнаментирани костени апликации // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. – Варна.

725. Степи Евразии.., 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М.

726. Стратанович Г.Г., 1961. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Труды Института этнографии АН СССР. Т. 73. – М. С. 47-78.

727. Стрельченко М.Л., 1960. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. – Вып. 1. – Краснодар. С. 140–157.

728. Стрельченко М.Л., 2002. Адыгейский средневековый могильник Хазаровой щели (Туапсинский район) // МИАК. Вып. 2. Краснодар. С. 161–167.

729. Стрельченко М.Л., 2003. Особенности погребального обряда могильников Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв.// Древности Кубани. Вып. 19. – Краснодар. – С. 30-38.

730. Строкова Л.В. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III международная научная конференция посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. М., 2006. С. 186-188.

731. Студенецкая Е.Н., 1900. О большой семье у кабардинцев в XIX веке // Советская этнография. №2. С.176-181.

732. Студенецкая Е.Н., 1968. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967 гг.). – М. С. 151-184.

733. Студенецкая Е.Н., 1989. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука. 288 с.

734. Супруненко О.Б. и др., 2006. Супруненко О.Б. за участю Маєвської С.В., Артем'єва А.В., Горбенка С.О. Кургани з похованнями золотоординського часу поблизу Волошиного у пониззі Псла. Старожитності околиць Комсомольська. Частина III. Київ-Полтава. 140 с.

735. Схатум Р.Б., 2000. История изучения военного дела адыгов и их предков // ДК. Вып. 17. Красндар. С. 50-59.

736. Схатум Р.Б., 2002. О некоторых этнических названиях адыгов в прошлом (зихи, касоги, черкесы) // Историко-археологический альманах. – Армавир – Москва. – Вып. 8. – С. 154-157.

737. Схатум Р.Б., 2003. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 2. – Краснодар. С.223-234.

738. Схатум Р.Б. 2005. Шлемы из Убинского могильника // МИАК. Вып. 5. Краснодар: КубГУ. С. 334–342.

739. Схатум Р.Б., 2009. О времени переселения адыгов на Центральный Кавказ // ИАА. Вып. 9. – Армавир–Краснодар–М. С. 101-108.

740. Схатум Р.Б. 2012. Предметы вооружения Убинского могильника: общая характеристика и датировка // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. С. 58-69.

741. Схатум Р.Б., 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII – XIV вв.) // ВА. Вып. 2. М.: «Русская панорама». С. 189–201.

742. Схатум Р.Б., 2013. К вопросу о хронологии средневекового могильника Казазово 1 // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. С. 90-95.

743. Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году // МАК. Вып. IX. – М.

744. Тарабанов В.А. 1983. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность. Вып. II. – Л: Издательство Ленинградского университета. С. 148-155.

745. Тарабанов В.А., 1983а. Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны северного Кавказа. Ростов-на-Дону. С. 93-97.

746. Тарабанов В.А. 1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп.

747. Тарабанов В.А., 1992. Религия средневековых адыгов // Новейшие исследования по истории Кубани. Краснодар.

748. Тарабанов В.А., 1993. Болгарские племена на территории Края. Хазарский каганат // По страницам истории Кубани. Краснодар: Советская Кубань. С. 35-40.

749. Тарабанов В.А., 1994. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII «Крупновские чтения». Тезисы докладов. – Кисловодск: СГОКМ, КНИФСЦ. – С. 58-59.

750. Тарабанов В.А., 1995. Исследования памятников близ хутора Беляево в Краснодарском крае // АО 1994 года. – М. С. 179-180.

751. Тарабанов В.А., 1996. Сабля – основной вид вооружния племен Северо-Западного Кавказа в период средневековья // XIX «Крупновские чтения» о археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – М.

752. Тарабанов В.А., 1997. Социальные отношения адыгов в X-XV вв. // Древности Кубани. Материалы семинара посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. – Краснодар.

753. Текеев Г. Х.-У., 1978. Могильник Байтал-Чапкан // Археологические открытия 1977 года. – М. С. 144-145.

754. Текеев Г. Х.-У., 1978. Раскопки в урочище Байтал-Чапкан // VIII Крупновские чтения (Тезисы докладов). Нальчик. С. 90-91.

755. Текеев Г. Х.-У., 1984. Раскопки в верховьях Кубани // АО 1982 года. – М. С. 135.

756. Теплякова А.Н., 2013. Ткани Белореченского могильника (Северный Кавказ, XV в.): некоторые аспекты торговли и производства в Северном Причерноморье в XIV-XV вв. // V научные чтения памяти У. Боданинского. Международная научная конференция: тезисы докладов и

сообщений. Бахчисарай, КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». 23-27 октября 2013. Симферополь. С. 67.

757. Тешев М.К., 1985. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе и на черноморском побережье Западного Кавказа // ВАА. – Майкоп. – С. 142-165.

758. Тихонов Н.А., Орфинская О.В., 1998. Стеклянное зеркальце из Нижне-Архызского аланского погребения эпохи раннего средневековья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

759. Тишкин А.А., 2009. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука. 208 с.

760. Тменов В.Х., 1979. «Город мертвых». Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. Орджоникидзе. Издательство: Ир. 151 с.

761. Тменов В.Х. Исследование пещерных склепов у с. Дзивгис // АО 1983 года. М., 1985.

762. Тохтасьев С.Р., 2012. Из комментариев к Константину Багрянородному // Письменные памятники Востока. №1(16). С. 75-86.

763. Тохтасьев С.Р., 2017. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – М. С.135–279.

764. Трепавлов В.В., 2013. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.

765. Турчанинов Г.Ф., 1947. Кабардинская приписка к надгробной надписи греческого письма конца XVI в. (1581 г.) // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. – Т. VI. – Вып. 6

766. Тхагапсова Г.Г., 2006. А.В. Сивер. Шапсуги: этническая история и идентификация. Нальчик. Полиграфсервис ИТ, 2002. – 216 с.; ИЛ / Обзоры и рецензии в сб.: Кубанский сборник. I (22). С. 462-470.

767. Тхайцухов М.С., 2005. Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII–XX вв.) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора исторических наук. М., 2005. 52 с.

768. Тхамокова И.Х., 1983. Шапсуги как социально-этническая общность (Конец XVIII – первая половина XIX в.)- автореферат. – М.

769. Уварова П.С., 1894. Могильники и курганы Кавказа // Древности. Труды московского археологического общества. XV. Вып. I. Протоколы. С. 80.

770. Умаров С.Ц., 1968. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный. С. 223-251.

771. Умаров С.Ц., 1969. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный. С. 68–75.

772. Успенский П.С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Автореф. дисс.… канд. истор. наук. М. 30 с.

773. Успенский П.С., Пономарев В.П., 2008. Большой Шапсугский могильник (Западное Закубанье) // МИАСК. – Вып. 9. – Армавир. – С. 102–117.

774. Ухинов З.Ч., 2014. Погребальные комплексы монголов первой половины II тыс. в Поононье // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 218–223.

775. Федоров О.В., Армарчук Е.А., 2006. Половцы ы Северо-Восточном Причерноморье: археологические свидетельства // Первая Абхазская международная археологическая конференция: Материалы. Сухуми. С. 336-341.

776. Федоров Я.А., 1937. Половецкое наследие в Приэльбрусье / Кавказ и Восточная Европа в древности. Сб. памяти Е.И. Крупнова. М. С. 220–225.

777. Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады Джучидских монет // НЭ. Т. I. М.

778. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.

779. Федоров-Давыдов Г.А., 2003. Денежное дело Золотой Орды. – М.

780. Фелицын Е.Ф., 1889. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. - Екатеринодар- Т. 5. - С. 1-24.

781. Фелицын Е.Д., 1891. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии, по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // КС. – Т. 2. – С. 2-

782. Фидаров Р.Ф., 2004. Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. – Вып. 1. – Владикавказ.

783. Фоменко В.А., 2002. Пятигорье в XV – середине XVIII века. – Пятигорск.

784. Фоменко В.А., 2006. Крепость Хаджи-Кале // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани: (краткое содержание докладов). – Армавир. С. 21-23.

785. Фоменко В.А., 2012. Адыги в верховьях реки Кубань в XIV–XVIII вв. (по данным археологии) // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик, 2012. С. 123-133.

786. Фоменко В.А., 2018. Белореченские курганы XIII–XV вв. и белореченская археологическая культура // Из истории культуры народов Северного Кавказа. С. 117–126.

787. Фоменко В.А., 2018а. О роли белореченской археологической культуры в этногенезе населения Центрального Кавказа // Общество: философия, история, культура. № 3. С. 40-43.

788. Френ Х.М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. Спб.

789. Фролов Б.Е., 1998. Кинжалы кубанских казаков // Древности Кубани. Вып. 8. – Краснодар. С. 28-39.

790. Халикова А.Е. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X-XIII вв. Казань.

791. Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М., 2008. Проблема образования средневекового кумыкского государств Шаухальство в контексте политического наследия Улуса Джучи на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. Казань. С. 122-136.

792. Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., 2007. Погребальный обряд населения Юго-Восточного Присаянья в монгольское время // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул. С. 178-181.

793. Харламов П.В., 2016. Классификация колчанов кочевого населения степей Волго-Уралья в IX-XIV вв. // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тезисы докладов международной конференции молодых ученых. СПб. 25 апреля 2016. СПб. С. 303-309.

794. Хашхожева Р.Х., 1993. Адыгские просветители XIX – начала XX века. – Нальчик.

795. Хушт М.А., 2012. Христианские древности южного берега Краснодарского водохранилища // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника: Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар: Вика-Принт. С. 98–102.

796. Циркин А.В., 1984. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. № 1. С. 123-133.

797. Цулая Г.В., 1979. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии / Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М.

798. Цурцумия М., 2018. Эволюция средневековых щитов, укрепленных металлом // ВА. Вып. 4. С. 252–267.

799. Чайковский Г.Ф., 1927–1928. Случайные находки древностей в 1924–1927 гг. на Черноморском побережье // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Кн. I. Т. III.Вып. 3-4. Ростов-на Дону, 1927–1928. С. 75–77.

800. Чахкиев Д.Ю., 1985. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный. – С. 60-68.

801. Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И., 1986. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 70-80.

802. Чахкиев Д.Ю., 1988. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 67-84.

803. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1990. Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные

проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. – Грозный. С. 23-35.

804. Чахкиев Д.Ю., 1990. Боевые ножи и кинжалы у позднесредневековых вайнахов // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. – Грозный. С. 36–55.

805. Чахкиев Д.Ю., 1998. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик. С. 15–27.

806. Чахкиев Д.Ю., 1998. Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА». С. 46–82.

807. Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии (Материалы к археологической карте). – Нальчик: Эльбрус. С. 40–169.

808. Чеченов И.М., 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3. Нальчик.

809. Чистякова Е. 1940. Религия и бытовое положение женщины у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года. М.

810. Чхаидзе В.Н., 2005. Бул-ш-ци Песах «Кембриджского документа» и вопрос о локализации Черной Булгарии сочинения Константина Бгрянородного и «Повести временных лет» // Проблемы всеобщей истории: Международный сборник научных и научно-методических трудов. – Вып. 10. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2005. – С. 170–175.

811. Чхаидзе В.Н., 2005. Протоболгары на Таманском полуострове? // Боспорские чтения. Вып. VI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005.

812. Чхаидзе В.Н., 2006. Погребальные памятники эпохи средневековья с территории Таманского полуострова // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик. С. 196-198.

813. Чхаидзе В.Н., 2006. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология евразийских степей. – М. – Йошкар-Ола. – С. 53-86.

814. Чхаидзе В.Н., 2007. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // Археологический журнал. № 1. Армавир. С. 66-69.

815. Чхаидзе В.Н., 2008. Кочевнические погребения из раскопок Старотитаровского II курганного могильника на Таманском полуострове // Археологический журнал. Армавир. № II. С. 89-94.

816. Чхаидзе В.Н., 2008 а. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.

817. Чхаидзе В.Н., 2010. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в Степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // МИАСК. – Вып. 11. – Армавир. – С. 154-163.

818. Чхаидзе В.Н., 2012. Средневековые кочевнические погребения на побережье Цимлянского водохранилища // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир; Краснодар, 2012. Тираж 300 экз. С. 105-137.

819. Чхаидзе В.Н., 2012. Фанагория в VI-X веках. М. 590 стр. илл.

820. Чхаидзе В.Н., Державин В.Л., 2008. Средневековое кочевническое погребение из курганного могильника Сухая Падина I в Ставропольском крае // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир. С. 99-101.

821. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. Средневековые кочевнические погребения в Нижнем Подонье (курганный могильник Арпачин II) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир. С. 170-206.

822. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2010. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М. С. 110–125.

823. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. 2013а. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. № 2. Казань. С. 171-178.

824. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2018. О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г. Карачаевск. С. 507-509.

825. Шагиров А.К., 1977. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков / Отв. ред. чл-корр. АН Грузинской ССР К.В. Ломтатидзе. М.: Наука.

826. Шалобудов В.Н. 1982. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). Днепропетровск: ДГУ. С. 60–68.

827. Шалобудов В.Н. 1984. Кочевнические курганы правобережья Днепра (по материалам экспедиции ДГУ) // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск. С. 166–173.

828. Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е., 1983. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н. э.) Днепропетровск. С. 19-68.

829. Шаова С.Д., 2000. Следы пребывания кабардинцев в топонимии Ингушетии и Чечни //Вопросы северокавказской истории: Сборник научных статей. – Вып. 5. – Армавир. С. 27-30.

830. Шаова С.Д., 2001. Адыго-вайнахские связи //Археология, этнография и краеведение Кубани (материалы конференции). – Армавир-Краснодар. С. 13-15.

831. Шаова С.Д., 2002. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI – середине XVIII в. и их взаимоотношения с вайнахами. – Армавир.

832. Шафиев Н.А., 1965. Некоторые итоги археологической экспедиции КБГУ за 1963 год // Сборник научных работ аспирантов. – Вып. I. – Нальчик.

833. Шаиев Н.А., 1968. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик: Эльбрус. 172 с.

834. Швецов М.Л. 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. № 2.

835. Шелепова Е.В. 2008. Некоторые аспекты изучения тюркских ритуальных комплексов Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Сборник научных трудов. Барнаул. С. 111–115.

836. Шерстюк В.В., 2005. Пізньосередньовічні кресала з кременчуцького Подніпров'я // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ. С. 190-192.

837. Шилов В.П., 1982. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. С. 24-30.

838. Широченко Э.Б., Масловский А.А., 2011. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году // ИАИАНД в 2009 г. Вып. 25. Азов: Изд-во Азовского музея. С. 164-189.

839. Шишлов А.В. Поселение у балки Лисовицкого // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Краснодар, 2007.

840. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2013. Особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа в XII-XIII вв. н.э. (по материалам курганного могильника «Кедровая роща») // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухуми, 26-30 ноября 2013 г. С. 101-102.

841. Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., 2002. Работы Новороссийского государственного исторического музея-заповедника // АО 2001 года. – М. С. 309-311.

842. Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенек Л.Н., Дмитрук В.В., 2003. Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Исследования и материалы. – Вып. 4. – Новороссийск.

843. Шортанов А.Т., 1976. Ногмов как фольклорист и историк // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик. – С. 64-68.

844. Шукуров Р.М., 1995. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Под ред.

С.П. Карпова. Вып. 2. Труды исторического факультета МГУ. – М: МГУ. С. 68-103.

845. Щербина Ф.А., 1913. История Кубанского казачьего войска. Т.II. – Екатеринодар.

846. Эрлих В.Р., 2012. Меоты // Большая российская энциклопедия. Т. 20.

847. Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Джигунова Ф.К., Маслов В.Е., Тов А.А., 2005. Работы Кавказской экспедиции // АО 2004 года. – М. С.329-332.

848. Юрченко А.Г. 2013. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб. 432 с., 72 с цв. илл.

849. Яблонский Л.Т., 1975. Типы погребального обряда на мусульманских гродских некрополях Золоой Орды // Вестник МГУ. Сер. IX. История. - № 2. С.

850. Яблонский Л.Т., 1980. Мусульманский некрополь Водянского городища // СА. - №1. С.

851. Ярлыкапов А.А., 2001. Похоронно-поминальный обряд степных ногайцев в прошлом и настоящем (XIX -80-е годы XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М. С. 182-197.

852. Яцук Д.А. Погребение средневекового воина в Западном Закубанье // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 488-491.

853. Carboni S, Whitehouse D., 2002. Glass of the Sultans. New York.

854. Curtis J., 1984. Late Assyrian Bronze Coffins. Anatolian Studies XXXIII. London.

855. Custurea G., 1986. Cercetările arheologice din Necropola aşezării medievale Ester-Tîrguşor // Materiale şi Cercetări arheologice. XVI. Bucureşti. P. 300-304.

856. Dabrowska E. 1956 Kurhany Rassawskie // Archeologia. VIII – Warszawa.

857. Jelovina D. Starohrvatske nekropole. Split, 1976

858. Jenkins Marilyn, 1986. Islamic Glass: A Brief History / The Metropolitan Museum of Art Bulletin, New Ser., Vol. 44, No. 2, (Autumn, 1986).

859. Khalili Nasser D., 2008. Islamic art and culture. Timeline and history. Cairo.

860. Kramarovsky M., 1998. The import and manufacture of glass in the territories of the Golden Horde // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East/ British Museum Press. P. 96-100, 200,201.

861. McCann A., 1978. Roman Sarcophagi in The Metropolitan Museum of Art. New York.

862. Mototolea A., 2016. Catarame–pafta de influenţăorientală din colecţiile Muzeului de Istorie Naţională şi Arheologie Constanţa // Pontica XLVIII–XLIX. 2015–2016. Muzeului de Istorie Naţională şi Arheologie Constanţa. P. 316–356.

863. Milošević A. Iz armatorija srednjovjekovnog Bribira. From the Armoury of Medieval Bribir // Starohrvatska prosvjeta. III. Serija – svezak 43/2016. P. 49-89.

864. Pitcher D.E. 1972. An Historical Geography of the Ottoman Empire. Leiden.

865. Porter V., 1998. Enamelled glass made for the Rasulid sultans of the Yemen // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East. London. P. 91

866. Popov S. 2015. The Maces from the Present Bulgarian Lands (10th-17th c. AD). Vatevi Collection. Sofia. 438 p.

867. Ruttkay A., 1976.Waffen und Reiterausrüstung des 9. Bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II) // Slovenská Arheológia, XXIV, 2. S. 245-395.

868. David Talbot Rice, 1966. Late Byzantine Pottery at Dumbarton Oaks // DOP. Vol. 20. Washington. P. 209–231.

869. Sava, E. (1996), "Necropola Tumulară Bălăbani – II", Arheologia Moldovei. XIX. Bucureşti: 191–220.

870. Svaneti Museum. (2014). Tbilisi.

871. The Legacy of Genghis Khan, 2003. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256 – 1353. New York.

872. Scanlon George T., 2003. Mamluk sgraffiato ware: the power of the new // Islamic history and civilization. Texts, documents, and artefacts: Islamic studies in honour of D.S. Richards. BRILL, Leiden, Boston. Vol. 45. P. 301-356.

873. Tanabe K., 2012. Iconographical Studies on Gandhāran Art. The Sarcophagus of the Buddha and His Obsequies – Comparison of the descriptions of the Mahāparinirvānasūtra and the Images of the Placement of the Buddha's Corpse in a Sarcophagus // Bulletin of Ancient Orient Museum. Vol. XXXII. Tokyo.

874. Vasiliu I., 1996. Obiecte de podoabă şi accesorii vestimentare medievale din colecţiile Muzeului de Arheologie din Tulcea // Peuce XII studii şi cercetări de istorie şi arheologie. – Tulcea: Institutul de cercetări eco-muzeale. P. 233–234.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ДРУЖИНИНА ИНГА АЛЕКСАНДРОВНА

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII–XVIII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ

Исторические науки 07.00.06 – археология

Том 2

Научный руководитель
д.и.н., проф. Г.Е. Афанасьев

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

МОСКВА
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1	Археологичекские источники: каталог погребальных памятников XIII–XVIII вв.	3
Приложение 2	Иллюстрации	41

Таблица 1. Археологические источники: каталог погребальных памятников (легенда к карте (Рис. 1)

№ п/п	Название могильника исследователь, годы исследования, количество раскопанных курганов / грунтовых погребений	Датировка по архивным источникам и публикациям	Основания для пересмотра датировки	Архивные данные и публикации
Северо-Восточное побережье Черного моря				
1.	Черный Ерик – 1 на Ачуевском мысу, Волков И.В., 1998	XV в. Комплекс керамики.	XV в.	Волков И.В., 2002. Р-1 № 24559; Волков И.В., 2002. С. 158-160. Волков И. В. 2007. С. 33–42.
2.	Черный Ерик – 2, Волков И.В., 1998	XIII-XV вв.		Волков И.В., 2002. Р-1 № 22487; Волков И.В., 2002. С. 158-160
3.	У ст. Гостагаевская, Алексеева Е.М., 1980, 63 гробницы	XIV в.	Вторая треть XIV – начало XV вв.	Алексеева Е.М., 1993А. Р-1, №18097
4.	Гостагаевский I	XIV в.	XIV в.	Голубев Л.Э., 2017. С 353-357.
5.	На поселении Жукова, 126 погребений (147 погребенных)	XIII–XIV в.	XIV в.	Нечипорук А.А., 2012А. Архив ИА РАН. Р-1. №№ 31161, № 31166.
6.	Псебепс 3, 160 погребений (368 погребенных)	XIV в.	XIV в.	Красильникова Л.И., 2017А Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А., 2018. С. 432-435.
7.	На р. Куматырь, разрушенный могильник	XIII–XV вв.	конец XIV–XV: по спиральному височному кольцу, по поливной керамике периода Замятни и Тохтамыша (Масловский А.Н., С. 103-104. Рис. 156,4; 168,5-6)	Новичихин А.М. 1996.

8.	У хутора Карпенки (к западу от ст. Натухаевской), Сизов В.И.,1886 10 курганов, содержавших 15 гробниц		Вторая половина XIV в. – по монетам Узбека и Джанибека, туалетный набор: ногтечистка, копоушка, ложечка; калачевидное кресало с высоким язычком, смыкающимся с концами; наперстки без крышечки.	Сизов В.И., 1889. С. 81.
9.	«№258»	Кон. XII–XIII вв.	XIII–XIV вв.	Верещагин В.В., Верещагина Е.Л., 2017.
10.	Хут. Греко-Майский, Салов А.И., 1970	2-я. пол. XIII-XIV в., наиболее вероятная дата – 1-я пол. XIV в.	Вторая половина XIV в., по особенностям обряда: одна гробница, несколько скелетов, кувшин в ногах.	Новичихин А.М. 2002. С. 71-73
11.	У п. Нижне-Баканского, другое название: в Барбарашевой щели, Крымский район Фелицын Е.Д., 1886, доследование разрушенных комплексов: Дмитриев А.В., 1973	XIV-XVI вв.	Конец XIV– начало XV: зеркала, серп, бронзовая копоушка и туалетная ложечка	Стрельченко М.Л., 1968. Архив ИИМК РАН. Ф-35. Оп. 2-д. №176. С. 11 Дмитриев А.В., 1973. Отчет об археологических разведках в районе Новороссийска в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5823.
12.	Бедричка, 6 каменных ящиков	XIV–XV вв.	XIV в., отсутствие находок XV в.	Дружинина И.А. и др., 2017
13.	У хут. Ткачева, Сизов В.И.,1886 Раскопано 3 кургана	XIV–XV вв.	XIV в.	Сизов В.И., 1889. С. 87-88
14.	У хут Полонского (Раевская ст.),		XIV – монета Джанибека, перстень – аналогия происходит из клада у с Василицы,	Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря.

	Сизов В.И.,1886 Раскопано 6 курганов		в составе которого находились 59 джучидских монет, самые молодые датировались 70-ми гг. XIV вв. (Строкова Л.В., 2006. С. 188), а также перстням рубежа XIV–XV вв., Крамаровский М.Г., 2000. С.181.	Археологическая экскурсия // МАК. – Вып. II. – М. С. 88-89
15.	ст. Раевской, у Ногай-Кале Сизов В.И.,1886		XIII в.: удила БI-2б, стремена IV-5 и IV-4 (Армарчук Е.А., 2006. С. 140), стеклянный сосуд с узким горлом, с налепами на ручке, сферические шлемы, зонная бусина с двойным зигзагом	Сизов В.И., 1889. С. 97-100
16.	У г. Новороссийска, Сизов В.И., 1886	XIV–XV	XIV– начало XV	Сизов В.И., 1889.
17.	Новороссийск Веселовский Н.И., 1894–1895	XIV–XV	XIV– начало XV	ОАК за 1895 г., 1897. С. 27–30
18.	Андреевская щель, Отдельные находки XII–XIV вв.	Отдельные находки XII–XIV вв.		Новичихин А.М., 1993 Армарчук Е.А., 2003. С. 215-219
19.	Раевскй учебный центр, Дмитриев А.В., 1984	XIII–XV вв.	XIV в. – по кресалу со смыкающимися концами и невысоким язычком, длинной сабле (больше 115 см) с максимальным изгибом при переходе в нижнюю треть, по короткому наконечнику ножен	Дмитриев А.В.,1984 г. Р-1 № 10615
20.	СЗ окраина с Владимировка Дмитриев А.В., 1971, 1 курган	XIV в., в т.ч. по дирхемам		Дмитриев А.В., 1971А. Р-1. № 4645. Л. 6-8
21.	«Юрчина Щель» Дмитриев А.В., 1974, 1 курган	затруднитель на	XVI-XVII вв. Гробницы-крепиды, разворот черепа на правый висок, ступни сведены вместе, почти отсутствует погребальный инвентарь, в гробнице следы деревянного погребального	Дмитриев А.В., 1974. Р-1 № 6290. Л. 219-221;

			сооружения	
22.	Махновая Щель, курганный Дмитриев А.В., 1974. 2 кургана	XIII–XV вв.	XVI – XVII вв. Особенности обряда (обкладки насыпи по основанию из камней уложенных плашмя, одиночное погребение в центре под индивидуальной насыпью, скудный инвентарь)	Дмитриев А.В., 1974. Р-1 № 6290. Л. 222–224.
23.	Махновая Щель, грунтовый Дмитриев А.В., 1974 1 погребение	Позднее мусульманское	XVIII–XIX вв. грунтовые мусульманские могилы в северной части могильника, яма с заплечиками, деревянное перекрытие, инвентарь отсутствовал	Дмитриев А.В., 1974. Р-1 № 6290. Л. 224–225.
24.	Цемдолина на пашне, Ингумационные: 9 погребений в каменных ящиках, 7 в могильных ямах	2 этапа: XII–XIII вв., XIII–XIV вв.	Нижняя хронологическая граница каменных ящиков – не ранее XIII в. по узко датирующим предметам погребального инвентаря (сабля с асимметричным перекрестием, полусферический шлем из 4-х клиньев, кольчатые, круглой формы с уплощенной с боков дужкой и узкой овальной сильно выгнутой подножкой)	Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. С. 92-114.
25.	Цемдолина курганный Дмитриев А.В., 1998, 14 курганов, 3 грунтовыхе	Ингумационные: XIV–нач.XV вв		Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014.
26.	На ул. Днестровской в Новороссийске	XIII–XV вв		Дмитриев А.В., 1979
27.	У пос. Мысхако Федоренко Н.В., 1992,	XIII–XIV вв.		Федоренко Н.В., 1992А. Р-1. № 17286.

	2 каменных ящика			
28.	«Южная Озерейка» Дмитриев А.В., 1974, 11 каменных ящиков	XIV–XV вв.	Вторая половина XIV – начало XV по монетам, по сосудам с четырьмя сливами; по кувшинам с витыми ручками и со сливом на себя	Дмитриев А.В., 1971А.Р-1. № 4645. Дмитриев А.В., 1974А. Р-1. № 5630
29.	Лобанова щель (мыс Малый Утриш), Дмитриев А.В., 1984; Марченко И.И., 1989	середина – вторая половина XIV в.	К. 5 – конец XIII – 1-я пол. XIV в. (нижняя дата по фрагменту сирийского стеклянного сосуда с налепами, шаровидной пуговице с плоским подтреугольным ушком, костяной орнаментированной пуговице, верхняя – по наконечнику ножен сабли). К. 3 – середина – 2-я пол. XIV в. (зеркало «с гоном зверей», калачевидное кресало со смыкающимися с высоким язычком концами, наконечник ножен сабли) К. 37 – 2-я пол. XIV в. – нач. XV в.– монеты	Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002. С.214-236. Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 168–213
30.	Сидоренкова щель, Дмитриев А.В., 2011 Раскопано 15 курганов	XIV	В формировании могильника выделено 2 периода: XIII – пер. пол. XIV вв. и XIV в.	Дмитриев А.В., 2013 А. Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018. С. 444–447; Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018а.
31.	с. Кабардинка Даринский, 1886, 2 кургана	XII-XIV	XIV в. – по находке трехгранного копья, имеющего аналогии в комплексах XIV в., поливной тарелки с зеленой поливой, и по особенностям обряда – могильник курганный	(Сизов В.И., 1889. С. 69-70; Алексеева Е.П., 1959. С. 63; Григорьев А.Б., 2008. С. 355).
32.	пос. Кабардинка Носкова Л.М., 1990 21 курган содержал ингумации	XIV-XV		Носкова Л.М. 1992. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989-1990 годах. Ейск.
33.	На склоне горы Дооб	XIV-XV		Саханев В.В., 1914. С. 118-119.

	Саханев В.В., 1912 Монгайт А.Л., 1952			Григорьев А.Б., 2008. С. 356. Монгайт А.Л., 1955. С. 321-340
34.	Борисовский комплекс в районе Геленджика, на территории имения И.Х. Бойко, располагавшемся на берегу Голубой бухты (бухта Рыбацкая), В.В. Саханев, 1911-1912, 40 погребений – в каменных гробницах, 1 грунтовое и 4 подкурганных	XIV-XV		Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 годах // ИИАК.– Вып.56. – Петроград.
35.	курганы на Тонком мысу Воробьев Н.И.	XIV-XV		Григорьев А.Б., 2008. Изучение памятников археологического наследия Геленджика (XIX-XX вв.) // Наследие Кубани. Вып. 1. – Краснодар. С. 355
36.	Тонкий мыс Миллер М.А., 1937 Раскопано 5 курганов	XII–XVII вв., натухаевцы	XIV–XV вв. – по спиральном височному кольцу	Миллер М.А., 1937. Архив ИИМК РАН. Ф.2, № 216.
37.	В Геленджике, Миллер А.А., 1907	XIV-XV		(ОАК за 1909 и 1910 годы, 1913. С.160–162).
38.	В Геленджике, К.К. Мерс, 1909.	XIV-XV	XIV в. – мамлюкский кубок, Сирия или Египет («Подарок созерцающим», 2015. С. 165).	Архив ИИМК РАН, № 63/1910. 6 марта 1910 г. – 24 августа 1918 г.

39.	в Геленджике, у дома Мурзина, Казнаков Н.А., 1909	XIV-XV	первая пол. XIV в.: Топор с длинным лезвием	Архин НМГ, Дело № 24-09, 1909 г.
40.	Близ Геленджика, К.К. Мерс, 1912	XIV-XV	Кувшин, Византия, XIII–XIV вв. («Подарок созерцающим», 2015, С. 276).	Архив ИИМК РАН, Ф 1. Оп. 1. 1913. № 247.
41.	ул. Островского, Геленджик, Минеев М.Г.,1984.	XIV-XV		Минеев М.Г., 1986. С. 138 Григорьев А.Б., 2008. С. 367
42.	Геленджикская бухта, Сизов В.И.,1886, 1 курган	XIV-XV	Середина XIV в. – по обряду: ранние признаки – одиночные погребения, ориентировка северная, камни обкладки на ребре, поздние – курганные насыпи, гробницы в центре насыпи, сосуды в ногах.	Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // МАК. – Вып. II. – М. С. 65–66.
43.	В 1 версте от Геленджикской бухты, Сизов В.И.,1886 Раскопано 3 кургана	XIV-XV	Конец XIII в. – по инвентарю: секира (Сизов В.И., 1889. С. 144, рис. 50), по обряду: ранние признаки – одиночные погребения, ориентировка северная, камни обкладки на ребре, гробницы ближе к поле насыпи, сосуды в головах, поздние – курганные насыпи.	Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // МАК. Вып. II. М. С. 67–69.
44.	южнее Геленджика. Щеглов Д.Е., 1953 Раскопан 1 курган	XIV-XV		Григорьев А.Б., 2008. С. 359
45.	Санаторий Ломоносов, Дмитриев А.В., 1997. 8 курганов	Предположительно XV-нач.XVI		Дмитриев А.В., 1997А. РАН. Р-1. № 21657, 21658.
46.	у Керченской щели, Аханов А.А., 1939 4 кургана с ингумациями	XIV-XV		Архив ИИМК РАН Ф. 35, 1939. Д. 81

47.	у Адербиевской щели 1939	XIV-XV		Архив ИИМК РАН Ф. 35, 1939. Д. 81; Григорьев А.Б., 2008.. С. 357
48.	Церковная щель, Носкова Л.М., 1991, 31 курган	XVI–XVII вв.		Носкова Л.М., 1992. Архив ИА РАН. Р-1. № 16039
49.	у с. Береговой, пос. Береговое, правобережье р. Пшада Сизов В.И.,1886 Раскопан 1 курган	XIV-XV		Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия // МАК. – Вып. II. – М. С. 3-4.
50.	на территории с. Архипо-Осиповка, на площадке под строительство плодохранилища колхоза им. Мичурина Щеглов Д.Е., 1953	XIV-XV		Григорьев А.Б., 2008. С. 360-361
51.	В пос. Архпо-Осиповская, Сосновая Архипо-Осиповская щель 1 Баранюк А.В., Голубев Л.Э. Раскопано 2 кургана	XIV–XVII вв.		Баранюк А.В., 2008 А. Р-1 №42475 Баранюк А.В., Голубев Л.Э., 2009. С. 5-9.
52.	Тешебс, Дмитриев А.В., 1998 – 1999, Раскопано 3 кургана	XIII-XV вв.	Восточная, южная ориентировка, дутое кольцо, пряслице – возможно, кочевники	Дмитриев А.В., 1999А. Р-1 № 23168. Василиненко Д.Э., Пьянков А.В.,2013. С. 19–26.

	Василиненко Д.Э., Пьянков А.В.,2013. Раскопано 32 курганов			
53.	Хазарова щель (у М.К. Тешева могильник получил название Бжид 2) 1962 Раскопано 11 курганов	XIII–XV вв.	Вторая треть – конец XIV в. Погребения подкурганные, что исключает их появление в XIII в. При этом, с одной стороны, характеризуются «ранними» признаками: одиночные, совершены на горизонте, курганы содержали по одному ящику. Выявлено защитное вооружение, которое не выходит за границу XIV–XV вв.. Но ориентировка погребенных «поздняя» – западная (иногда с отклонением к северу), сосуды стоят только в ногах	Стрельченко М.Л., 2002.. С. 161,164-165; Тешев М.К., 1985. С.149
54.	Бжид I 1990 Раскопано 3 кургана		бжид1-пьянков-1991	Пьянков А.В., 1991. Архив ИА РАН. Р-1. № 15133. Пьянков А.В., Сторчевой А.А. 1992; Пьянков А.В. 1994, с. 49-50
55.	Бжид 2 Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенёк Л.Н., Дмитрук В.В., 2001	XVI–XVII вв.		Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизенёк Л.Н., Дмитрук В.В., 2003.
56.	Джубга 1	Вт. пол. XIII–XIV, возможно XV в.	XIV в.	Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012. С. 154–174.
57.	Джубга 5, Баранюк А.В.,	XV–XVII вв.	XVI–XVII вв. Характерные находки: 9-кообразное кресало,	Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А. Р-1 № 44091.

	Сазонов А.А., 2009. Раскопано 12 курганов.		шило, штампованные наперстки, а также гробницы-крепиды, сооруженные вокруг ингумационных погребений, совершенных на горизонте.	
58.	Азаренский -1, Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009 29 курганов		XIV в.	Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009. Р-1 № 44091
59.	Попова гора, Шишлов А.В., 1999, 1 курган		XIV в. – впускное, подкурганное, аналогии кувшину	Шишлов А.В., 2000. Р-1 №24273.
60.	Дефановка-2, Морозова Н.С., 2003. Раскопано 12 курганов.	XIII–XIV вв.		Морозова Н.С., 2003А.
61.	Шапсуго 5	XVIII– 1-я пол. XIX в.		Давудов Ш.О., Схатум Р.Б., 2013
62.	Дефань IV, Прокофьева Т.Е., 2013, Раскопано 3 кургана	XIII–XIV вв.	XIV в.: наличие курганной насыпи позволяет исключить XIII в. из датировки	Прокофьева Т.Е., 2013А. Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2014. С. 177–185.
63.	Свистунова Щель, Дмитриев А.В., 1999 Раскопано 7 курганов	XIV-XVI вв.	XVII Гробницы-крепиды. Пропеллеровидного сечения наконечники копий, поздние поясные наборы Характерные обломки кресал с подтреугольным невысоким язычком	Дмитриев А.В., 1999. Р-1 № 23168.
64.	Жетахас, 1 курган	XV-XVI	XVI в	Анфимов Н.В., 1955. Р-1 № 1094.
65.	В имении Дузу, Миллер А.А., 1907		2-я пол. XIII: удила, тип БI-2, XI–XIII вв. (Армарчук, 2006. С. 20), наконечник копья с	Миллер А.А.. Ф.1, 1907

			подтреугольными упорами, мотыжка, а также по особенностям обряда: одиночные грунтовыми погребениями в простых могильных ямах, ориентировка погребенных в северном секторе, расположение керамических сосудов в головах умерших.	
66.	Дузу-Кале Миллер А.А., 1907		XIV в. – по находке фрагмента умбона щита и по особенностям обряда – могильник курганный	(ОАК за 1909 и 1910 годы, 1913. С.160–162).
67.	в районе с. Ново-Михайловское (в центре села, во дворе школы № 31, у шоссе) Анфимов Н.В., 1956 4 грунтовых погребения	XIII–XIV вв.	Возможно, были насыпи, т.к. большое расстояние между могилами. А сами могилы повреждены (верхние части гробниц отсутствуют или сбиты) XIV-XV вв.	Анфимов Н.В., 1956. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1385
68.	Чаплук 2, Шеф А.В., 2012 25 курганов	XVII–XVIII вв.		Шеф А.В., 2012А. Архив ИА РАН
69.	Чаплук 3, Шеф А.В., 2012 10 курганов	XVII–XVIII вв.		Шеф А.В., 2012А. Архив ИА РАН
70.	В. с. Куйбышевка, в долине р. Сусенепс, притока р. Агой карта 137-139-1 Монгайт А.Л., 1952, Анфимов Н.В., 1955 Раскопано 4 кургана	XV-XVI вв.		Монгайт А.Л., 1955. С. 329; Григорьев А.Б., 2008. С. 359; Анфимов Н.В., 1955. Отчет об археологических исследованиях на Кубани за 1955 год. Р-1 № 1094.
71.	У аула Колихо Монгайт А.Л., 1952,	XIV–XV вв.		Монгайт А.Л., 1955. № XXIII. С. 330

	1 курган			
72.	в районе с. Пляхо Анфимов Н.В., 1956	XIII–XIV вв.	Возможно, были насыпи, т.к. большое расстояние между могилами. А сами могилы повреждены (верхние части гробниц отсутствуют или сбиты) XIV-XV.	Анфимов Н.В., 1956. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1385
73.	На Пащенковой поляне Анфимов Н.В., 1956 Раскопано 2 кургана	XVII–XVIII вв.	1727	Анфимов Н.В., 1956. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1385
74.	1 км к востоку от с. Тенгинское Раскопки местных жителей	XVIII в., Мусульманские погребения		Анфимов Н.В., 1956. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1385
75.	в районе Туапсе у Армянского хутора Миллер А.А., 1907	XIV–XV вв.		(ОАК за 1909 и 1910 годы, 1913. С.160–162- не нашла, равильные С. 96, 102.
76.	Алепси	XIV в.		Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б., 2013. С. 29-30.
77.	Разрушенный могильник в селе Кроянское города Туапсе	XII–XIII вв.	Вторая половина XIII–XIV в.: нижняя дата – по перекрестью сабли в виде челночка с грибовидными окончаниями на припущенных концах, верхняя дата – по длинной сабле 133,3 см, (аналогии:), по наконечникам ножен с четырьмя подтреугольными врезами по краю устья (аналогии XIV в.: Медовеевка, Сидоренкова щель 16/1)	Баранюк А.В., Голубев Л.Э., 2013. Разрушенный средневековый могильник в селе Кроянское города Туапсе // ИАА. Вып. 12. Армавир; Краснодар; М. С. 115-119.
78.	Холодный родник 3, Бакушев М.А., 2012,	Кон. XVIII-нач. XIX в.		Бакушев М.А., 2013. Архив ИА РАН, Р-1

	140 насыпей, 4 содержали останки погребенных			
79.	Холодный родник 5, Сергеева О.В., 2012			Сергеева О.В., 2013А. Архив ИА РАН Р-1 №
80.	Черноморка 2, Дедюлькин А.В., 2013, 14 курганов	XVI – первой половиной XVII в.		Дедюлькин А.В., 2013А Дедюлькин А.В., Курмановский В.С., 2018. С. 233-251.
81.	Лыгохт 1 в Лазаревском районе города Сочи Раев Б.А., 1999 Раскопано 8 курганов	XIV-XVI вв.	XVI в.	Раев Б.А., 2000. Р-1 № 23396
82.	В долине р. Сочи на западном краю террасы Агуа Бжания В.В.,1971 Раскопано 2 кургана	XII–XIV вв.		Бжания В.В., 1972. Работы Причерноморского отряда в Краснодарском крае // АО за 1971 г. – М. С. 113–114
83.	В долине р. Аибги Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н.. Михайличенко Ф.Е., 1968 Раскопано 1 курган	XIV–XV		Ковалевская В.Б., Воронов Ю.Н.. Михайличенко Ф.Е., 1969. С.124–125 Р-1 № 3694
84.	Носовцева Поляна, в долине р. Мзыста, Адлерскй район Василиненко Д.Э., 2007 Раскопано 3 кургана	XIV-XV вв.		Василиненко Д.Э., 2007. С. 245-274.
85.	Медовеевка	XIV-XV		Василиненко Д.Э., 2008. С. 258-

	Василиненко Д.Э. Раскопано 1 курган			279.
86.	В урочище Кулаковка на правобережье р. Бешенка Воронов Ю.Н., 1973 Раскопано 2 кургана	Позднее средневековье		Воронов Ю.Н., 1973А. Архив ИА РАН. Р-1. № 5169.
87.	близ а. Красно-Александровского Анфимов Н.В., 1957, 2 кургана	XV–XVI вв.		Анфимов Н.В., 1957. Р-1. № 1675
Среднее течение р. Кубань				
88.	МТФ-3 Каминский В.Н., 1980, 10 позднесредневековых	Датировка Л.Э. Голубева: XIV–XVI вв.		Каминский В.Н., 1983А. Архив ИА РАН. Р-1. № 9882, 9882а. Голубев Л.Э., 1997. С. 115-120.
89.	Пашковский могильник, Разрушенное погребение Смирнов К.Ф., 1947	XIV–XVI вв.		Смирнов К.Ф., 1947. Отчет о работах кубанской археологической экспедиции в 1947 г. Р-1 № 157 Носкова, приложение в: Пашковский могильник.
90.	Горячий ключ Анфимов Н.В., 1955 Материалы 1 разрушенного кургана	XIV-XV		Анфимов Н.В., 1955. Отчет об археологических исследованиях на Кубани за 1955 год. Р-1 № 1094.
91.	В районе ст. Абинской, Тизенгаузен В.Г., 1878		XIV в. – по зеркалу из ГИМа, Шестоперу, по поливной тарелке, спиральные кольца, бусы с двойным зигзагом, серп	(ОАК за 1878 и 1879 гг. С. XLII; Пьянков А.В., 1996. С. 9). Опись ГИМ 399 в,
92.	в окрестностях ст.		XVI вв., сабля с прямым коротким	ОАК за 1903 г. С.77

	Абинской, Веселовский Н.И., 1903 Группа небольших курганов		перекрестием, концы которого увенчаны шаровидными утолщениями, обоймица от портупеи, В-образное кресало	
93.	ст. Шапсугская, в устье р. Адегой и на склоне р. Буковой Сысоев В.М., 1892	XIV в.		Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году // МАК. Вып. IX. – М.
94.	Грузинка VII Дружинина И.А., 2004, 2008-2009, 3 кургана		XIV в. по височному спиральному кольцу, закрученному в 1,5 оборота, мотыжке, керамике	
95.	Грузинка Ха Дружинина И.А., 2003-2009, 10 курганов		XVI–XVII вв. – пафти (XVII – нач. XVIII)	
96.	Грузинка X б, 4 кургана		XVII–XVIII вв. переход к исламу, по пропеллерообразному наконечнику копья	
97.	Грузинка X в,, 5 курганов, 1 грунтовое		XVIII в. – завершенный мусульманский обряд	
98.	Лысенков I Дружинина И.А., 2008, 1 курган		XVIII в: обрезанная шашка и скобовидное кресало	
99.	Крученая щель I, Успенский П.С., 2011		XVIII– XIX вв.	Успенский П.С., 2012А
100.	Крученая щель III, Успенский П.С., 2011	XIV в.	XIV в.	Успенский П.С., 2014. Р-1 №41542
101.	Малоубинский №1 Пьянков А.В., 1984			Пьянков А.В., 1984А, Архив ИА РАН. Р-1. № 10558.

	Раскопано 4 кургана			
102.	Молдаванка, Габуев Т.А., 2013, 7 курганов	XIV–XV вв.	XVI вв., по скобовидному кресалу	Габуев Т.А.,2014 А.
103.	Шабановский 2 в Северском районе Берлизов Н.Е., 2000 Раскопано 2 кургана	Позднее средневековье		Берлизов Н.Е., 2001А. Архив ИА РАН.
104.	Шабановский 4 Раев Б.А., 2002, 2 кургана	Позднее средневековье		Раев Б.А., 2003А. Архив ИА РАН. Р-1. № 23003
105.	Лефтерова щель Раев Б.А., 2002 Раскопано 17 курганов	XV-XVII вв.		Раев Б.А., 2003. Архив ИА РАН. Р-1. № 23003
106.	близ ст. Крепостная Нарожный Е.И., Соков П.В., Раев Б.А., Лукьяшко С.И., 2001 Раскопано 111 курганов	XIV– нач. XVII вв.	XVI–XVII в. По ножам с узкими перехватами	Раев Б.А., 25268–25270; Нарожный Е.И., Соков П.В., 2002. С. 19-20. Дружинина И.А., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2008. С. 280-353.
107.	Аушедз, Раев Б.А., 2009, 42 погребения	XIV в.		Раев Б.А., 2009А. Р-1 № 43675. Белов М.А., 2011. С. 123-125.
108.	Железнодорожное 1	XIV в.		Нарожный, Е.И. и др. Нарожный, Е.И., Соков, П.В., Тищенко, И.Б., 2014. С. 374-376.
109.	Железнодорожное 2	XIV в.		Нарожный, Е.И. и др. Нарожный, Е.И., Соков, П.В., Тищенко, И.Б., 2014. С. 374-376.

110.	Ахтырский лиман I – 33, Сорокина И.А. 1 впускное погребение	XIV–XV вв.		Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001
111.	Иль 2 1 впускное погребение	2 пол. XIII – 1 пол. XIV в.		Яцук Д.А., 2013
112.	у ст. Белореченская, Веселовский Н.И., 1896–1897 гг. и 1906 (к.9), 1907 гг., 84 кургана			ОАК за 1897 г., 1900. – СПб., Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. – Вып. XXII. – М.
113.	В 2 верстах на юг от ст. Белореченская, Веселовский Н.И., 1906 Раскопано 8 курганов	XIV–XV вв.	XIV в.: плоскодонный ковш поясной с гравировкой по дну и стенкам (в медальонах), серебряный кубок на ножке со смесителем и ажурным фильтром, в центре которого укреплена литая фигурка птицы, медный чайник с рыльцем (водолей), стеклянные стаканы, Египет, XIV в.	ОАК за 1896. С. 96-99.
114.	На границе станиц Белореченская и Ханская, Веселовский Н.И., 1906 Раскопано 5 курганов		XIV в. Стеклянный стакан, двурогий наконечник с вогнутыми остриями с внешней стороны и выпуклой – с внутренней	ОАК за 1896. С. 99-100.
115.	У ст. Ханская, Веселовский Н.И., 1896. Раскопано 8 курганов	XIV-XV вв.	XV в.: пояса-цепи из к. 19 и 22, с пряжкой, имеющей параллели в этнографии; шкатулка. По пуговицам с пирамидкой зерни на полюсе, противоположном петельке	ОАК за 1896. С. 96-99.
116.	в Майкопе	XIV–XV вв.		ОАК за 1898 год. СПб., 1901.С.39

	Н.И. Веселовский, 1901, 1 курган			
117.	В 4 верстах на ЮВ от села Белого Майкопского отдела Веселовский Н.И., 1901	XIV–XV вв.		ОАК за 1898 год. СПб., 1901.С.39
118.	У г. Майкопа Веселовский Н.И., 1900, 1 курган	XIV–XV вв.		ОАК за 1900 г., 1902. С.38
119.	близ ст. Тульской Веселовский Н.И., 1897, 16 курганов	XIV–XV вв.		ОАК за 1897 г., 1900. С.21
120.	Ст. Кужорская, Доследование грабленого кургана сотник Безладный, 6 марта 1895	Датировка Н.И. Веселовского : XVI–XVII вв.	XIV в. – сабля с перекрестием с чуть оттянутыми усами, концы которых раскованы в ромбы, серьга в виде знака вопроса с петлей, конец которой закручен вокруг стерженька, декантер	ОАК за 1895, 1897. Раздел. IX. С. 160-161, 171
121.	В юрте ст. Кужорской Доследование 3х грабленых курганов, Н.И. Веселовский	XIV–XV вв.		ОАК за 1905, СПб., 1908. С. 69
122.	близ станиц Ярославской, Веселовский Н.И., 1894–1895, 2 кургана	Поздние погребения	XIII–XIV в., кочевники: ориентировка на С и на Ю, в инвентаре - колчан, кольчуга	ОАК за 1895 г., 1897. С. 27
123.	В юрте ст. Ярославской Сотник Поплавский, Несколько курганов	Датировка Н.И. Веселовского :	Трапезундская монета кон. XIV– пер. пол. XV вв., Спиральные кольца в 2 оборота. Пластинка рис. 365 – аналогия в к 6 у ст.	ОАК за 1895 г., 1897. С. 161-162, с. 171

		XVI–XVII вв.	Белореченская 1896 г. (стр. 53)	
124.	К С и Ю от с Андрюковской Н.И. Веселовский, 9 курганов	XIV–XV вв.		ОАК за 1896, СПб. 1898. С. 53, ОАК за 1897. С. 22
125.	У ст. Костромской Н.И. Веселовский	XIV–XV вв.		
126.	Ахметовская Н.И. Веселовский	XIV–XV вв.		ОАК за 1905, СПб., 1908. С. 71
127.	ст. Некрасовской 1896 и 1898	XIV–XV вв.	XIV в.	Стрельченко М.Л., 1969.
128.	Между ст. Губской и Хамкетинской Веселовский Н.И., 1896 Раскопан 1 курган	XIV–XV вв.		ОАК за 1897., СПб. 1900. С. 20-21.
129.	Краснооктябрьский Дружинина И.А., 2006 Раскопан 1 курган		XIV-XVI	Дружинина И.А., 2006А. ИА РАНг. Р-1. №.
130.	Малые кургашки, Лабинский район Нарожный Е.И., Соков П.В.,2006 Раскопано 5 курганов	XV-XVI вв.	малые-кургашк-нарож-соков-2006	Соков П.В.. 2006. Археологическе работы в Новокубанском, Лабинском и Мостовском районах летом 2006 г. // Тринадцатые чтения по археологии Средней Кубани: (краткое содержание докладов). – Армавир. С. 18-21.
131.	Гнатенков кут Анфимов Н.В., 1954, 1 курган	XIV-XV		Анфимов Н.В., 1954. Р-1. № 961; Анфимов Н.В., 1972. С.79.
132.	Серкин шпиль (у х.	XIV-XV вв.	Детское, безынвентарное.	Анфимов Н.В., 1954. Р-1. № 961;

	Ильич) Анфимов Н.В., 1954, 1 курган		Датировка не устанавливается.	Анфимов Н.В., 1972. С
133.	Шенджийский Лесков А.М. и др., 1981, Раскопано 9 курганов, к эпохе средневековья достоверно относятся 7 курганов (в к. 2 и 9 погребения не выявлены)	XIV – XV вв.		Лесков А.М., Балинский И.М., Днепровский К.А., Ксенофонтова И.В., Лапушнян В.Л., Носкова Л.М., Хршановский В.А., 1982. Архив ИА РАН. Р-1. № 8848; Носкова Л.М., 1991. С. 156–173
134.	у западной окраины аула Пшикуйхабль Анфимов Н.В., 1954 Раскопан 1 курган	XIV-XV		Анфимов Н.В., 1954. Р-1. № 961; Анфимов Н.В., 1972. С.79.
135.	у аула Несшукай Анфимов Н.В., 1954 Раскопано 2 кургана	XIII-XV	По сабле и кувшину – XIV-XV, скорее XV -	Анфимов Н.В., 1954. Р-1. № 961; Анфимов Н.В., 1972. С.79.
136.	в окрестностях хут. Ильич Анфимов Н.В., 1954	XIV–XV вв.		Анфимов Н.В., 1954. Р-1. № 961; Анфимов Н.В., 1972. С.79.
137.	Ленинохабльский Ждановский А.М., 1975	XIII–XIV вв.		Тарабанов В.А., 1984. С. 164–172
138.	Псекупсский 1 Ловпаче Н.Г., 1982	XIV–XV вв.		Ловпаче Н.Г., 1983. Архив ИА РАН. Р-1. № 10918.
139.	Псекупсский 2 Ловпаче Н.Г., 1982	XVII-XVIII		Ловпаче Н.Г., 1983. Архив ИА РАН. Р-1. № 10918.
140.	Псекупская 3 Дружинина И.А.,	XVI		Дружинина И.А., 2010. № 29672.

	2010, 2 кургана			
141.	на береговой линии Краснодарского водохранилища Носкова Л.М., 1982	XIV–XV вв.		Носкова Л.М., 1983. Архив ИА РАН. Р-1. № 8969.
142.	Ново-Вочепшийский, 15 грунтовых погребений (мусульманские-?)	Позднее средневековье,		Носкова Л.М., 1989. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12820;
143.	Ленинахабльский кремационный, 1 грунтовое	Погр. 35 – XIV-XV вв.	XIV-XV	
144.	Казазово 1, Анфимов Н.В., 1972, Раскопано 674 погребения	XIII–XIV вв.	XIII–XIV вв.	Тарабанов В.А.,1983. С. 148–150; Схатум Р.Б., 2013. С. 90-95
145.	Пшиш в районе аула Тауйхабль и хут. Городского, Носкова Л.М., 1988, 47 погребений	2-я пол. XIV-1-я пол. XV вв.		Носкова Л.М., 1989. Архив ИА РАН. Р-1. № 12820; Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1988. С. 116–117; Носкова Л.М., 2005. С. 186-202.
146.	У Чишхо Носкова Л.М., 1988 Доследовано 1 разрушенное погребение	позднесредневековое	Датировка по спиральным височным колечкам. Недостаточно, в подъемке на могильнике –средневековые вещи – Рис. 39(377727).	Носкова Л.М., 1989. Отчет о работе Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1988 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 12820. Л. 72.
147.	Пшикуйхабль 1 (в отчете Пшекуйхабль 1) Беглова Е.А.,	Отнесен к эпохе позднего средневековь	Пика четырехгранная, фрагменты бронзового височного кольца из проволоки с несомкнутыми концами. Предположительно XIV-XV	Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р., 1989. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции

	Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р., 1989	я, близок к курганам кабардинского круга.		Государственного музея искусства народов Востока в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14085
148.	Хут. Беляевский, Тарабанов В.А., 1994, Рзрушенные комплексы	XIV-XV		Тарабанов В.А., 1994А. Р-1 №19040–19042.
149.	Фарс-2 2,5 км к СЗ от ст. Новосвободной	XIV-XV		Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р., 1989А. Архив ИА РАН. Р-1. № 14085; Днепровский К., Носкова Л., 1991. С.
			Верховья р. Кубань	
150.	ст. Псебайской 1896 и 1898, Веселовский Н.И., 1895, 8 курганов	Поздние погребения	XIV–XV вв.	ОАК за 1895, с. 30 Стрельченко М.Л., 1969. Материальная культура адыгейских племен Северо
151.	«Шедок – Заречное месторождение ОАО «ПЗСМ» Акулов А.В., Соков П.В., 2006 Раскопан 1 курган	XV-XVII вв.	шедок-акулов-соков-2006	Акулов А.В., Соков П.В., 2007. С. 42-44.
152.	Центрлаба 1		Впускное, кочевник	Пьянков А.В., 2004. С.293-305.
153.	в зоне строительства Краснодарской АЭС в Мостовском Центрлаба 3 Пьянков А.В., 1987	XIV–XV вв.	мусульманские переходные – безынвентарные, в гробах, четыре на правом виске и ноги вместе. XVII в.	Пьянков А.В., 1988.. № 12378; Пьянков А.В., 2004. С.293-305.
154.	Центрлаба 2 Пьянков А.В., 1987	XIV–XV вв.		Пьянков А.В., 1988. Р-1. № 12378.; Пьянков А.В., 2004. С.293-305.

155.	Малые кургашки около Каладжинской Эрлих В.Р., 1991		XVI, по сабле со штыковидным окончанием	Эрлих В.Р., 1991А, Р-1. № 15173
156.	Скалянщина около Каладжинской Эрлих В.Р., 1991		XVI - ?	Эрлих В.Р., 1991. № 15173
		Карачаево-Черкесия		
157.	в устье р. Карабижгон Минаева Т.М., 1949 Раскопан 1 курган		XVI–XVII вв. При погребенной только серьги, но золотые, т.е. – фактически полное отсутствие инвентаря – в соответствии с обрядом.. Серьги имеют аналогии в кабардинских могильниках XVI–XVII вв. (Шалушка). Подъемный материал с могильника – «длинные сабли». Аналогии погребальной конструкции – в памятниках XVI в.	(Минаева Т.М., 1949. Р-1 № 292; Минаева Т.М., 1954. С.280–291).
158.	В ауле Бесленей Алексеева Е.П., 1952–1954 Раскопано 15 курганов	XIV–XVI вв.	по аналогиям находкам шкатулок, треугольных кресал и сабель может быть отнесен к XVI–XVII в.	Алексеева Е.П., 1953. Р-1 № 787; Алексеева Е.П., 1954 г. Р-1 № 1057; Алексеева Е.П., 1957. Р-1 № 1594, № 1595; Алексеева Е.П., 1959. С.68–70; Алексеева Е.П., 1960. С. 79
159.	У а. Бесленей Алексеева Е.П. Раскопано 8 курганов	XV в.	XIV-XV – по саблям	Алексеева Е.П., 1956. Р1. № 1330
160.	в школьном дворе аула Жако Алексеева Е.П., 1952–1954 Раскопано 10 курганов	XIV–XVI вв.	XV в.: По таким находкам, как нож или кинжал с серебряной обоймой, калачевидное кресало со смыкающимися с высоким язычком ветвями, фрагмент гребня, серьга в виде колечка с маленькой петелькой, пастовая мозаичная бусина	Алексеева Е.П., 1953. Р-1 № 787; Алексеева Е.П., 1954 г. Р-1 № 1057; Алексеева Е.П., 1957. Р-1 № 1594, № 1595; Алексеева Е.П., 1959. С.68–70; Алексеева Е.П., 1960. С. 79

161.	У ст. Кардоникской Варченко С.Ф., Таволжанская Н.С., 1998 Раскопан 1 курган	XV-XVI вв.		Варченко С.Ф., Таволжанская Н.С., 2000. Раскопки кургана у станицы Кардоникской в Карачаево-Черкесии // АО 1998 года. – М. С. 180-181.
162.	в верховьях р. Байтал-Чапкан 92 и 93 – один могильник Минаева Т.М., 1949 Раскопано 8 курганов	XIV–XVI вв.	XVI в. По саблям, В публикации – в к. 7 череп монголоида. Ногайцы-?	(Минаева Т.М., 1949. Р-1 № 292; Минаева Т.М., 1954 а. С.280–291). Минаева Т.М., 1954 б. С.291–294
163.	В устье р. Байтал-Чапкан, Минаева Т.М., 1949. Раскопано 3 кургана	XIV–XVI вв.	XV–XVII вв. (раннюю дату дает умбон щита, позднюю сабли)	Минаева Т.М., 1954 а. С.284–287.
164.	У а. Кубина (Байтал Чапкан) Биджиев Х.Х., 1976 Раскопано 10 курганов	Позднее средневековье		Биджиев Х.Х., 1976. Отчет археологической экспедиции КЧНИИ о раскопках курганов у аулов Кубина и Псыж КЧАО в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6368
165.	в урочище Байтал-Чапкан Текеев Г. Х.-У., 1977 Раскопано 13 курганов	XIV–XVI вв.		Текеев Г. Х.-У., 1977. Архив ИА РАН. Р-1. № 6929. Текеев Г. Х.-У., 1978. С.144-145. Алексеева Е.П., 1983. С. 92.
166.	у х. Важный (1 км от окраины села, 0,4 км от трассы Черкесск-Карачаевск) Текеев Г.Х-У., 1982 Раскопано 2 кургана	XII-XIV вв.	XV–XVI вв. Подтреугольное кресало, шкатулка	Текеев Г. Х.-У., 1982. Р-1. № 10056, 10056а.

167.	Красный Восток, Биджиев Х.Х., 1982	XIV–XVII вв.	Позднее средневековье	Биджиев Х.Х., 1984. С. 110-111
Ставропольский край (Пятигорье)				
168.	у станицы Кисловодской, при слиянии р. Подкумок и р. Аликоновка, против Кольцо-горы, Самоквасов Д.Я., 1882	«Татарская эпоха»	Погребения раскопанных курганов дали бедный материал, что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.	Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12–13; 1908. С. 248–249
169.	Против Третьей балки, Самоквасов Д.Я., 1882	«Татарская эпоха»		Самоквасов Д.Я., 1982. С.12–13 Самоквасов Д.Я., 1908. С. 248–249.
170.	р. Подкумок, А.П. Рунич, 1963-1966 гг.	Не ранее XV в.	Раскопано 58 курганов. Скудный погребальный инвентарь, отсутствие в его составе специфичных для XIV в. вещей, наличие треугольных кресал с «пробитыми» отверстиями позволяют отнести курганы к концу XV–XVI в.	Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И., 1992. С. 42–47.
171.	У г. Дубровка, Н.М. Егоров, 1929	Средневековье		
172.	возле Ессентуков Апухтин В.Р., 1902			(Крупнов Е.И., 1960. С. 37; Фоменко В.А. 2002. С.12).
173.	у станицы Горячеводской Н.Г. Керцелли, 1877 Раскопано 30 курганов			Керцелли Н.Г., 1878. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. I. С. 204 и сл., Т. II. С. 275 и сл. М.
174.	У ст. Горячеводской Апухтин В.Р., 1902			(Крупнов Е.И., 1960. С. 37; Фоменко В.А. 2002. С.12).

	Раскопано 39 курганов			
175.	Константиновка Раскопано 77 курганов	«Татарская эпоха»		Самоквасов Д.Я., 1982.
176.	у подножия г. Машук на Константиногорском плато Лунин Б.В., 1920-1921 Раскопано 12 курганов	XVI – начало XVIII в.		Лунин Б.В., 1927. Раскопано 12 из 46 насыпей
177.	В окрестностях колонии Николаевская, Д.Я. Самоквасов, 1881 5 могильников, насчитывавших в совокупности 230 насыпей, на которых раскопано 10 курганов		Погребения десяти раскопанных курганов дали бедный материал: нож с широким черешком, черешковый наконечник стелы подтреугольной формы, фрагменты двух узорно расшитых кожаных кисетов, фрагменты ткани со шнурком (Опись ГИМ № 685 «В», 1940 г.), что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.	Самоквасов Д.Я., 1982. С.12–13 Самоквасов Д.Я., 1908. С. 248–249.
178.	у колонии Николаевской Грен А.Н., 1902	XV–XVI вв.	XVII в. – западная ориентировка, на правом боку, по мусульманскому обряду	(Фоменко В.А. 2002. С.13).
179.	Между Николаевской колонией и подошвой г. Машук, урочище Михайлово Курганье, Самоквасов Д.Я.,	«Татарская эпоха»	Погребения раскопанных курганов дали бедный материал, что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.	Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12–13; 1908. С. 248–249

	1882			
180.	В полуверсте от Николаевской колонии, с правой стороны дороги на Пятигорск, Самоквасов Д.Я., 1882	«Татарская эпоха»	Погребения раскопанных курганов дали бедный материал, что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.	Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12–13; 1908. С. 248–249
181.	у самой подошвы г. Машук, с правой стороны дороги из колонии Николаевской в Константиновку, Самоквасов Д.Я., 1882	«Татарская эпоха»	Погребения раскопанных курганов дали бедный материал, что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.	Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12–13; 1908. С. 248–249
182.	Каррас Раскопано 105 курганов	«Татарская эпоха»		Самоквасов Д.Я., 1982. С.12–13 Самоквасов Д.Я., 1908. С. 248–249.
183.	Иноземцево-1, Березин Я.Б., 2001 Раскопан 21 курган	«Татарская эпоха»		Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2007. С. 177-244.
184.	Возле виноградников колонии Каррас, Самоквасов Д.Я., 1882	«Татарская эпоха»	Погребения раскопанных курганов дали бедный материал, что может косвенно указыать на позднюю датировку погребений – XVI–XVII вв.	Самоквасов Д.Я., 1882. С. 12–13; 1908. С. 248–249
185.	Кладбище Атажукин-аула, Р.Р. Рудницкий	XIX в.	XIX в.: ингумации с западной ориентировкой в могилах с небольшим подбоем	Фоменко В.А. 2002. С.28.
186.	Урочище Гора	«Татарская эпоха»	XIV–начало XV в. Кунжутолистный наконечник стрелы, наконечник копья с треугольным сечением,	Самоквасов Д.Я., 1908. С. 250–251. Дружинина И.А., 2007.

			фрагмент стремени, изделия из рога с циркульным орнаментом. Могильник оставлен кочевниками	
187.	Урочище Глубокая балка, Самоквасов Д.Я., 1882 Раскопано 4 насыпи	«Татарская эпоха»	XVI в.: Каплевидные серьги, серебряный перстень с круглым сердоликом	Самоквасов Д.Я., 1908. С. 249.
188.	Урочище Каменный курган, Самоквасов Д.Я., 1882 Раскопано 3 насыпи	«Татарская эпоха»	Предположительно XVI в. Погребения совершены в могильных ямах, в дощатых гробах, что указывает на предпочтительную датировку XVI в. Не противоречит ей и инвентарь (плоские кольца с резьбой, костяная проколка, ножницы для стрижки овец, стеклянные зонные бусины), хотя диапазон бытования вещей, безусловно, шире. Этнокультурная атрибуция памятника затруднительна.	Самоквасов Д.Я., 1908. С. 250.
189.	За кирпичным заводом у «Лермонтовского» ж/д разъезда, Лунин Б.В., 1920–1921 гг. Раскопано 2 кургана	XVI – начало XVIII в.	XVII – начало XVIII в.	Лунин В.Б.
190.	Урочище Острый курган, Самоквасов Д.Я., 1882 Раскопан 1 курган	«Татарская эпоха»	XIV в.: сабля, нож, калачевидное кресало с невысоким округлым язычком, фрагменты колчана, наконечники стрел, пара стремян и удила. Погребение кочевническое	Самоквасов Д.Я., 1908. С. 250.
Кабардино-Балкария				

191.	Залукокоажские курганы, Гриневич К.Э., 1949 Раскопано 2 кургана	XV–XVI вв.	XVII вв.: погребения безынвентарны, с разворотом на правый бок, в саванах, с камнем в изголовье. Аналогичные погребения известны среди мусульманских ногайских захоронений, возможна также иная этнокультурная интерпретация, в том числе и кабардинская	Гриневич К.Э., 1949А. Р-1, № 350. Л. Чеченов И.М., 1969. С. 74. №253
192.	у немецкой колонии Эбенецер Караулов М.А., 1912 Раскопано 7 курганов		XVI–XVII вв. Возможно, оставлен полиэтничным, «разноплеменным», как указал М.А. Караулов, населением. На датировку указывает инвентарь, синхронный Карраским находкам, а также черты перехода к мусульманскому обряду	(ИАК, 1912., прибавление к вып. 46. С. 132–135).
193.	У ст. Солдатская (Солдатская, 2-ые курганы) В.Б. Антонович, 1879 Раскопано 4 кургана	XIV–XVI в.	XVI–XVII вв. – длинные сабли с сильно изогнутым клинком и штыковидным окончанием, пуговицы, В-образные и треугольные кресала	Антонович Б.В. 1882. С. 251–253. Нагоев А.Х., 2000. С. 26, №11
194.	У ст. Прохладная В.Б. Антонович, 1879 Раскопано 7 курганов	XIV–XVI в.	XVI в. – длинные сабли с сильно изогнутым клинком, штыковидным окончанием и коротким прямым перекрестием с шаровидными утолщениями на концах усов	Антонович Б.В. 1882. Нагоев А.Х., 2000. С. 26-27, №12
195.	За Сухой балкой Антонович Раскопано 6 курганов		XVI в. – длинные сабли с сильно изогнутым клинком, штыковидным окончанием и коротким прямым перекрестием с шаровидными утолщениями на концах усов	Антонович Б.В. 1882. Нагоев А.Х., 2000. С. 27, №13
196.	Нальчик св. И.А. Владимиров, 1897, 7 курганов			
197.	Старо-Урухские 3-и		Погребения в колодах и с южной	Уварова П.С., 1894. Могильники и

	курганы (др. название: близ селения Хату Анзорова (Старый Урух) П.С. Уварова, 1888 Раскопано 5 курганов		ориентировкой – не относятся к числу кабардинских курганных могильников	курганы Кавказа // Древности. Труды московского археологического общества. XV. – Вып. I. С. 80 Чеченов И.М., 1969. С. 99. № 374
198.	Урухские курганы, П.Г. Аритас, 1954 Раскопано 2 кургана		XVII в.	Акритас П.Г., 1955. С. 25-68. Чеченов И.М., 1969. С. 99. № 373
199.	На левом берегу р. Урух, у сел. Старый Урух, Шафиев Н.А., 1964. Раскопано 23 кургана	XIV–XVI вв.	Инвентарь довольно беден, погребенные в ряде курганов лежат с полуразворотом на правый бок, черепа на правом виске, ноги в коленях прижаты друг к другу, что указывает на пеленание покойных. Предпочтительная датировка памятника – XVII в.	Нагоев А.Х., 2000. С. 30. № 46.
200.	Между сел. Старый Лескен и Старый Урух, в 5 км от первого, Долбежев В.И., 1893. Раскопано 2 кургана		XVII в.	Долбежев В.И. 1901. Чеченов И.М., 1969. С. 99, № 371; Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №57
201.	у с. Гунделен Иессен А.А., 1933 Акритас П.Г., 1954		XVI–XVII в.	Иессен А.А., 1941. С. 10. Акритас П.Г., 1959.
202.	Нальчиксие 9-е курганы (в 1,5 км от Нальчика, на 3-ей террасе р. Нальчик) Мачинский А.В., 1929	XIV–XVI вв.	XVI в.	Мачинский А.В., 1941. С. 317–318,323; Чеченов И.М., 1969. С. 86. № 318; Нагоев А.Х., 2000. С. 28, № 27.

	Раскопан 1 курган			
203.	На 4-ой террасе р. Нальчик, недалеко от пос. Долинский, примерно в 4 км к ЮЮЗ от г. Нальчик Кричевский Е.Ю., 1932 Раскопан 1 курган	XIV–XVI вв.	XV–XVI вв.: В-образное кресало, скудный инвентарь (помимо кресала, нож и наконечник стрелы)	Мачинский А.В., 1941. С. 318–319; Чеченов И.М., 1969. С. 86. № 318; Нагоев А.Х., 2000. С. 28, № 27.
204.	На городище Герменчик или Старо-Лескенские 3-и курганы XIV в. Крупнов Е.И., 1947 Раскопано 2	XIV–XV вв.	Бедный инвентарь, колоды, рога козы, ровики Датировка – кресало с маленьким округлым язычком и ассиметричными ветвями XVI в. - ?	Крупнов Е.И., 1948А. Архив ИА РАН. Р-1. № 163. Крупнов Е.И., 1948. С. 296–301. Чеченов И.М., 1969. С. 99, №372 Нагоев А.Х., 2000. С. 29. № 38.
205.	У с. Псыгансу Урванского района, Нагоев А.Х., 1969 2 кургана	XIV–XV вв.	XVI в.	Нагоев А.Х., 2000. С. 29. № 33.
206.	Заюковский, На правом берегу р. Баксан, напротив Заюково, рядом с пос. Хакуарда, Шафиев Н.А., 1963 Раскопано 3 кургана	XIV–XVI вв.	Инвентарь к. 1 и 3 не выразителен, по пряжке из к. 2 могильник XVII вв. В к. 3 – слева в ногах погребенного выявлены череп и кости лошади. Атрибуция комплекса как кабардинского сомнительна.	Шафиев Н.А., 1963А. Р-1. №2690. Л. 5–8. Шафиев Н.А., 1963. С. 97-102; Нагоев А.Х., 2000. С. 27. № 14.
207.	В 3 км от Заюково, Шафиев Н.А., 1963 Раскопан 1 курган	XIV–XVI вв.	Раскопан 1 из 52 курганов. При погребенном обнаружен лишь нож, датировка и этнокультурная атрибуция затруднительны.	Шафиев Н.А., 1963А. Р-1. №2690. Л.9. Нагоев А.Х., 2000. С. 27. № 15.
208.	Холм Тамова, Шафиев Н.А., 1963	XIV–XVI вв.	Раскопан 1 из 82 курганов. При погребенном обнаружен лишь нож, датировка и	Шафиев Н.А., 1963А. Р-1. №2690. Л.11-12.

	Раскопан 1 курган		этнокультурная атрибуция затруднительны.	Нагоев А.Х., 2000. С. 27. № 16.
209.	Атажукин, Заюковские 4-ые курганы, Долбежев В.И., 1882 Раскопано 2 кургана	XIV–XVI вв	XVI в.	Долбежев В.И. 1901. Чеченов И.М., 1969. С. 77, №269 Нагоев А.Х., 2000. С. 31. №56
210.	Верхний Курп, Долбежев В.И., 1889, 2 кургана	XIV–XVI вв	XVI в.	Долбежев В.И. 1901. Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №59
211.	у с. Нижний Черек Нагоев А.Х., 1969 Раскопано 12 курганов	XIV–XVI вв.	XVI–XVII вв.	Нагоев А.Х., 1970. С. 111–121.
212.	Нижне-Черекские курганы, О.Л. Опрышко 1961 Доследован 1 курган	позднесредне вековые	XVI–XVII в. (сабля длиной 130 м)	Ионе Г., Опрышко О., 1963. С. 61–62; Чеченов И.М., 1969. С. 97. № 363.
213.	Урванские 2-ые курганы, Акритас П.Г., 1954. Раскопан 1 курган	XIV–XVI вв.		Акритас П.Г., 1954. С. 62. Рис. 9; Чеченов И.М., 1969. С. 97, № 362.
214.	Нарткалинские 2-ые курганы, Акритас П.Г., 1946 и 1954 Раскопано 4 кургана	XV в.	Позднее средневековье, этнокультурная атрибуция не устанавливается на имеющихся материалах	Акритас П.Г., 1954. С. 59–62; Чеченов И.М., 1969. С. 97, № 364.
215.	у сел. Нижний Черек 1969-1970, 1988, Нагоев А.Х. 32 кургана	XV в	XVI в.	Нагоев А.Х., 1988 г. Р-1 № 13496; Мизиев И.М., Нагоев А.Х., 1970. С. 126–127
216.	в зоне строительства	XV–XVII вв		Нагоев А.Х., Бетрозов Р.Ж., 1980.

	Чегемской оросительной системы 1973			С.121–137
217.	у с.Чегем II №1, Нагоев А.Х., Керефов Б.М, 12 курганов		К. 8,13 - XV в. Остальные – XVI–XVII вв.	Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975. Р-1 № 5421; Нагоев А.Х.,1987
218.	у с.Чегем II №2 1973, 66 курганов	XIV-XVI	XVI-XVII – по саблям	Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973. Р-1 № 5090; Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975
219.	у с.Чегем II №3 Владимиров И.А., 1897. Акритас П.Г., 1954. Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975, 14 насыпей		К. №14 – XV в. Остальные – к.XV–XVI в.	Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975. Р Акритас П.Г., 1954. С. 63–64 Чеченов И.М., 1969. С. 85. № 312. Нагоев А.Х., 2000. С. 28, №22.
220.	у с.Чегем II №4, 27 насыпей	XV в.	XVI в.	Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975.
221.	Лечинкайские курганы, П.Г. Акритас, 1954 Раскопан 1 курган	XIV–XVI вв.	XVII вв.	Акритас П.Г., 1954. С. 63–64 Чеченов И.М., 1969. С. 84–85, № 308.
222.	В 3 км к востоку от с. Лечинкай, Нагоев А.Х., 1975 Раскопано 11 курганов		XVII в.	Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975. Нагоев А.Х., 2000. С. 27, №20
223.	В 0,5 км ЮВ от селения Кызбурун III, П.Г. Акритас, 1954 Раскопан 1 курган		XVII в.	Чеченов И.М., 1969. С. 79, №280

224.	у сел. Кызбурун III 1984 Раскопано 8 курганов	XIV-XVII вв.	XVII в.	Нагоев А.Х, 1984, Р-1 № 10543 Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975. Р
225.	Шалушка, Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1974 Раскопано 92 кургана	XVI–XVII вв.	2-я пол. XVI–XVII в.	Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1975.
226.	в районе г. Нальчик на территории Вольноаульского лесничества, называемой Дубками 1988 Раскопано 4 кургана		XVI в.: колоды, скудный инвентарь в комплексах, в т.ч. лировидное кресало, каплевидные серьги, а также безынвентарные погребения	Нагоев А.Х., 1988 г. Р-1 № 13496
227.	Нартан, №30 Нагоев Раскопано 7 курганов	XIV–XV вв.	XVI в.	Нагоев А.Х., 1988 г. Р-1 № 13496
228.	Кашхатау (Советский, 2-е курганы) Владимиров И.А., 1897 Кузнецов В.А. Раскопано 2 кургана	XIV–XVI вв.	XVI–XVII вв. – балкарский могильник	Владимиров И.А., 1898. С. 42–44; Шафиев Н.А., 1968. С. 54-55. Рис. 5 Чеченов И.М., 1969. С. 96. № 357. Дружинина И.А., 2018. С.
229.	Аушигер, Акритас П.Г., 1954 Раскопано 2 кургана	XIV–XVI вв.		Чеченов И.М., 1969. С. 96, № 358; Нагоев А.Х., 2000. С. 29. №32
230.	Николаевская, Керцелли, 1877, 10 курганов			Керцелли Н.Г., 1877. Нагоев А.Х., 2000. С. 30. №40
Северная Осетия				
231.	у ст. Христианское (Дигора), Антонович	XIV–XVI вв.	XVI в.	Антонович В.Б., 1882. Дневник раскопок, веденных на Кавказе

	В.Б., 1879, 6 насыпей			осенью 1879 года // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – Тифлис.
232.	Ардон Н.Г. Керцелли, 1877	XIV–XVI вв.	XVI в.	Керцелли Н.Г., 1878. Т. I. С. 204 и сл., Т. II. С. 275 и сл. М.
233.	Ардон, Марковин В.И., 1969, 1 курган	XIV–XVI вв.	XVI в.	Марковин В.И.,1969. С. 79-83
234.	у сел. Пседах Долбежев В.И., 1891 и 1898	XIV–XVI вв.	XVI в.	(Долбежев В.И. 1892. С.122; 1898. С. 157-162; Крупнов Е.И., 1941. С. 160–161).
235.	У сел. Ислам, Долбежев В.И., 1898	XIV–XVI вв.	XVI в.	Долбежев В.И. 1898. С.122;
236.	у сел. Кескем Долбежев В.И., 1891 и 1898	XIV–XVI вв.	XVI в.	(Долбежев В.И. 1898. С.122; ОАК за 1898. С. 157-162; Крупнов Е.И., 1941. С. 160–161).
237.	у станицы Нестеровской Долбежев В.И., 1891 и 1898	XIV–XVI вв.	XVI в.	(Долбежев В.И. 1892. С.122; 1898. С. 157-162; Крупнов Е.И., 1941. С. 160–161).
238.	Глубокая балка (200 м от Терека, в окрестн. Верхнего Джулата), 7 курганов	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 30. № 41
239.	у села Эльхотово Панкратов Ф.С.	XIV–XVI вв.	XVI в	(ОАК, 1914. С. 229, ОАК, 1915, С. 232).
240.	6 км к востоку от г. Владикавказ, Гребенец (Панкратов)	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №61

	С.Ф., 1912			
241.	В 5 км к Ю от г. Владикавказ, Бобринский А.А.,	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №62
242.	В окрестностях Владикавказа Бобринский А.А.,	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №63
243.	В окрестностях Владикавказа-2, Бобринский А.А.,	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №64
244.	Эльхотово, Антонович В.Б., 1877	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 2000. С. 30. №43
245.	Эльхотово, Антонович В.Б., 1877	XIV–XVI вв.	XVI в	Нагоев А.Х., 2000. С. 30, № 44.
246.	У ст. Змейская, Керцелли 1877, 16 курганов	XIV–XVI вв.	XVI в	Керцелли Н.Г., 1877. Нагоев А.Х., 2000. С. 30. №45
247.	у ст. Змейской Панкратов С.Ф., 4 кургана.	XIV–XVI вв.	XVI в	(ОАК, 1914. С. 229, ОАК, 1915, С. 232). Гребенец Ф.С. 1915. 1-30. Нагоев А.Х., 2000. С. 30. №45
248.	с. Красно-Октябрьское Крупнов Е.И., 1937	XIV–XVI вв.	XVI в	Крупнов Е.И., 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды ГИМ, Вып. 12. – М. С. 188
249.	у с. Октябрьское Ростунов В.Л., 1987	XIV–XVI вв.	XVI в	
250.	у с. Чикола 1977	XIV–XVI вв.	XVI в	Николаева Н.А., Сафронов В.А, 1977. Р-1. № 6847
251.	Октябрьский, Миньков Е.В., 1988	XIV–XVI вв.	XVI в.	Миньков Е.В., 1988А. Р-1 №12834, Кобахидзе.Е.И., 1988А. Р-1 №

				12849
252.	Кара-Урсдон, Марковин В.И.,1962	XIV–XVI вв.	XVI в.	Нагоев А.Х., 2000. С. 30. №47.
253.	Комсомольский I, Караев Б.З., 2003	XIV–XVI вв.	XVI в.	Караев Б.З., 2005А. ИА РАН Р-1 № 33388.
Ингушетия, Чечня				
254.	у ст. Назрань Антонович В.Б.,1879, 6 курганов	XIV–XVI вв.	XVI в	Антонович В.Б., 1882. С. 217–219 Нагоев А.Х., 2000. С. 31.№50.
255.	Кантышево, Беренштамм В.А.,1879, 33 кургана	XIV–XVI вв.	XVI в	Беренштам В.Л., 1882. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – Тифлис. Нагоев А.Х., 2000. С. 32. №65
256.	У с. Алхасте Крупнов Е.И., 1937-1938 Раскопано 3 кургана	XIV–XVI вв.	XVI в	Крупнов Е.И., 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды ГИМ, Вып. 12. – М. С. 188–190
257.	У селения Карабулак на р. Сунжа Подгаецкий Г.В., 1938	XV–XVI вв.	Предположительно отнесен к числу кабардинских. Однако исследован только 1 курган, погребение в колоде. Материал не введен в научный оборот. Этническая атрибуция и точная датировка не устанавливаются.	Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 55.
258.	Али-Юрт, Х.М. Мамаев, Р.А. Даутова, Раскопано 2 кургана	XIV–XVI вв.	XVI–XVII вв. К. 1: череп на правом виске, следы древесного тлена (перекрытие –?), скудный инвентарь (кресало, кремень, нож, пряжки). Погребение к. 2 – безынвентарное.	Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1972. Археологические памятники средневековья у селения Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. – № 2. – С. 223–228.

259.	Бамутский Мунчаев Р.М,. 1959-1960 1963 и 1966 Раскопано 22 кургана в обеих группах	XIV-XVI вв.	XVI-XVII вв.	Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С.217–242; Багаев М.Х.,1972. С. 49–50
260.	Бамут, 10 курганов, Р.М. Мунчаев	XIV-XVI вв.	XVI в	Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С.230–242
261.	на берегу р. Фортанга у с. Ачхой-Мартан Круглов А.П., Мачинский А.В., 1936	XIV–XVI вв.	XVI в	Круглов А.П., 1938. С. 30-31; Мачинский А.В., 1941. С. 323; Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966. С. 60. №273.

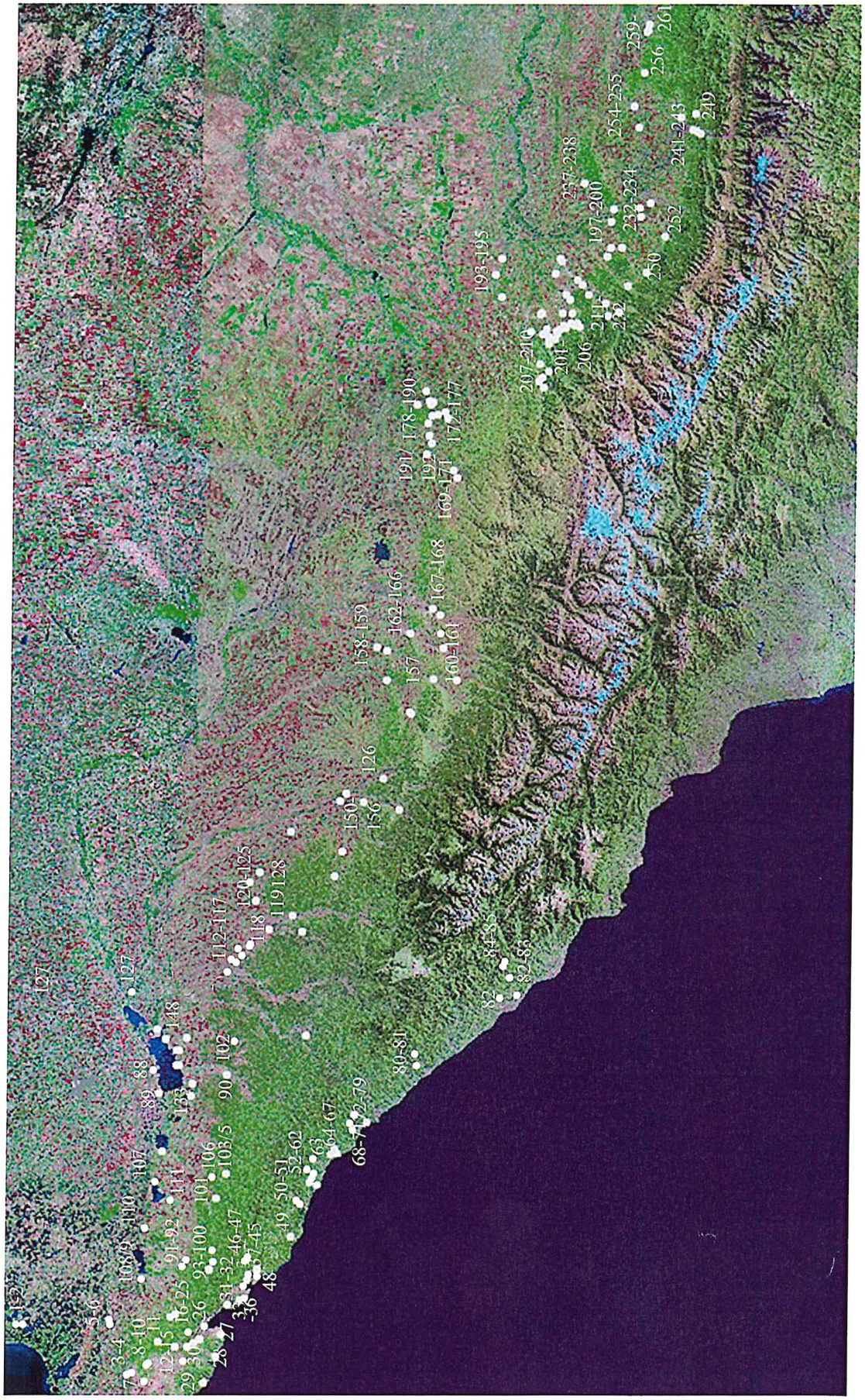
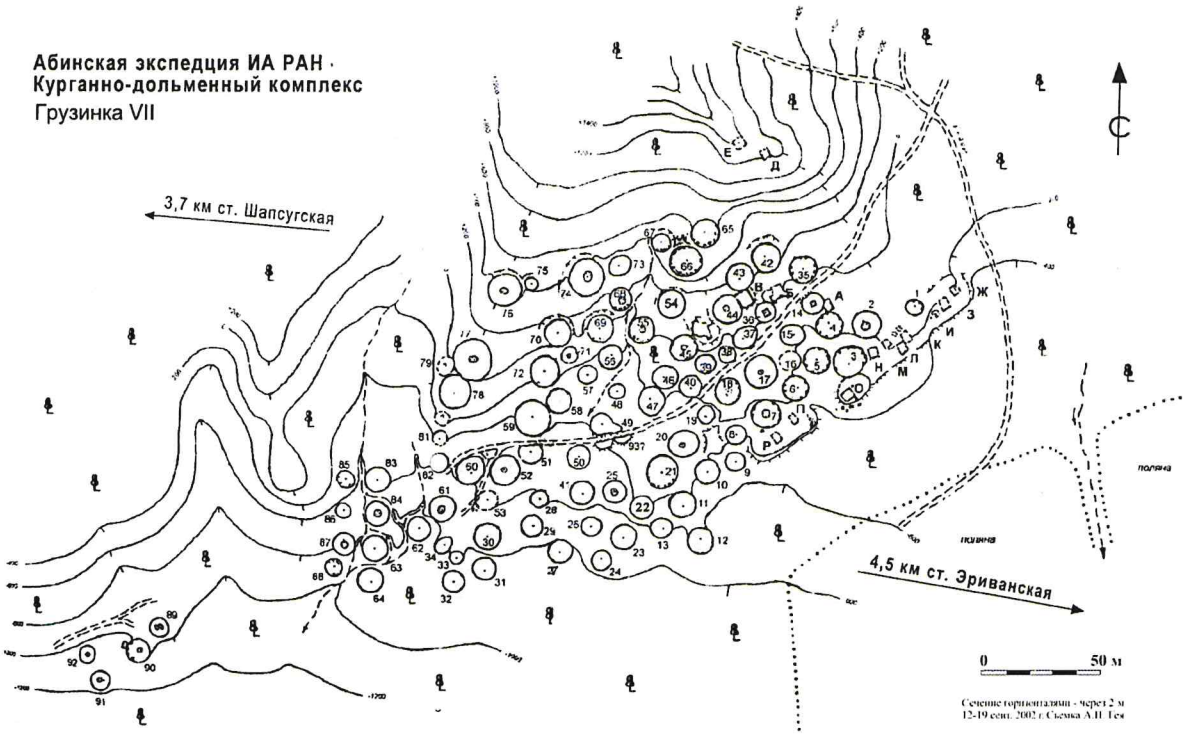
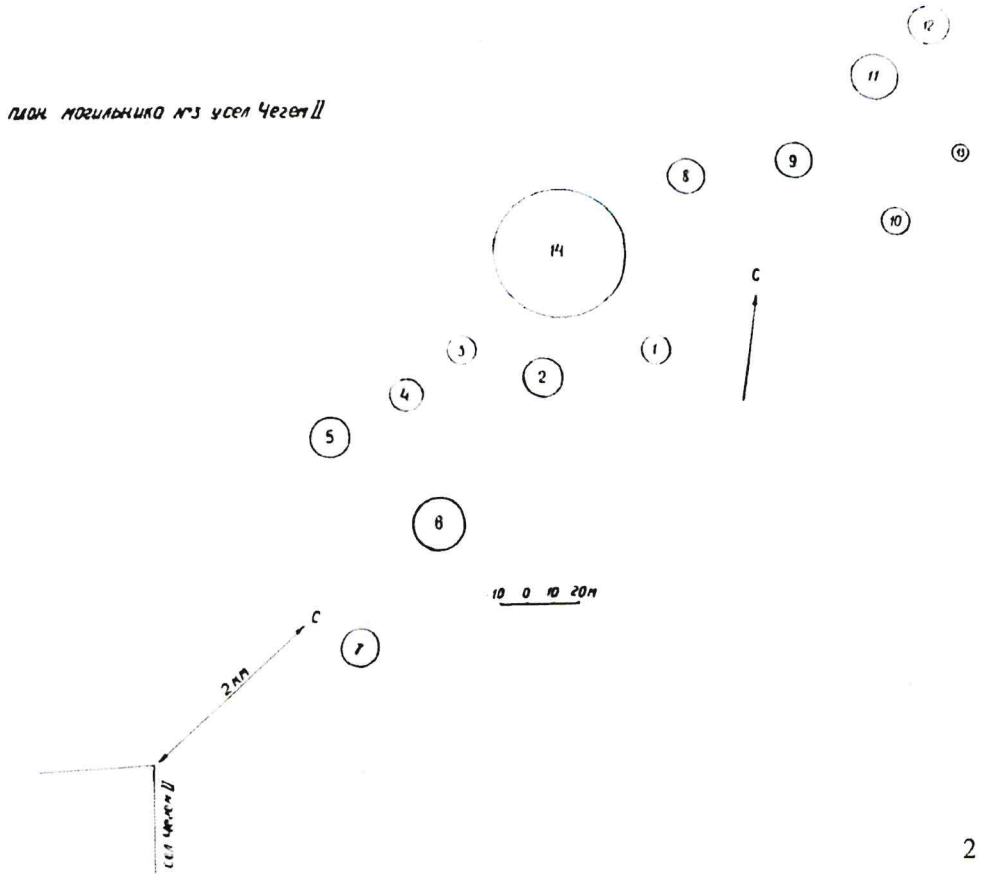

Рис. 1. Курганные и грунтовые могильники вт. пол. XIII-XVIII вв.

План курганно-дольменного комплекса Грузинка VII

1

2

Рис. 2. Планы могильников.

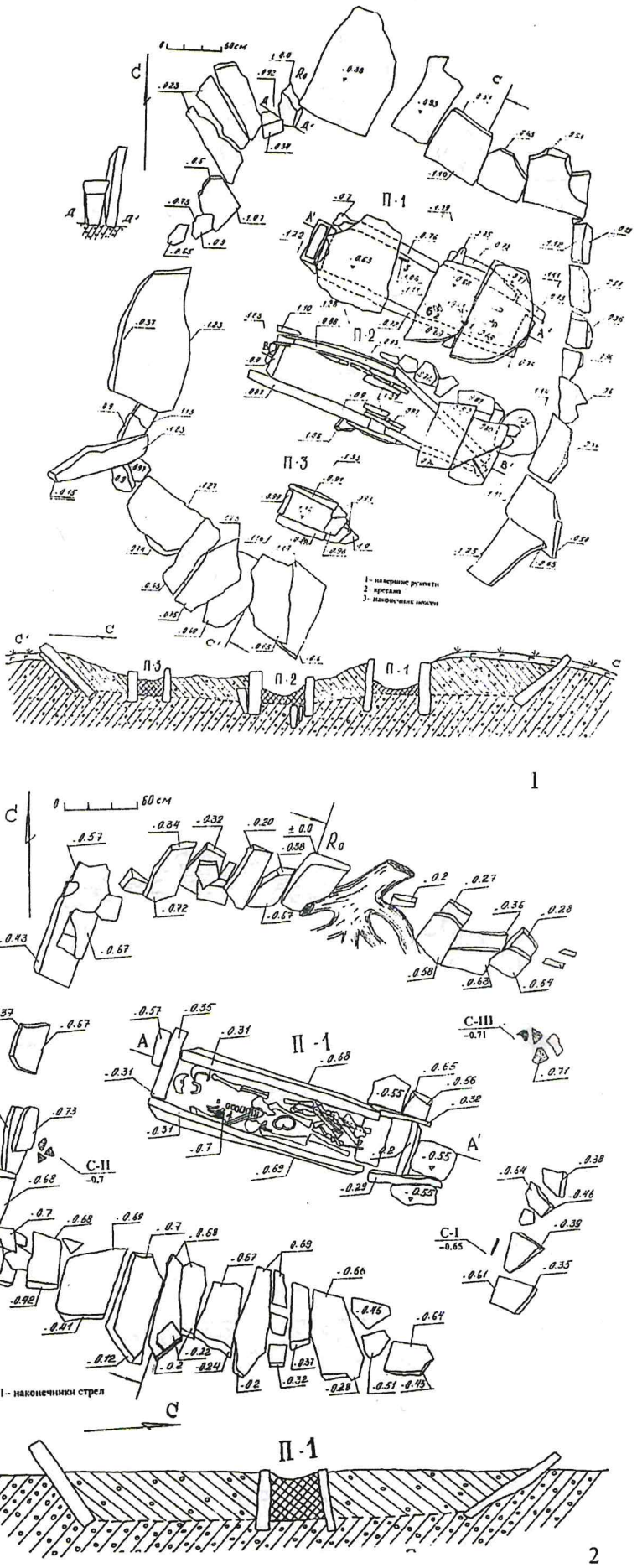

Рис. 3. Могильник Лобанова щель: 1. - план к. 5; 2 - план к. 2
(По: Козюменко Е.В.,Раев Б.А., 2002. С. 226-227, Таб. 3 и 4)

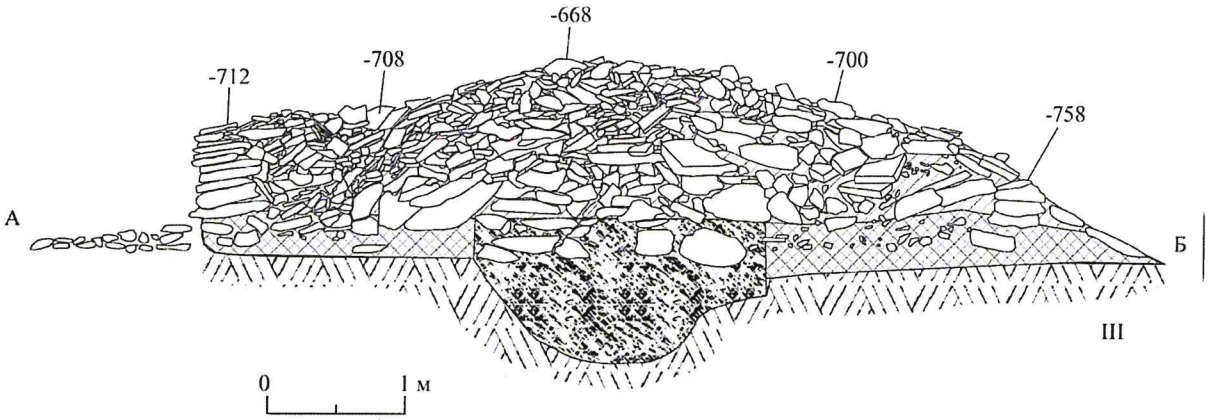

Рис. 4. Могильник Холодный родник-3: 1 - общий вид на памятник, 2 - профиль к. 115 (по Бакушев М.А., 2018. С. 136., 142. Рис. 5,13)

1

2

Рис. 5. Надмогильный холм со следами тризны (1) из к. 22 мог. Грузинка VII (2)

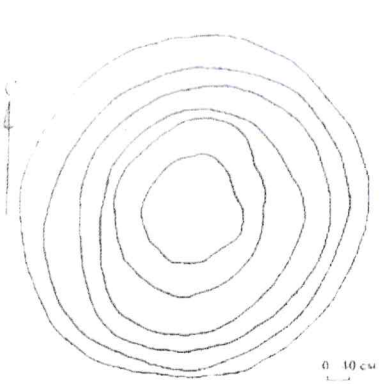

1. Курган 7. Пятно рва с юго-восточной стороны кургана. Вид с востока.

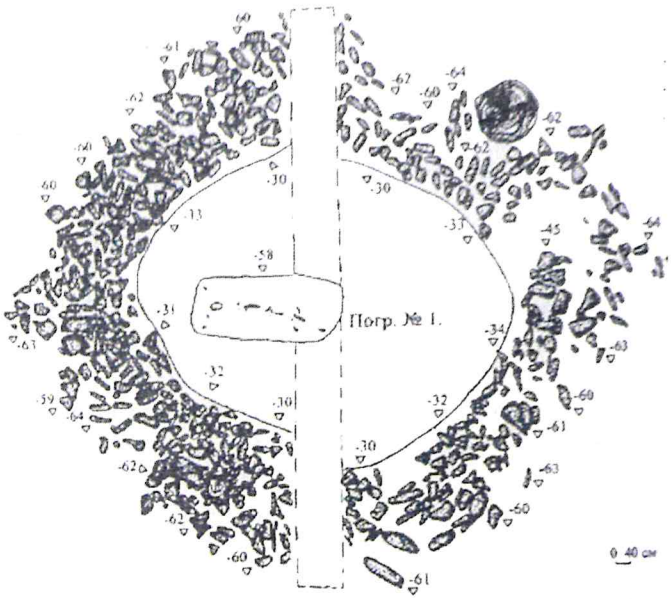
2. Курган 7. Ров с юго-восточной стороны кургана. Вид с востока.

Рис. 6. Ровик вокруг к. 7 мог. Сидоренкова щель.
(По: Дмитриев А.В., 2013А. Рис. 299).

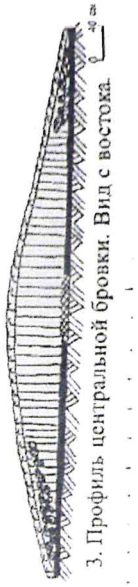

1. План кургана.

1

2. Кромлех.

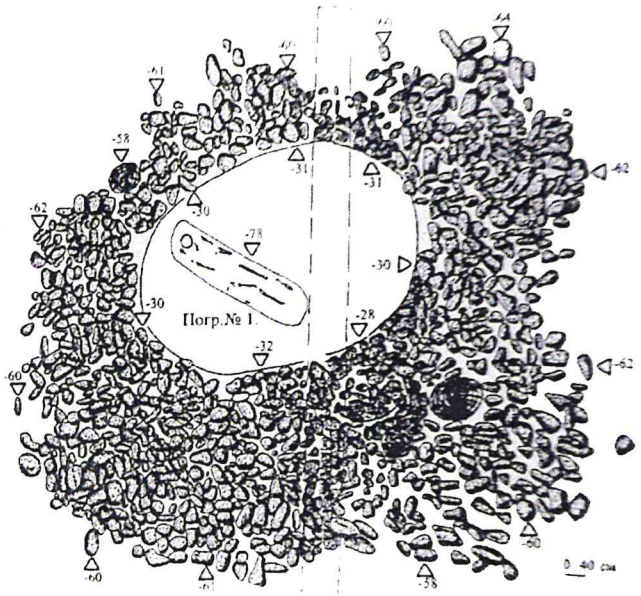

3. Профиль центральной бровки. Вид с востока.

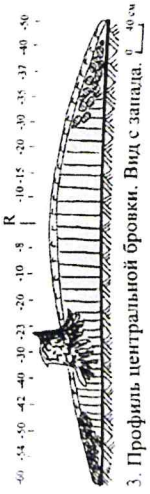

1. План кургана.

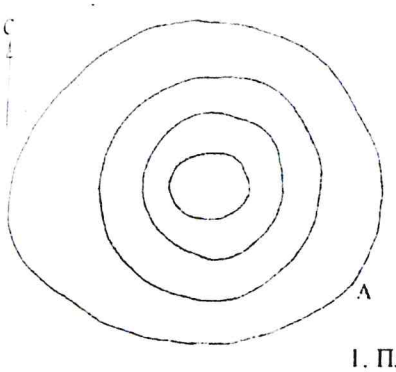
2

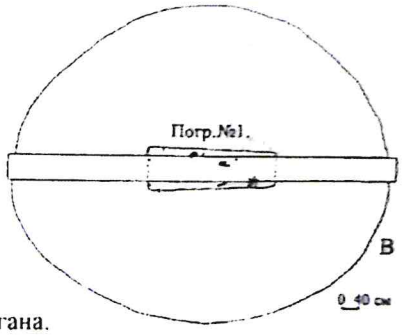

2. Кромлех.

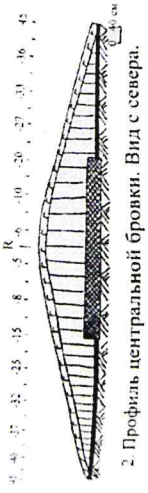
3. Профиль центральной бровки. Вид с запада.

1. Планы кургана.

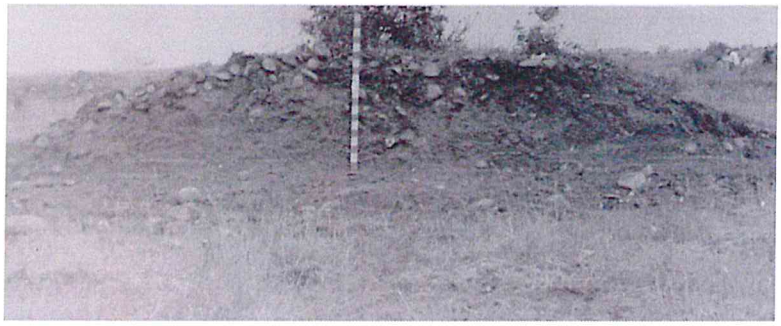
3

2. Профиль центральной бровки. Вид с севера.

Рис. 7. Тип I. Простая земляная насыпь. Вариант 1 и 2.

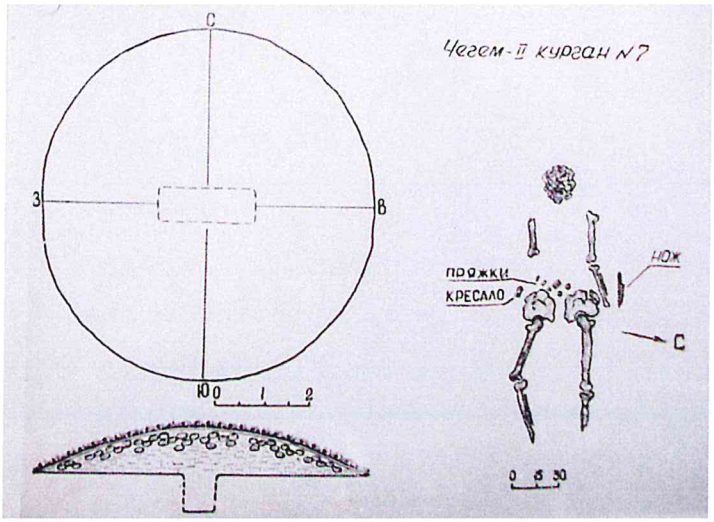
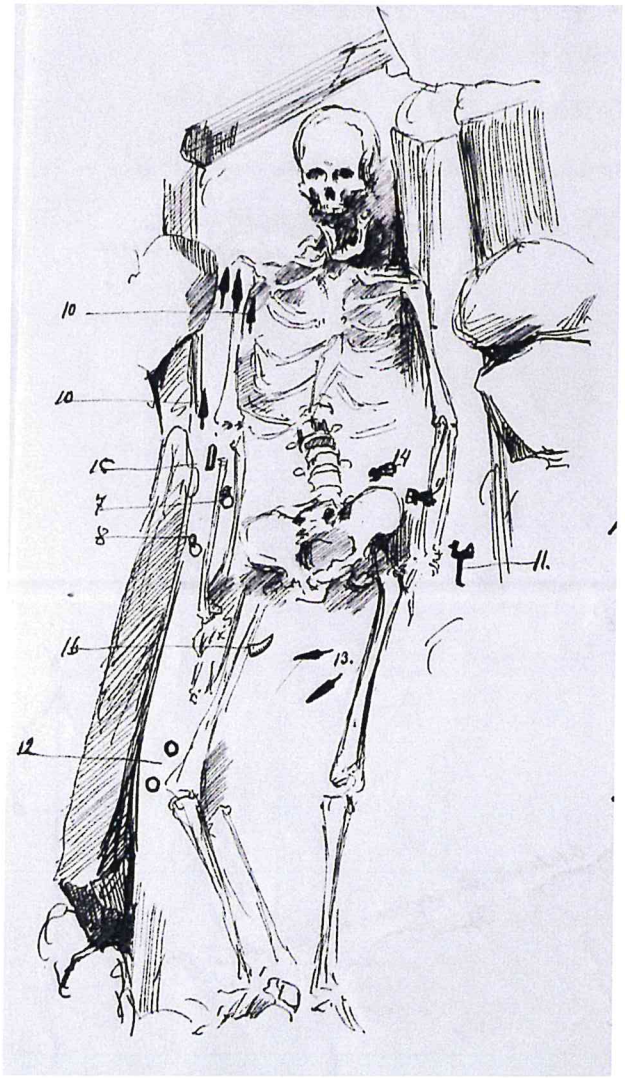

Рис. 8. Каменные панцири кабардинских курганов. Могильник №1 у се. Чегем II (По: Нагоев А.Х., 1972А).

1

2

3

Рис. 9. Группа II. Каменно-земляные насыпи. Тип I.
К. 2/14 могильника Куденетово II / №3 у сел. Чегем II
(По: 1. Нагоев А.Х., 1976А. Рис. 15; 2,3. Владимиров И.А. Ф.1. Д.215/1896. Л.47).

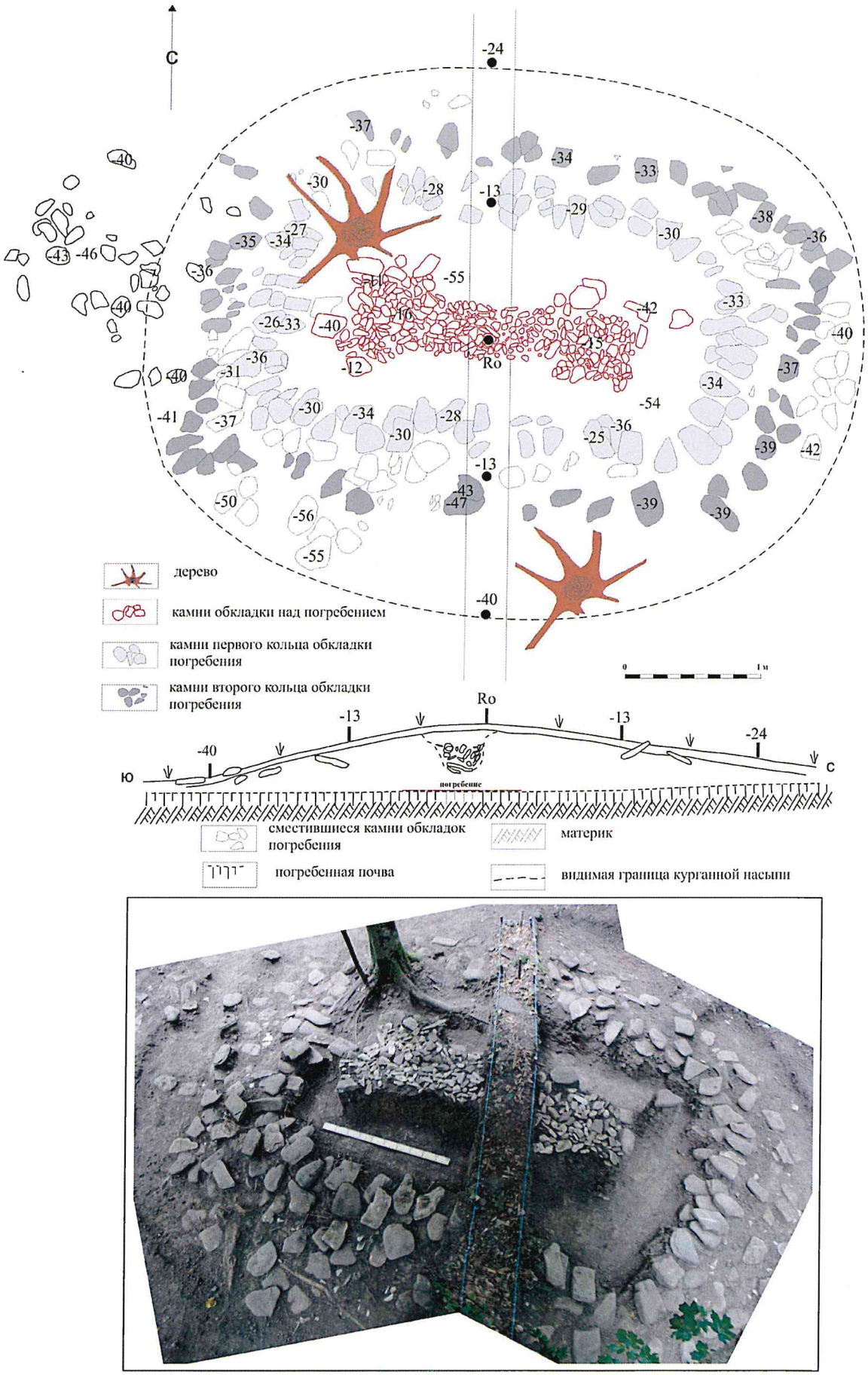
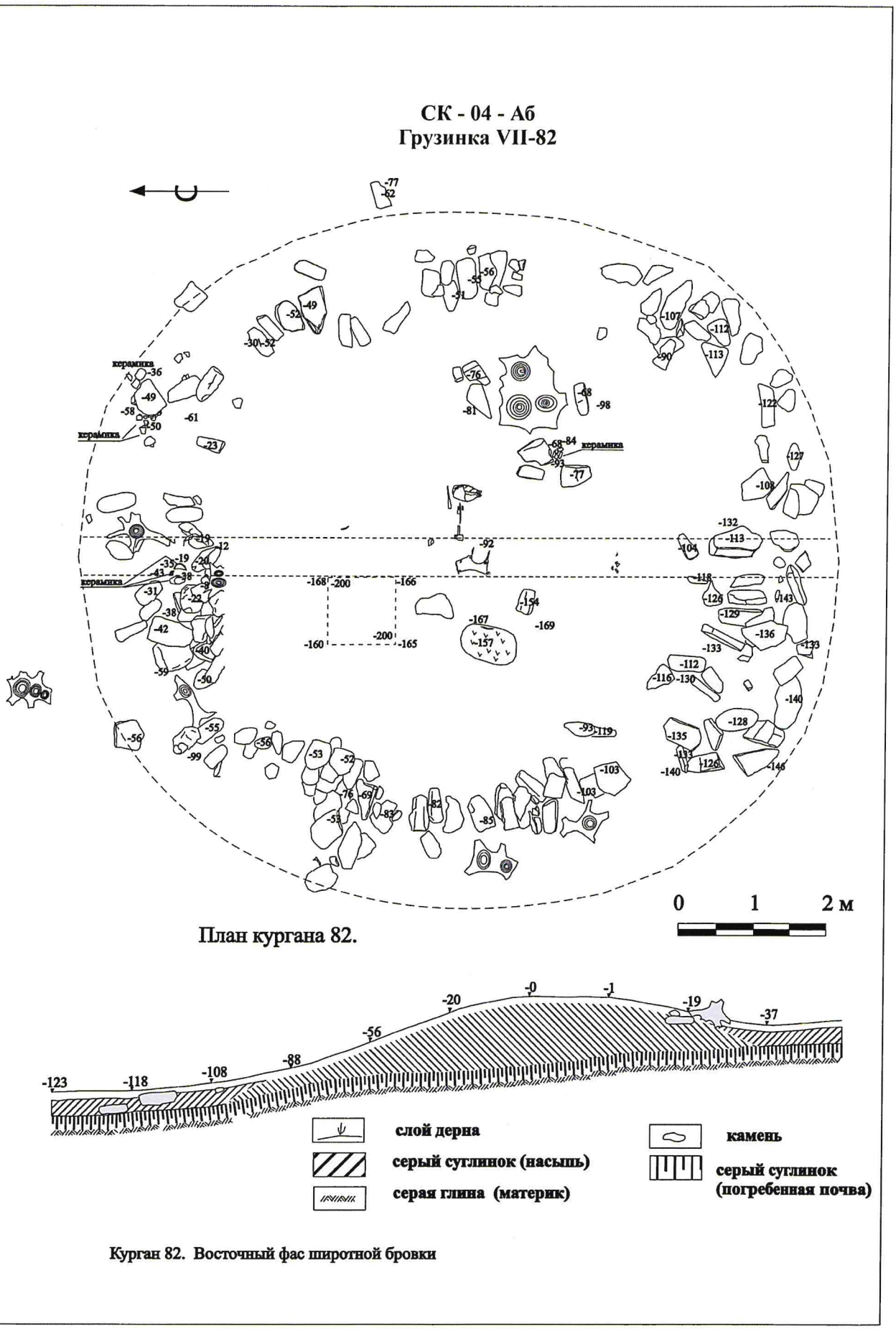

Рис. 10. Могильник Грузинка Ха, к. 46.

План кургана 82.

Курган 82. Восточный фас широтной бровки

Рис. 11. Могильник Грузинка VII, к. 82.

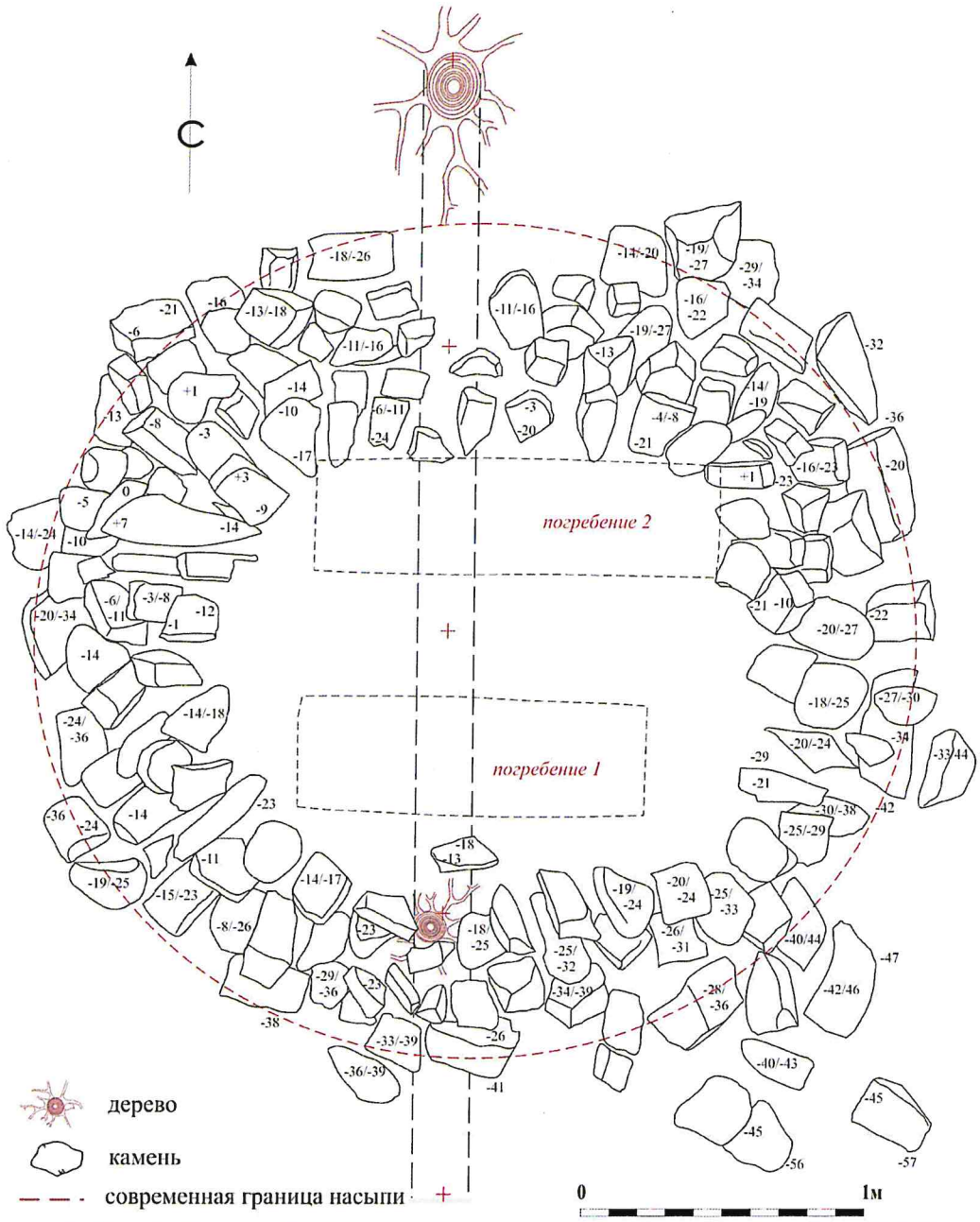

Рис. 12. Могильник Грузинка Хв, к. 4.

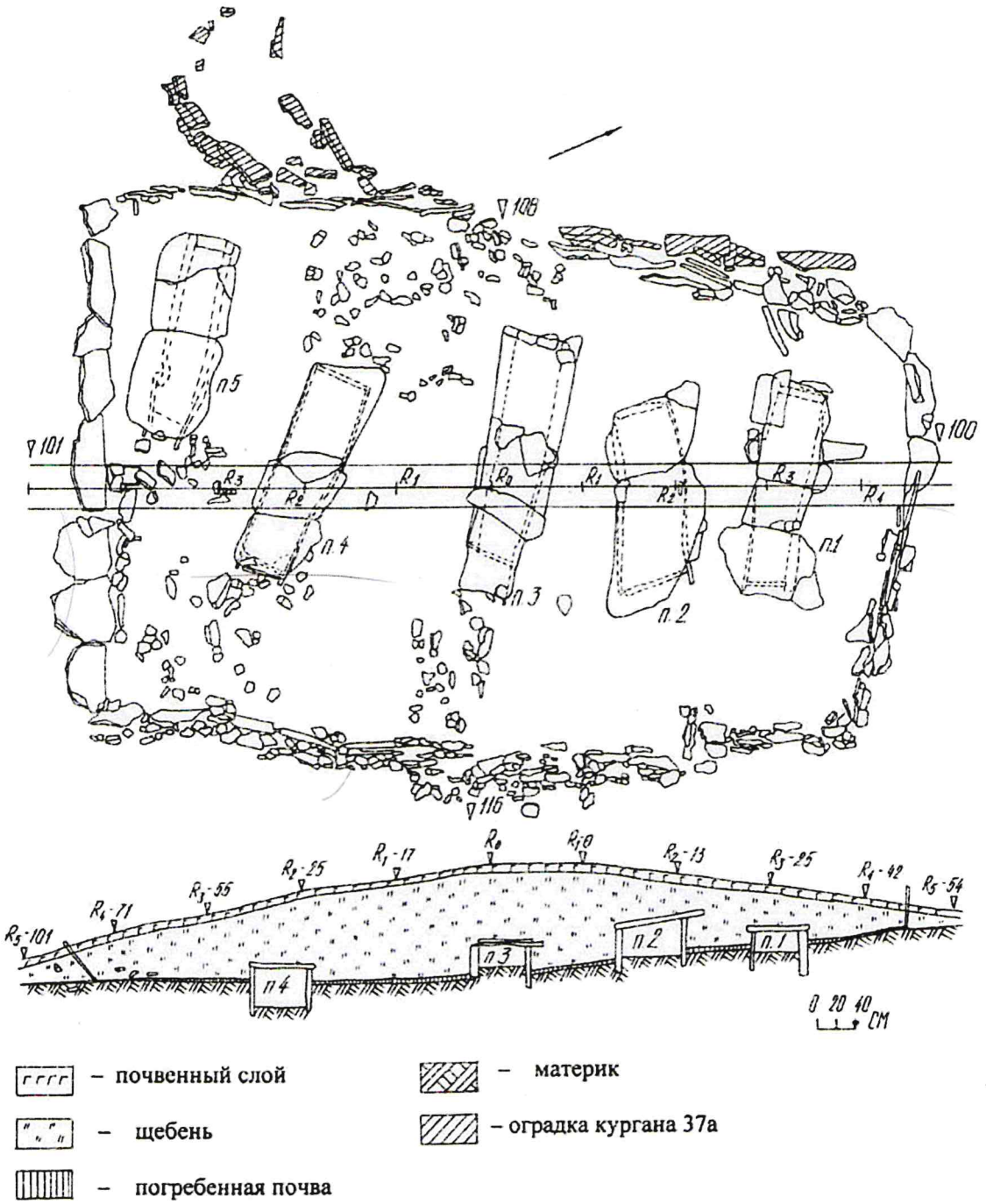

Рис. 13. Лобанова щель, к. 37.
(По: Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 190. Рис.2)

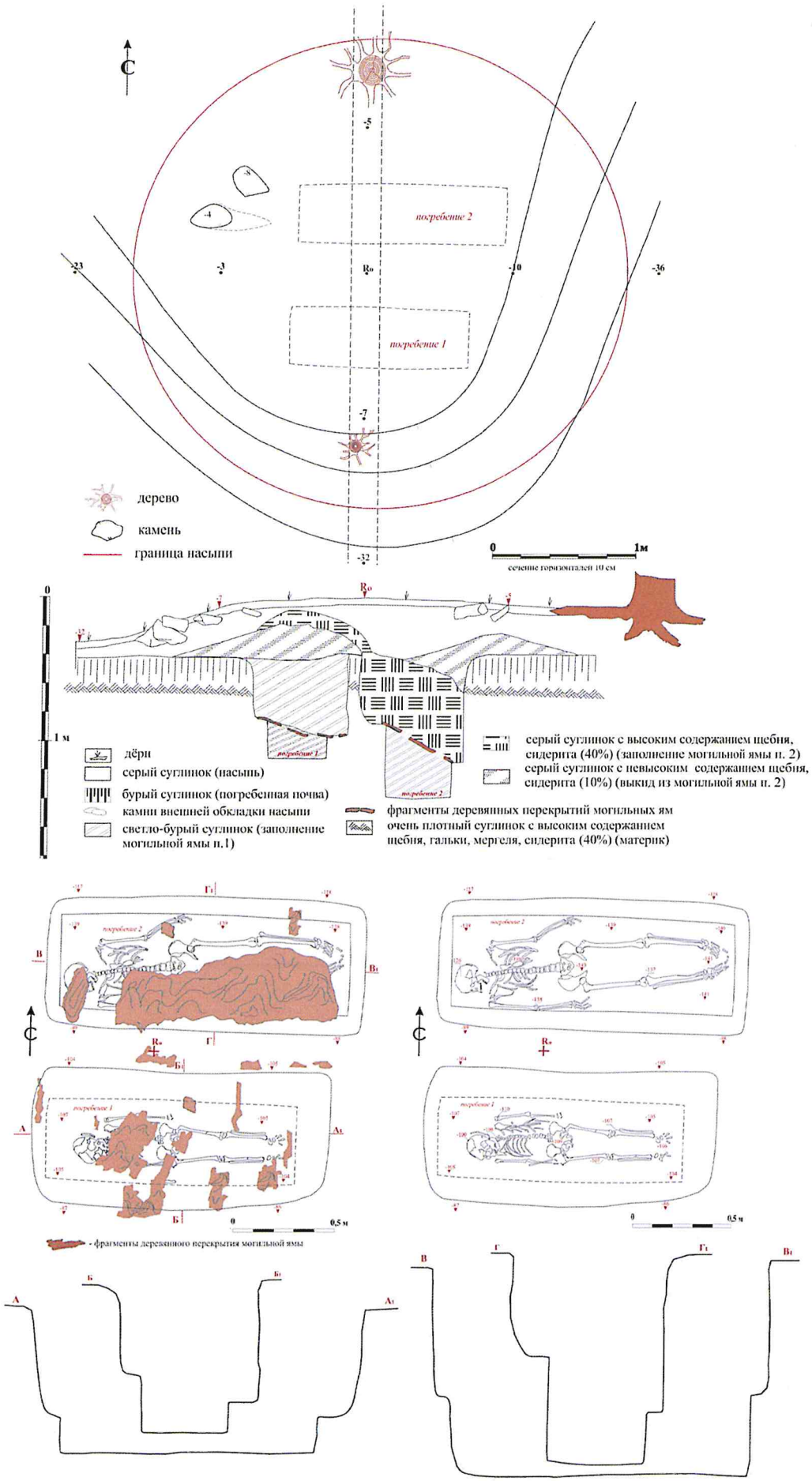

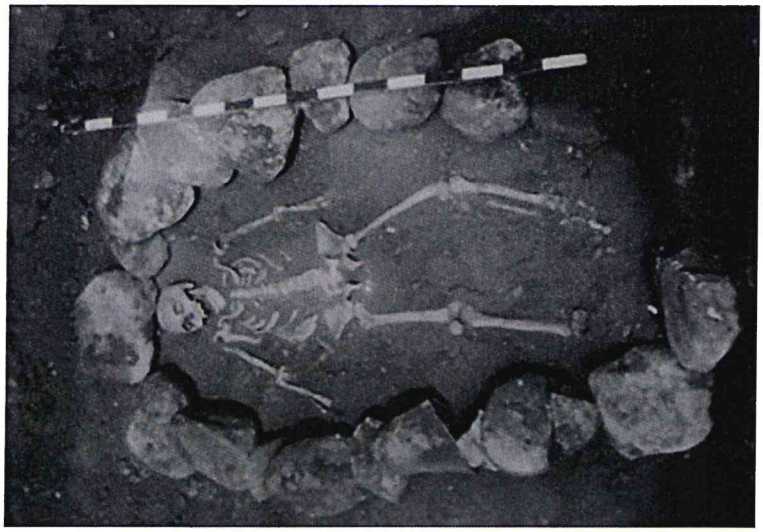
Рис. 14. Могильник Грузинка Хв, к. 4. План и профиль кургана и погребений 1,2

1

2

3

Рис. 15. Каменные простые погребальные конструкции.
1. Галечная подсыпка (мог. Грузинка Ха, к. 31); Обкладки погребения:
2 – к. 46, мог. Грузинка Ха; 3 – к. 6, мог. Бесленей, раскопки Алексеевой Е.П., 1957.

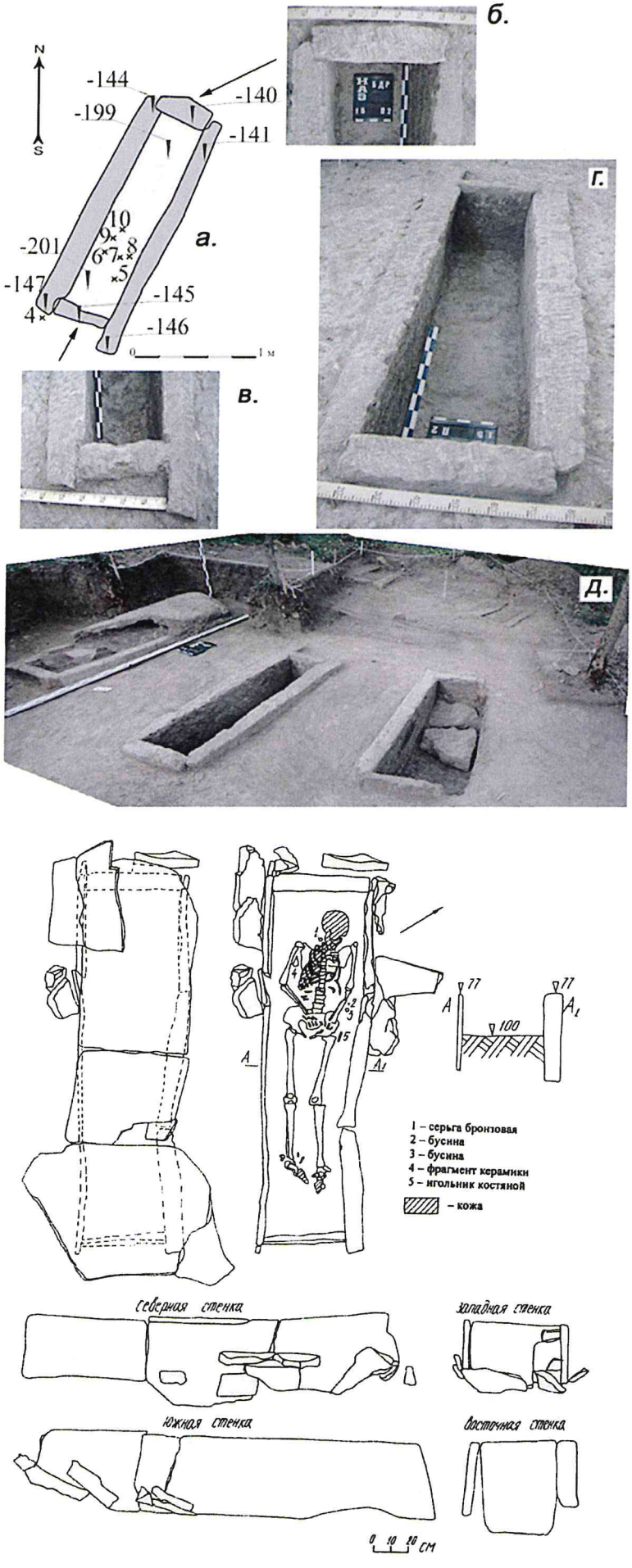

Рис. 16. Каменные ящики. 1. Могильник Бедричка, раскопки Лысанова В.Л., Малышева А.А., 2015 2 -, Лобанова щель, к. 37, п. 1 (По: Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 191. Рис.3)

1

2

2а

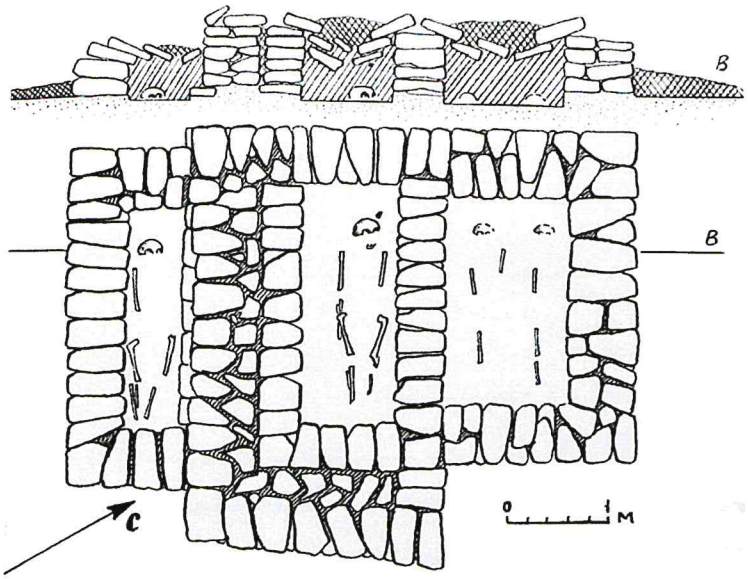

Рис. 17. Каменные гробницы-крепиды могильника: 1– Грузинка Ха, к. 2, вид с СЗ; 2, 2а – Грузинка Ха, к. 22 (общий вид с ЮВ, западный фас); 3 – план и разрез гробницы в ур. Кулаковка (по: Воронов Ю.Н., 1979. С. 108. Рис. 63).

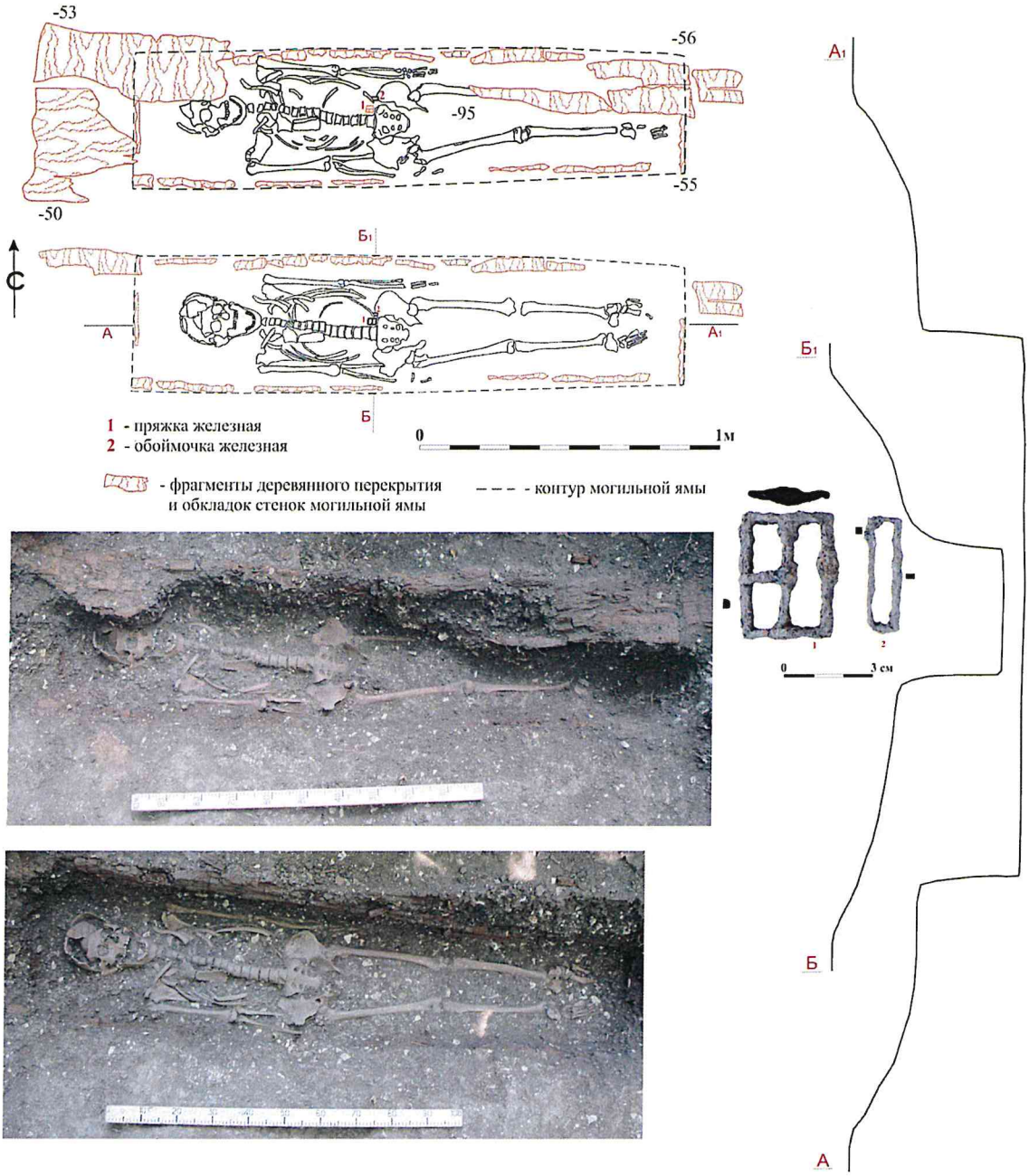

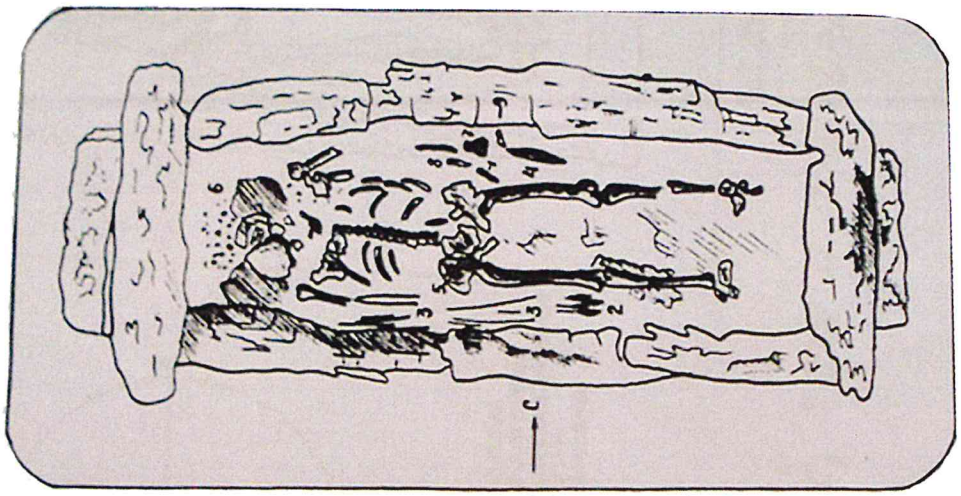
Рис. 18. Грузинка Хб, к. 3, деревянное перекрытие могильной ямы.

1

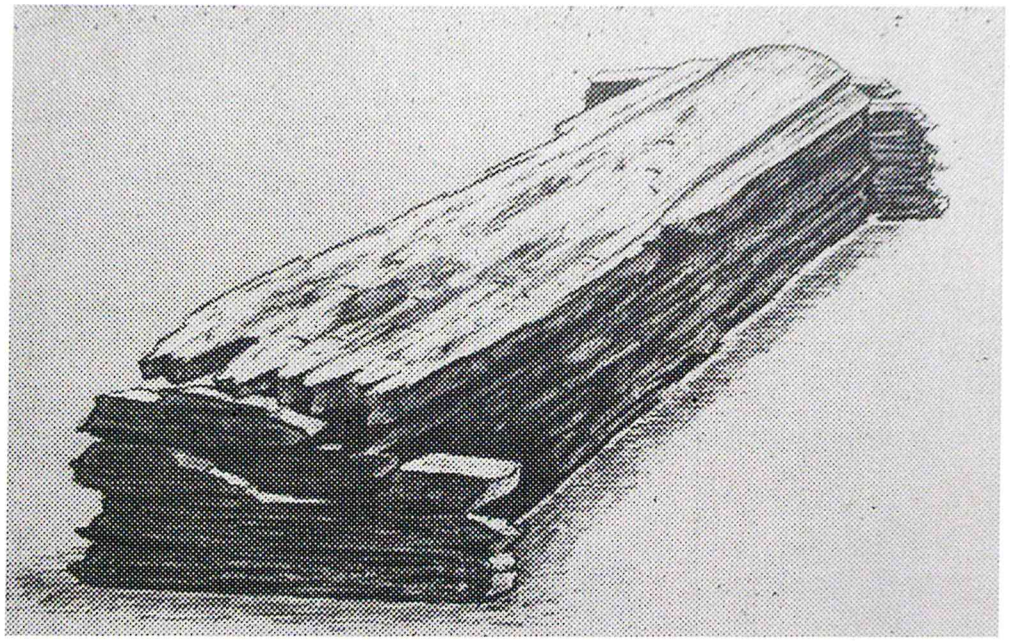

2

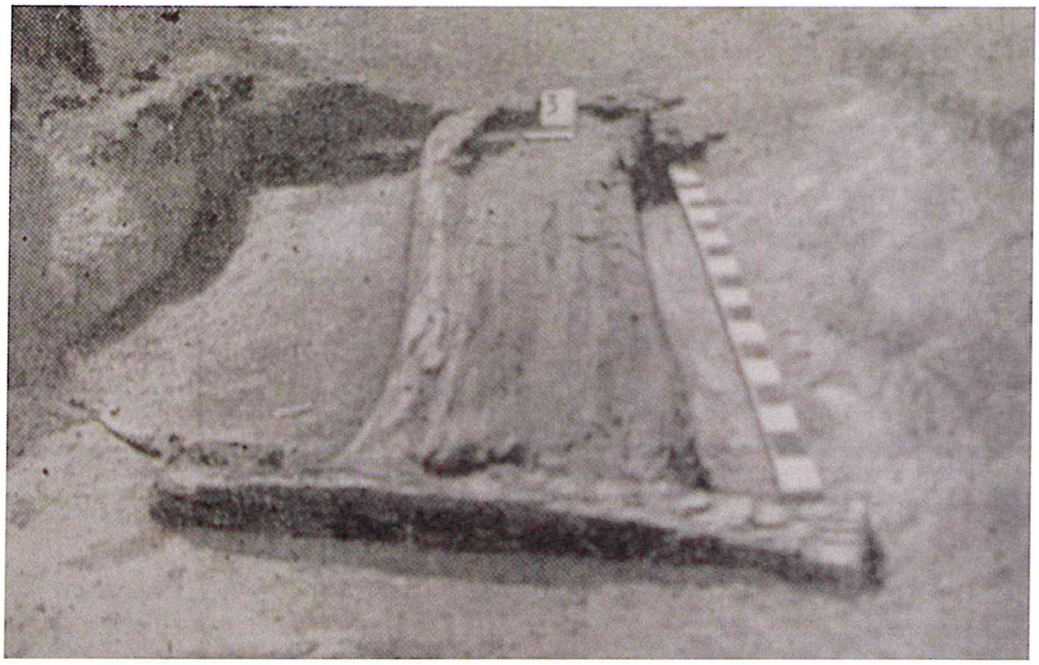

3

Рис. 19. Дубовый гроб из к. 2 мог. №4 у сел. Чегем II: 1,2
(по: Нагоев А.Х., 2000. С. 42, 58. Рис. 3,14).

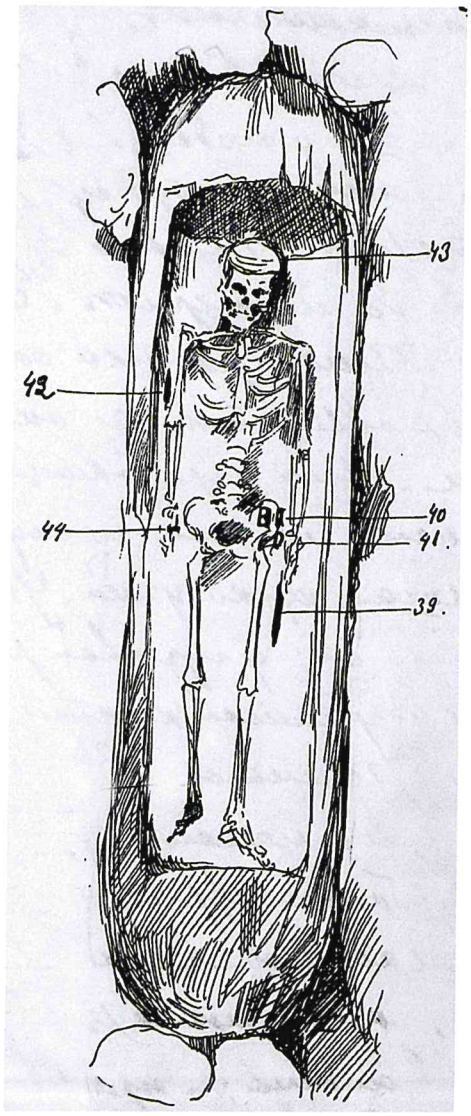

1

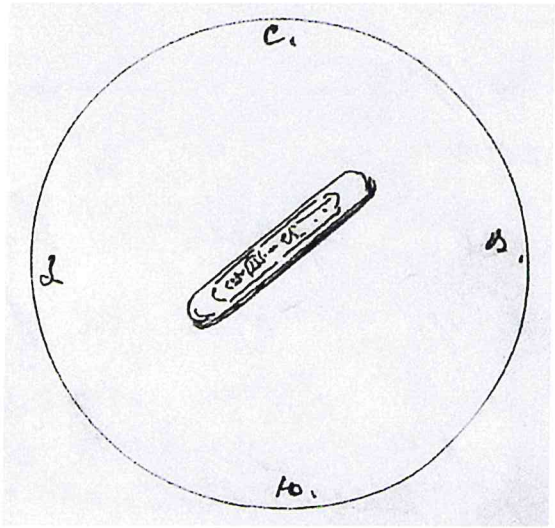

2

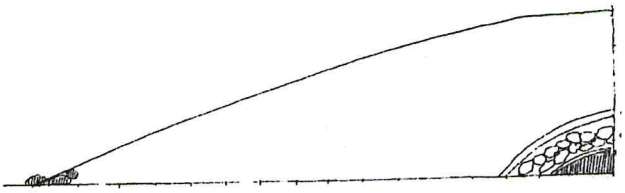
Рис. 20. Деревянные гробы: 1 – из курганного могильника №3 у сел. Чегем II (по: Чеченов И.М., 1969. С. 85. Рис. 47), 2 – из к. 2 могильника Нижний Черек (по: Нагоев А.Х., 1970. С.114. Рис. 2)

1

2

3

4

Рис. 21. Погребение в колоде из к. 1 могильника на второй версте по шоссе из Нальчика Раскопки И.А. Владимирова, 1897 г.: 1 – план погребения, 2, 3 – план-схема и разрез кургана, 4 – инвентарь из погребения.

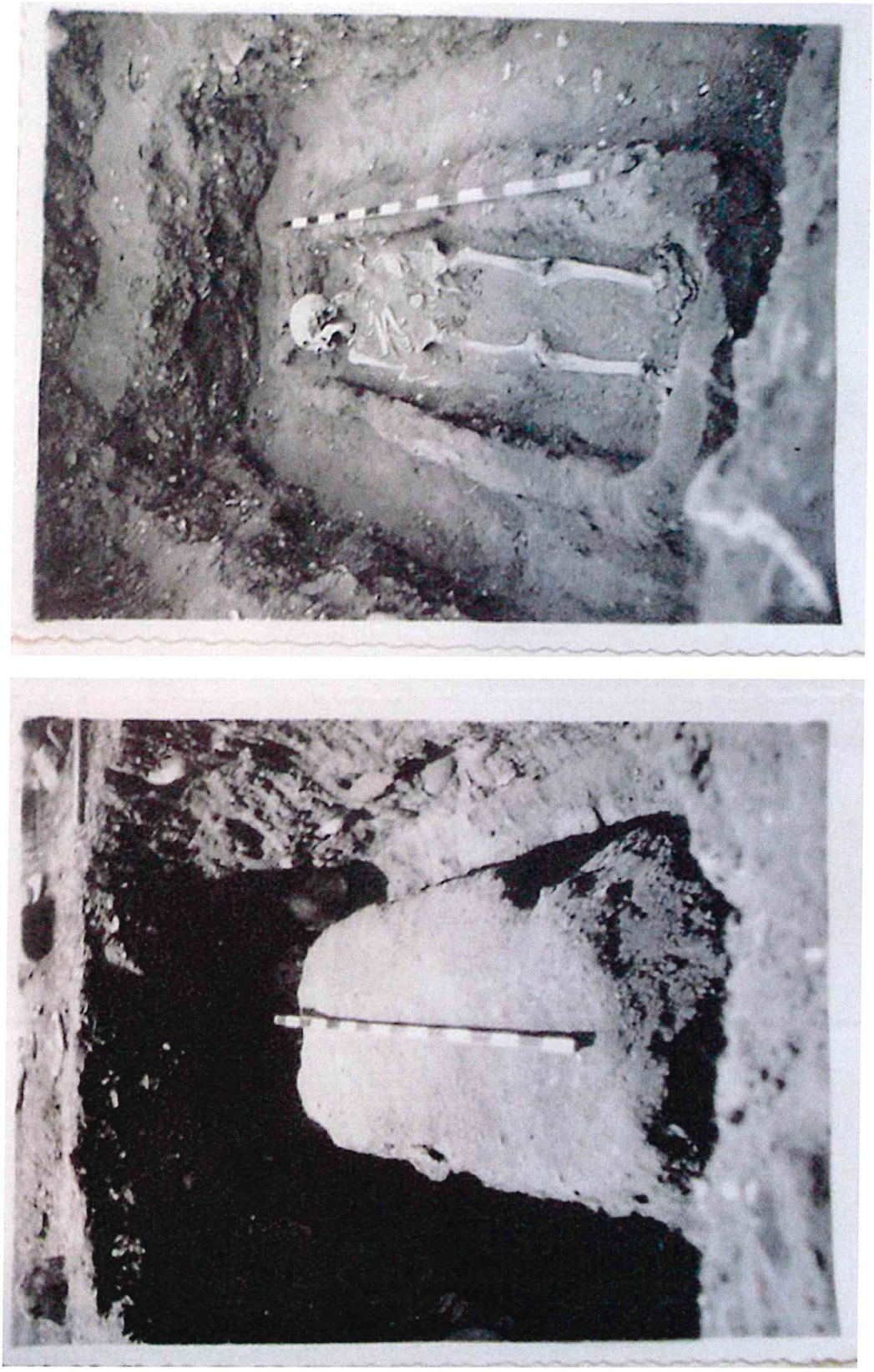
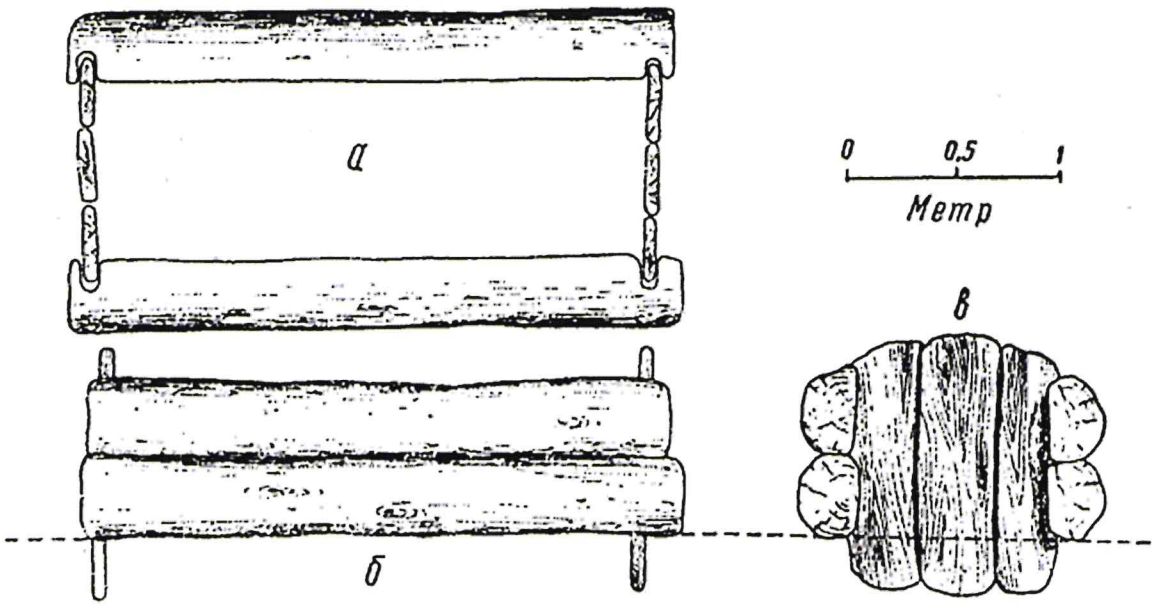
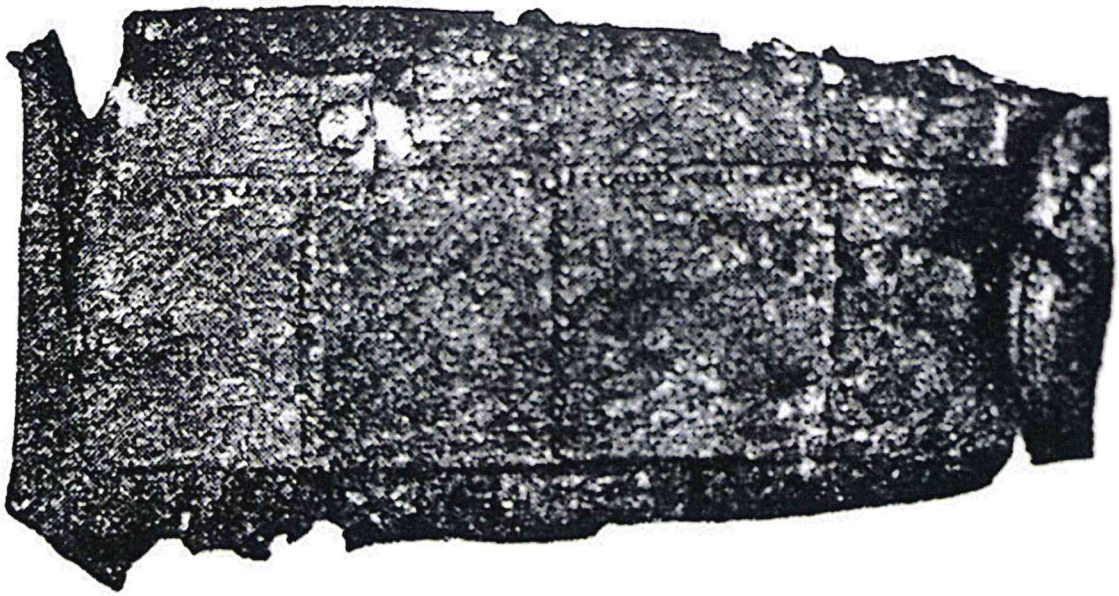

Рис. 22. Погребение в гробу, перекрытом крышкой-полуколодой, к. 9, мог. Бесленей (по: Алексеева Е.П., 1957А. Л.8: 2-3).

Деревянный склеп:
а — план; б — продольная стенка; в — поперечная стенка

Рис. 23. Реконструкция склепов из Белореченских курганов
(по: Левашева В.П., 1953. С. 168. Рис. 1)

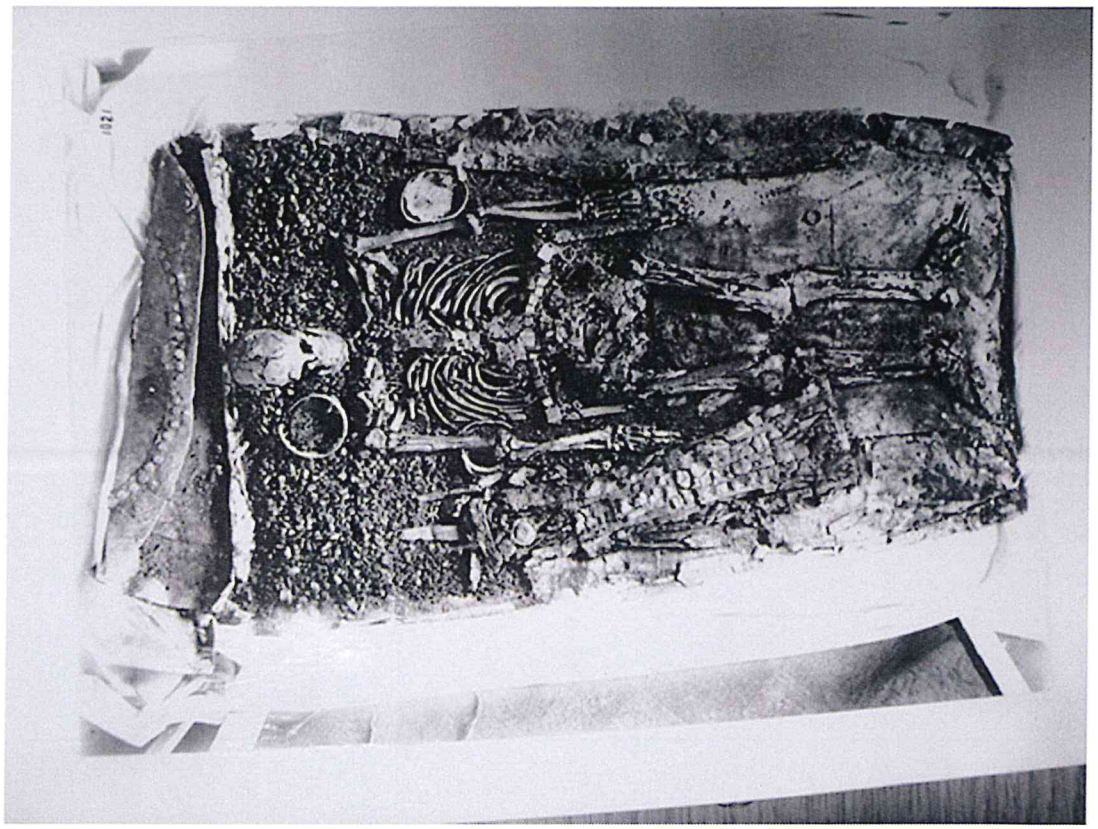

Рис. 24. Медный гроб из кургана №1 у ст. Белореченская,
раскопки Н.И. Веселовского 1897 г.

Рис. 25. Угольная прослойка под погребенным в гробнице-крепиде к. 22 мог. Грузинка Ха.

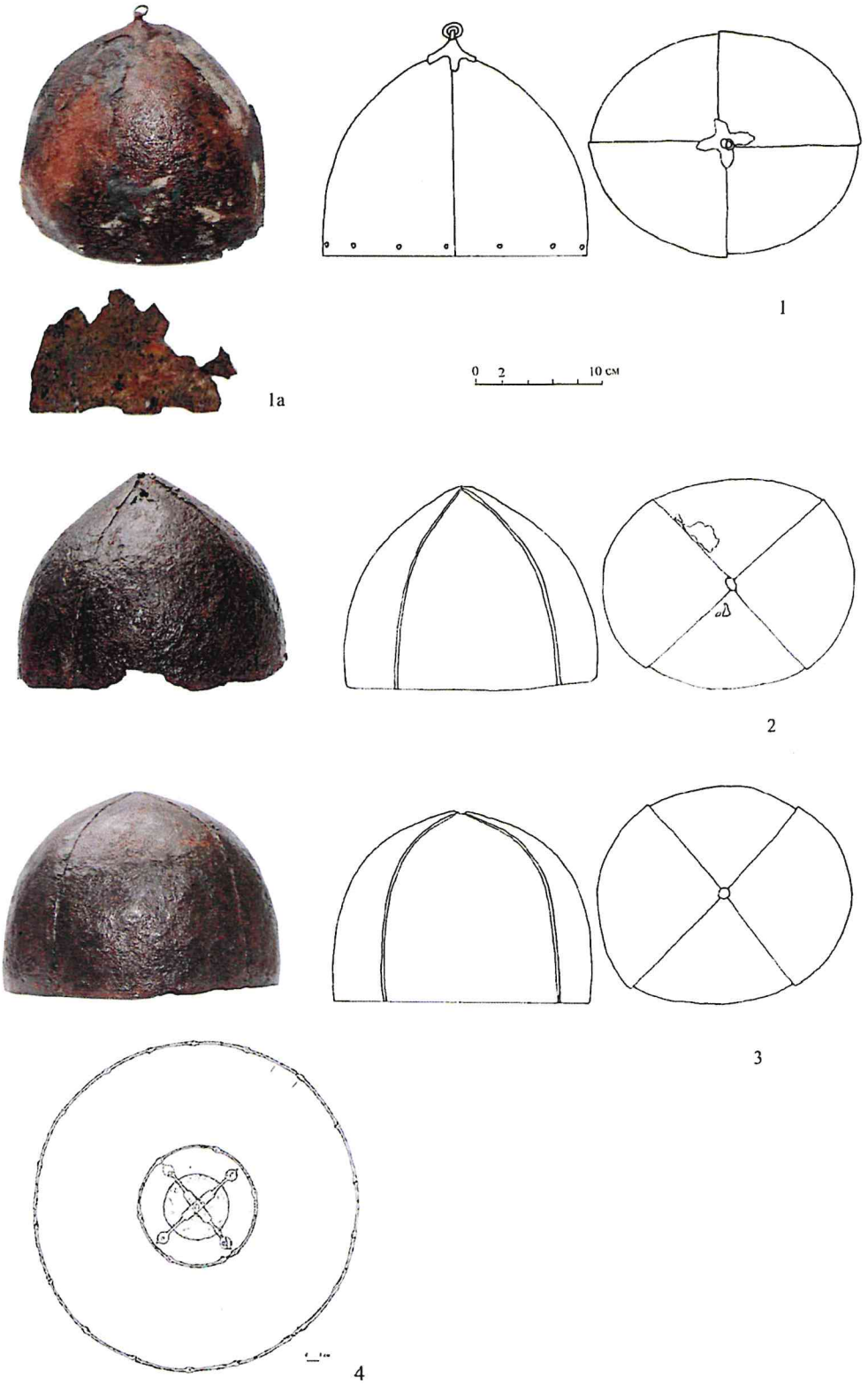

Рис. 26. Предметы вооружения: шлемы из погребений могильника Сидоренкова щель:
1. Шлемы: 1, 1а – кург. 11, погр.2; 2 – кург. 13, погр. 2; 3 – кург. 15, погр. 1
(по: Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018а); 4 – умбон щита из к. 4 мог. Медовеевка 1
(по: Василиненко Д.Э., 2008. С. 276, Рис. 10)

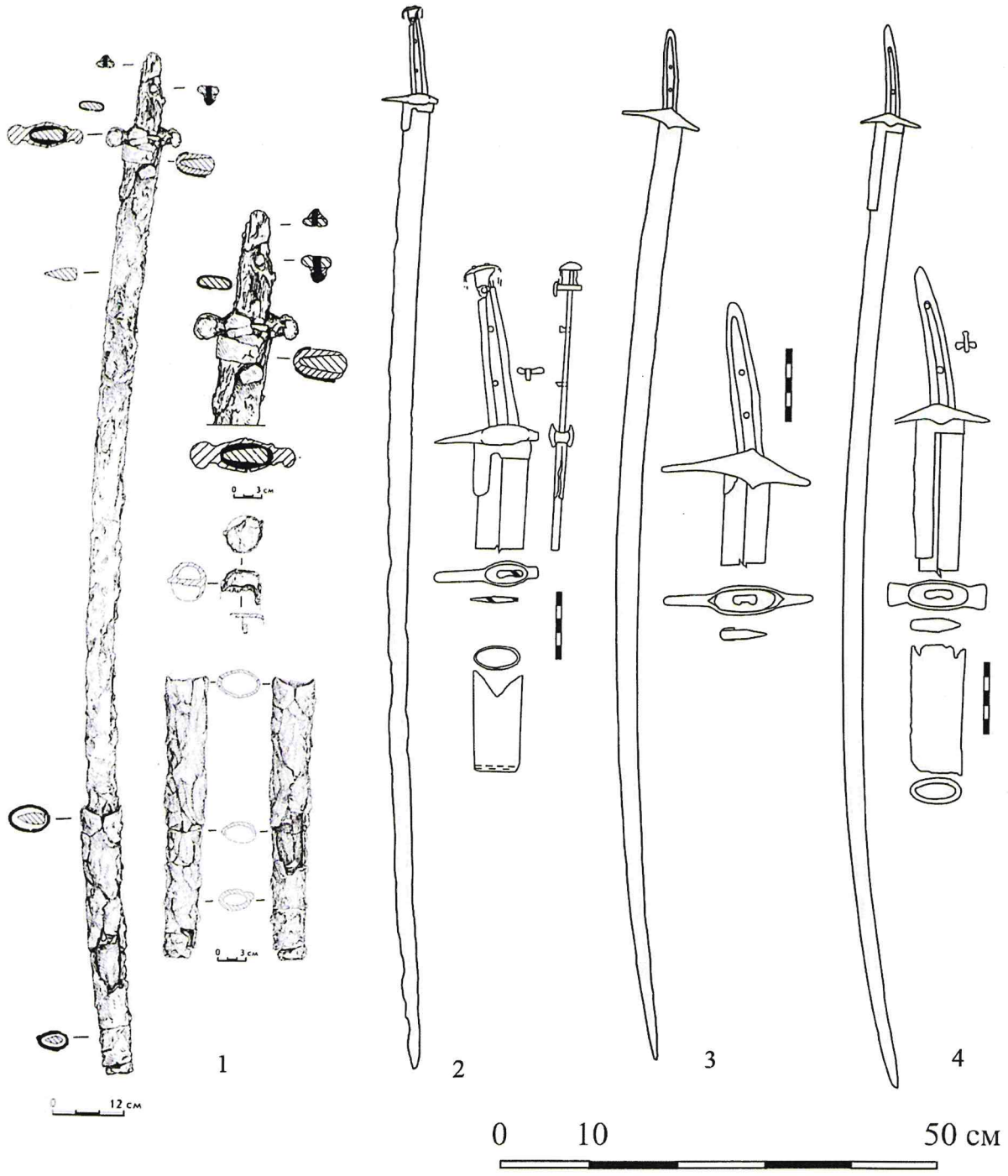

Рис. 27. Сабли из комплексов второй пол. XIII–первой пол. XIV вв.:
1 – об. 1, Носовцева поляна 1 (по: Василиненко Д.Э., 2007. С. 254. Рис. 8,1),
2–4 – из мог. Сидоренкова щель: 2 – кург.1, погр. 5; 3 – кург. 3, погр.1;
4 – кург. 11, погр.1 (по: Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018а. Рис. 2)

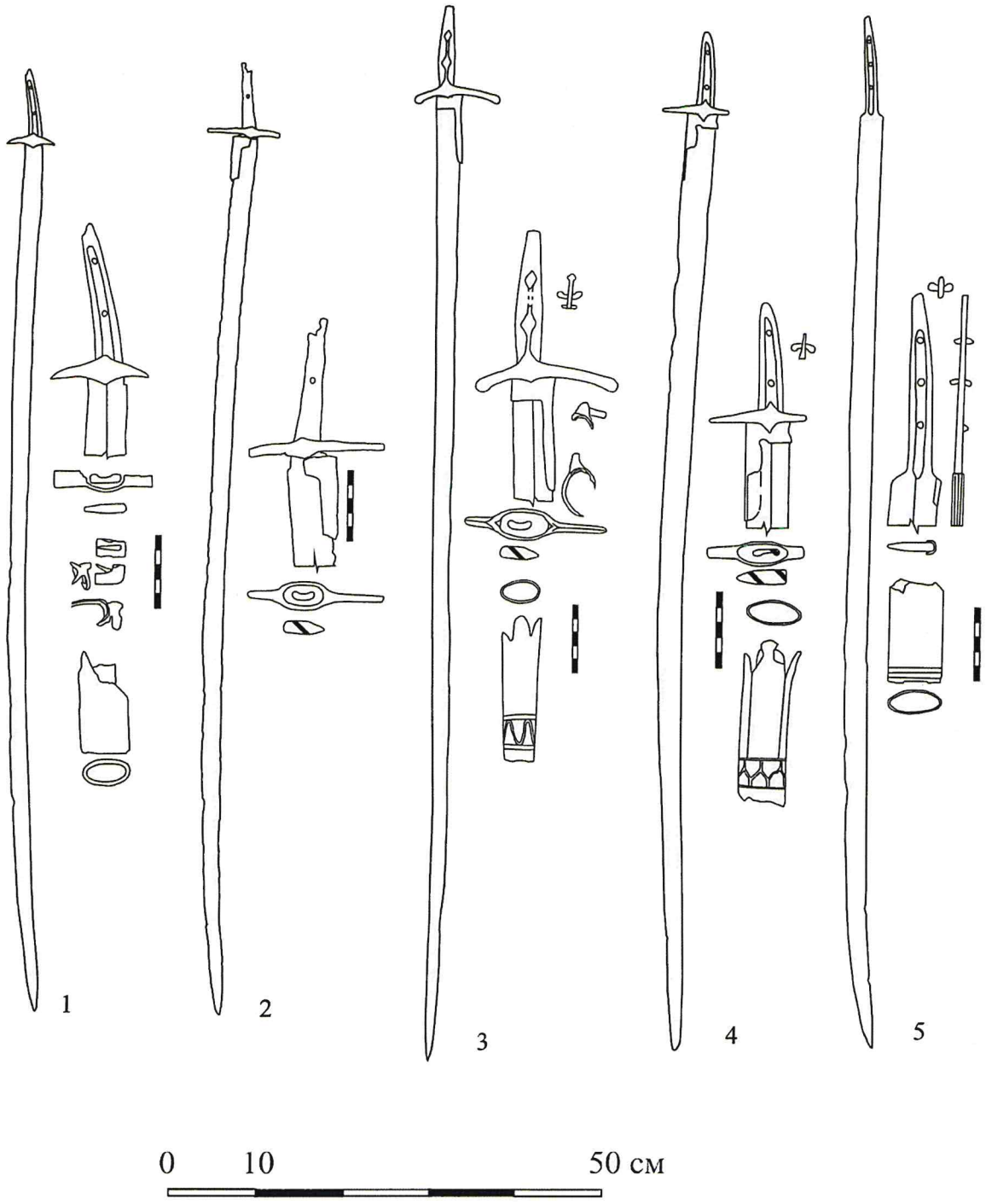

Рис. 28. Сабли из комплексов второй пол. XIII–первой пол. XIV вв.
мог. Сидоренкова щель: 1 – кург. 11, погр.2; 2– кург. 12, погр.1;
3 – кург. 13, погр.2; 4 – кург. 15, погр.1; 5 – пл.16, погр.1
(по: Дмитриев А.В., Дружинина И.А., 2018а. Рис. 2).

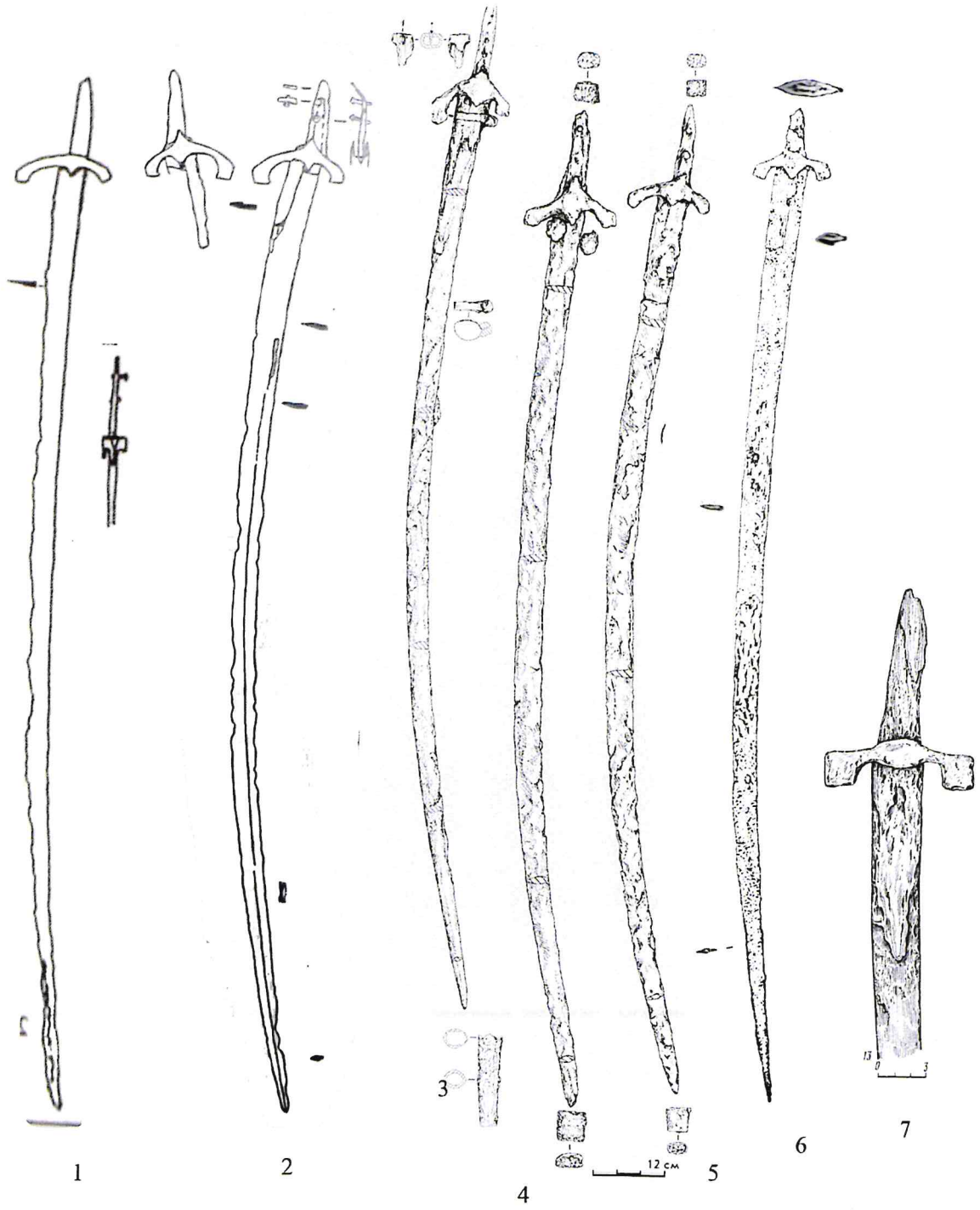

Рис. 29. Сабли XIV в.:
1 – Кабардинка, к. 20 (по: Носкова Л.М., 2010. С. 192, Рис. 9,22), 2 – ст. Белореченская (по: Курмановский В.С., 2014. С. 159. Рис.4), 3 – 5 – Носовцева Поляна 1, об. 1 (по: Василиненко Д.Э., 2007. С. 253, 259, 261. Рис. 7,1; 11,1; 12,1), 6 – Центрлаба 2 3/1 (по: Пьянков А.В., 2004. С. 304. Рис. 6, 2), 7 – Новосвободная (по: Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991).

Рис. 30. Сабля из к. 1 у ст. Белореченская, 1897 и ее изобразительные аналоги
1- сабля с серебряной фурнитурой (дл. 112 см), погр. 1, кург. 1 Белореченского мог. (раскопки Н.И. Веселовского 1897 г.); 2-7 - детали миниатюр рукописи "Шах-намэ" из бывшего собр. Демотта, Тебриз, 30-е гг. 14 в.

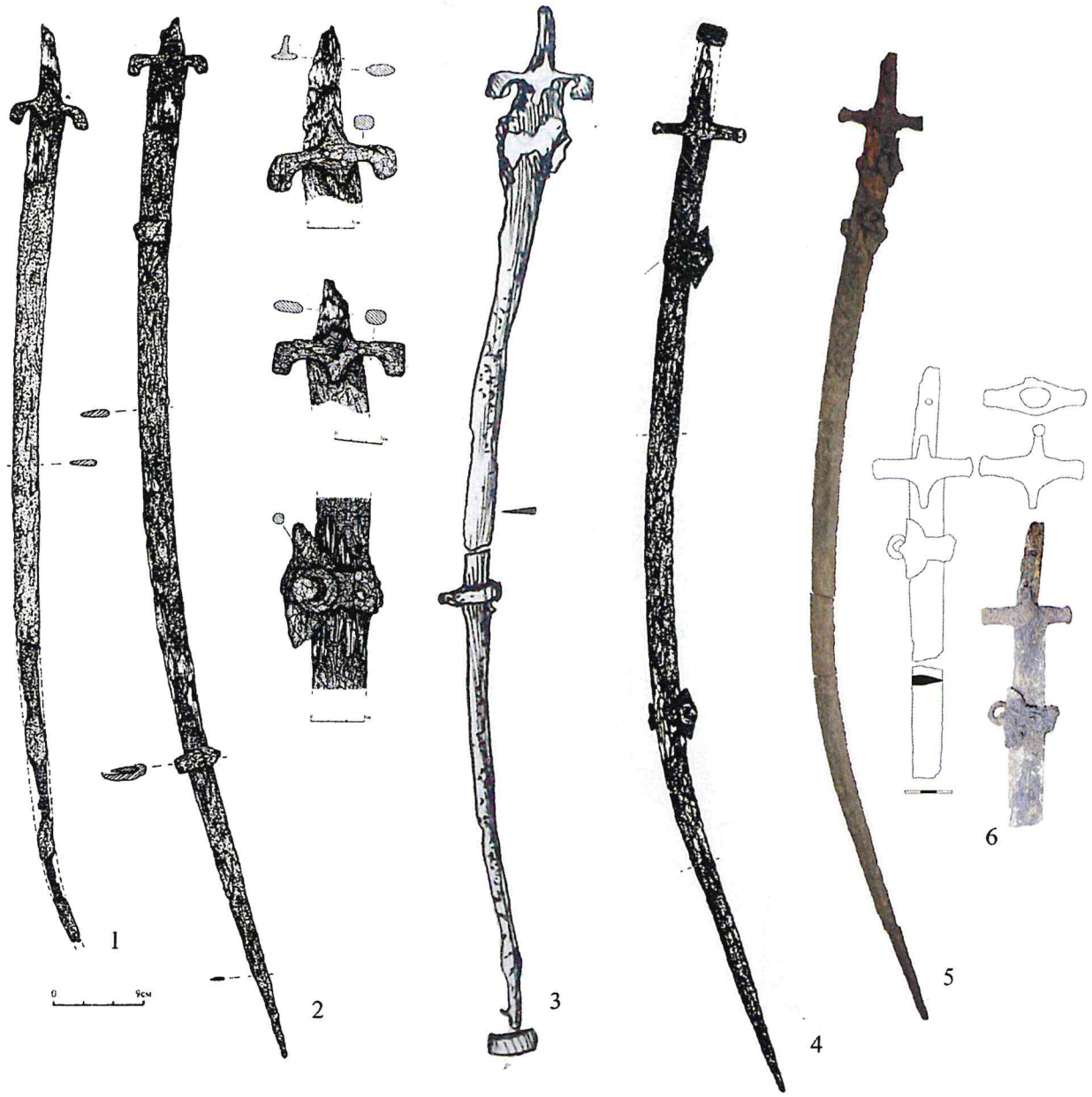

Рис. 31. Сабли XV–XVI в.
Иноземцево 1: 1 – к. 13, 2 – к. 14, 4 – к. 6 (по: Березин С.Я. и др., 2007. С. 227, 236-237. Рис. 11, 23–24), 3 – к. 6, Шалушка (по: Нагоев А.Х., 2000. С. 52. Рис. 10,6), 5 – к. 1 Псекупская 3 (По: Дружинина И.А., 2010А), 6 – ст. Абинская, раскопки Н.И. Веселовского (по: ОАК за 1903 г. С.77)

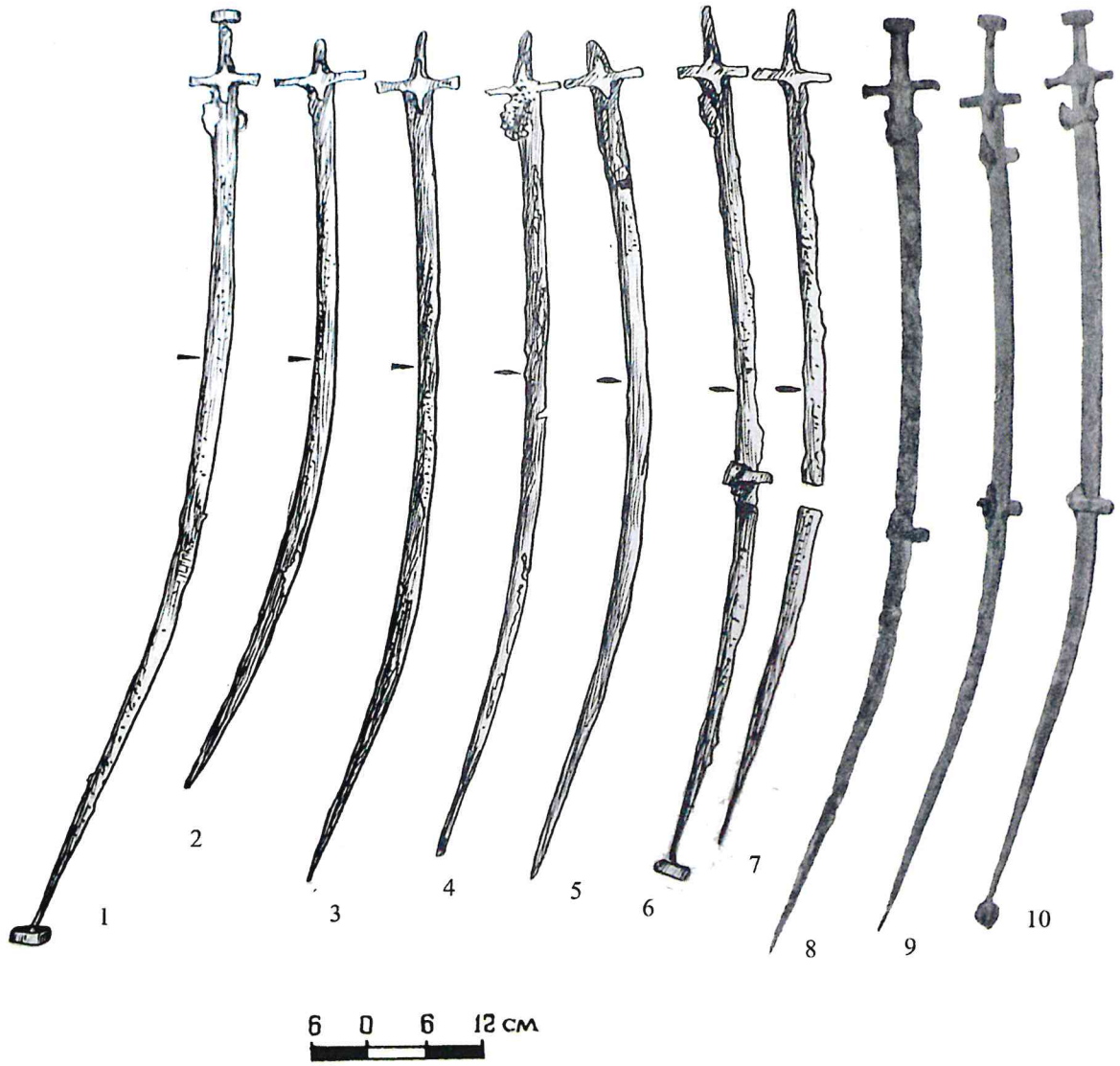

Рис. 32. Сабли XVI–XVII вв.
1–4,6–7 – из мог. Шалушка, 5 – мог. Лечинкай (по: Нагоев А.Х., 2000. С. 52. Рис. 10) ,
8–10 – мог. Бамутский (по: Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 227. Рис. 10).

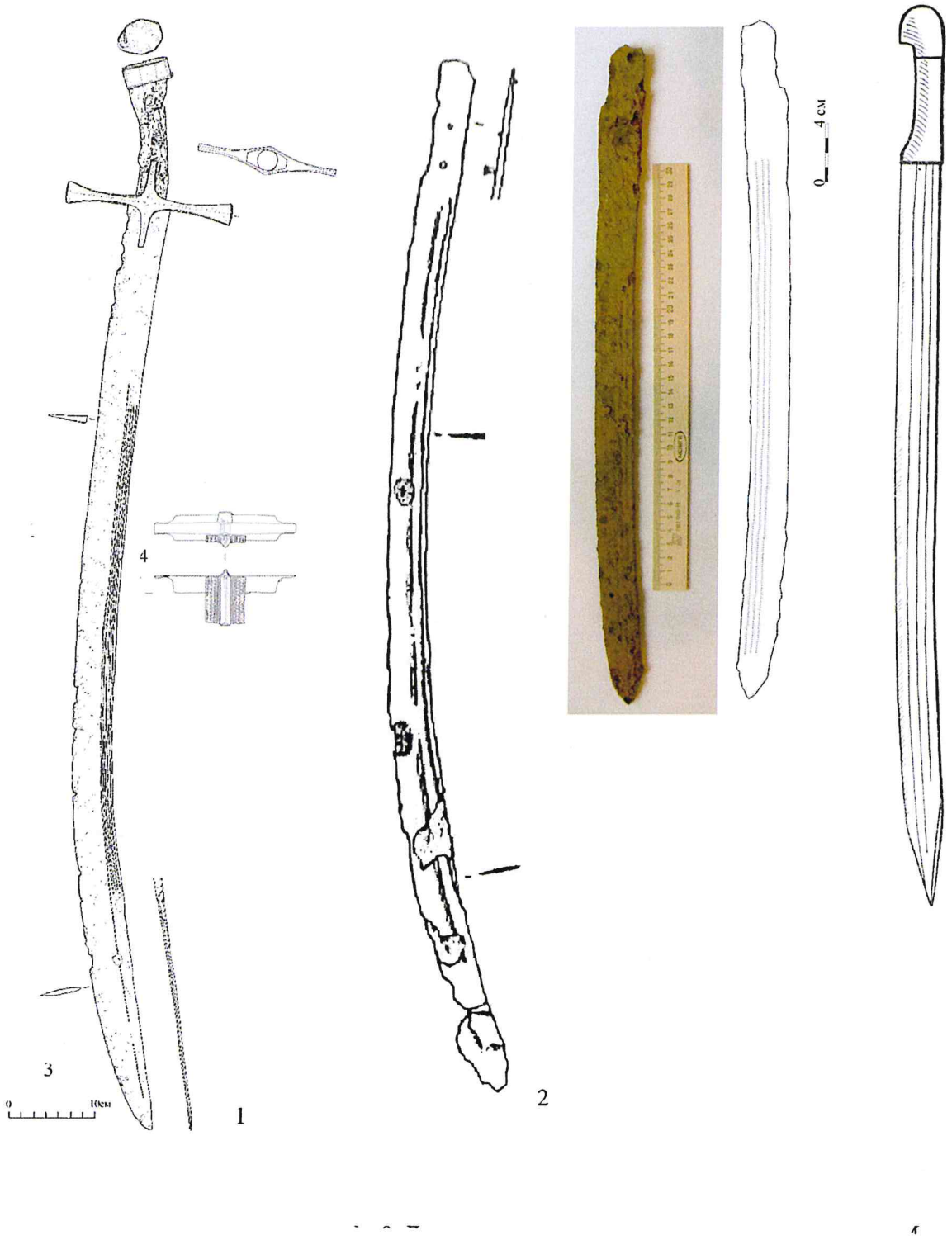

Рис. 33.Сабля (1) и шашки.
1 – Черноморка 2 14/1 (по: Дедюлькин А.В., Курмановский В.С., 2018. С. 248. Рис.8),
2 – Бжид 2, к. 9 (Шишлов А.В. и др., 2003), 3 – Лысенков I 1/1
(по: Дружинина И.А., 2009А), 4 колчанная сабля из фондов РЭМ
(по: Панеш Э.Х., 1989. С. 68-70. Рис. 2).

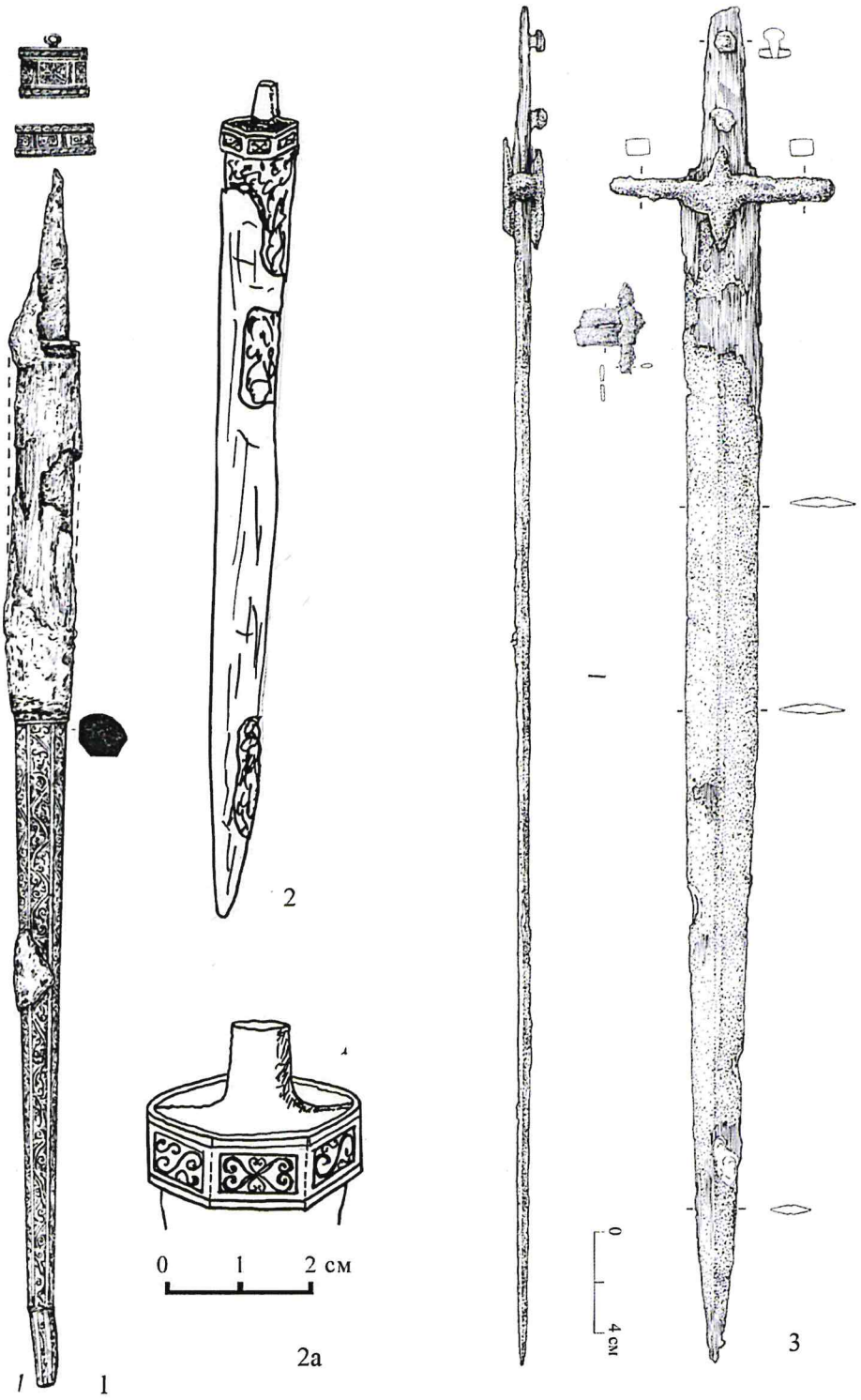

Рис. 34. Длинные ножи (1,2) и кинжал (3):
1 – Новосвободная (по: Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991),
2 – Жако 4/1 (по: Алексеева Е.П., 1971. С. 351. Таб. 40, 11а,б),
3 – мог. на пос. Жукова, 23 (по: Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А., 2012. С. 183, рис. 1).

Рис. 35. Наконечники копий из комплексов XIII–XIV вв.:
1 – Из-под Туапсе (ГИМ, Москва,Инв. № 26768), 2 – Кабардинка, к. 29 (по: Носкова Л.М., 2010. С. 196. Рис. 13.4), 3 - Кабардинка, к. 25 (по: Носкова Л.М., 2010. С. 195. Рис. 12.37),
5 –к. 1 мог. в 1 версте от Геленджикской бухты (раскопки В.И. Сизова, 1881)
,6 – Кабардинка 37/1 (Носкова Л.М, 2010. С. 198. Рис. 15,11),
7 – Азаренский 1 7/2 (Баранюк А.В., Сазонов А.А., 2009А. Илл. 265).

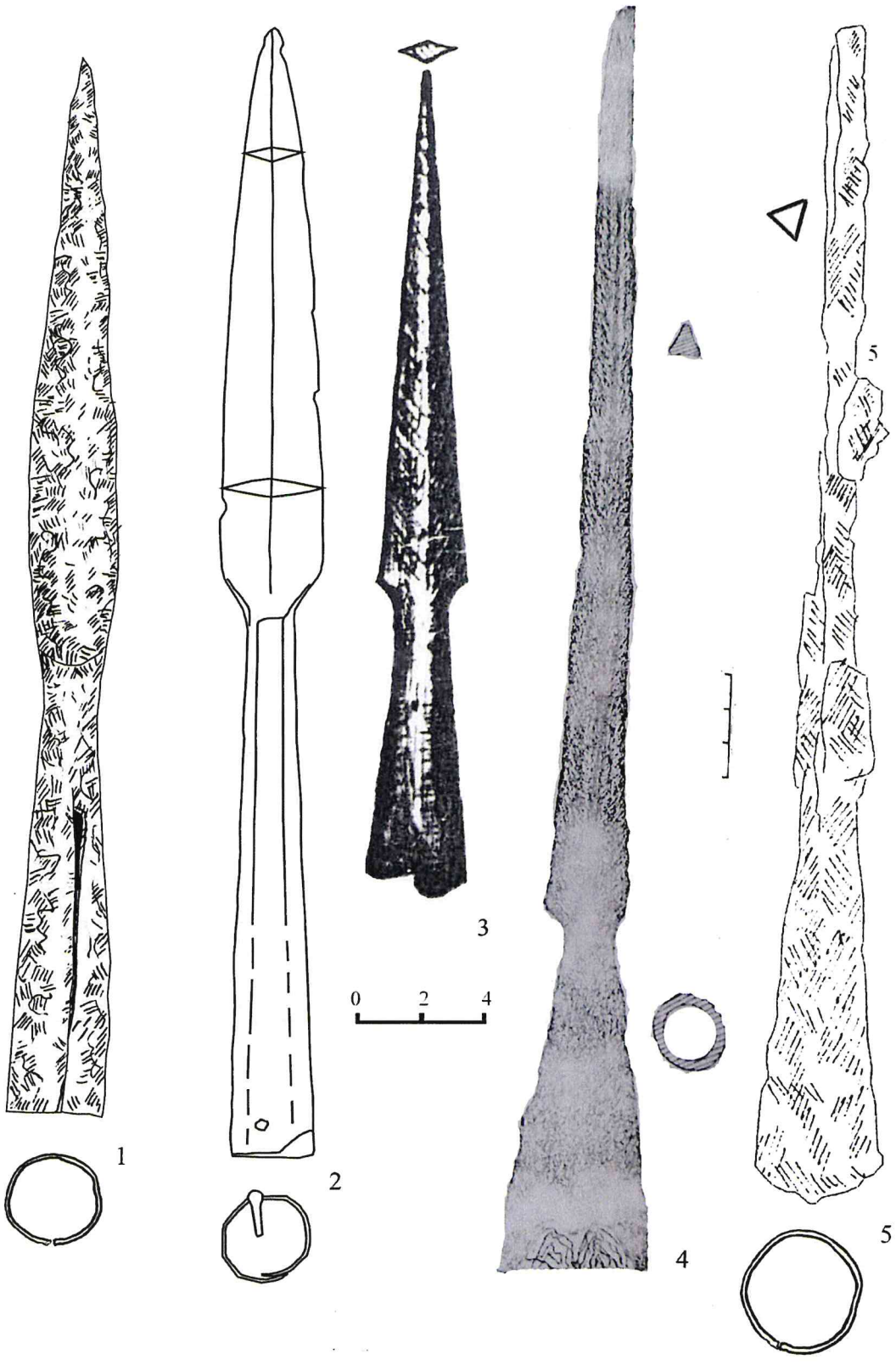

Рис. 36. Наконечники копий из комплексов XIII в. (1) и XIV–XV вв. (2–5):
1 – к. 4 мог. у ст. Кужорская (по: Дружинина И.А., 2013. С. 127-133).
2 – Грузинка VII 54/1, 82/1 (Дружинина И.А., 2009А) (Рис. 36,2);
3 – мог. в устье р. Байтал-Чапкан 12/1 (Текеев Г. Х.-У., 1977А. Рис. 21,1),
4 - № 24 могильника у МТФ-3 близ ст. Старокорсунской (Голубев Л.Э., 1997. С. 118. Рис. 2), 5 - кургане XVIII пятигорского могильника Урочище Гора (По: Дружинина И.А., 2007. С. 135, Рис. 3,5).

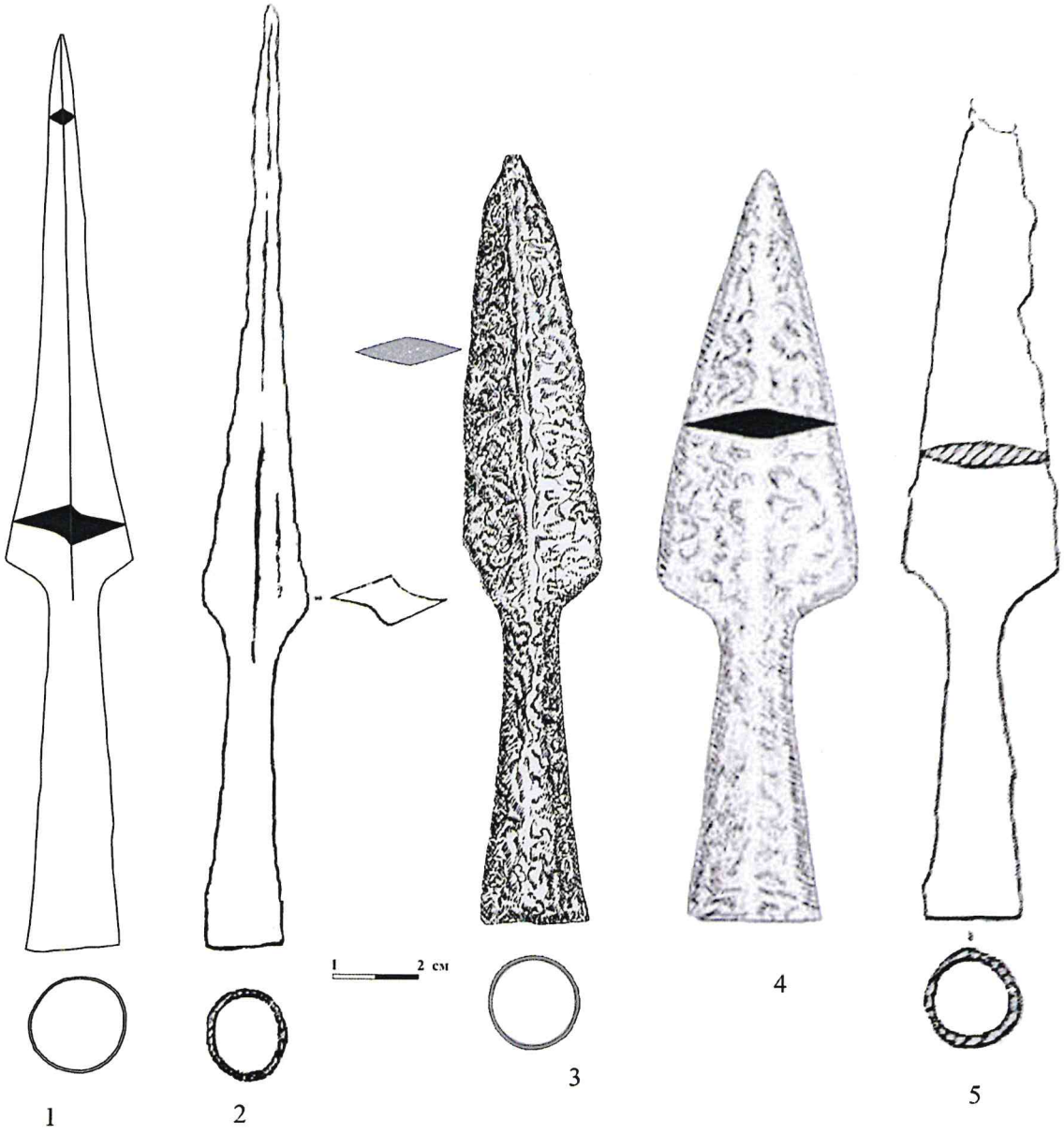

Рис. 37. Наконечники копий XVI–XVII вв.: 3,4 – Грузинка Ха 2/1, 4/1 (По: Дружинина И.А., 2003А)
и кон. XVII–XIX вв: 1 – Грузинка Хб–3/1 (Дружинина И.А. и др., 2010. С. 264-265), 2 – Бжид 2 (Шишлов и др., 2003. С. 62, 65, рис. 17,1, 25,1).

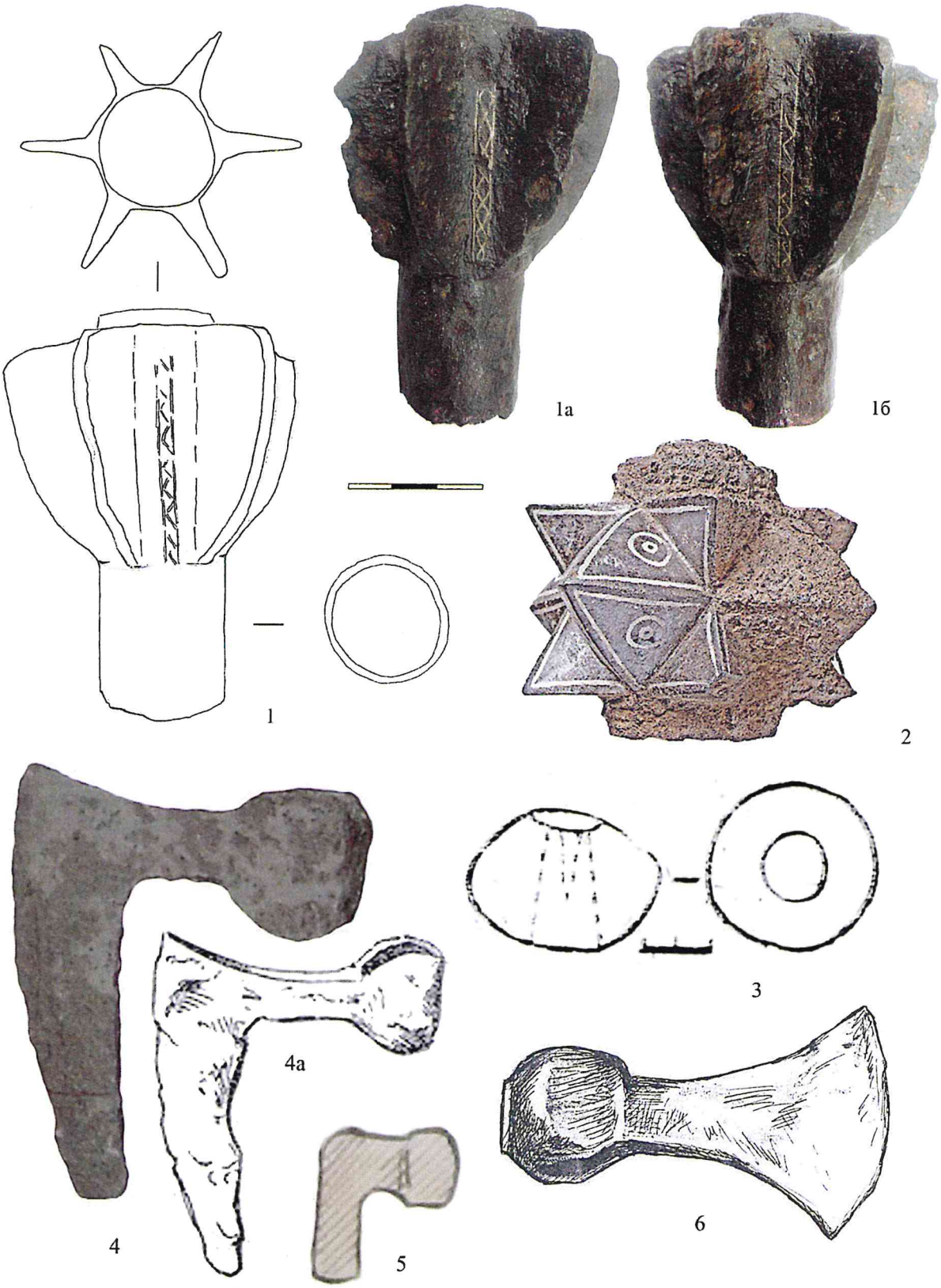

Рис. 38. Перначи, булавы, топоры.
1 – шестопер, ст. Абинская (ОАК за 1878-1879 гг. С. XLII), 2 – булава, к. 9 у ст. Белореченская, 1906 г. (Музейные тайны.., 2010. С. 27), 3 – булава, пог. 49 Ленинохабльского могильника в Адыгее (Тарабанов, 1984. С. 167, 171. Табл. II, 7), топоры: 4 – к. 1 мог. в 1 версте от Геленджикской бухты (Сизов В.И., 1889), 5 - на территории Геленджика, Казнаков, 6 - к.1 у ст Белореченская, 1897 г.

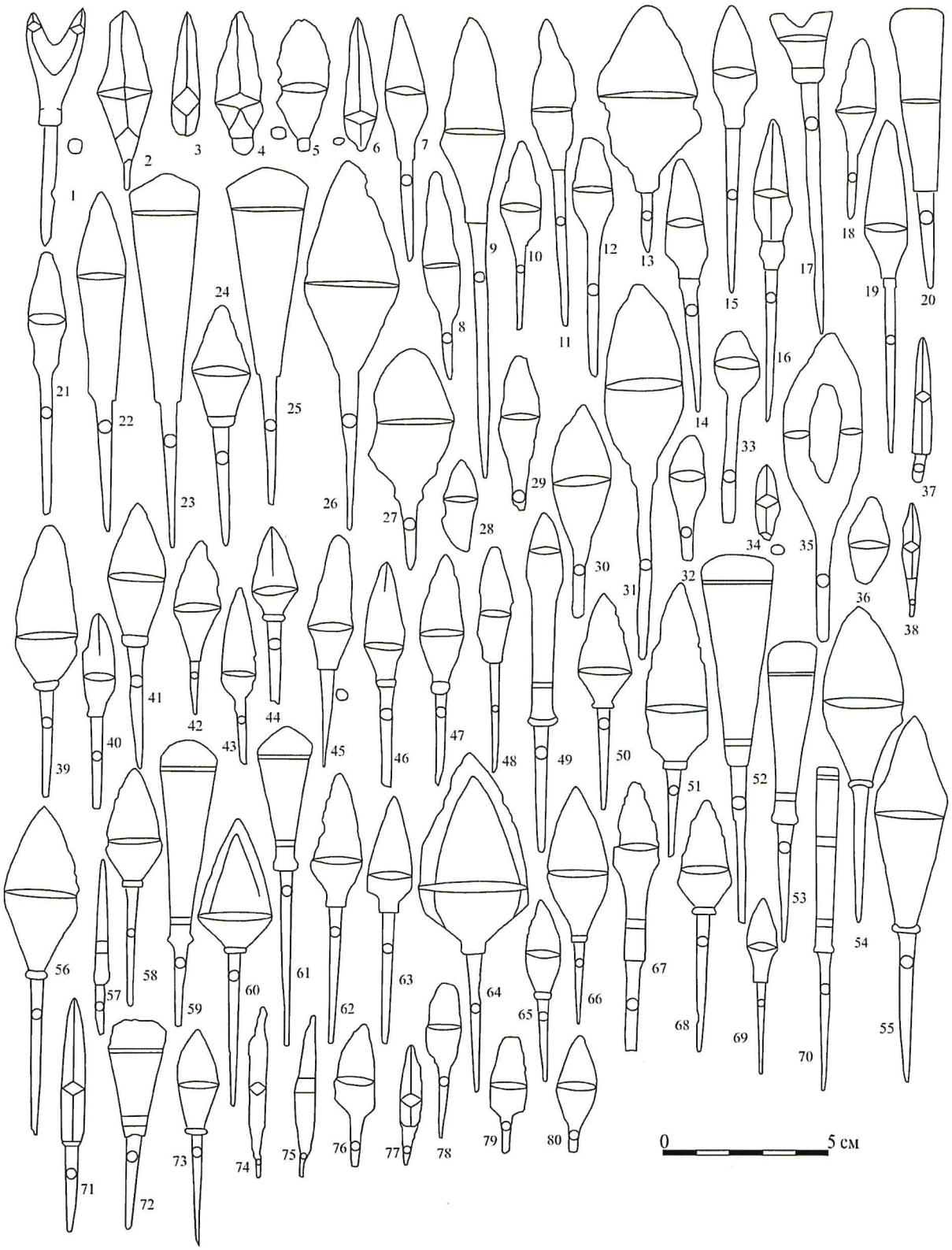

Рис. 39. Наконечники стрел, могильник Сидоренкова щель XIII-XIV в.:
1–6 – кург. 1, погр. 5; 7–20 – кург. 3, погр.1; 21–26 – кург. 5, погр. 1; 27–29 – кург. 6, погр. 1; 30–38 – кург. 9, погр. 3; 39–48 – кург. 11, погр.2; 49–73 – кург. 12, погр.1; 74–80 – пл.16, погр.1.

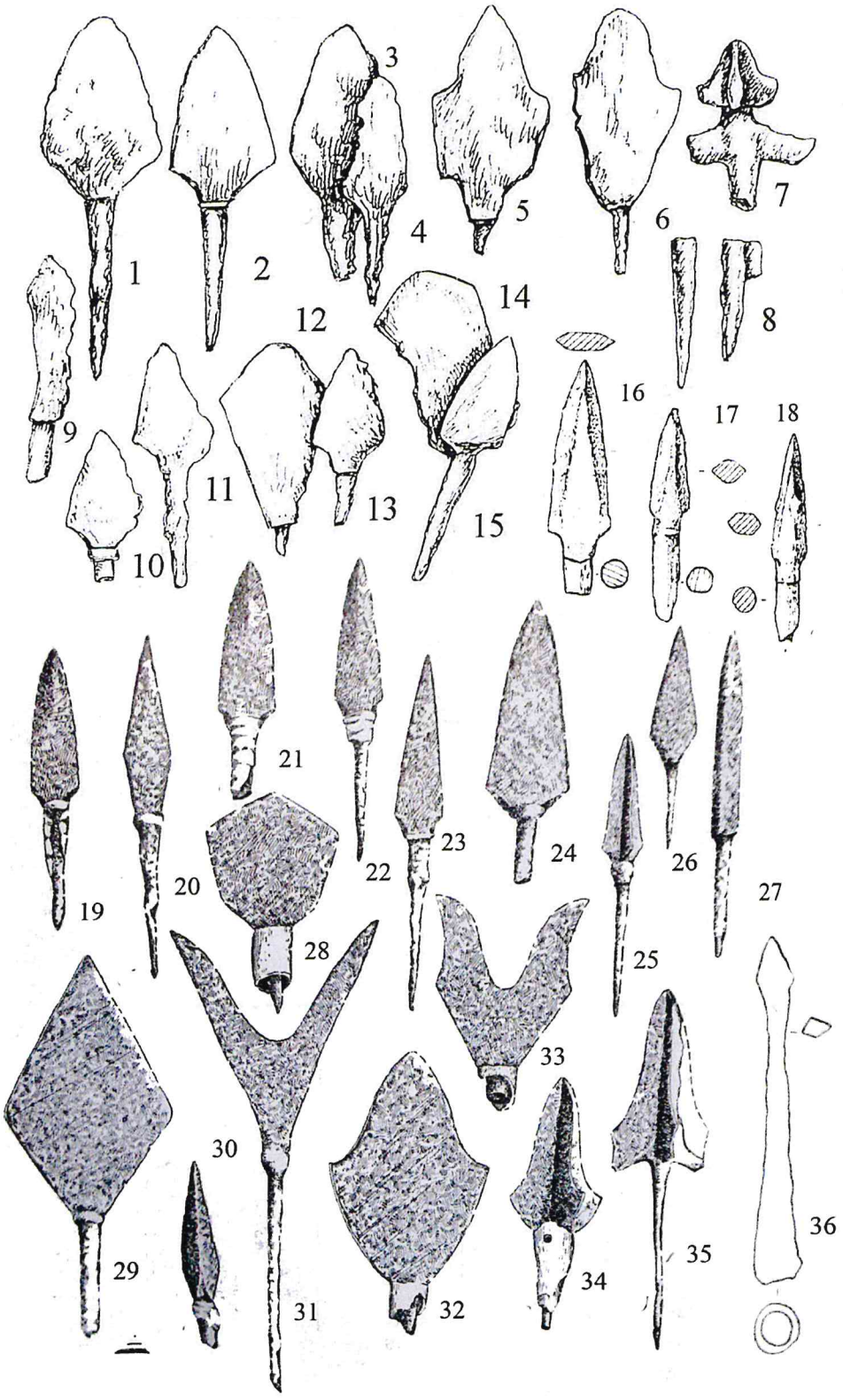

Рис. 40. Наконечники стрел из Белореченских курганов:
1–18 (по: Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011), 19–35
(по: Левашева В.П., 1953. С. 179. Рис. 3).
36 - наконечник арбалетной стрелы (Гостагаевская, п. 27)

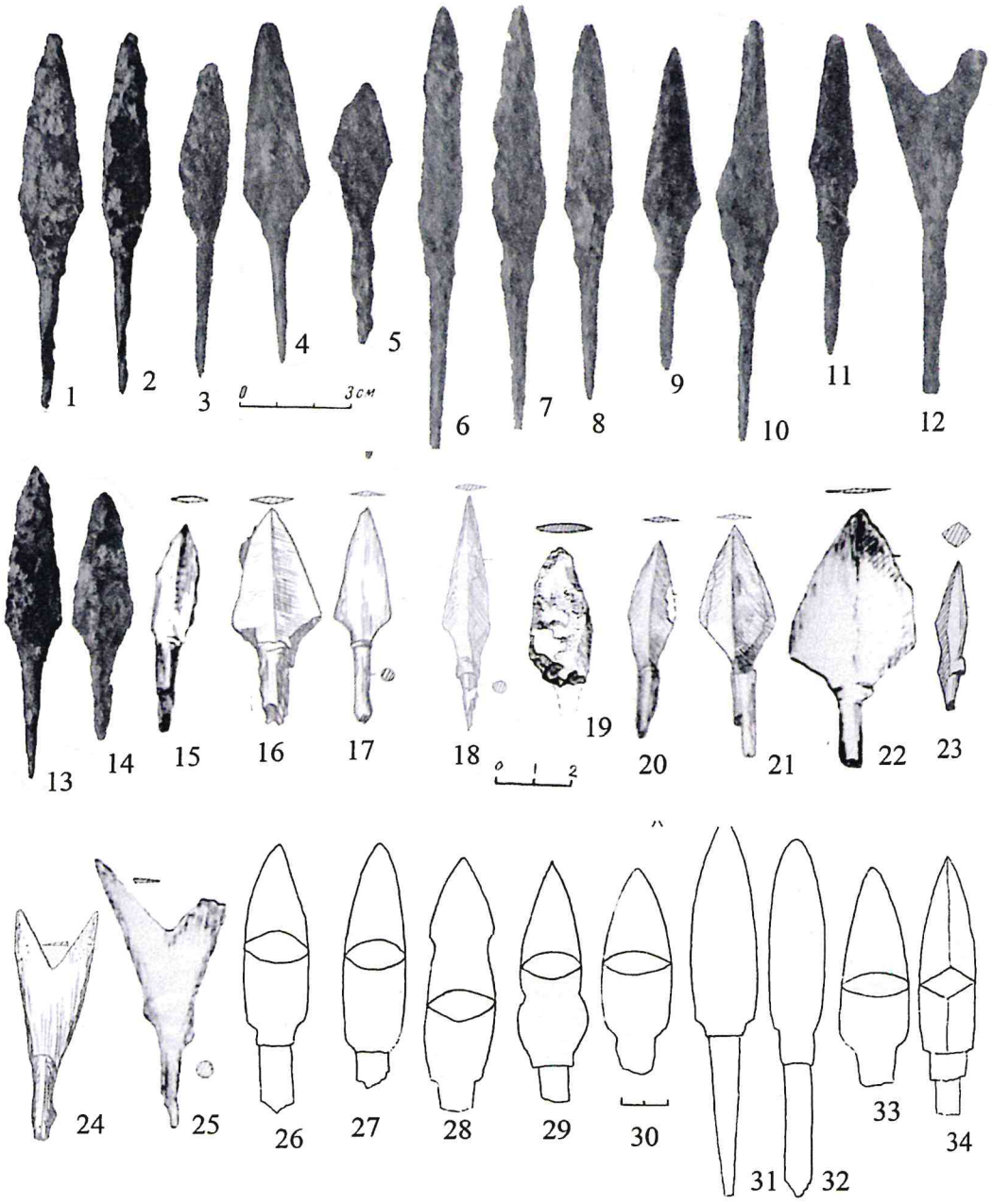

Рис. 41. Наконечники стрел из памятников XVI–XVII вв.:
1-14 –из к. 12 мог. Бамутский (по: Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 229. Рис. 11),
15–25 – из кк. мог. Шалушка (по: Нагоев А.Х., Керефов Б.М., 1974А),
26–34 – из к. 1 мог. Псекупская 3(по: Дружинина И.А., 2009А)

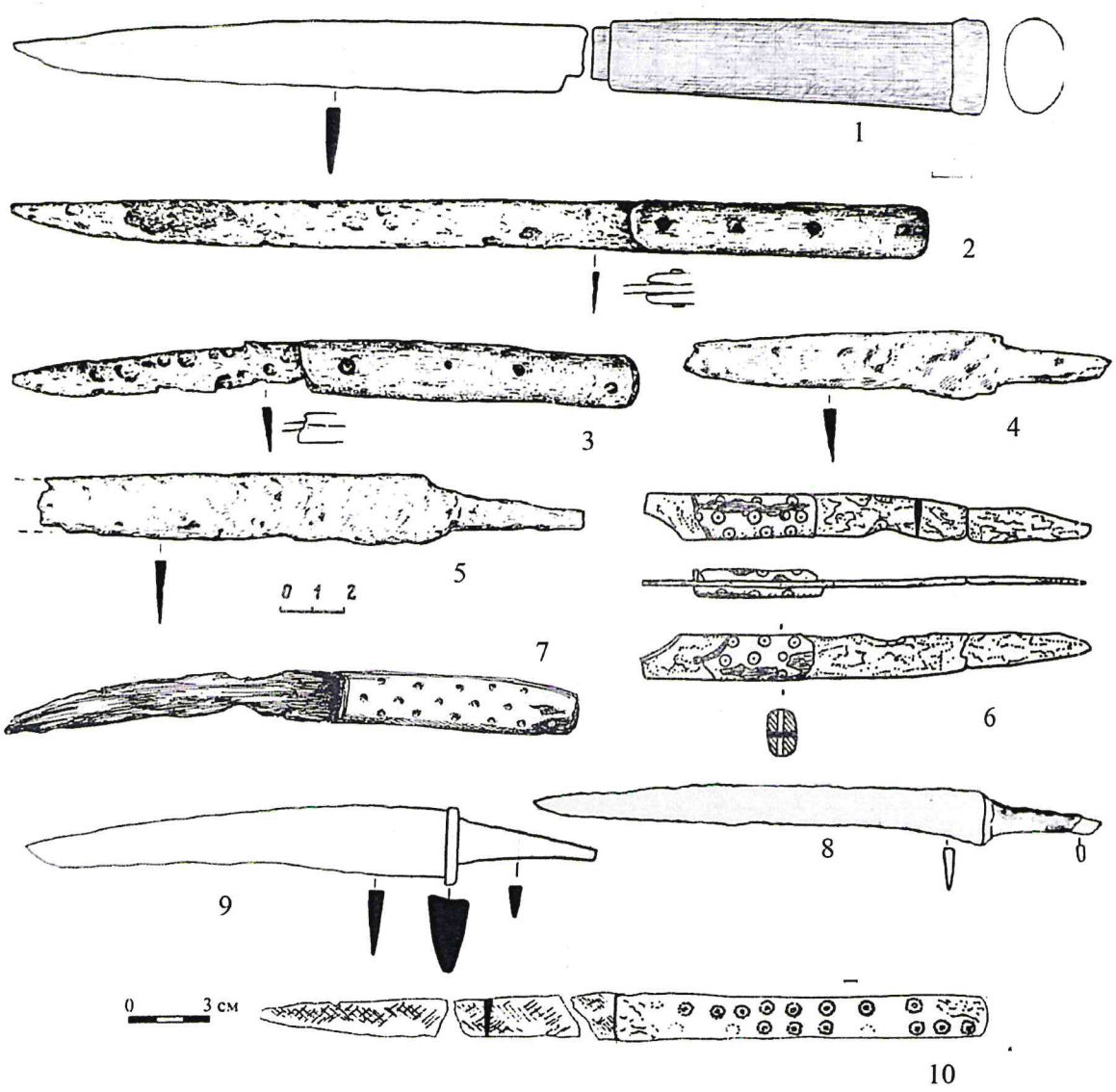

Рис. 42. Ножи из комплексов XIV в.
1 – погр. 6, мог. у ст. Гостагаевская (Алексеева Е.М. и др., 1979А)
2 – 5 – погр. 53,54,33,6 мог. Пшиш (Носкова Л.М., 2005. С. 200. Рис. 4,1–4), 6 – Куматырь (Новичихин А.М.,1996),
7 – ст. Белореченская к.1, 1897 (Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011),
8,9 – погр. 35 и 4, мог. у ст. Гостагаевская (Алексеева Е.М. и др., 1979А),
10 – Урочище Гора (Дружинина И.А., 2007. С. 175. Рис. 3,19).

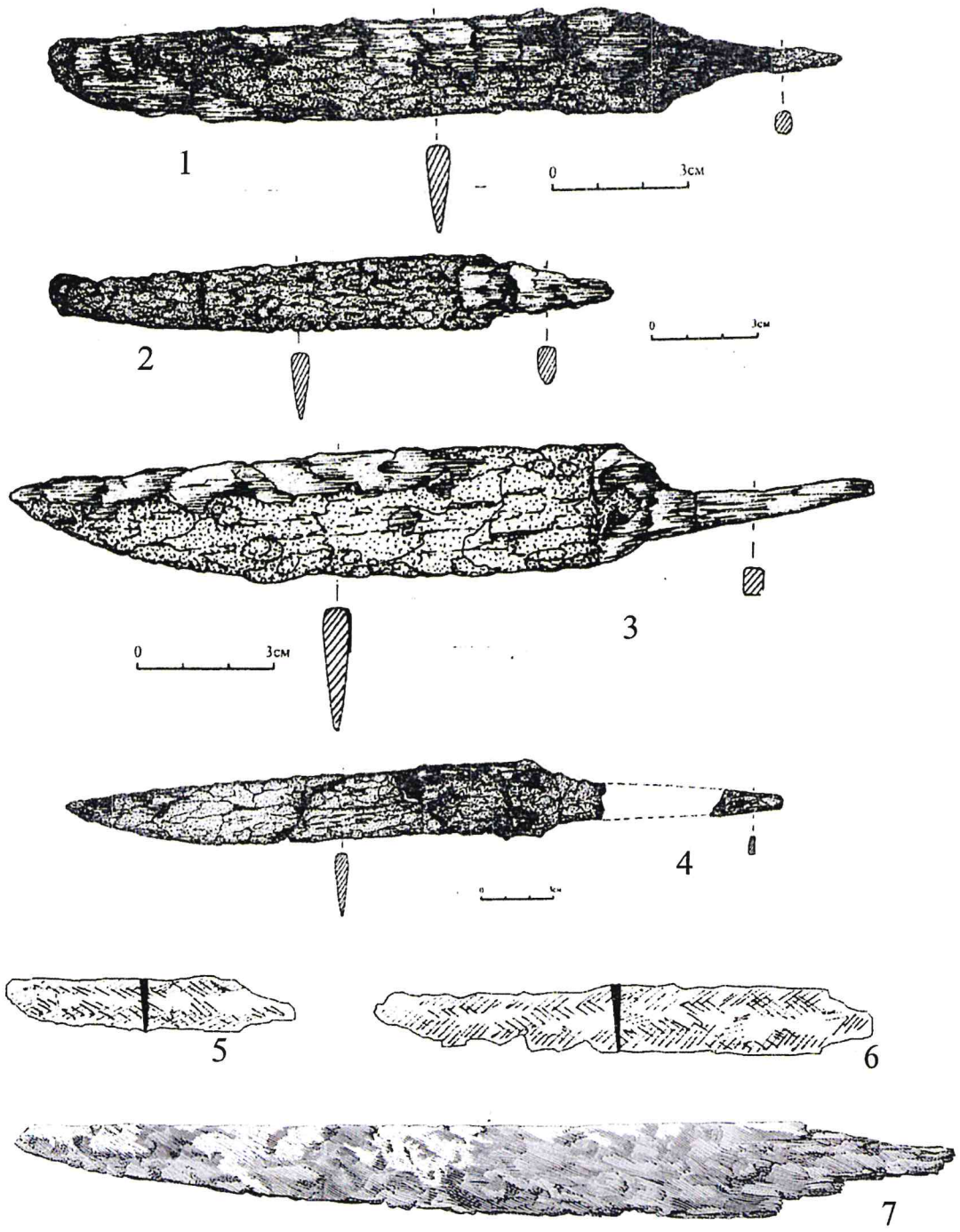

Рис. 43. Ножи из курганов Пятигорья XIV–XVI вв.:
1–4 – кк. 16,18,19,20 мог. Иноземцево 1 (Березин С.Я., 2007. С. 239,241-243. Рис. 27,1; 30,4; 32,1; 34,1), 5,6 – к. 15 и 18 мог. в ур. Гора (Дружинина И.А., 2007. С. 175. Рис. 3, 4,20), 7 – из мог. Каррас (Самоквасов Д.Я., 1882).

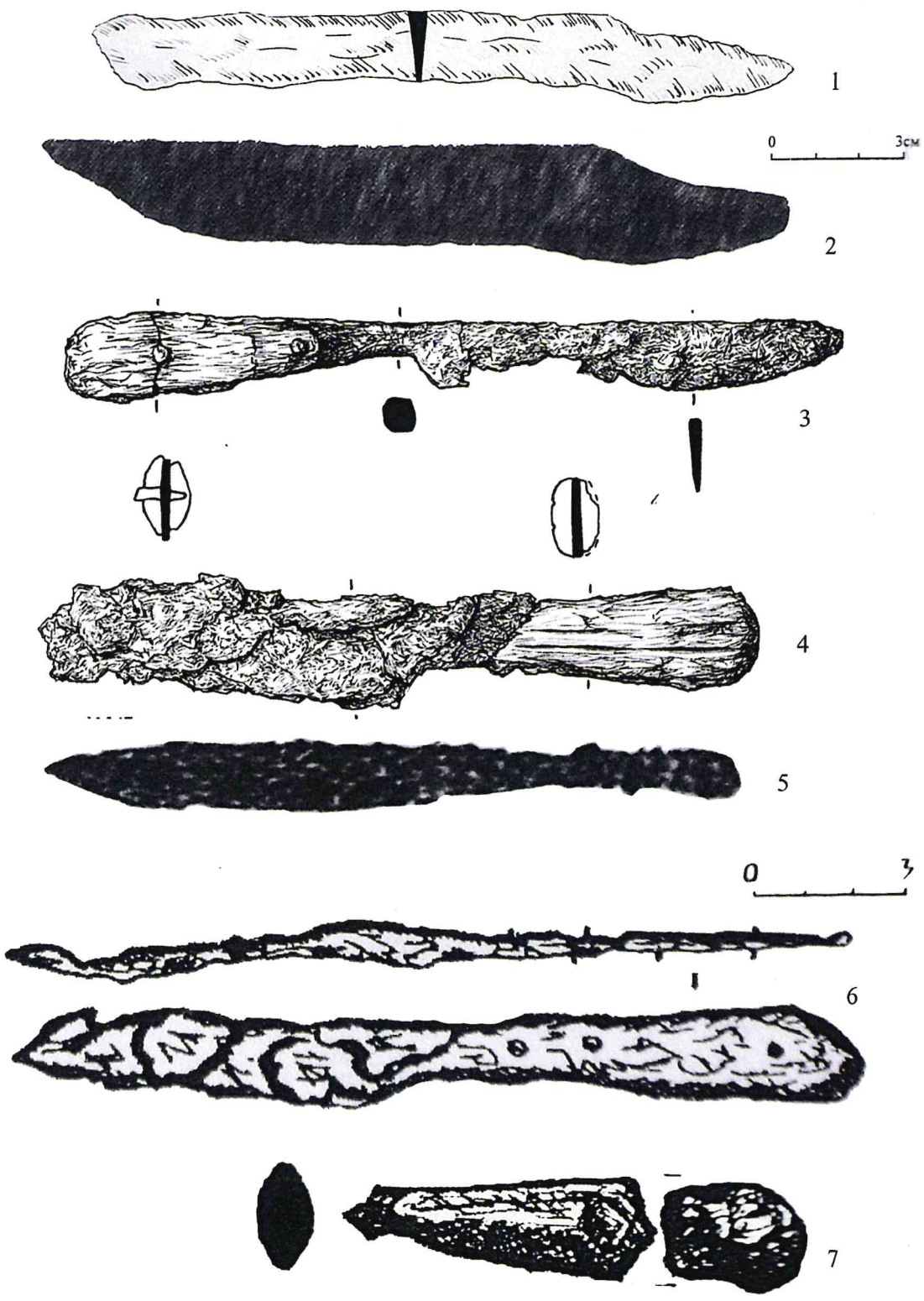

Рис. 44. Ножи XVII–XVIII вв.: 1– Грузинка Ха, раскопки И.А. Дружининой, 2 – мог. на Константиновском плато, раскопки Б.В. Лунина, 3, 4 – насыпь 139, Холодный родник 3 (Бакушев М.А., 2018. С. 148. Рис. 20,1,2), 5 – мог. №2 у сел. Чегем II 31/1 (Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1973А),6,7 – к. 81 и к. 73 мог. Крепостной 2 (Дружинина И.А. и др., 2008. С. 309,318. Рис. 5,6 и 14,6).

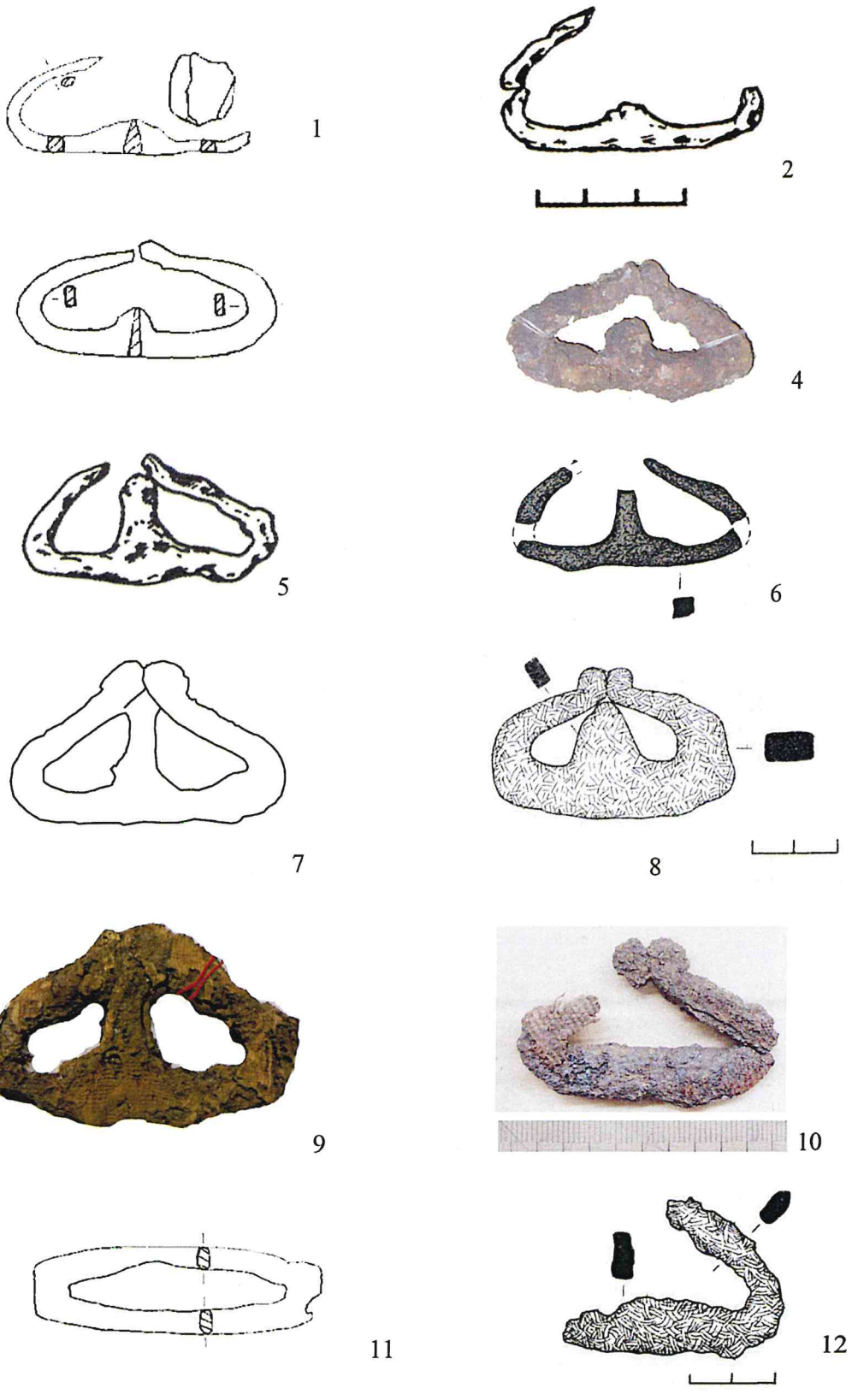

Рис. 45. Кресала второй половины XIII-XIV (1-6, 11) и XIV-XV (7-12)

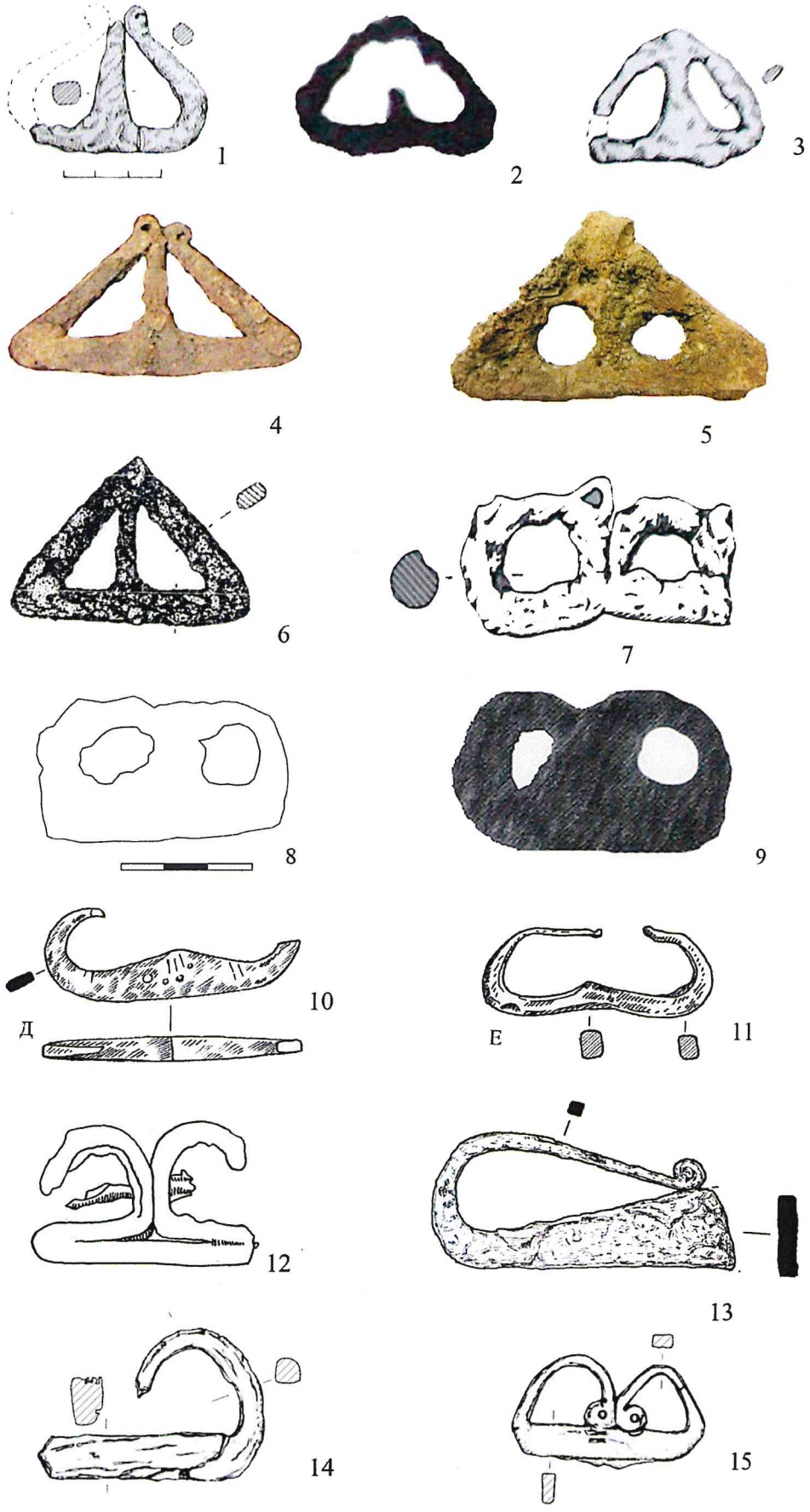

Рис. 46. Кресала XV-XVI вв. (1-9) и XVII-XVIII вв. (10-15).

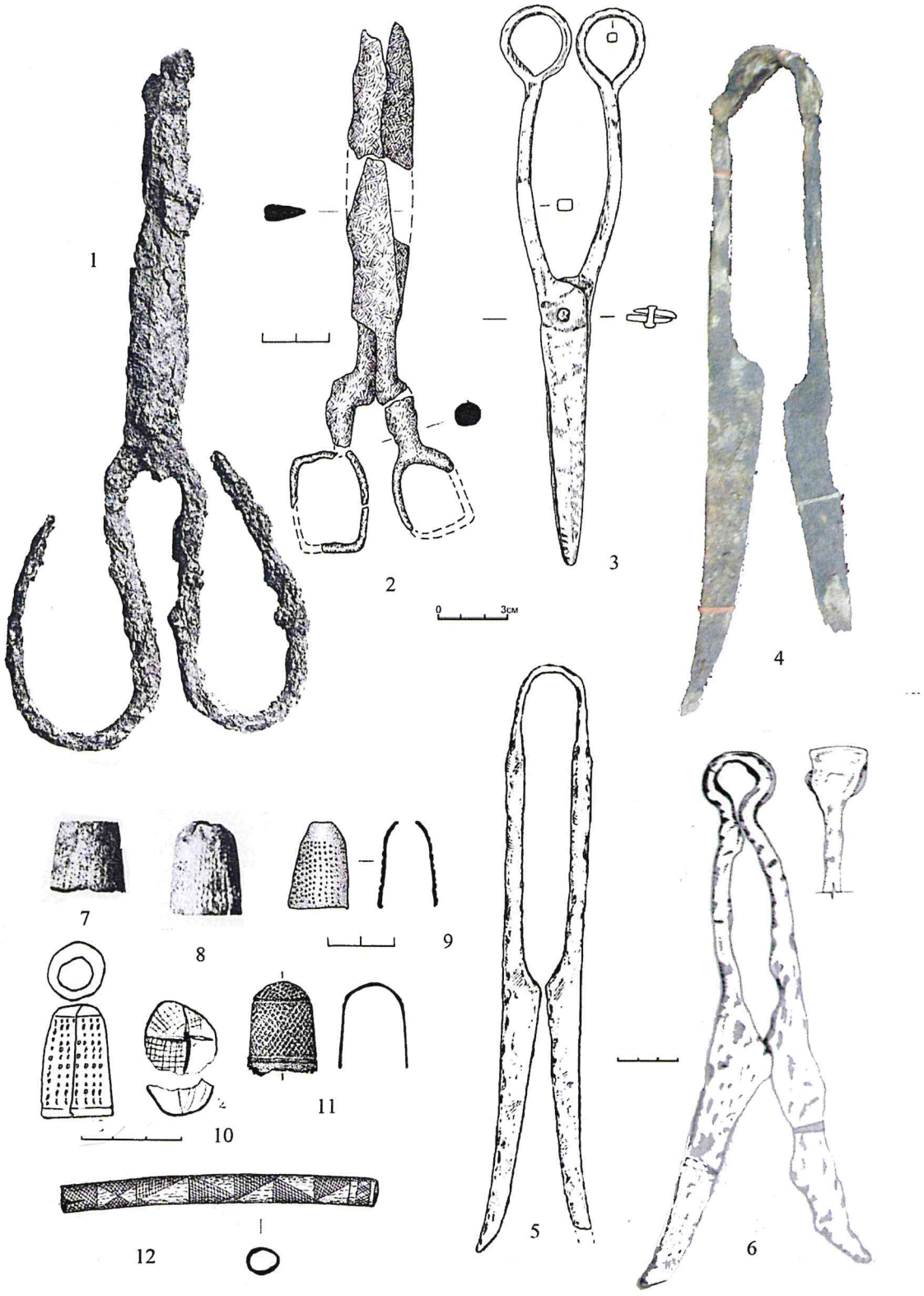

Рис. 47. Ножницы и наперстки

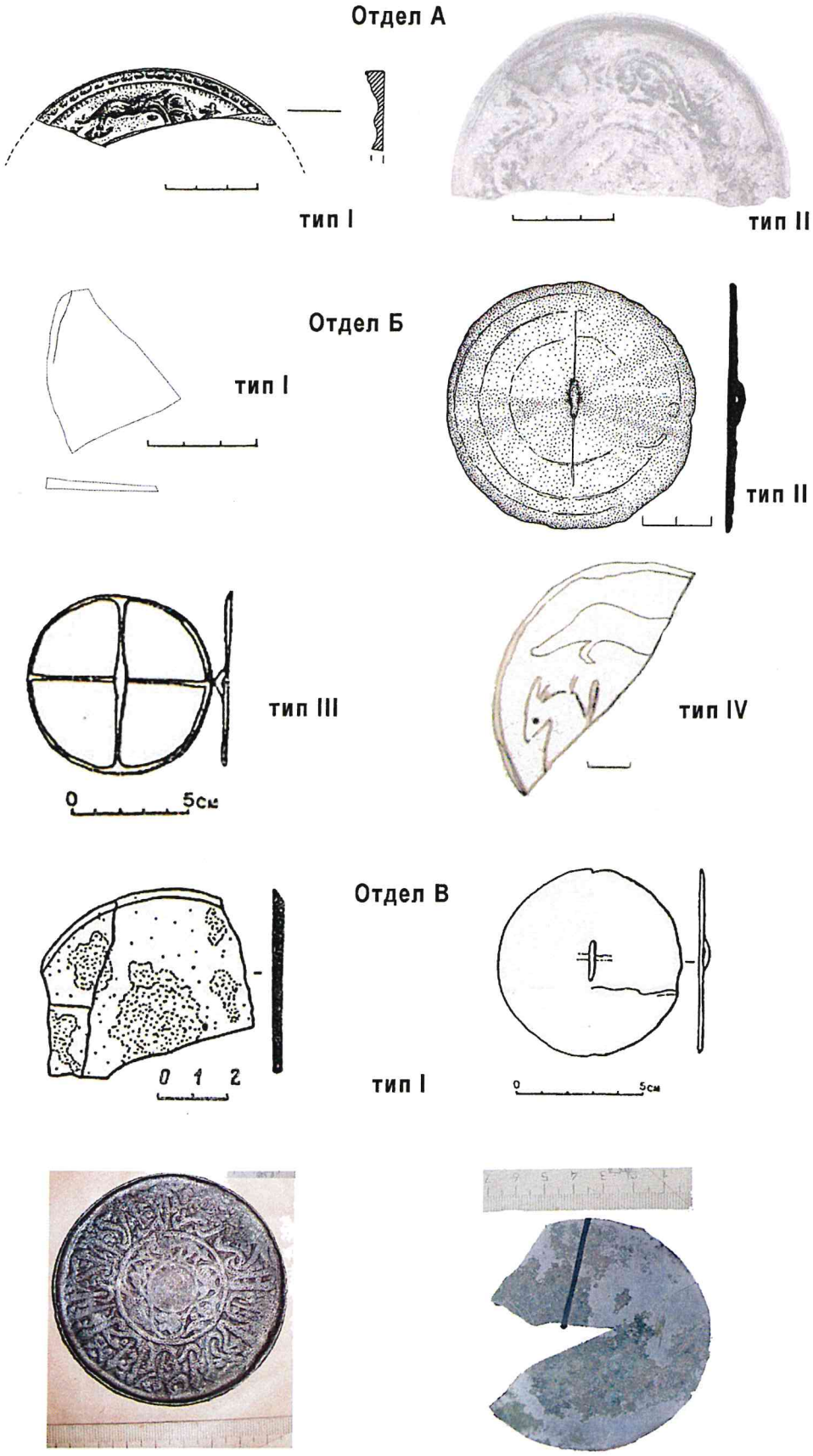

Рис. 48.Зеркала из курганных могильников Северо-Западного Кавказа второй половины XIII–XIV

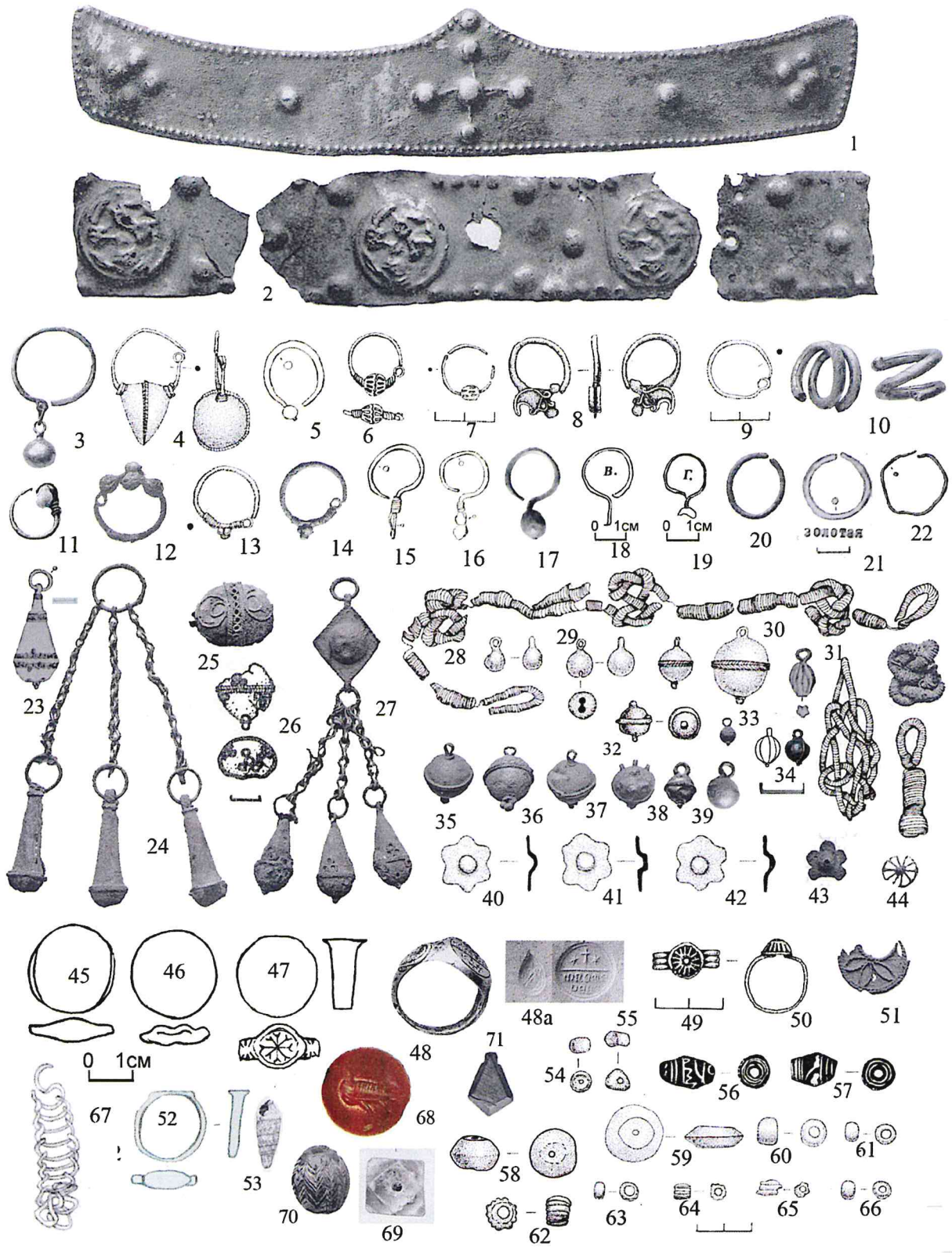

Рис. 49. Украшения и детали костюма из комплексов Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья XIV в.
Ст. Раевская (по: Сизов В.И., 1889. Фот. XV): 1,3,10,11,20,48,48а. Ст. Натухайская (по: Сизов В.И., 1889. Фот. XIII–XIV): 2,12,14,24,25,27,33,35–39,43,44,51,53,69–71. Бедричка (по: Дружинина И.А. и др., 2017): 18–19,45–47,68. Лобанова щель, курган 37 (по: Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002. С. 192, 194,199, 202. Рис. 3,6,11,14): 8 – п. 1; 6,9,32,50,54,55,58,62 – п.2; 4,7,13,28,29,31,33,40–42,56–57, 59–66 – п.4; 26 –из Куматырского могильника (по: Новичихин А.М., 1996. С. 121. Рис. 2,3).Гостагаевская (по: Алексеева Е.М,1979А) : 21 – п.1; 23,67 – п. 9; 5,15,16,22,34 – п. 25; 52 – п. 32; 53 – п. 36; 17 – п.58.

Рис. 50. Украшения и детали костюма из комплексов Центрального Предкавказья и Северо-Восточного Причерноморья XVI–XVIII вв.
Каррас: 1 – к. 45; 2,5,8 – к. 40; 3 – к. 39; 19 – к. 44; 17 – к. 45; 20–36 – к. 42; 37–43 – к. 43; 44,45 – к. 41, 7 – к. 14 на 6-ой версте по р. Нальчик раскопки И.А. Владимирова, 1897 (ОАК за 1897 г.); 14 - Бжид 2 –4/1 (Шишлов А.В., 2003. С. 60–61. Рис. 16, 1–2);
Глубокая балка: 16 – к.1 (ГИМ, Москва: Самоквасов Д.Я., 1908. С. 249); Иноземцево: 18 – к. 18 (по: Березин С.Я. и др., 2007. Рис. 30,1), Шалушка: 4 – к. 44, 9 – к. 15, 10 – к. 53, 11– к. 62, 13 – к. 54, 15 – к. 56. – 46 Холодный родник 3 (Бакушев М.А., 2018. С. 141. Рис. 12).

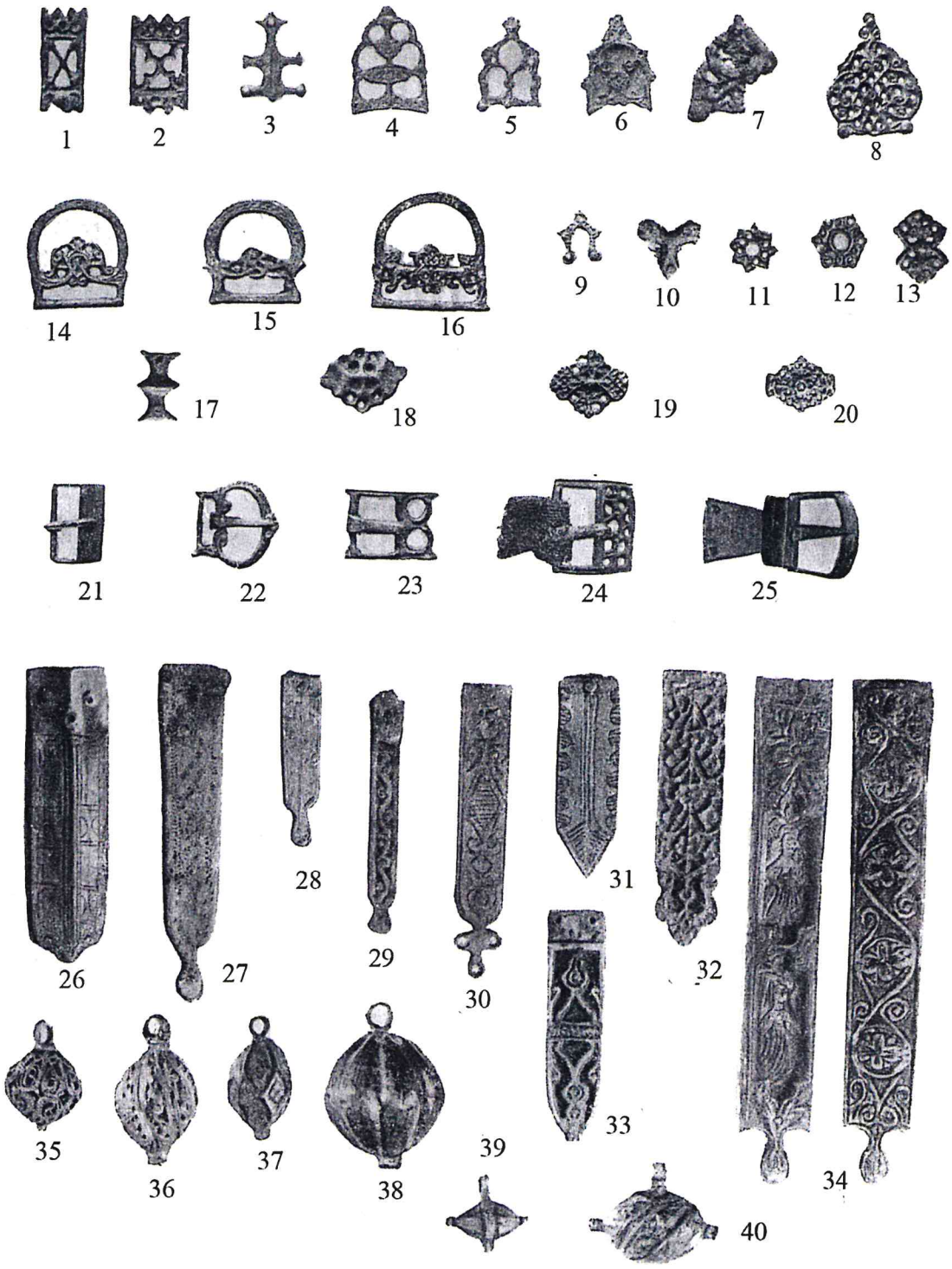

Рис. 51: Серебряные детали поясных наборов и пуговицы из Белореченских курганов (по: Левашева В.П., 1953. С. 193. Рис. 8)

1—13, 17 — бляшки-украшения; **18—20** — обоймицы; **14—16, 21—25** — пряжки; **26—34** — наконечники поясов; **35—40** — пуговицы

Рис. 52. Детали поясных наборов и пуговицы
из курганных могильников Центрального Предкавказья второй пол. XV–XVII вв.
№3 у сел. Чегем II: 1, 15, 22–24 – к. 6; 4 – к. 1; 5 – к. 12; 7,16–17,20–21,25,27 – к. 8; 26 – к. 3;
№4 у сел. Чегем II: 19 – к. 15; На 2-ой версте по шоссе от Нальчика: 2,3 – к. 10, раскопки
И.А. Владимирова, 1897 (ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л.57; ГИМ, Москва. Оп. 917/52);
с. Солдатская: 6 – из раскопок В.Б. Антоновича в 1879 г. (Фонд НМГ, Оп. 17-02 – 25/3258).
Бамутский: 8, 14 – к. 3 (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. С. 222. Рис. 5, цв. вкл);
Каррас: 9,12,13 – к. 42 (ГИМ, Москва. Оп. 684, №289), Шалушка: 18 – к. 71 (Нагоев А.Х.,
Керефов Б.М., 1974А. Л. 53. Рис. 99.А11).Заюковский: 28 – к. 2 (Шафиев Н.А., 1963А. Л. 7)
На 6-ой версте по р. Нальчик: 29 – к. 11 (ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л.63; ГИМ, Москва.
Оп. 917/52-70); 30 – к. 13 (ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л.67-68; ГИМ, Москва. Оп. 917/52-70).

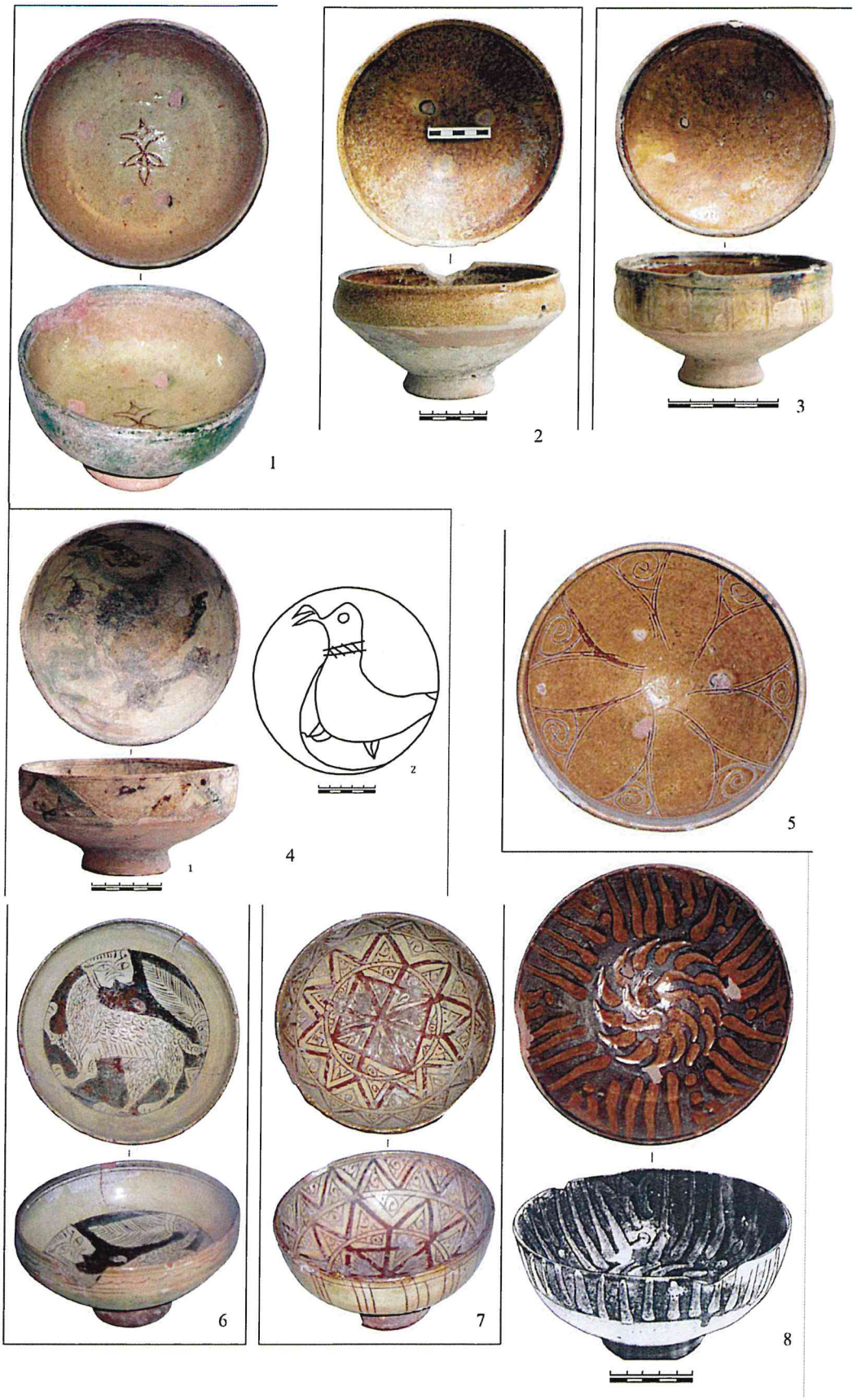

Рис.53. Поливная керамика (по: Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2017. С. 499–512. Рис. 1–8): 1–5 – чаши из Южноозереевского могильника, 6–7 – чаши с декором «резервом» и «сграффито» из старых фондов Новороссийского музея, 8 – чаша с ангобным декором из могильника в Барбарашевой щели.

Рис. 54. Поливная керамика.
1,1а – тарелка с декором «сграффито» из кургана у ст. Абинская, раскопки В.Г. Тизензаузена 1879 г. (по: Дружинина И.А., 2018. Рис. 1,2); 2–4 поливные кувшины: 2 – из Владимировки, 3 – из мог. Сапун (пунктиром показана граница глазури), 4 – из мог. в Барбарашевой щели (по: Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2017. С. 507–509. Рис. 9), 5, 6 – кувшин и тарелка из мог. Куматырь (по: Новичихин А.М., 1996С. 120. Рис.1), 7 – чаша из к. 4 мог. Медовеевка 1 (по: Василиненко Д.Э. 2008. С. 279. Рис. 13), 8 – кувшин из курганов близ Геленджика, раскопки К.К. Мерса 1912 г. (по: «Подарок созерцающим», 2015. С. 276).

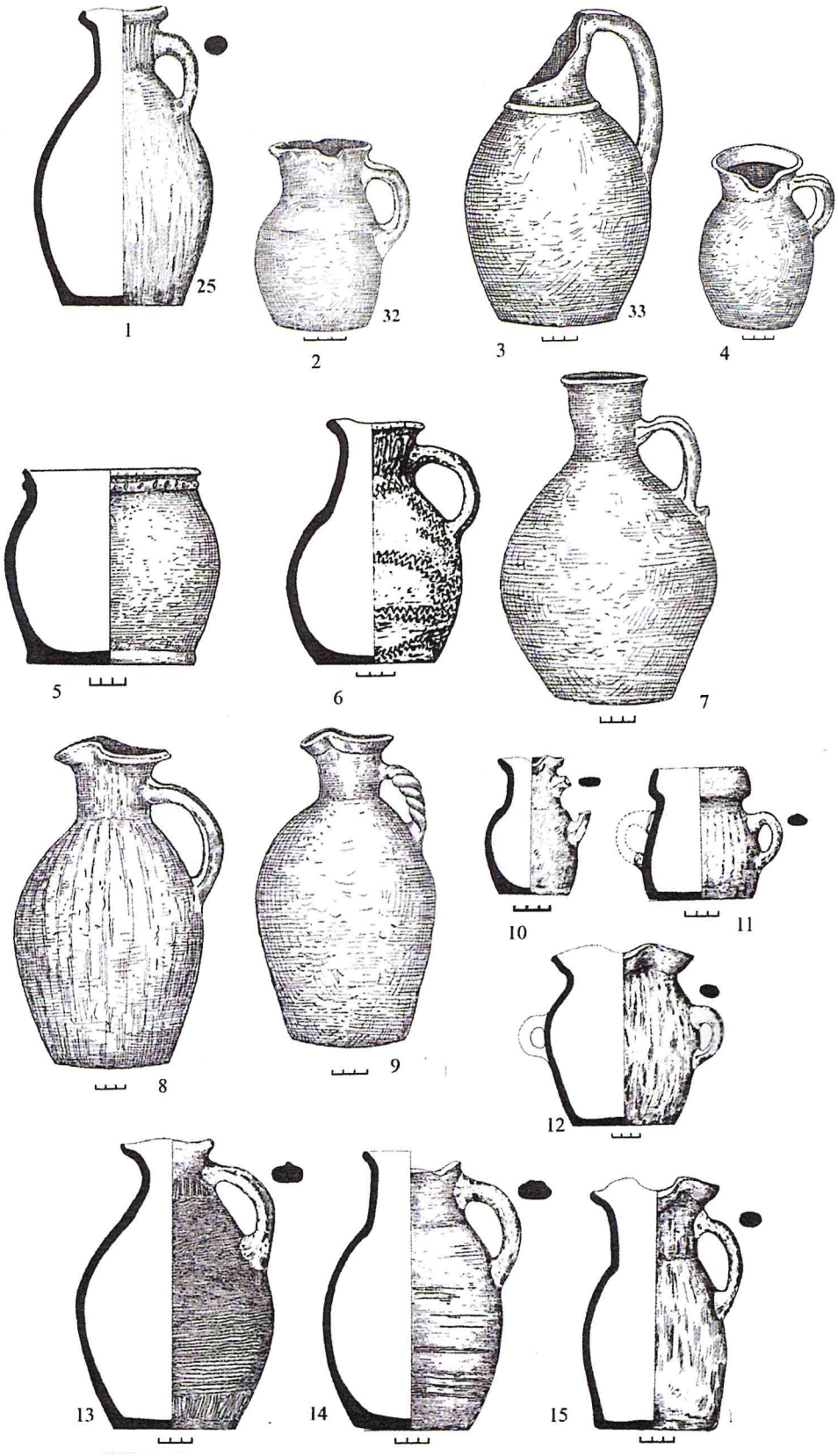
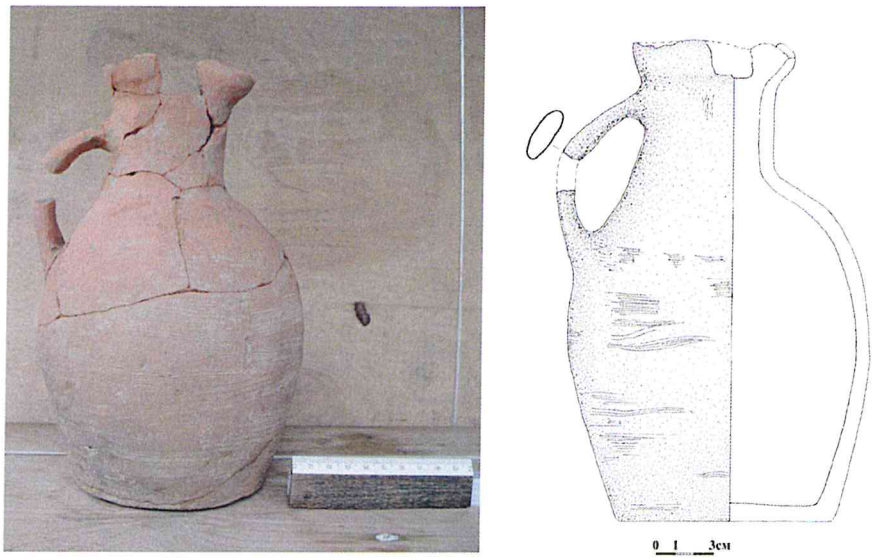
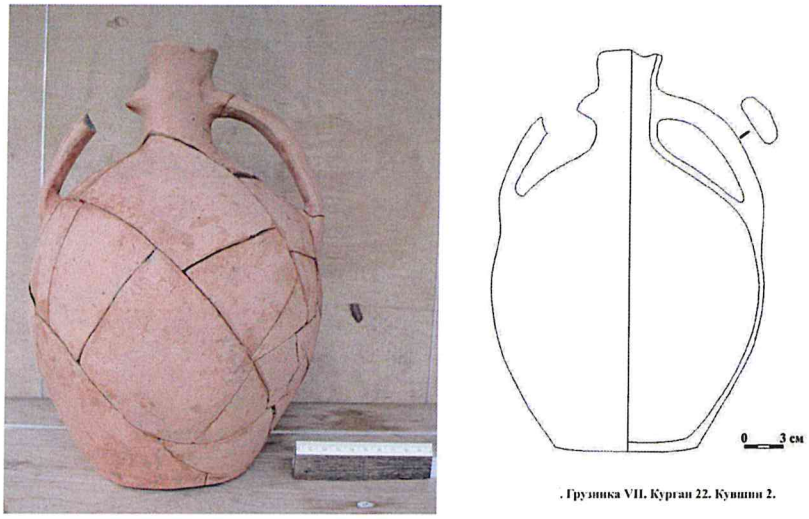

Рис. 55. Неполивная посуда из курганов Северо-Восточного Причерноморья XIV в. Кабардинка: 1 – к. 24/п.2, 2,3 – к. 25, 4 – к. 36, 5,6,7– к. 29, 8,9 – к.33, 10–15 к. 37.

Грузинка VII. Курган 22. Кувшин 1.

. Грузинка VII. Курган 22. Кувшин 2.

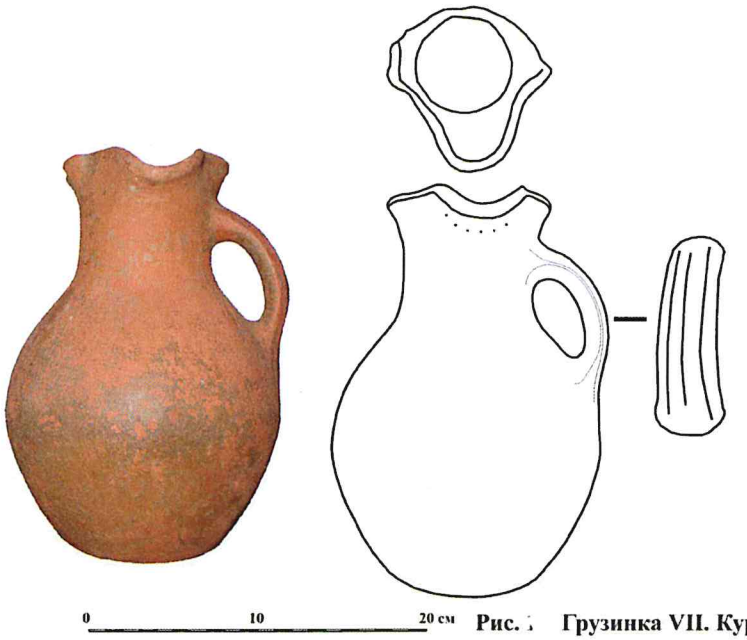

Рис. . Грузинка VII. Курган 54.

Рис. 56. Кувшины XIV в. из курганов Западного Закубанья

Рис. 57. Декантеры.
1 – Из к.1 у станицы Белореченская (по: «Подарок созерцающим», С. 162.),
2 – в окрестностях ст. Каменномостская (по: Кузина И.Н., 2017. С. 102, 10. Рис. 9),
3 – к. 1 мог. Носовцева поляна 1 (по: Василиненко Д.Э., 2007. С. 247, 252. Рис. 5,7);
4 – в окрест. Майкопа (по: «Подарок созерцающим», С. 164.)

Рис. 58. Стеклянные кубки.
1 – в мог. близ Геленджика, раскопки К.К. Мерса 1909 (по: «Подарок созерцающим», 2015. С. 165), 2 – к.1, у подножья г. Мысхако (по: Армарчук Е.А., 2003. С.269. Таб. 102,7), 3 – об.1 мог. Носовцева поляна 1 (по: Василиненко Д.Э., 2007. С. 264. Рис. 16,6); 4 – об. 1 мог. Носовцева поляна 1 (по: Василиненко Д.Э., 2007. С. 262. Рис. 13,6); 5 – ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского1897 (ГИМ, инв. № 42403), 6 – к. 24/п.2 мог. Кабардинка (по: Носкова Л.М., 2010. С. 195, Рис. 12,24), 7 – к.6/п.2 на г. Сапун (по: Армарчук Е.А., 2003. С.269. Таб. 102,6), 8 – к.4 мог. Медовеевка 1 (по: Василиненко Д.Э., 2008. С. 279. Рис. 14), 9 – ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского1906 (ГИМ, инв. № 48479), 10 – к. 36 мог. Кабардинка (по: Носкова Л.М., 2010. С. 197, Рис. 14,30), 11 – п. 27, мог. Пшиш (по: Носкова Л.М., 2005. С. 202. Рис. 6,1), 12 – к.7/п.4 мог. Кабардинка (по: Носкова Л.М., 2010. С. 188, Рис. 5,23), 13 – Дузу-Кале (близ с. Ольгинского), раскопки А.А. Миллера 1907 г. (по: «Подарок созерцающим», 2015. С. 352).

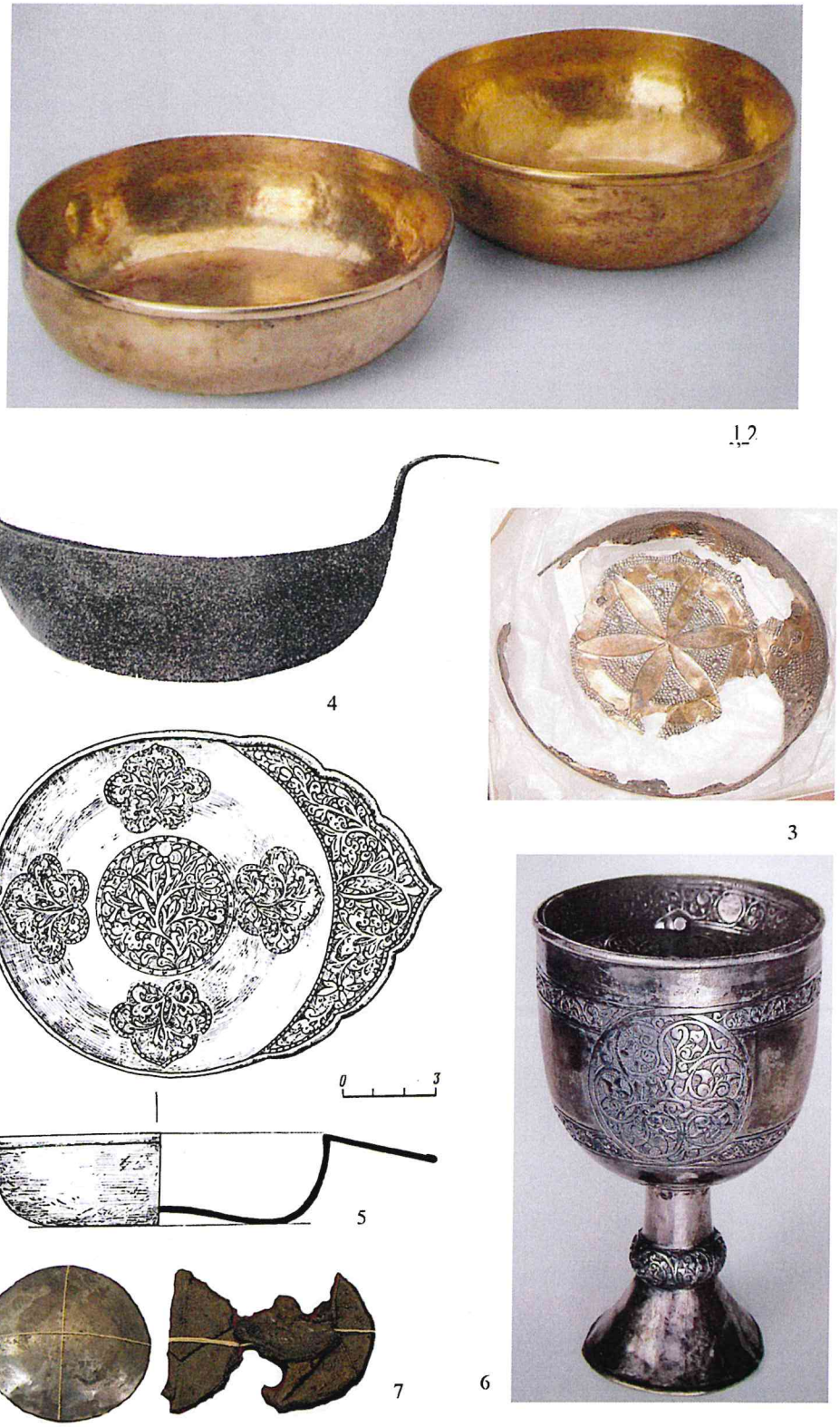

Рис. 59. Металлическая посуда из курганов Закубанья и Центрального Предкавказья
1,2 – у ст. Андрюковская и Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1896 г. (по: «Подарок созерцающим», 2015. С. 323), 3 – из к.1 у ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1897 г (по: Горелик М.В., Дружинина И.А., 2011),4 – ковш из к. 10, раскопки Н.И. Веселовского 1896 г. (по: ОАК за 1896 г., С. 33. Рис. 179),5 – ковш из погр. Фарс 2 (по: Днепровский К.А., Носкова Л.М., 1991. Рис. 4), 6 – кубок из к. 3 у ст. Белореченская, раскопки Н.И. Веселовского 1906 г.(«Подарок созерцающим», 2015. С. 321. Кат. 156), 7 – серебряная мисочка с кожаным чехлом из к. 11 мог. На 6-ой версте по р. Нальчик (ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 215/1896. Л.63; ГИМ, Москва. Оп. 917/52-70).

Рис. 60. Локальные варианты погребального обряда адыгов XIII-XV вв. (по М.Л. Стрельченко, 1968)

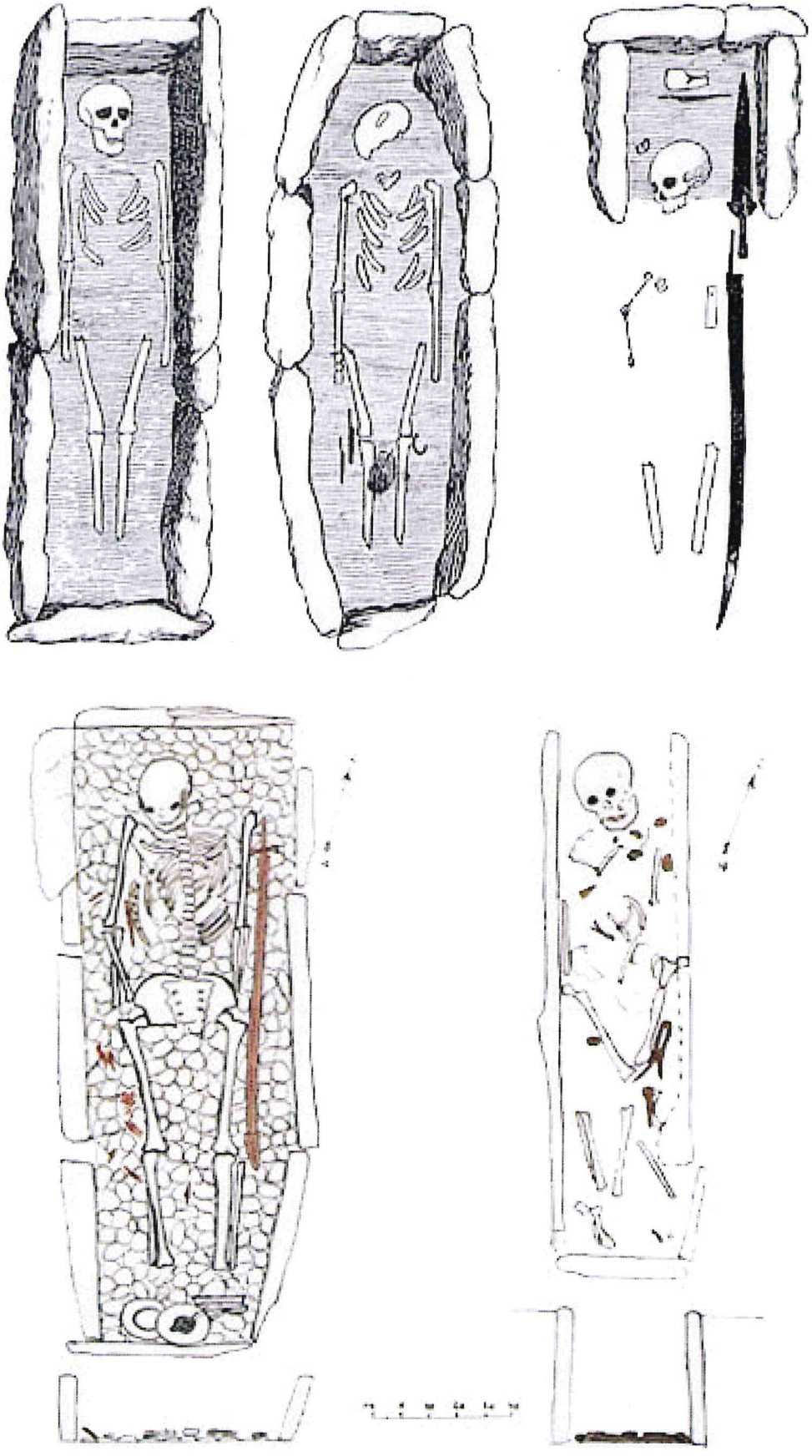

Рис. 61 Погребения в каменных ящиках: 1,2 - из курганных погребений могильника между сел. Дузу и Дузу-Кале, 3 - из грунтового погребения имения. Дузу (по Миллер А.А., 1909. С. 95,102, рис. 24, *1,3,6*).

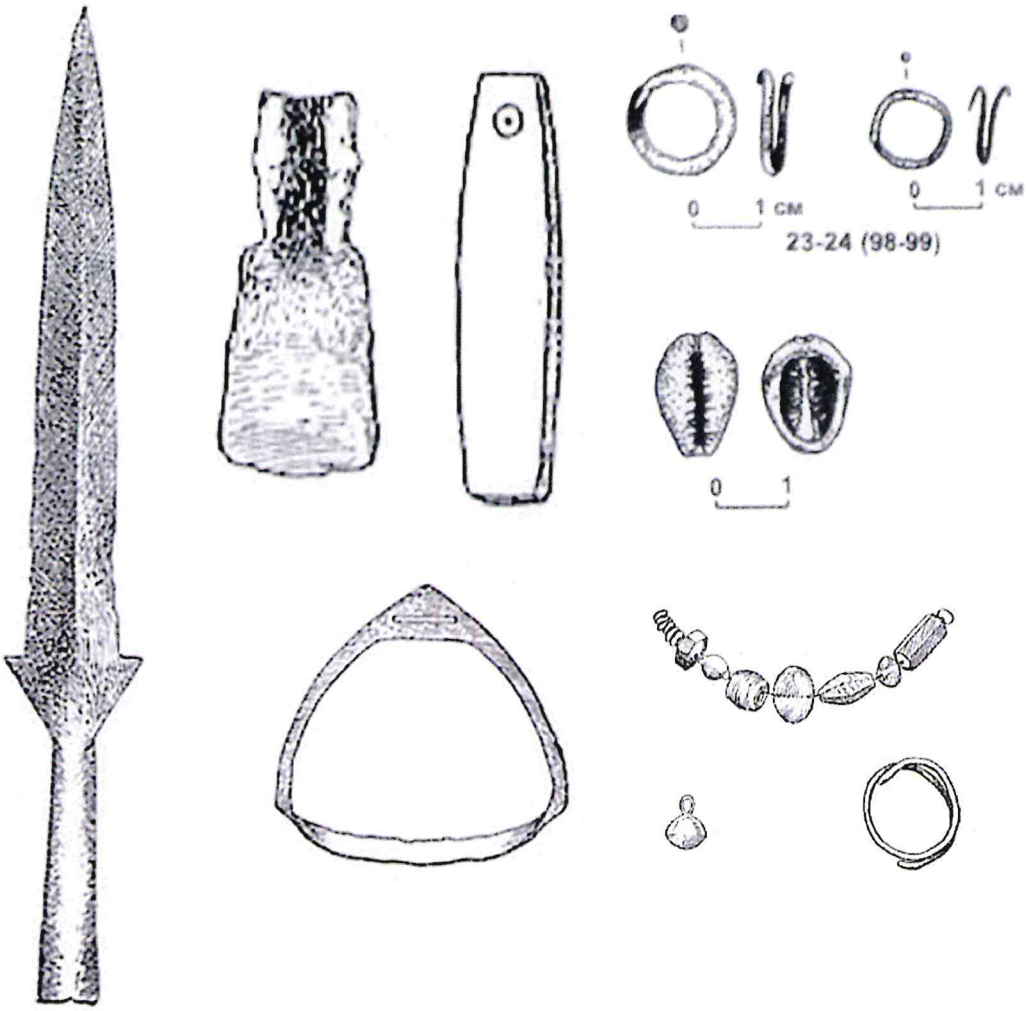
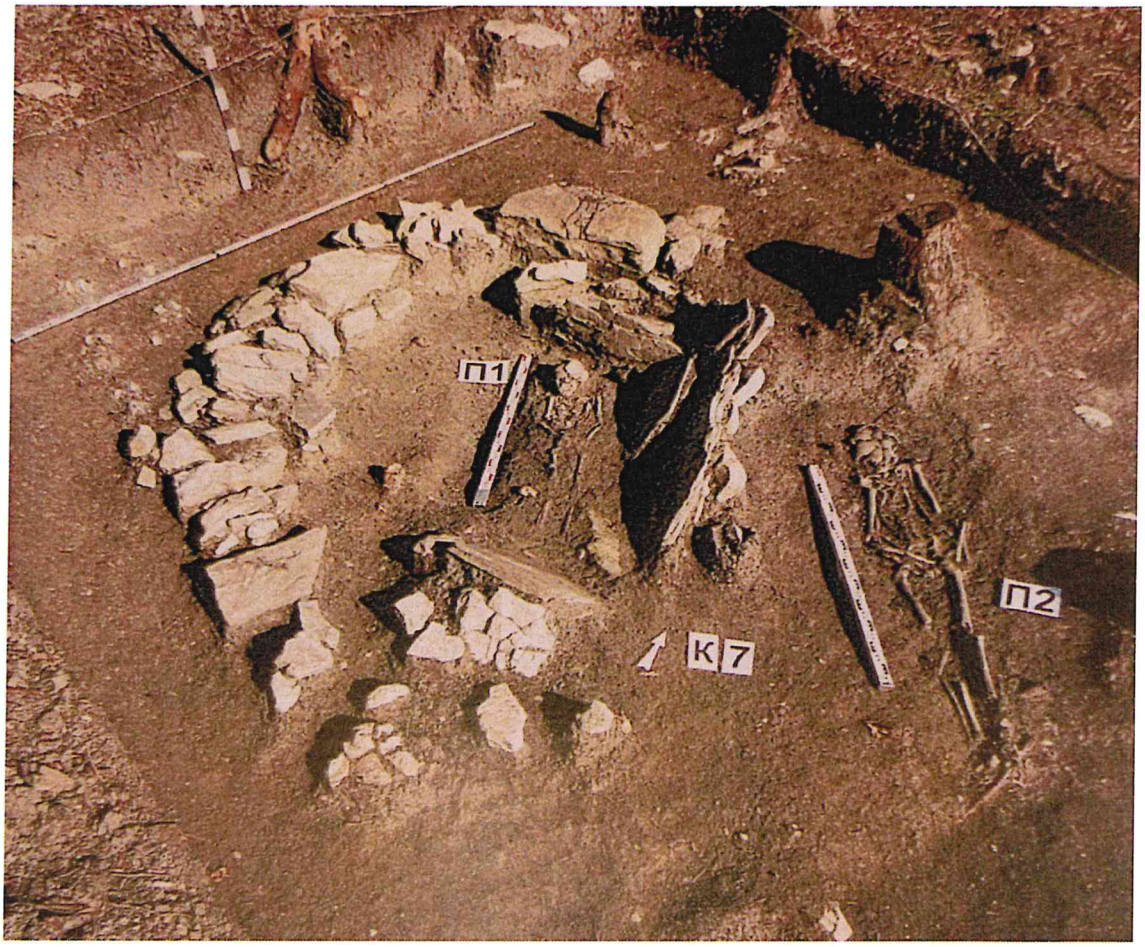

Рис. 62 Новомихайловская группа: инвентарь, вторая половина XIII в.

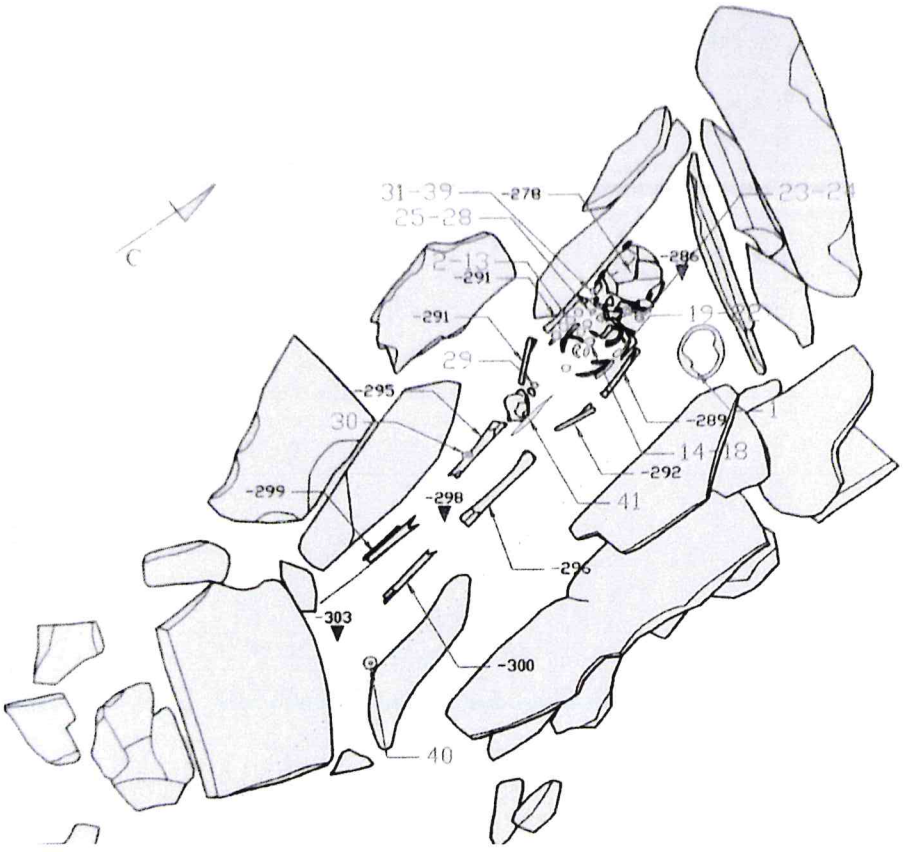

Рис. 63. Мог. Азаренский 1, к. 7

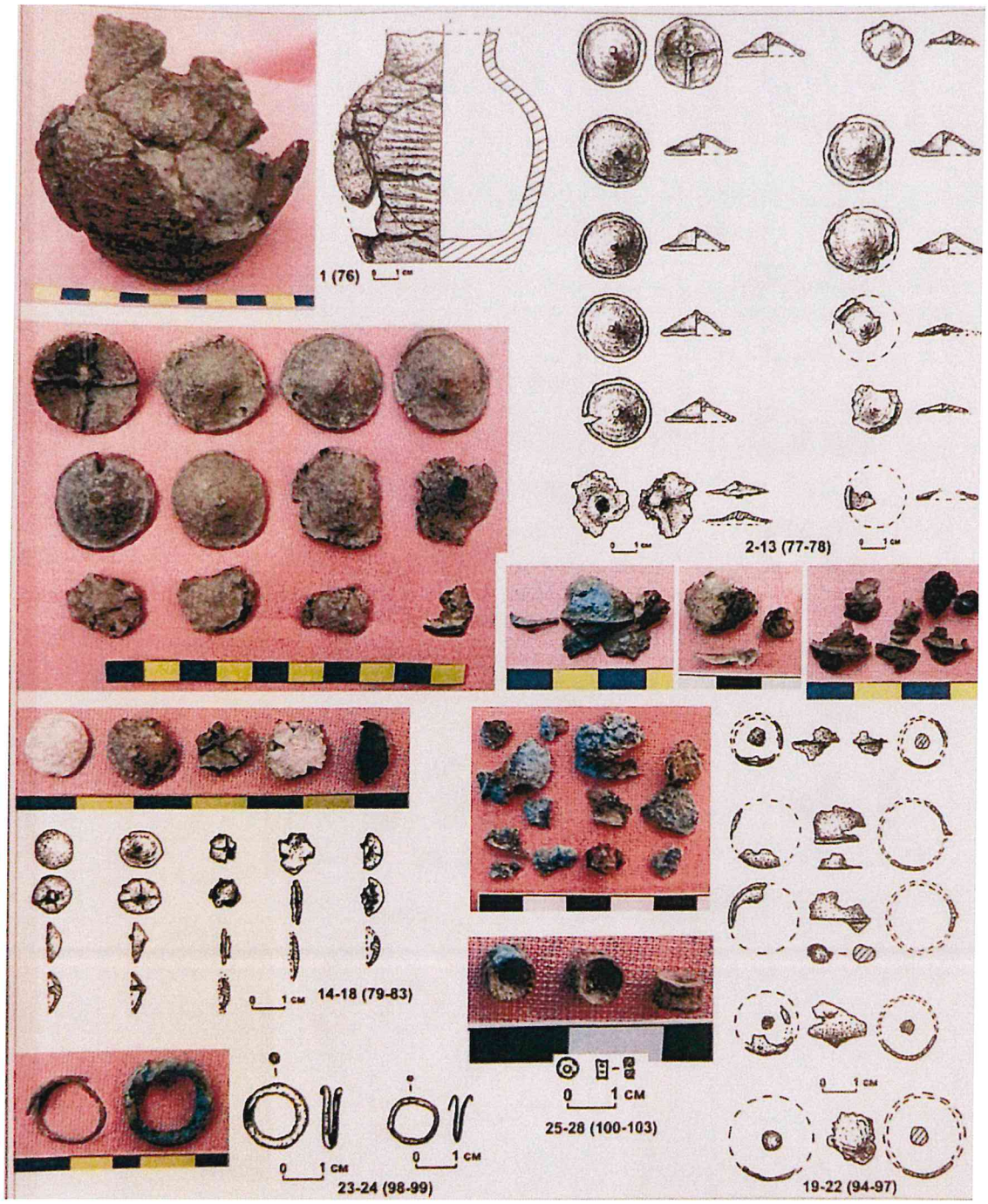

Рис. 64. Погребальный инвентарь из п. 1 к. г мог. Азаренский 1 (1)

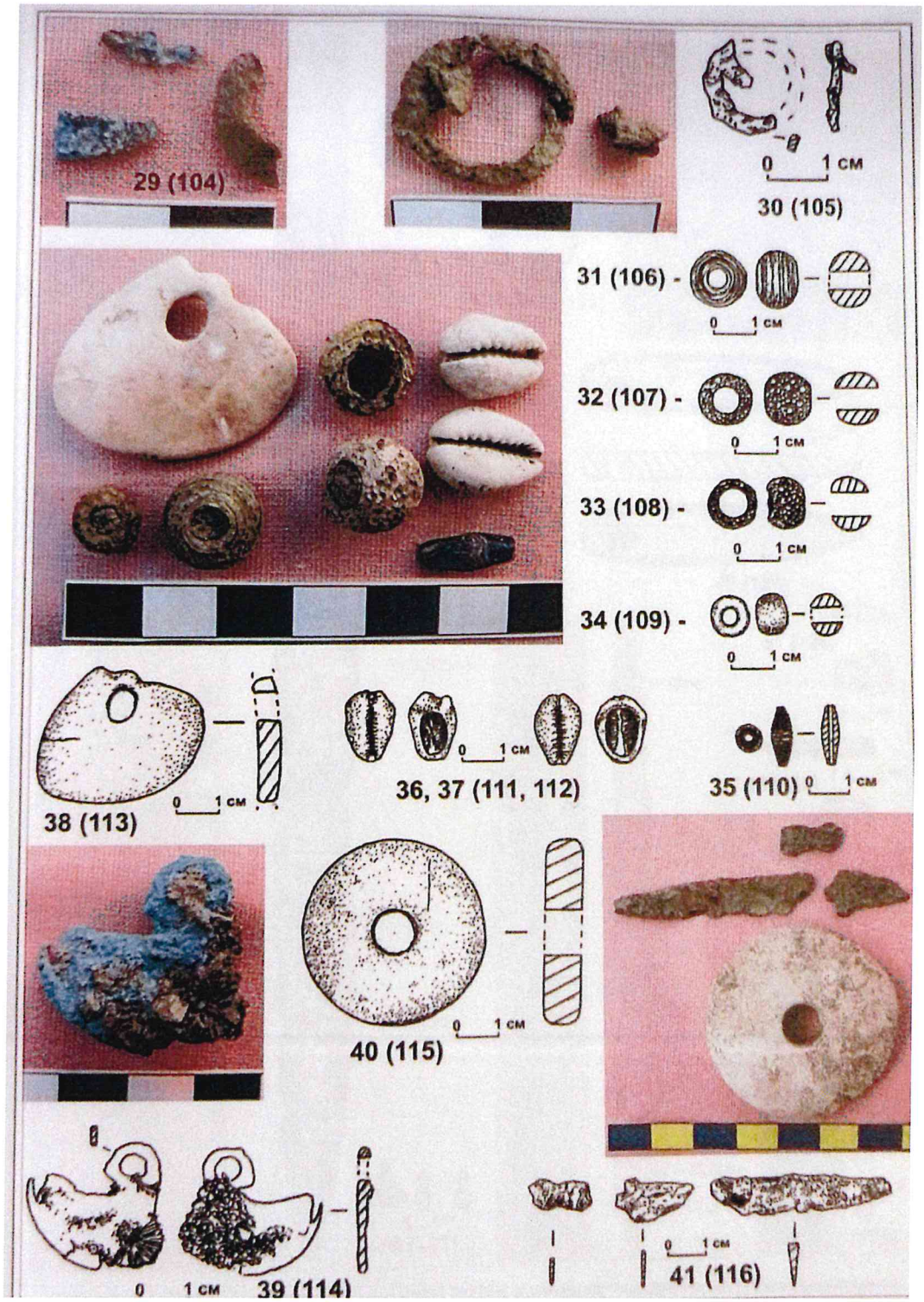

Рис. 65. Погребальный инвентарь из п. 1 к. г мог. Азаренский 1 (2)

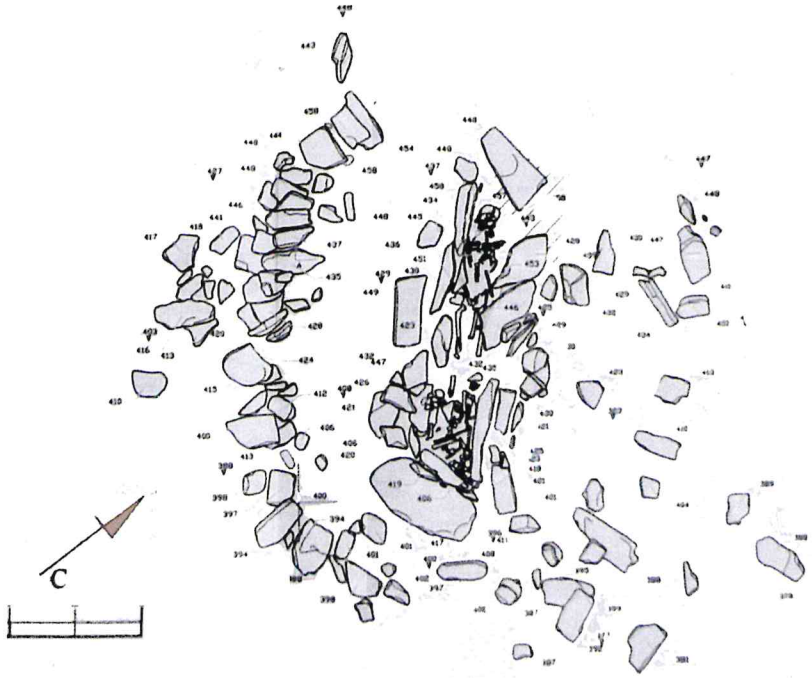
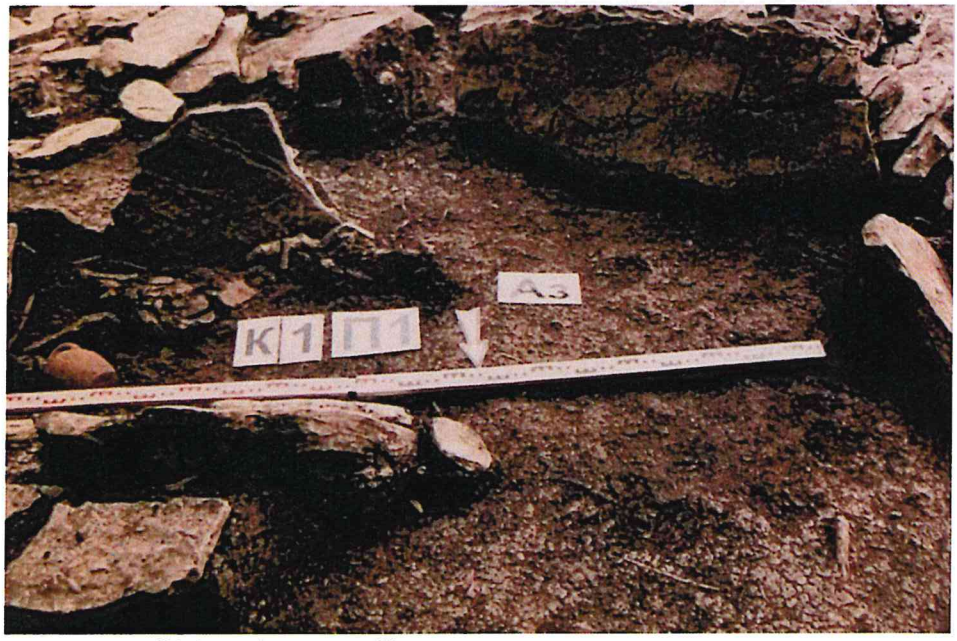

Рис. 66. Азаренский 1, к. 3,п.1, вид с ЮВ. Середина XIV в.

К.1, п.1, вид с З.

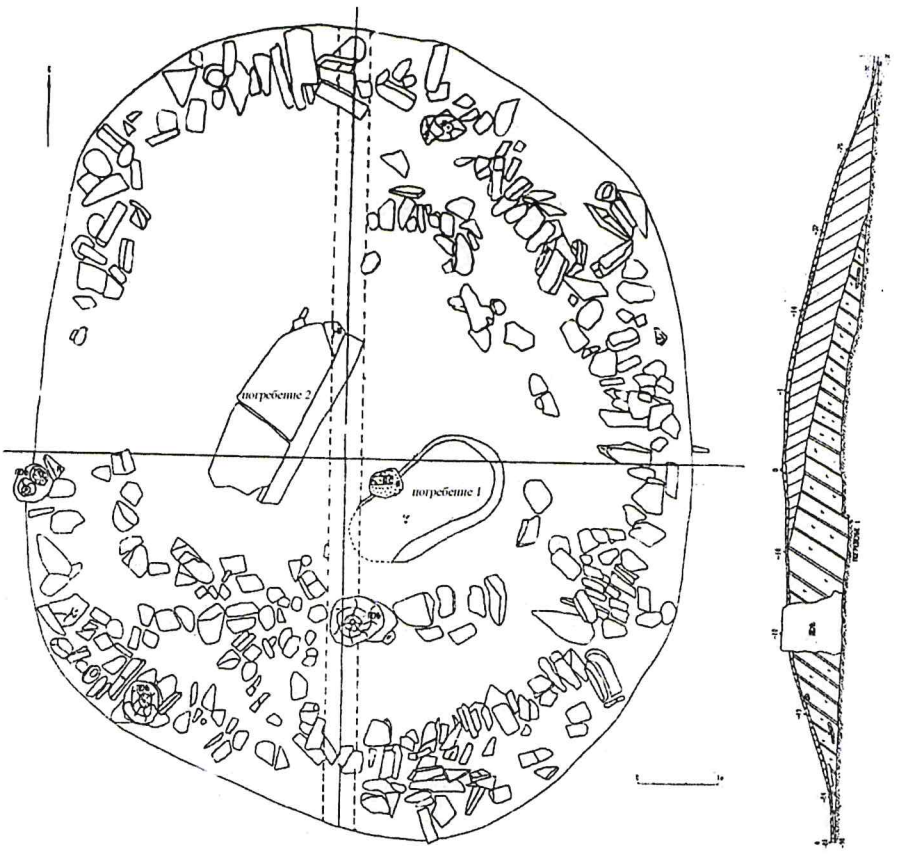
К.1, п.1, вид с С

Рис. 67 Азаренский 1. Погребения второй половины XIV в.

Рис. 68. Мог. Азаренский 1, погр. 8

Курган "Попова 1", план и профили.

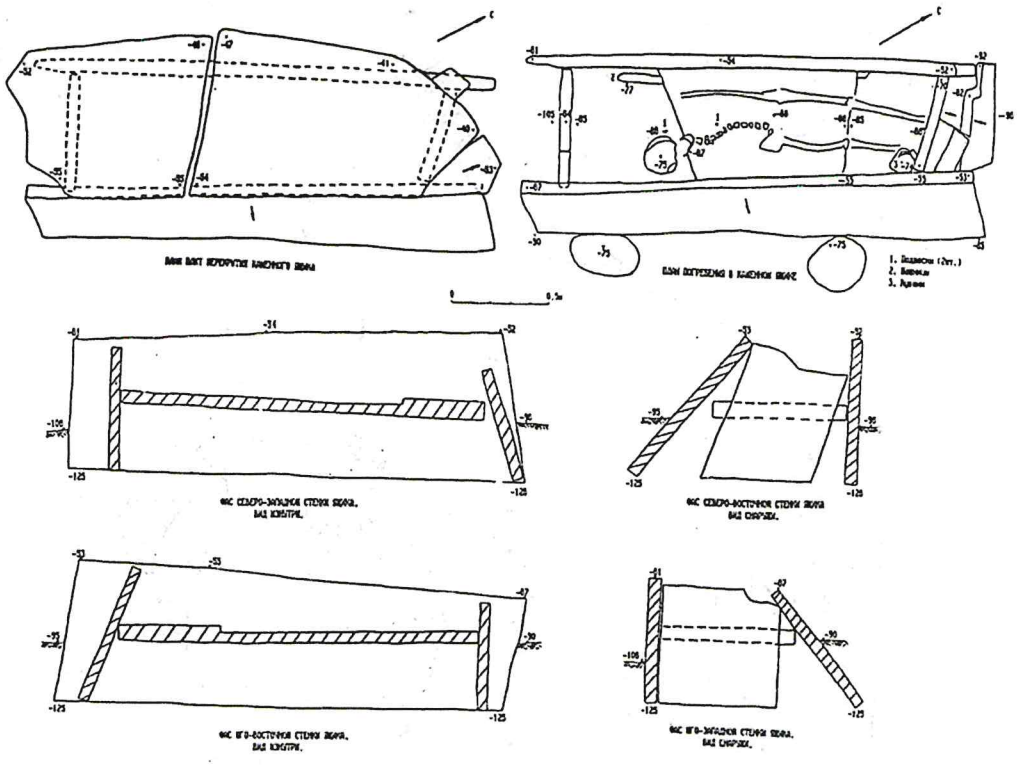

Рис. 69. Курган Попова гора.

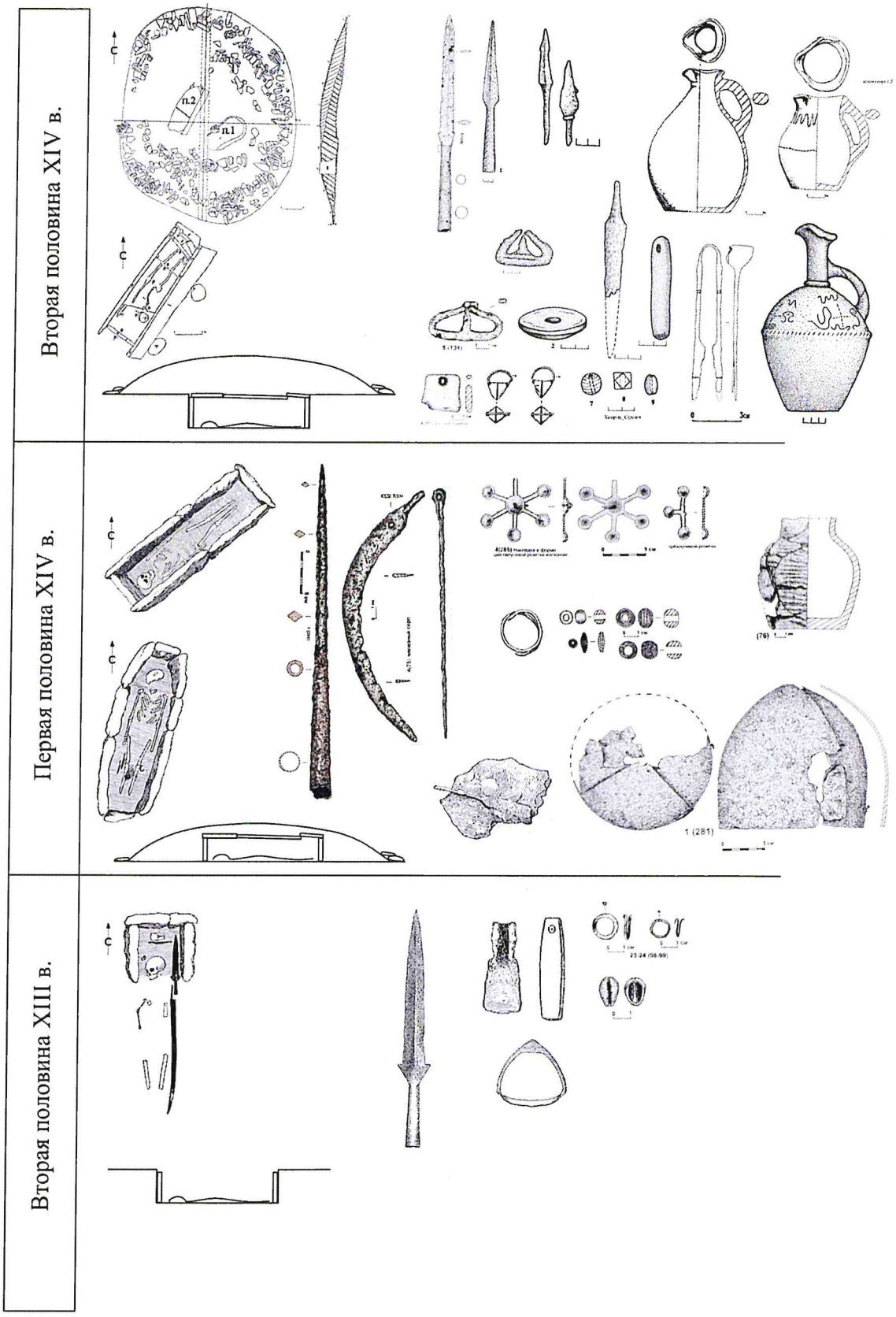

Рис. 70. Эволюция обряда в каменных ящиках района Ново-Михайловского

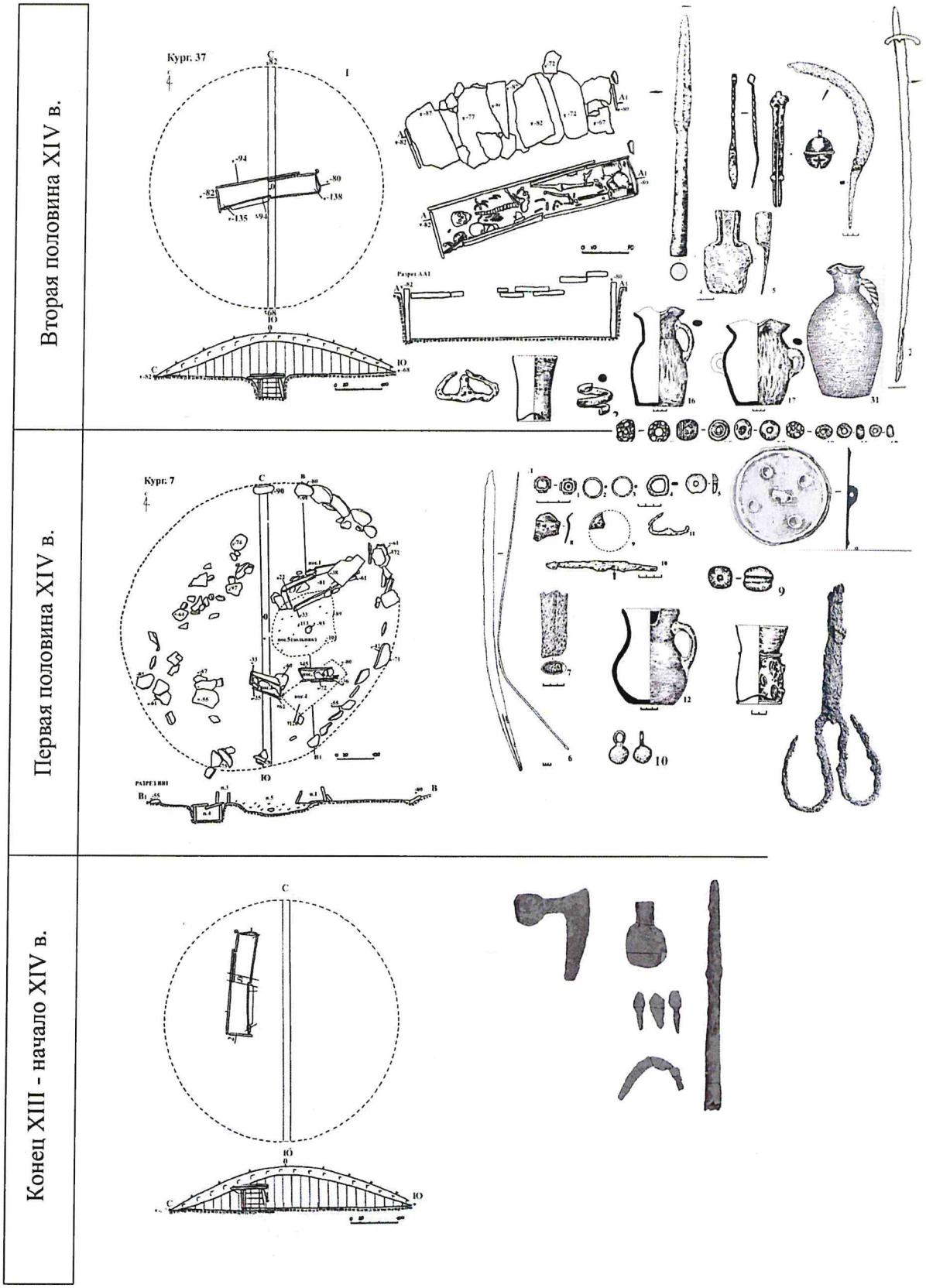

Рис. 71. Эволюция обряда в каменных ящиках района Геленджика.

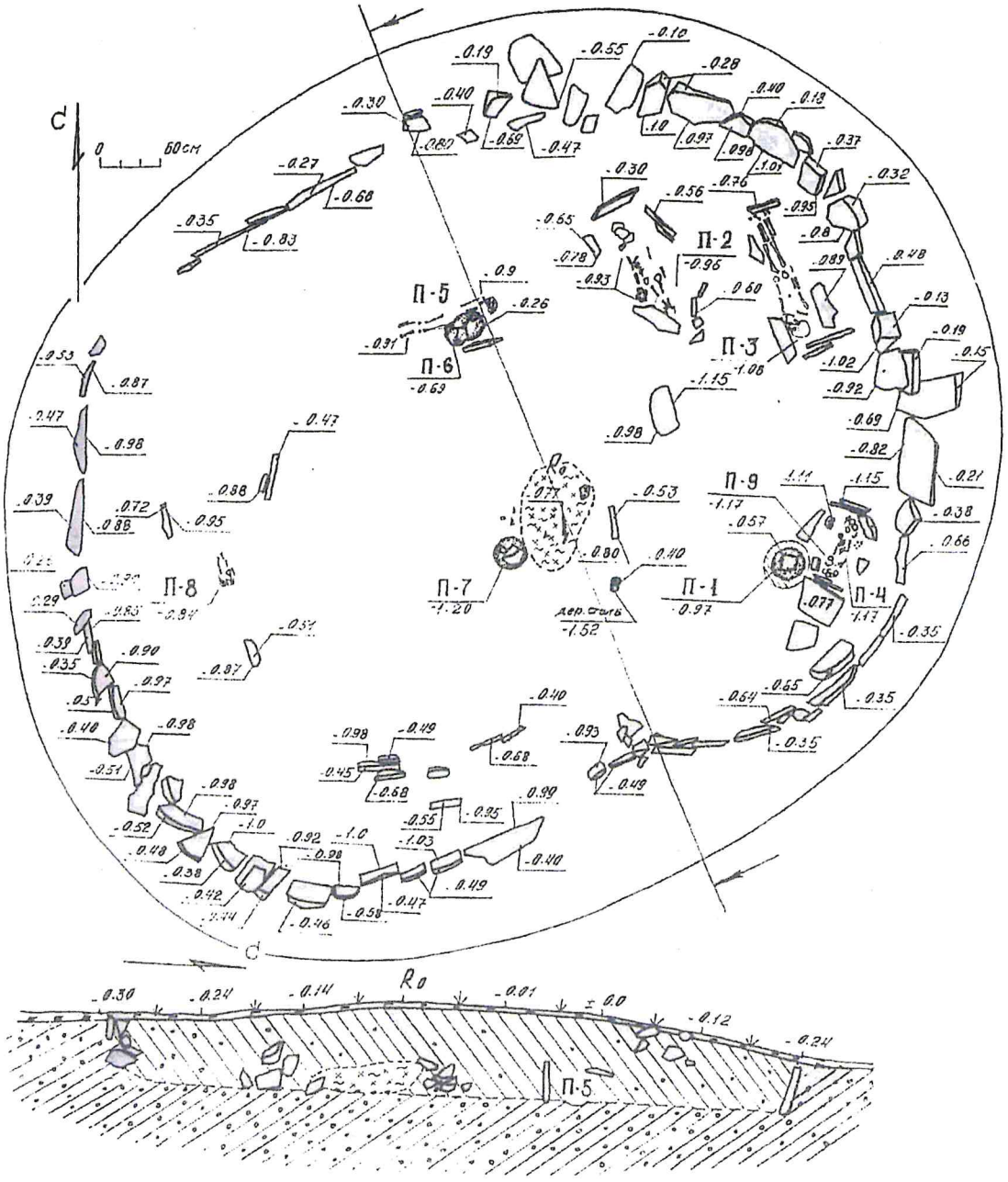
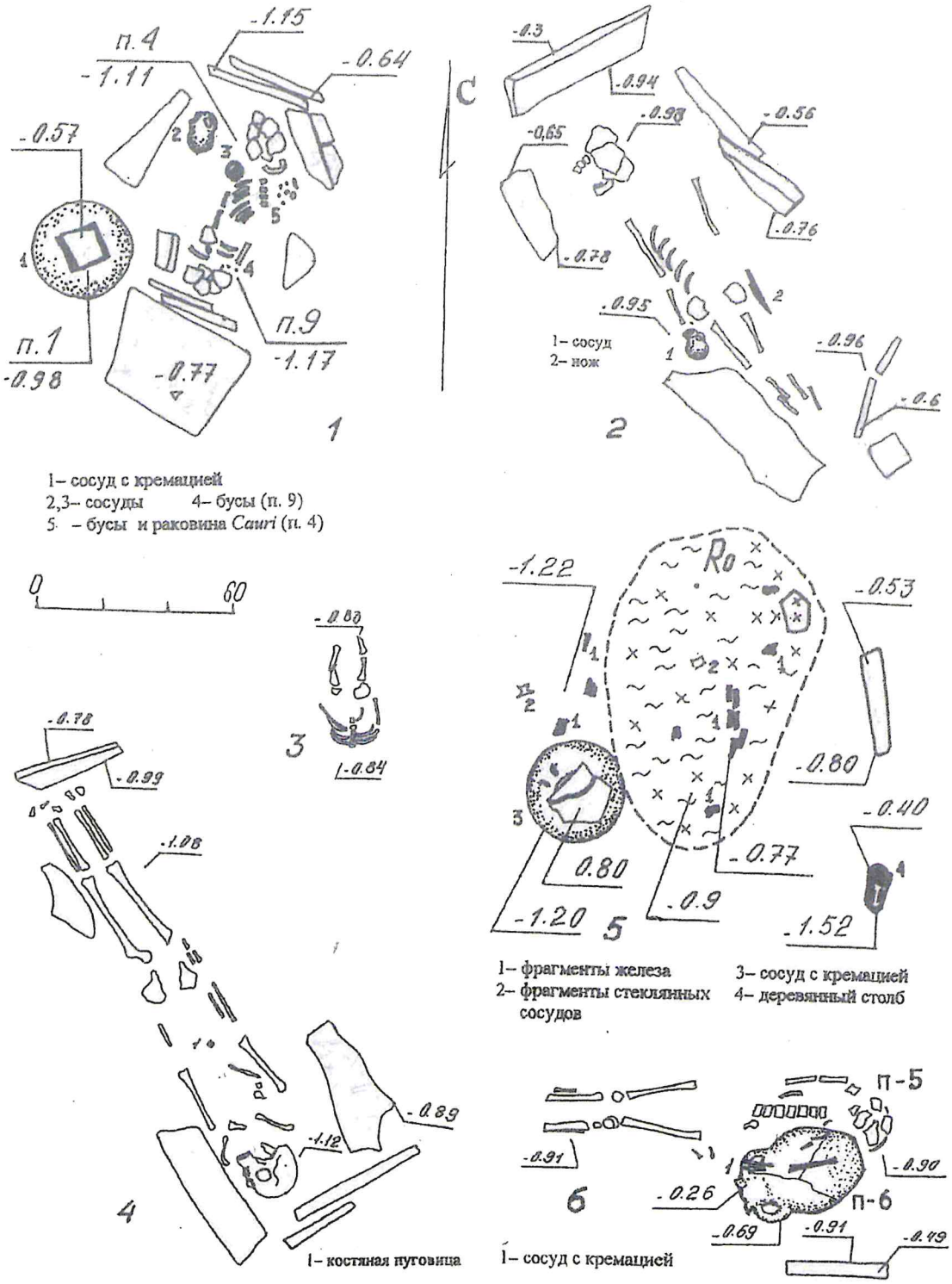
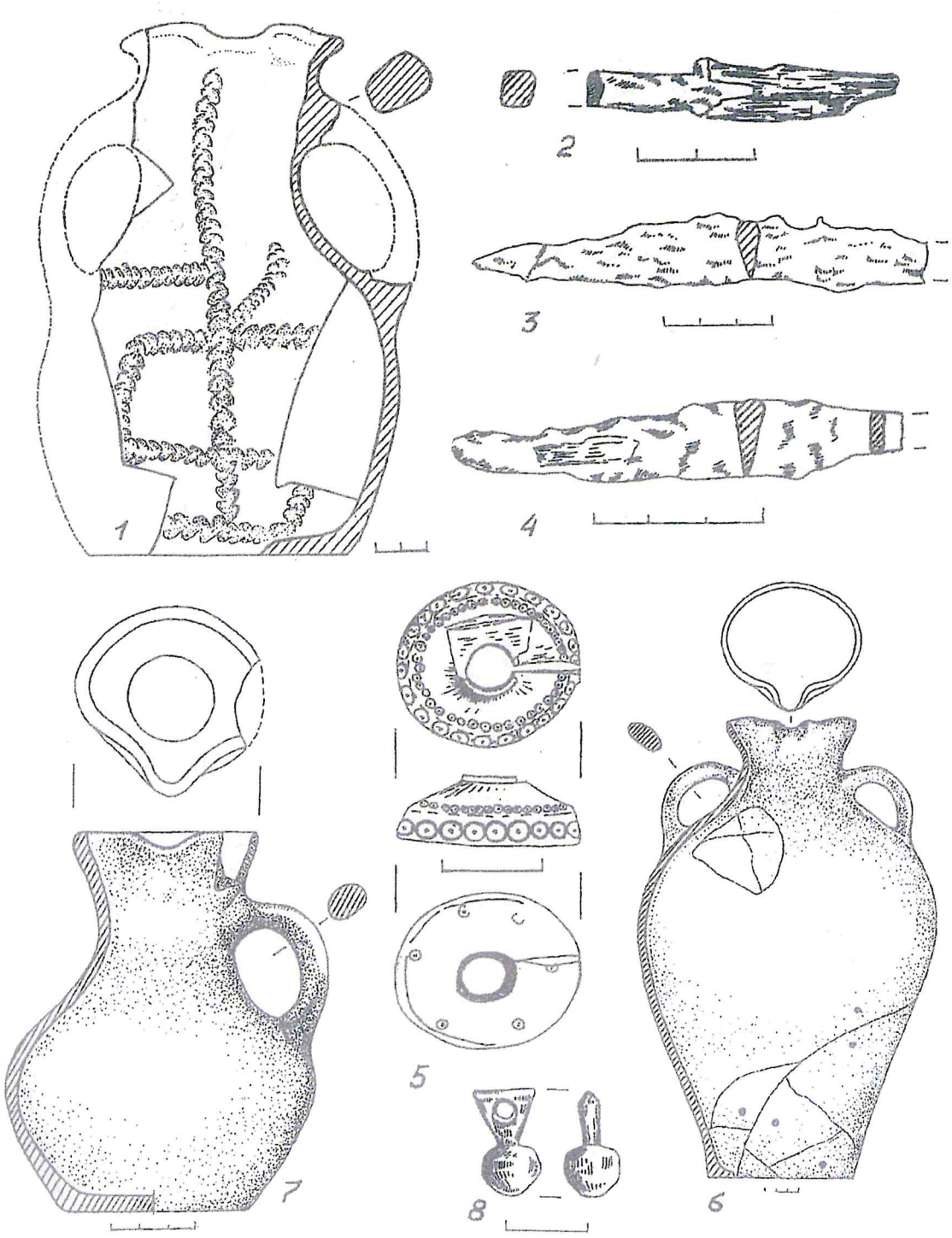

Рис. 72. Ранняя хронологическая группа: мог. Лобанова щель, к. 5 (по: Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002)

1– погр. 1, 4, 9; 2– погр. 2; 3– погр. 8; 4– погр. 3; 5– погр. 7; 6– погр. 5,6

Рис. 73. Мог. Лобанова щель, к. 5. (по: Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002)

1,2– вещи из кургана 4; 3,5,6-- курган 5, вещи из погр. 1; 4,7– курган 5 вещи из погр. 2; 8– курган 5, пуговица из погр. 3

Рис. 74. Инвентарь ранней группы погребений (к. 5 мог. Лобанова щель) (по Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002)

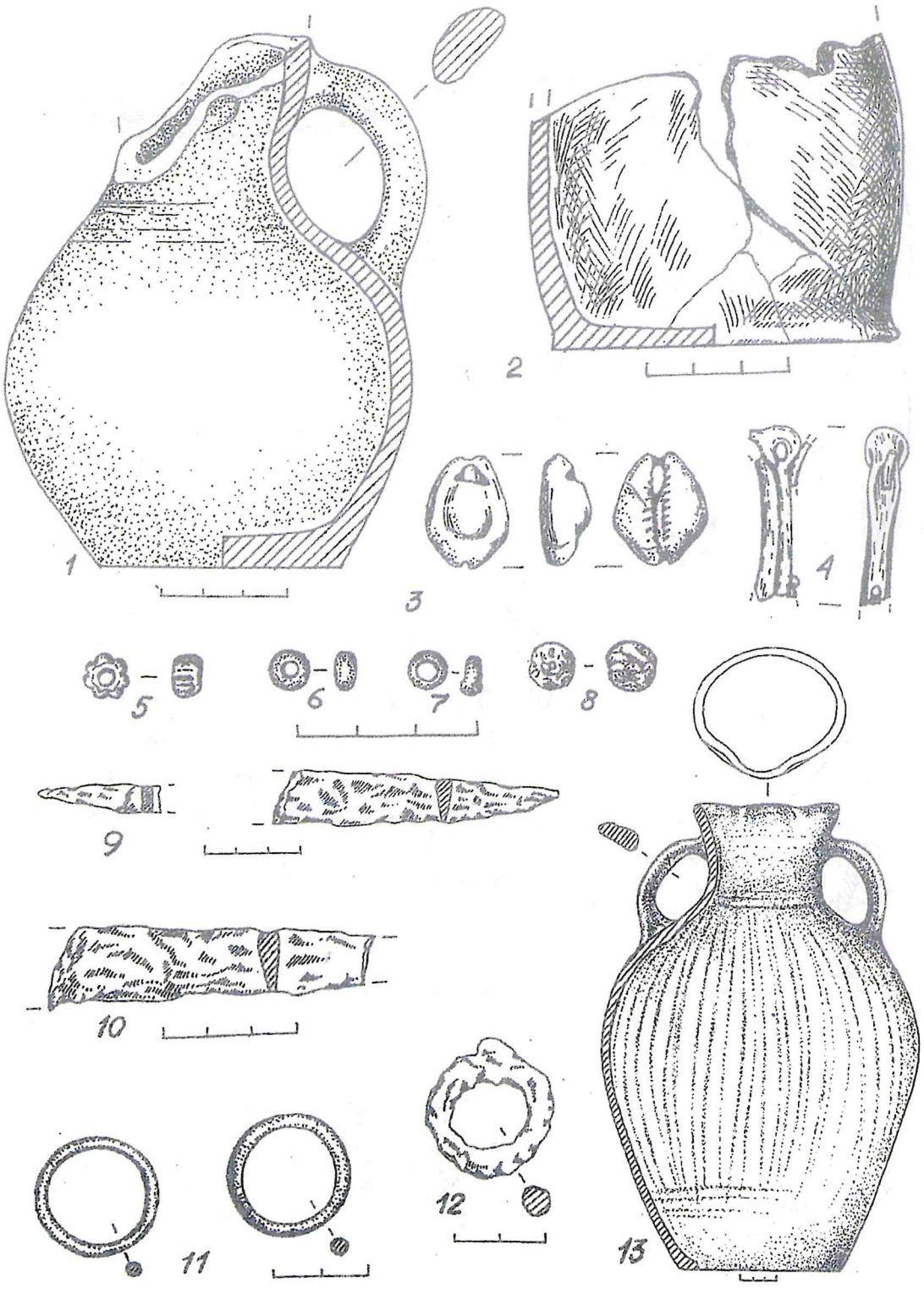

Таблица 11. Вещи из кургана 5: 1–8– погр. 4; 9,10– погр. 6; 11–13– погр. 7

Рис. 75. Инвентарь ранней группы погребений (к. 5 мог. Лобанова щель) (по Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002)

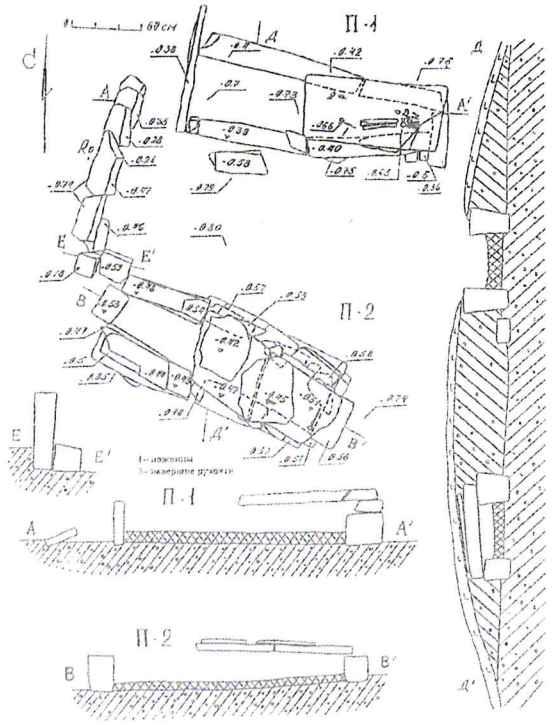

Таблица 2. План кургана 1

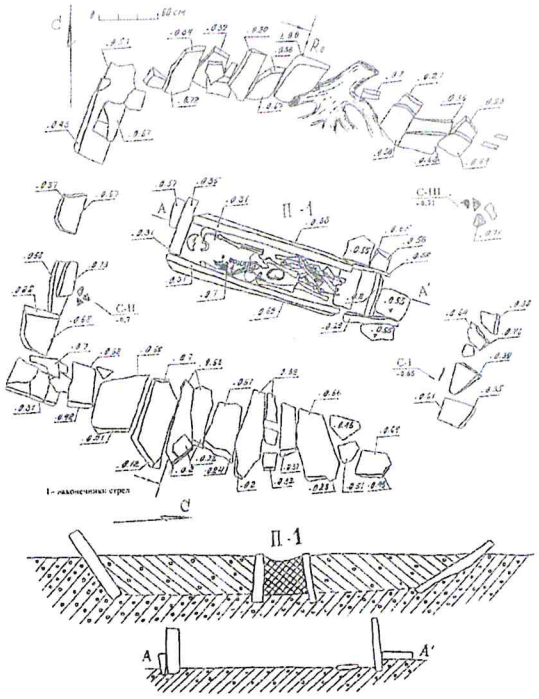

Таблица 3. План кургана 2

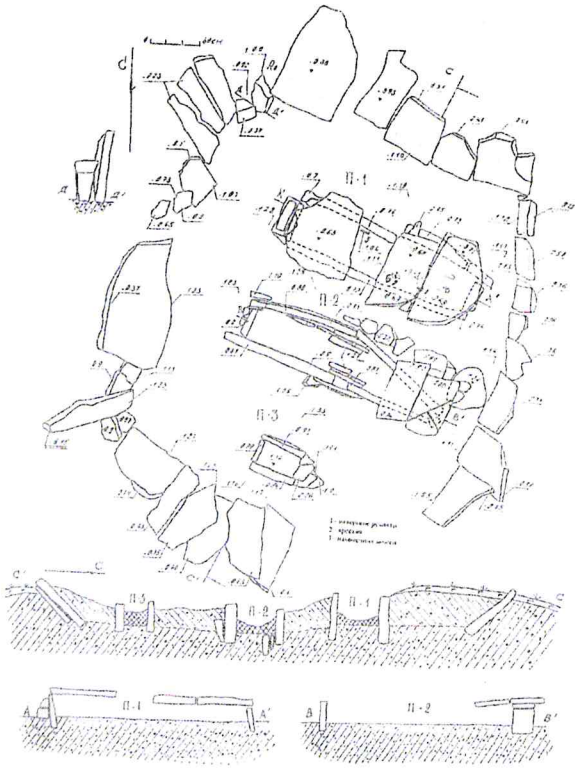

Таблица 4. План кургана 3

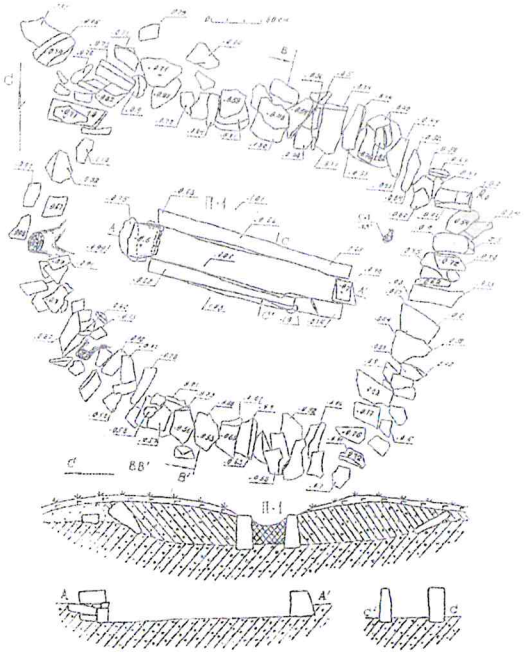
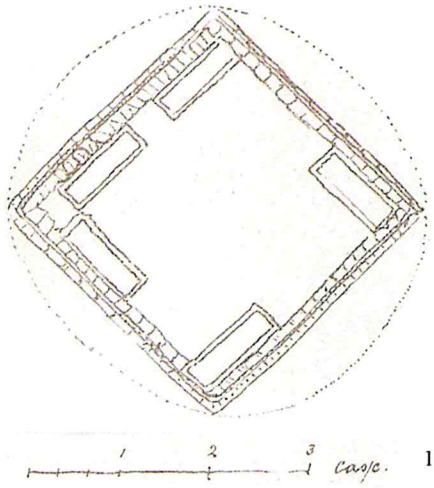

Таблица 5. План кургана 4

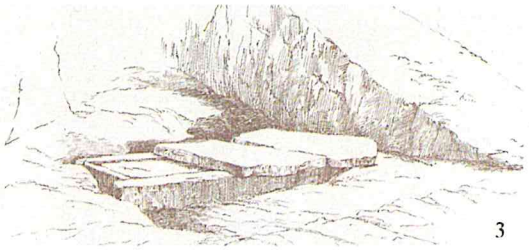
Рис. 76. Курганы мог. Лобанова щель (по: Козюменко Е.В., Раев Б.А., 2002)

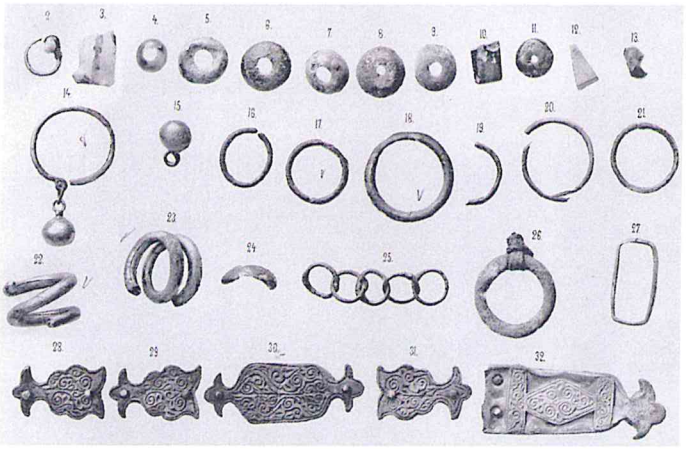
1

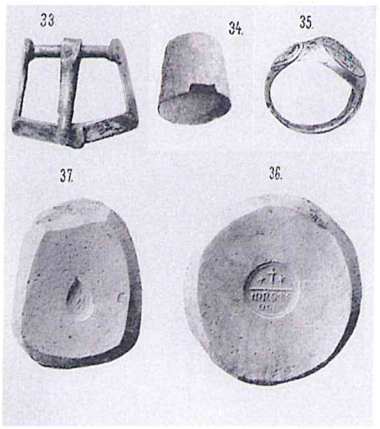

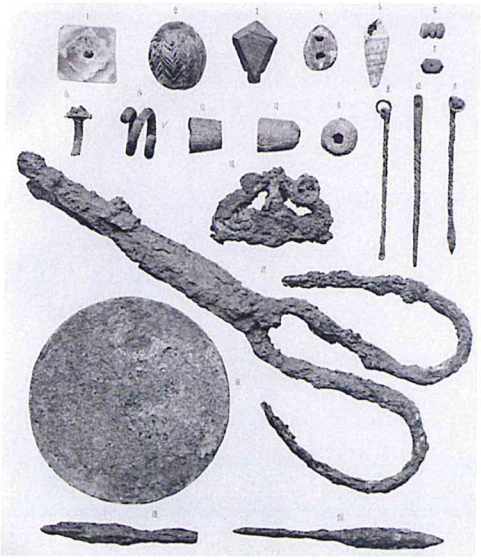
2

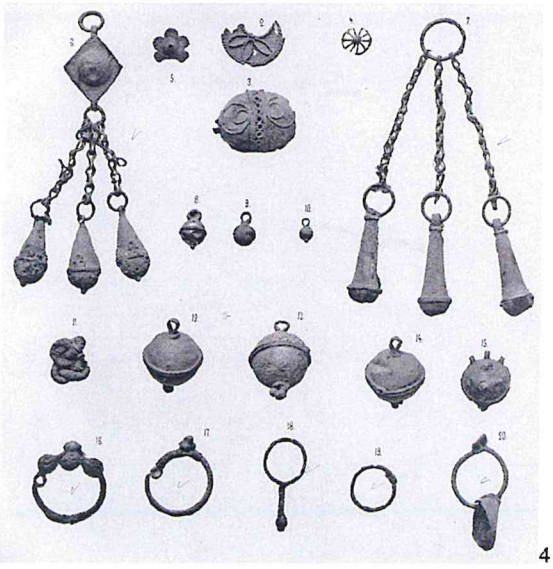

3

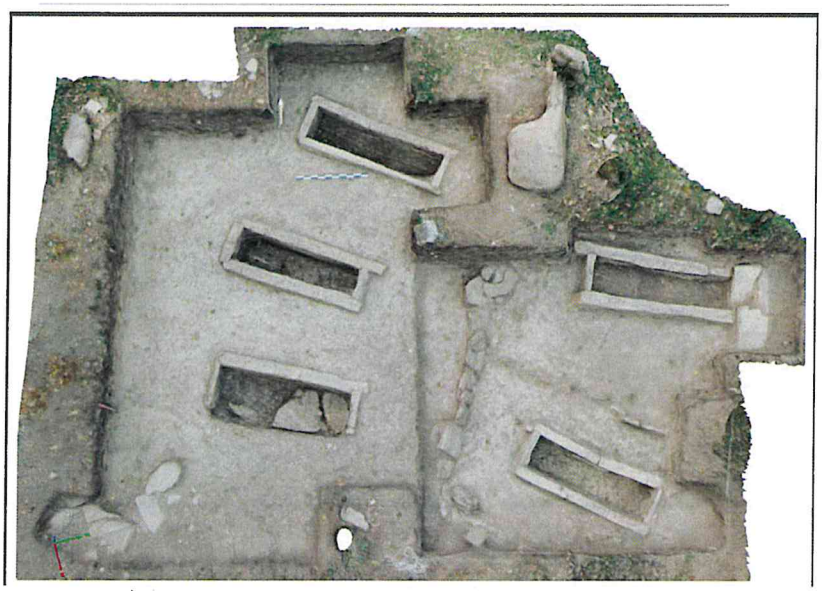

4

Рис. 77

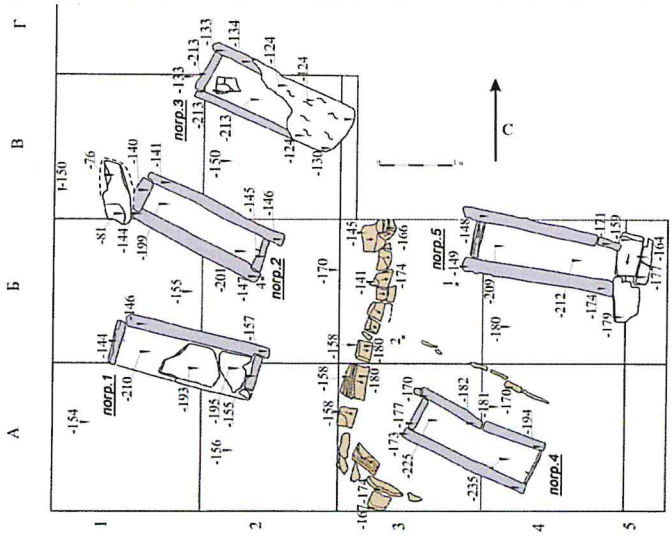

Рис. 78. грунтовые некрополи Гостагаевская и Бедричка

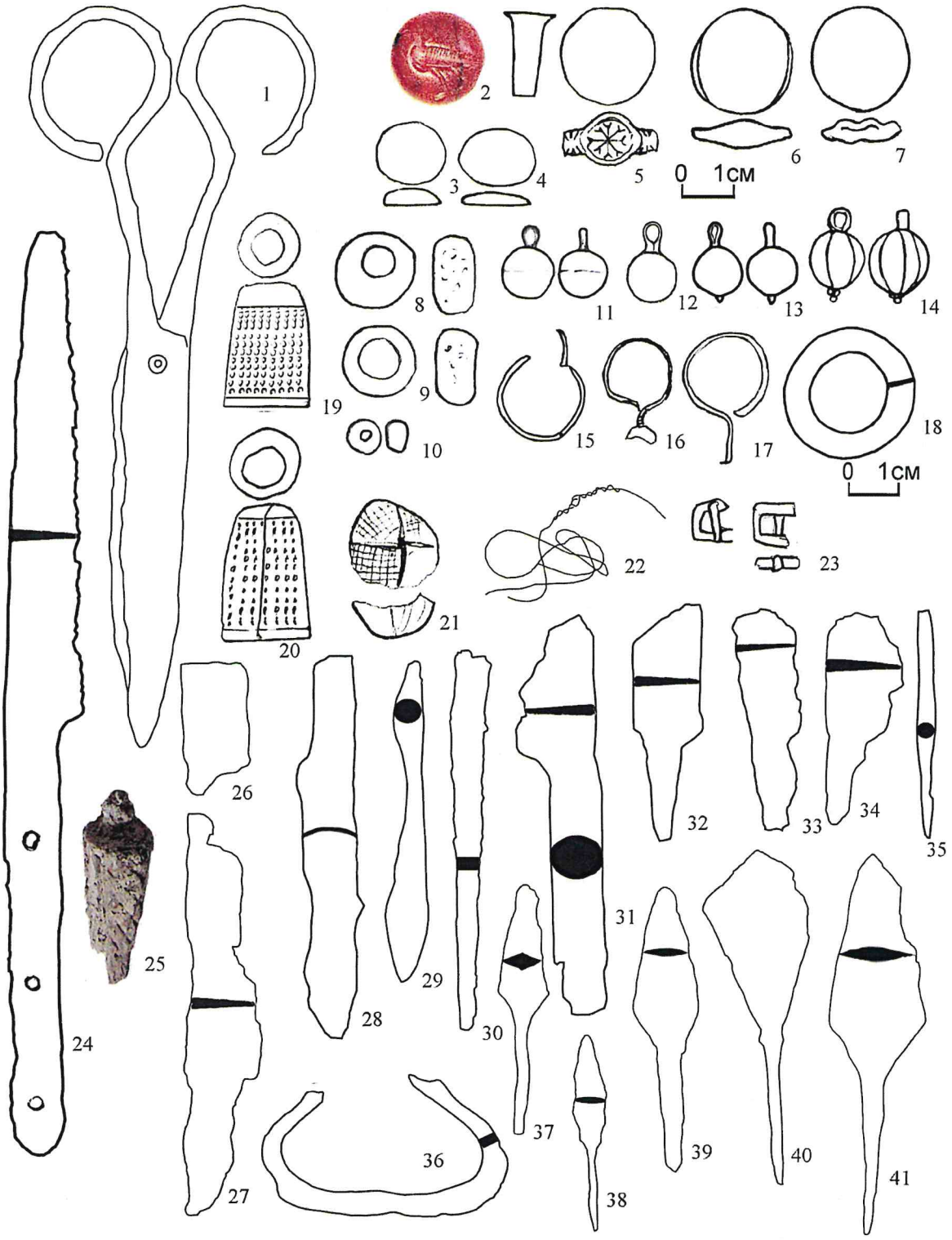

Рис. 79. Инвентарь из каменных гробниц мог. Бедричка (по: Дружинина И.А. и др., 2017)

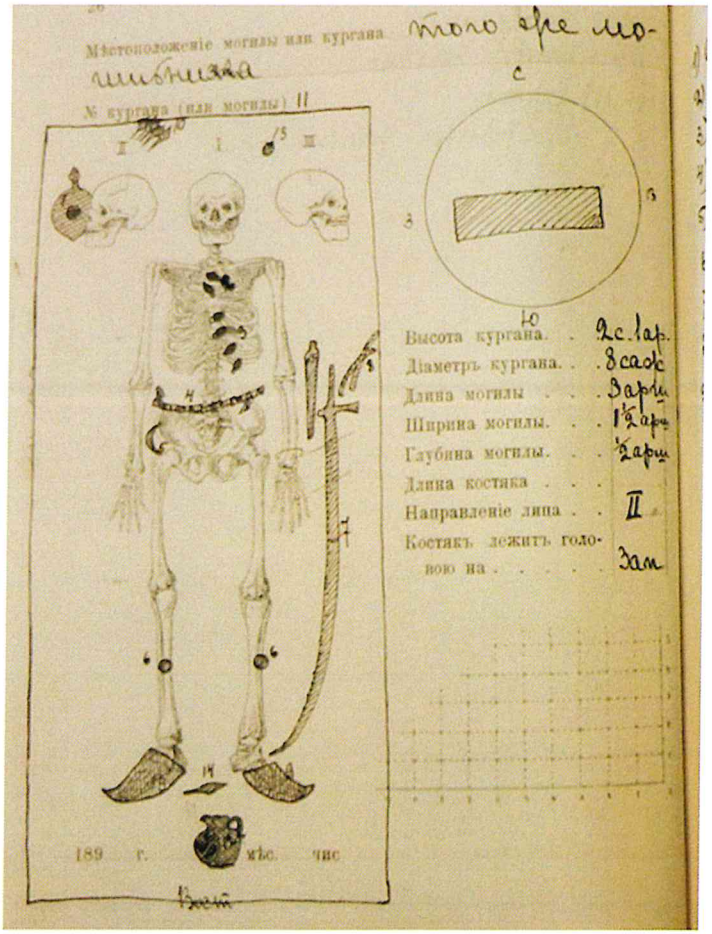

Рис. 80. Погребения в колодах на территории СВ Причерноморья, окрестности Геленджика, раскопки К.К. Мерса

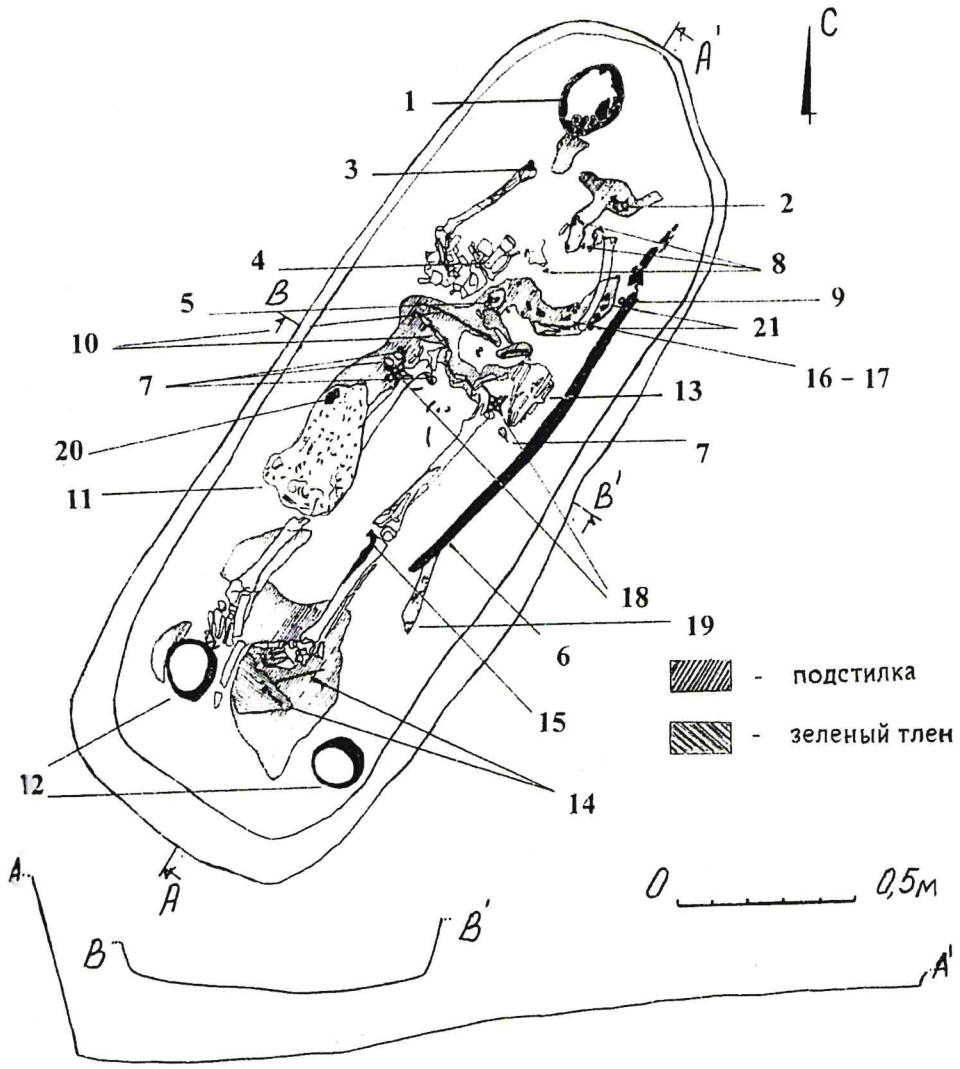

Рис. 1. План погребения № 33 могильника Ахтырский лиман: 1 – шлем; 2 – бусина (горный хрусталь); 3 – фрагмент бубенчика; 4 – кувшин (стекло); 5 – костяная бляха; 6 – сабля; 7 – бубенчики-подвески; 8 – пуговки-бубенчики; 9 – кольцо; 10 – цепь с серебряными вставками; 11 – пятно черного тлена с остатками серебряных нитей и мелкими бронзовыми бляшками; 12 – стремена; 13 – остатки колчана со стрелами; 14 – пятно тлена с бронзовыми заклепками; 15 -- неопределенный предмет; 16 – заклепки; 17 – кольца и заклепки; 18 – ажурные подвески-бляхи; 19, 20 – неопределенные предметы; 21 – бубенчики.

№№ 1, 6, 12, 15, 19, 20 - железо; 3, 7-10, 14, 16-18, 21 - бронза

Рис. 81. Ахтырский лиман (по: Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001).

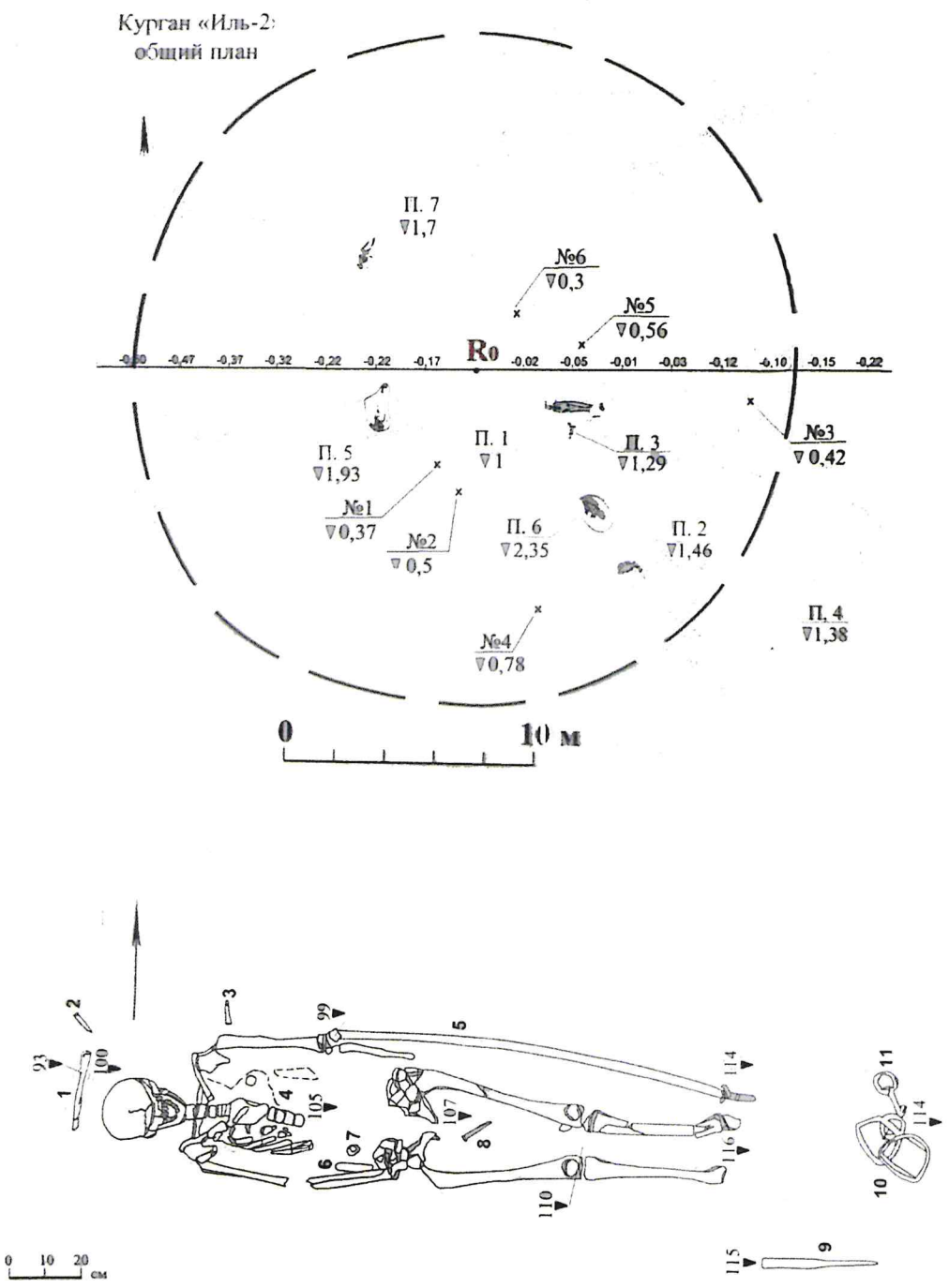
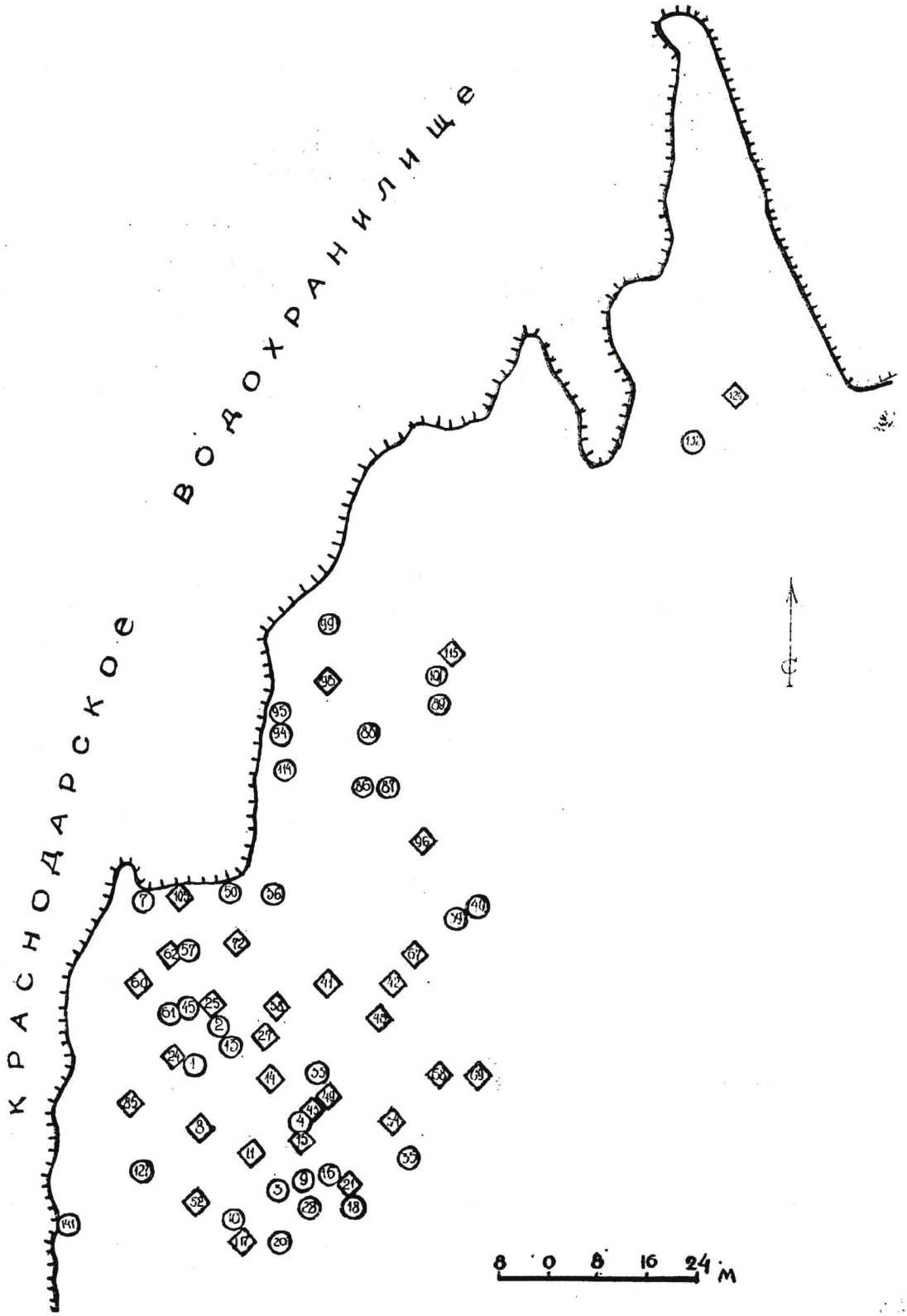

Рис. 82. Иль2 (по: Яцук Д.А., 2013)

Ленинохабльский могильник, погребения XIV—XV вв. План.

Рис. 83.

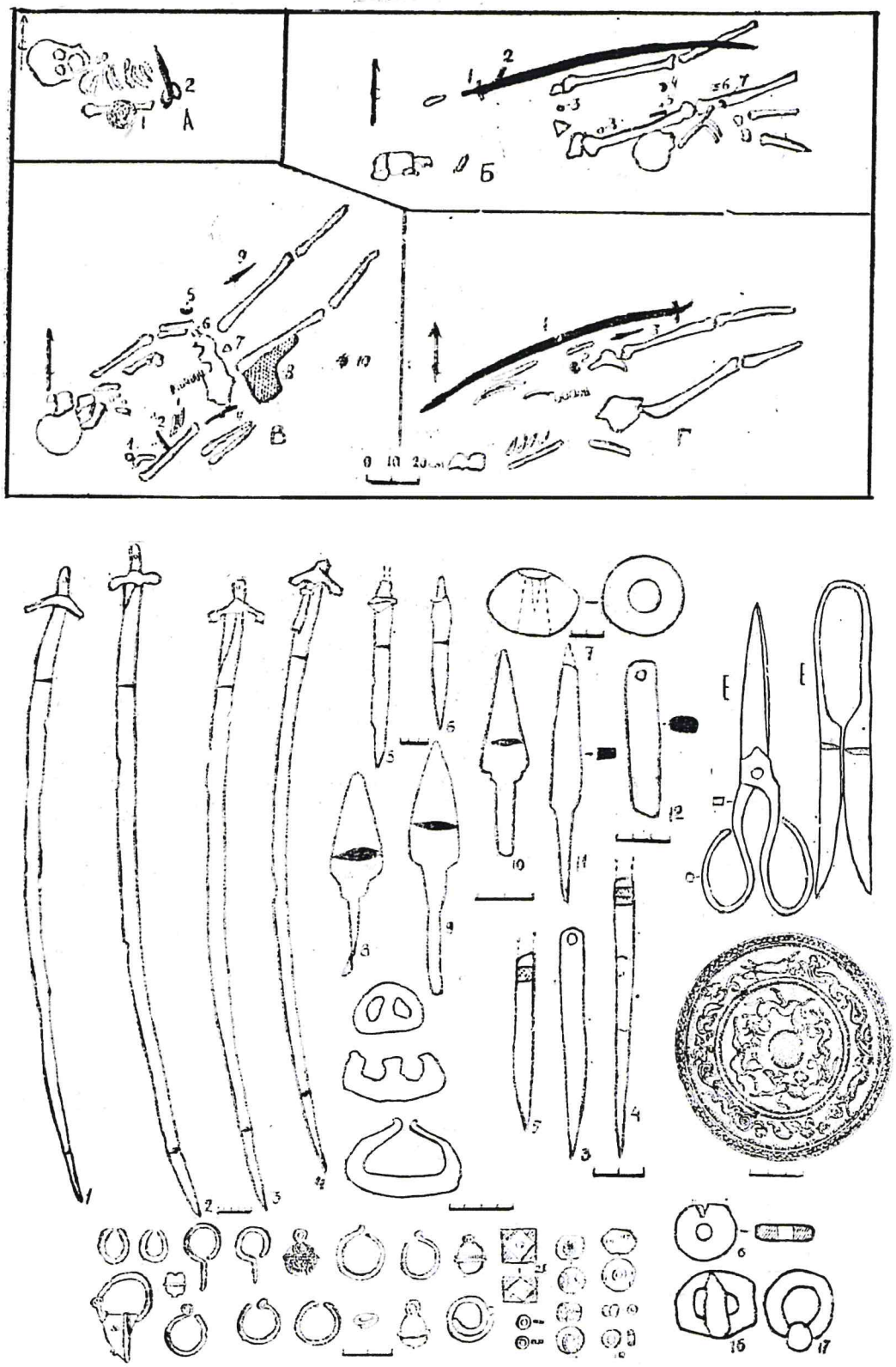

Рис. 84

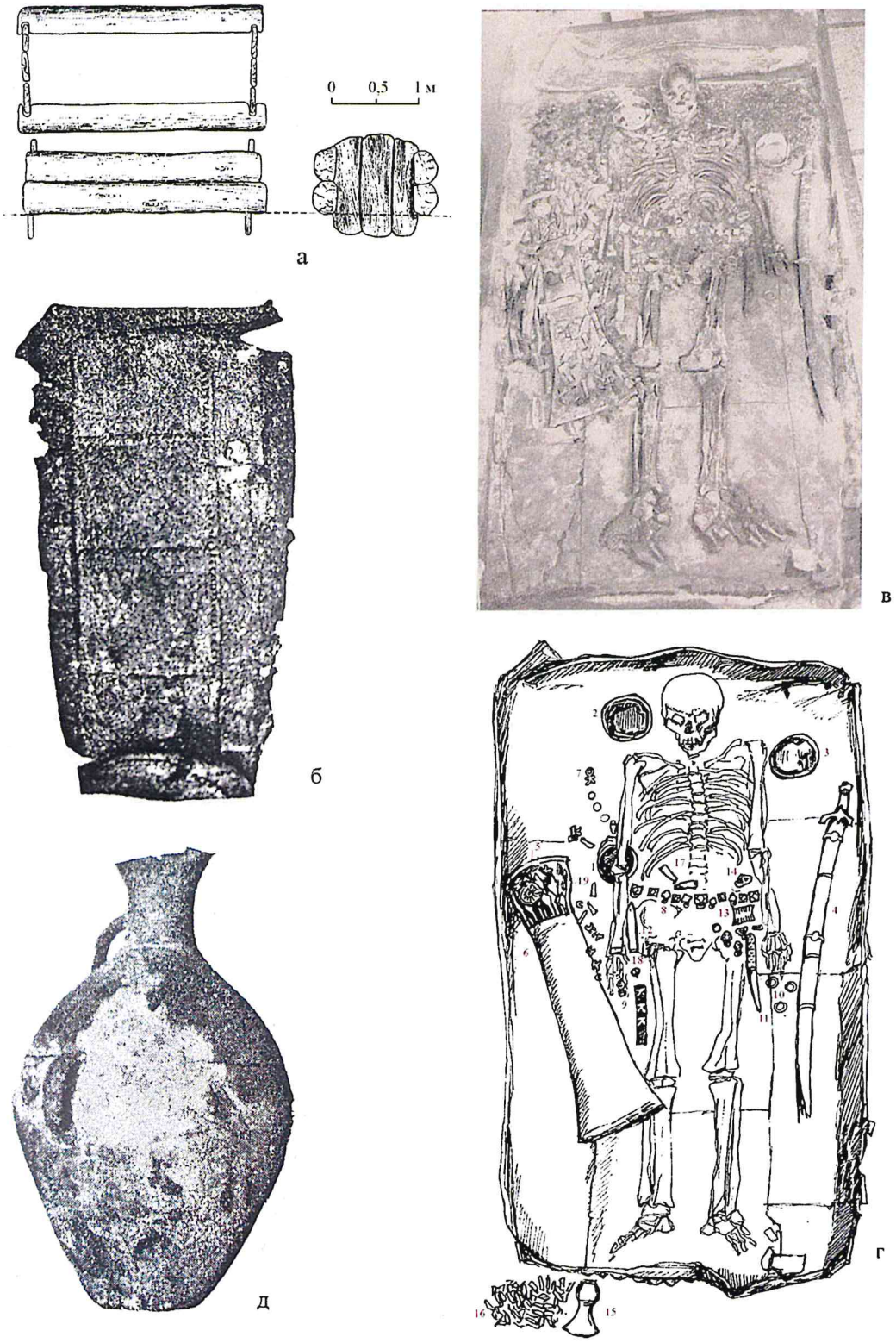

Рис. 85 Погребение 1, курган 1 Белореченского могильника (раскопки Н.И. Веселовского 1897 г.), а- деревянный склеп (по В.П. Левашевой); б- медный гроб (по Н.И.Веселовскому), в- погребение, фотография (по В.П. Даркевич); г.- погребение, рисунок М.В. Горелика: 1- серебряный ковш, 2- серебряная чаша с узором, 3- серебряная неорнаментированная чаша, 4- сабля, 5- серебряная чеканная бляха, 6- деревянно-берестяной колчан, оклеенный кожей и парчой, 7- пояс с серебряными К-образными пряжками, 8-пояс с застежкой-замком из гладких серебряных и золоченых бляшек, 9- чеканные серебряные бляшки с колечками, 10-серебряные портупейные кольца, 11- нож с костяной рукоятью,12-каменный оселок, 13- костяной гребень, 14- железное кресало, 15- железный топор, 16- костяные точеные муфты, 17- серебряный гравированный крючок-застежка стрелкового пояса, 18- железная пряжка, 19- железные наконечники стрел; д - кувшин, обнаруженный в насыпи кургана.

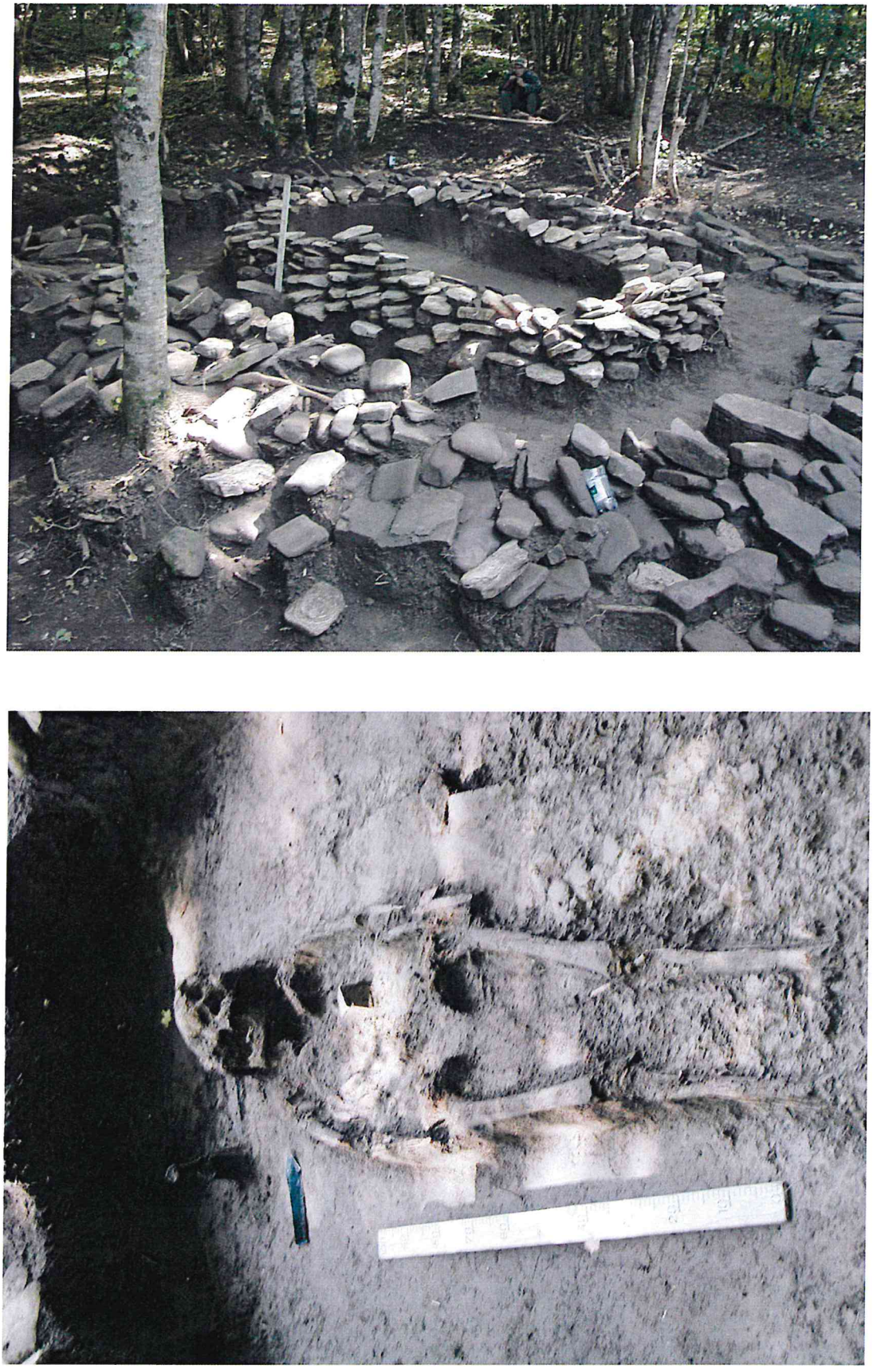

Рис. 86. Могильник Грузинка Ха

Рис. 87. Грузинка Хб. к.1

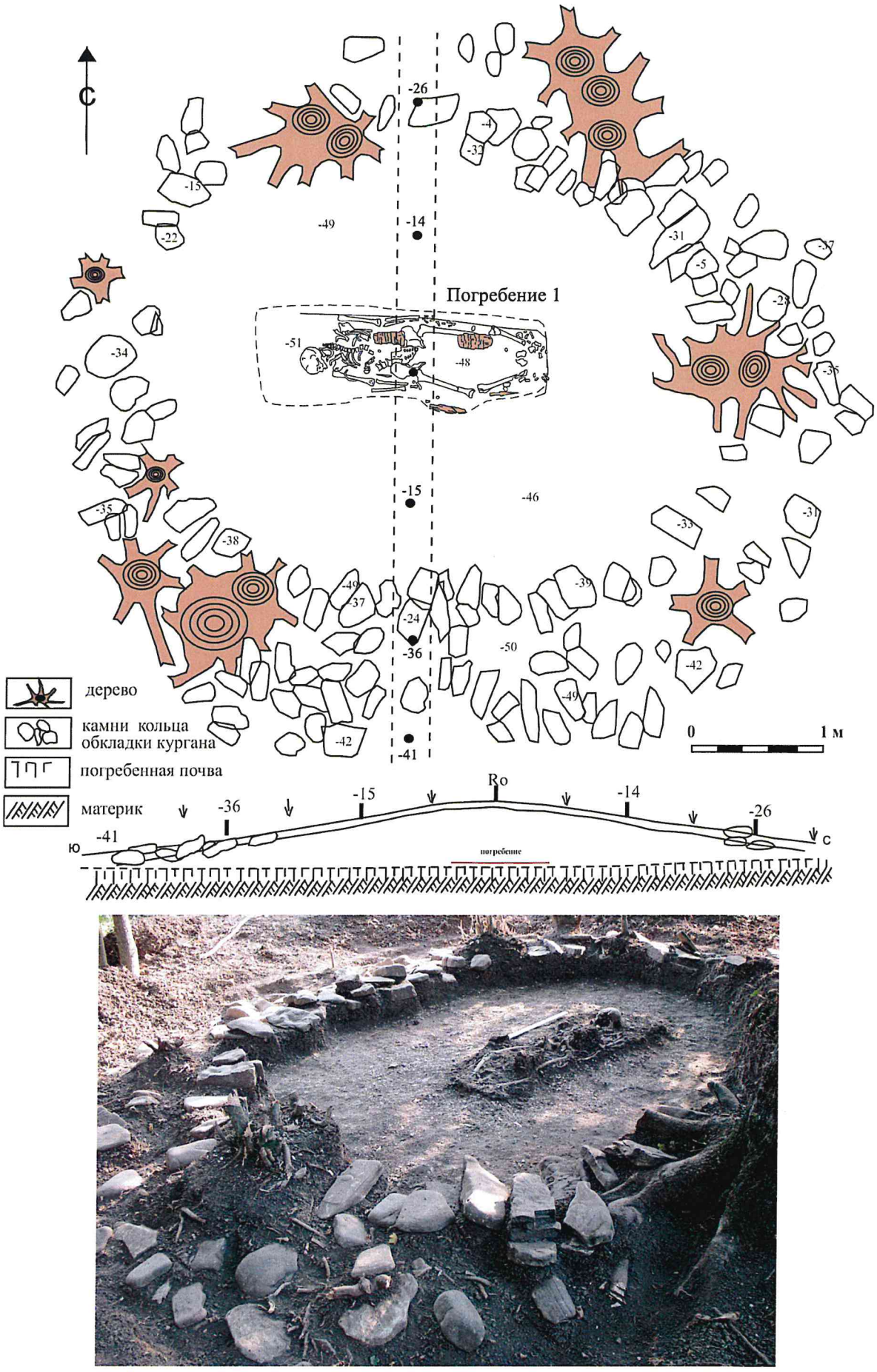

Рис. 88. Грузинка Хб. к. 3

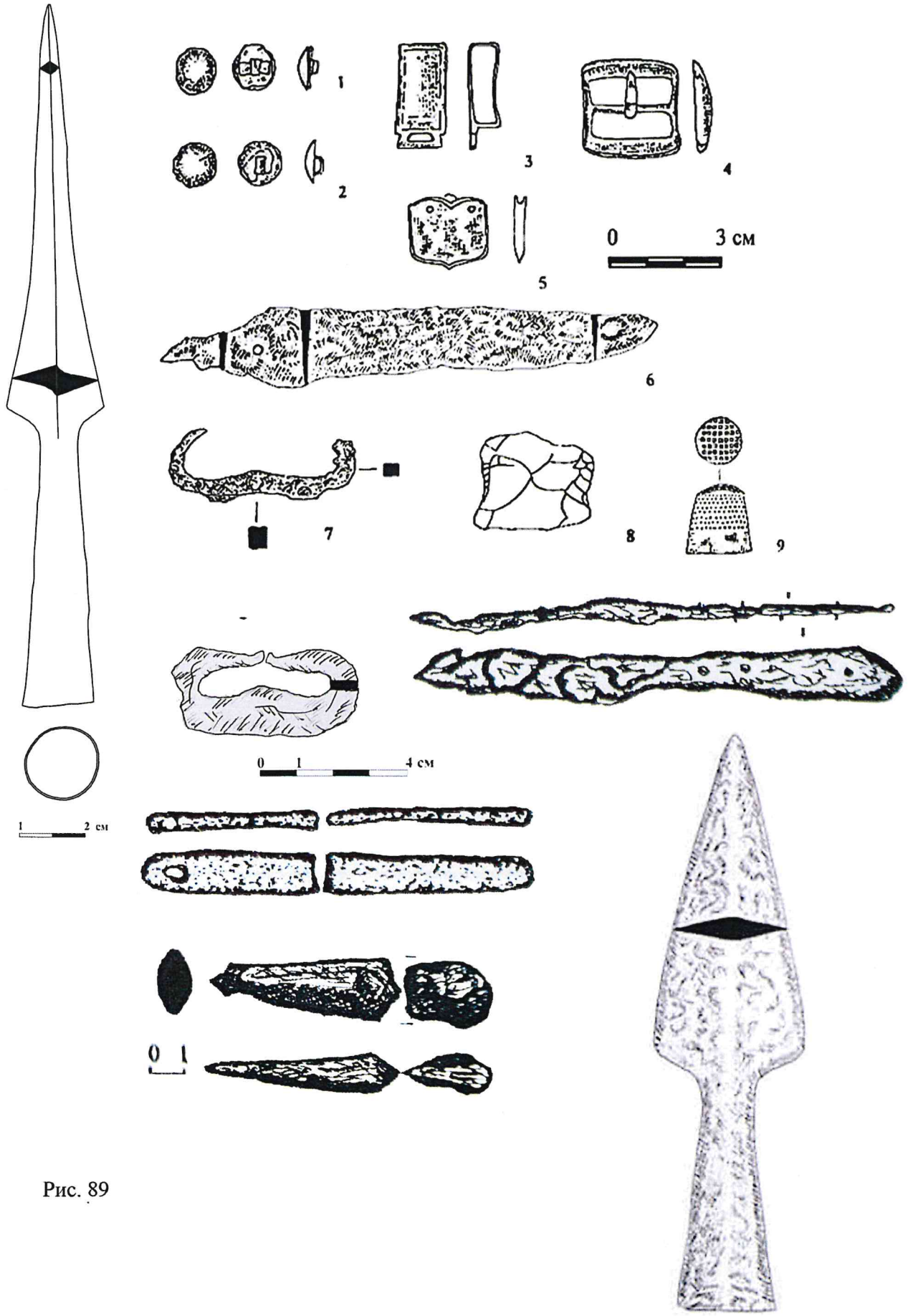
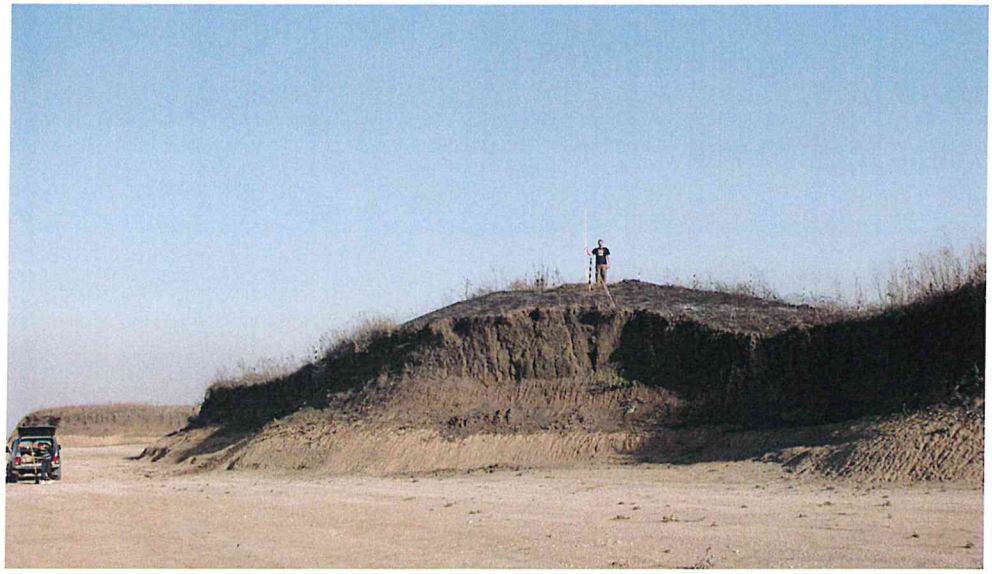

Рис. 89

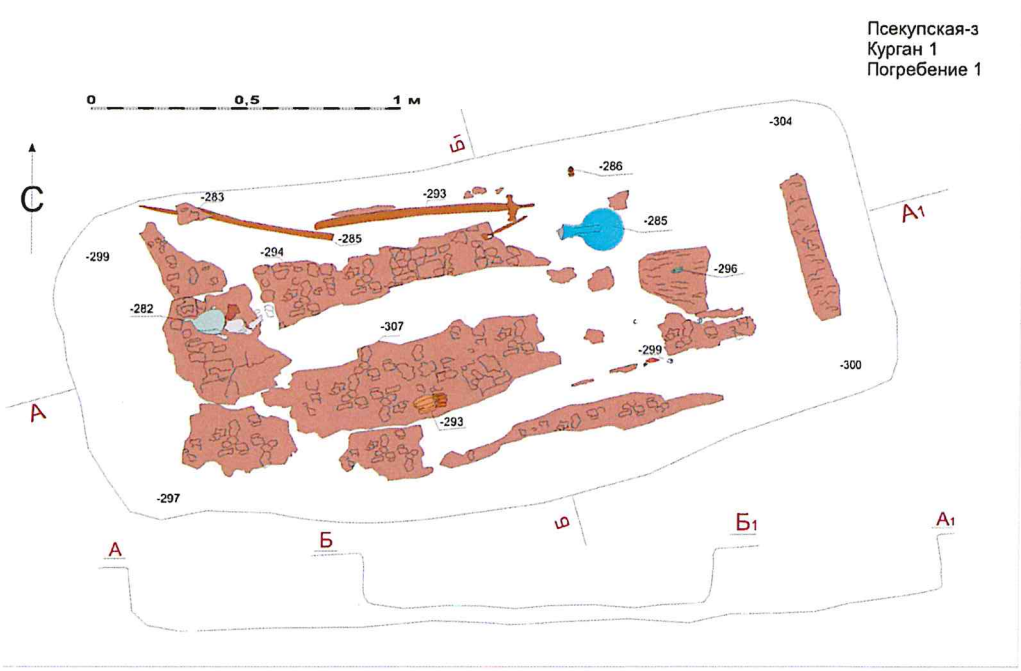

Рис. 43

Рис. 90. Псекупская 3. к. 1

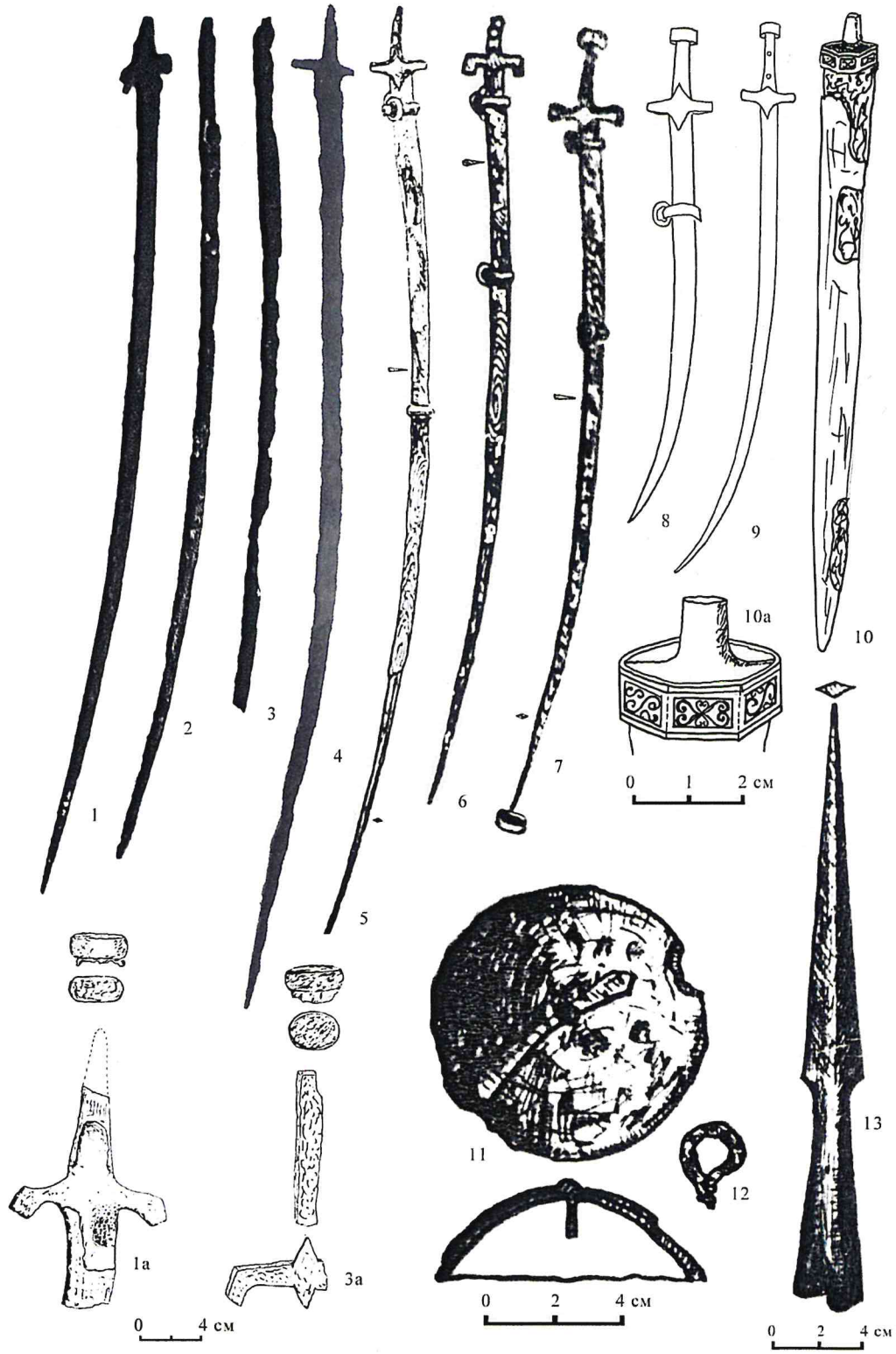

Рис. 91. Предметы вооружения из верхнекубанских курганов.
Сабли из могильников Бесленей: 1 – из к. 1, длина 1,25 м, 1а – эфес сабли из к. 1; 2 – из к. 3, длина 1,1 м; 3 – из п. 2 к. 8, длина ок. 0,9 м, 3а – навершие рукояти, черен рукояти, фрагмент перекрестия сабли из п. 2 к. 8; 4 – из к. 10, длина 1,15 м; в устье р. Байтал-Чапкан: 5 – из к. 3, длина 1,2 м; 6 – из к. 9, длина ок. 1,13 м; 7 – из к. 10, длина ок. 1,26 м; в верховьях р. Байтал-Чапкан: 8 – из к. 1, длина 0,85 м; 9 – из к. 2, длина 1,18 м.
Длинный нож из к.4 мог. Жако – 10,10а. Мог. в устье р. Байтал-Чапкан, к. 12: 11 – умбон щита, 12 – петля.Железо: 1-9, 11-13; железо и серебро: 10,10а.

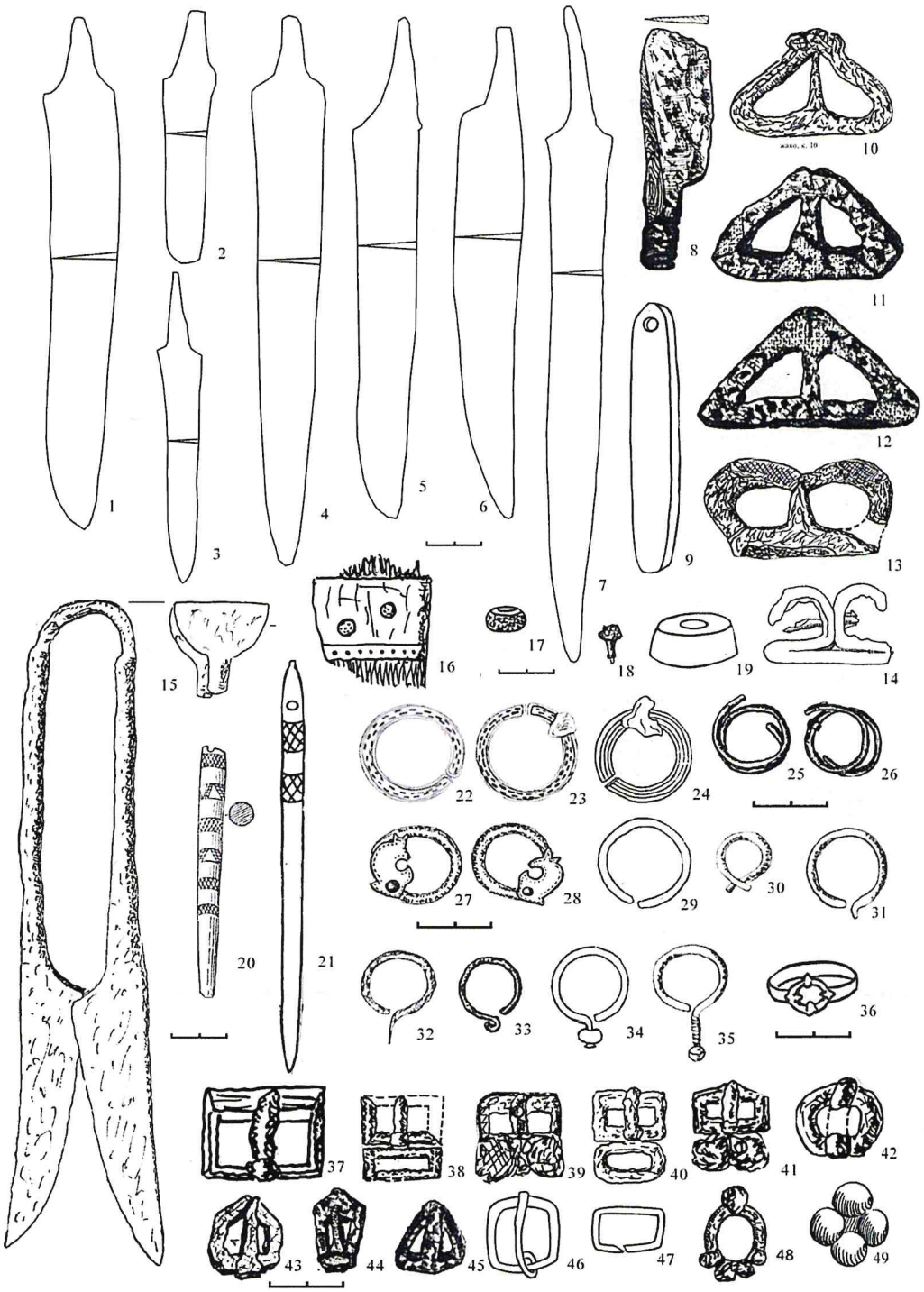
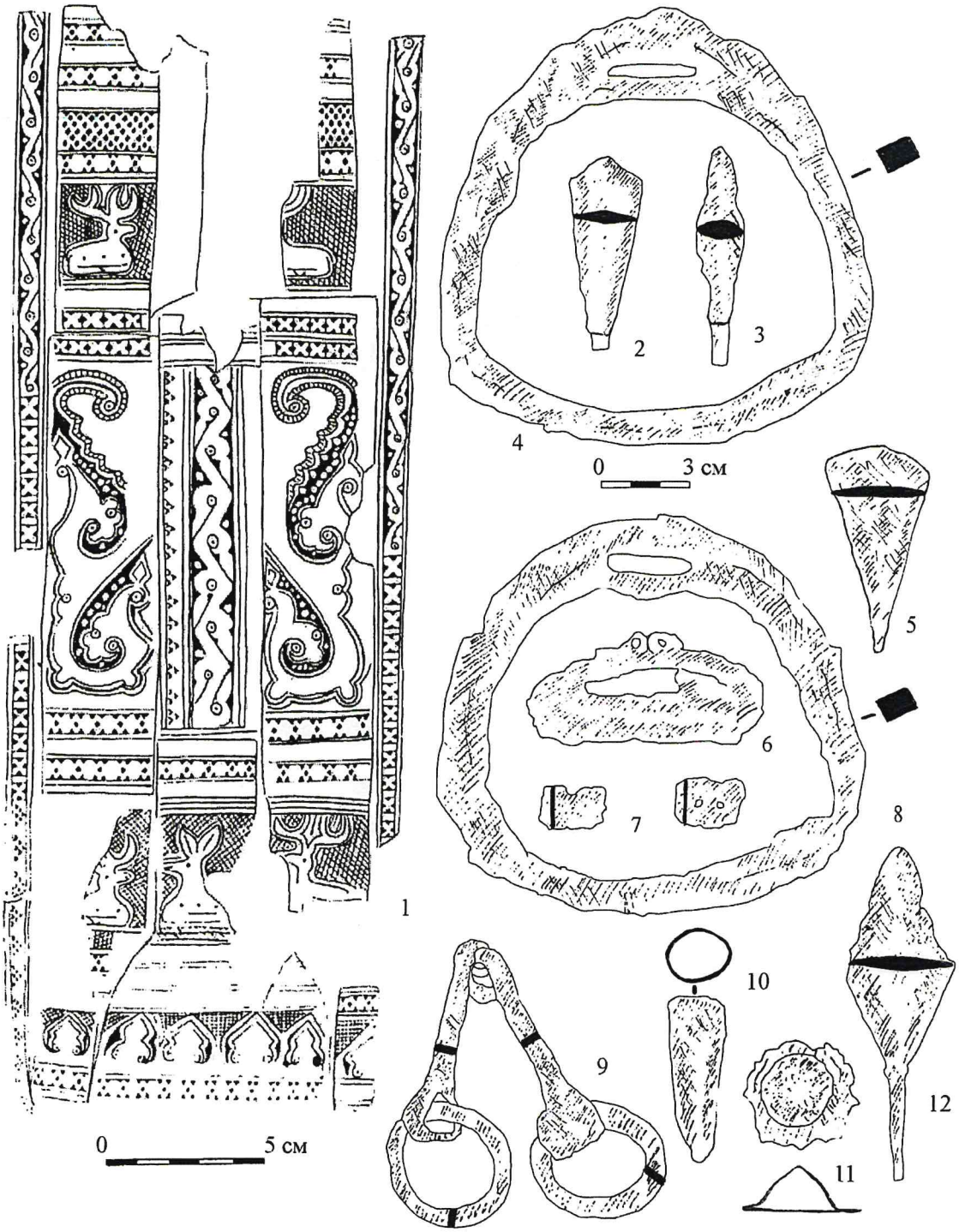

Рис. 92 Предметы быта и украшения из верхнекубанских курганов

. Курган 8, погребальный инвентарь:
1 - обкладка колчана (реконструкция Л.М. Гаврилиной), 4,8 - стремена, 2,3,5,12 - наконечники стрел, 6 - кресало, 7 - бляшки, 9 - удила, 10 - вток копья, 11 - бляха.
1 - кость, 2-12 - железо

Рис. 93. Мог. Урочище гора. К. 8

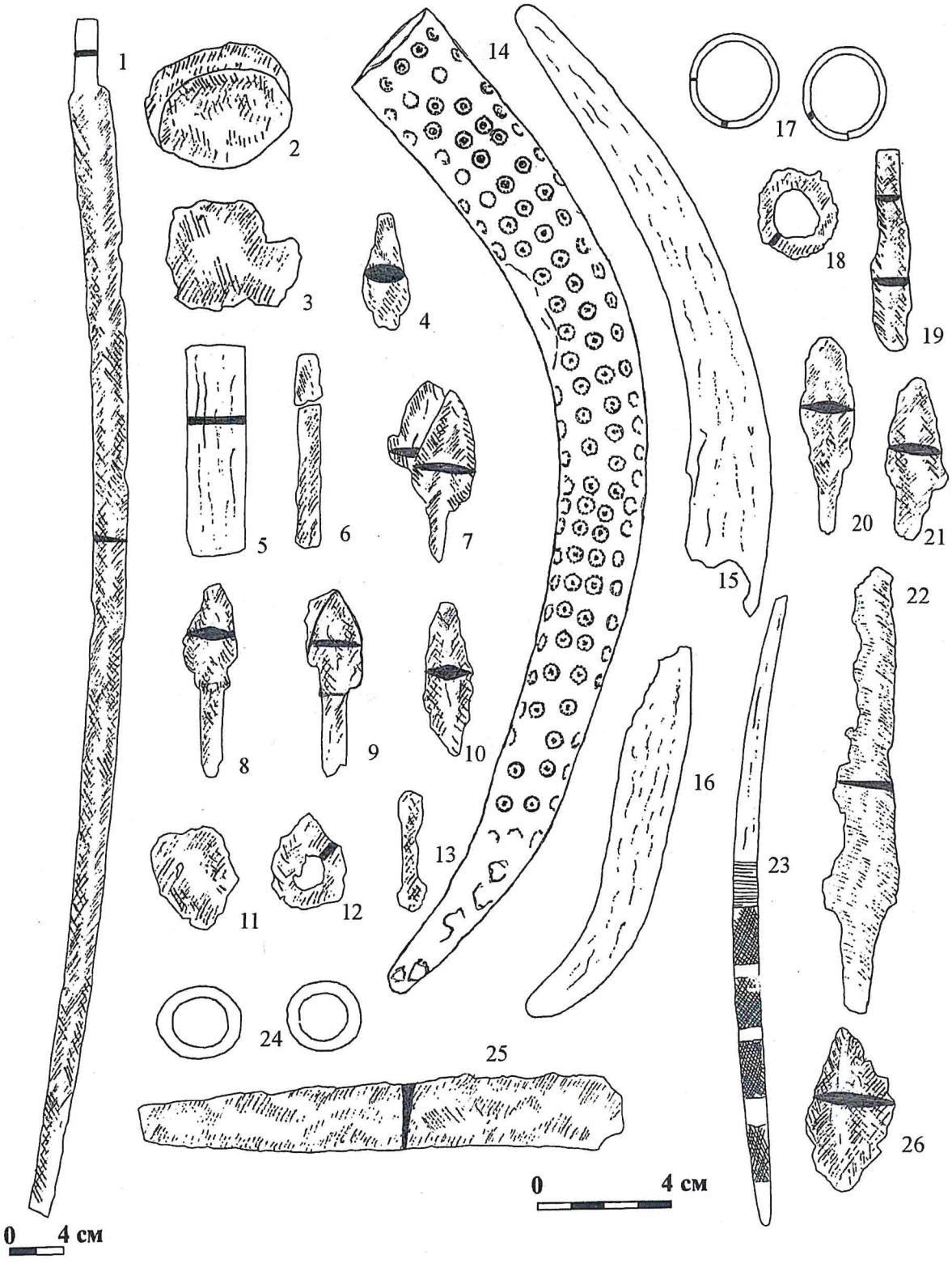

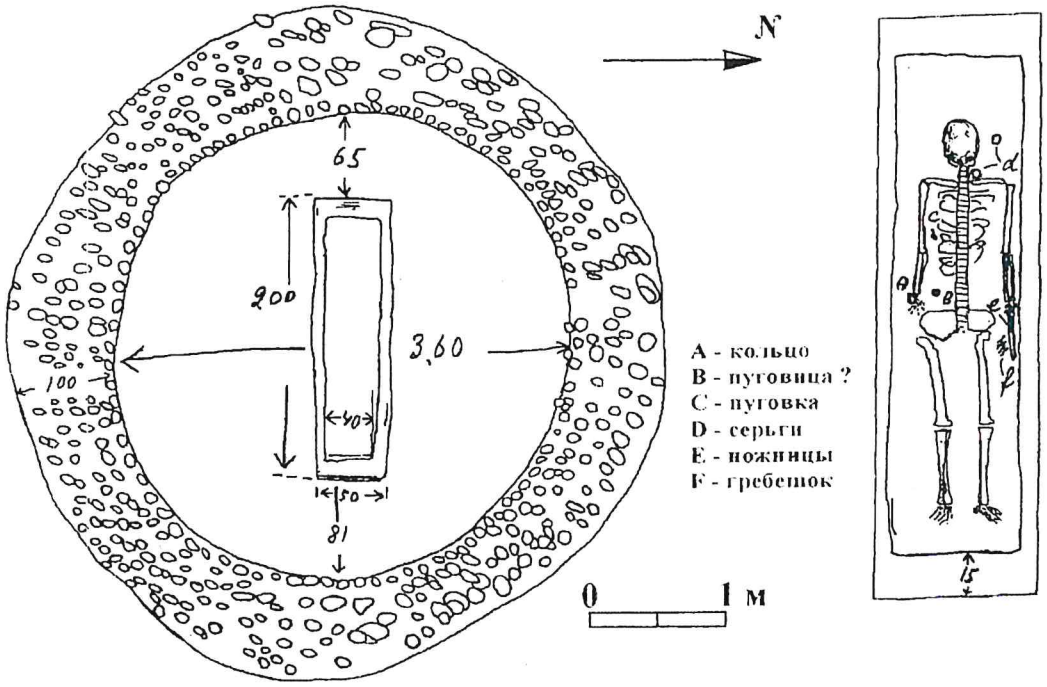
Рис.94.Курганы 19-22, погребальный инвентарь:
1- сабля, 2,3 - фрагменты обкладки сабли, 4,7-10 - наконечники стрел, 5 - накладка, 6 - пластинка, 11 - пластина от колчана, 12 - кольцо от колчана, 13 - стержень, 14- рог, (курган 19); 15,16 - рог; 17 - кольца, 18 - кольцо, 19 - пластинка, 20,21 - наконечники стрел, 22 - нож (курган 20); 23 - проколка (шильце), 24 - кольца, 25 - нож (курган 21);,26 - наконечник стрелы (курган 22).
1-4, 6-13, 18-22, 25,26 - железо, 14-16 - рог, 17 - бронза, 23 - кость, 24 - золото

Рис. 95 . Инвентарь погребений мог. Глубокая балка и
в 1 версте от Большого кургана (раскопки Д.Я. Самоквасова)

Расположение курганных могильников XV-XVII вв. в районе Пятигорья. Схема составлена А.П. Руничем.

. Подкурганное погребение, исследованное у горы Дубровка 6.04.1929 (по Н.М. Егорову).

Рис. 96.

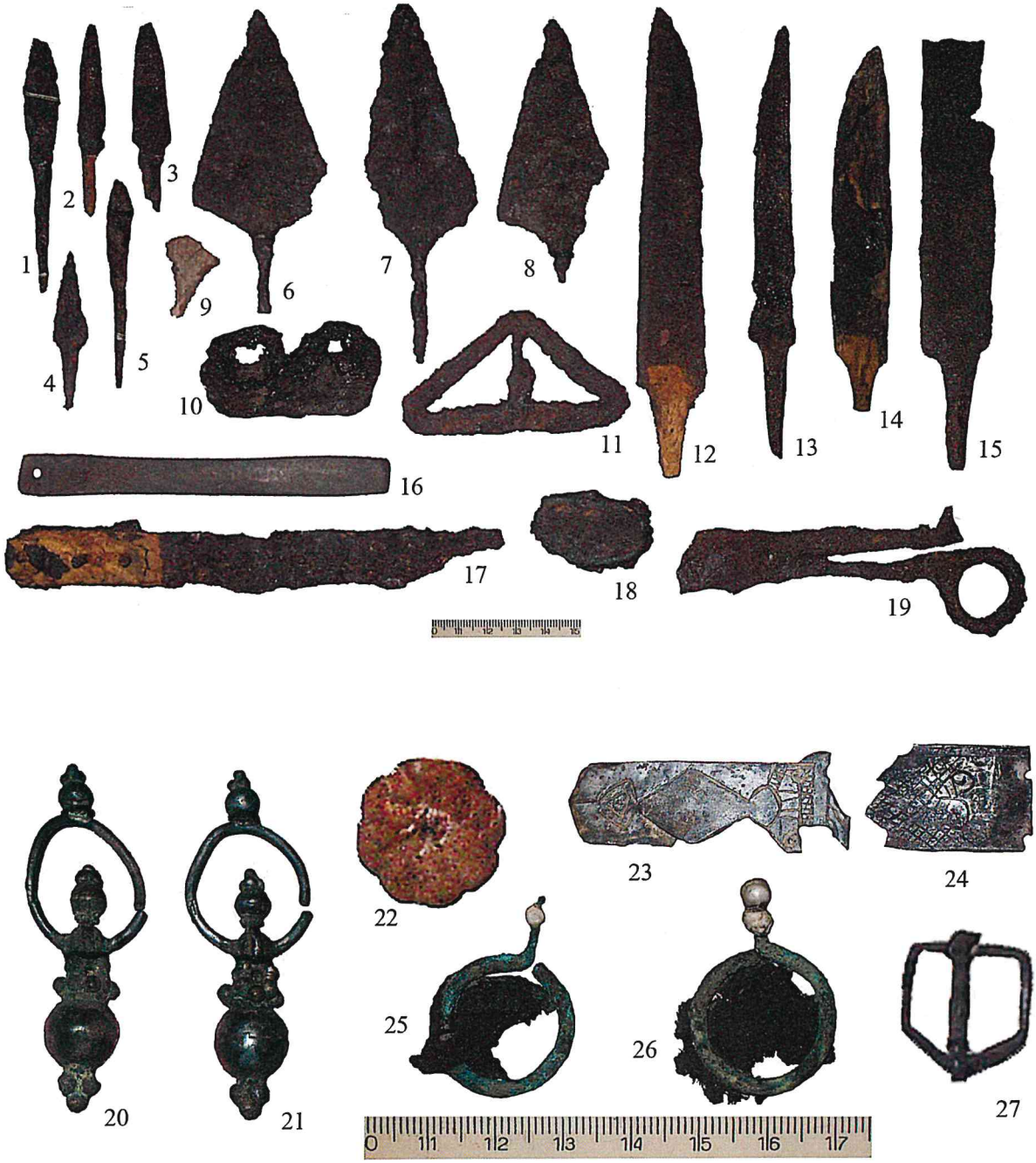
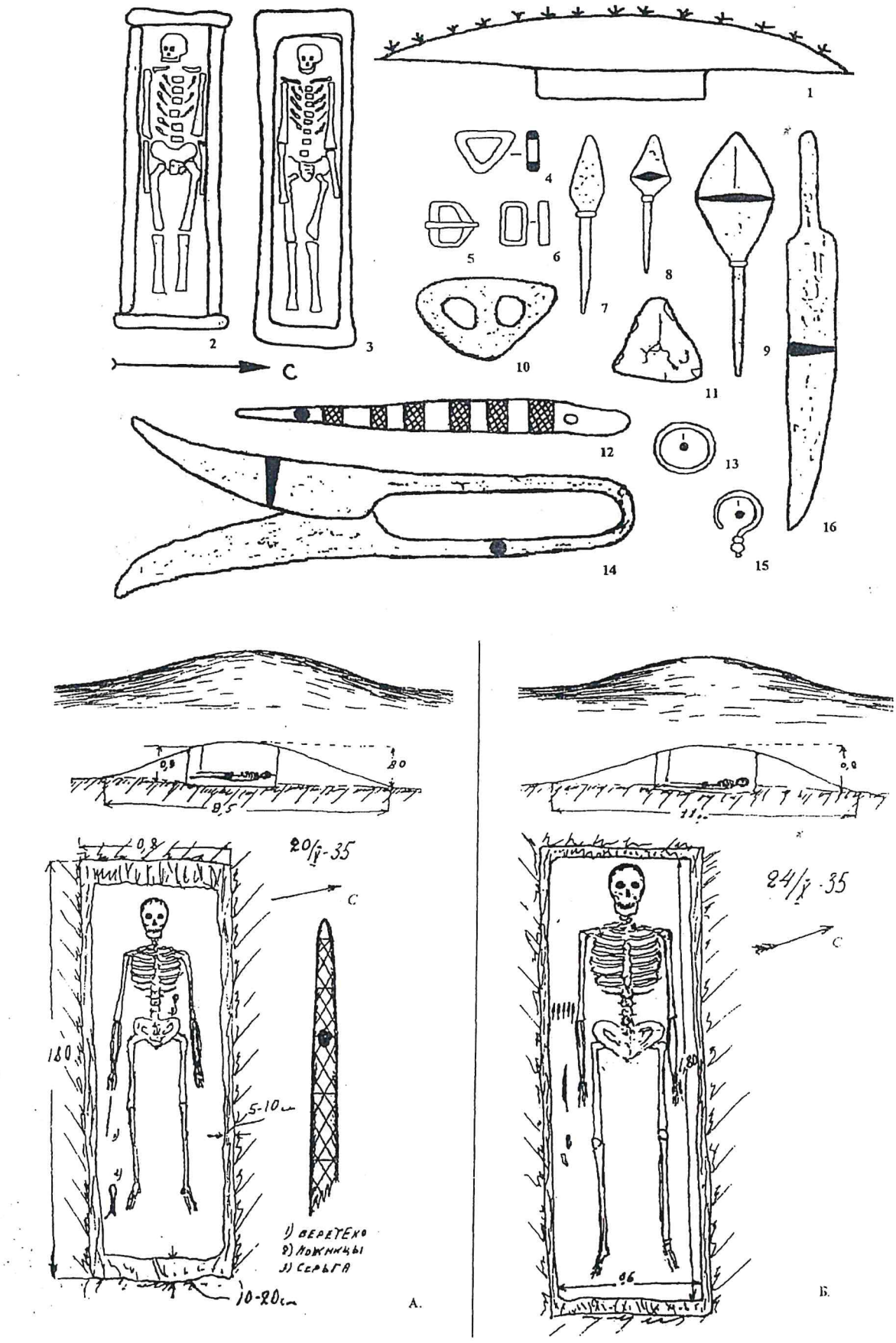

Рис. 97. Инвентарь из курганов могильника Против Третьей Балки (раскопки Д.Я. Самоквасова)

. Курганы, раскопанные в окрестностях Пятигорска 20.05 и 24.10. 1935.

Рис. 98 (по: Фоменко В.А., 2002. Рис. 6)

Рис. 99. Кабардинские курганные могильники

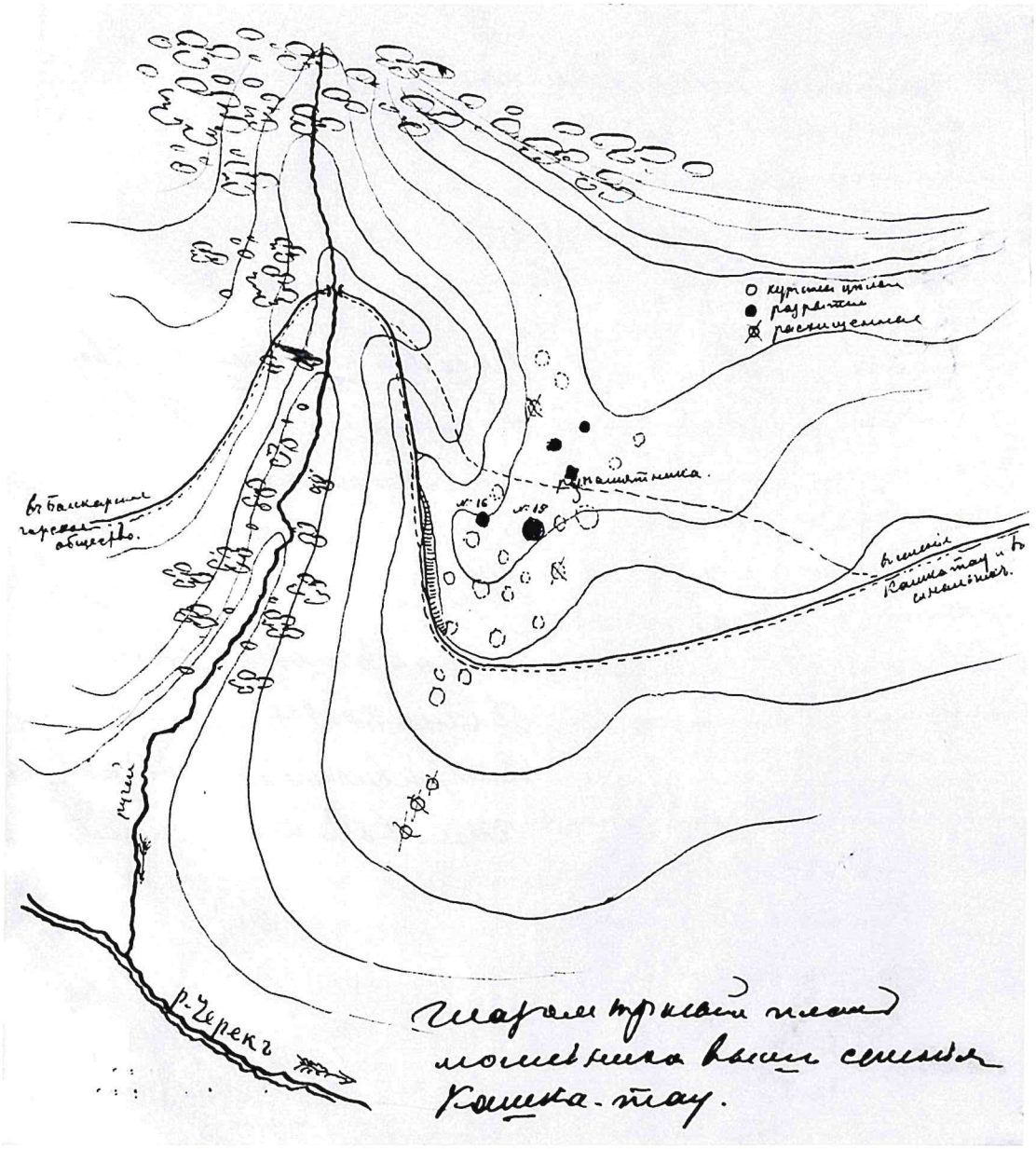

Рис. 100

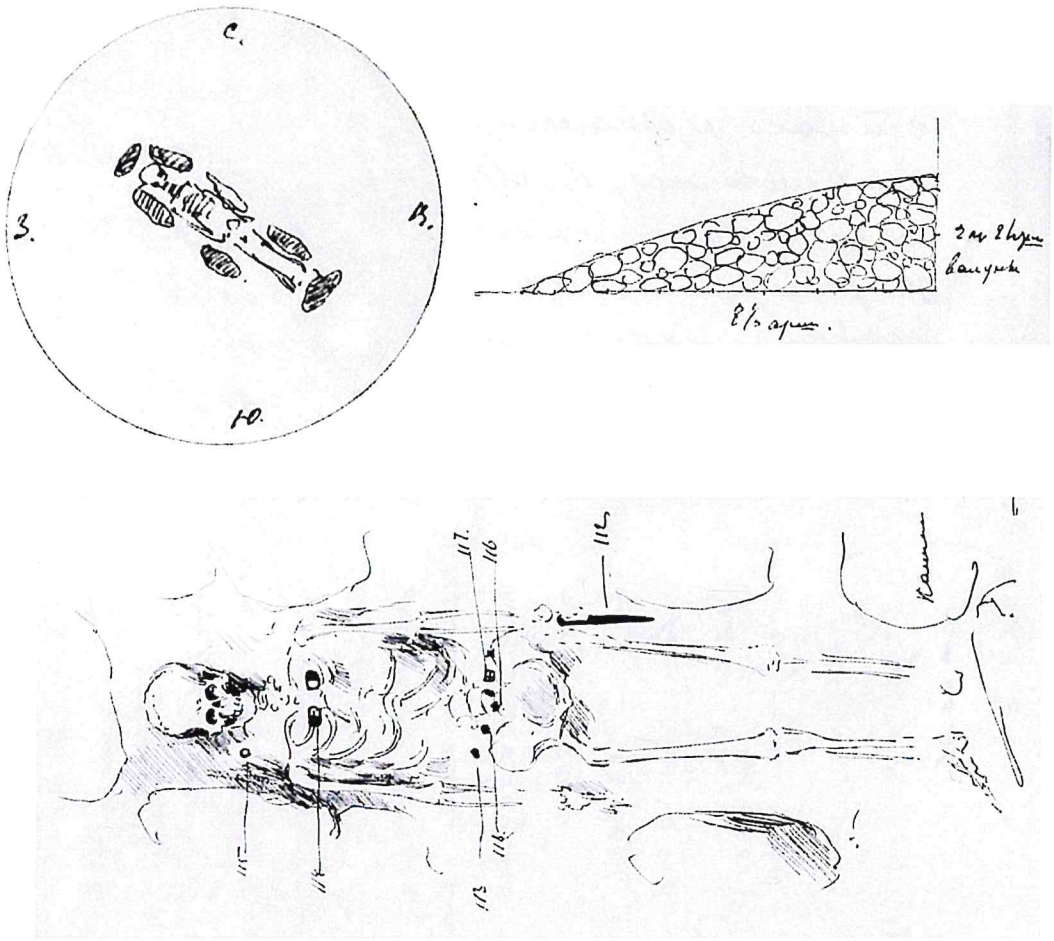

Рис.101.Могильник близ аула Кашхатау, курган №15: 1 - план кургана (схема), 2 - профиль кургана (схема), 3 - план погребения, 4 - находки из погребения. (По: Дело №110/1902. Л. 69, 84)

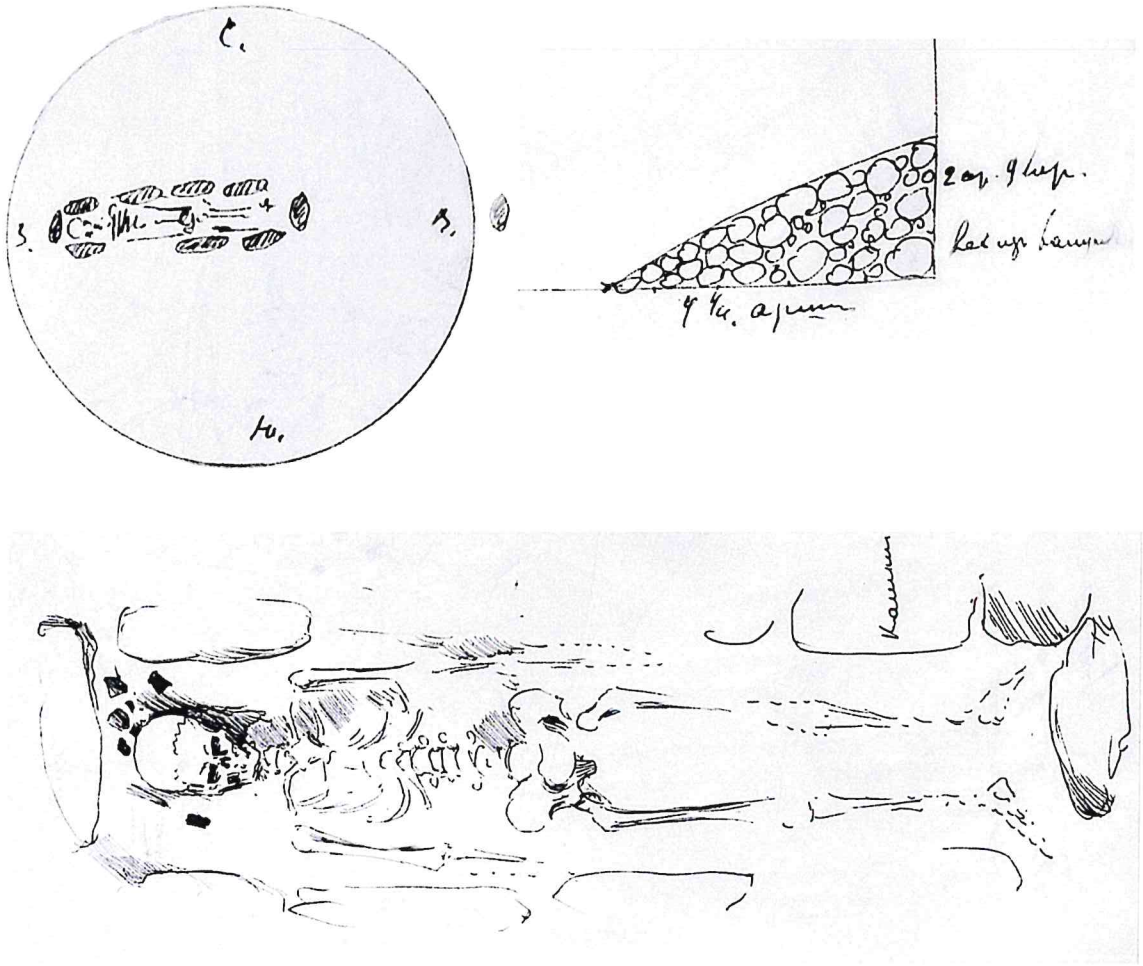

Рис. 102. Могильник близ аула Кашхатау, курган №16: 1 - план кургана (схема), 2 - профиль кургана (схема), 3 - план погребения.
(По: Дело №110/1902. Л. 71, 72).

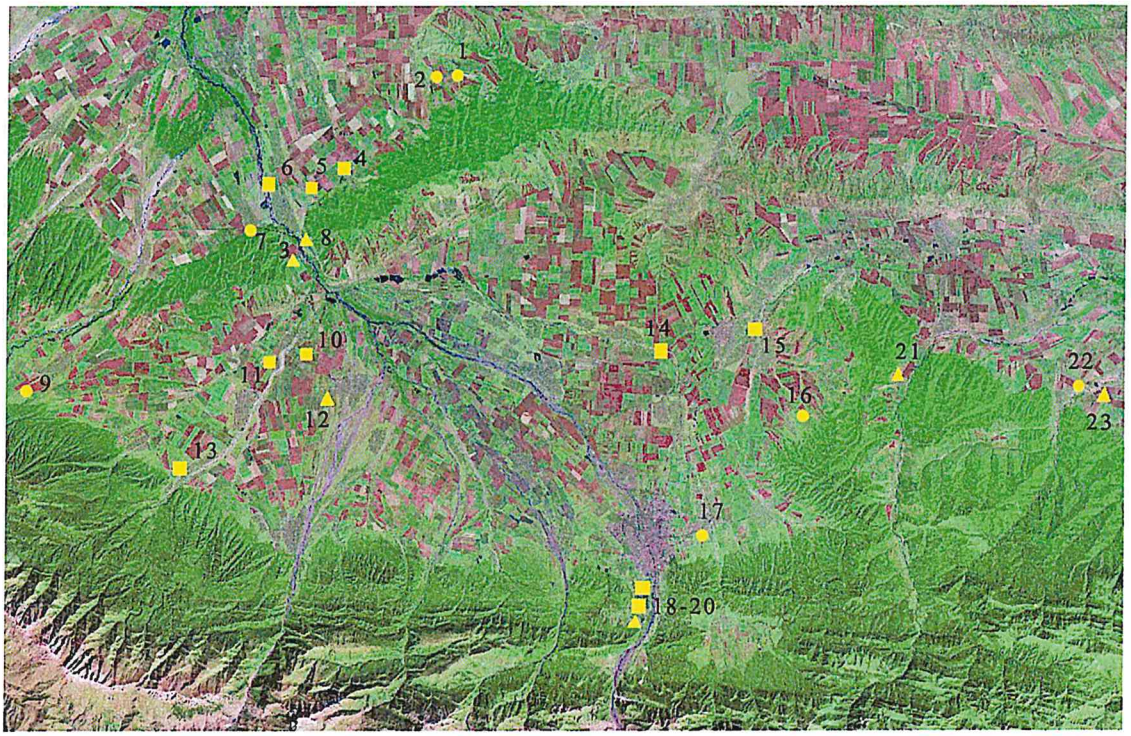

Рис. 103. **Малокабардинские курганные могильники:** 1 - Ислам, 2 - Кескем, 3 - Глубокая балка, 4 - Комсомольский I, 5 - К СВ от Эльхотово, 6 - Эльхотово, 7 - Змейская, 8 - Змейская-1, 9 - Чикола, 10 - Николаевская, 11 - Христианское, 12 - Ардон, 13 - Кора-Урсдон, 14 - Кантышево, 15 - Назрань, 16 - Али-Юрт, 17 - Октябрьский, 18 - К Ю от Владикавказа, 19 - У Лысой горы, 20 - 5 верст к Ю от Владикавказа, 21 - Алхасте, 22 - Бамут, 23 - Ачхой Мартан.

▲ Курганы I группы

■ Курганы II группы

● Курганы III группы